Э. Е. ЗАЙДЕНШНУР

«Война и мир» Л. Н. Толстого

Создание великой книги

Э. Е. ЗАЙДЕНШНУР

«Война и мир» Л. Н. Толстого

Создание великой книги

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»
МОСКВА 1966

8Р1.3
З-17

7-2-2; 6-10
231-65 («Сов. Россия»)

ВОЙНА и МИРЪ.

[illegible]

Графа Л. Н. Толстого

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

[illegible]

Памяти моего племянника и юного друга
Валентина Хороша,
погибшего в Великой Отечественной войне

ЗАМЫСЕЛ И ЛЕГЕНДА О НЕМ

В 1863 году Толстой начал писать «книгу о прошедшем», о «славной для России эпохе 1812 года» [1]. Именно в шестидесятые годы, когда вопрос о роли народных масс в истории встал с особой остротой, мог возникнуть замысел «Войны и мира», произведения о прошлом России, и в то же время политически злободневного, раскрывающего роль народа как творца национальной истории и роль личности в историческом процессе.

Трудно понять, как могла возникнуть легенда, искажающая идейную суть первоначального замысла. Более сорока лет назад было высказано предположение, что Толстой в шестидесятые годы задумал семейную хронику, а замысел исторической части возник лишь после того, как определился сюжет «мира». С того времени все исследователи «Войны и мира» приняли на веру эту точку зрения. Переходя из книги в книгу, предположение превратилось в якобы бесспорный факт.

Создалась стройная концепция: Толстой задумал историко-бытовой роман или своего рода семейную хронику двух дворянских родов, Болконских и Ростовых, и внимание художника сосредоточивалось на изображении картин дворянского быта. Историко-философская тема в ранней редакции произведения была едва намечена, а исторические лица играли второстепенную роль. Из таких предпосылок следовало, что якобы в первый период работы над романом в мировоззрении Толстого «выступают на первый план аристократические тенденции» и что не только первоначальные наброски, но даже законченная ранняя редакция романа, по которой жизнь дворянских семейств кончается благополучно и счастливо, отмечена «чертами дворянского сословного романа с ярко выраженной дворянской идеологией».

В первоначальных рукописях обнаруживали даже «реакционную концепцию» Толстого; утверждали, что лишь после того, как в 1865 году

Толстой «углубился в создание «Войны и мира», в изучение памятников и источников по 1812 году, объективно и глубоко проанализировал их, он пришел к диаметрально противоположному выводу. Писатель как бы вспомнил про ту, на время позабытую (!) идейную направленность в сторону народа, которой пронизана вся его предыдущая деятельность, и уже без всяких колебаний навсегда отказался от временно захвативших его антидемократических взглядов» [2].

Некоторые исследователи относят перелом в работе над романом к еще более позднему времени,— только в 1867 году, по их наблюдениям, «вполне определяются писателем оценка и освещение исторических лиц и событий, а главное, роль народа в историческом процессе». Все эти глубокие изменения во взглядах якобы привели его «к идейному переосмыслению всего ранее написанного». Только к этому времени первоначальный замысел претерпел коренные изменения, и центр внимания художника был перенесен с истории дворянских семейств на историю народа [3].

Не разрушилась легенда даже после того, как были опубликованы все ранние рукописи «Войны и мира». Толстой сам рассказал историю замысла своего романа, к которому его привела начатая в 1860 году повесть о декабристе. Для того, чтобы понять своего героя, писателю необходимо было «перенестись к его молодости», а молодость его совпала с эпохой торжества России в борьбе с бонапартовской Францией, с 1812 годом. Эпоха эта, вне зависимости от первоначального замысла, глубоко заинтересовала Толстого. Стал созревать план «истории из 12-го года», произведения «с величественным, глубоким и всесторонним содержанием», в котором должны участвовать «значительные лица 12-го года». Автор испытывал, по его собственному признанию, настоятельную потребность вложить в это произведение все, что он знал и чувствовал из того времени, и осветить те стороны жизни, которые он считал важными. В одном из первых набросков Толстой поведал о тех трудностях, которые вставали перед ним. Он бесчисленное количество раз начинал и бросал писать, временами отчаивался в возможности выразить словами все то, что ему хотелось и нужно высказать. Затрудняла «необходимость выдумкой связывать те образы, картины и мысли, которые сами собою родились» у него. Несообразными с задуманным содержанием казались «простой, пошлый, литературный язык и литературные приемы романа»; возникала боязнь, что «писанье не подойдет ни под какую форму ни романа, ни повести, ни поэмы, ни истории» [4].

И все-таки продолжали повторять выдумку о семейной хронике; закрепившуюся в литературоведении схему старались наполнить различными фактами из истории создания романа и, главное, собственными

высказываниями Толстого об его работе, не пытаясь сопоставить по времени ни факты, ни авторские свидетельства, а напротив, неосмотрительно пользуясь для утверждения легенды ошибочно датированными документами [5], и тем самым все более спутывая и искажая факты.

Причиной таких грубо ошибочных выводов было то, что исследователи мало обращались к самому главному источнику — к рукописям романа. Нет сомнений, что письма и дневники писателя, а также достоверные мемуары — ценный первоисточник при изучении творческой истории произведения. Известно, как много важных сведений о работе над «Войной и миром» содержится в письмах Толстого и в его немногочисленных за этот период дневниковых записях. Однако, несмотря на огромную значимость этих документов, ограничиваться ими нельзя, если мы обладаем огромным собранием подлинных рукописей романа. Это неоценимый первоисточник. Именно в рукописях отражены все этапы работы писателя, запечатлены творческие искания его. Без последовательного анализа рукописей историю произведения узнать нельзя.

Задача настоящей работы — проследить по мере возможности от первого наброска до завершенного романа, как замысел «истории из 12-го года» перерастал в историческую эпопею, охватившую пятнадцать лет жизни России; как расширялось содержание и вместе с ним мысль романа; как создавались художественные картины и образы; доказать, что это был путь не от дворянского семейного романа к героической эпопее, но путь постепенного создания произведения с «величественным, глубоким и всесторонним содержанием» об Отечественной войне 1812 года. С самого начала это историческое произведение было современным по остроте поставленных в нем проблем. Толстой по-своему поставил их и по-своему ответил на них гениальной эпопеей «Война и мир», над которой он работал семь лет «с мучительным и радостным упорством и волнением», открывая шаг за шагом то, что он считал истиной [6].

* * *

Интерес Толстого к истории проявился на много лет раньше замысла исторического произведения. Еще в 1852 году он говорил о том, что начинает «любить историю и понимать ее пользу» и что с некоторых пор он «полюбил исторические книги» [7]. Тогда Толстой «не без удовольствия» читал «Историю Англии» Юма, «Описание Отечественной войны 1812 года» Михайловского-Данилевского и его же «Описание войны 1813 года» [8]. Под впечатлением последней книги Толстой за десять лет до начала работы над «Войной и миром» записал в дневнике: «Читал Историю войны 13 года. Только лентяй или ни на что не

способный человек может говорить, что не нашел занятия.— Составить истинную правдивую Историю Европы нынешнего века. Вот цель на всю жизнь.— Есть мало эпох в истории столь поучительных, как эта, и столь мало обсуженных — обсуженных беспристрастно и верно, так, как мы обсуживаем теперь историю Египта и Рима. Богатство, свежесть источников и беспристрастие историческое, невиданное — совершенство» [9].

Исторические книги, видимо, увлекли Толстого, и он продолжал одну за другой читать их. «Историю крестовых походов» французского историка Мишо Толстой читал в сентябре и октябре 1852 года. Спустя год, в октябре 1853 года он познакомился с большой рецензией А. П. Карцева на книгу Д. А. Милютина «История войны России с Францией в царствование Павла I в 1799 году», вышедшей в пяти томах в 1852 году (т. I написан А. И. Михайловским-Данилевским), и делал выписки из нее. Тогда же он отмечал в дневнике заинтересовавшие его подробности из книги Я. И. Костенецкого об Аварской экспедиции.

В дневниковой записи Толстого от 26 октября 1853 года говорится о кампании 1805 года. Быть может, Толстой читал в это время книгу Михайловского-Данилевского об этой кампании. 18 ноября он начал читать «Историю Государства Российского» Карамзина. Ему понравился слог этой книги, а предисловие, в котором Карамзин высказал свой взгляд на историю и ее задачи, вызвало «пропасть хороших мыслей».

В течение месяца читал Толстой «Историю» Карамзина. В дневнике запись: «Окончив Историю России, я намерен пересмотреть ее снова и выписать замечательнейшие события». Из этого можно заключить, насколько велик был в то время интерес Толстого к истории России.

Неизвестно, просматривал ли Толстой снова «Историю» Карамзина, чтение которой закончил 16 декабря. На следующий день он приступил к чтению «Русской истории» Н. Г. Устрялова и делал также выписки из нее [10]. Кроме выписок из книг, Толстой излагал в дневнике свои мысли «о *сочинении* истории»,— так он озаглавливал их.

«Каждый исторический факт необходимо объяснять человечески и избегать рутинных исторических выражений»,— записал Толстой 17 декабря и тут же прибавил: «Эпиграф к Истории я бы написал: «Ничего не утаю». Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно — умалчивая».

Выписки из «Русской истории» продолжаются до 23 декабря 1853 года и затем, после небольшого перерыва, в первые дни января 1854 года, опять появляются в дневнике различные исторические записи. Тогда же Толстой записал в дневнике правило: «Вписывать в дневник только мысли, сведения или примечания, относящиеся до предполагаемых работ» [11]. Со следующего же дня, наряду с заметками к художествен-

ным произведениям, над которыми Толстой в то время работал, появляются записи на исторические темы. По характеру записей можно предположить, что возникшая у Толстого мысль об «истинной правдивой истории Европы нынешнего века» увлекла его, и непрерывное чтение исторических книг в течение полутора лет, возможно, было подготовительной работой к «сочинению истории». В те годы Толстой создавал «Роман русского помещика», рассказы «Набег», «Записки маркера», «Рубку леса», работал над «Отрочеством», над «Казаками». Замысел «сочинения истории» остался неосуществленным. Однако размышления Толстого, прежде всего о наполеоновских войнах, получили отзвук в творчестве этих лет: в рассказе «Набег», особенно в черновой редакции, а также в черновой редакции «Отрочества», где Николенька Иртеньев, выслушав рассказ Карла Иваныча об его участии в наполеоновских войнах, признается, что одно обстоятельство этой войны особенно живо поразило его и внушило ему «страшное отвращение к жестокому Наполеону за его несправедливое обращение с немцами вообще и с Карлом Иванычем в особенности».

С размышлениями об истории мы встречаемся вновь в педагогических статьях Толстого. Он высказывал свое понимание предмета истории, доказывал, что «преподавание истории народов и государств невозможно для детей», и разъяснял, почему. «В истории ближайшая и основная частность есть человек, похожий на меня. Из нескольких таких частностей только со временем учащийся выведет понятие о народе, государстве. А как много нужно таких частностей, составляющих частность государства, чтобы учащийся понял движение народов, государств». Так писал Толстой 5 марта 1860 года. Уроки истории в Яснополянской школе убедили Толстого в его правоте, и он утверждал, что в начальной школе возможно и нужно лишь возбудить «интерес знать про то, как живет, жило, слагалось и развивалось человечество в различных государствах, интерес к познанию тех законов, которыми вечно двигается человечество». А для развития «исторического интереса» существуют, по мнению Толстого, «два элемента: художественное чувство поэзии и патриотизм».

Еще до того, как возник замысел исторического романа, Толстому довелось на уроке в Яснополянской школе рассказывать «историю 12 года». Учитель «начал с Александра I, рассказал о французской революции, об успехах Наполеона, о завладении им властью и о войне, окончившейся Тильзитским миром». Рассказ перешел к Отечественной войне 1812 года и был доведен до вступления русских в Париж. Хотя Толстой сам признавался, что рассказы он вел «в почти сказочном тоне, большей частью исторически неверно», и что рассказ о 1812 годе — не история, а только сказка, «возбуждающая народное чув-

ство», тем не менее к этой сказке он вполне мог бы поставить свой эпиграф: «Ничего не утаю». Он не утаивал того, что огорчало его маленьких слушателей, говорил и о неудачах и о победах. Толстовский урок истории не был бесстрастным изложением исторических событий,— то был художественный рассказ, имевший у детей большой успех. Это была «сказка», которая «совершенно по-русски» (как заметил присутствовавший на уроке учитель немец) изображала Отечественную войну. Учитель заражал своим чувством учеников.

Когда «не покорился» Александр, «т. е. объявил войну, все выразили одобрение. Когда Наполеон с двенадцатью языками пошел на нас, взбунтовал немцев, Польшу,— все замерли от волнения. Отступление наших войск мучило слушателей... Как пришел Наполеон в Москву и ждал ключей и поклонов,— все загрохотало от сознания непокоримости». Когда слушали, как Кутузов «погнал» врага из пределов родины и «пошел бить» его, «вся комната застонала от гордого восторга». Потом все гордились, как «мы погнали француза», потом «немножко мы пожалели даже мерзлых французов». Заключением рассказа было то, как «проводили Наполеона до Парижа, посадили настоящего короля, торжествовали, пировали». Воспоминание о Крымской войне испортило, по словам Толстого, все дело, однако оно не ослабило в маленьких слушателях «сознания непокоримости». «Попался бы нам теперь Шевардинский редут или Малахов курган, мы бы его отбили». В состоянии такого подъема расстался учитель с детьми.

В том же году в Ясной Поляне Толстой устроил в своем кабинете домашний спектакль. Изображалась русско-французская война. Исполнителями были те самые ученики. «Одни из нас были наряжены русскими солдатами, а другие французскими,— вспоминали впоследствии участники спектакля.— Из сахарной бумаги сделали мы себе кивера и кепки. За дверьми палили из настоящих ружей, а на виду мы стояли друг против друга и наставляли палками. Французы падали, а русские кричали: Ура-а-а!» Это происходило в Ясной Поляне в пятидесятилетие Отечественной войны [12]. Вскоре все думы, все творческие силы писателя были направлены на будущий роман «Война и мир».

1 октября 1862 года Толстой писал своей свояченице Е. А. Берс, что его «так и тянет теперь к свободной работе de longue haleine — роман или тому подобное». До конца года он был занят «Казаками» и «Поликушкой», и только в последние дни декабря стали появляться записи, говорящие о растущем внутреннем подъеме Толстого. «Пропасть мыслей, так и хочется писать»,— отмечает он 30 декабря 1862 года. «Эпический род мне становится один естественен»,— пишет он спустя неделю (3 января 1863 г.). «Давно я не помню в себе такого сильного желания и спокойно-самоуверенного желания писать. Сюже-

тов нет, т. е. никакой не просится особо, но, заблужденье или нет, кажется, что всякий сумел бы сделать». Далее Толстой пишет о темах и образах, которые приходят ему «с разных сторон», но среди них нет еще ничего, относящегося к тому произведению, которое в ближайшее время полностью захватит его.

Через месяц Толстой отметил: «Начал писать. Не то». Возможно, эта запись относилась к «Холстомеру». И далее в тот же день он записал в дневнике: «Перебирал бумаги — рой мыслей и возвращение или попытка возвращения к лиризму. Он хорош. Не могу писать — кажется — без заданной мысли и увлеченья». Через два дня после этой записи С. А. Толстая сообщает сестре: «Лева начал новый роман». Через несколько дней Толстой сам сообщает своей сестре, что он пишет роман. Вернее всего, что работа эта была уже связана с будущим романом «Война и мир», хотя никаких точных данных еще нет. В августе — сентябре Толстой пишет жене: «Я проснулся в 4 в очень раздраженном и хорошем состоянии. Очень хочется писать, и знаю, что».

Наконец, в письме А. Е. Берса к Толстому от 5 сентября 1863 года появляется первое точное свидетельство о будущем романе: «Вчера мы много говорили о 1812 годе по случаю намерения твоего написать роман, относящийся к этой эпохе»,— сообщал Толстому А. Е. Берс. В октябре 1863 года Толстой признавался: «Я никогда не чувствовал свои умственные и даже все нравственные силы столько свободными и столько способными к работе. И работа эта есть у меня. Работа эта — роман из времени 1810 и 20-х годов, который занимает меня вполне с осени... Я теперь писатель *всеми* силами своей души, и пишу и обдумываю, как я еще никогда не писал и не обдумывал». А 28 октября С. А. Толстая отметила в дневнике, что Толстой пишет «Историю 1812 года» [13].

ТРУДНЫЕ ПОИСКИ

Всегда страшно начинать, когда дорожишь мыслью, как бы ее не испортить, не захватать дурным началом.

Л. Толстой

1863 год — первый из тех семи лет «непрестанного и исключительного труда», которые Толстой положил на создание романа «Война и мир». В первый год Толстой изучал исторические сочинения, разыскивал материалы, освещающие общественно-политические интересы людей той эпохи, знакомился с мемуарами и письмами, рассказывающими о быте и нравах тех людей. Все это помогало художнику почувствовать дух времени, ощутить «звук и запах» эпохи, проникнуться сознанием людей, которых ему предстояло изображать.

«В 11 году у старого князя Волхонского гостил молодой Зубцов». Этой тотчас же зачеркнутой фразой началось писание романа. Вслед за ней писались и один за другим отбрасывались варианты начала романа. Их сохранилось пятнадцать. Наброски невелики по объему, но они многое рассказывают о замысле автора, о том, на что было устремлено его внимание, чего он добивался.

В набросках начала отражено, как постепенно раздвигались хронологические границы действия. В первых четырех начало действия — 1811 год, причем в третьем дата уточнена: 1811 год, то самое время, «когда в Петербурге было получено письмо Наполеона I к Александру I и Коленкур был заменен Лористоном». Во вступлении к четвертому наброску был дан обзор исторических событий за время «между Тильзитом и пожаром Москвы», т. е. 1807—1812 годы. В следующих двух само действие начинается в 1808 году. Наконец, в седьмом варианте сделан решительный отход вглубь истории — к ноябрю 1805 года, дням подготовки к Аустерлицкому сражению. Год 1805 закрепился. Однако Толстой предолжал отодвигать начало действия. В девятом — двенадцатом вариантах оно приурочено к лету 1805 года, к тому времени, «когда только объявлялась Россией первая война еще неприз-

нанному тогда императором Наполеону», причем во вступлении дан обзор событий, начиная с августа 1804 года, момента разрыва сношений России с Францией. В последних трех вариантах действие отнесено к началу 1805 года, когда «первая европейская коалиция против Буонапарта была уже составлена». Вступление к тринадцатому варианту охватывает исторический период «между французской большой революцией и пожаром Москвы».

Каждый новый набросок начала становился своеобразным прологом к предыдущему.

Вдумываясь в эти первоначальные наброски, видишь, как Толстой искал завязку многопланового произведения, каким оно уже с самого начала представлялось ему. Надо было с первых строк обрисовать военно-политическую обстановку в стране к началу действия и одновременно познакомить читателей с «полувымышленными» действующими лицами в их бытовой обстановке, т. е. создать ту, по выражению Толстого, «выдумку», которая связывает исторические события в художественном произведении.

Толстой колебался. Он начинал непосредственно с действия, с собрания людей одного круга, но разных политических убеждений, разных характеров и положения в обществе. Среди собравшихся возникают споры на злободневные политические темы. Таким путем с первых страниц одновременно начиналось знакомство с героями произведения, а через их беседы и споры и с общественно-политической атмосферой того времени. Так построены десять набросков. В четырех (4, 10, 13 и 14) действие открывается такой же сценой, но ей предшествует вступление с авторским обзором эпохи. И, наконец, в одном (седьмом) в отличие от всех, произведение должно было открыться сценой в Ольмюцком лагере накануне Аустерлицкого сражения.

Четыре развернутых вступления, написанные в первый год создания романа, имеют принципиальное значение. В них высказалось идейное направление, определившееся с первых дней работы над историческим романом. Первое вступление написано не позднее осени 1863 года. В нем дана картина общественно-политической обстановки в России и Европе, главным образом во Франции, за пять лет (1807—1811) между Тильзитом и началом войны 1812 года. Со злой иронией говорит Толстой о преклонении перед Наполеоном, которое воцарилось в высших светских кругах России после Тильзитского мира; почти сатирически рисуется личность французского императора и его стремление к господству над европейскими государствами. Толстой характеризует эти годы как «время, когда карта Европы перерисовывалась разными красками каждые две недели», когда Наполеон «уже убедился, что не нужно ума, постоянства и последовательности для успеха»

и, не обдумывая, «делал то, что ему первое приходило в голову, подстраивая под каждый поступок систему и называя сам каждый свой поступок великим». Кроме прихотей, не было никакого смысла в его поступках, но «он верил в себя и весь мир верил в него». Не щадя и Александра I, писатель разъясняет конфликт, приведший к войне. В наполеоновскую «черту на карте» попали владения родственника русского императора, принца Ольденбургского, и он «вступился» за них. «Начались протесты, споры, переписка». Уже здесь ярко проступает отношение Толстого к государственным деятелям той эпохи, которую он готовился изображать.

Следующее вступление писалось тогда, когда начало действия в романе отодвинулось к первой войне России с Францией. Изменился и исторический период, охваченный во вступлении. «Сношения России с Францией были разорваны в 1804 году смелой и решительной нотой, поданной при отъезде из Парижа нашим поверенным в делах д'Убрилем вскоре после убийства герцога Енгиенского». Так начато вступление. Затем приведен полный текст обширной ноты от 28 августа 1804 года. В том же сатирически обличительном тоне, как и в предыдущем вступлении, представлена деятельность Наполеона, который не обращал никакого внимания на «строгие замечания», сделанные ему господином д'Убрилем. С тонкой иронией дана вслед за тем картина начала царствования Александра I, с его замыслами, преобразованиями и происходившей вокруг него борьбой старого и нового. «Дать конституцию России, освободить крестьян, дать свободу слова и печати были мысли — дети революции, исполнение которых казалось легко и просто молодому и восприимчивому императору». Как в первом вступлении Толстой, сохраняя внешне спокойный повествовательный тон, рассказывал о том, что Наполеон «вздумал» сделать Средиземное море французским озером, так теперь он сообщает, что «сделать Черное море русским озером и восстановить величие греческого храма Софии, остановить завоевания Бонапарта и восстановить законное правительство у французов казалось для внука Екатерины только исполнением завещания славной бабки».

В третьем вступлении (оно писалось весной 1864 года) границы исторического периода раздвинуты: «Время между французской большой революцией и пожаром Москвы». Вступление состоит из двух частей: в первой — обзор «первых годов царствования Александра в России и первых годов могущества Наполеона во Франции»; во второй — поставлен вопрос о роли государственных деятелей в историческом процессе. В нескольких неизменно сатирических строках представлена завоевательная политика Наполеона и почти в карикатурном виде нарисован сам завоеватель, этот «маленький человечек в сереньком сюртучке и круглой шляпе, с орлиным носом, коротенькими ножками, маленькими белыми ручками и умными глазами». Отношение Толстого к «могуществу» завоевателя дополнено замечанием, что этот «человечек» старался «раздуваться в сообразное по его понятиям величия положение».

Покончив с Наполеоном, Толстой перешел к «молодому, любезному, красивому монарху» России, который «решил устроить судьбы Европы», но одновременно помнил, что после несомненной победы над Буонапарте «купленные имения эмигрантов останутся в руках владельцев». Деятельность обоих императоров — Наполеона, который «представлялся чем-то непонятным, то страшным, как антихрист, то смешным и гадким, как мещанин в дворянстве, то великим, как герои древности», и Александра I, который «горел одним желанием славы для себя и своего народа»,— Толстой сравнил с поведением ребенка, который, держась с позволения кучера за вожжи, воображает, что он правит «лихой и могучей тройкой». Этим образным сравнением Толстой воспользуется, когда будет заканчивать «Войну и мир», но только Наполеон будет держаться не за вожжи, а «за тесемочки, привязанные внутри кареты» [1]. Во второй части вступления — полемика с официальными историками: они, записывая в свою летопись только события, отразившиеся в официальных документах, воображают, что пишут «историю человеков». В заключение Толстой заявил, что героями его произведения будут не государственные люди, как Наполеон, Александр, Кутузов и Талейран, не те приближенные к ним, которые стремились «найти лишние рубли, кресты и чины», а обыкновенные люди, не замеченные историками. Они-то — в этом Толстой убежден — оставляют в истории глубокие следы. Так на раннем этапе работы был сформулирован основной тезис Толстого: содержание истории —«история человеков», а не царей и генералов.

Ни одно из вступлений не удержалось. Толстой решил раскрыть эпоху в самом действии без предварительного публицистического введения, а историко-философские рассуждения автора войдут с самого начала в образную ткань повествования.

* * *

Поиски выдумки, которой предстояло связывать исторические события, были трудны и длительны. Как отмечено ранее, во всех вариантах начала действие открывается светскими беседами и спорами вокруг злободневных политических вопросов. Местом действия намечались то Лысые Горы — имение старого князя Волконского, то Петербург — бал екатерининского вельможи, то Москва — дом графа Про-

стого (имя это менялось: графа Плохого, Толстого и, наконец, Ростова), то опять Петербург, званый обед в доме молодого князя Андрея Волконского, то, наконец, салон Annette D., фрейлины императрицы Марии Федоровны. Где бы ни собирались героини и герои будущего романа, они обязательно начинали обсуждать создавшуюся в Европе политическую обстановку. Темы бесед менялись в зависимости от времени действия.

Замысел начать действие в имении князя Волконского отражен в первой фразе о молодом Зубцове, гостившем в 1811 году у старого князя Волконского. Связывая эту фразу с последовавшими *за нею* набросками, можно допустить, что молодой Зубцов должен был выполнять роль, впоследствии переданную князю Андрею.

Новый набросок озаглавлен «Три поры» и далее: «Часть I. 1812 год». В данный период, как явствует из заглавия, сохранялось еще намерение не ограничиться «историей из 12-го года». 1812 год — это первая «пора». Следующие две: 1825 год — восстание декабристов, и 1856 год — возвращение их из ссылки, т. е. то именно событие, которому посвящена начатая повесть о декабристе. Пока создается первая часть. Она начинается характеристикой старого князя, жившего в 1811 году в Лысых Горах с дочерью и ее компаньонкой француженкой [2]. Упоминаний о сыне еще не было. В таком виде краткий набросок отложен.

В следующем, третьем наброске появилась совершенно новая завязка — придворный бал. Написана только первая сцена перед «известным всему городу домом вельможи» на Английской набережной в Петербурге. Ждут приезда на бал императора. Действие опять не развернулось.

Четвертый вариант открылся историческим вступлением, где обзор событий доведен до назревающего конфликта между Россией и Францией в 1811 году, и приведен текст писем, которыми обменялись *в это время два императора*. Само действие в этом четвертом варианте открывается балом у екатерининского вельможи, и в этот именно вечер писался ответ на письмо Наполеона. «На бале должен был быть дипломатический корпус, сам Лористон и государь», который был озабочен. Причину же озабоченности его знали только те немногие, которые были призваны к составлению ответа Наполеону. На бале присутствуют князь Куракин, только что вернувшийся от государя и знавший об его тревогах, *сыновья князя Куракина*, которых после того, «как начались недружелюбные переговоры между петербургским и тюльерийским дворами», князь вызвал обратно в Россию из Парижа. Особенное внимание обратили на себя на бале: «ротмистр граф Зубцов, приехавший из турецкой армии и ныне произведенный

в флигель-адъютанты» (это тот самый Зубцов, который был упомянут в первой фразе романа); «урожденная Княжнина, фрейлина, известная *своей красотой, только* что вышедшая за молодого князя Кушнева, одного из самых богатых людей России, числившегося при дворе, но нигде не служившего, потом известный повеса меньшой князь Куракин» и «мало известная дама, жена свитского офицера поручика Берга».

Все эти лица должны были, естественно, занять значительное место в произведении и напоминают некоторых из героев «Войны и мира». Граф Зубцов и князь Кушнев — друзья. Они обрадованы неожиданной встречей, и Кушнев немедленно начинает разговор о Наполеоне, которого «здесь называют императором Наполеоном», но Кушнев его не признает. На фоне преклонения перед всем французским резкие слова о Наполеоне сразу выделяют Кушнева из светской среды самостоятельностью суждений. Чтобы сильнее подчеркнуть это, Толстой заставил ротмистра Зубцова, «шутя, как будто испугавшись» слов своего друга, указать ему на проходившего недалеко французского посланника Лористона. Упомянут еще среди гостей «старичок» Волконский, с которым князь Кушнев вступил в ожесточенный спор о Наполеоне.

С достаточной долей вероятности можно допустить, что на этом этапе работы Толстой задумал передать сыну князя Волконского роль, предназначавшуюся молодому графу Борису Зубцову. Толстой вернулся к отложенному наброску «Три поры», ввел в семью Болконских сына, князя Андрея, и сообщил, что отец его знать не хотел, так как он «женился бог знает на ком». Далее описан уклад жизни Болконских, кратко рассказано о княжне Марье и ее компаньонке m-lle Silienne. Действие доведено до момента, когда в Лысых Горах ожидают приезда князя Андрея,— отец разрешил ему перед кампанией приехать проститься. Беременная жена князя Андрея уже находилась в Лысых Горах.

Заметки на полях рукописей вводят в круг авторских исканий. В анализируемом наброске записи о Наполеоне и о пребывании французов в Москве подтверждают, что тема войны входила в план на самом раннем этапе работы.

Набросок пока опять отложен. В пятом — действие начинается *в 1808 году в доме графа Простого в Москве в день именин жены и дочери.* Появляется заглавие к первым главам: «Именины у графа Простого в Москве в 1808 году». Первым вступает в действие «споривший юноша Léon». «Да никто вам не говорил, что я считаю Бонапарта хорошим христианином, я этого не сказал, я совсем этого не говорил, я говорю, что он великий человек». Такими словами начинается набросок. Этот

юноша, «единственный сын князя Безухого, наследник 40 тысяч душ и огромных капиталов бабки»,— центральный персонаж нового наброска. «Он спорил со всеми. Все были против него». Не слушая возражений, юноша продолжал утверждать, что Наполеон «самый великий полководец мира». Сцена за именинным обедом и члены семьи графа Простого напоминают уже Ростовых, но не они пока в центре внимания автора, пятый набросок организован только вокруг острого политического спора. Закончив сцену спора за обедом, Толстой начинает писать заново. Понадобился пролог к созданной сцене. «День в Москве»— так озаглавлен шестой вариант начала. На полях первой страницы рукописи конспективные заметки к содержанию: «За обедом умный и тонкий разговор о политике». «Иван Куракин, Берг за правительство... Большие и малые о Бонапарте». Намечен затем «разговор графинь о детях». К детям относится запись: «Дружба навек 4-х», т. е. Николай и Соня, Борис и Наташа.

Текст шестого варианта разделен на девять небольших глав. В первых четырех обрисована хорошо знакомая по завершенному роману семья графа (но не Простого, а Плохова), гости, приезжающие поздравлять с семейным праздником, дети, вбегающие в гостиную, Наташа с куклой, отношения между детьми. В пятой и шестой главах действие переносится в дом умирающего графа Безухого, и здесь читатель знакомится с княгиней Анной Алексеевной Щетининой; она приехала вместе с сыном Борисом и «чувствовала гордость, исполняя свою тяжелую для нее обязанность». Толстой безжалостно разоблачает сущность ее «обязанности»: «Ежели бы ей у умирающего пришлось отрезать палец для того, чтобы вместе с пальцем получить состояние, обеспечивающее сына, она ни на минуту бы не задумалась». В дом Безухого перенесены другие персонажи, определившиеся в предыдущих набросках: «светский дипломат», князь Василий Позоровский, занимавший «одну из высших должностей» и «приехавший за тем же, за чем княгиня» Щетинина; молодой граф Аркадий Безухий, который опять и своим поведением, и образом мышления выделяется из окружавших его людей; Борис Щетинин, которому «неловко и неприятно за свою мать», но в характере которого тем не менее проявятся во время беседы с молодым Безухим черты, роднящие его с матерью. Впервые создан образ старого графа Безухого и показан страшный контраст «роскоши огромного высокого кабинета, полного драгоценностями искусства», с тем «жалким, зараженным дурным воздухом углом», в котором находилось «жалкое существо» — больной хозяин кабинета. Даже в разговор умирающего Безухого с княгиней Щетининой, далекой от интересов государства, Толстой ввел политическую тему. Граф «стал говорить про дела нынешнего царствования, про Сперанского, охуждая все».

Последние три главы — именинный обед у графа Плохова. Описаны гости: кузен графини, известный желчный умник Шеншин, гвардейский офицер Берг, Борис Щетинин, князь Василий. Среди собравшихся завязался разговор о последних политических новостях, о неизбежности войны. В это время вошел молодой Безухов.

Такова схема нового, шестого начала. Предыдущий вариант (сцена спора за именинным обедом) стал теперь естественным продолжением, составившим восьмую главу. Объединив обе рукописи, Толстой дописал новую, девятую главу: «Спор о Наполеоне, о Тильзитском мире, о Эрфуртском свидании, о достоинствах Бонапарта продолжался весь обед между Бергом и Шеншиным». Князь Василий «отстал от спора, не находя его для себя приличным» теперь, после Тильзитского мира. Поведение князя Василия четко определило время действия, указанное и в заглавии. Шеншин продолжал спорить, резко осуждая возникавшее в России после Тильзита преклонение перед Наполеоном. Князь Василий был «выведен почти из себя». На этом прервался политический спор и сменился оживленной сценой на другом конце стола, где сидели дети, с Наташей в центре. Конспективно намечено дальнейшее содержание вплоть до разъезда гостей от графов Плохих.

Этой рукописью, созданной не позднее февраля 1864 года, закончился этап работы, связанный с замыслом только «истории из 12-го года». Написано шесть эскизов начала, но работа не налаживалась. Можно предположить, что именно мешало развитию действия. В удаленном от столиц имении старого князя Волконского, к тому же находившегося в немилости, невозможно было собрать круг людей различного общественного положения и разных политических направлений. На придворном бале, где присутствовал сам государь, не мог завязаться среди высокопоставленных гостей общий разговор и тем более спор на политические темы. Наконец, именинный обед в доме хлебосольного московского графа, по своему положению далекого от великосветских кругов, не позволял ввести в действие представителей высшего света, и опять не создалась благоприятная среда для отражения различных общественных взглядов, которые должны подготовлять переход к большим историческим вопросам задуманного произведения. Не помогло и историческое вступление, предпосланное четвертому варианту.

Толстой начинает роман в седьмой раз[3]. Место действия не светская гостиная, а Ольмюцкий лагерь накануне Аустерлицкого сражения. Толстой отодвинул начало действия от войны 1812 года к войне 1805 года «по чувству, похожему на застенчивость». Он признавался: «Мне совестно было писать о нашем торжестве в борьбе с бонапартов-

ской Францией, не описав наших неудач и нашего срама». Главное же: «Ежели причина нашего торжества была не случайна, но лежала в сущности характера русского народа и войска, то характер этот должен был выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений». Таковы исходные позиции автора.

Из «полувымышленных» героев участвуют в этом варианте молодой граф Федор Простой[4], Борис Горчаков, Берг и князь Андрей Волконский. Впервые действующими лицами выведены исторические деятели: Кутузов, Багратион, Александр I, Наполеон, австрийский император Франц и около двадцати других участников первой войны. Впервые объединены они с «полуисторическими, полуобщественными, полувымышленными великими характерными лицами великой эпохи», как назвал Толстой героев своего произведения.

«12 ноября 1805 года русские войска, под командой Кутузова и Багратиона сделавшие отступление к Брюнну под напором всей армии Мюрата, в Ольмюце готовились на смотр австрийского и русского императоров»— так сразу с действия начался роман. В отдельных сценах и эпизодах с участием исторических и вымышленных персонажей, в их диалогах, а также в авторских отступлениях изображена обстановка накануне Аустерлицкого сражения. Не раз подчеркивается контраст: в штабе никакого единства, каждый поглощен своими корыстными интересами; в войске — абсолютное единство, нет отдельных людей, все слиты, есть «только артиллерия, пехота, конница» и «каждый член этих громад помнит все и вполне забывает себя». Когда предстоящее сражение «расшевелило в приближенных много страстей — честолюбия, зависти, ненависти и страха», войско готовилось к сражению и, «страдая, поднималось духом». Выстрелы, которые послышались с аванпостов неприятеля, «отозвались в душе каждого человека русской армии. Все ближе и ближе подходила та торжественная, страшная и желанная минута, для которой перенесено было столько трудов, лишений, для которой по пятнадцати лет вымуштровывались солдаты, оставлена была семья и дом и из мужика сделан воин, для которой 80 тысяч человек жили в поле, без жен, матерей, детей, без участия во всех интересах гражданской жизни, жили и двигались в чужом неизвестном краю, в поле, на дорогах, в лесах, пренебрегая для себя и для всех всеми условиями привычной человеческой жизни». С каждым шагом вперед и с каждым звуком выстрела становилась «сосредоточеннее, звучнее, стекляннее» душа армии и неизменно «как шум моря» все слышнее и слышнее становилась каждому сердцу «строгая и величественная одна, все одна нота».

Толстой отмечает стратегически невыгодное положение русской армии; показывает незавидную роль Александра I и Франца, торо-

пивших с наступлением, не понимая обстановки; говорит, что Кутузов был в этот день «совсем не тот главнокомандующий, каким его знали прежде в Турции и после при Бородине и Красном». С гневом обрушивается Толстой на австрийских колонновожатых, которых считал в большой мере виновниками Аустерлицкого поражения.

Картина боя, несмотря на конспективность, дана с огромной силой напряжения. Сначала показаны два императора и сообщено, что «государи и ближайшие к ним» были различных мнений с Кутузовым, а большинство свиты вовсе не понимало того, что делалось на поле сражения. Следующий эпизод — охватившая всех паника: «куда ни посмотрите, везде испуг и страх». И, наконец, бегство с поля битвы. Впереди бегущей толпы государи. В иной роли выступают Кутузов и его любимый адъютант князь Андрей Волконский. Они остаются на поле сражения, князь Андрей со знаменем впереди солдат. Заканчивается набросок схемой: «начальство скачет мимо», сражение ведут до конца Дохтуров и Ермолов. «Волхонский исходит кровью». «Борис идет к командиру полка, Берг уже интригует». А в штабе «всех обвиняют ... кроме себя».

В этом раннем наброске впервые выведен народ как главный герой эпопеи и высказано одно из главнейших убеждений автора, что «вопросы военных успехов» решаются не величием «военных гениев» и «не столько предусмотрительностью и силой всех возможных соображений, сколько умением обращаться с духом войска, искусством поднимать его в ту минуту, когда высота его более всего нужна». Написанный весной 1864 года набросок по содержанию, композиции, а также по идейной направленности можно считать эскизом будущей картины Аустерлица в завершенном романе.

Поиски художника не закончились. Очевидно, понадобился пролог к центральному действию. С большой долей вероятности можно допустить, что теперь Толстой вернулся прежде всего к варианту «Три поры», намереваясь вновь сделать его началом произведения. В соответствии с новым замыслом, даты лета 1811 года изменены на осень 1805 года. Введены новые эпизоды, характеризующие старого князя, его отношения с дочерью, с слугами. В Лысые Горы приезжает перед отъездом в армию князь Андрей с беременной женой. Предстояло связать исправленный текст о Болконских с только что законченным рассказом об Аустерлице.

«Не один князь Андрей прощался перед войной»— так начал Толстой связку.—«Война чувствовалась тогда во всем, полки шли, подводы наряжались, ехали генерал-адъютанты, великие князья и сам государь проехал. Ему чинили дороги... Государь прокатил как по шоссе. В народе ходили толки о Наполеоне, говорили, что он уже побил

австрийцев». («Как всегда, молва предсказывала»— добавляет автор.) «Письма просительные за сыновей надоедали всем генералам. Вся Россия хотела быть адъютантом. Слышно было, что Кутузов с войском уже перешел границу. Гвардия, говорили, выступит. Все подписывались на газеты. Все ждали успеха. Правительство было молодо, и все надеялись. Но хотя дошли слухи о побитии австрийцев, слуху этому порадовались. Тем лестнее будет русским побить Наполеона, победителя австрийцев». Толстой живописует: «Вот гвардия великолепная, богатая прошла с обедами и угощениями, вот государь уже там, курьеры и эстафеты летят чаще, полки ближе и ближе приближаются к границе, и все ждут, все ждут, кто новых наборов, кто победы и славы».

Так в нескольких строках Толстой дал сжатый обзор событий к моменту вступления России в войну. И тут он не бесстрастный летописец. Он не пропустил случая отметить, что в придворных кругах все выглядит парадно, торжественно, а в то же время в народе ходят тревожные толки о победах Наполеона. Очевидно, далее был присоединен тот вариант начала, в котором действие происходит в доме графа Простого. Для этого понадобилась еще одна связка. «Не один князь Андрей тогда простился с семьей, оставил беременную бесчувственную жену и весело и бодро скакал куда-то туда, где ему казалось, что его ждет слава, а где ждала, может быть, смерть. Много было семей, оплакивавших своих сыновей, мужей, братьев». Затем автор описывает отъезд на войну Николая Простого. Благодаря соединению трех в разное время созданных рукописей, наметилась стройная композиция, приближающаяся к композиции первой части завершенного романа. Две семьи — графы Простые и князья Болконские; в обоих домах напряженные разговоры и споры о надвигающейся войне и о Наполеоне; сыновья Простых и Болконских уезжают на войну. Пролог к Аустерлицу закончен.

Теперь естественный переход к войне, где вместе с историческими лицами действуют знакомые читателю персонажи, только что вырванные из мирной жизни. Рукопись об Аустерлицком сражении превратилась из начала произведения в закономерное продолжение. Так создался восьмой вариант начала.

Последовавшие затем наброски позволяют выдвинуть предположение, что в это время возник новый план относительно князя Андрея. «Блестящий молодой человек», который по первоначальному замыслу должен быть убит в Аустерлицком сражении, «заинтересовал» художника, для него представилась роль в дальнейшем ходе романа. Толстой его «помиловал, только сильно ранив его, вместо смерти». Сценой званого обеда в доме молодого князя Волконского в Петербурге начи-

наются следующие четыре варианта начала (9—12). Толстой вернулся к форме первых набросков.

Действие перенесено к лету 1805 года, к тому времени, когда только объявлялась первая война Наполеону, когда «в Петербурге во всех гостиных только и было речи, что про Буонапарте, его поступки и намеренья». Опять возникают за обедом у князя Андрея споры о преобразованиях, конституции, о войне, о Наполеоне. Званый обед у известного в петербургском высшем обществе князя Волконского, адъютанта генерал-губернатора, только что переведенного в адъютанты к Кутузову, давал возможность собрать более широкий круг людей; «к нему ездило все то, что считалось замечательнейшим в тогдашнем петербургском обществе», предупредил автор. «Общество собиралось весьма разнообразное: военные, дипломаты, вновь возникавшее тогда сословие свитских чиновников, бюрократов, иностранцы, ученые и даже артисты». В таком разнообразном обществе легче было отразить различные общественно-политические направления, особенно четко определившиеся перед началом войны.

Пользуясь наметившимися в ранних набросках чертами, Толстой заново рисовал образы хозяев, в первую очередь князя Андрея, а затем главного гостя, Пьера, вокруг которого будет организован спор. Придирчиво искал Толстой характеры гостей, нужные для заострения беседы. Сначала круг гостей был такой: живший в Петербурге «известный изгнанник abbé Piatoli», старушка, тетка княгини, свитский молодой чиновник, «приверженец Сперанского». Толстой намеревался подробнее рассказать о каждом из гостей, но не об их внешнем облике, не столько даже об их весе в обществе, сколько об их убеждениях: «Чиновник действительно считался замечательным молодым человеком в бюрократическом мире, скромный же чистенький старичок иностранец был еще более замечательное лицо. Это был l'abbé Piatoli, которого тогда все знали в Петербурге. Это был изгнанник, философ и политик, привезший в Петербург проект совершенно нового политического устройства Европы, которое, как сказывали, он уже имел счастие через князя Адама Чарторыжского представлять молодому императору».

Далее возник иной замысел: не представлять гостей заранее от лица автора, а показать каждого в споре с Пьером. Теперь среди гостей названы какая-то барышня, старичок-иностранец аббат, молодой чиновник, принадлежавший к клике Сперанского. Разговор за обедом «зашел о том, о чем все тогда говорили, о преобразованиях, замышляемых в России, о конституции». Автор подробно передает, как «чиновник изложил свои преобразовательные бюрократические соображения», Пьер —«свою либеральную философию», аббат —«свои новые идеи народного права и политического устройства». Когда стали обсуждать

войну и «любимое» князя Андрея военное дело, беседой завладел князь Андрей. Он говорил о военном гении Наполеона и о силе его армии, но «несмотря на свой восторг к гению Наполеона», он называл его, «как и все в Петербурге, Буонапарте». Разговор о союзе России с Францией и Пруссией, о бульонской экспедиции перешел на последние политические события: коронование Буонапарте в Милане. Под конец князь Андрей заявляет, что нет человека, которого бы он так «ненавидел» и которым бы так «восхищался», как Наполеоном.

Многое уже найдено автором. В двенадцатом варианте произведение получило заглавие: «С 1805 по 1814 год». Далее вписано: «Роман графа Л. Н. Толстого». Роман должен состоять из нескольких частей. Первая озаглавлена: «1805-й год».

Двенадцатый вариант начала, открывающийся характеристикой Пьера Безухова, представляет особый интерес. Он не только служит еще одним авторским свидетельством о непосредственной преемственной связи между создаваемым романом и начатой в 1860 году повестью о декабристе, но в нем ясно указано, что этим декабристом был тот самый Пьер Безухов, который в начале царствования Александра I был «беззаботным, бестолковым и сумасбродным юношей». После характеристики Пьера, не раз появлявшегося в предыдущих вариантах начала, Толстой в четвертый и последний раз стал рисовать сцену обеда в доме молодых Волконских, используя предыдущую рукопись.

Художник опять недоволен. Он продолжает поиски. Создается тринадцатый вариант начала. Автор колеблется, начинать ли с вступления или непосредственно с действия. По незаконченным обрывкам фраз видно, с каким напряжением и темпераментом Толстой искал, с чего же начать. «В то время, когда после неслыханного...»— написал Толстой, видимо, собираясь коснуться убийства герцога Энгиенского. Не докончив фразы, начинает снова: «Во Франции...», но на первом же слове обрывает и начинает с сообщения о том, кого он намеревается выбрать героями своего произведения: «Читая историю, для нас стирается жизнь того времени настоящая и остаются уродства. Главное исчезает бесследно. Лучшие люди не те, которые...» За этой полемической фразой последовали еще три коротких наброска с описанием «небольшого общества», собравшегося в 1805 году «в одном из покоев еще старого дворца». Дана характеристика времени «между французской большой революцией и пожаром Москвы», когда «идея этой революции, повидимому задавленная и отсветившая, воплотилась в силу и давала каждому и каждую минуту себя чувствовать».

Все эти наметки зачеркнуты. Создается изложенное выше последнее большое вступление, а на полях рукописи появляется несколько конспективных заметок к первым главам. Среди них такая:

«Переписка о войне, война во всем». В соответствии с этой записью повествование начинается вступительной фразой: «В придворном кругу только чувствовалась война и принималась к сердцу: В старом Зимнем дворце все фрейлины судили о войне». Далее идет рассказ о фрейлине Аннет Б., которая «отпросилась» из царских покоев, чтобы вечером «сразу принять своих приятелей, приехавших из Москвы, и потолковать о войне». Сообщено, что «все друзья ее и постоянное общество были могущественнейшие люди мира». Среди съехавшихся гостей названы князь Василий с дочерью, княгиня Горчакова (будущая Друбецкая), граф Мортемар. Намечены темы бесед: убийство герцога Энгиенского, захват Генуи, предстоящая война.

Тринадцатый вариант начала Толстой, видимо, счел наиболее удавшимся и дал его в переписку (ни один из предыдущих вариантов не копировался). Начался обычный для Толстого процесс исправлений и переработок. Появилась еще одна запись на полях: «Взгляд высшего общества на Бонапарта, на причину и необходимость войны». В этом плане развивается разговор фрейлины с первым приехавшим на вечер гостем, князем Василием. От темы политической, интересовавшей фрейлину, беседа перешла на «вопросы внутренних интриг», более всего интересовавших князя Василия. Так в процессе правки создались четырнадцатый и вслед за ним пятнадцатый вариант начала, открывшийся столь хорошо известными словами: «Eh bien, mon prince...» Приглашены были на вечер «по мнению фрейлины самые замечательные люди Петербурга, цвет общества», которым фрейлина «желала сообщить впечатления, произведенные в ней последними известиями о пребывании Бонапарта в Италии, вчера только полученными при дворе императрицы Марьи Федоровны».

Поиски начала закончились. Толстой нашел то, что так долго и напряженно искал. Требования, которые он предъявлял к началу произведения, Толстой высказал однажды в связи с работой над романом о декабристах: для начала должна быть найдена такая обстановка, чтобы из нее, «как из фонтана», разбрызгивалось действие «в разные места, где будут играть роль разные лица»[5]. Таким «фонтаном» оказался вечер в придворном салоне, в котором, по позднейшему определению Толстого, как нигде, «высказывался так очевидно и твердо градус политического термометра, на котором стояло настроение придворного легитимистского петербургского общества»[6].

* * *

В поисках наиболее подходящей среды для развития действия, в воображении писателя постепенно рождались «и молодые и старые люди, и мужчины и женщины того времени», которых он намеревался

провести «через исторические события 1805, 1807, 1812, 1825 и 1856 годов». Задачей Толстого было не только показать исторические события в России первой четверти XIX века, не только изобразить узловые моменты истории народов, но также осветить глубокие духовные процессы, происходившие в сознании людей. Надо было «выставить в очевидности» те «фокусы» изображаемой эпохи, отыскивать которые и есть, по убеждению Толстого, «дело искусства» [7].

Мы уже говорили, сколько ошибочных суждений сложилось о раннем периоде работы Толстого над «Войной и миром». Не менее ложно освещались характеры действующих лиц на этом этапе. Заявляли: «Откровенно аристократический подход к изображаемому предмету не мог не сказаться на характере образов первоначального замысла». Выхватывая из контекста отдельные цитаты, пытались утверждать, будто в ранней стадии работы Толстой создавал лишь образы дворян, которые «не лишены некоторых человеческих слабостей и недостатков, но в целом все прекрасные люди», что в основе образа Болконского лежали «не национальное чувство, не патриотизм», а «грубость, самодурство, аристократическая спесь»; а вся семья Болконских была якобы «мельче и духовно обедненнее», Ростовы были «такие же, как и все», Пьер Безухов «менее привлекательный», «светская знать» выглядит «вполне благовидной». Нет ничего общего между «честной и хорошей натурой» Анны Павловны Шерер и «пустой ничтожной фрейлиной» завершенного романа, а Курагины еще не были «подлой бессердечной породой». Вообще высшее общество в ранних редакциях будто бы не было предметом обличения [8].

Даже первые наброски не дают ни малейшего повода для подобных заключений.

Сохранились две примечательные рукописи, относящиеся буквально к первым дням работы, когда Толстой «пытался сначала придумать романическую завязку и развязку» отношений лиц, которые будут героями его исторического произведения [9]. В первом из этих своеобразных планов, хотя еще очень туманно, но уже проявляются некоторые характеры. «Волконский — гордый, дельный, разумный и богач, его дочь, старая дева, спасающаяся самоотвержением, даровита, музыкантша, поэтическая, умная и аристократка, недоступная пошлости житейской». А вот первое представление о семье «глупого и доброго графа Толстого». Он «женат на плебейке воспитаннице. У него сын Николай, даровитый и ограниченный, и три дочери: старшая блондинка Лиза, умна, хороша, дисграциозна, заботлива, вторая, Александра, веселая, беззаботная, любящая, и третья Наталья, грациозный поэтический бесенок». Это будущие Ростовы. Под именем Ильи очень еще схематично выступает будущий Пьер. Он «единственный сын, богач»,

«кроткой, умница». Намечена даже его несчастная женитьба — он «женат на красавице б....». Известно также, что «ее брат, *дурак* светской делает карьеру нечаянно». Эта роль будет передана Ипполиту Курагину. Упомянут еще «Анатоль, сын сестры графини Толстой, молодой пройдоха». Четко и навсегда определены имя и характер Берга: «ловкий немец, делает карьеру больше всех». Входил в список персонажей Мосальский, который «в 11 году был министром и имел двух сыновей: Ивана гордеца (mordant), дипломата и Петра кутилу, сильного, дерзкого, решительного, непостоянного, нетвердого, но честного». В какой-то степени эти персонажи связываются с будущим князем Василием и его сыновьями, некоторые черты сыновей пока приданы *намеченным ранее «дураку» брату жены Ильи и Анатолю, племяннику* графини Толстой. Сделана также попытка установить связь между всеми этими людьми. «Борис, Петр и Илья — друзья с молодости». «Берг женится на Александре [так осуществится в романе: Берг женится на старшей дочери Ростовых], Борис на Наталье, Иван на Лизе, Петр на кузине».

Вслед за тем Толстой еще раз попробовал рисовать контуры начинавших жить в его воображении людей.

Развернутые характеристики лиц составлены по определенным рубрикам: «Имущественное», «Общественное», «Любовное», «Поэтическое», «Умственное», «Семейство». Кроме того, конспективно излагалась жизнь каждого «с 11 по 13 год» и указывался его возраст к началу действия. Эта своеобразная рукопись точно определила хронологические границы действия в романе по его первоначальному замыслу («История из 12-го года»).

Все в дальнейшем будет не раз переделываться. Однако при всех изменениях восемнадцать лиц из тех, мысль о ком возникла в первые дни работы над романом, сохранятся в нем. Будут реализованы и некоторые из задуманных положений.

Наиболее отчетливо представлялись автору старый князь Волконский с дочерью и семья графа Толстого (Ростова). Не только личная судьба героев отражена в конспективных характеристиках, но для каждого определена роль в самом главном историческом событии изображаемой эпохи — в Отечественной войне 1812 года и особенно в Бородинском сражении. Участие каждого персонажа в войне обусловлено его личными свойствами. «Страстно любит Россию», «ненавидит лично Наполеона», «отдает все и имеет цель революцию и работает как вол за солдат»,— это относится к персонажу, который в наброске носит имя Петр; отдельные черты сближают его с Пьером. «В походе 12-го года получает важное назначение», во время отступления войск в первый период войны «все забывает под влиянием чувства долга,

командует полком»; «Под Бородиным без фраз уже он хочет умереть», его ранят. В этих заметках нетрудно узнать будущую судьбу князя Андрея. Совершенно ясен Толстому Берг. Он «на бале в Вильне блестящий офицер», «под Бородиным хватает шпагу в левую руку и награжден генералом и начальником», «убирается заблаговременно из Москвы и богатеет поручениями». Благородная роль уготована старому князю Волконскому: он «не верит 12-му году... Французы идут. Он ничего не хочет делать, разорять и вдруг делает больше всех». Марья Волконская за ранеными ухаживает и «делает корпию». Старый граф Толстой «торопится увезти всю библиотеку из Москвы, о Наполеоне не знает хвалить или ругать, и на подводах возит раненых». Сын его Николай «просится на войну, делает все, что другие». Иван Куракин (напоминает будущего Ипполита Курагина) «в 12-м году ничего не видит кроме спасения своего достояния и карьеры». Анатоль «живет в Москве, бежит». Аркадиева жена (она преобразится в дальнейшем в Элен) —«у французов в Москве, в связи с генералом».

Разумеется, не все сохранилось так, как было намечено, но первоначальные заметки интересны тем, что в них отразилось направление, в котором должны были развиваться характеры персонажей. Кроме того, они отражают замысел автора раскрыть характеры в их отношении к войне 1812 года.

В создавшихся затем набросках начала постепенно вырисовывались намеченные лица. Образы будущих Болконских, старого князя с дочерью, и уклад их жизни в Лысых Горах очерчены в наброске «Три поры», над которым Толстой работал трижды. Семья графа Простого (Толстого, Плохого, Ростова), изображенная в варианте «День в Москве», ясна автору и только один раз появилась в ранних вариантах начала. Больше всего занимал Толстого портрет маленькой Наташи. Сын же графа Николай появился еще раз в военной обстановке, и тогда вырисовалась его роль в Аустерлице. Рядом с Николаем выводится и в доме Ростовых и в военной обстановке Борис (Щетинин, Горчаков); как в окончательном тексте, так и в ранних набросках оба персонажа противопоставлены друг другу, с развитием действия это постоянно усиливается. Без больших исканий наметился образ матери Бориса, княгини Щетининой, которая впервые появляется в доме графа Простого, затем возле умирающего графа Безухова. Рассказана ее биография, сообщено, что она умела «вести дела с сильными мира» и для своего сына была готова на все. Ради него она приехала к умирающему графу; молодому Безухову «совестно» за нее.

С первых же набросков определяется семья Курагиных. Сначала дается характеристика сыновей: «оба были дураки. Старший вялый и ломающийся, второй простой и с плотскими наклонностями». Эти

черты останутся ведущими в характерах сыновей князя Василия. В дальнейшем Толстой развивает и усиливает эти черты и вытекающие из них поступки. Спустя два года после создания ранних набросков, но еще задолго до окончания первой редакции романа Толстой просил художника М. С. Башилова, начавшего иллюстрировать роман, подчеркнуть в портретах сыновей Курагина именно эти черты. «Нельзя ли, подняв его верхнюю губу и больше задрав его ногу, сделать его более идиотом и карикатурнее». Так писал Толстой об Ипполите. Анатоля же просил сделать «покрупнее» и «погрудастее», так как «он будет в будущем играть важную роль красивого, чувственного и грубого жеребца»[10].

Не сразу появилась дочь князя Василия. На придворном бале выведена фрейлина Княжнина, жена князя Купнева. Она «признанная первая красавица того времени», вызывает восхищение всех. Лишь позднее возник замысел связать жену Пьера с другими персонажами, и наилучшей средой для нее оказалась семья Курагиных. В одном из последующих набросков, где начало действия отодвинуто к 1808 году, упомянута дочь князя Василия «девочка — красавица, подросток», воспитывавшаяся «под руководством настоящей эмигрантки гувернантки». В последних вариантах начала романа она превратится в красавицу княжну, а затем в Элен с характеристикой, близкой к первым главам завершенного романа. «Пластичная красота форм — ее характернейшая черта»,— писал Толстой в том же письме к художнику М. С. Башилову. В одном варианте промелькнул еще один персонаж, барон Шульц, «наперсник» Петра Куракина, «высокой, красивой брюнет», одетый «точь в точь так же, как и Куракин». По отдельным штрихам можно допустить, что для Шульца намечалась роль, в какой-то степени напоминающая роль Долохова.

Чаще других действующих лиц Толстой выводит в своих ранних набросках троих: князя Василия, князя Андрея и Пьера. Они переходят из варианта в вариант, и путь, который прошли эти образы, убеждает, что Толстой не сразу нашел портреты их, и, разумеется, не могли еще отразиться в достаточной мере их характеры. Однако автор сразу, без колебаний, определил для каждого из них роль в произведении.

Впервые князь Василий появляется на бале. Он представлен как один из приближенных к императору и призванный «к составлению ответа императору Наполеону». Он изображен «в толпе женщин», где он «сыпал любезностями» и посмеивался «беззубым, но приятным ртом». Детально нарисована внешность князя, который «был весь как на пружинах». Рассказано об его «семейных заботах», связанных с сыновьями. Характеристики обоих сыновей дополняют только что созданный образ их отца. В следующих набросках князь Василий

изображен в доме графа Простого. Ему придана отталкивающая внешность: старичок «в звезде и белом *галстуке* с завалившимся лбом и выдвинутой обезьянской нижней челюстью». Упомянуты некоторые сведения из его биографии, раскрывающие его внутренний облик: он был «в милости» у деспота Павла I, очутившись же потом «в немилости, сенатором в Москве», он «жил не так, как другие забытые сенаторы», а сумел найти *такую* линию поведения, чтобы сблизиться с лицами, окружавшими Александра I, и благодаря этому снова «был вызван в Петербург к весьма важной должности». Он «особенно сухо» обращался со всеми москвичами, «имевшими претензию на значение», и «ласково обращался с графом Плохим» именно потому, что «граф был добрый дурак, и на нем-то удобно было показать и другим, что новое назначение нисколько нас не *возгордило и не изменило*». Хотя князь Василий был ласков с детьми графа Плохого, однако он был «твердо уверен», что его сыновья, воспитанные заграницей, «не будут знакомы с этими выкормками и олухами». Тем не менее он «особенно радушно согласился приехать есть прекрасный обед графа».

Образ князя Василия дорисован через восприятие других персонажей. Его не любит старый граф Безухов, понимающий цель его приезда; граф Плохой считает его «ловким» человеком; очень резко говорит о нем Шеншин, называя его «пролазой», приехавшим к Безухову только для того, чтобы «вытянуть что-нибудь», а «ежели не вытянет ничего», то «женишка поймает для дочери». В споре о Наполеоне князь Василий представлен как человек «чуткой всегда на политические mot d'ordre*», поэтому он отстал от спора, который счел для себя неприличным, тем более что в это именно время «в Петербурге все возгорелись энтузиазмом к Франции и Наполеону»; и князь Василий, получив теперь «назначение в Петербург, называл Бонапарта уже императором Наполеоном и профессировал к нему высокое уважение». Уже в самых ранних набросках князь Василий всегда несет с собой ненавистную Толстому атмосферу придворного карьеризма и приспособленчества. В последнем варианте начала, вводя князя Василия в салон Annette D., Толстой не столько сам говорит о нем, но заставляет его сначала самого раскрыться в беседе.

Образ фрейлины Annette Б [езбородковой?] (впоследствии Annette D. и затем Анны Павловны Шерер) появился впервые только в последних вариантах начала романа, т. е. к концу первого года работы Толстого. Нет ни слова об ее внешности, но очень подробно сообщается о тех ее качествах, благодаря которым она была «одна из двух-трех любимых приближенных». Она была «умна, насмешлива и чувствительна и, ежели не была положительно правдива, то отличалась от толпы *ей подобных своей правдивостью*». Нетрудно почувствовать ту тонкую иронию, которой будет пронизано описание вечеров в салоне Анны Павловны Шерер. Толстой не преминул точно показать цену ее ума, чувствительности и правдивости. Никто не знал, «что она была по душе», сообщает автор. «Этот лак высшего тона, скрывающий качества дерева, которое он покрывает, так густо закрывал в ней все ее особенности, что трудно было понять, что за человек эта женщина». Только для того, кто «умел держаться в формах того искусственного мира», отношения с Annette Б. «были самые приятные». Еще один важный штрих дан в первом наброске: «Все друзья ее и постоянное общество были могущественнейшие люди мира». Упомянуто также, что и фрейлина, и все ее общество говорили по-французски.

Так в первоначальных набросках постепенно рождались образы героинь и героев, какими они должны появиться в начале романа. Найдя, наконец, благоприятную среду для того, чтобы начать сразу с действия, художник смело вводил в салон придворной фрейлины, а затем в дом князя Безухого, Ростова и Болконского знакомых и уже близких ему, живущих в его воображении людей. Почти все сцены, которыми Толстой пытался начинать произведение, а также найденные в ранний период персонажи вошли в завершенный роман. Это весьма существенно для анализа идейно-художественной концепции, на которую опирался Толстой, приступая к работе. Творческий материал самого раннего этапа работы уже отвечал той цели, которая осталась непоколебленной на протяжении всей сложной, трудной, длительной творческой истории «Войны и мира».

* лозунги.

„ВОЙНА И МИР" В ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ

...и пишу и обдумываю, как я еще никогда не писал и не обдумывал

Л. Толстой

Если бы полностью был напечатан роман «Война и мир» в его ранней редакции, он удивил бы всех тех, кто не переставал повторять, что на раннем этапе был создан семейный дворянский роман «диккенсовского типа». Он удивил бы стройностью композиции, количеством действующих в нем лиц, вымышленных и исторических, охватом исторических событий и, главное, отношением автора к предмету. Ранняя редакция, разумеется, сильно отличается от известной всем «Войны и мира», тем не менее это уже созревший плод ясного замысла.

Проследить шаг за шагом, как создавалась ранняя редакция, значит пересказать ее содержание. А это было бы слишком громоздко; ведь по подсчетам самого Толстого она занимает 66 печатных листов. Можно лишь в общих чертах рассказать, как развивался сюжет и строилась композиция этого огромного многопланового произведения после того, как автор уяснил себе основное направление романа, и проследить, что удалось автору сразу, а что потребовало длительных творческих поисков и труда.

После того как определилось начало произведения, Толстой стал уверенно создавать завязку своего романа. Первая сцена — придворный Петербург перед войной. Действие начинается в июле 1805 года на вечере фрейлины. Многочисленные пометы на полях рукописи, служившие в большинстве случаев эскизами позднее созданных художественных картин, дают возможность следить за ходом мысли автора. «Вечер во всем разгаре. Разговоры с разных сторон. С одной о идеалистическом направлении двора нашего и антагонизме императрицы матери и Александра. С другой — рассказ о Енгиенском. С третьей о дворе и интригах. Все размерено». Так намечены темы бесед в салоне. А вот схема дальнейшего развития романа: «Обзор политических

событий и переговоры. Нота 28 августа. Новосильцев в Париже. Ругают Австрию. Благодеяния государя, тайная коалиция, войска». Еще одна запись намечает содержание беседы хозяйки вечера с первым гостем, князем Василием: «Винценгероде в Австрии. Не так делается его дипломация. Зачем переговоры? Затем, чтобы потом задавить его. Пруссия будет видеть. Австрия подличает. На Англию надежды нет. J'ai vu Novosilzoff*. Они не понимают самоотверженности государя, но добродетель должна быть награждена». Эти самые злободневные политические вопросы в трактовке придворной знати становятся известными из беседы двух ее представителей. Они первыми вступают в действие.

Князь Василий уже знаком и ясен Толстому, и характер его предстояло лишь развивать. Образ фрейлины Толстой начинает искать. Почти ничего не сказано о ее внешности. Первое, что мы узнаем о ней, — она была «одним из самых влиятельных лиц старого двора императрицы Марьи Федоровны», представителем тех придворных, которые от долгого пребывания при дворе «делаются нравственными кастратами, не имеющими других интересов, как интересы своих покровителей, но которые взамен этого и утрачивают все дурное придворной жизни — зависть, интригу, страсть к повышению». Она была, продолжает Толстой, «верным слугою, как старая собака, старый дворовый, не признающие другой жизни, как жизнь при господине или госпоже»; эта преданная фрейлина «думала и чувствовала только то, что думала и чувствовала ее высокая покровительница».

Познакомив с хозяйкой салона, Толстой намечает план всего вечера: «Как держать дом? Княгиня Волконская брюхатая с работой. Ее муж недовольно смотрит на нее. Княгиня хлопочет о сыне. Mortemart. Как подать на блюде литератора. Рассказ о Енгиенском. Некоторые молчат и esclament**». Пользуясь найденными в первоначальных набросках чертами, Толстой без колебаний и новых поисков вводит в салон фрейлины знакомых ему людей: князя Андрея с женой, Пьера, Элен и Ипполита Курагиных. Князь Андрей «вошел с женой под руку с приемами человека, которому, несмотря на его молодость и неважный чин (он был в мундире гвардейского адъютанта), скорее будет скучно, чем весело, и который надеется встретить в этом обществе скорее низших, чем высших». Образ маленькой княгини сразу создан таким, каким и сохранился в романе. Княгиня производила на всех, кто ее видел, самое радостное впечатление, и только на князя Андрея вид ее оказывал «совершенно противоположное действие». Появляется

* Я видел Новосильцева.
** восклицают.

3 Заказ № 1368

Пьер. Он изображен в том необычном для светской гостиной виде и в той роли, какие закрепились за ним в ранних набросках начала. «Все слушали с вниманием и уважением» рассказ виконта, и только один «очень молодой человек с большой вытянутой взад головой, застенчивый и рассеянный, видимо, не обращал никакого внимания на рассказ и рассказчика. Он вертелся на своем стуле».

Толстой намеревался было познакомить со всеми гостями и прямо об этом заявил: «Прежде чем передать историю виконта, весьма распространившуюся впоследствии, я должен описать некоторых из слушателей его, тем более, что эти некоторые, кроме того, что замечательны сами по себе, не раз встретятся читателю в продолжении этой истории». Однако изолированное описание действующих лиц противоречило художественным принципам Толстого. Незадолго до начала работы над романом Толстой осудил эту принятую в литературе и ставшую «невозможной» манеру описаний, «логично расположенных: сначала описания действующих лиц, даже их биографии, потом описание местности и среды, и потом уже начинается действие. И странное дело,— все эти описания, иногда на десятках страниц, меньше знакомят читателя с лицами, чем небрежно брошенная художественная черта во время уже начатого действия между вовсе неописанными лицами» [1].

Толстой избрал второй путь. Зачеркнув обещание «описать некоторых из слушателей», он на полях делает помету для себя: «Кто слушает и как» и рисует выразительными штрихами образы гостей. Облик дочери князя Василия (в этом варианте она фигурирует под именем княжны Sophie), так же, как и впечатление, производимое ею на всех, почти полностью совпадает с тем, что известно по печатному тексту. Образ брата ее, Ипполита, также близок к окончательному, но в этой редакции больше подробностей, подчеркивающих отрицательный характер персонажа (во всем — во внешности, в манерах, в костюме).

Не забыл Толстой напомнить, что «только такие дамы высшего общества, как Annette D., умеют в лучшем виде «сервировать замечательных гостей», она сумела подать своим гостям виконта «как что-то сверхъестественно утонченное». Так же беспощадно автор иронизирует и над «изящным» рассказом виконта об убийстве герцога Энгиенского и над «красивым кружком» слушателей.

«Различные реплики, которыми слушатели перебивали рассказ виконта, свидетельствовали об единодушном мнении всех о Наполеоне», которого, как и полагалось в этот период, «никто из присутствующих не только не признавал... императором, никто не признавал его даже человеком. В глазах vicomt'a и его слушателей это был какой-то изверг рода человеческого, Cartouche, Пугачев, Кромвель, до сих пор ускользавший от заслуженной петли».

На фоне «единодушного мнения всех» резко выступают совершенно иные взгляды князя Андрея и, главное, Пьера. Оба они, как все наиболее прогрессивное дворянство, признавали Наполеона в первые годы его деятельности великим полководцем и носителем идей революции. Вокруг Наполеона начался спор, затеянный Пьером. Он доказывал, что «революция была великое дело» и что Наполеон — «представитель великих идей». Никто из гостей «не одушевился» речами Пьера; Annette D. не могла себе простить, что пригласила этого юношу. Она не знала, что «он такой mal élevé * бонапартист». Автор добавляет здесь с явной симпатией к спорщику, что этот «молодой человек был хуже, чем mal élevé и бонапартист. Он был якобинец». Только князь Андрей любовался и «не нападал», а, напротив, поддерживал Пьера, который «огрызался на всех», доказывая, что Наполеон «желает мира и равенства».

Разноголосицу высказанных суждений Толстой дополнил своим мнением. Улучив минуту, когда разговор в гостиной «рассыпался на мелкий говор изящных проклятий и ругательств на бедного Наполеона», автор вставляет ироническую реплику: «Плохо было бедному Наполеону. И хорошо, что он не слыхал этих разговоров. Он, впрочем, не любил таких разговоров. И часто за такие переданные ему разговоры во Франции так наказывал маркизов и виконтов, дюшес и графинь, что они ... молчали. Тех же маркизов и виконтов, которые вели себя хорошо и не рассказывали таких историй, он награждал званиями камергеров, камер-фрейлин и т. д. при своем дворе. И таких, ведущих себя очень хорошо, было очень много..., все так охотно пошли в придворную службу и прекратили рассказывать истории, что Буонапарте откровенно выразился, вспоминая свой призыв к дворянству Франции во время Египетской кампании и их отказ, что quand je leur ai montré le chemin de la gloire, ils n'en ont pas voulu. J'ai ouvert mes antichambres, ils se sont précipités en foule**. Так что,— заканчивает Толстой,— в то время, как у Annette D. его так бранили, он жил спокойно в Лувре, считая себя самым лучшим человеком Франции и законнейшим наследником Карла Великого».

Заканчивается рукопись эскизным наброском дальнейшего текста. В нем намечены и сцена разъезда гостей, поведение Ипполита Курагина, провожающего маленькую княгиню, и презрение князя Андрея к нему, и приезд Пьера к молодым Волконским, и беседа между ним и князем Андреем — все, вплоть до оргии у Анатоля, в которой Пьер принимает участие. Конспективной характеристикой Анатоля Курагина

---

* дурно воспитанный.

** когда я показал им путь славы, они не хотели. Я открыл им мои передние— они бросились толпой.

заканчивается текст: Анатоль «гадость для гадости. Он как красивая кукла, ничего нет в глазах».

Исправляя написанное, Толстой более всего задержался на характерах Пьера и Андрея; они оба равно выделялись из собравшегося общества, но важно было показать своеобразие каждого из них. Князь Андрей был «высокомерен в приемах, но вместе с тем утонченно учтив, отчего высокомерие его еще более было заметно». Он мог «учтиво» выслушивать мнения, не совпадающие с его взглядами. Но не мог этого делать Пьер, который был «вполне неприличен и резко отличался от всех бывших в гостиной». Особенно испугало хозяйку, когда Пьер «быстро и горячо» стал говорить о Наполеоне как о «величайшем человеке мира». Причем испуг происходил, как поясняет автор, «не столько от слов, произнесенных молодым человеком, сколько от того одушевления, негостинного и совершенно неприличного», которое выражалось в чертах юноши. Не скрывая своей симпатии к «неприличному юноше», Толстой изложил спор его с виконтом и завершил его своей оценкой и гостей и неуместных в этой обстановке передовых людей. «В таком роде говорил много и долго M-r Pierre точно так, как думали тогда многие образованные молодые люди. Странно было только то, что говорил он все это в таком обществе. Никто не слушал его с удовольствием». Только князь Андрей «с ласковой и вместе насмешливой улыбкой посматривал то на него, то на хозяйку вечера». Окончание вечера, разъезд гостей близки к завершенному в основных чертах.

До сих пор Толстой писал маленькие главы, сразу перерабатывал их и медленно двигался вперед. Теперь, по-видимому, дальнейший ход повествования настолько продуман, что автор, не отрываясь, создал большую рукопись, содержащую сцены в доме князя Андрея после вечера у Шерер, беседу его с Пьером, раскрывающую характеры двух друзей, их сходство и различия. В первом варианте беседа значительно пространнее, чем в завершенном, и охватывает бóльший круг вопросов. Кутеж у Анатоля Курагина, куда, нарушив обещание князю Андрею, приехал Пьер, и пари Долохова с англичанином завершают цикл глав «В Петербурге». Разговоры в придворном салоне дали представление о времени действия, о назревающей войне и о предстоящем развитии повествования. Выявлены центральные фигуры произведения и достаточно громко звучит голос автора. Затем действие переносится в Москву: именины у Ростовых и смерть графа Безухого.

* * *

Прошло два месяца после вечера в салоне Анны Павловны.

«В Москве у графа Простого праздновались именины жены»,— начал было Толстой, но на первой же фразе оборвал стройный рассказ

и, прежде чем перейти к картинам Москвы, написал небольшую главу (в анализируемой рукописи 36-ю), резко вырывающуюся из всего созданного к этому моменту текста. Это полное полемического задора отступление, в котором автор пытается разъяснить читателю, почему до сих пор речь шла «только о князьях, графах, министрах, сенаторах и их детях», и предупреждает, что, вероятно, и впредь в этой истории не будет других лиц. Объясняя, почему он не может угодить вкусу тех читателей, которым «интереснее и поучительнее история мужиков, купцов, семинаристов», автор заявляет, что «жизнь купцов, кучеров, семинаристов, каторжников и мужиков» представляется ему «однообразною, скучною», что все действия этих людей ему представляются «вытекающими большей частью из одних и тех же пружин: зависти к более счастливым сословиям, корыстолюбия и материальных страстей», что «трудно их понимать и потому описывать».

Нельзя рассматривать это неожиданное заявление Толстого изолированно от всей его деятельности и от творчества предыдущих лет.

Вряд ли будет правильно, опираясь только на стоящее особняком заявление, делать решительные выводы об идейных позициях Толстого в годы начала писания «Войны и мира», не сопоставляя заявление со всем тем, что было написано за полтора, примерно, года работы над «историей из 12-го года».

Рукопись, в которую входит эта глава, создавалась не позднее первой половины 1864 года. До этого времени Толстой около года состоял мировым посредником, притом мировым посредником первого призыва. Это было «интересно и увлекательно» для Толстого, но все дворянство «возненавидело» его «всеми силами души» [2]. Дворяне, землевладельцы Крапивенского уезда, подали заявление предводителю дворянства, сообщая, что «все действия и распоряжения» Толстого «невыносимы и оскорбительны» для дворян, возбуждают в крестьянах «враждебное расположение к помещикам» и принесут дворянам «огромные потери» их достоянию [3].

В начале шестидесятых годов Толстой был охвачен делом, которое, по словам Д. И. Писарева, «сделалось современным жизненным вопросом, обратившим на себя внимание лучших людей нашего общества»,— это было народное образование. «Народное образование в настоящее время для нас, русских, есть единственная законная сознательная деятельность для достижения наибольшего счастия всего человечества»,— заявил тогда Толстой. «Цель одна — образование народа»,— записал он в дневнике. И не видел тогда «другого средства содействовать образованию, как самому учить и отдаться совершенно этому делу» [4].

Три года жизни Толстой буквально отдал школе для крестьянских детей в Ясной Поляне и организации таких школ по всему уезду.

До этого полемического отступления в романе написаны и опубликованы «Утро помещика», «Поликушка», в которых Толстой проявил глубочайший интерес к жизни народа и делал попытки решить основной вопрос, разделявший тогда общество на партии, — вопрос об освобождении крестьян. «Невозможность жизни правильной помещика — образованного нашего века — с рабством» была, по свидетельству Толстого, «главной» мыслью «Романа русского помещика». В педагогических статьях, за год до работы над романом, ясно высказано убеждение, что «в поколениях работников лежит и больше силы и больше сознания правды и добра, чем в поколениях баронов, банкиров и профессоров»[5].

В своих педагогических статьях Толстой впервые печатно заявил не только о праве народа на произведения подлинного искусства, но и о том, что именно в народе заложены огромные духовные силы для создания подлинного искусства. Толстой решительно высказал в начале шестидесятых годов свое ничем никогда не поколебленное убеждение о преимуществе народного искусства перед извращенным искусством привилегированных классов. Нельзя не вспомнить созданные за несколько лет до указанной главы рассказы о Севастопольской эпопее: героем их был «народ русский», и Толстой, как никто, сумел показать, что сила любви к родине, истинный героизм и мужество свойственны именно народной массе. А главный герой незаконченного произведения о декабристах, приведшего автора к «Войне и миру», заявляет: «Сила России не в нас, а в народе»[6]. Написанные до «Декабристов» произведения, а также общественная деятельность их автора позволяют утверждать, что Лабазов высказал мысль, близкую самому автору.

Эти выступления Толстого в печати, несомненно, убеждают, что, начиная с пятидесятых годов, писатель занимал в русской литературе патриотическую и демократическую позицию, и мысль его «направлялась всегда по линии интересов крестьянских масс» (М. Горький).

Работа над романом «Война и мир» продолжала ту же линию глубокого интереса к народу. А то общество, к которому Толстой в этом полемическом заявлении почти с гордостью причисляет себя, он то с едкой иронией, то с необычайной резкостью обличает, всегда только обличает. Он выделяет из этой среды своих главных «вымышленных» героев — Пьера и князя Андрея. И если князь Андрей хотя бы внешностью, привычками, поведением связан с аристократическим кругом,

то Пьер даже внешностью не подходит к этому обществу; в одном из вариантов Толстой пытался сделать Пьера внешне похожим на «мужика»: руки его были приспособлены ворочать пудовиками, он даже заставлял Пьера «ковырять в носу», чтобы резче всем поведением отличить его от изысканного, но насквозь лживого общества. Кстати, эти именно манеры, которые для Пьера в устах автора служат положительной характеристикой, упоминаются в полемической главе совсем в ином плане. Автор заявляет, что не может «верить в высокий ум, тонкий вкус и великую честность человека, который ковыряет в носу пальцем и у которого душа с богом беседует». Зачем же понадобилось приписывать «некультурность» именно Пьеру, в «великую честность» которого автор так убежденно верил?

За год до появления полемической 36-й главы был создан седьмой вариант начала романа, где описано Аустерлицкое сражение: лицемерию, фальши, ложному патриотизму и карьеризму штабной верхушки противопоставлено отрешение простых солдат от всего личного, высота духа русской армии, охваченной истинно великим порывом. Идейно связан с героической армией, а не с аристократической верхушкой Андрей Болконский, который лишь по внешним манерам оставался изысканным аристократом. А еще раньше в одном из набросков предисловия автор объявил, что задачей нового произведения было показать, как «сущность характера русского народа и войска» проявилась и в период неудач в первых войнах России с Наполеоном и как она же была причиной торжества России в 1812 году.

Как бы там ни было, но остается бесспорным факт, что в текст произведения, задуманного как «величественное, глубокое и всестороннее» по содержанию, врезалась глава, противоречащая всему предыдущему в деятельности и творчестве Толстого. Написана она почти одновременно с полемической комедией «Зараженное семейство», направленной против «Современных людей» (так называлась комедия в одном из черновых вариантов)[7]. Кроме того, существует признание Толстого, сделанное им еще в октябре 1863 года в письме к тетке А. А. Толстой: «Доказывает ли это слабость характера или силу — я иногда думаю и то и другое — но я должен признаться, что взгляд мой на жизнь, на *народ* и на *общество* теперь совсем другой, чем тот, который у меня был в последний раз, как мы с вами виделись. Их можно жалеть, но любить, мне трудно понять, как я мог так сильно»[8].

Вряд ли можно, отбросив все предшествующее и все последующее, признать только на основе одно мгновение существовавшей главы и этого заявления в письме, что таково было мировоззрение Толстого в первый период работы над романом. Объяснение следует искать в крайне противоречивой натуре писателя. Вся почти деятельность

его в начале шестидесятых годов была непосредственным откликом на то идейное движение, которым жила тогда самая прогрессивная часть русского общества, однако Толстой считал, что он все делал по своим внутренним мотивам, не связанным с направлением эпохи. В старости уже на вопрос своего биографа П. И. Бирюкова об отношении к общественному движению шестидесятых годов Толстой ответил: «Что касается до моего отношения тогда к возбужденному состоянию всего общества, то должен сказать (и это моя хорошая или дурная черта, но всегда мне бывшая свойственной), что я всегда противился невольно влияниям извне, эпидемическим, и что если тогда я был возбужден и радостен, то своими особенными, личными, внутренними мотивами, теми, которые привели меня к школе и общению с народом». Это был характерный для Толстого, неизменно в нем сохранившийся инстинктивный протест против общепризнанных авторитетов, против всего, что носило характер массового движения. «Вообще я теперь узнаю в себе,— говорил Толстой П. И. Бирюкову,— то же чувство отпора против всеобщего увлечения, которое было и тогда, но проявлялось в робких формах» [9].

Инстинктивным «чувством отпора против всеобщего увлечения» шестидесятых годов правильнее всего объяснить и это полемическое авторское отступление, резко противостоящее создаваемой эпопее. Интерес к нему тут же пропал. Листы с 36-й главой были тогда же отброшены. Еще раз Толстой сделал было попытку вернуться к этой теме спустя несколько месяцев в одном из черновых, тут же отброшенных вариантов предисловия к первой части. Позже ни в процессе работы над романом, ни в дальнейшем творчестве Толстого мысль о преимущественном интересе к жизни графов и князей не появится никогда.

* * *

Вслед за этим неожиданно врезавшимся отступлением Толстой вернулся к Москве в канун войны. Три персонажа из части «В Петербурге» появляются теперь в Москве, связывая тем самым два круга изображаемых лиц. Анна Михайловна Друбецкая, добившись в Петербурге через князя Василия перевода сына в гвардию, вернулась в Москву к богатым родственникам Ростовым, у которых воспитывался ее сын. Кроме того, в Москве она рассчитывала получить какую-то долю наследства от крестного отца ее сына графа Безухого. Князь Василий приехал в Москву в надежде получить наследство того же Безухого. Наконец, третий персонаж, Пьер, появляется теперь и у Ростовых, и в доме умирающего отца. Материалом для этого раздела послужил вариант начала, озаглавленный «День в Москве». Ясны и душевно

близки были автору добрые незамысловатые Ростовы, и изображение их не требовало больших поисков.

В том же варианте начала были во многом решены сцены в доме умирающего графа Безухого. Хотя Толстой не пересматривал роли князя Василия и княгини Друбецкой, однако главы эти потребовали немало труда. О психологически правильном поведении Пьера более всего заботился автор. Центральный эпизод — борьба за «мозаиковый портфель» с завещанием и интриги вокруг этого. Все участники борьбы выявлены через восприятие Пьера. Он «ужаснулся», увидав лицо князя Василия. Он «молча смотрел на борьбу за портфель и не узнавал ни князя Василия, ни Анны Михайловны, которая, как наседка, окрысившись, тянула портфель». Смертью графа Безухого завершилась тема «В Москве» летом 1805 года.

Пишется третий цикл —«В деревне». Это — жизнь Болконских в имении Лысые Горы осенью 1805 года. Хотя Толстой был «недоволен» тем образом старого князя Болконского, какой сложился в варианте «Три поры» [10], тем не менее он воспользовался многими ранее найденными чертами старого князя, княжны Марьи и ее компаньонки. Без особых усилий (об этом всегда позволяют судить рукописи) созданы были главы о Болконских. Последний эпизод — прощание князя Андрея с родными. В волнующем напутствии отца сыну выказались характеры Болконских, какими они обрисованы в ранней редакции. «Помни одно: коли тебя убьют, где следует, хоть и с Буонапарте теперь деретесь, а и его пушки бьют,—коли убьют, скучно мне будет старику, скучно.— Он неожиданно замолчал. И вдруг крикливым голосом продолжал:— А коли узнаю, что князь Андрей Волконский хуже других, мне будет стыдно. А мне до семьдесят второго года стыдно не бывало. Это помни». Сын ответил: «Вам не будет стыдно». Отъездом князя Андрея в армию закончилась первая часть.

Создалось композиционно стройное повествование. Действие происходит в Петербурге, в Москве и в Лысых Горах в июле — сентябре 1805 года. Все пронизано темой надвигающейся войны. Не зная рукописей, трудно было бы представить себе, как четко была продумана на раннем этапе работы стройная композиция этого огромного произведения. С первых строк определились четыре линии развития действия: в Петербурге, в Москве, в деревне, война. Они сталкивались, перекрещивались, неоднократно перемежались историко-философскими рассуждениями автора. Планомерное чередование сюжетных линий, обеспечившее непрерывность и одновременность действия, ни разу не нарушилось.

Заканчивая первую часть, Толстой предложил напечатать в журнале «Русский вестник» свое «писание», которое, как он говорил, он

«особенно любит» и которое ему «стоило большого труда» [11]. В январе — феврале 1865 года под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год» была напечатана первая часть будущего романа «Война и мир». Группы глав получили названия: «В Петербурге», «В Москве», «В деревне». На очереди «Война».

* * *

Начата новая часть, на данном этапе работы — вторая [12]. «От Аустерлица до Тильзита»— так Толстой позднее определил ее содержание. Но сначала коротко рассказал о жизни Пьера в Петербурге в новой для него роли богатого наследника, окруженного заботами князя Василия, который жаждет женить Пьера на своей дочери. Полностью оформился в ранней редакции рассказ о том, что́ привело Пьера к женитьбе на Элен. Князь Василий со своим беспутным сыном Анатолем, намереваясь женить его на богатой княжне Марье, приезжает в Лысые Горы. Это дало Толстому возможность еще раз показать Лысые Горы. Толстой стремится углубить психологическую тему. С одной стороны, «мучительные вопросы и сомнения», возникшие в душе княжны Марьи, ее мечты «о семейном счастии, о детях»; «бездна рассуждений» старого князя о том, «решится ли он когда-либо, для того, чтобы княжна Марья могла испытать счастье семейной жизни, расстаться с нею и отдать ее мужу». С другой — порочность Анатоля, который на жизнь смотрел, как на «постоянную partie de plaisir*», и столь же легкое, как у сына, отношение князя Василия к трудному серьезному делу женитьбы.

В это время князь Андрей уже находился в Ольмюце. В Ольмюцкий лагерь перенесено действие. Сохранялся пока первоначальный замысел: войну 1805 года представить только генеральным Аустерлицким сражением, разгромом русских войск. Так решался замысел Толстого: прежде чем говорить о торжестве России в борьбе с наполеоновской Францией, показать, как «сущность характера русского народа и войска» проявилась во времена поражений. Значительные совпадения, порой текстуальные, между созданным год назад седьмым вариантом начала и новой рукописью убеждают, что ранний текст служил канвой для художественного описания войны. Это подтверждают пометы на полях новой рукописи: «Толки солдат из старого», «Строгая нота из старого», «Разговоры с пленными из старого». Содержание было определено, и композиционное решение найдено. Все известные по законченному роману эпизоды содержатся в ранней редакции: Ольмюцкий лагерь, приезд гусара Николая Ростова и встреча его с гвардейцами Друбецким и Бергом, столкновение Николая Ростова с адъютантом

* увеселительную прогулку.

Болконским, затем смотр, стычка при Вишау, военный совет у Кутузова и, наконец, Аустерлицкое сражение. Сильнее, чем в раннем эскизе, *проступает тема обличения иностранного командования*: оно заботится лишь о том, чтобы «австрийские начальники не были под командою русских», чтобы *«в тяжелые невидные места»* посылать русских, австрийцев «приберегать для тех мест, где должна была решаться участь сражения», чтобы «*слава завтрашней победы не могла быть отнята самонадеянными русскими варварами*». Разумеется, ни в одном из исторических сочинений Толстой не мог найти подобных сведений. Сопоставляя все известные фактические данные, глубоко проникая в суть вещей, пришел художник к этим исторически верным выводам.

Неизбежно возникает обличительный тон, когда рассказ переходит к «высшим сферам армии», где большинство людей было занято не завтрашним сражением, а «совсем другими интересами», только личными. «Сотни штабных» хлопотали о том, «как бы им завтрашний день находиться в свите императоров»; некоторые добивались этого с мыслью, что «там, где будет император, менее всего опасности, некоторые из того соображения, что при императоре более всего будет награды». Совершенно иное настроение в армии — все было «пронизано чувством единства», в душе каждого «билось одно и то же чувство воинской предприимчивости и самоуверенной надежды» и, глядя «на эти громадные массы», стройно двигавшиеся в одном направлении, каждому «становилось самоуверенно и весело на душе, и чувствовалось, что-то предпринимается великое и значительное». Авторское рассуждение не дошло до печати, но выраженная в нем мысль сохранилась.

В ранней редакции больше рассказано о тревогах и сомнениях князя Андрея в канун битвы. Ему стало ясно, что «решают сражения» не те приготовления, которые он наблюдал в штабе, а «единство мысли и действия, энергия и воодушевление, единство силы» в армии.

Картина самого боя, портреты Наполеона и Кутузова во время боя, поведение князя Андрея и других участников, ранее эскизно намеченные, облекались теперь в высокохудожественную форму. Важно отметить, что по созданному теперь варианту в Аустерлицком сражении участвует Тимохин — он идет вместе с князем Андреем — и, главное, Тушин и его батарея, стрелявшая картечью. Образ Тушина совсем не разработан, но роль его, роль народа в сражении определена. Кроме того, Толстой явно намерен связать Тушина с князем Андреем. «Жалкая и милая симпатическая фигура Тушина, с своей трубочкой ковылявшего между орудий»— было последнее, что видел князь Андрей в момент ранения.

В ранней редакции автор дал также разбор плана сражения и анализ диспозиции, предварившие картину разгрома русских войск, и ввел

короткий эпизод трагедии на плотине Аугеста, где «выказался» весь «ужас дня». На этом страшном месте появляется Наполеон, «все в том же сюртуке, той же шляпе и тем же безучастным лицом» и безучастным выражением, с каким он смотрел на живых, он разглядывал «неподвижные и движущиеся тела» на поле сражения. «Господа его свиты,— пишет Толстой,— содрогались, пожимали плечами, перешептывались при виде некоторых страшных изуродованных трупов, но на его лице не выражалось ничего». Так изображен Наполеон в вычеркнутом позднее отрывке. Но настроение, с которым он написан, сохранялось во всех сценах, участником которых был Наполеон, и ни разу не изменялось.

Все, созданное в процессе поисков начала, использовано. Вероятно, в это время был составлен подробный конспект дальнейшего действия, начиная с того момента, когда на Аустерлицком поле раненый князь Андрей видит близко «своего героя» Наполеона, который представляется ему теперь ничтожным и жалким. Все основные события жизни вымышленных героев отражены со множеством деталей в этом конспекте. Сюжет романа доведен до конца. Судьба действующих лиц завершалась следующим образом: «Князь Андрей командует полком под Красным, обожаем солдатами». Пьер «женат на Наташе». Николай Ростов «лежит больной у княжны Марьи» [13]. Следуя конспекту, Толстой воссоздавал жизнь своих героев и исторические события, происходившие после окончания первой войны с Наполеоном — вплоть до Тильзитского свидания двух императоров.

Без колебаний, как что-то хорошо известное, рисует Толстой обед в Английском клубе в честь Багратиона, устройством которого был занят граф Ростов, столкновение Пьера с Долоховым, дуэль и затем сцену между Пьером и Элен и, наконец, разрыв его с женой и отъезд в Петербург. Более всего задерживал Толстого мятущийся Пьер, который ни в чем не мог найти себе душевной опоры и неожиданно обрел ее в масонстве. В отличие от известной по роману случайной встречи на станции с масоном Баздеевым в ранней редакции некий старик масон приходит в Петербурге в гостиницу к Пьеру с намерением «обратить» его. Он раскрыл Пьеру его ошибки в личной жизни, заинтересовал его сутью масонства и «через неделю был назначен прием Безухова в Петербургскую ложу Северного сияния». Масонский ритуал и зародившиеся в связи с ним сомнения Пьера пока еще не описаны.

Ясно представлялась писателю и жизнь Болконских в Лысых Горах, где после Аустерлица считали князя Андрея погибшим. Хорошо известные по роману сцены — неожиданный приезд князя Андрея в Лысые Горы, роды маленькой княгини и ее смерть — без существенных отличий создались в ранней редакции. Рассказ о Болконских завершился не дошедшим до печати кратким обзором военно-полити-

ческих событий за полтора года, когда кончалась вторая война России с Наполеоном, когда «все сословия России уже не шутя начинали ощетиниваться». Хотя князь Андрей «оставался верен своему слову не служить более в русской армии», они оба с отцом, «как ни различны и ни спорны были их взгляды», следили «с жадностью» за ходом политических и военных событий.

Иная атмосфера у Ростовых: гостеприимный дом, влюбляющаяся молодежь, предложение Долохова Соне и ее отказ, прощальная пирушка у Долохова и проигрыш Николая Ростова. После уплаты долга Николай уехал в свой полк «тихий, задумчивый и печальный», а старый граф с семьей «переехал в деревню, где его присутствие, как он думал, становилось необходимо, вследствие совершенного расстройства дел, произведенного преимущественно последним неожиданным долгом в 42 тысячи». Нет пока танцевального вечера у Иогеля, оживленного вечера молодежи с Денисовым, пения Наташи и предложения Денисова. Эти сцены, без которых трудно теперь представить дом Ростовых, появятся немного позднее.

По первоначальному замыслу теперь в 1806 году князь Андрей впервые встречается с Наташей. По поручению отца князь Андрей отправляется к предводителю дворянства графу Ростову (тот не выполнил приказа об отправке ополчения). Так подготовлена нужная Толстому встреча. Но это еще не та памятная всем поэтическая встреча. Князь Андрей увидел прелестного мальчика с черными кудрями — это была пятнадцатилетняя Наташа в костюме мальчика (она готовила роль для домашнего спектакля в день рождения отца). Это все еще только неясные эскизы того, что искал художник. Но уже запечатлены важные для дальнейшего штрихи: семья Ростовых с первого раза расположила к себе князя Андрея, все в их доме «трогало» его и «все, что он видел, слышал, ярко отпечатывалось в его памяти, как бывает в торжественные и важные минуты в жизни».

Сразу меняется авторский тон, как только повествование переходит к придворному Петербургу. С нескрываемой иронией сопоставлены события, происшедшие между вечерами в салоне фрейлины, и то настроение, которое по-прежнему царило в салоне. «Сотни тысяч людей погибли под Ульмом и Аустерлицем»,— пишет Толстой. Буонапарте был признан императором, «уничтожил в две недели прусскую армию под Иеною, вступил в Берлин» и, объявив войну России, «обещался уничтожить ее новые войска так же, как и под Аустерлицем». Но Анна Павловна независимо от каких бы то ни было событий, «давала в свободные дни у себя такие же вечера» и точно так же воспринимала все происходящие события только как желание европейских государей и полководцев «потворствовать Наполеону, чтобы сделать ей и вдовствующей

императрице эту нравственную неприятность и огорчение». Разговор на вечере фрейлины шел, разумеется, о политических злободневных новостях; не обошлось без осуждения Кутузова; на него в высших сферах взвалили вину за позор Аустерлица. В этой части, как и в следующих, изображение знати не требовало длительных поисков. Отношение автора было ясным, и слова отыскивались без особого труда. При последующей отделке текста чаще всего приходилось приглушать слишком резко звучащий авторский голос.

Заканчивалась эта часть свиданием Александра I с Наполеоном в Тильзите. Весь рассказ до Тильзитского мира, включая встречу двух императоров, не только по содержанию, но местами текстуально совпадает с окончательной редакцией. Главное отличие ранней редакции от завершенной — подробное описание самой встречи; почти скрупулезно восстановил Толстой по мемуарам свидетелей все детали этого свидания. Толстому важно было со всей остротой показать глубину различия в восприятии Тильзитского мира «высшими сферами армии», где немедленно переменились суждения о Наполеоне, и самой армией, где все были раздражены и возмущены позорным для России миром. Мнения высших сфер выражает в романе Борис Друбецкой, а боль войска — Николай Ростов. Почти тридцать лет спустя Толстой вспоминал, как ему важно было описать свидание двух императоров в Тильзите. Но это не выходило так, как ему хотелось. «Это свидание,— говорил Толстой,— получалось все время в стороне от всех событий, и мне никак не удавалось его с чем-нибудь связать. Неожиданно случилось само по себе, по ходу романа, что Николай Ростов должен был по делу Денисова передать прошение государю и с этой целью ехать в Тильзит, а раз уж он поехал в Тильзит, я мог подробно представить это свидание двух императоров» [14].

Признание Толстого чрезвычайно интересно в нескольких планах. Прежде всего оно подтверждает, что историческая тема входила в замысел произведения с самого начала работы над ним. Намерение описать Тильзитское свидание Наполеона и Александра возникло независимо от развития сюжета, и случившаяся «сама по себе» поездка Ростова в Тильзит дала возможность включить это историческое событие в общую ткань произведения.

Столь же важна вторая сторона этого признания. Оно лишний раз напоминает о том, что в истинно художественном произведении не может быть, по убеждению Толстого, искусственных ситуаций, что события должны развертываться сами собой по строгой логике развития и вытекать одно из другого с «той же естественной последовательностью, как и в самой жизни». Как бы ни было важно событие для выражения идеи, оно не может входить в художественное произведение изолированно,

без связи, без сцепления с другими. Многие исторические факты и события, включенные в раннюю редакцию, были, как увидим дальше, исключены именно потому, что оказались в стороне от развития сюжета.

* * *

Рукопись с тематическими границами «от Аустерлица до Тильзита» закончена в декабре 1864 года.

Не удается установить, как и когда возникла мысль еще раз отодвинуть хронологическую границу начала военной темы, т. е. начать ее не с Аустерлицкого сражения, а с первых дней войны 1805 года. Быть может, Толстого натолкнули на это исторические документы, которые он изучал зимой 1864 года. Среди них были письма генерала Федора Петровича Уварова, участника войны, сочинения французского дипломата Жозефа де Местра, в одной из книг которого перечислены, как он определяет их, «пять замечательных сражений» Кутузова, предшествовавших Аустерлицу [15]. Вернее же всего, Толстому представилось более правомерным показать русскую армию не только в Аустерлицком поражении, но и в Шенграбенской победе. Известно только то, что, закончив описание Тильзита, Толстой не стал продолжать роман, а вернулся к первым дням войны, начал создавать своего рода пролог к Аустерлицу [16].

Первая часть первого тома, к этому времени уже напечатанная, заканчивалась отъездом князя Андрея из Лысых Гор на войну. Первый набросок создаваемой второй части начинается словами: «Князь Андрей догнал главнокомандующего князя Кутузова на польской границе...» Показан князь Андрей в штабе Кутузова в Браунау перед началом военных действий. В главной квартире князь Андрей чувствовал себя «в том же, столь надоевшем ему петербургском мире интриг, женщин, французских фраз и пустоты». Штабные офицеры «возбуждали в нем чувство не только презрения, но отвращения и гадливости своей грубостью, грязностью и пошлостью занимавших их интересов». Напротив, находясь в командировках или при Кутузове во время смотров, он испытывал сильно одушевлявшее его чувство при виде «симметричных двигающихся масс». Впечатления князя Андрея позволяют узнать обстановку главной квартиры, да и сам автор рассказывает о «враждебной, но учтивой дипломации австрийских и русских властей», о невыгодном положении Кутузова при австрийском дворе, о начале военных действий в октябре 1805 года, о предписании Кутузову идти на помощь Маку. На этом рукопись обрывается.

Толстой еще несколько раз начинал новую часть, пока нашел удовлетворившее его начало: стоянка Кутузова в Браунау и подготовка пришедшего полка к смотру.

По новому замыслу, народ на войне впервые будет изображен не в Аустерлице, а в начальный период войны. Толстой стремится показать национальный дух армии в тот момент, когда она впервые появляется в действии. Вдохновенно говорит Толстой о том, как войска проходили польские деревни и города, Богемию и все так же «с русскими песнями, русским говором, русскими мыслями и русскими привычками... проносся везде русский дух... и чем дальше уходили, тем плотнее сжимался этот точно кусок России, который оторвался от нее и пошел с штыками и песнями, пешком и верхом ходить по разным землям, и чем дальше, тем беззаботнее, и веселее, и руссее казался этот оторванный кусок России. Все, что было слабого, ленивого, трусливого,—все оставалось по гошпиталям сзади». Такова сущность характера русского войска, которая будет высказываться во всем военном действии.

Два плана и ряд конспективных записей [17], относящихся к создаваемой новой части, говорят о том, что в мыслях она уже созрела. Однако, судя по черновикам, большие творческие усилия понадобились для того, чтобы в художественных сценах разоблачить австрийские придворные и военные круги и показать, какое трудное положение создали они для Кутузова и его войска.

Образ князя Андрея, его идейная эволюция были также предметом напряженного труда. Своего героя, подвиг которого под Аустерлицем уже был предрешен, Толстой вел к вере в силы народа. Он сталкивал его с различными кругами людей, вводил его в такую атмосферу, которая толкала к перемене его прежних взглядов на войну и роль народа в войне. Решающая роль в предстоящей перемене взглядов была предназначена Тушину в Шенграбене. Однако психологически правильно воплотить этот замысел удалось лишь после многократной переработки глав, предшествующих Шенграбенскому сражению. В черновом варианте читаем схематический набросок размышлений князя Андрея после Шенграбенского сражения: «Я все могу. Могу найти смысл в этих толпах и мысль». Далее от лица автора: «Князь Андрей в избе записывает, ему мелькает мысль, что Тушин прав, но он стремится разумом обнять все».

Шенграбенское сражение, атака, в которой участвовал Николай Ростов, так же как и все окончание второй части, и по содержанию, и по художественной форме удались Толстому почти сразу.

Вторая часть напечатана в том же «Русском вестнике» в феврале — апреле 1866 года под тем же заглавием «Тысяча восемьсот пятый год» с подзаголовком «Война». На этом печатание романа прекратилось. Толстой решил не печатать по частям незаконченный роман, а напечатать отдельным изданием, после завершения его.

Толстой вернулся к отложенной рукописи «от Аустерлица до Тильзита», которая стала теперь третьей частью. «Весь день хорошо обдумывал много, писал мало»,— отметил он в дневнике. Тогда же писал А. Е. Берсу: «Я свеж, весел, голова ясна, я работаю — пишу по 5 и 6 часов в день... Дописываю теперь, то есть переделываю и опять и опять переделываю свою 3-ю часть».

Третьей частью Толстой считал теперь ранее созданный текст «от Аустерлица до Тильзита», к которому он приступил снова после того, как закончил и сдал в печать возникшую новую, вторую часть. Необходимо было прежде всего привести в соответствие эти две части. Когда военная тема открывалась Аустерлицем, Шенграбенское сражение упоминалось в разговорах персонажей, и лишь таким путем вводились некоторые данные о нем. Теперь, когда Шенграбенское сражение полностью изображено в действии, разговоры о нем оказались лишними. Главное, из описания битвы под Аустерлицем пришлось исключить эпизод с батареей Тушина, так как он стал центральным событием, решившим участь Шенграбенского боя.

Кроме того, по всей рукописи была проведена обычная для Толстого огромная стилистическая правка. Вписаны новые главы — Пьер в киевских имениях, князь Андрей в Богучарове и встреча обоих друзей после 1805 года.

Так создались три части ранней редакции романа — от вечера у Шерер накануне войны 1805 года до Тильзитского мира включительно.

* * *

«Романа моего написана только третья часть, которую я не буду печатать до тех пор, пока не напишу еще шесть частей, и тогда, лет через пять, издам все отдельным сочинением» [18] — так писал Толстой в конце 1865 года. К этому времени относится намеченное Толстым распределение романа на части:

«1 ч. — что напечатано.
2 ч. — до Аустерлица включительно.
3 ч. — до Тильзита включительно.
4 ч. — Петербург до объяснения Андрея с Наташей включительно.
5 ч. — до эпизода Наташи с Анатолем и объяснения Андрея с Pierr'ом включительно.
6 ч. — до Смоленска.
7 ч. — до Москвы.
8 ч. — Москва.
9 ч. — Тамбов».

Проставлена еще цифра 10, но содержание десятой части не раскрыто.

4 Заказ № 1368

Первые три части готовы; содержание остальных намечено. Пользуясь подзаголовками опубликованных частей, Толстой наметил композиционную схему:

В Петербурге, В Москве, В деревне — 9 л.	В Москве, В деревне — 3 л.
За границей — 7 л.	В Москве, В Петербурге, В деревне — 3 л.
В Петербурге, В деревне, В Москве — 4 л.	Тильзит — 5 л.
Аустерлиц — 5 л.	Письмо, В Петербурге — 5 л.
	В деревне, В Турции — 3 л.

Эта схема важна в том смысле, что она дает самое точное представление и об объеме написанных к тому времени частей и о вполне сложившейся стройной композиции всего произведения. Перенося действие из Петербурга в Москву, в Лысые Горы, на передовые позиции, опять в Петербург, Москву, деревню, Толстой связывал жизнь своих героев с военными и общественно-политическими событиями в стране.

Без отрыва пера пишет Толстой дальше свой роман до конца. Сохранилась единая рукопись — автограф; в ней 363 листа, исписанных с двух сторон [19]. Рукопись открывается обзором событий после Тильзитского мира и заканчивается кратким конспектом эпилога, каким он представлялся автору по первоначальному замыслу. Внешний вид рукописи говорит о том, что она создана единым дыханием, на огромном творческом подъеме. Толстой не задерживается больше в работе, не дает по частям в переписку. Он двигается вперед, делая тут же на полях многочисленные заметки как для исправлений и дополнений только что написанного, так и для того, о чем предстоит писать.

Четвертая часть —«Петербург до объяснения князя Андрея с Наташей». Как установилось, каждая часть открывается небольшим вступлением, посвященным тому историческому периоду, в пределах которого будет происходить действие. Теперь надо рассказать о жизни России в 1808—1810 годах. «Никто уже не поминал о *Буонапарте* — корсиканском выходце и антихристе: не Буонапарте был, а был великий человек Наполеон». Так начал Толстой вступление к четвертой части, характеризуя обстановку всеобщего преклонения перед Наполеоном. Дружба «двух властелинов мира» дошла до того, что когда «Наполеон объявил войну Австрии, то русский корпус выступил на границу для содействия своему прежнему врагу Буонапарту».

Такова внешнеполитическая обстановка. Главное же внимание русского общества обращено не на войну, а на «внутренние преобразования, которые были производимы в это время императором во всех частях государственного управления». Толстой дал подробный анализ внутренних преобразований, проводившихся Александром I, указал на то, что примером для подражания служила «отчасти Англия, отчасти наполеоновская Франция», указал на разногласия между «нововводителями» во главе со Сперанским и противниками преобразований, как Карамзин с его запиской о старой и новой России.

Действие открывает князь Андрей, несколько возрожденный душевно после встречи с Пьером, после удачных реформ в своем имении Богучарово. По рекомендации Пьера князь Андрей был принят в масоны. Живя безвыездно в деревне, князь Андрей следил за преобразованиями Сперанского и постепенно начинал тяготиться своей уединенной, казавшейся ему неплодотворной жизнью.

Появляется эпизод с дубом как символ душевного возрождения князя Андрея. Толстому сразу удалась картина ранней весны, рисунок «корявого», «презрительного» дуба, а затем того же дуба, зазеленевшего и «подавлявшего своей красотой и счастием березовые деревья, над весенним счастьем которых он прежде так мрачно смеялся». Мысли князя Андрея о дубе уже в этом варианте связывались с воспоминанием о Наташе, о той девочке, которую он мимолетно видел в Отрадном. Однако символический и глубоко психологический эпизод с дубом еще не занял того композиционно важного места, которое ему отведено в завершенном романе.

Обострившийся интерес князя Андрея к общественной жизни привел его опять в Петербург, куда, упомянул кстати автор, уехали и Ростовы; «дела старого графа так расстроились, что он поехал искать места на службе».

Толстой знал уже, что в Петербурге князь Андрей встретится с Пьером и будет вести с ним задушевные беседы; знал, что князь Андрей увлечется деятельностью Сперанского и вскоре разочаруется в ней; знал, наконец, что произойдет встреча Болконского с Наташей,— но не сразу нашел форму для столь четко продуманного содержания.

«Все предполагавшееся тогда переустройство России, готовившееся к началу 10 года», казалось князю Андрею «существенным благом для народа и первым на очереди вопросом». Участие князя Андрея в преобразованиях Сперанского позволило Толстому осветить деятельность Сперанского, высказать свое отношение к нему, то самое, к какому придет князь Андрей, и дать широкую картину государственной и общественной жизни в 1809—1810 годах. Для того чтобы работать со Сперан-

ским, князю Андрею «надо было верить, что все скверно старое, и князь Андрей верил в это».

В первой редакции «Войны и мира» Толстой отразил все главные вопросы, входившие в план реформ государственного управления: политическое переустройство государства, крестьянский вопрос, преобразование просвещения, суда и администрации. Во всех этих областях Болконский работал «с охотой, упорством и успехом». Затем Толстой схематично наметил, как закончится деятельность князя Андрея: «Он дружески разошелся с Сперанским и стал составлять общее законодательство и для того поехал учиться за границу». В этой же записи отмечена поездка Болконского на бал и перемена в его настроении: «Он почувствовал себя счастливым и готовым к счастью». Эта схема потом во многом изменится.

Не сразу Толстой нашел место для встречи князя Андрея с Наташей. Сначала встреча происходит на свадьбе Веры Ростовой с Бергом. На семейном вечере присутствует и Анатоль Курагин, который в то время был «львом Петербурга». Так подготавливалась «история» Наташи с Анатолем. Такой план отпал, и в той же рукописи появился придворный бал. Сборы Ростовых на бал, самый бал, впечатление, произведенное Наташей на Болконского, визит князя Андрея на следующий день к Ростовым, признание Пьеру в своей любви к Наташе, визит Пьера к Ростовым, чтоб «высказать свою радость», ночной разговор Наташи с матерью, вечер у Бергов и далее до предложения князя Андрея и отъезда его к отцу в Лысые Горы, а затем за границу — в такой последовательности создавалась сюжетная линия четвертой части ранней редакции. Много трудился Толстой, стремясь раскрыть душевные переживания Наташи и князя Андрея после их встречи на балу и вплоть до обручения, передать внутреннее состояние Пьера, который, испытывая растущее чувство любви к Наташе, боролся с ним.

Толстой подошел к пятой части. Центр ее —«эпизод Наташи с Анатолем». Но этому предшествовали картины отрадненской жизни Ростовых, приезд их в Москву и жизнь в Москве отца и дочери Болконских. Появившийся в это время конспект опять рассказывает, как много уже обдумано было Толстым. Первым вступает в действие Николай Ростов, который «сидел в полку эскадронным командиром. Он испытывал то перемещение интересов и ту военную поэтическую праздность, которую нельзя описать, ежели не испытал ее». Жизнь Николая в полку прерывается письмом от матери: «Отец медлит, дом не продан, приезжай, помоги нам». «Вдруг весь взгляд на вещи изменился: награда, эскадрон, песенники далеко, впереди только дом, Наташа, Соня». Таков конспект. Нетрудно вспомнить, что именно так развивалось действие и в законченном романе. Отражены в этом конспекте и гнев

Николая Ростова на управляющего Митиньку, и тоска Наташи после отъезда князя Андрея за границу, ее требование: «дайте мужа»; намечена и охота. Заканчивается конспект отъездом старого графа с Наташей в Москву, где произошла встреча с Анатолем. «Наташа кокетничает», она «пишет письмо Андрею, что она погибла». Программа ясная. По намеченному эскизу создавалась картина жизни Ростовых в деревне и затем в Москве: приезд Николая Ростова в отпуск, жизнь семьи в Отрадном, охота, святки, возвращение Николая в полк, отъезд графа с Наташей и Соней в Москву — все это не только по композиции, но и по содержанию почти совпадает с законченным текстом.

Интересны лишь несколько разночтений. В ранней редакции картину отрадненского быта Ростовых дополняют слепой сказочник, который «рассказывал на ночь графине сказки» [20], и «два шута в золотых бахромах», которые «приходили к столу и чаю и получали полоскательные чашки с чаем, с сухарем» и «говорили свои заученные, мнимо смешные речи, которым из снисходительности улыбались господа». На святках ряженая молодежь Ростовых едет не к соседям Мелюковым, а к дядюшке, и о гаданиях им рассказывает Анисья Федоровна. Богатая невеста, на которой ради поправления дел графиня хотела женить Николая, была не Жюли Карагина, как в печатном тексте, а Жюли Ахросимова, которая упоминалась в наброске начала среди гостей Ростовых и пока еще оставалась в романе.

От Ростовых автор переходит к другим персонажам, к тем, с кем Наташа встретится в Москве, — к Пьеру, к Болконским (старому князю и княжне Марье), находящимся в это время тоже в Москве.

Как всегда, когда действие переходило к Пьеру, на первое место выступала психологическая тема, отнимавшая у автора много творческих сил. Предстояло поведать об углубляющихся сомнениях Пьера в масонстве, об его душевных тревогах, связанных с чувством любви к Наташе. Как он ни боролся с ним, оно усилилось и особенно волновало Пьера после обручения Наташи с князем Андреем. Не до конца были в первой редакции решены эти вопросы в теме Пьера, но они уже достаточно были развиты.

Без больших поисков складывались картины жизни в Москве княжны Марьи с отцом, который «сделался тотчас же предметом особенной почтительности москвичей и центром московской оппозиции правительству». Близки к печатному тексту описание обстановки их старинного дома, рассказ о «внутренней домашней жизни», которая за последнее время стала так мучительна для княжны Марьи, что «она уже не скрывала от себя тяжесть своего положения». Откровенная беседа княжны Марьи с Пьером о себе, ее расспросы о Наташе, сцена обеда

в день именин старого князя, разговор за обедом на политические темы — все было найдено при работе над первой редакцией произведения.

Только один эпизод — столкновение старого князя с «вошедшим в моду» французским доктором Метивье — по форме отличался, по существу же и этот важный для образа Болконского эпизод был тогда же решен: старый князь, «войдя в бешенство», выгнал доктора с криком: «Вон! Шпион! Вон!»

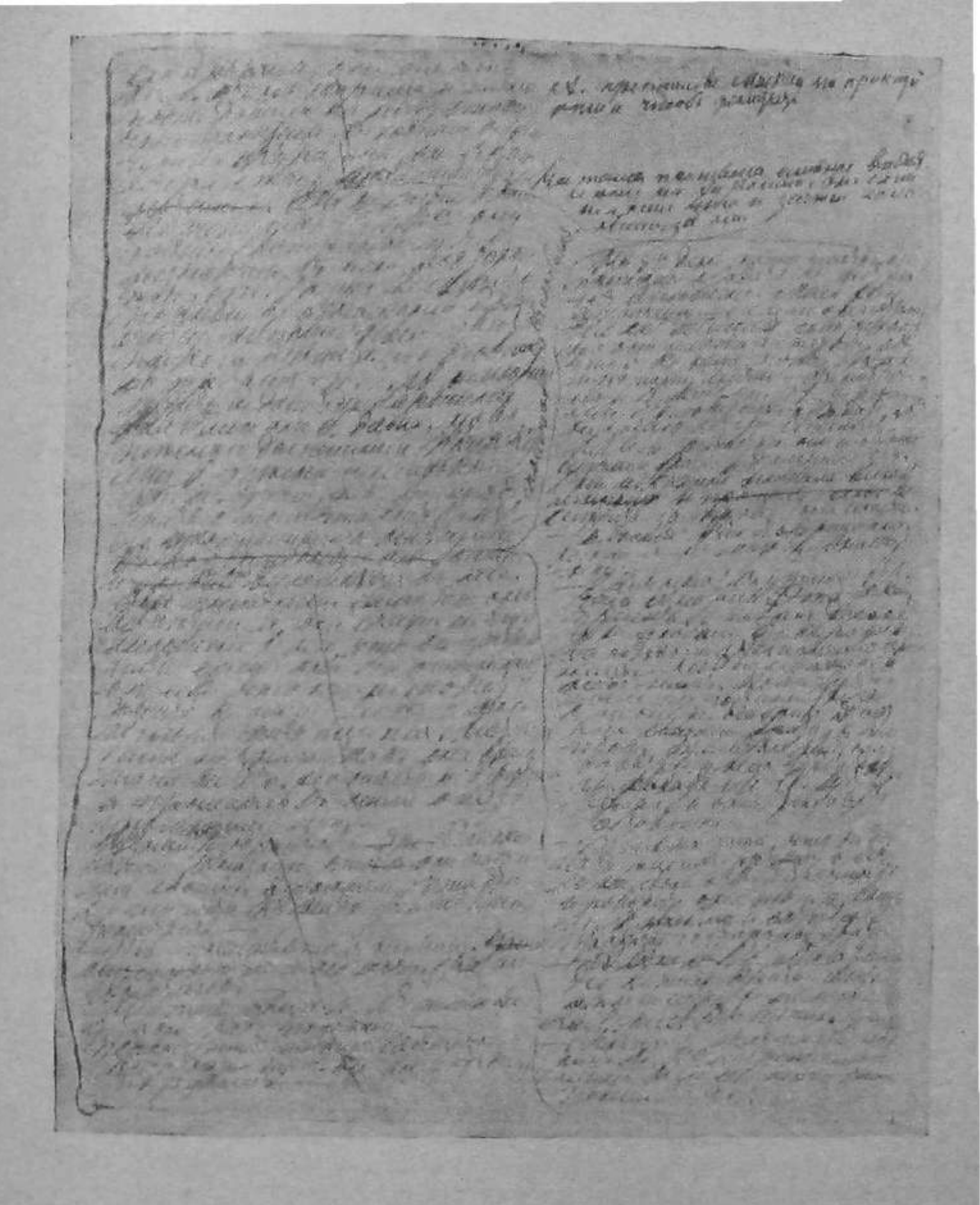
В пятой части немалое место заняли Друбецкие. Расчетливый брак Бориса Друбецкого и Жюли контрастен высокой любви князя Андрея к Наташе. Все детали женитьбы Друбецкого как в завершенном романе, так и в ранней редакции направлены только на то, чтобы показать, что Жюли было нужно «сделаться женою флигель-адъютанта», а Борису брак нужен был «для того, чтобы с меланхолической невестой получить нужные три тысячи душ в Пензенской губернии».

Осветив жизнь некоторых московских обитателей, показав затем «общество кутил», «холостого мужского света», где первенствовали Долохов и Анатоль Курагин, Толстой вернулся к Ростовым.

Хотя замысел «истории Наташи с Анатолем» был отражен в набросках буквально с первых дней работы над романом, однако в воображении писателя этот важный «узел», как он называл его, все еще не сложился. Подойдя теперь к нему вплотную, Толстой, видимо, не смог изобразить его так, как хотелось, и ограничился пока конспективным наброском. Короткая сцена в театре, где Анатолю приглянулась Наташа. Их знакомство происходит совершенно при иных обстоятельствах, чем в законченном романе. По ранней редакции события развернулись в Отрадном, куда старый граф пригласил Анатоля, познакомившись с ним в Москве. Наташа признается Соне в своей любви к Анатолю. Соня требует объяснений у Анатоля, обвиняя его в непорядочности. Анатоль уезжает, а Наташа пишет князю Андрею письмо с отказом. Тут многое не досказано, узловой эпизод личной жизни героев остался недоработанным.

Катастрофа с Наташей, пока еще только намеченная, — последняя тема пятой части ранней редакции (по завершенному роману — пятая часть второго тома). Толстой наметил конспективно и реакцию князя Андрея: узнав об измене Наташи, он был озлоблен «на весь мир».

Оставив почти в конспективном виде окончание пятой части, Толстой перешел к шестой. В начале ее описана жизнь князя Андрея весной 1812 года в Турции, где он, отказавшись от штабных должностей, которые ему предлагал Кутузов, служил командиром батальона пехотного полка. (Этот эпизод не дошел до окончательного текста.) Он не переставал мечтать о Наташе и намеревался оставить военную службу, чтобы скорее начать новую жизнь с Наташей (об измене ее он еще не знал).

Встреча Наташи и Анатоля.
Лист из первой редакции романа.

Тема князя Андрея закончилась письмом Пьера, в котором «рассказывалась неосторожно история падения Сперанского и всех планов конституции и писалось о предстоящей войне 1812 года». Письмо взволновало князя Андрея. Первая мысль его была: «Неужели он не примет участия в этом деле, решающем участь отечества?»

В конспекте, которым закончилась предыдущая часть, отражено настроение Николая Ростова в это же время: «Отечество прежде всего».

Итак, тема Отечественной войны 1812 года вошла в роман, но Толстой пока не стал ее развивать. Надо было дорисовать судьбы «вымышленных» героев, которые должны стать участниками войны. На них и сосредоточилось внимание Толстого. Писатель ограничился пока пространным конспектом второй половины всего романа, включая эпилог, и вернулся к неудавшейся ему истории Наташи с Анатолем. Ни одна из военных сцен, ни одно из рассуждений о войне и военной истории (кроме эпилога) не требовали такой сложной многократной перестройки, как этот эпизод, о чем красноречиво рассказывают листы рукописи. Лишь после долгих творческих исканий найден психологически правдивый поворот темы, хотя в созданном тексте есть еще значительные отличия от завершенного.

Вслед за историей Анатоля с Наташей идет рассказ о пребывании князя Андрея в Турции. Там он получил письмо Наташи с отказом. Вновь тревожные сомнения —«что же правда?»— захватили князя Андрея.

Князь Андрей снова в России. Пьер тщетно убеждает его простить Наташу. Через Пьера князь Андрей возвращает Наташе ее письма и портрет. В участливое отношение Пьера к больной после всего пережитого Наташе теперь явно врывается не вполне еще осознанное чувство любви к ней.

Так закончилась первая половина романа. Уяснились личные судьбы «вымышленных» героев в 1812 году. Предстоит художественное отображение «славной для России эпохи», интерес к которой и породил замысел «Войны и мира».

* * *

Узловые моменты военной темы определились в конспекте: «Наполеон подходил к Неману, война неизбежна». «Смоленск взят». «В Москве приезд государя». «Московское собрание». «Бородино». «В. Денисов партизан». «Государь завидует Кутузову». Кроме основных исторических вех, довольно подробно намечена жизнь различных кругов общества и жизнь главных персонажей.

Старый князь Болконский «сидит с Bourienne, и забота мучает его больше и больше. Вооружает, укрепляет». После известия о том, что

«Смоленск взят и занята деревня французами», у старого князя ночью наступает горячка, и он умирает. Княжна Марья, услыхав от Бурьени, что «Бонапарт идет в Лысые Горы и что одно средство — припять», немедленно «сзывает людей и вооружается». Намечалось, что в это время приезжает князь Андрей и «увозит ее дальше», но немедленно возник другой замысел: княжна Марья сообщает брату о положении в Лысых Горах, но он отвечает, что «не может и едет в Смоленск». Обращают на себя внимание записанные здесь же слова княжны Марьи: «Тихон, скажи, как это стреляют?» Видимо, у Толстого мелькнула мысль заставить княжну Марью активно действовать при появлении французов. О князе Андрее узнаем, что после наташиного отказа он «написал просьбу о своем определении в действующие войска». Известно также, что он поехал в Смоленск. Нет никаких творческих наметок о поведении князя Андрея в Бородине, есть намек лишь на встречу раненого князя Андрея с Наташей и, наконец, совсем другой финал личной темы: выздоровев после ранения, князь Андрей узнает, что Пьер любит Наташу, «уступает» ее ему, «плачет и уезжает».

Еще скупее, нежели князь Андрей, представлен в конспекте Пьер. В Слободском дворце, на собрании купцов и дворян он «кричит ура»; в Бородине «ездит под огнем»; приезжает в Тамбов, куда выехали Ростовы, «и вдруг узнает, что может любить». Дополнительная запись, важная для образов князя Андрея и Пьера: «Pierre *говорит* о самопожертвовании, а Андрей делает, не говоря».

О Ростовых узнаем: в московском собрании старый граф «сзади продирается, не слышит о чем, но плачет и кричит»; после Бородина «Ростовы слышат гул, и привозят им раненых»; «Ростовы уехали в Тамбов». Отдельно намечена личная линия Николая Ростова. Родители получают от него письмо из Лысых Гор. «Он любит княжну Марью»; «Nicolas Ростов и княжна Марья обручены, получили согласие брата».

Несмотря на краткость заметок, достаточно выразительно выступает в конспекте высшее петербургское общество: «Шерер. Румянцев. Князь Василий за мир». «Растерянность, ненависть к Кутузову».

По этому конспекту развивалось действие в первой редакции. Историко-философские отступления стали по мере расширения исторического действия занимать все большее и большее место. Вся сюжетная схема от перехода Наполеона через границу до приезда Кутузова в Царево-Займище в качестве главнокомандующего полностью совпадает с главами завершенного романа.

Повествование о 1812 годе начато обзором политических событий в канун войны. В обзор включены полностью письма, которыми обменялись Наполеон и Александр весной 1812 года. Опираясь на эти письма,

Толстой развивал свои рассуждения о фатализме в истории и заключил обзор выводом: «То, что имело совершиться, должно было совершиться».

Вновь Толстой ищет, как начать действие. В первом наброске оно открывается сценой гуляния в Вильно, где около месяца находился Александр I с военным двором. Гуляние происходило 11 июня, т. е. накануне того дня, когда Наполеон перешел русскую границу. На гулянии Борис Друбецкой в «с иголочки новом мундире с одним эполетом и аксельбантом, с той гордой и спокойной особенностью придворного молодого человека, для которого мир существующий ограничен весьма малым количеством придворных людей», встречается с Hélène, которая сидела «в шелку, кружевах», в коляске, запряженной «великолепным польским цугом», и была окружена генерал-адъютантом и графом польским и русским.

Борис подошел к ней (Толстой особо останавливается на этом), «потому что хорошо было с ней иметь вид близкого». Они поговорили о предстоящем бале, который придворные затеяли дать государю в «прелестном загородном доме» Бенигсена; она обещала ему второй котильон, и они разошлись.

По первому наброску ясна намеченная для Бориса и Элен роль в великом историческом событии. Они — с придворными кругами («Une femme du monde — она, un homme du monde — я»*, — так думал об Элен и о себе Борис Друбецкой).

Описав гулянье, Толстой намеревался сразу перейти к вечернему балу, но, не докончив первой фразы, изменил план, решил подчеркнуть смысл событий приемом контраста — парадному гулянию в Вильно противопоставить событие на Немане. «В то же самое утро, как происходило это гулянье в Вильне, в это особенно замечательное прекрасной летней погодой после грозы утро 11 июня польский майор Сухаржевский, в первый приезд Hélène в Бартенштейн очень близко знакомый с нею, теперь, находясь в службе у императора Наполеона и отделенный от Hélène и всего русского, несмотря на близость расстояния, больше чем океаном — цепью часовых, стоял с своим полком недалеко от Ковно на берегу Немана».

Затем действие перенесено к Наполеону. Он готовится перейти через Неман. Уже многое сказано. Ясна оторванность придворных кругов России от жизни страны. В то время, когда в аристократических кругах России ничто не предвещало тревоги, Наполеон посягает на русскую границу.

Блестящее гуляние и предстоящий придворный бал, с одной стороны, и начало войны — с другой создают нужный автору контраст.

* светская дама... светский человек.

Очень важно для основной мысли автора противопоставление: «особенно замечательное прекрасной летней погодой утро»— и начинающаяся война, т. е. то, что, как говорит Толстой в своих рассуждениях, «противно самому человечеству и потому не может происходить по его воле».

Это начало сменилось другим. 11 июня 1812 года Наполеон вместе с Бертье приезжает к стоявшему у Немана полку улан. Так и вошло в окончательный текст, но в законченной редакции кратко изложено решение Наполеона перейти Неман, здесь же подробно поведано о настроении Наполеона в это историческое утро: Наполеон находился «в том же состоянии, в каком он был в памятное утро Аустерлицкого сражения». Вслед за этим эпизодом — бал, на котором русский император узнает, что французские войска перешли через Неман. Описание первых дней войны (отъезд Балашова к Наполеону, встреча его с Мюратом, характеристика Даву, прием Балашова маршалом Даву и затем Наполеоном) почти дословно совпадает с окончательным текстом. Нет только пока внешнего портрета Наполеона, но весьма подробно рассказано об его внутреннем состоянии и о том, с каким волнением готовился он принять Балашова.

Почти дословно совпадают с окончательным текстом сцены приезда в Москву Александра I, встреча его на Красной площади, восторг Пети Ростова, находившегося в толпе народа, прием дворян и купцов в Слободском дворце. Настроение Пьера после собрания дворян в Слободском дворце настолько естественно вытекало из его характера, что Толстой легко нашел для него форму. Так же стройно вылился рассказ о первых впечатлениях князя Андрея, приехавшего в главную квартиру в Дриссе (различные партии в армии, план кампании, теоретик Пфуль, военный совет). Под впечатлением всего увиденного князь Андрей решает не служить в штабе, а перейти в полк.

Николай Ростов «храбр в Островно»— отмечено в наброске плана. Картина сражения при Островно появилась в первой редакции и не подвергалась позднее серьезным поправкам.

Жизнь Наташи в эти дни наполнили два чувства: религия и патриотический подъем, те самые чувства, которые она в себе раньше не осознавала. Такое же настроение Наташи отражено и в печатном романе.

Пьер в эту пору бывает часто у Ростовых, рассказывает Наташе о военных событиях, о предсказаниях апокалипсиса и делает вычисления, связанные с его именем и именем Наполеона.

События начального периода Отечественной войны, до занятия Смоленска, составили в первой редакции романа шестую часть. Седьмая часть (соответствует второй части третьего тома завершенного романа) посвящена кульминации войны — событиям августа 1812 года, от взя-

тия Смоленска до Бородинской битвы включительно. Начинается седьмая часть историко-философскими рассуждениями о роли исторических, главным образом военных деятелей и итоговым обзором первого периода войны, изображенного в предыдущей части.

«Что должно было совершиться, то должно было совершиться»,— так начал Толстой свои рассуждения. Ведущая мысль их —«военное дело более всего подлежит муравейным неизбежным законам». Показав, в каких условиях неприятель проник в глубь России, Толстой заключил обзор выводом: «Так надо было... Это надо было для того, чтобы поднялся народ». Вот что в первой редакции стремился показать Толстой.

За авторским обзором следует рассказ о Лысых Горах, об отъезде Алпатыча в Смоленск, о Ферапонтове, бомбардировке Смоленска, встрече Алпатыча с князем Андреем, который отступал позади своего полка. Впечатления Алпатыча ранее были намечены так: он «сидел у ворот и смотрел, ни во что не верил, даже в бомбы,— это не очаковские — все пустяки, и бомбы не посмели тронуть его. Он верит в победоносность русских». В этом направлении создавался теперь текст об Алпатыче в Смоленске.

В отличие от завершенного текста, Алпатыч не только наблюдает, как жители уничтожают свое имущество, но и сам активно действует. Но еще не было в первой редакции художественной картины бомбардировки города и ухода жителей, были только местами конспективно изложенные впечатления Алпатыча.

Интересен эпизод, не дошедший до печати: в Смоленске появляется городничий Тушин с оторванной рукой. Он случайно в этот день приехал в Смоленск и «ходил под ядрами с своей трубочкой и завидуя раненым; запах пороха возбуждал в нем тревожное военное чувство, и он завидовал тем, которые дрались».

Сцена встречи Алпатыча с князем Андреем пока лишь намечена. На полях заметка: «Князь Андрей в свете огня радостен». Словом, все элементы, из которых создалась позднее волнующая картина народного гнева при сдаче Смоленска, полностью даны в первой редакции. Однако Толстой не задерживается на обработке этого раздела, а ведет свое повествование дальше.

Вслед за Смоленском действие переносится в Лысые Горы. Старый князь, возбужденный после возвращения Алпатыча из Смоленска, приказывает княжне Марье с Николушкой ехать в Москву, а сам решает оставаться в Лысых Горах. Все это по содержанию близко к окончательной версии. Отличие от нее: старый князь умирает от первого удара в Лысых Горах, княжна Марья с племянником и гробом отца уезжает в Богучарово. На похоронах князя присутствует Тушин, «к которому

потом княжне Марье естественно было обращаться за советом и помощью». Когда княжна Марья, разгневанная письмом французского полковника, убеждающего ее остаться, решает «умереть, дожидаясь помощи, но не сдаваться», в событиях опять участвует Тушин. Описан совет между Тушиным, Алпатычем и Дроном, сходка богучаровских крестьян, которые уже «были готовы принять Наполеона, освобождавшего их и платившего по 10 рублей за воз хлеба фальшивыми ассигнациями. Но когда услыхали слова княжны Марьи и Тушина, один поближе ловко и удобно сумел выразить, что они — куда княжна, туда и они, и все заговорили то же и разошлись с мыслью, что они молодцы».

Толстой, видимо, намеревался сохранить в своем романе истинного героя войны 1805 года. Поскольку Тушин не мог после увечия участвовать в войне, Толстой нашел ему место в тылу и, видимо, не случайно включил его в круг жизни Болконских, как бы продолжая тем самым роль Тушина в 1805 году для князя Андрея. В окончательном тексте Тушин в 1812 году не появляется. Он остается среди центральных героев первой войны и лишь упоминается после второй войны. Николай Ростов, приехав к Денисову в госпиталь, увидел «маленького, худого человека без руки, в колпаке и больничном халате с закушенной трубочкой»— это был Тушин.

Первоначально после богучаровской сходки следовал рассказ о движении французов к Москве, эпизод о Наполеоне и Лаврушке, затем был показан Петербург того времени. Не продолжая романа, Толстой вернулся к Болконским, вписал главу о приезде князя Андрея после отступления от Смоленска в опустевшие Лысые Горы. Несколько изменены были и богучаровские события. Теперь в имение Болконских случайно приезжает Николай Ростов. Он-то и выручает княжну Марью.

Французский историк Тьер упоминает о встрече Наполеона с русским пленным казаком. Толстой ввел этот случай в свой рассказ. Роль пленного казака поручил денщику Николая Ростова Лаврушке. Эпизод этот создался легко и как в окончательном романе, так и в ранней редакции помогал едко высмеивать Наполеона.

Так же без особого труда созданы картины петербургской придворной жизни с неизменными гостиными, где толковали о назначении Кутузова главнокомандующим.

Намечая в одном из конспектов салонные разговоры о Кутузове, Толстой записал: «Кутузов делает свое дело и едет». Приездом Кутузова в Царево-Займище начинается следующий раздел, в котором действие вновь перенесено на военные позиции. После свидания с Кутузовым князь Андрей почувствовал успокоение, он понял, что Кутузов сделает все, что нужно «для общего дела». И «на этом же чувстве,— пишет Толстой,— которое более или менее смутно испытывали все, и основано

было то единомыслие и общее одобрение, которое сопутствовало избранию Кутузова в главнокомандующие». При всех своих тревогах о сестре и сыне, которые после смерти отца остались «без покровительства», князь Андрей решил остаться в армии, «исполняя долг и защищая отечество».

Дальнейшее вплоть до Бородинского сражения, хотя и содержит основные вехи повествования, известные по роману, но значительно отступает по содержанию и по-иному решено композиционно. Схематично в переводе на главы окончательной редакции композиция ранней может быть представлена так: главы XVI, XXVI, начало XIX, XVII, XVIII, XX — XXV, XXX — XXXII, XXXVI, XXXVII. Сцены приезда Кутузова к армии сменились сценами с участием Наполеона в канун Бородина. Почти карикатурно представлена его внешность. Чрезвычайно интересен не дошедший до печати эпизод атаки Шевардинского редута. Нет картины самой атаки, нет ни намека на действия сражающихся. Тон рассказа определяется хорошим настроением Наполеона. Легко дал Наполеон распоряжение об атаке, «слез с лошади, чтобы спокойнее любоваться зрелищем», и после того как было «убито и ранено около 10 тысяч человек с обеих сторон», Наполеону подали лошадь, «и он шагом поехал ужинать». За такой, якобы спокойной, картиной атаки последовали взволнованные раздумья автора о Шевардинском и Бородинском сражениях.

Сюжет подведен к центральному событию Отечественной войны, к Бородинской битве. Сложившаяся к тому времени обстановка в стране освещена разносторонне. Показан Петербург с его придворными кругами и светскими салонами, где болтали о войне и о Кутузове, рассказано о патриотическом народном подъеме в Смоленске, обрисована штабная военщина, захваченная только личными интересами, и на этом фоне резко выделяются тревоги и размышления князя Андрея, его решение служить в армии, а не в штабе. Достаточно развенчан Наполеон и выдвинут Кутузов, который был именно тем, кто был в данный период войны нужен.

Ничего еще не было сказано о московском обществе в эту пору, о Ростовых, о Пьере. Теперь Толстой рисует Москву. «24 августа 1812 года вечером узналось в Москве, что французы в 60 верстах по Смоленской дороге и сражаются с русскими. В Москве уже все волновалось, каждый день выходили растопчинские афишки, иностранцы все были высланы, скоро должен был быть готов шар, который полетит в лагерь французов, и многие уезжали по направлению к Нижнему и Тамбову».

Пьер приходит к Ростовым. Когда он сказал, что едет в армию, Наташа «изменилась и не спускала с него глаз». Пьер, в эти дни испытавший «радостное беспокойное чувство» оттого, что изменяется, наконец, «ложный, но всемогущий быт, который заковал его», решает ехать к армии, чтобы «своими глазами увидать, что такое война». Уяснится это Пьеру не при объезде позиций вместе с генералом Бенигсеном в канун боя, а при встречах с солдатами и более всего в беседе с князем Андреем. Над этой беседой, которую в одной из записей Толстой назвал «философией Пьера и Андрея», он упорно работал. Мысли Толстого о войне, высказанные в его исторических рассуждениях, почти дословно повторял князь Андрей, который был раздражен накануне боя. Князь Андрей говорил о войне, о военной истории, о славе, о неизменных законах, по которым все делается, о ничтожности штабной верхушки, где думают, что решают судьбы России, и, главное, о том, что нынешняя война не та, что прежние войны. «Теперь, когда дело дошло до Москвы, до детей, до отцов — мы все, от меня и до Тимохина, — мы готовы». Так сложилось уже в ранней редакции.

Наутро произошло Бородинское сражение. Нет еще ни подробных данных о расположении войск, ни плана сражения, ни развернутой картины боя в разгар его, мало еще действия. Картина Бородина составляется пока только из разрозненных впечатлений Пьера. Тем не менее уже проясняется, как трактует писатель центральное событие Отечественной войны. На строгих лицах людей, занятых «каким-то невидимым, но важным делом», Пьер видел «отпечаток озабоченности», он вслушивался в звук выстрелов, и ему показалось, что они раздались близко и торжественно. Князь Андрей (Пьер увидел его скачущим впереди полка) «задыхался от волнения и радости, двигаясь вперед». В минуту душевного подъема князя Андрея ранят.

Как был в ранней редакции освещен дальнейший ход сражения, были ли изображены Кутузов, Наполеон во время боя, сказать нельзя, так как двенадцать страниц автографа утрачены.

Окончание Бородинского сражения, как и начало его, показано под углом зрения Пьера, который к концу сражения «устал, устал физически и нравственно» и не мог «ни двигаться, ни думать, ни соображать. На всех лицах, которые он видал, одинаково на тех, которые шли туда и которые возвращались, была видна такая же усталость, упадок сил и, главное, сомнение в том, что они делали».

Далее — авторское отступление как бы развивает переживания Пьера. «Собрались тучки, и стал накрапывать дождик на убитых, на раненых, на испуганных и на изнуренных, и на сомневающихся людей, как будто он говорил: «Довольно, довольно, люди, перестаньте, опомнитесь, что вы делаете?» Но нет, хотя уж к вечеру сражения люди чувствовали весь ужас своего поступка, хотя они рады бы были перестать, уже истощив свою потребность борьбы, но данный толчок еще двигал этим страшным движением, запотелые в порохе и крови, оставшиеся

по одному на три, артиллеристы, хотя и спотыкаясь от усталости, приносили заряды, заряжали, наводили, прикладывали фитили, и злые холодные ядра так же прямо и быстро и жестоко перелетали с обеих сторон и расплюскивали человеческое тело». Этот отрывок почти дословно вошел в печатный текст. Заканчивается авторское отступление выводом: «Русские отступали с половины позиции, но стояли так же твердо и стреляли остающимися зарядами».

Определилось самое для Толстого важное: роль главного героя, дух армии. После того как Наполеон «с покрасневшим от насморка носом» выехал за Шевардинский редут и, глядя на густые колонны русских, распорядился продолжать бой, «350 орудий продолжали бить, отрывать руки и ноги и головы у столпившихся и неподвижных русских». Мысль о непоколебимости, стойкости и мужестве русского войска с большой силой прозвучала в ранней редакции романа.

Все меньше становится в ранней редакции законченных художественных сцен, чаще и чаще стройное повествование прерывается конспектами, авторскими рассуждениями. Поля рукописи пестреют набросками дальнейшего. Толстой как будто торопится хотя бы в основных чертах довести произведение до конца. Однако все главные эпизоды, знакомые по окончательному тексту, намечены, а некоторые даже в какой-то мере разработаны: жители оставляют Москву; раненые во дворе Ростовых; порыв Наташи; старый граф, взволнованный поступком дочери, громко, весело кричит: «Швыряй, к черту, с подвод, накладывай раненых!» Среди раненых князь Андрей, но Наташа «не знала, кто лежит умирая около нее». Пьер решает остаться в Москве, чтобы убить Наполеона, «виновника всех злодеяний». Не было еще известной встречи Пьера с Наташей у Сухаревой башни, но встреча предусмотрена. В день ухода жителей из Москвы Пьер приходит к Ростовым, осмелившись теперь, когда «все на краю гроба», признаться Наташе в своей любви к ней.

Изображение светской жизни Петербурга в эти трагические для России дни, «спокойной, роскошной, тщеславно пустой жизни», которая независимо от «опасного и трудного положения государства» шла по-старому, почти без исправлений дошло до печати.

Совсем эскизно намечено дальнейшее действие, но голос автора звучит с прежней силой. Рисуя Наполеона, глядящего на «знаменитый азиатский город», Толстой комментирует: «Этому узкому уму ничего не представилось кроме города, добычи и его великого завоевательства», и он «с хищной и пошлой радостью смотрел на город». Пьер в опустевшей Москве и затем в плену показан пока совсем по-иному, и главное, нет Платона Каратаева, упомянут лишь солдат сосед, научивший Пьера завязывать веревочкой на щиколотках чужие панталоны.

Для окончания романа создана развернутая канва. В нее вошли рассуждения автора о фланговом марше Кутузова, описание хода войны после бегства французов из Москвы, Тарутинский лагерь, «неимоверный беспорядок и растерянность во французском войске, дух которого, — пишет Толстой, — уже упал, когда они подходили к Москве», и «еще больше упал вследствие пожаров и грабежей московских». Кутузов же уверен в победе. «3-го числа, когда Кутузову сказали, что французы выступили из Москвы, он захлипал от радостных слез» и, перекрестясь, сказал: «Уж заставлю же я этих французов есть лошадиное мясо, как турок».

Не столько по объему, сколько принципиально большое место уделено партизанским отрядам, которые «брали по 10 тысяч пленных, не теряя 100-й доли людей. А кто был на войне, тот знает, что только бегущего раненого медведя можно безобидно убить рогатиной, а не целого и смелого. Кутузов один знал это».

Показаны Петя Ростов в отряде Денисова, отряд Долохова, Тихон Шестипалый (вместо Щербатого), русские пленные на походе, и среди них Пьер и старый солдат, который ослабел, отстал и был пристрелен (в завершенном романе так кончится жизнь Каратаева). Отряд Долохова, захватив депо Бланкара, освобождает партию пленных, среди них и Пьер. Пьер приезжает в Тамбов в то время, как князь Андрей, оправившись от ранения, вернулся в армию. Князь Андрей встречается с Николаем и Петей Ростовыми в Вильно, где стояла армия. Кутузов прощается с войсками, присутствуют при этом князь Андрей, Николай и Петя Ростовы. Кутузов поздравил войска с победой. «Из 500 тысяч нет никого, и Наполеон бежал. Благодарю вас. Бог помог мне. Ты, Бонапарт, волк, ты сер, а я, брат, сед [21], — и Кутузов при этом снял свою без козырька фуражку с белой головы и нагнул волосами к фрунту эту голову... — Ураа, аааа — загремело 100 тысяч голосов, и Кутузов, захлебываясь от слез, стал доставать платок».

Так кончается первая редакция «Войны и мира». Рукопись завершилась конспектом части эпилога, относящейся исключительно к личной жизни центральных героев. Намечены две свадьбы: Пьера с Наташей и Николая Ростова с княжной Марьей; отъезд Николая Ростова в полк, с которым он вступил в Париж, «где он вновь сошелся с Андреем». Вся семья Ростовых, Пьер с Наташей и графиня Марья с племянником Николенькой Болконским прожили лето и зиму в Отрадном, дожидаясь возвращения Николая Ростова и князя Андрея.

«КОНЕЦ»— крупными буквами написал Толстой на последнем листе рукописи.

Две части, опубликованные в «Русском вестнике» под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год» [22], и непосредственно продолжившие их

5 Заказ № 1368

две большие рукописи, содержание которых кратко изложено выше, и составляют первую полную редакцию, создававшуюся в течение трех лет.

Что же представлял собой роман в его первой полной редакции? Было ли завершенное произведение «Война и мир» в корне отличным от первоначального замысла или органично развилось из него? Чтобы уяснить это, необходимо установить, каковы отличия этой редакции от опубликованного романа и что общего между ними. Для изучения истории создания любого произведения в равной мере важно определить, что удалось автору сразу и что потребовало напряженного труда.

Сравнивая первую полную редакцию «Войны и мира» с законченной, убеждаемся в следующем: хронологические границы, охваченные в ранней редакции, те же, что и в окончательной (лето 1805 года — конец 1812 года). Нет только последних семи лет, обзору которых посвящены первые главы законченного эпилога. Географический охват тот же: действие происходит в Петербурге, в Москве, в деревне (Лысые Горы, Богучарово, Отрадное) и во всех пунктах, в которых проходили основные военные действия в 1805—1812 годах. Отобраны те же исторические факты, но только не все они еще разработаны с одинаковой полнотой, а некоторые лишь конспективно намечены. В то же время в ранней редакции полно освещены такие военные события, которые в окончательном тексте только упоминаются. Таковы, например, подробные описания сражений под Кремсом, Амштеттеном, Ламбахом, анализ плана сражения под Аустерлицем и другие. В самом отборе и, главное, в осмыслении исторических фактов с достаточной ясностью выражены идейные позиции автора.

Все исторические лица, действующие в «Войне и мире», введены в раннюю редакцию романа в тех же ролях и с теми же авторскими оценками. Из «полувымышленных» героев не только главные, но второстепенные и даже эпизодические персонажи — все участвуют в ранней редакции; нет только Платона Каратаева.

Ранняя редакция «Войны и мира»— это многоплановое произведение. В историко-философских рассуждениях голос автора уже звучит громко и отчетливо. Писатель дает теоретическое обоснование своим взглядам на историю, дополняя ими художественное воплощение исторических событий. Публицистические отступления не выделяются как нечто инородное из общей канвы, а сливаются с художественным вымыслом в единое целое.

* * *

Завершив роман в его первоначальном виде с «благополучным» пока для всех героев окончанием войны, Толстой дал ему бессмертное заглавие «Война и мир».

Как возникло это заглавие? В рукописях романа его нет. Оно впервые упоминается в письме А. Е. Берса к С. А. Толстой. В рукописях встречаются два заглавия: «Три поры»— так озаглавил Толстой один из самых ранних вариантов начала, затем «С 1805 по 1814 год»— заглавие двенадцатого варианта начала. В 1866 году, когда роман в его первой редакции близился к завершению и Толстой начал задумываться о заглавии, у него явилась мысль назвать свое призведение «Все хорошо, что хорошо кончается» [23]. Только год спустя было, наконец, найдено заглавие «Война и мир». Первый раз оно собственноручно написано Толстым в проекте договора с Катковым на печатание романа, составленного тотчас же после окончания первой полной редакции его [24]. В журнальном оттиске первой части, который служил наборной рукописью для первого отдельного издания, поверх печатного заглавия «Тысяча восемьсот пятый год» неизвестной рукой вписано красным карандашом новое заглавие «Война и мир».

По поводу заглавия выдвигались различные догадки. Возникало предположение, что заглавие могло быть подсказано выражением из книги С. Глинки «Записки о 1812 годе»: «мир и война шли рядом». Другое предположение связывает заглавие романа Толстого с исследованием Прудона «La guerre et la paix» — русский перевод его вышел в 1864 году под заглавием «Война и мир» [25]. Документально ни одна из догадок не подтверждается. Известно лишь признание Толстого: «Названий вообще я никогда не умею придумывать и приискиваю большей частью, когда все написано» [26]. Не всегда так случалось; например, для двух следующих романов заглавие определилось на более ранней стадии работы. Но, действительно, так вышло с «Войной и миром». Заглавие «приискано», когда роман был в первой его редакции написан.

О происхождении заглавия можно выдвинуть еще одну догадку. В проекте договора с М. Н. Катковым Толстой написал заглавие: «Война и міръ», т. е. через і. Одно из значений слова «міръ»— все люди, весь свет, весь народ. Можно допустить, что, давая заглавие своему произведению, главным героем которого является народ, Толстой имел в виду не «мир» как противопоставление войне, а вкладывал в него понятие общей жизни всех людей, всего народа.

Такую догадку позволяет выдвинуть также и то, что в тексте романа слово «міръ» неоднократно употребляется в смысле «народ».

«Наташа любила слушать «міромъ господу помолимся», думая, как она соединяет себя в одно с міромъ кучеров и прачек». Так было в ранней редакции. Этот текст уточнялся потом. «Она старалась понимать и счастлива была, когда она понимала некоторые слова, как «міромъ господу помолимся...» Она понимала их по-своему. Міром значит нарав-

не со всеми, со всем міромъ». В окончательном тексте еще более углублен смысл, который вкладывала Наташа в слова молитвы «Міромъ господу помолимся». «Міромъ»— все вместе, без различия сословий, без вражды, а соединенные братской любовью».

Особенного внимания заслуживает следующий пример. В ранней редакции, в главе о деятельности князя Андрея в Петербурге, Толстой рассказывает, как преобразования Сперанского увлекли даже князя Андрея, жившего долго в деревне, видевшего «и войну и міръ в самой действительности». Не говоря уже о самом написании этого слова, здесь бесспорно в него вложено понятие «народ», жизнь народа, которую князь Андрей видел «в самой действительности». В приведенном примере особенно важно, что даже в сочетании слов «война и міръ» «мир» никак не означает противопоставления войне, это не имело бы смысла в данном контексте; если бы имелась в виду мирная жизнь, неоправданно было бы упоминание о жизни князя Андрея именно в деревне, тем более, что в деревне князь Андрей жил и во время второй войны с Францией.

Наконец, еще один существенный пример — в главе о Богучаровском бунте. «Взглянув на Дрона, он (Алпатыч) тотчас понял, что ответы Дрона не были выражением мысли Дрона, но выражением того общего настроения богучаровского міра, которым староста уже был захвачен». (Текст этот вписан в корректуру [27].)

Денис Давыдов в «Дневнике партизанских действий»— в работе, которую Толстой особо выделял из других изучаемых им исторических книг, — словом «міръ» назвал однажды свой партизанский отряд: «... Я созвал міръ и объявил ему о мнимом прибытии большого числа наших войск...» Отряд Денисова состоял не только из крестьян, в него входили разные сословия. Денисов пишет: «С нами пошли: отставной мичман Николай Храповицкий, титулярный советник Татаринов, шестидесятилетний старец и землемер Макаревич; прочие помещики остались дома, довольствуясь ношением охотничьих кафтанов, препоясанные саблями и с пистолетами за поясом». Таков был «міръ» Денисова.

В «Походных записках артиллериста» И. Радожицкого, которыми Толстой чрезвычайно широко пользовался, изображая войну 1812 года, также употреблено слово «міръ» в отношении партизанских отрядов [28]. Эти исторические сочинения, хорошо изученные Толстым, могли подсказать ему заглавие для романа, в котором он стремился показать роль народа, разных пластов его в войне за родину.

Заглавие «Война и міръ», т. е. «война и народ», больше соответствует основной идее романа, так как задача Толстого — показать великую роль народа в Отечественной войне, и вовсе нет в романе сопоставления

Проект договора на издание романа «Война и мир». Заглавие вписано Толстым.

военной и мирной жизни. Из 17 частей романа только в трех (т. II, ч. 3—5) события происходят в период между двумя войнами — войной 1806—1807 годов и Отечественной.

Интересно привести заметку, появившуюся тотчас после выхода последнего, шестого, тома романа: «Наконец, знаменитый роман «Война и мир» окончен... Но, вероятно, некоторые любознательные читатели остались в недоумении и желали бы спросить: почему же этот роман называется «Война и мир»?.. В продолжении всех шести томов автор описывает нам беспрерывную войну, ну, а мир-то когда же будет?.. И точно, об мире почти ничего не говорится» [29]. При жизни Толстого роман печатался под заглавием «Война и мир». Как произошла замена слова, получившего совершенно иное значение, по сохранившимся документам установить невозможно. В посмертных изданиях лишь однажды, в 1913 году, П. И. Бирюков, друг и биограф Толстого, издал роман под заглавием «Война и міръ» [30].

Не в идейном содержании заключается отличие ранней редакции от опубликованного романа. «Художественное произведение требует строгой художественной обработки»,— писал Толстой позднее. «Надо заострить художественное произведение, чтобы оно проникло», только тогда оно «пройдет через равнодушие и повторением возьмет свое» [31]. Таковы принципы писателя. И как всегда у Толстого, каждая, даже, казалось бы, небольшая стилистическая правка заостряла мысль. На художественное заострение вчерне законченного произведения и были направлены творческие усилия автора в третий, последний период работы, когда роман готовился к печати. На это потребовалось еще три года.

ПУТЬ К ЗАВЕРШЕНИЮ РОМАНА

Эта последняя работа отделки очень трудна и требует большого напряжения; ...но в этой работе есть своего рода вершина, которой достигнув с трудом, уже нельзя остановиться, и не останавливаясь катишься до конца дела.

Л. Толстой

Роман представлялся Толстому настолько готовым, что он счел возможным начать печатание его отдельным изданием, и ему казалось, что для доработки потребуется немного времени; к осени 1867 года он рассчитывал закончить печатание. Толстой ошибся. Только в декабре 1867 года вышел первый том, а в декабре 1869 года — последний. «У меня голова кругом идет от затеянного мною печатания» [1],— писал он весною 1867 года. Содержание каждого тома устанавливалось в процессе работы над ним. Только после отделки и сдачи в печать очередного тома Толстой переходил к следующему.

С исправления двух напечатанных в «Русском вестнике» частей под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год» началась подготовка романа к печати [2]. Некоторые исследователи утверждали, будто «Тысяча восемьсот пятый год»— некое самостоятельное произведение, по идейным позициям автора резко отличное от «Войны и мира». Была даже попытка приравнять «1805 год» к «Зараженному семейству» [3]. Трудно понять, как могла родиться мысль рассматривать первые две части как самостоятельное произведение, и в чем увидели столь глубокие отличия. Исправления первых частей не дают к тому ни малейших оснований. Сам Толстой определил характер исправлений первой части: «Я много сокращаю в первой части, отчего выигрывает сочинение во всех отношениях» [4].

Закрепившаяся в ранней редакции композиция обусловила построение каждого тома [5]. В каждый том, посвященный определенному отрезку времени, входили все четыре планомерно сменяющие друг друга сюжетные линии: «В Петербурге», «В Москве», «В деревне», «Война».

В ПЕТЕРБУРГЕ — это придворные салоны, в которых собирался «цвет общества», в которых разговор происходил «на том особенном французском языке, секрет которого, по мнению знатоков дела, теперь уже утрачен», и где высказывались признанные суждения. Роль салонов в романе многообразна: немало исторических фактов, злободневных новостей вводится посредством салонных бесед, в них высказывается настроение официальных кругов.

Эта тема без колебаний была решена в ранней редакции. Более или менее выраженная, но всегда ирония, подчас злая ирония — таков основной тон автора в изображении «сливок общества». Он появился в ранних набросках и ни разу не пересматривался автором. В этом убеждает сопоставление салонных сцен ранней редакции и завершенной. С салона Анны Павловны Шерер началось развитие действия. Правкой этой сцены началась подготовка первого тома к печати. Что изменилось в этой сцене, созданной почти три года тому назад? Тогда Анна Павловна с князем Василием обсуждали «самую свежую новость дня»— депешу Н. Н. Новосильцева о захвате Наполеоном Генуи и Лукки. Теперь взамен появилось краткое замечание о том, что между фрейлиной и князем Василием шел разговор «про политические действия», а депеша Новосильцева лишь упоминается. Быть может, подробное обсуждение депеши исключено потому, что оно затягивало первую сцену, не входя в художественную ткань дальнейшего повествования. Вероятно, из тех же соображений значительно сокращен рассказ виконта об убийстве герцога Энгиенского.

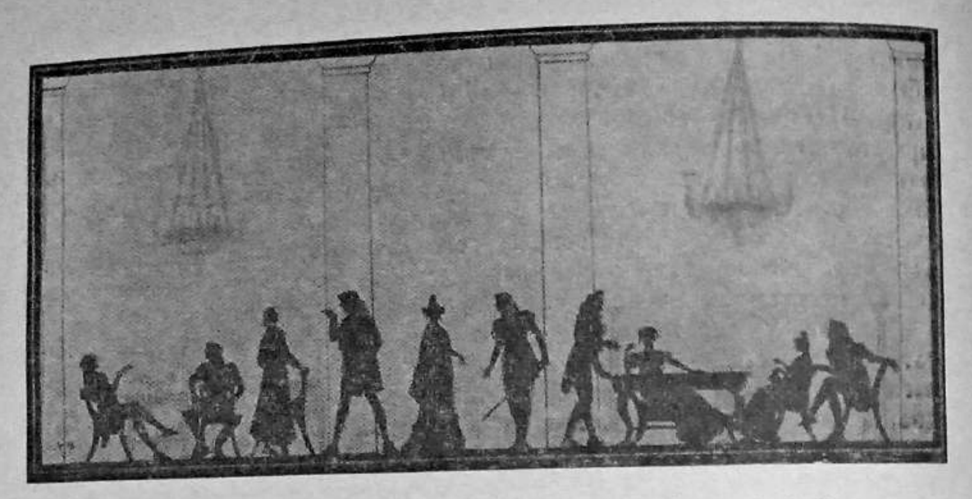
Исправления не затронули характера хозяйки, который был ясен автору с самого начала. Прежними остались и характеры ее постоянных гостей, таких, как Курагины, Друбецкие, а также эпизодических — виконт, аббат.

Вновь действие происходит в салоне той же фрейлины «в начале зимы с 1805 на 1806 год», накануне Аустерлицкого сражения. Вечер «был такой же, как и первый, только новинкою, которою угащивала Анна Павловна своих гостей, был теперь не Мортемар, а дипломат, приехавший из Берлина и привезший свежейшие подробности о пребывании государя Александра в Потсдаме и о военных действиях». Таков был первый вариант и так дошло до печати с тем лишь отличием, что вместо подробностей «о военных действиях» дипломат сообщал о том, как «два высочайшие друга поклялись» в Потсдаме «в неразрывном союзе отстаивать правое дело против врага человеческого рода».

По ранней редакции, Анна Павловна «более всех» выказала разбогатевшему теперь Пьеру «перемену, происшедшую в общественном взгляде на него», и так же точно Анна Павловна, «находившаяся в раздраженном состоянии полководца на поле битвы, когда приходят тысячи новых блестящих мыслей, которые едва успеваешь приводить в исполнение», позаботилась о том, чтобы приглашенный ею Пьер был все время возле Элен, назначенной ему князем Василием и Анной Павловной в жены. Так сохранилось в законченном романе.

Когда действие подошло ко второй войне с Наполеоном, опять выступила очередная тема —«В Петербурге». Показан тот же придворный салон. «С первого вечера, как Пьер так неуместно защищал Наполеона в гостиной Анны Павловны, прошло много времени. Первая коалиция была уничтожена, сотни тысяч людей погибли под Ульмом и Аустерлицем. Буонапарте, столь возмущавший Анну Павловну своей дерзостью присоединения Генуи и надевания себе на голову сардинской короны, Буонапарте этот с тех пор посадил своих двух братьев королями в Европе, предписывал законы всей Германии, был признан императором всеми европейскими дворами, кроме России и Англии, уничтожил в две недели прусскую армию под Иеною, вступил в Берлин, взял понравившуюся ему шпагу Фридриха Великого и отослал ее в Париж (это последнее обстоятельство более всех других раздражало Анну Павловну) и, объявив войну России, обещался уничтожить ее новые войска так же, как и под Аустерлицем. Анна Павловна же давала в свободные дни у себя такие же вечера и точно так же, как и прежде, подшучивала над Наполеоном и недоумевающе гневалась на него и на всех европейских государей и полководцев, которые, как ей казалось, нарочно согласились потворствовать Наполеону, чтобы сделать ей и вдовствующей императрице эту нравственную неприятность и огорчение. Но Анна Павловна и ее высокая покровительница считали себя выше такого поддразнивания.

— Тем хуже для них,— говорили они и все-таки высказывали приближенным свой, на этот счет, непритворный образ мыслей».

Салон А. П. Шерер. Силуэт В. В. Гильмерсена.

Этот первоначальный текст вошел потом в исправленном виде во второй том романа. Правка направлена была на то, чтобы сократить обзор исторических событий, происшедших в перерыве между двумя вечерами фрейлины, и несколько приглушить слишком открытую иронию по адресу хозяйки вечера.

Настойчивые упоминания о том, как поведение Буонапарте «возмущало» и «раздражало» Анну Павловну, заменились в окончательном тексте общей характеристикой вечеров фрейлины: на них, как нигде, выказывался «градус политического термометра, на котором стояло настроение придворного легитимистского петербургского общества». Пользуясь формулировками из цитированного выше авторского обзора, Толстой сообщил, какой же «градус политического термометра» указан был обществу на этом вечере: «мнение наше насчет Бонапартия не может измениться».

По ранней редакции, на этот вечер был приглашен Пьер. Цель Анны Павловны была — увещевать его вернуться к оставленной им Элен, но в пригласительной записке Анна Павловна сообщала, что у нее имеются известия об его друге князе Андрее. Появление Пьера в салоне существенно отличало ранний текст всей сцены.

«В тот вечер, когда Пьер взошел на крыльцо Анны Павловны, его встретил тот же придворный пухлый лакей, с тем же значительным и торжественным видом отворил дверь и провозгласил его имя, когда он входил по ковру в ту же бархатную масака гостиную, в которой на том же кресле, с тем же безучастным видом сидела безмолвная тетушка, во всех своих чертах и позе олицетворяя тихую и преданную печаль о безбожных успехах Буонапарте». В этот вечер Анна Павловна «угащивала» собравшееся у нее общество «не эмигрантом Мортемаром», а «известным московским сочинителем и масоном», который на днях «имел честь не в качестве масона, но в качестве сочинителя и благотворителя представляться ее величеству вдовствующей императрице». Так в ранней редакции охарактеризовал Толстой салон и его хозяйку. «Мало изменилось» и общество Анны Павловны, «не было в нем только князя Андрея с женой и князя Василия с дочерью». Ясно из всего описания вечера, что князь Василий не мог быть только потому, что Анна Павловна намеревалась говорить с Пьером об Элен. Но были в гостиной «тот же старый генерал, та же тетушка, тот же Ипполит, и французский эмигрант Мортемар был теперь в русском гвардейском мундире вместо своего дореволюционного кафтана». В числе гостей назван еще «молодой гвардейский офицер, только приехавший из армии». Он был «как бы entrée * для большого и существенного блюда, которое составлял московский мудрец. Молодого человека расспрашивали о последних новостях и новости эти предлагали обсуживать сочинителю».

Сначала Толстой намеревался сохранить за Пьером его обычную роль спорщика, и на вечере Пьер «в азарте» ругал всех. Затем позиция Пьера, по воле автора, изменилась. Он лишь наблюдал за происходившим в салоне, ему казалось, что перед ним «только тени картины, а не живые люди», и он пришел к выводу: «Они ли все уроды, или я урод, но мы чужие».

В следующей рукописи замысел эпизода изменился. Пьер не остается на вечере, а после безуспешной попытки Анны Павловны примирить его с женой уходит. От Анны Павловны он узнал, что князь Андрей жив. Не удержался и этот набросок. По окончательному тексту романа Пьер не участвует в сцене вечера, а светское общество осуждает Пьера, оставившего жену. Отсюда и другие изменения в этой сцене. Среди гостей оказался лишним «московский сочинитель и масон». Он нужен был в первом варианте ради Пьера, который согласился остаться на вечере только из желания «увидеть этого знаменитого нового своего собрата». Упомянутый ранее «молодой гвардейский офицер» был заменен Борисом Друбецким. С этого вечера он входит как свой в придворные салоны, где собиралось «все высшее и значительнейшее»: там были «звезды, эполеты и посланники». Эта злая насмешка над высшим кругом не дошла до печати. «Лицо, которым, как новинкой, угащивала в этот вечер Анна Павловна своих гостей», был не масон, а Борис Друбецкой.

---

* закуска.

На вечере присутствует Элен, которая «выказала» к рассказам Бориса «более всех внимания». С того времени Борис и «сделался близким человеком в доме графини Безуховой». Так сложилось в завершенной редакции.

В картинах жизни героев после Тильзитского мира Толстой опять рисует придворный круг. У него теперь на прицеле два салона. «Как и всегда, и тогда высшее общество, несмотря на то, что все соединялось вместе при дворе и на больших балах, подразделялось на несколько кружков, имеющих каждый свой оттенок. Был, хотя и небольшой, но ясно определенный кружок недовольных союзом с Наполеоном, кружок легитимистов, Joseph Maistr'а и Марьи Федоровны (к кружку этому, само собой, принадлежала Анна Павловна). Был кружок М. А. Нарышкиной, кружок, которого характером было светское изящество, без всякого политического оттенка. Был кружок деловых людей, более мужской — либералов: Сперанского, Кочубея, князя Андрея; был кружок польской аристократии, А. Чарторижского и других, и был кружок французский — наполеоновского союза, графа Румянцева и Caulaincourt'а, и в этом кружке один из самых видных центров заняла Hélène». До окончательного текста не дошли характеристики всех «кружков». Отмечено лишь кратко, что, «как и всегда, и тогда высшее общество, соединяясь вместе при дворе и на больших балах, подразделялось на несколько кружков, имеющих каждый свой оттенок. В числе их самый обширный был кружок французский, наполеоновского союза», и в этом кружке «одно из самых видных мест заняла Элен».

В ранней редакции романа первоначально был пространно изображен вечер у Элен, которая «только приехала из Эрфурта», и общий разговор среди гостей «шел преимущественно о Эрфуртском свидании, бывшем новостью дня». Произносились «восторженные речи о Наполеоне, том самом, который прежде предавался проклятиям». Теперь же «не было достаточно восторга и почтительности, чтобы говорить об этом гении», и кроме того выражался «восторг вообще к французам». На вечере присутствовал князь Андрей, который «вступал и даже держал разговор, весело и колко противореча». Находился тут и Пьер, который «шутил и изредка блеском своей французской болтовни, несмотря на невыгодное положение мужа в гостиной жены, обращал на себя внимание. «Да, это ничего, не обращайте внимания, это мой муж», при этом говорило выражение лица графини».

Мысль дать картину одного определенного вечера графини Безуховой тотчас же отпала. Возник замысел рассказать о характере ее вечеров вообще и о положении Пьера в салоне жены. Пьер жил теперь вместе с женой в Петербурге общим домом, но жизнь каждого шла

своим руслом. Пьер крайне угнетен после разрыва с петербургскими масонами и примирения с женой. Он понял, что искренне соединиться с нею он не в состоянии, и устроил в общезанимаемом ими большом петербургском доме свою отдельную половину в низеньких комнатках третьего этажа. В душе Пьера «происходила за все это время сложная и трудная работа внутреннего развития», приведшая его «ко многим духовным радостям и сомнениям»; в глазах же света Пьер был «большой барин, муж знаменитой жены, добрый малый, умный чудак, хотя и ничего не делающий, но никому не вредящий». Иногда, особенно когда бывали гости, Пьер «сходил обедать и часто присутствовал на вечерах жены, на которые собиралось все весьма замечательное, часть самого высшего петербургского общества». Быть принятым в этом салоне «считалось дипломом ума; молодые люди прочитывали книги перед вечером Элен, чтобы было о чем говорить в ее салоне, и секретари посольства, и даже посланники поверяли ей дипломатические тайны, так что Элен была сила в некотором роде». Только Пьер, «который знал, что она была очень глупа», присутствуя иногда на вечерах жены и слушая разговоры «о политике, поэзии и философии», испытывал «чувство, подобное тому, которое должен испытывать фокусник, ожидая всякий раз, что вот-вот обман его откроется». Далее автор резюмирует: «обман не открывался», и репутация «женщины прелестной и умной» так «непоколебимо» утвердилась за Элен, что «она могла говорить самые большие пошлости и глупости, и все-таки все восхищались каждым ее словом и отыскивали в нем глубокий смысл, которого она сама не подозревала». Так в окончательной редакции, и она только стилистически несколько отличается от ранней.

Еще два раза (так в ранней редакции и в завершенном романе) вводит Толстой в действие петербургские салоны, всякий раз напоминая, что никакие события, потрясавшие страну, не нарушали жизни высшего света. «В числе бесчисленных подразделений, которые можно сделать в явлениях жизни, можно подразделить их все на такие, в которых преобладает содержание, другие — в которых преобладает форма. К числу таковых, в противоположность деревенской, земской, губернской, даже московской жизни, можно отнести жизнь петербургскую, в особенности салонную. Эта жизнь неизменна». С этого вступления, почти дословно повторившегося в печатном тексте, Толстой начал зарисовку салона Анны Павловны Шерер в июле 1812 года, т. е. в начале Отечественной войны. «С 1805 года мы мирились и ссорились с Бонапартом, мы делали конституции и разделывали их, а салон Анны Павловны и салон Элен были точно такие же, какие они были семь лет, другой пять лет тому назад. Точно так же у Анны Павловны говорили с недоумением об успехах Бонапарта и видели во всем единственную

цель антихриста побеспокоить императрицу Марью Федоровну. Точно также у Hélène, которую сам Румянцев удостоивал своим посещением и считал замечательно умной женщиной, с вздохами сожаления говорили о печальном разрыве с великой нацией и великим человеком».

И, наконец, в последний раз салон показан в день Бородинского сражения. Особенно резко звучит на этих страницах рассказ о петербургской жизни вообще, а также о вечере фрейлины,— ведь ему предшествовали картины сражения, того самого, во время которого русские, «умиравшие наполовину», сделали все «для достижения достойной народа цели».

В это же время «в высших кругах с бо́льшим жаром, чем когда-нибудь, шла сложная борьба партий: Румянцева, французов, патриотическая — Марьи Федоровны, оскорбленной самим государем, и бестолковая — цесаревича, заглушаемая и усиливаемая трубением трутней. Но спокойная, роскошная, тщеславно пустая жизнь, озабоченная только признаком жизни, шла по-старому, и из-за хода этой жизни надо было делать большие усилия, чтобы сознавать опасное и трудное положение государства. Те же были выходы, даже балы, французский театр, интересы двора, интриги службы и торговли. Только в самых высших кругах делались усилия напоминать то положение, в котором находилось государство». За общей характеристикой последовал рассказ о вечере, происходившем «в самый день Бородинского сражения».

Как в ранней редакции, так и в окончательном тексте сарказм пронизал эту сцену. Собравшихся в день Бородина занимали два вопроса: «новостью дня» была болезнь Элен, о которой рассказывали «с соболезнованием». Автор вслед за тем комментирует болезнь: «Она выкинула, и доктора отчаивались в ее излечении. Злые языки говорили, что странно ей выкинуть теперь, когда она 9 месяцев как в разлуке с мужем». Исправляя рукописный текст, Толстой по-иному осветил болезнь: «Все очень хорошо знали, что болезнь прелестной графини происходила от неудобства выходить замуж сразу за двух мужей». «Цветком вечера» должно было быть «чтение письма преосвященного, посылавшего государю образ Сергия». Чтение это, акцентирует автор, «как и все вечера Анны Павловны, имело политическое значение». Все это происходило в день Бородина!

Последний вечер Анны Павловны настолько удался Толстому с первого приступа, что в ранний текст были внесены впоследствии лишь единичные поправки.

Без малейших колебаний развивалась в ранней редакции романа сюжетная линия «В Петербурге». Не доставила она автору забот и при подготовке романа к печати. Она с самого начала определилась как боковая линия в общем сюжете. Главное действующее лицо этого

раздела — собирательный образ — высшее светское общество. Оно не участвует в жизни страны. В самые ответственные моменты общественной жизни автор ненадолго переносит действие в петербургские салоны, противопоставляя их «тщеславно пустую» жизнь опасному и трудному положению государства и народа. Авторская оценка этого общественного круга в то время, когда он впервые введен в роман, и тогда, когда роман заканчивался, оставалась единой.

Резко отрицательным отношением Толстого к обществу придворных салонов обусловлено то, что князь Андрей и Пьер появляются на вечере фрейлины один только раз (в начале романа), когда это нужно было для завязки сюжета, причем они заняли там обособленное место. У Толстого были еще попытки ввести своих героев в салоны, и опять в той же обособленной роли сторонних наблюдателей. То он показал Пьера в гостиной Анны Павловны Шерер, на вечере, состоявшемся после первой войны; Пьер не выдержал той обстановки, ему казалось, что перед ним не живые люди, а тени. То автор задумал обрисовать сквозь восприятие князя Андрея петербургский дом Элен Безуховой. То, наконец, промелькнул замысел опять соединить Пьера вместе с князем Андреем в салоне Шерер через четыре года после первого посещения фрейлины (они должны были высказать нужное автору суждение о свете). Однако ни одна из попыток, отраженных в ранней редакции, не осуществилась и быть может потому, что слишком неожиданным и неоправданным было бы появление в этом закостенелом «свете» духовно выросших и много перестрадавших Пьера и князя Андрея. И только один раз упомянут Пьер в гостиной Элен, где он выглядел чудаком и удивлялся той важной роли, какую выполняла в обществе его глупая и порочная жена. Некоторые представители петербургского света участвуют в других сюжетных линиях, но они всегда несут с собой атмосферу пустоты, зла и порока.

Жизнь страны шла мимо «высшего света». Толстой вместе с передовыми людьми того времени осудил паразитирующую прослойку общества. Такова и в ранней и в окончательной редакциях миссия сюжетной линии «В Петербурге».

В МОСКВЕ центр сюжетной линии — Ростовы. Действие в Москве началось с дома Ростовых. Когда они переезжают на время в Петербург, их «провинциально-московский дом» несколько смешон в столице. В Москве Ростовы сталкиваются и с Друбецкими, и с Курагиным, и с Болконскими, старым князем и княжной.

Больше чем с Петербургом, связана с Москвой жизнь Пьера. Здесь он чувствовал себя «дома, в тихом пристанище», здесь ему было «покойно, тепло, привычно и грязно, как в старом халате».

Когда Наполеон был у ворот Москвы, «все население, как один человек, бросая свои имущества, потекло вон из Москвы, показывая этим отрицательным действием всю силу своего народного чувства». После изгнания неприятеля к Москве, «как кровь к сердцу», приливал «народ, самый разнообразный».

Москва в 1812 году — символ родины.

Таков объем тем в романе Толстого, входящих в понятие: «В Москве».

Хотя в основных чертах сюжетная линия «В Москве» определилась в ранней редакции, тем не менее при подготовке романа к изданию тема Москвы, особенно во второй половине, расширилась, поскольку раздвигались рамки всего романа.

Именины у Ростовых и смерть графа Безухова — эти два действия первого тома происходят в Москве летом 1805 года. Они были опубликованы в журнале под заглавием «В Москве». Толстовская правка этого раздела при подготовке первого тома к печати свелась почти исключительно к сокращениям и коснулась только молодежи. Исключены целиком сцены, где Борис Друбецкой венчается в детской с Наташиной куклой, где Николай Ростов поет «песенки Кавелина» после именинного обеда.

Кроме того, большой правке подвергся портрет Бориса Друбецкого и его манера поведения, особенно в гостиной. Слишком явно проскальзывали в портрете юноши те отрицательные черты его характера, которые разовьются впоследствии. Толстой смягчил их и сильно ослабил противопоставление двух «не похожих друг на друга» друзей детства — Бориса Друбецкого и Николая Ростова.

Этим ограничились внесенные в журнальный текст изменения в теме Москвы.

Второй том первого издания романа охватывает период с 1806 года по 1808 год, т. е. он открывается приездом в отпуск Николая Ростова и обедом в Английском клубе в честь Багратиона, а заканчивается Тильзитским миром. В этом томе большое место занимает Москва, главным образом опять семья Ростовых. Первые главы первой части — приезд Николая Ростова из армии вместе с Денисовым, встреча его с родными, хлопоты старого графа, отвечавшего за парадный обед в клубе,— не пришлось переделывать; Толстой был ими доволен и занимался только отделкой. Был также до конца решен в ранней редакции эпизод игры в карты с Долоховым и проигрыш Николая. Не было лишь хорошо известных по опубликованному роману картин жизни молодежи в доме Ростовых в зиму 1806 года, не было рассказа о царившей там особой атмосфере веселья и влюбленности.

Только один эпизод входил в раннюю редакцию: Денисов влюблен в Наташу. Но показано это лишь отраженно. Николаю Ростову, вернувшемуся после отпуска в полк, Денисов рассказал, что влюбился в его сестру, и прочел ему написанное для Наташи стихотворение: «Волшебница, скажи, какая сила...»

Когда Толстой готовил к печати рукопись второго тома, у него явился замысел заменить краткое признание Денисова сценами оживления и веселья, царивших в доме Ростовых, когда Николай и Денисов проводили отпуск в Москве.

Наметился следующий план: «Дух любовный у Ростовых», «Бал у Ёгеля», «Вечер с музыкой; Денисов волшебницу топочет пальцами». В центре всех намеченных сцен Наташа, ради нее появились они. Наташа создавала в доме атмосферу веселья и особенного юношеского духа влюбленности. Танцевальный детский вечер у известного в начале XIX века московского танцмейстера Иогеля, мазурка, которую Наташа танцевала с Денисовым, влюбленным в нее, затем оживленная молодежь дома после танцевального вечера, пение Наташи живо были нарисованы, и первый вариант после стилистической шлифовки вошел в завершенный роман.

Новый рассказ о молодежи Ростовых объединен с эпизодом карточной игры у Долохова. Таким образом создалась законченная компо-

6 Заказ № 1368

зиция: танцевальный вечер, пирушка у Долохова и проигрыш Николая. Вернувшись после проигрыша, угнетенный Николай застал дома веселье, пение Денисова. «Как ни мал был голос, но выходило то самое, что хотел сказать Денисов. Барышни смеялись, ласково слушая его, но он не обижался и был счастлив». Чистая юношеская влюбленность Денисова в Наташу резко контрастирует с отношением Долохова к Соне, на которую он смотрел «такими глазами, что не только она без краски не могла выдержать этого взгляда, но и старая графиня и Наташа краснели, заметив этот взгляд».

На этом же этапе работы вписана сцена предложения Денисова Наташе и отказ, полученный им от графини-матери. Сцена предложения, дополняя характеры Наташи и Денисова, создает одновременно контраст нравственной чистоты Денисова и порочности Долохова, шулерски обыгравшего Николая в отместку за отказ Сони.

В объяснение Николая Ростова с отцом после проигрыша внесены были поправки, относящиеся к Николаю и главным образом стилистические.

Отъездом Денисова и Николая Ростова в полк, всей семьи Ростовых в деревню надолго прервалось действие в Москве.

Чтобы не разрывать темы Ростовых, напомним только, что после 1806 года жизнь Ростовых представлена в Отрадном, где произошла первая встреча Наташи с князем Андреем, затем в Петербурге. Первый бал Наташи, встреча с князем Андреем и Пьером, предложение князя Андрея Наташе и их помолвка — все это входило в первую часть третьего тома. Работая над этими эпизодами, включенными уже в раннюю редакцию романа, Толстой стремится углубить характер Наташи, завязку и развитие ее отношений с князем Андреем.

Вторая часть третьего тома почти целиком посвящена отрадненской жизни Ростовых в 1810 году после помолвки князя Андрея с Наташей. Картины Отрадного также были созданы в ранней редакции. Вернувшись к этому разделу при подготовке рукописи к изданию, Толстой исправил старый текст, причем опять больше всего занимает его Наташа, с ее грустью, порывистой веселостью, тревогами и тоской по князю Андрею.

О том, как развивался образ Наташи, будет рассказано в отдельной главе, ей посвященной.

Заканчивалась четвертая часть отъездом Ильи Андреевича Ростова с Наташей и Соней в Москву зимой 1811 года. Вместе с Ростовыми действие романа перенесено в Москву. Жизни главных героев в Москве посвящена пятая часть третьего тома. Кульминация повествования — история Наташи и Анатоля и перемена в отношениях Наташи с Болконским. Так было решено и в ранней редакции романа. Историю увлече-

ния Наташи Анатолем Толстой считал «узлом», разумея, конечно, узел не всего произведения, а узел его романической темы. «История» эта действительно была «узлом», в котором переплелась личная жизнь главных вымышленных героев, она оказалась поворотным пунктом в жизни каждого из них.

Центр «узла»— Наташа, и ей, разумеется, всего больше уделял внимания автор и тогда, когда создавал раннюю редакцию, и теперь, когда отделывал прежний текст. «История» Наташи не изолирована. Творческая работа над этой историей естественно отразилась на образах тех, с кем сталкивалась Наташа в тот злосчастный для нее приезд в Москву.

В Москве в это время жил Пьер. «Как только он въехал в свой огромный дом, ...как только он увидал, проехав по городу, эту Иверскую с свечами, эту площадь с неизъезженным снегом, этих извозчиков, эти лачужки Сивцева Вражка, увидал стариков московских, все ругающих, ничего не желающих и никуда не спеша доживающих свой век, увидал старушек, московских барынь и Английский клуб, он почувствовал себя дома в тихом пристанище».

Такая картина Москвы в восприятии Пьера была нарисована в ранней редакции и почти без изменения вошла в окончательный текст. Ею началась последняя часть третьего тома. Душевное успокоение, которое испытал Пьер, радушно встреченный московским обществом, оздавало иллюзию спокойствия, тогда как каждый из главных участников предстоящего действия переживал душевные тревоги. Сам Пьер испытывал неудовлетворенность своей жизнью и беспрестанно видел «какою-нибудь стороною» тот «запутанный страшный узел жизни», который он не мог распутать. Душевное состояние Пьера в Москве и затем его роль в истории с Наташей были предметом большой работы Толстого.

В Москве в то же время жил Борис Друбецкой; он «в нерешительности между двумя самыми богатыми невестами Москвы», княжной Марьей и Жюли Ахросимовой. Так было в ранней редакции. Там по существу был решен эпизод с участием Бориса (его женитьба на Жюли; Наташа в театре увидела его с невестой и испытала что-то неприятное, но не могла дать себе отчета, что именно это было). Тем не менее над ним Толстому пришлось много трудиться. В новой рукописи Толстой отказался от мысли, чтобы Жюли была дочерью Марьи Дмитриевны Ахросимовой. По ранней редакции, Марья Дмитриевна Ахросимова, «все такая же прямая, но убитая душевно потерею сыновей и презиравшая в душе столь непохожую на нее дочь, с нетерпением ждала случая сбыть ее». Слишком разные роли выполняли в романе мать и дочь Ахросимовы. Толстой решил не соединять их родством. Жюли

Карагина не связана теперь ни с кем из персонажей родством; она осталась только бывшей подругой и корреспонденткой княжны Марьи. Самый образ Жюли не перерабатывался, но дополнительными штрихами усиливались с одной стороны «меланхолия» жениха и невесты (меланхолия была тогда модной манерой ухаживания), с другой — те истинные соображения, которые объединяли молодых людей: «страстное» желание 27-летней Жюли выйти замуж и «пензенские и нижегородские имения» невесты, привлекавшие Бориса и его мать, которая «наводила справки о том, что отдавалось за Жюли» и «с преданностью воле провидения и умилением смотрела на утонченную печаль, которая связывала ее сына с богатой Жюли». Подведя рассказ к решающей сцене предложения, Толстой нашел меткое сравнение: «Однажды Борис приехал утром и привез меланхолическую книгу. Но пузырь меланхолии совершенно созрел, лопнул и из него неожиданно показалось другое». Резче показать фальшь Друбецких — такова цель правки, продолжавшейся и в рукописи и в корректурах.

В театре, куда Наташа пришла после оскорбительного приема в доме Болконских, она увидела Бориса с невестой. Реакция Наташи теперь не та. По ранней редакции, она почувствовала «что-то неприятное»; теперь: в ложе, где сидели Борис с матерью и невестой, «стояла та атмосфера — жениха с невестой, которую так знала и любила Наташа. Она отвернулась, и вдруг ей вспомнилось все, что было унизительного в ее утреннем посещении Болконских». Так эпизод женитьбы Друбецкого оказался маленьким звеном в цепи тех впечатлений, которые подготовляли катастрофу Наташи.

Элен, Анатоль и Долохов — вот вторая группа людей, с которыми столкнется Наташа в Москве, и встреча эта окажется для нее злополучной.

То был особый мир «с ложами, ярким светом, графиней Безуховой», тот мир, в котором — так чувствовала Наташа после театра — было возможно то, что случилось с ней. Изображению «особого мира» служил далеко не спокойный рассказ о московской жизни Анатоля, о стараниях Элен помочь Анатолю в его интриге с Наташей. С одной стороны, Элен «искренно любила следить за процессом любви»; кроме того, добавил Толстой, «устроив эту интригу, она сразу отплачивала маленький долг Наташе, в Петербурге отвлекшей от нее Бориса, и делала несчастие Болконского, который, она знала, не любил ее».

Помогал Анатолю также Долохов, который, как добавил Толстой, «не любил Ростовых, потому что с ними связывались для него тяжелое воспоминание об обыгранном Николае, так искренно любившем его, и оскорбительное воспоминание об отказе Сони. Он увидал Соню, заметил впечатление, произведенное Наташей на Анатоля, и у него составился план действий. Он восхищался Наташей, подсмеивался над Анатолем, дразня его тем, что ему перебил дорогу Болконский, рассказывал, как он в Финляндии увез от матери девушку невесту и бился об заклад, что Наташа не обратила внимания на Курагина».

Однако личные мотивы, которыми руководились Элен и Долохов, помогая Анатолю, были исключены из текста. Откровенное упоминание о том, что знакомство Анатоля с Наташей несет несчастье Болконскому, а также намеки Долохова на увоз девушки невесты заранее раскрывали дальнейший ход событий. Этого Толстой всегда старался избегать.

Следующая сцена — на другой день после театра к Ростовым приезжает Элен, «свежая с мороза, сияющая улыбкой из соболей», она приглашает графа Ростова и барышень к себе на вечер, разговаривает с Наташей, к которой испытывала «покровительственную нежность». Доработка сцены направлена главным образом к тому, чтобы еще раз показать пагубное влияние порочной женщины. То, что растревоженной после театра Наташе представлялось «страшным», теперь под влиянием Элен опять «показалось простым и естественным». (Это вставлено в наборную рукопись.) Далее реплика автора: «Элен была только тогда добра и ласкова, когда дело касалось любви мужчины и женщины». И теперь она «желала налюбоваться» на любовь Наташи и своего брата.

Во второй редакции были вписаны две новые главы, посвященные неудавшемуся похищению Наташи Анатолем. Объяснение Марьи Дмитриевны с Наташей включено в текст только в последней рукописи перед сдачей ее в набор.

Углубленно работал автор над ролью Пьера в истории Наташи с Анатолем; нужно было противопоставить разврату Анатоля скрыто нараставшую трогательную любовь Пьера. Черновые тексты более подробно показывают, как крепла эта любовь. В последних корректурах была дописана заключительная глава о дружбе между Наташей и Пьером и об «яркой комете 1812 года», которую Пьер увидел в Москве над Пречистенским бульваром, возвращаясь от Ростовых.

Так закончилась сюжетная линия «В Москве» накануне Отечественной войны 1812 года.

Толстой начал работать над четвертым томом, включавшим период от 12 июня до 26 августа, т. е. от перехода Наполеоном русской границы до Бородинского сражения.

Дважды действие этого тома переносится в Москву: в первый раз в начале войны, в те дни, когда в Москве был получен манифест и воззвание царя, а затем — когда приехал в Москву из армии Александр I.

В Москве во всех событиях, вызванных войной, активно участвует кто-нибудь из семьи Ростовых, которые летом 1812 года жили в городе из-за болезни Наташи.

Напомним, что в ранней редакции романа о болезни Наташи, об увлечении религией, о пробуждении в ней патриотического чувства было рассказано непосредственно после ее первой жизненной катастрофы. Это совпало со слухами о надвигавшейся войне. Теперь, чтобы теснее связать судьбу Наташи с событиями в стране, изменена композиция. Главы о болезни Наташи передвинуты. До них рассказано о том, что началась война, что князь Андрей находится в армии, что Николай Ростов участвовал в стычке при Островно. Композиционная перестройка позволила сильнее связать личные переживания Наташи с общим потрясением страны. Теперь, когда в доме Ростовых все наполнены ненавистью к врагу, естественнее говорить о патриотизме, который раскрывается в Наташе и во многом восстанавливает ее душевные и физические силы. Вторая редакция приближается к законченному тексту.

Далее — у Ростовых читают манифест в присутствии Пьера и Шиншина; Петя, охваченный энтузиазмом, требует, чтобы его отпустили на войну; сцены на Красной площади, куда отправился Петя,— все это было в ранней редакции и почти дословно повторено в печатной редакции.

Точно так же почти целиком по тексту ранней редакции печаталась сцена собрания дворян и купцов в Слободском дворце. Читатель видит глазами Пьера всех дворян в мундирах, в екатерининских, в павловских, в новых александровских, в общих дворянских, «и этот общий характер мундира придавал что-то странное и фантастическое этим старым и молодым самым разнообразным и знакомым лицам». Так было в первой и так сохранилось в печатной редакции. Отпало только сравнение, которое разбивало впечатление чего-то «странного и фантастического» и придавало собравшимся дворянам комический вид: «Как будто в одинакие бумажки завернул какой-нибудь шутник самые разнообразные товары мелочной лавки». Исключена еще одна авторская реплика, усиливавшая и без того явную фальшь патриотизма забеспокоившихся дворян. «Многие молодые и неопытные люди с умилением и трепетным уважением смотрели на эту волнующуюся толпу. В ней-то [*1 нрзб.*] решать судьбу России». Отпал текст, но сохранилась выраженная в нем мысль. Она подкреплялась настроением Пьера, который был глубоко взволнован в предчувствии чего-то важного, давно ожидаемого.

В ранней редакции определилась роль Пьера в собрании в Слободском дворце, а также непосредственность старого графа Ростова,

который «с своею доброй улыбкой» слушал всех говоривших и в знак согласия с каждым говорившим одобрительно кивал головой. После речи царя, закончившейся словами «...будем действовать, время всего дороже...», толпа стала тесниться вокруг царя. «— Да, всего дороже... царское слово...— рыдая говорил сзади голос Ильи Андреича, ничего не слышавшего, но все понимавшего по-своему».

Картину дворянского псевдопатриотизма Толстой заключил кратким напоминанием о том, что все дворяне «сняли мундиры», приказы управляющим об ополчении отдавали «покряхтывая» и «удивлялись тому, что они наделали». Старик же Ростов был искренне взволнован. Вернувшись домой, он «тут же согласился на просьбу Пети и сам поехал записывать его». Семейство Ростовых естественно вовлечено в круг событий, связанных с войной. Так было решено в ранней редакции, и в этом направлении шла работа над описанием жизни Ростовых в трудные для родины дни.

Собранием в Слободском дворце закончилась первая часть четвертого тома. Вторая часть охватывает центральные моменты войны: взятие Смоленска и Бородинское сражение. В Москве действие происходит в канун Бородина. Картины московской жизни показаны с участием не Ростовых, а другого круга московского дворянства, сосредоточенного вокруг Жюли Друбецкой. Для изображения этого круга у Толстого устанавливался иной тон, тон обличительной иронии. В ранней редакции отражен не оформившийся еще замысел сцены в доме Жюли, видимо, после Бородинского сражения. Свидетельством такого замысла служат две фразы, обращенные, судя по контексту, к Пьеру. Они произносятся на ломаном русском языке; это определяет, в каком свете намеревался Толстой представить Жюли. «— Вы слышали, мы не колебнулись,— говорила ему Жюли Друбецкая, щипля корпию». И вторая: «— Это подобной древней Риму геройства,— сказал ему А. Б. Голицын».

Работая над четвертым томом, Толстой изменил замысел: сцена в доме Жюли происходит не после Бородина; в картины Москвы перед Бородинским сражением Толстой вписал «прощальный вечер» у Жюли, которая собиралась на другой день уезжать из Москвы.

По характеру и отношению автора вечер Жюли напоминает петербургский салон накануне Бородина. Как у Шерер, так и у Жюли было теперь «положено говорить только по-русски», что оказалось не легко, и те, кто ошибался, платили штраф. Жюли объясняла свои ошибки в русском языке тем, что у нее «нет ни денег, ни времени, как у князя Голицына, взять учителя и учиться по-русски». Из цитированного выше эскиза ранней редакции сохранилась деталь о корпии. По новой редакции, Жюли собирала и «прижимала» кучку нащипанной корпии

«тонкими пальцами, покрытыми кольцами». Эта деталь усиливала обличительный тон описания. Той же цели служил другой, якобы вскользь брошенный штрих: «молодой человек в ополченском мундире» собирался ехать — но не в армию, а вместе с Жюли в Нижний Новгород. Толстой не подыскивал эти черты, они сами выливались из-под его пера, когда он рисовал портрет Жюли и ее салон.

Судя по ранней редакции, у Толстого было намерение рассказать и о Ростовых в этот страшный день Москвы, в канун Бородина. В новой редакции: «в числе перебираемых лиц для предмета разговора, общество Жюли попало на Ростовых». Из светских пересудов становится известным, что у Ростовых материальные затруднения, что Петя поступил в полк, что княжна Марья приехала в Москву. Заполнена беседа намеками на отношение Пьера к Наташе, упомянуто также, что Николай Ростов спас княжну Марью. Так и в окончательном тексте. Разговор пересыпан интригующими улыбками, шутками — никто и не задумывается над тем, какое бедствие нависло над родиной. Об этом-то и старался писатель.

Картины Москвы перед нашествием врага заканчивались, по ранней редакции, экзекуцией над французским поваром, обвиненным в шпионстве. Случайным свидетелем экзекуции оказался Пьер; он тотчас «решил, что он не может больше оставаться в Москве и едет к армии». С большими текстуальными совпадениями сцена дошла до печатной редакции.

Отъезд Пьера в Бородино перенес действие романа к центру происходящей войны. Оно вернулось к взбудораженной Москве вместе с возвращением Пьера после Бородина.

Как ни фрагментарно в ранней редакции продолжение романа, оно позволяет представить, как намечалось развитие действия.

В ранней редакции сцене отъезда жителей из Москвы была предпослана мысль автора о том, что «общий ход дел», приведший после Бородинского сражения к оставлению Москвы, «без всяких непосредственных сообщений от главнокомандующего, совершенно верно отразился в сознании народа Москвы. Все, что совершилось, вытекало из сущности самого дела, сознание которого лежит в массах». Эта кратко выраженная мысль была в следующей рукописи развита настолько широко, что составила самостоятельную главу; в ней показан Растопчин, бессильный удержать «течение громадного, уносившего его вместе с собой народного потока». Жители покидали Москву потому, что «под управлением французов нельзя было быть», и «только вследствие того, что они уехали, и совершилось то величественное событие, которое навсегда останется лучшей славой русского народа». Мысль, ранее слишком общая, теперь воплощена конкретно. Она стала идейной

основой всей картины оставления Москвы. Центральный эпизод этого события по «Войне и миру»— отъезд Ростовых. Сборы к отъезду, раненые в доме Ростовых, тяжело раненный князь Андрей, привезенный к ним в последнюю ночь перед отъездом, эпизод с Бергом, требование Наташи отдать подводы для раненых и наконец, выезд Ростовых — все это написано заново. Эскизы ранней редакции, служившие канвой, преобразились в художественные сцены, проникнутые истинным патриотическим чувством, без ложной аффектации.

В картину сборов и отъезда Ростовых введен еще один эпизод: поездка графа Ростова к Растопчину с целью узнать, «в каком положении находится дело Москвы». Растопчин не принял графа Ростова, а через адъютанта выслал ему свою последнюю афишу. Ростов «наивно» спросил у адъютанта, что значат слова афиши: «у меня болел глаз, а теперь смотрю в оба»; после разъяснений адъютанта о нездоровье Растопчина граф Ростов «не спрашивал более. По известной всем ограниченности Ильи Андреича вопрос о состоянии здоровья графа Растопчина и о тяжести французов не интересовал его», — говорит Толстой, явно солидаризируясь с «ограниченным» Ростовым. Автор продолжает: «Из того, что Растопчин не принял его, из тона адъютанта, из всего того, что было написано в афише, он понял только, что дело было плохо, что мешкать нечего и что надо как можно скорее убираться из Москвы».

Впечатления графа Ростова и выводы его служили той же цели — показать, что жители Москвы, «несмотря на весь тот вздор, о котором писал Растопчин в афишах», уезжали. Они-то и делали «просто и истинно то великое дело, которое спасло Россию».

Сцена в приемной Растопчина вошла в окончательный текст, но только граф Ростов заменен Пьером. Пьеру адъютант вручает последнюю афишку, Пьер задает тот же недоуменный вопрос о «глазах». Роль Пьера здесь важнее, чем старика Ростова, так как создается резкий контраст с бородинскими впечатлениями Пьера. Кроме того, благодаря Пьеру, Толстой смог расширить сцену. В приемной Пьер застал отца осужденного Верещагина, что дало повод ввести в разговор толки о деле Верещагина, о высылке почт-директора Ключарева, масона, якобы передавшего Верещагину «прокламацию». Растопчин предупредил Пьера о том, что ему известны его сношения с масоном Ключаревым, и рекомендовал выехать из Москвы.

Вместо случайного эпизода с участием графа Ростова создалась сцена, насыщенная событиями последних дней Москвы и подготовлявшая описание казни Верещагина. Одновременно свидание Пьера с Растопчиным послужило естественным переходом к решению Пьера, вопреки совету Растопчина, остаться в Москве.

Предметом очень больших творческих поисков было поведение Пьера в оставляемой жителями Москве и встреча с Наташей в «последний день Москвы». То Пьер приходит в дом Ростовых специально для того, чтобы повидать Наташу, то, встретив на улице карету Ростовых, останавливается около нее и после отрывистого разговора со стариками Ростовыми признается Наташе в любви к ней; то уезжавшие Ростовы видят на улице Пьера, а он не замечает их. Не скоро появилась запоминающаяся каждому встреча у Сухаревой башни.

Выехали жители Москвы и все Ростовы, но действие романа продолжается в Москве.

Только на данном этапе работы появились в романе уличные сцены в опустевшем городе; показаны участники их — то «беднейшее население», которое не могло выехать. В окончательном тексте изображены толпы людей, пьющие в кабаках, драки на улицах, сапожники, «худые истомленные люди», возмущенные тем, что хозяин уехал, не расплатившись с ними. Со всех сторон слышатся разговоры об оставлении Москвы («али взаправду наша не взяла сила?») и о последней растопчинской афишке. Массовая сцена кончается криками бегущей за дрожками полицмейстера толпы: «Пущай отчет подаст! Держи! Что ж, господа да купцы повыехали, а мы за то и пропадем! Что ж, мы собаки что ль! — слышалось чаще и чаще в толпе». Эта эмоциональная сцена один только раз прерывается репликой автора. Она относилась к растопчинской афишке, текст которой был «ненужно-понятный» и несозвучен «пониманию народа», которое было «настроено на высокий лад».

В черновых вариантах общий тон эпизода тот же и участники те же, но большое место занимал авторский комментарий. Показав толпы, появлявшиеся в разных концах города, Толстой говорил о том, что «подобно физическому закону притяжения капельных жидкостей», толпы соединялись между собой, к толпам примыкали отдельные личности. «По мере увеличения толпы уничтожались отдельные интересы и возникал общий, хотя и не высказываемый, интерес настоящей минуты». В рукописи перечислены все людские слои, составлявшие эти толпы: «мужики, извощики, дворовые люди, мелочные торговки и торговцы, отсталые солдаты, фабричные, кузнецы, иностранцы, духовные». О возмущенной толпе, окружившей дрожки полицмейстера, автор говорил: «Кто почтительно и покорно, кто сердито и грубо, но все выражали одно: вопросы о том, что им всем делать, и упреки за то, что все господа и купцы повыехали, а они остались».

Отделывая текст, Толстой исключил свой комментарий. До печати дошла живая сцена, в которой поведение участников, их речи и выкрики сами по себе выказывают мысль автора.

Убийство Верещагина и преследование Растопчина сумасшедшим были в черновиках описаны значительно короче. Перед сдачей тома в набор Толстой расширил страшную сцену убийства Верещагина и много гневных страниц посвятил Растопчину, которому «казалось, что Москва была какая-то машина или даже лошадь, от которой он держал в руках поводья». Он «не знал, что Москва — не город Москва, а 300 тысяч человек, из которых каждому дана от бога та же власть жить, страдать, наслаждаться и думать, как и Растопчину».

В завершенном романе эта мысль выражена иначе, и она опирается не на частный случай поведения Растопчина в Москве. Толстой создал обобщенный художественный образ: «Пока историческое море спокойно, правителю-администратору с своей утлой лодочкой, упирающемуся шестом в корабль народа и самому двигающемуся, должно казаться, что его усилиями двигается корабль, в который он упирается. Но стоит подняться буре, взволноваться морю и двинуться самому кораблю, и тогда уж заблуждение невозможно. Корабль идет своим громадным независимым ходом, шест не достает до двинувшегося корабля, и правитель вдруг из положения властителя, источника силы, переходит в ничтожного, бесполезного и слабого человека».

Этим образом освещена не только деятельность Растопчина в Москве, но и мощь корабля народа.

Тогда же перед отправкой рукописи в типографию были дописаны три главы. На зарево первого пожара в Москве «с разных дорог и с разными чувствами» смотрели убегавшие и уезжавшие жители и отступавшие войска. Из Мытищ видели Ростовы и уехавшие с ними люди горящую Москву. С этого начался рассказ о Ростовых: остановка на ночлег в Мытищах и свидание Наташи с князем Андреем в эту ночь. Написанные по эскизу ранней редакции главы о Ростовых создались настолько хорошо, что без серьезных исправлений доведены были до печати.

В заключение кратко упомянуто, что никто из Ростовых, и даже сами Наташа и князь Андрей не говорили о восстанавливающихся отношениях между бывшими невестой и женихом: «висящий вопрос жизни или смерти не только над Болконским, но над всею Россией заслонял все другие предположения».

Последовавшие затем главы, посвященные Пьеру в Москве, писались уже после отправки всей рукописи первой части пятого тома и посланы были дополнительно.

Пьер остается в Москве — это позволило Толстому показать занятый неприятелем город глазами человека, который, так же как и Ростовы, не думал в это время ни о чем личном. Его «огромная быстро двигавшаяся фигура» возбуждала удивление всех. Даже французы

«с недоумением смотрели на эту барскую походку, мрачное умное лицо и толстое откормленное тело, одетое в узкий мужицкий кафтан».

И Ростовы и Пьер находились на том самом «корабле народа», который шел своим «громадным независимым ходом».

В первый же день Пьер был взят в плен. В нем совершился тот переворот, который дал его мятущемуся духу успокоение. Пьер почувствовал, что «все те условные преграды — рождения, воспитания, нравственных привычек»— были уничтожены. Он сблизился с своими товарищами — солдатами, крепостными, колодниками. «И в этом сближении нашел новые еще не испытанные им интерес, спокойствие и наслаждение». Этот мотив пронизывает описание жизни Пьера в плену.

Одновременно Пьер решает и другую авторскую задачу. Его наблюдения за жизнью Москвы, занятой французами, сочетаясь с толстовским анализом деятельности Наполеона в Москве, должны подтверждать, что французское войско «распадалось и гибло с каждым днем лишнего пребывания в Москве». Такой замысел появился при работе над первым вариантом этих глав и осуществился в романе. Выразительно подчеркивалось это в черновых вариантах глав, посвященных русским пленным. Пьер благодаря знанию иностранных языков «особенно ясно чувствовал те видоизменения, которые происходили в положении французских войск в Москве и отражались на них, пленных, и на караульных солдатах, которые были для Пьера представителями положения всего французского войска. Пьер невольно следил за тем порядком, который чуть не погубил его, и замечал, как этот порядок понемногу ослабевал и исчезал, вероятно, под влиянием каких-нибудь внешних причин».

Пьер заметил, что в этой «силе», которая ослабевала, «проявилось колебание, нерешительность, и Пьер стал верить в то, что время разрушения этой силы порядка — и вследствие того его освобождения — близко». Появился в ранних вариантах этих глав пейзаж, слитый с душевным состоянием Пьера и с приближающимся бегством французской армии из Москвы. «Погода стояла ясная, теплая, тихая — так называемое бабье лето. Весь лист уже обвалился с деревьев, трава засохла, все приготовилось к зиме, а небо было теплое, голубое и солнце грело, как летом. Трава и почки деревьев и вся природа как будто не знали, что им делать, ждать или распускаться. То чувство ожидания и страха, которое было в душе Пьера, усиливалось этой погодой, которая выражала то же чувство нерешительности и ожидания».

Признаки ослабления французов Пьер угадывал в том, что пленных хуже кормили, караульные солдаты стали отнимать у пленных одежду. Это дополняет обобщенный рассказ автора о мародерстве во французских войсках. Главный же «признак для Пьера состоял в том, что прежде словоохотливые караульные рассказывали Пьеру кое-что об общем ходе дел», а теперь «или молчали, или сердились, когда Пьер спрашивал их».

Так было первоначально. В следующих рукописях признаки разрушения французских порядков замечает не только Пьер; между всеми пленными «распространилось убеждение о том, что французам плохо приходится и что на днях они уходят из Москвы. То, что французы отнимали сапоги, шили себе рубашки, то, что везде на поле выдвигали повозки и укладывали их, то, что чаще двигались войска — все подтверждало эти предположения».

Несколько раз перерабатывая этот текст, Толстой в конце концов решил показать признаки наступившей гибели французов не косвенно через восприятие Пьера и всех пленных, а прямо в самом действии. Он создал сцены сборов французов к выходу и самого бегства из Москвы. Под углом зрения Пьера передан «характер движения» французов из Москвы. Пьеру он представлялся «однообразно стремительным и поспешным». Все эти «люди, лошади как будто гнались какой-то невидимой силой туда, вперед по Калужской дороге, помимо их воли». Впечатления Пьера подтверждали вывод Толстого о «паническом страхе», охватившем французов после Тарутинского сражения: войско «побежало» из Москвы, думая «только об одном, как бы поскорее уйти и спастись». Положение французского войска Толстой уподоблял «положению раненого животного, чувствующего свою погибель и не знающего, что оно делает».

Бегство французов — это последнее военное действие в Москве. О Москве после освобождения России от нашествия в ранней редакции нет ничего, о ней рассказано в последних главах, которые создавались в период работы над корректурами последнего, шестого тома. Эти главы посвящены возрождению Москвы и встрече Пьера с Наташей и княжной Марьей.

Не сразу была найдена та композиция, какая известна по завершенному роману. Первоначально после анализа деятельности Кутузова была сразу вставлена картина возрождения Москвы. Позднее она была перенесена к концу части.

Подобно тому, как удалась Толстому с первого же приступа картина опустевшей Москвы, которую он сравнил с пустым «домирающим обезматочившим ульем», так создалась сразу панорама восстановления Москвы. «Народ самый разнообразный, влекомый — кто любопытством, кто долгом службы, кто расчетом,— домовладельцы, духовенство, высшие и низшие чиновники, торговцы, ремесленники, мужики — с разных сторон, как кровь к сердцу, приливали к Москве». Без малейших колебаний было найдено сравнение Москвы с раскиданной муравьи-

ной кочкой: обитатели ее снуют вокруг, и по их цепкости и энергии видно, что «разорено все, кроме чего-то неразрушимого, невещественного, составляющего всю силу кочки». В Москве тоже было разрушено все, «кроме чего-то неразрушимого, невещественного, но составляющего всю силу России». В таких торжественных словах выразил Толстой в первом варианте основную мысль. В ней проявился пафос не только этой главы, но всего романа.

Пролежав после освобождения из плена три месяца больным в Орле, Пьер вернулся в Москву. Его чувства опять согласны с чувством автора. По дороге в Москву Пьер видел во всем «необычайную могучую силу жизненности, ту силу, которая в снегу на этом пространстве поддерживала жизнь этого целого особенного и единого могучего народа». Это чувство Пьера почти в точности повторено в печатном тексте. Пьер ехал «по пожарищам Москвы и видел красоту».

В Москву из Ярославля приехали после смерти князя Андрея сдружившиеся княжна Марья и Наташа. В московском доме Болконских встретились Пьер, Марья и Наташа. Пьер рассказывал о Пете, которого он видел убитым; княжна Марья и Наташа вспоминали последние дни князя Андрея. При этой встрече пробудились и закрепились отношения Пьера с Наташей, а посредником между ними была княжна Марья.

Возрождением Москвы и возрождением к жизни героев романа, прошедших через большие испытания, закончилась тема «В Москве» и завершилась «история из 12-го года».

В ДЕРЕВНЕ — это сюжетная линия Болконских, главным образом старого князя с дочерью. На протяжении всего почти романа Болконские представлены в своем имении Лысые Горы. Только ненадолго перед войной они появляются в Москве. В дни наступления французов на Смоленск они в Богучарове, а после смерти старого князя в разгар войны княжна Марья с племянником покидают деревню. В эпилоге ведущие герои романа встречаются в последний раз в Лысых Горах.

Повествование о жизни Болконских в 1805—1811 годах было в большой своей части даже стилистически закончено в ранней редакции романа. Только некоторые эпизоды, связанные со стариком Болконским, потребовали переработки. Прежде всего — отношение старого князя к женитьбе сына. По первой редакции, князь Андрей, сделав предложение Наташе, говорит ей, что отец требует отсрочить свадьбу на год и уезжает, согласно воле отца, за границу. Так и утвердилось, но в следующей рукописи добавлен один эпизод: княжна Марья получает из Швейцарии от брата письмо, где он признается в своей любви к Наташе и объясняет, почему он, будучи в Лысых Горах, не сказал ей об этом. Он добавил, что Наталья Ростова хотела бы, чтобы он вернулся скорее, и просил сестру смягчить отца. Толстой задумал связать Пьера с этим важным для князя событием. В конце письма Андрей просит сестру, чтобы она вместе с Пьером переговорили с отцом, так как «милый добрый Петруша Безухов, которого одного из всего молодого поколения любит отец», мог бы оказать на него влияние. Вскоре после этого письма приехал в Лысые Горы Безухов, и княжна Марья, не решавшаяся одна заговорить с отцом, призвала на помощь Пьера. «Старый князь был по-прежнему ласков с Pierr'ом и при нем даже ласков с княжной Марьей, но как только Pierre заговорил о женитьбе Андрея.

старик нахмурился и, не дав договорить Pierr'у, разразился своим гневом.— Мало ему одной... ну да бог с ним... Какая служба с такой женой. Сиди, карауль... Нужно жену, возьми короткую, а не на жизнь.. Пусть делает, как хочет. Мне что? Законы для России писать хочет, а для себя не умеет... Женись, женись, голубчик, благодарить будешь,— говорил он, как будто князь Андрей был тут на лицо.— И кто хода[тай]ствует... Ты? Хорош ходатай. Скажи ты ему, дураку, чтоб подождал — скоро умру, тогда покойнее будет... Не дождется».

После гневной вспышки старый князь не говорил больше о женитьбе сына, а княжна Марья и Пьер написали Андрею и просили его не отчаиваться; «все решится в Москве, где на будущую зиму будет князь и Ростовы». Толстой раздумал затем вводить сюда Пьера, и не понадобилась теперь в письме князя Андрея просьба к «доброму Петруше». Сократилась и речь старого князя, которая обращена только к княжне Марье.

Можно допустить, что Толстой исключил Пьера из этого эпизода ради позднейшей сцены в доме Болконских в Москве. Там княжна Марья, готовясь к встрече с Наташей, впервые расспрашивает Пьера о ней, и Пьер чувствует ее недоброжелательство к Наташе. Это было бы невозможно, если бы Пьер еще раньше приезжал в Лысые Горы для разговоров о женитьбе. Естественно, что тогда бы княжна Марья и расспросила Пьера, и у нее уже составилось бы свое мнение.

Для характеристики старого князя важно его столкновение с модным тогда французским доктором Метивье, навещавшим князя в Москве. Это второй эпизод, над которым пришлось Толстому много работать. В ранней редакции он был краток, позднее Толстой стал развивать его. Введены авторские реплики, из которых выясняется, что француз-доктор специально вызывал князя на политический разговор. «Он ждал, что князь, как обыкновенно, оживится в своем озлоблении к Бонапарту и начнет желчно и резко обсуждать его поступки». После нескольких неудачных попыток заставить князя заговорить «Метивье потер лицо руками и с улыбкой, выражавшей уверенность в том, что теперь он верно достигнет цели, начал тот разговор, который, он знал, никогда не оставлял князя спокойным». После того, как старый князь «не выдержал и начал говорить на свою любимую тему о значении востока для России, о взглядах Екатерины и Потемкина на Черное море», в новой рукописи опять появляется реплика: «Метивье, достигнув своей цели, чуть заметно самодовольно улыбнулся». Эта «самодовольная» улыбка доктора как будто насторожила старого князя, он «вдруг» замолк и «устремил прикрываемые отчасти бровями злые глаза на доктора». По первой редакции, старый князь говорит, что понимает цель доктора вызвать его на политический разговор. В новом варианте князь не высказывает вслух своих подозрений; взамен этого его речь на «любимую» политическую тему прерывается внутренним монологом: «Кому говорю все это? — вдруг подумал он.— Французу, рабу Бонапарта. И зачем я стал говорить это? Зачем он подделывался ко мне?» И лицо, и улыбка Метивье, и интерес, с которым он слушал, показались ему вдруг оскорбительными. «Он заставил меня говорить. Он играет со мной. И кто? Со *мной* этот французишка...»

«Все эти мысли в одно мгновенье промелькнули в его голове и разразились следующими словами, сказанными сдержанно бешеным голосом:

— За визиты благодарю вас, господин, за ваши визиты дворецкий заплатит сейчас. Прошу не ездить больше. Меня раздражаете. Прощайте. Идите...

— Я не понимаю,— с тихим удивлением начал Метивье.

— Не понимаешь?— кричал князь.— А я понимаю. Ты шпион. Французский шпион. Бонапартов раб. Вон из моего дома, вон, я говорю. — Князь одной рукой звонил, другой угрожающим жестом указывал на дверь».

Разработав во всех деталях эпизод с доктором, Толстой полностью зачеркнул написанное и создал новый вариант — тот самый, который дошел до печати. В нем не только нет самого разговора, происшедшего между князем и доктором, но даже не упомянута тема его. Нет, естественно, никаких авторских реплик. Сцена краткая: княжна Марья, сидевшая в гостиной у двери, слышала то голос доктора, то голос отца, потом оба голоса заговорили вместе, и затем — финал: старый князь «в колпаке и халате с изуродованным бешенством лицом и опущенными зрачками глаз» выгоняет доктора. От предыдущего варианта сохранились только гневные слова, с которыми старый князь выгоняет француза. Вместо пространного рассказа появилась почти мимолетная сцена, вполне создающая нужное автору впечатление о настроенности старого князя Болконского накануне войны 1812 года.

Переделана во второй редакции и сцена обеда в тот же день именин князя. За обедом политические разговоры обнаруживали позиции всех собравшихся, в первую очередь самого князя Болконского. По ранней редакции, Пьер «замечал, как во всех осуждениях своих эти старики останавливались у границы, где осуждение могло касаться самого государя, и никогда не переходили этой границы». По последней редакции, автор от себя (а не Пьер) сообщает, что за обедом «рассказывали о событиях, очевидно подтверждающих то, что все шло хуже и хуже»; и было поразительно, как рассказчик «останавливался или был останавливаем всякий раз на той границе, где осуждение могло относиться к лицу государя императора». В политическом разговоре, разумеется, коснулись ноты, «посланной к дворам и отстаивающей права герцога

7 Заказ № 1268

Ольденбургского». Как в ранней, так и в последней редакции этот вопрос затронул Растопчин. Реакция же старого князя была Толстым изменена. В первой рукописи, перебив Растопчина, князь «резко и сентенциозно» заявил, что «войны не будет», и пояснил свою уверенность тем, что «людей нет. Кутузов стар». Затем князь Болконский умышленно переменил разговор. «В последнее время он не мог говорить о Бонапарте, потому что он постоянно о нем думал. Он начинал не понимать в этом человеке. После того, как он в прошлом году женился на дочери австрийского кесаря, старый князь не мог уже более уверенно презирать его, не мог и верить в его силу. Он не понимал, терялся в догадках и был смущен, когда говорили о Бонапарте».

Во второй редакции сомнения князя Болконского заменились твердостью. Ноту Александра I по поводу захвата Наполеоном владений герцога Ольденбургского Болконский высмеял: «Предложили другие владения заместо Ольденбургского герцогства,— сказал князь Николай Андреич.— Точно я мужиков из Лысых Гор переселял в Богучарово и в рязанские, так и он герцогов». В связи с нотой старый князь с раздражением упомянул государственные реформы «писак», которых много развелось в Петербурге, где пишут «не только ноты,— новые законы все пишут». «Неестественно» засмеявшись, он добавил: «Мой Андрюша там для России целый волюм законов написал». Вместо краткого заявления о том, что войны не будет, князь «высказал свой образ мыслей насчет предстоящей войны. Он сказал, что войны наши с Бонапартом до тех пор будут несчастливы, пока мы будем искать союзов с немцами и будем соваться в европейские дела, в которые нас втянул Тильзитский мир. Нам ни за Австрию, ни против Австрии не надо было воевать. Наша политика вся на Востоке, а в отношении Бонапарта одно — вооружение на границе и твердость в политике, и никогда он не посмеет переступить русскую границу, как в седьмом году». Так окончательно определились убеждения старого князя Болконского накануне войны 1812 года.

Совсем небольшая стилистическая отделка потребовалась для последующей сцены в доме Болконских, где княжна Марья откровенно беседует с Пьером о своем трудном положении в доме, о тяжелом характере отца. Вплоть до корректур сохранялся по ранней редакции их разговор о Наташе. Княжна Марья знала о предстоящем приезде в Москву Ростовых и сообщила Пьеру свой план: ничего не говоря отцу, она постарается сблизиться с Наташей для того, «чтобы князь привык к ней и полюбил ее». Так сохранилось в завершенном романе, но прежде чем рассказать свой план, княжна Марья расспрашивает Пьера о Наташе и он по «неясному инстинкту» чувствует «недоброжелательство» княжны Марьи к ее будущей невестке. Появление этой недоброй

ноты меняет сцену визита Ростовых к Болконским. Поведение старого князя почти дословно взято из ранней редакции, а встреча княжны Марьи и Наташи дополнена их первыми впечатлениями: они «молча смотрели друг на друга и, чем больше они молча смотрели друг на друга, не высказывая того, что им нужно было высказать, тем недоброжелательнее они думали друг о друге». Визитом Наташи к Болконским завершался в ранней редакции рассказ о жизни Болконских в Москве в 1811 году.

На следующем этапе работы над этой частью Толстой ввел еще один эпизод. В отличие от первоначального замысла, Наташа посылает письмо с отказом не князю Андрею, а находившейся в Москве княжне Марье. Записку ее m-lle Bourienne «похитила» у княжны и вручила старому князю. Когда князь Андрей приехал в Москву, отец передал ему письмо Наташи, добавив при этом «рассказы о похищении» Наташи. Видимо, желая подчеркнуть, насколько это потрясло князя Андрея, Толстой думал было рассказать, как старый князь отнесся к горю сына: «Даже жестокий отец, передав сыну письмо и подробности о похищении, не решился другой раз говорить о том сыну и воздержался от всяких шуток. Про все это дело ни княжна Марья, ни отец, ни князь Андрей не говорили ни слова, как будто этого не было, но всякую секунду, при каждом молчании они все знали, что они думают о том, что случилось, и страдают. На другой же день князь Андрей решил опять поступить на службу и ехать к Кутузову в Бухарест. План этот предложил старый князь, и сын принял его».

В завершенном романе не раскрывается состояние отца и сестры в эти дни. Оно лишь косвенно показано. Пьер, который с первой же редакции участвует в этом трагическом эпизоде, видел по лицу княжны Марьи, как она была рада тому, что случилось; отец казался оживленнее обыкновенного. И, глядя на них, Пьер «понял, какое презрение и злобу они имели все против Ростовых, и понял, что нельзя было при них даже и упоминать имя той, которая могла на кого бы то ни было променять князя Андрея».

Такова была жизнь Болконских накануне войны.

После начала войны первыми вступают в действие Болконские, которые вернулись к этому времени из Москвы в Лысые Горы. Князь Андрей, после разрыва с Наташей служивший в турецкой армии, переходит в западную армию и по дороге заезжает в Лысые Горы.

Композиционно так построено и в ранней редакции романа. «У отца было все по-старому, но только значительно хуже, чем прежде»,— читаем в ранней рукописи. Теперь короткая фраза заменилась картиной лысогорской усадьбы. Князя Андрея, в жизни которого было «так много переворотов» со времени его последнего в 1810 году пребывания

в имении отца, «странно и неожиданно поразило при въезде в Лысые Горы все точно то же, до малейших подробностей точно то же течение жизни». Усадьба представилась князю Андрею «заколдованным заснувшим замком». Он увидел тех же, но несколько постаревших людей. Только сын его Николушка вырос, переменился; он «не слушался закона неизменности в этом заколдованном, спящем замке».

Все в Лысых Горах оставалось по-старому только внешне; князь Андрей увидел, что «внутренние отношения» лысогорских обитателей изменились. Тяжелая атмосфера в семье Болконских, страдания княжны Марьи, ссора князя Андрея с отцом из-за Бурьени, которую старый князь приблизил к себе, заступничество князя Андрея за княжну Марью, его разговор перед отъездом с сестрой и, главное, угнетенность князя Андрея достаточно полно были представлены в ранней редакции: текст ее с большими совпадениями вошел в законченный роман.

Дальнейшая жизнь в Лысых Горах показана в те дни, когда Наполеон подходил к Смоленску. В ранней редакции о Болконских в эти дни больше рассказывалось — теперь изложение автора во многом заменилось действием. Так закрепилось в завершенном романе, но не дошли до него многочисленные подробности, говорящие о встревоженном состоянии князя перед смертью. Изображено оно более всего через впечатление, какое он производил на окружающих: «старый князь казался очень усталым», все домашние видели, как странно беспокоен был князь в последнее время. Княжне Марье «тяжело было думать, что все это знают и про это умалчивают». Хотя «привычная насмешливая» улыбка князя казалась выразительной, «эта улыбка была только привычное положение личных мускулов, не имеющее никакого значения». Алпатыч, принимая приказания, удивлялся: «никогда князь так много подробно, мелочно, торопливо не доходил до всего».

В этой же рукописи более подробно рассказано о княжне Марье и ее отношении к отцу. «Ее странническое платье давно было отдано одной из странниц, и мечта о странствовании была ею оставлена. Теперь, как ей ни страшно было — теперь, когда отец так заметно слабел нравственно, она, хотя и не признавалась себе в этом, в глубине души своей чувствовала, что в таком положении отдаления ее, продолжавшегося уж около полгода, и пристрастия к m-lle Bourienne отец ее не останется долго, она знала, что он возвратится к ней, знала, что он все-таки любит ее, что задержанная [*1 нрзб.*] любовь к ней возвратится с избытком, и ждала этого времени». Далее: «Княжна Марья не думала о войне. Семейные заботы, беспокойство и страх за нравственное состояние отца занимали все ее время. Кроме того, она не думала о войне потому, что князь смеялся над этой войной и никогда серьезно не говорил о ней». Рассказ о княжне Марье позднее тоже подвергся

перестройке, т. е. разъяснения автора исключены, а показано само действие.

Озлобление против врага, разгоравшееся в русском народе и войске, охватывало всех. О том, как у Болконских — отца и дочери — у каждого по-своему проявился духовный подъем в дни надвигающейся опасности, многое было рассказано в ранней редакции. Толстой продолжал работать. Вначале показана тревога старого князя, доведенная слухами о приближающейся войне «до высшей степени». После отъезда Алпатыча в Смоленск беспокойство князя усилилось, но оно «не было обращено на возможность опасности, напротив, он сердился, когда ему напоминали об этом». Толстой попытался было отметить, что в это время старый князь отдавал своим слугам и дворовым приказания «самые мелочные, забываемые им», но даже не дописал фразы; в такую минуту надо говорить не о расслабленности старика, а об его неосознанном внутреннем смятении. Толстой нашел психологически верную деталь: тревога старого князя в эти дни проявлялась именно в тех хозяйственных вопросах, которые всегда интересовали его. «Он беспокоился о том, что не успеет нынешним летом окончить постройки нового корпуса, так как не запасешь извести, о том, как бы Алпатыч не напился пьян и не растерял задвижки, и о том, что не едет землемер для размежевания».

Все сильнее выступает и физическая слабость старого князя. Ее усилить надо было для того, чтобы разительнее стало дальнейшее поведение князя. Когда Алпатыч привез известие, что «Смоленск сожжен и занят неприятелем, что войска отступают и что Лысые Горы через несколько дней могут быть заняты неприятелем», старый князь преображается. Таким должен быть Николай Болконский, и не могла подойти к нему замедленная реакция, вызванная физической слабостью.

Неверно прозвучали следующие слова, введенные было в рассказ: он «молча, все с той же презрительной улыбкой принял эти известия и, сидя в кресле, заснул еще в то время, как Алпатыч, взволнованный всем тем, что он видел, не кончил докладывать ему». И лишь, «проснувшись перед обедом, князь, казалось, в первый раз понял все». Немедленно Толстой изменил реакцию князя, в другом тоне продолжил рассказ о нем. Основной характер сохранился в печатном тексте, хотя отпали некоторые подробности. После доклада Алпатыча, казалось, «вдруг все уяснилось в голове князя и прежние силы возвратились ему». Перечислены совершенно разумные и решительные распоряжения князя: отправить княжну Марью и Николушку с гувернером в Богучарово и оттуда в Москву, послать во все деревни требования, чтобы с трех тягол один мужик молодой на лошади явился в Лысые Горы,

и, наконец, вызвать городничего и отправить двух посланных — одного к главнокомандующему войсками, другого к ополченному главнокомандующему. Письмо князя к главнокомандующему содержит в рукописи больше подробностей, нежели в законченном романе. Князь сообщал (в первоначальном тексте), что, «несмотря ни на что, он не уедет из Лысых Гор, хоть бы французы стояли у ворот дома, что защищать Лысые Горы весьма легко, ежели ему дадут только 10 батальонов пехоты и две роты артиллерии, что он сам возьмет командование над ними, и, присоединив к ним своих ополченцев и тех, которых он требует от ополченного главнокомандующего, он уверен, что ни на шаг не пустит вперед французов». Одновременно князь написал приказы «бурмистрам о высылке людей, городничему — о высылке оружия и ополченному начальнику о требовании немедленно явиться к нему».

Перед нами не слабый, беспрестанно засыпающий старик, каким был князь до известий о Смоленске; он возбужден, он «казался свежее и оживленнее, чем все эти дни. Он ходил по комнате, и губы его и большие брови, не переставая, двигались по его лицу». Внешность преображается под влиянием глубоких внутренних переживаний — это очень характерно для толстовских образов, особенно — образов положительных.

Многое приблизилось к законченному варианту, но еще сохранялся от ранней редакции рассказ о душевном состоянии княжны Марьи, против воли отца оставшейся вместе с ним в Лысых Горах. Княжна испытывала потребность «действовать». Она не могла молиться, «она чувствовала, что ее призывал теперь другой трудный мир житейской деятельности, совершенно противуположный нравственному миру молитвы; она чувствовала, что, предаваясь последнему, она потеряла последние силы действовать. Она не могла и не стала молиться». Чувство это направлено на то, чтобы «следить» за отцом, «а в ту минуту, которая, она чувствовала, быстро приближалась,— быть готовой на помощь».

Состояние «ясности и деятельности», в которое физически ослабевший князь был приведен известиями о надвигавшейся опасности, завершилось ударом и смертью. Такая схема определена в первой редакции. Более всего пришлось в дальнейшем работать над изображением последних дней жизни старого князя и смерти его. Писателя заинтересовал процесс болезни, и, замедлив действие, он начал шаг за шагом прослеживать развитие болезни старого князя. Во вторую редакцию введен рассказ о том, как старый князь разгневался на дочь за ее отказ уехать без отца. Это потребовало и дальнейших изменений.

В ранней редакции старый князь ночью приходит в комнату дочери и разговаривает с ней. Теперь создается новая сцена. Княжна Марья в эту ночь «не могла молиться, не могла плакать, не могла спать» и до рассвета прислушивалась к тому, что происходило в цветочной, где ночевал отец, которому тоже не спалось. Осталась неизменной, как и в ранней редакции, характерная для больного князя особенность — он смешивает давно прошедшее с событиями сегодняшнего дня; но этот путаный разговор князь ведет теперь не за столом с семейными, а с Тихоном; княжна Марья прислушивается из соседней комнаты.

По-иному изображен и момент удара. Князь Болконский крайне возбужден, все время рвется к действию. Задремавшая под утро княжна Марья очнулась от шума экипажа и узнала от Дуняши, что «князю коляску подают. Они, должно, к начальству едут. В мундире сейчас приходили. Уже и исправник здесь. И мужики ополченные на лугу собраны. Ружей привезли. Раздавать хотят». Из окна княжна Марья увидела «коротенькую фигурку отца в екатерининском мундире с орденами, двигавшуюся быстро по дорожке в сад». Ей виден был луг и «большая толпа мужиков без шапок», двигавшаяся навстречу князю. Вдруг она услыхала «раскаты голоса князя, кричавшего что-то».

Так подготовил Толстой сцену удара. Когда «вдруг голос этот затих» и княжна Марья выбежала в сад, «навстречу ей по аллее виднелась фигура ее отца, с грудью, покрытой орденами, и красным воротником. Его вели, почти несли под руки». Детально рисуется внешность пораженного параличом князя, который, «не переставая, хрипя, бормотал что-то». Еще три раза исправлял Толстой этот эпизод, сократил введенную было постепенность развития действия, исключил некоторые подробности, дав картину более резкими штрихами. Неизменной при всех многократных переработках осталась найденная в первом же варианте и сохранившаяся в печатном тексте кульминация — смертельный удар поражает князя Болконского в момент наивысшего патриотического подъема. Автор хотел и в дальнейшем показывать стремление уже больного князя к активной деятельности. Отмечено было, что княжна Марья оставалась с отцом в Богучарове потому, что он «не столько не мог, сколько не хотел ехать из Богучарова», куда привезли его, и которое он «в полупомешательстве, в котором он находился, принимал за Лысые Горы». Это отпало вместе с другими подробностями.

Рассказано не только о физических, но и о нравственных страданиях князя, о том, как смягчается характер отца, проявляется любовь к дочери. На этом же этапе работы (вторая редакция) введены предсмертные слова князя. «Погибла Россия... от злодея»— прерывающимся голосом произносит князь. Следующий вариант — вместо

короткого восклицания старый князь повторяет: «Погибла, погибла Россия, погубили Россию». «Он бормотал по-прежнему, задергал бровями и зарыдал». Рассказ о последних днях старого князя позднее подвергался лишь стилистической отделке. Самый момент смерти не изображен ни в рукописях, ни в законченном романе.

По мнению специалистов-невропатологов, последние дни жизни Николая Сергеевича Болконского с поразительной точностью воспроизводят картину физического и психического состояния, предшествующего инсульту, и самый удар. Это история болезни, написанная мастерской рукой художника [6].

Повествование о том, что произошло в Богучарове после смерти старого князя, в основных чертах намечено в ранней редакции; определилась и структура. Однако работа продолжалась вплоть до корректур. Надо было решить три темы: правильно отразить нарастание антипомещичьих настроений некоторых групп крестьян в 1812 году, показать пробудившийся патриотизм княжны Марьи и найти завязку отношений между Марьей Болконской и Николаем Ростовым. В этих трех направлениях шла работа автора.

«Бунт» в Богучарове требовал внутренней мотивировки. Предпосылкой «бунта» служит характеристика богучаровских крестьян.

По ранней редакции, богучаровские крестьяне отличались от лысогорских и «говором, и одеждой более грубой, и нравами, и недоверием, и недоброжелательством к помещикам». Последнее пребывание в Богучарове князя Андрея с его нововведениями — больницами, школами и облегчением оброка —«усилило в них их недоверчивость к помещикам». В корректурах появился более резкий вариант: то, что сделал князь Андрей, «не смягчило нравов этих крестьян, а, напротив, усилило в них те черты, которые старый князь называл дикостью». В ранней редакции было рассказано о том, что между ними всегда ходили какие-то слухи о «воле». Затем Толстой добавил, что и в 1812 году «слухи о войне и Бонапарте и его нашествии соединились для них с такими же неясными слухами». В корректуре «неясные слухи» конкретизированы, слухи о Бонапарте соединялись с «представлениями об антихристе, конце света и чистой воле».

Расширена также общая характеристика богучаровских крестьян. Выделено главное — то, что в их жизни «были заметнее и сильнее, чем в других, те таинственные струи народной, русской жизни, причины и значение которых бывают необъяснимы для современников». Затем было рассказано о переселении «на теплые реки», о наказаниях, которым подвергались крестьяне. «Но подводные струи не переставали течь в этом народе», и теперь, в 1812 году, «эти подводные струи производили сильную работу и были близки к проявлению».

Толстой создает образ старосты Дрона, которому предназначалась ведущая роль в богучаровском «бунте». «Дронушка был один из тех крепких физически и нравственно мужиков, которые, как только войдут в года, обрастут бородой, так, не изменяясь, живут до 60—70 лет без одного седого волоса или недостатка зуба, такие же прямые и поворотливые в 60 лет, как и в 30». Определение появилось в первом наброске и почти дословно вошло в законченный роман. Кроме того, было создано несколько вариантов характеристики Дрона. Нужно было обосновать, почему активное участие в «бунте» принял именно Дронушка, примерный староста, «безупречно» пробывший в этой должности 23 года. Толстой рассказал о прошлом Дрона, о том случае, который произвел переворот в жизни Дрона. «Это было 20-ть лет тому назад, в то самое время, как мужики поднимались на теплые реки. Дрон в числе других поднялся с своим семейством и был возвращен по этапу. Вскоре после этого он бежал один и вернулся через год с длинными волосами. На вопросы, где он был и зачем, он отвечал, что он был у печерских и соловецких угодников и что он пошел потому, что так надо было». Немедленно отрывок был зачеркнут, и в окончательном тексте сохранилось лишь упоминание о том, что Дрон, как и другие, участвовал в переселении «на теплые реки».

Характеристика Дрона и всех богучаровских крестьян подготовила описание «бунта» в Богучарове.

У Толстого была мысль включить в действие Телянина, бывшего офицера, того самого, который в 1805 году украл кошелек у Николая Ростова, а в 1806 году был интендантом, из-за которого пострадал Денисов. Глава начата теперь с сообщения о том, что «уже около Богучарова стало слышно о подходивших французах — их войсках, о мародерстве. В соседней деревне Дмитрия Михайловича Телянина, как слышно было, стояла французская команда». Роль Телянина в 1812 году —логическое следствие его поведения в войне 1805 года. Имя Телянина естественно упомянуто среди тех, кто легко готов был остаться с неприятелем. 15 августа по деревне Богучарово прошел привезенный Карпом слух, что «казаки разоряют русские деревни, которые оставляют мужики, а что французы не обижают тех, которые остаются». В тот же день «другой мужик, ездивший за 40 верст в Вислоухово, деревню помещика Телянина, привез оттуда бумагу, рассылаемую французским генералом Рамо, в которой жителям объявлялось, что им не будет сделано вреда и что француз воюет с армией, а не с народом».

Эти вести оказали большое влияние на богучаровских крестьян. «Утром 15 числа под предводительством Дрона была собрана сходка, и на сходке было положено не выбираться, а оставаться и ждать»

В завершенном романе сохранились и слухи, привезенные Карпом, и «бумага» французского генерала, и даже название деревни — Вислоухово, но имя хозяина ее, Телянина, отпало. По-видимому, участие помещика Телянина, так же как в ранней редакции романа участие городничего Тушина в Богучарове, не увязывалось с общей сюжетной канвой, было искусственной натяжкой, и чувство меры, которое так ценил Толстой, вероятно, подсказало исключить случайные эпизоды.

С первой рукописи определились основные события «бунта». Алпатыч приказал собрать подводы — Дрон отказался. Алпатыч «удивленно посмотрел на Дрона, не понимая смелости его возражений». Княжна Марья вызывает Дрона. Он вошел в комнату с «выражением тупого недоверия». Распоряжения княжны он слушал, «видимо, не желая исполнять их». Разговор княжны с крестьянами также ничего не дал. Княжне Марье было странно и неловко. Она хотела «облагодетельствовать» мужиков, а они «враждебно» смотрели на нее. В толпе раздавались крики: «Не согласны», «Чего соглашаться-то»?, «Что ж нам все бросать-то?», «Вишь научила ловко, за ней в крепость иди». «Дома разори, да в кабалу и ступай. Как же! И хлеб, мол, отдам,— с ироническим хохотом проговорил старик с дубинкой».

Обрисовав настроение, царившее среди крестьян, Толстой переходит к княжне Марье. Два тяжелейших события обрушились на княжну: смерть отца и приближение врага. Как же это должно отразиться на ее духовном строе? В ранней редакции была дана немедленная реакция княжны Марьи на совет m-lle Bourienne остаться с французами. Она «заговорила, вспыхнув: — Так что вы хотите, чтоб я ... чтоб я приняла в этот дом французов, чтоб я... нет!» В новой редакции совет m-lle Bourienne послужил толчком, который вывел осиротевшую княжну Марью из угнетенного состояния. «Требования жизни, которые она считала уничтоженными со смертью отца, вдруг с новой еще неизвестной силой возникли перед княжной Марьей и охватили ее». Теперь слова француженки вызвали гневное раздражение княжны Марьи, и последовала немедленная реакция: «ехать, ехать скорее». Княжна Марья испытала ужас «при мысли о том, как подействует на князя Андрея известие о том, что она осталась у французов».

В окончательном тексте размышления княжны Марьи расширены. Она представила себе, в каком оскорбительном положении очутилась бы, оставшись у французов. Одну еще черту под конец добавил Толстой к характеру княжны Болконской: она чувствовала себя «представительницей своего покойного отца и князя Андрея» и «невольно думала их мыслями и чувствовала их чувствами».

Толстой колебался, каким будет расположение духа княжны Марьи после бесплодного разговора с крестьянами, отказавшимися ехать

с нею. Первоначально мысли княжны Марьи сосредоточены на потрясшем ее горе — смерти отца. «Ей все казалось, что *он* идет, шлепая туфлями. О мужиках она не помнила и не думала». Тотчас же автор изменил такое соотношение двух событий: живые воспоминания об отце стали сливаться с обостренным чувством жизни. «Сначала она думала о мужиках, о странном говоре их и непонимании, думала о неприятеле, о ужасе покорении России французом». Думы о настоящем перебивались мыслями об отце: «Все к лучшему, он бы не мог пережить этого». На княжну Марью «нашел страх». Она испытывала «сначала страх мужиков, страх французов, потом беспричинный страх чего-то таинственного и неизвестного».

В следующей рукописи реакция княжны на поведение крестьян почти возвращена к первому варианту. Погруженная в свои мысли об отце, она хотя и прислушивалась «к звукам говора мужиков, доносившимся с деревни, но она не думала о них». Возник психологически сложный замысел — раздумья об отце дополнить мечтой «о возможности для себя любви и семейного счастья». Княжна Марья представляла себе, как бы она любила своего будущего мужа. «Она представляла себе того человека, которого она будет любить, совсем противоположным тем двум мужчинам, отцу и брату, которых она знала ближе всех и на которых она сама была похожа. Она представляла его себе не очень умным (она не любила ум), не очень чувствительным, но очень веселым, красивым, рыцарски благородным и великодушным». Толстой заставил княжну Марью не ограничиться отвлеченными мечтами. Нервы напряжены, и топот лошадей, отправляемых в ночное, придает мечтам реальное направление: «Кто знает, может быть, это мое положение теперь, здесь и в опасности сведет меня с *ним*,— подумала княжна Марья, прислушиваясь к топоту лошадей.— Может быть, это *он* едет теперь». Такие мечты не удержались в романе. Слишком совпадали мечты и вслед за тем свершившееся событие — приезд в Богучарово Николая Ростова.

Многократные переработки привели к такому итогу: княжна Марья в эту ночь не вспоминала о мужиках. «Она чувствовала, что сколько бы она ни думала о них, она не могла бы понять их». Ее поглощало личное горе. В ее воображении оживали картины болезни и смерти отца. Так в завершенном романе.

Ход мыслей княжны Марьи и сцена столкновения с крестьянами связаны между собой; душевная настроенность героини и оттенки богучаровского эпизода менялись одновременно.

Несколько раз пришлось Толстому переделывать сцену сходки богучаровских крестьян. В окончательном тексте Алпатыч сообщает случайно заехавшему в Богучарово Николаю Ростову, что «грубый

народ здешний не желает выпустить госпожу из имения и угрожает отпрячь лошадей». От лица автора затем рассказано о том, что предложение княжны Марьи выдать крестьянам хлеб и просьба ехать вместе с нею «так испортили дело», что крестьяне решили подчиниться приказу французов «не вывозиться» и не выпускать княжну. В рукописях вместо авторского изложения была короткая сцена. Утром, когда княжна собралась ехать, «еще лошади не подъехали к крыльцу, как толпа мужиков приблизилась к господскому дому и остановилась на выгоне». Алпатыч, скрывая от княжны истинные намерения крестьян, советует ей просить у русского воинского начальника конвой, «так как по дороге могут встретиться неприятели». Княжна Марья отказалась. Она видела, как после этого Алпатыч «подошел к мужикам и что-то стал говорить с ними. Поднялись крики, маханья руками. Алпатыч отошел от них, но не вернулся к княжне. Михаил Иваныч, архитектор, вошел к княжне и задыхающимся голосом передал ей, что в народе бунт, что мужики собрались с тем, чтобы не выпускать ее из деревни, что они грозятся, что отпрягут лошадей, но что ничего худого не сделают барыне, и повиноваться ей будут и на барщину ходить, только бы не уезжала». Княжна Марья в оцепенении сидела в зале. Она ничего не понимала из того, что делалось с нею. «Вот оно и наказание»,— думала она. В этот момент приехали Ростов с Ильиным.

В следующей рукописи, введя мечты княжны Марьи о семейном счастье, Толстой изменил и эпизод с крестьянами. Добавлены новые подробности, вносящие напряженность в действие. В начале сказано, что исправник уже обещал Алпатычу прислать конвой солдат, необходимый «не только для того, чтобы проводить княжну Марью, но и для того, чтобы с помощью войска вытребовать нужные для подъема обоза подводы». Подчеркнуто, что во время разговора с княжной Марьей Алпатыч «мрачно» стоял перед ней, «желая и не решаясь сказать ей всю правду». Авторское изложение рассказа архитектора о «бунте» заменено короткой сценой, усиливающей взволнованный тон всего эпизода. «Дуняша вбежала к княжне и задыхающимся голосом передала ей, что в народе бунт, что мужики собрались с тем, чтобы не выпускать ее из деревни, что они грозятся, что отпрягут лошадей». Далее прямая речь Дуняши: «Они говорят... они, что ничего худого не сделают и повиноваться будут и на барщину ходить, только бы вы не уезжали. Уж лучше не ездить, княжна матушка! что с нами будет,— говорила плачущая Дуняша».

Усиливают напряженный характер сцены упоминания о том, что «в задних комнатах слышны были беготня и шептание», что «кучера и мужики, приведшие было к крыльцу лошадей, увели их назад»,

что «к мужикам подъехала телега с бочонком», которую «толпа окружила», и слышался «громкий говор и веселые крики».

По-иному выступает в этом варианте и сама княжна Марья. Она не пассивна, как было в предыдущем, не ограничивается раздумьем о заслуженном наказании, а готова решительно действовать. Узнав о настроении крестьян, княжна Болконская не испугалась. «Но я не покорюсь так вдруг,— сказала она, вставая.— Я пойду к ним, я велю закладывать и поеду. Пускай они останавливают меня! Дуняша, няня, чего вы боитесь? Отчего вы спрятались? Велите укладывать, а я пойду к ним». Решительность княжны Марьи не подействовала на ее испуганных слуг. «— Матушка, Христос с тобой! Они — пьяны, голубушка! пропали мы,— уговаривали и плакали и стонали Дуняша и няня. Михаил Иванович с растерянным лицом и Тихон вошли в комнату». Несколько голосов говорили вместе, особенно голос прачки Натальи «наполнял комнату». Хотя княжна Марья «чувствовала, что, глядя на эти растерянные лица, она сама теряется, но неизвестное ей самой в себе чувство оскорбленной гордости и злобы поддержали ее».

Эта законченная художественная сцена не дошла до печати. Быть может, тон ее и, главное, душевный подъем княжны Марьи плохо увязывался с неожиданным появлением Ростова. По рукописному тексту — Ростов застал княжну в крайнем возбуждении; ее некрасивое лицо неприятно поразило Ростова, тем более, что она, стараясь скрыть волнение «при появлении ожидаемого рыцаря, казалась холодною и гордою». По замыслу автора, это знакомство послужит завязкой отношений княжны Марьи и Николая. «Что-то романическое» представилось Ростову в их необычной встрече: «Беззащитная, убитая горем девушка, одна, оставленная на произвол грубых бунтующих мужиков». Разумеется, подобное впечатление не могла произвести на Николая Ростова полная решимости княжна Марья. Можно допустить, что этими соображениями в какой-то мере вызван следующий вариант: Марья Болконская сидела в зале «потерянная и бессильная». Такой и увидел ее Ростов.

Расправа Николая Ростова с мужиками также перерабатывалась, причем в рукописях Дрон изображен более упорствующим. Даже Николай в первый момент «не совсем спокойно говорил с ним. Так внушительна была представительность и спокойствие Дрона». Он «насмешливо» говорил с офицером, а когда Ростов схватил его за шиворот, «челюсти мужика задрожали, он дернулся.— Ей, барчук, не замай,— сказал он». Толстой хотел было показать, что приказание Ростова вязать бунтарей быстро подчинило Дрона. «Иди за подводами,— сказал Дрон». Не закончив фразы, Толстой отказался от своего

намерения. Теперь Дрон продолжает стоять на своем: «Сказано: нет подвод»,— повторил Дрон и, «не сопротивляясь вязанию ему рук, даже помогая ему, не изменял выражения своего бледного лица.— Что ж, вяжите. Подвод нет». Почти в таком виде сохранился эпизод в романе.

Не было в первой редакции конфликта между крестьянами: с одной стороны — староста Дрон, с другой — Карп и другие крестьяне, недовольные Дроном, припомнившие ему и «кубышку», которую он накопил себе, и отправку их сыновей в рекруты. В описание «бунта» этот конфликт вошел на следующем этапе работы Толстого, и он был необходим. Не будь раздора внутри крестьян, вряд ли так быстро удалось бы Ростову подчинить их себе.

Окончание богучаровского «бунта» закрепилось по ранней редакции и переделкам не подвергалось. Все крестьяне вместе с самим Дроном укладывали вещи княжны Марьи, помогая ей уехать.

Смертью старого князя и отъездом княжны Марьи из Богучарова надолго прерывается сюжетная линия «В деревне» в прямом смысле этого понятия, но не прерывается тема Болконских. Так же случайно, как в Богучарове, произошла вторая встреча княжны Марьи с Николаем в Воронеже, где она жила с племянником и куда Ростов приехал в командировку.

Вечер у воронежского губернатора, где присутствует Николай Ростов, был написан без больших переработок. Задержал Толстого только разговор губернаторши с Николаем о княжне Марье и об его отношении к Соне. В первом варианте сам Николай рассказывает губернаторше, знакомой Ростовых, о материальных затруднениях семьи, осложняющих его решение жениться на Соне. Губернаторша предлагает посватать его к княжне Марье. Николай Ростов возражает, он уверяет — так и в окончательном тексте — что его любовь к Соне неизменна и что он женится на ней. Однако тон признаний опровергает искренность его отношения к Соне. «Я, по правде вам сказать, женюсь на ней с радостью, но я знаю, что это убьет maman, и правда, что ежели дом и подмосковная не продадутся, наши дела совсем расстроились. И для Софи какая же жизнь будет — мать в отчаянии, в бедности, но я обещал, и жениться на другой это убить Софи. Ужасное положение!

— Ах, mon cher, mon cher. Les mariages d'amour *, это беда».

Ростов, почти не скрывая, выказал готовность освободиться от обещания Соне.

«— Но что вы мне посоветуете?

* мой дорогой, мой дорогой. Браки по любви

— Ты женишься на княжне Марье, ежели Софи откажет тебе?

— Да еще вопрос, пойдет ли за меня княжна Марья?

— Нет, ты женишься?

— Обещать не хочу, а...

— Ну, хорошо».

Еще раз Толстой обнажил мысли Николая Ростова, заставив его на следующий день вспомнить разговор с губернаторшей. Курьер из Москвы привез сообщение, что русские оставили столицу. «Известие это взволновало город, в особенности тех, которые имели дома и родных в Москве. Nicolas с тем же курьером получил письмо от матери накануне отъезда, в котором она между прочим [писала] о том, что последняя надежда их рушилась, что дом и подмосковная остались не проданы и что теперь все именье должно пойти за долги. Невольно, получив это известие, Nicolas вспомнил о разговоре накануне с губернаторшей».

Такая явная неприкрашенная корысть в молодом Ростове сильно снижала его облик — подобные расчеты годились бы только для Берга, и возможно, что эти причины вызвали немедленную, в той же рукописи, перестройку всей беседы между губернаторшей и Ростовым. В новом варианте, не Ростов говорит о материальных трудностях в семье, препятствующих его женитьбе на Соне, их высказывает почти в тех же выражениях губернаторша, а «Nicolas молчал, ему приятно было слышать эти доводы, но говорить нечего». Такое поведение естественнее для Николая Ростова.

По-иному намечались и обстоятельства, вызвавшие письмо Сони, в котором она просила Николая «считать себя свободным». Не по настояниям графини Ростовой (как в окончательном тексте) Соня «освобождала» Николая, а получив письмо губернаторши, которая писала Соне о положении Николая и всего семейства Ростовых, о выгоде его брака с княжной Марьей, Соня ответила, что просит Николая считать себя свободным от обещания. Тот же курьер привез Николаю Ростову письмо матери о том, что они выезжают из Москвы и вместе с ними — князь Андрей. Николай Ростов решил отправиться к княжне Марье, чтобы сообщить «о ране князя Андрея и о том, где он находился».

Визит Николая Ростова к княжне Марье в Воронеже тоже был создан не сразу. Увидев ранее княжну Марью в Богучарове и слушая ее «робкий рассказ», Николай Ростов думал: «И какая кротость, благородство в ее чертах и в выражении». Теперь, при второй встрече, которая служит развитию их отношений, княжна Марья должна произвести на него более сильное впечатление, он должен почувствовать глубину ее духовной красоты.

По окончательному тексту, Ростов в первый же момент понял, что «существо, бывшее перед ним, было совсем другое, лучшее, чем все те, которые он встречал до сих пор, и лучшее, главное, чем он сам». По первоначальному варианту, «первое чувство, возбужденное в Николае княжной Марьей, было чувство жалости. Она видимо тщетно боролась с своим волнением и с желанием не показать его в то время, как ожидала входа гостя. Она опустила глаза, когда он вошел. И увы! он должен был признаться, что она дурна. Но как только она взглянула на него своим глубоким страдавшим взглядом, сознание это тотчас же исчезло».

Тут же нарисован озаренный неугасимым внутренним светом облик княжны Марьи. «В лице ее, некрасивом, как некрасивы бывают транспораны без освещения, был зажжен огонь, и огонь этот освещал и играл на всем, что окружало ее». То различие характеров княжны Марьи и Николая Ростова, которое позднее особенно сильно выразится в их семейной жизни, упомянуто теперь. Рисуя облик княжны Марьи при встрече с Николаем, Толстой сообщил, что «в лице ее, в глазах (глаза были все ее лицо) не было того ясного невинного простого света, который бывает у людей не страдавших, не думавших, не изучавших себя и потому довольных собою, той светлости, которая в высшей степени была в Nicolas, но в ней был неугасимый свет, застилаемый внутренней, вечно недовольной собой работой».

При создании этого варианта возник замысел сравнить лицо княжны Марьи с освещенным изнутри расписным фонарем. Прежде всего на полях рукописи появилась лаконичная запись: «Фонарь». В переработанном варианте этот замысел был воплощен. Лицо княжны Марьи с того времени, как вошел Ростов, «вдруг преобразилось так, как преображается расписной фонарь, в который вставят свечку». Определение «расписной» фонарь оказалось недостаточным. Толстой усложнил образ. Лицо Марьи напоминает фонарь «с наипрозрачнейшими стенками, с самой искусной, сложной, художественной на них работой, которая вдруг во всей своей тонкой красоте выступает только тогда, когда яркий свет зажжен в них. В первый раз этот свет зажжен был теперь в лице княжны Марьи, и вся та чистая духовная внутренняя работа, которой она жила до сих пор, выступила наружу». Наконец, образ был найден, и понадобилась только стилистическая отделка его.

В завершенном тексте этих глав рассказано о совершенно особенном чувстве, которое испытывал Ростов к княжне Марье. В раннем варианте это чувство определено как «совершенно особенное от всех прежних отношений с другими женщинами». А в свиданиях Николая Ростова с княжной Марьей было «что-то не именно тяжелое, но трудное, не игру-

шечное. В том же черновике раскрыто значительно подробнее чувство самой княжны Марьи. Там сказано: «Так же она никогда не мечтала о нем, так же она при нем подчинялась какой-то невидимой силе, которая руководила ею, и так же она до подробностей изучала его и не в том смысле, хорошо ли он танцует, не играет ли он в карты и нет ли у него долгов, постится ли он и ходит ли к обедне, а в изучении его задавала себе относительно его самые странные общие вопросы. Она по словам и выражениям его добиралась, есть ли у него снисходительность к слабостям других, есть ли привязчивость к месту, есть ли любовь к детям (эту последнюю она нашла в нем), как будто ей нужно было знать все это». Только в корректурах сокращен был этот придирчивый, любовью подсказанный анализ характера Николая.

В остальном рассказ об отношениях между Ростовым и княжной Марьей был уже в рукописях близок к печатному тексту.

Княжна Марья — один из тех немногих персонажей, которые ведут действие до конца романа. Она приезжает вместе с Николушкой к Ростовым в Ярославль, где находится умирающий князь Андрей. Она становится после смерти князя Андрея близким другом Наташи. В деревне, в Лысых Горах, имении Марьи и Николая Ростовых, происходит последнее действие романа, его эпилог.

ВОЙНА И НАРОД НА ВОЙНЕ — это четвертая, центральная сюжетная линия романа. Когда в «Русском вестнике» появилась вторая часть «Тысяча восемьсот пятого года» с подзаголовком «Война», А. А. Фет писал Толстому: «Главная задача решена: выворотить историческое событие наизнанку и рассматривать его не с официальной шитой золотом стороны парадного кафтана, а с сорочки, т. е. рубахи, которая к *телу ближе* и под тем же блестящим общим мундиром у одного голландская, у другого батистовая, а у иного немытая бумажная ситцевая. Роман с этой стороны блистает первоклассными красотами, по которым сейчас же узнаешь ex ungue leonem *»[7]. Несомненно, Толстой не раз говорил с А. А. Фетом о задаче своего исторического произведения, так образно сформулированной Фетом. При правке журнального текста направление не пересматривалось, и авторский труд свелся главным образом к сокращениям. Сжат рассказ о стоянке Павлоградского полка, особенно сцены в избе у Денисова и кража кошелька Теляниным. Исключена характеристика юного офицера Николая Ростова, который, «несмотря на все его желание быть вполне гусаром и товарищем», еще не мог «пить больше стакана вина, не делаясь больным, и засыпал за картами». Подобные черты проявятся в самом действии, а не в авторском изложении.

Отброшено несколько иронически звучащее заключение журнальной публикации — о Шенграбенском сражении, исход которого удивил не только русских, французов, но и самих австрийцев. Отряд Багратиона называли «die Heldenschaar» **, сам Багратион и его отряд получили «большие награды от австрийцев и вскоре прибывшего в Ольмюц

* по когтям льва (лат.)
** толпа героев (нем.)

русского императора». Общей концепции романа исправления не затронули. Не понадобилось для старого текста никаких дополнений.

Аустерлицкое сражение и война 1806—1807 года также не были предметом новых поисков или кардинальных перемен.

Война 1812 года, хотя в ранней редакции был заготовлен для нее очень большой материал, потребовала огромных творческих трудов. Долго искал писатель, как начать действие, как высказать свое суждение о событиях. По ранней редакции, 1812 год открывался полным текстом двух последних писем, которыми обменялись Александр I и Наполеон. Вплотную подойдя к воссозданию эпохи, Толстой сохранил их, значительно расширив следовавшее за ними рассуждение о неизбежности этой войны, о причинах движения европейских народов с запада на восток в 1812 году. Используя тексты писем, Толстой старался доказать, что «600 тысяч европейского вооруженного народа неудержимо двигаются с запада на восток и 12 июня вступают в пределы России» не по воле одного из монархов. Это «страшное, противное разуму» событие происходит, несмотря на «уверения Наполеона о том, что он не желал и не желает войны», несмотря на то, что «император Александр видит во всем деле только недоразумение и говорит, что от воли Наполеона зависит спасти человечество от бедствий новой войны и остановить пролитие крови наших народов», несмотря «на сильную партию мира в России, во главе которой стоит Румянцев, и такую же еще бо́льшую партию в пользу мира во Франции, несмотря на посредничество Австрии, на усиленные хлопоты дипломатов, старающихся предотвратить войну».

Авторское рассуждение не удержалось, изменено было начало рассказа о войне 1812 года. В следующей рукописи он открылся не письмами императоров, на которых было построено рассуждение, а, как установилось в композиции предыдущих томов, кратким обзором событий, предшествовавших войне. Читаем новое начало: «Более года перед нашествием 12-го года усиленно работали дипломаты, переписываясь между кабинетами, скакали курьеры с депешами из Парижа в Петербург и Вену и обратно, десятки тысяч писем были написаны Александром Наполеону и Наполеоном Александру, и все эти действия имели единственной целью сохранение мира между двумя державами, а, несмотря на то, с каждым днем и каждым часом усложнялись отношения, вооружались армии и стягивались к Неману с востока и запада, и, когда сошлись оба войска, война началась».

Первая фраза вступления, состоящая из 74 слов, создает, нагнетая события одно за другим, ощущение большой напряженности в политической обстановке перед войной. Повторив ту же мысль, что не по воле Александра или Наполеона началась война, Толстой выдвигает вопрос,

в самой постановке которого содержится ответ автора. «Неужели,— спрашивает он,— от воли Александра, Наполеона, от искусства Меттерниха, Талейрана, Румянцева зависело совершение или несовершение этого громадного злодейства народов? Неужели стоило Александру написать: «Monsieur mon frère, je me rapelle de Tilsit et d'Erfurt et je consens à l'indemnisation que vous me proposez pour le duché d'Oldenbourg» * или Наполеону написать: «Monsieur mon frère, je consens à retirer mes troupes de la Vistule» ** или Меттерниху, Румянцеву и Талейрану между выходом и раутом написать поискуснее бумажку, и не было бы нашествия на Россию и всего того, что совершилось, не было бы того противного разуму и человеческой природе убийства и изувечения сотен тысяч невраждебных друг другу и невинных людей, не было бы бесцельного сожжения и уничтожения богатств человеческих и не было бы совершено того бесчисленного количества злодеяний, обманов, выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, убийств, которого в целые века не соберет летопись всех судов мира и на которые в этот период времени люди не смотрели как на преступления».

Как бы отвечая на этот вопрос, Толстой вновь развил те мысли о причинах исторических событий, которые входили в круг его рассуждений в первом наброске и основная идея которых проведена через весь роман. Так создалась первая глава.

Полемизируя далее с историками, прежде всего с Тьером, Толстой продолжал доказывать, что, приехав 10 июня к Вильковискому лесу, Наполеон «еще не решил в своем уме вопроса о том, начнет ли он сейчас войну или подождет последнего ответа Лористона», что 12 июня «никто, еще менее сам Наполеон, не знали того, перейдут или нет войска через Неман и начнется ли война», что Наполеон приехал «только для того, чтобы осмотреть местность переправы». Увидав же «тот Неман, на котором пять лет тому назад он обнимал Александра, теперь требовавшего от него постыдного отступления за Вислу, увидав эти степы Московии, открывавшиеся за рекой, этих скифов казаков, гарцующих в этих степях, сблизив себя с Александром Македонским перед его походом в Индию, почуяв опять этот волшебный и опьяняющий мир лагеря и восторженных криков войска, он неожиданно для всех приказал наступление и на другой день переход через Неман». Не стратегическими соображениями, не хитростью объяснял Толстой неожиданное начало войны, а неизбежностью, хотя указывал в то же время на тщеславие Наполеона. Приведенный текст появился во второй рукописи. В следующей — усилена все та же точка зрения, что «быстрый переход» не представлял для Наполеона «никаких выгод в военном отношении, как показали последствия». Перед сдачей рукописи в печать Толстой сильно сократил вводную часть (т. е. две первые главы), а основную мысль свою о «невыгодах» для Наполеона заострил латинским изречением: «Quos vult perdere — dementat» *, завершившим авторское вступление.

* «Государь, брат мой, я помню Тильзит и Эрфурт, и я согласен на вознаграждение, которое вы мне предлагаете за герцогство Ольденбургское».
** «Государь, брат мой, я согласен отвести мои войска за Вислу».

Художественное изображение перехода Наполеона через Неман должно подтвердить идею автора о неизбежности свершившегося.

Подойдя к готовым материалам следующих глав, Толстой задержался на портрете Наполеона в сцене приема Балашова. Исправления, которые вносились в раннюю редакцию, сосредоточивались на том, чтобы уверенности Наполеона в собственном величии возможно резче противопоставить его отнюдь не внушительную, почти жалкую внешность. Маловыразительное лицо, некрасивая фигура французского императора и при этом тщательно вырисованный парадный костюм, не соответствующий такой внешности,— создали нужное автору впечатление. «Наполеон был в синем мундире, раскрытом над обозначавшимся животом, в белых лосинах, обтягивающих жирные ляжки коротких ног, и в ботфортах». Раскрытый мундир и обтянутые лосины резко выпячивают толстую малорослую фигуру Наполеона. Та же скрытая ирония отражена в рисунке головы Наполеона. «Коротко обстриженная голова его с прядью волос над широким лбом была гордо поднята над выступавшими толстыми плечами». В завершение портрета рисуется лицо и, главное, выражение глаз, служащее, как всегда в портретах толстовских персонажей, раскрытию внутренней сущности человека. Лицо Наполеона Толстой показывает в начале его разговора с Балашовым. Каким же представлен Наполеон в этот, казалось бы, важный и решительный момент? «Держа в руке шляпу и перчатки, он быстро подошел к Балашову, твердо взглянул на него своими большими зелеными глазами, твердо смотревшими из налитого желтым жиром лица, и остановился против русского посла». Когда он говорил, «только нижняя часть его обложившегося желтым жиром лица содрогалась, а верхняя оставалась мраморно неподвижной. Глаза его смотрели на Балашова, но было видно, что они не вникали в выражение лица собеседника и не выражали ни предвидения, ни ожидания того, что скажет Балашов, вообще всего того, что тогда происходило вне души императора».

Соблюдая портретное сходство, Толстой отразил убогую духовную сущность Наполеона, какою она представлялась ему. Резкими и порой грубыми мазками написанный портрет не удержался. Создан другой

* Кого хочет погубить — у того отнимает разум. (лат.)

вариант. Нет ни описания головы с прядью над лбом, ни налитого желтым жиром лица. Отдельные черты заменены общим определением: «Вся его потолстевшая короткая фигура с толстыми плечами, с невольно выставляемым вперед животом и грудью, имела тот представительный осанистый вид, который имеют в холе живущие 40-летние люди». Насмешка автора сопровождает Наполеона: «представительный, осанистый вид» трудно связать с потолстевшей короткой фигурой и выставленным вперед животом. Изменен и рисунок лица Наполеона. К глазам добавлен эпитет «стальные», значительно усиливший впечатление неподвижности лица. «Нижняя часть его потолстевшего лица содрогалась в то время, как он говорил, верхняя часть лица и выражение стальных глаз оставались неподвижны».

В следующей (наборной) рукописи портрет вновь перерабатывается. Художник возвращается к выписыванию деталей. Восстанавливается «прядь волос», спускавшаяся «книзу над серединой широкого лба», отмечена «широкая шея», выступавшая из-за «белого воротничка выпущенной рубашки». В дополнение к портрету замечено не без сарказма, что от Наполеона «приятно пахло одеколоном». В новом варианте сквозит явная насмешка: «На красивом, хотя и несколько толстом лице его, с выступающим подбородком и надвинувшимся пучком волос на широкий лоб, было выражение милостивого и величественного императорского приветствия». Отделка деталей портрета продолжалась в корректурах.

Самый разговор Наполеона с Балашовым, а также сцена обеда у французского императора, во многом решенные в первой редакции, теперь, во второй редакции, уже близки к завершению, потребовалась лишь стилистическая шлифовка.

Не пришлось переделывать рассказ о «центре производящейся огромной войны», как Толстой иронически называл Дрисский лагерь и главную квартиру. Позиция князя Андрея, его взгляд на вещи были лучшим способом обрисовать различные партии и направления в штабе. Почти дословно, даже без стилистической отделки перешел из ранней редакции в завершенный роман этот рассказ, столь важный для понимания авторских позиций.

Действие в теме «войны» подошло к июлю, т. е. к вступлению французов в Смоленск. Определились границы новой части: от Смоленска до Бородинского сражения включительно. Повторяется укрепившаяся композиция: сначала авторские рассуждения, потом краткий обзор событий за данный период и затем самое действие. Рассуждения, открывающие новую часть, посвящены роли Александра и Наполеона в войне 1812 года. Дан обзор военных событий, предшествовавших занятию Смоленска. «Что должно было совершиться, то должно было совер-

шиться»— так начиналось историко-философское вступление в ранней редакции, где со всей определенностью было высказано суждение автора о роли личности в истории. Теперь, частью используя готовый текст, частью создавая новый, Толстой стремится сформулировать свое отношение к трем факторам: фатализму в истории, роли личности и, главное, роли народа в историческом процессе.

Допустив, что одной из причин погибели наполеоновских полчищ послужило «вступление их в позднее время без приготовления к зимнему походу вглубь России» (в литературе о войне 1812 года более всего приводится эта причина как главная), Толстой делает основной упор на другое, более существенное, по его мнению, обстоятельство — на характер, который «приняла война от сожжения русских городов и возбуждения ненависти к врагу в русском народе». Это, по Толстому, была главная причина торжества России в борьбе с Наполеоном. Она будет звучать во всем романе.

В ранней редакции Толстой высказал свое убеждение в том, что сожжение Смоленска «надо было для того, чтобы поднялся народ». Теперь Толстой развивает эту мысль и выдвигает на передний план огромную силу народного возбуждения в общем ходе войны. Писатель утверждает, что, покидая Смоленск, разоренные жители, «показывая пример другим русским, поехали в Москву, разжигая ненависть к врагу и возбуждение народа, то самое,— подчеркивает Толстой,— что должно было победить Наполеона». Главная роль в Отечественной войне принадлежит народу — эта мысль, твердо высказанная в ранней редакции, остается непоколебимой.

Смоленск описан в ранней редакции почти конспективно. Сохраняя наметившуюся тогда композицию, Толстой в большей части заново пишет картину Смоленска. Сначала были введены многие подробности, говорящие о приближении неприятеля. В раннем варианте Алпатыч по дороге из Лысых Гор «встречал и обгонял обозы и войска, но в городе было тихо». В новом — Алпатыч не только «встречал и обгонял обозы и войска», но, «подъезжая к Смоленску, слышал дальние выстрелы, но не обратил на это внимания». (Автор разъясняет, что это было отступление Неверовского.) Ферапонтов теперь подробнее рассказывает приехавшему Алпатычу о том, что «нынешний день были слышны выстрелы по близости» и что «многие купцы стали было товар увозить, но от губернатора был указ, что французов в Смоленск не пустят». Описание первого дня, проведенного Алпатычем в Смоленске, сохранилось по ранней редакции (с небольшими исправлениями), и введено письмо Барклая-де-Толли к смоленскому гражданскому губернатору барону Ашу от 2 августа 1812 года, то самое письмо, которое барон Аш через Алпатыча посылает князю Болконскому.

На полях новой рукописи появилась помета: «Ужас Смоленска». Она определила колорит батальной зарисовки. Вдруг «раздался странный, близкий свист и удар, другой, третий, и как будто пушечный выстрел на дворе соседнего дома и дальняя канонада, заставляя дрожать все стекла, слились в один общий усилившийся и непрерывающийся гул, как раскаты близкого грома. Алпатыч и Ферапонтов молча смотрели друг на друга, не понимая того, что это значило. Кухарка сунулась в окно, и пронзительный, отчаянный женский крик ее осветил вдруг весь ужас того, что происходило». Так в новой редакции показана бомбардировка города. И далее постепенно нагнетались факты, усиливающие «ужас Смоленска»: «По улице бежали толпы солдат и народа»; один солдат «с окровавленной головой упал у ворот Ферапонтовых», «стоявший у лавки мужик упал и пополз по улице, жалобно крича и волоча за собой что-то кровяное, красное». Ряды пехоты шли с «измученными, строгими лицами»; «навстречу шедшей пехоте бежали другие солдаты, некоторые из них были в крови. Один, хрипя, упал у ворот Ферапонтова». «Заслышались хрипенья и стоны».

Алпатыч растерян (что менее резко выражено в ранней редакции и чего вовсе нет в окончательной). Алпатыч «бросился вперед с солдатами. Его вытолкали из рядов, и он, прислонясь к углу, остановился. — Отцы, родные, голубчики, защитите Россию православную,— говорил Алпатыч, крестясь и низко кланяясь». Некоторые из проходивших солдат «оглядывались на этого благообразного старика и, не переменяя строгого выражения, проходили мимо».

Позднее Толстой освободил картину бомбардировки и пожара Смоленска от отдельных фактов, но сохранил ее пафос —«ужас Смоленска» и патриотический подъем. Когда вспыхнуло пламя пожара, оно «осветило оживленно-радостные и измученные лица людей, стоявших вокруг пожара». Среди них были князь Андрей и Алпатыч. По завершенному тексту — ярко вспыхнувшее пламя «осветило Алпатычу бледное и изнуренное лицо его молодого барина».

Недоработаны в ранней редакции последующие события, начиная с отступления от Смоленска и кончая Бородинским боем. Сохранились по ранней редакции подводящие к Бородину рассуждения автора о Шевардинском и Бородинском сражениях, беседа князя Андрея с Пьером в канун Бородина, ранение князя Андрея и сцена на перевязочном пункте, а главное, неизменным осталось настроение войска.

Высота, которой достиг дух войска, обеспечивший, по убеждению Толстого, победу, и внутренняя связь Кутузова с войском — это фундамент, на котором воссоздавались картины Бородина, фундамент, заложенный не только на почве исторических воззрений Толстого, но и на тех документах истории, в которых Толстой чувствовал правду.

Подойдя к главам о Бородинском сражении, Толстой прервал писание, у него возникла потребность самому увидеть поле исторической битвы. 22 сентября 1867 года он выехал из Ясной Поляны в Москву и 25 сентября из Москвы в Бородино, где провел два дня. Из воспоминаний его юного спутника, двенадцатилетнего брата его жены Степана Берса известно, что на месте и в пути Толстой разыскивал стариков, живших в эпоху Отечественной войны и бывших свидетелями сражения, но «поиски были неудачны». Толстой «досадовал», узнав, что сторож памятника на Бородинском поле, бывший участник боя, скончался несколько месяцев назад. Жаль, что не запомнил Степан Берс рассказов и объяснений Толстого, «где стоял во время сражения Наполеон, а где Кутузов». По его признанию, он не сознавал всей важности работы Толстого и во время его рассказов «с увлечением играл с собачонкой хозяина».

В Бородине Толстой испытывал душевный подъем от сознания, что «делает дело». Всего красноречивее о пребывании Толстого на Бородинском поле рассказывает сохранившийся среди рукописей лист с заметками, сделанными в Бородине. На этом листке — схематический план всей местности: линия горизонта с лесами, расположение деревень Горки, Бородино, Семеновское, Татариново, Псарево; русла рек Колочи и Во́йны. Отмечено движение солнца во время боя. Толстой отметил даже такие подробности, важные для предстоящего воссоздания художественной картины сражения: «Даль видна на 25 верст». Проследил Толстой, что к началу сражения на восходе солнца от лесов, строений и курганов ложатся черные тени, что «солнце встает влево, назади», т. е. назади русских войск, а «французам в глаза солнце».

На том же листке возникает образный конспект сцены, которая, видимо, зародилась в воображении Толстого, когда он осматривал Бородинское поле: «В Бородине — Пьер впереди на редутах, бежит, наступает, бежит наступает, изумчен, бежит и вдруг — сзади ура. Багратион ведет своих и князь Андрей». Изумительно передано в этих отрывочных словах движение на поле брани. Назван только Пьер, как будто он один, и в то же время создано впечатление массовой сцены.

В день отъезда Толстой «встал на заре, объехал еще раз поле», чтобы яснее представить местность в тот миг, когда началась историческая битва. Быть может, именно в это утро художник пометил на своем плане штрихи о свете и тенях при восходе солнца. Он был «очень доволен, очень своей поездкой». В его воображении, должно быть, живо рисовалась картина боя. «Только бы дал бог здоровья и спокойствия, а я напишу такое бородинское сражение, какого еще не было»,— писал

он жене [8]. Ясно представляя теперь место исторической битвы и соединив личные впечатления с документами истории, Толстой смело начал описывать позиции, собственноручно начертил по источникам планы намечаемого и действительного расположения русских и французских войск во время боя и, как свидетельствует внешний вид рукописи, без напряженного труда дал свой анализ этих планов. Художественными сценами Толстой должен подтвердить верность высказанных им принципов.

Главная задача: доказать, что Бородино — победа народа и Кутузова. Этому подчинено все: рассуждения автора, размышления и впечатления Пьера и князя Андрея, их беседа в канун битвы и самая картина битвы. Толстой рисует ее в трех планах: Наполеон в канун и во время боя, Кутузов тоже в канун и во время боя, войска и ополченцы в бою. Каждая часть была предметом длительной работы, но ведущая идея каждой части уяснилась с первых вариантов.

Толстой начал с Наполеона. Не вводились пока ни приказ Наполеона по армии, ни диспозиция боя (текст обоих документов включен в роман в последней наборной рукописи), не было еще уничтожающего толстовского разбора диспозиции по пунктам. Однако оценка всех действий Наполеона и его документов выражена в черновиках резче, чем в печатном тексте. Познакомив с распоряжением Наполеона накануне боя, Толстой сделал вывод: «одним словом, он не сделал никаких распоряжений, а велел войскам, как они стояли, итти на русских и стрелять в них». Изложив кратко пока содержание «гениальных» диспозиций Наполеона, писатель зло иронизирует и над ними: «Против каждой части русских войск, стоявших на виду, была направлена соответствующая часть французских войск, вот и все, что было в диспозиции». Потом, продолжает Толстой, «он написал *гениальный*, как говорят, приказ, в котором сказано, что Наполеон, наконец, исполняет страстное желание армии быть убитой и раненой на $^1/_3$ часть и, снисходя до их желания, дает сражение. Кроме того представляет им утешение в том, что позднейшее потомство скажет о каждом из воинов: да, он был в великой битве под Москвой». Перечислив в таком тоне «великие» дела «великого» человека, Толстой в манере, уже близкой к завершенному портрету, изображает самого Наполеона в ночь накануне Бородина, приводит заимствованные из исторических документов разговоры его с де-Боссе и Раппом, обстановку, в которой происходят эти разговоры. Во всей сцене настойчиво звучит мотив расставленных шахмат и начинающейся игры. Художник старательно вырисовывает жалкий вид Наполеона с его насморком в канун генерального сражения. Всеми средствами надо показать несоответствие фигуры этого человека с его претензией на величие.

Записи и план, сделанные Толстым на Бородинском поле. Первые восемь записей рукой С. А. Берса, очевидно, под диктовку.

Хотя Толстой, работая теперь над второй редакцией своих рассуждений о роли исторических деятелей, продолжал настойчиво доказывать, что не по воле Кутузова или Наполеона произошло Бородинское сражение, а оно было неизбежно по ходу войны, что, давая и принимая сражение, Кутузов и Наполеон поступали непроизвольно, Кутузов, однако, представлен накануне боя совершенно иначе, чем Наполеон, иная нота звучит у автора. Французский император давал распоряжения, составлял диспозиции и в то же время чувствовал «заколдованное бессилие», вызывавшее в нем «сознание ужаса». Русский главнокомандующий, напротив, «слушая все советы и предположения и не высказывая своего мнения, которого и не было, предоставил делать то, что показывала необходимость». Кутузов «долгим опытом своим знал, что армией никогда не управляет и не может управлять один человек, что одинаково вредно и изобилие советчиков и недостаток в них, и он не боролся против советчиков и предоставлял им придумывать, раздумывать, интриговать, спорить». Толстой упоминает в то же время «решительность», с какой Кутузов, принимая командование войсками, отдалил от себя влиятельных особ, которые могли мешаться в деле. Толстой возвеличивает качества, по его убеждению, самые важные для главнокомандующего,— умение Кутузова «прислушиваться к смыслу событий» и руководить «духом войска».

Возник замысел предварить сражение рассказом о душевном состоянии тех, кому предстояло руководить им, передать тревогу Наполеона и уверенность Кутузова. Толстой ввел беседу Наполеона с генералом Раппом, тот напоминает Наполеону пословицу «Le vin est tiré, il faut le boire» *, которую французский император произнес в Смоленске. «Воспоминание Смоленска,— пишет Толстой,— видимо, неприятно подействовало на Наполеона. Ему опять живо представилось то странное, похожее на то, которое испытывают люди в сновидениях, впечатление, что рука его,— его могущественная, как ему казалось, разрушавшая царства рука — поднималась с самого Немана для удара, долженствовавшего поразить врага, и, как во сне, мягкая, бессильная, как подушка, не доставала врага, не попадала в него, не вредила ему, и это заколдованное бессилие возбуждало в нем сознание ужаса, который испытывает человек во сне, когда не в силах, удар его падает бессильно и мертво». Так было во второй редакции.

Текст не удержался. Быть может, звучало маловероятным, что перед самым сражением Наполеон мог столь явственно отдавать себе отчет в своем бессилии. Кроме того, такое состояние Наполеона как бы предваряло исход боя и тем самым ослаблялась напряженность повествования.

* Вино откупорено, надо его пить.

Отдельные факты, штрихи, реплики Раппа сами по себе, без комментария, говорили о том, что у французского императора нет (хотя он и не вполне сознавал это) твердой уверенности в победе, и во всей сцене звучит какая-то фатальная неизбежность сражения. «Le vin est tiré, il faut le boire»— эта пословица, ставшая исторической, в рукописных вариантах звучит настойчивее, нежели в печатном; ее повторяют и сам Наполеон и Рапп. В завершенном тексте после напоминания о Смоленске Наполеон «нахмурился и долго молча сидел, опустив голову на руку».

Тот же процесс претерпел рассказ о Кутузове в канун боя. Сначала Толстой вписал, что Кутузов накануне боя, благодаря тому, что умел проникать в суть происходящего, знал одно, что «надо дать сражение (надо, хотя и неразумно), что надо выиграть сражение и что для того, чтобы его выиграть, надо быть убежденным, что мы его выиграем, и быть убежденным, что бы ни случилось, что оно выиграно. И он выиграл сражение». Этот текст, с таким вдохновением написанный, Толстой затем исключил. Вернее всего, он сделал это потому, что заранее известное состояние полководцев как бы предсказывает исход сражения и ослабляет напряженность дальнейшего повествования. В ходе сражения будет выказываться, как Наполеон и вся его армия постепенно теряют уверенность в успехе и волю к победе; у Кутузова же и у всей русской армии, напротив, уверенность в победе, ощущавшаяся всеми еще в канун сражения, крепнет в ходе битвы. Авторские рассуждения о душевном состоянии французского императора и русского полководца завершат победную для русских картину.

Отъезд Пьера из Москвы, его прибытие в армию, осмотр позиции накануне боя, свидание с князем Андреем и беседа двух друзей о войне — все это с достаточной полнотой изображено в ранней редакции романа. И все же Толстой много трудился над этими эпизодами с той же целью: правдивыми художественными сценами и образами подтвердить справедливость своих исторических воззрений. Большая роль в этом была возложена на Пьера. В анализируемой второй редакции Пьеру дано больше возможности наблюдать военную обстановку, обострены его впечатления. Каждое новое соприкосновение с действительностью будет разрушать отвлеченные представления Пьера о войне.

Автор продолжает вести своего героя к тому, чтобы главную решающую силу битвы тот увидел не в противоречащих один другому приказах командующих, а в войске, духовный строй которого всякий раз поражал Пьера. «Вид войск, которые проезжал Пьер, был очень серьезен и сосредоточен. Не было слышно ни криков, ни ругательств, ни песен. Но особенно ополченцы занимали Пьера. На их лицах он в особенности отыскивал разрешение того вопроса, который занимал его».

Впечатления Пьера в канун сражения завершились его встречей и беседой с князем Андреем.

Душевное состояние и раздумья князя Андрея «в августовский вечер 25-го числа» не потребовали существенной правки, так же как и самая встреча князя Андрея с Пьером, который вызвал своего друга на разговор о «глубоко занимавшей» его войне. Их беседа в ее ранней редакции содержала основные взгляды князя Андрея, которые по существу развивали идеи автора. Князь Андрей доказывал Пьеру, что отвлеченные понятия о войне слишком отдалены от действительности, что успех сражения обеспечивают не предварительные распоряжения, а «все решается мгновенно» в ходе сражения. В словах Болконского звучала уверенность, что война 1812 года — это особая война; «когда дело дошло до Москвы, до детей, до отцов»,— такая война «другое дело». (Эти слова ранней редакции романа сохранились и в наборной рукописи, но там вычеркнуты слова «до детей, до отцов», т. е. все личное, и оставлено только общее: «до Москвы».)

В ранней редакции беседы нет вопросов о роли главнокомандующего. Работая над второй редакцией, Толстой добавил большой разговор о Кутузове, с приходом которого в армии «свет увидали», и о Барклае-де-Толли, который, по утверждению князя Андрея, «не способен быть главнокомандующим в этой войне»,— он «не главнокомандующий тогда, когда война в России». Князь Андрей разъясняет Пьеру, что у Барклая «есть рассудок, а нет чувства; русского чувства, которое велит сделать невозможное возможным, как завтрашний день... Пока Россия была здорова — он, чужой человек, прекрасный министр, и мог служить, но как только мы в опасности, так нужен свой родной человек, а не рассудительный и аккуратный, но чужой немец, и его прогнали и прекрасно сделали».

Князь Андрей уверенно высказывает свои сокровенные мысли; задача автора, чтобы именно эти убеждения князя Андрея помогли Пьеру уяснить волновавший его вопрос о войне, то, ради чего он приехал в Бородино. После разговора с Болконским Пьеру открылся новый взгляд на войну вообще и на нынешнюю войну в особенности. «Смутно представлявшиеся ему весь этот день вопросы теперь вполне определились».

В следующей (наборной) рукописи дополнены рассуждения князя Андрея. Он теперь не только утверждает, что во время сражения все решается мгновенно, вне зависимости от распоряжений, но точнее определяет свой вывод применительно к завтрашнему (Бородинскому) сражению: завтра, по его убеждению, «все будет зависеть от неопределенного чего-то, что называется духом войска». Дух войска, за которым следит Кутузов,— это главный фактор на войне. Таково убеждение и самого Толстого.

В той же наборной рукописи Толстой хотел усилить уверенность князя Андрея в победе. «Судьба сражений зависит не от количества, места, позиции, вооружения войск, не от главнокомандующего, а от чувства, которое одушевляет войско, и теперь выгода на нашей стороне и завтра будет победа». Этими словами Толстой дополнил речь князя Андрея. Но как предварявшая сражение уверенность Кутузова в победе, так и уверенность Болконского была исключена.

Пьер «слушал князя Андрея, испытывая чувство, подобное тому, которое испытал бы человек, перед которым подняли бы красивый занавес и открыли глубокие, неопределенные и мрачные перспективы. Вопрос, занимавший его со времени его выезда из Москвы, представлялся ему теперь совершенно ясным». Наконец, в корректуре найдено выразительное определение, до глубины вскрывающее впечатление Пьера. Не только тревоживший его вопрос представился ему теперь «совершенно ясным и вполне разрешенным», но «он понял теперь весь смысл и все значение этой войны и предстоящего сражения. Все, что он видел в этот день, все значительные строгие выражения лиц, которые он мельком видел, осветились для него новым светом. Он понял ту скрытую (latente), как говорится в физике, теплоту патриотизма, которая была во всех тех людях, которых он видел, и которая объясняла ему то, зачем все эти люди спокойно и как будто легкомысленно готовились к смерти».

На очереди Бородинское сражение. Поездка Толстого в Бородино помогла ему не только подкрепить планами и их анализом свои рассуждения о том, как действительно произошло Бородинское сражение, но, главное, вдохновила на создание величественной панорамы сражения.

В ранней редакции описание Бородина было настолько эскизно, что могло только частично служить теперь канвой. Панорама Бородина в большей части пишется заново. Сохранена найденная в ранней редакции форма: Бородинское сражение показано через восприятие Пьера.

На полях ранней рукописи появляются записи, отражающие основные этапы Бородинского сражения: «Пьер видит: 1 — оживление, потом 2 — твердость, потом 3 — усталость, потом 4 — омерзение и 5 — отчаяние». Другая запись говорит о том, как намечалось изображение Наполеона в разные стадии боя. Вначале спокойствие и даже любование: «В два часа он едет смотреть поле. «Le champ de bataille est superbe» *. Далее сквозит некоторый элемент тревоги: «Он смотрит на русских, они стоят». Наконец, третий этап: «Стреляйте, говорит он.

* Поле сражения великолепно.

Батареи и так стреляют и стреляют до тех пор, пока устали артиллеристы, тогда все перестают, и генеральное сражение кончилось».

На полях той же рукописи имеется, кроме того, стройный выразительный конспект *рассказа о поведении русской армии*. Начинается он с появления Пьера на поле битвы. Намечены отдельные эпизоды боя; сконцентрированные в восприятии Пьера, они воссоздают полную картину. Пьер смотрит с кургана, «видит раненых». Затем появляется тревожная мысль: «Неужели не устоим?». После этого: «Стрельба на мосту Колочи. Бородино занято. Оживленный офицер». Подъем настроения: «Мы отобьем». Оно вновь сменяется тревогой: «Неужели не устоим? Раненые. Не устоим. Тоже на волоске». И наконец, «все ждет, что скажут: устали и что на волоске. И вот все стоят». Таково содержание конспекта, точно передающего главную мысль: русские *стоят* — и в этой непоколебимости русского войска причина победы.

Помимо общей картины сражения конспект содержит несколько записей о Кутузове в последние минуты битвы: «Устали. Только Кутузов не устал. Он осаживает немца Вольцогена. Но все позади устали». На основе этого конспекта и создалась вторая редакция описания Бородинского сражения.

Пьера оглушил гул орудий. В первый же миг он увидал Кутузова и его свиту. Так начинается теперь рассказ. Сначала только внешнее описание: Пьер увидал «толстую спину Кутузова, сидевшего на лавке, и его седой затылок, утопавший в плечи». Из следующих коротких фраз узнаем, что Кутузов сидел впереди остальных, смотрел в трубу и затем дал распоряжение «высокому красивому генералу» поехать посмотреть, «что там можно сделать». Вместе с генералом Толстой отправляет Пьера. И дальше Пьер ведет за собой читателя. Он следит за артиллерийским обстрелом, на его глазах взята французами и вновь отбита батарея Раевского. Глазами Пьера читатель видит все поле битвы. *Постепенно* Пьер уясняет себе сущность сражения и доводит до читателя такое понимание его, какое разделяет с ним автор. Вторая редакция описания Бородина близка к завершенному тексту. Но не появилась еще пока та торжественная панорама Бородинского поля, так пленившая Пьера в начале боя. Этот пейзаж создает величественную картину. Она послужила *внутренней мотивировкой* поведения Пьера, поскакавшего вслед за генералом к центру битвы. Панорама появилась в следующей рукописи.

Первый набросок уже содержал все основные краски, и Пьер «замер от восхищения перед красотою зрелища». Особенность этой панорамы в том, что вид войска служит составной *частью своего рода батального* пейзажа. За «дальними лесами», заканчивающими панораму, показаны войска, «везде от самого дальнего горизонта» видневшиеся «не столько темными очертаниями своих масс, сколько неожиданными молниями света, *то там, то здесь* пробегавшими по их штыкам и меди орудий». Пейзаж, в который вмонтированы «очертания» войска, а также игра света на орудиях, завершается словами: «и все это было *прелестно*, оживленно, величественно и неожиданно». В том же тоне восхищения представлено само поле битвы, которое «более всего поразило Пьера и *составляло то зрелище, которое отеломило* его и которое он никогда не забыл впоследствии». От себя автор добавил, что «там, где были эти дымы, эти блестящие штыки и пушки, это движение, эти звуки,— там, казалось, настоящая жизнь и красота». В последней, наборной рукописи этот вывод, звучавший как авторское обобщение, был отнесен к Пьеру: теперь он так воспринял величественную картину поля перед началом боя. «Там, казалось Пьеру, была настоящая жизнь и красота, и, не думая о том, что там было и зачем он поедет туда, его странно тянуло туда, откуда виднелись эти дымы и слышались эти звуки». До печати дошла только концовка этого вывода: Пьеру «захотелось быть там, где были эти дымы, эти блестящие штыки и пушки, это движенье, эти звуки».

«Серое» утро Бородина ранней редакции заменилось росистым и веселым утром с *ярким солнцем* и *«молниями утреннего света»*, блестевшими «то по воде, то по росе, то по штыкам войск». Пьер почувствовал, что все было «оживленно, величественно, неожиданно».

Участие князя Андрея в бою и сцена ранения были по существу решены в ранней редакции романа, но Толстой не переставал трудиться над их художественным воплощением. Уверенность Болконского и ополченного офицера «дядюшки» в бородинской победе слита в новом варианте с уверенностью самого автора. Помогая солдатам укладывать на носилки раненого князя Андрея, ополченный офицер спрашивал его: «Ну что ж, чья взяла? Говорят, наша,— чистое дело марш,— сказал ополченец.

— Наша, разумеется, наша,— проговорил князь Андрей.

— Слава тебе, господи,— сказал ополченец.— Я и то говорю, что наша».

Толстой разъясняет далее, что в ту минуту, когда князь Андрей упал и его поднимали, он «вовсе не думал о том, выиграно или проиграно сражение, но он, ни на минуту не задумавшись и не сомневаясь, отвечал утвердительно на вопрос ополченца, и не потому, что он *считал нужным отвечать* так, но потому, что он всем существом своим был убежден, что победа одержана нашими. Он за секунду перед этим в себе, в своем движении с полком чувствовал эту победу. В ней убежден был и «ополченный офицер, *дядюшка*», который «под сильнейшим

огнем исполнял со своими ратниками дело хищной птицы, дожидающейся смерти добычи, чтобы уносить ее, и дядюшка, измученный физически и нравственно своей работой, несмотря на все ужасы дня, которые он видел более всех других, в глубине своей души был убежден, что победа должна *принадлежать* русским, и ожидал утвердительного ответа на свой вопрос».

Первоначально автор хотел и сам сразу дать такой ответ. «Вопрос этот о том, выиграно или проиграно сражение, лежал в т[ом]...»,— так начат «ответ». Фраза осталась недописанной. Возник новый замысел: прежде чем дать «утвердительный ответ» на вопрос ополченного офицера дядюшки, надо показать состояние обеих армий, после чего ответ о несомненности победы зазвучит сильнее и убежденнее. Одной сложной и напряженной фразой в 243 (!) слова определено положение, создавшееся на поле боя: «Вопрос этот о том, выиграно или проиграно сражение теперь, в 3-м часу после полудня, после того как с той и с другой *стороны было убито и ранено более 60 тысяч человек, после того, как* русские отступили на левом фланге только на несколько сот сажень, после того, как в некоторых дивизиях русских оставалось по нескольку сот человек и спутанные разных полков толпы солдат беспорядочно брели назад по дороге к Смоленску и на перевязочных пунктах не успевали перевязывать и отгонять столпившихся носильщиков, после того как то же самое происходило на задах французской армии и французские генералы с трудом собирали свои разбредавшиеся команды, ужасались мысли о новом наступлении русских, и с трудом приводили в порядок свой левый фланг, бросившийся со всеми обозами бежать куда попало, после атаки Уварова, после того, как у русских *оставалось только 4 егерских полка и казаки,* нерасстроенные и не бывшие в деле, а у французов одна гвардия, которую, очевидно, нельзя было, не погубивши, пустить в огонь, была еще не расстроена, после того как с той и с другой стороны выбыло из строя по 30 генералов, все команды перепутались и капитаны начинали командовать полками, после того, как измученным без пищи и отдыха людям той и другой стороны, глядя на покрытое трупами и кровью поле, начинало одинаково приходить сомнение о том, следует ли им еще повиноваться той злой воле, которая заставляла их истреблять друг друга, и на всех лицах было заметно колебание, и в каждой душе одинаково поднимался вопрос: зачем и для кого мне убивать и быть убитому? Убивайте, кто хотите, делайте со мной, что хотите, а я не хочу больше».

Теперь ясно для каждого заключение автора: «После того, как мысль эта одинаково созрела в душе каждого и не приводилась в исполнение ни с той ни с другой стороны только потому, что все эти люди были в толпе и нужно было только одному выразить эту мысль и все бы

побежали. После всего этого вопрос о том, кто выиграл сражение, не мог бы быть решен никем».

Гораздо детальнее, чем впоследствии в печатном тексте, Толстой развивает выдвинутый им тезис, доказывая, что «вопрос этот лежал не в фактах сражения, а в сознании сражающихся». И это «неразумное сознание того, что мы хотим и потому должны победить, лежало в душе князя Андрея, ополченца и многих людей русского войска. Сознание это было преимущественно у людей, сражавшихся в рядах войска, а не у штабных, лишенных прямого участия, и исключительно у *русских* людей; а не у людей других национальностей, в особенности немцев, бывших в русском войске». Такое сознание было причиной того, что русское войско, которое «стало в Бородине в положении, загораживающем дорогу к Москве», продолжало закрывать ее, потеряв половину войска. И люди, «имевшие это глупое, неразумное сознание о том, что сражение выиграно, несмотря на то, что мы отступили, сообщали его друг другу».

На втором пункте поставленного вопроса, т. е. на том, что «факт был в пользу французов», Толстой не задерживается. Он ограничивается сообщением, что «штабные и в особенности немцы», лишенные «неразумного сознания», считались только с «фактами сражения». Они, обсудив «ясно» дело, осмотрев разбитые части войск и видя, что мы уступили часть позиции, «разумно решили, что сражение проиграно, и сообщали о том друг другу».

Толстой отразил разноречивые суждения об исходе Бородинского сражения. «Но так как вся масса армии состояла из русских и рядовых воинов, испытывавших одно и то же неразумное чувство ненависти к врагу и *оскорбления, то голоса людей неразумных* нашли больше веса и большинство разделяло глупое и неосновательное сознание того, что, несмотря на нашу разбитую армию, мы победили». Автор присоединился к «большинству» и тем самым дал «утвердительный ответ» на вопрос о Бородине. Сознание автора как бы сливается с сознанием князя Андрея и всей массы армии. Затем Толстой перешел к Кутузову, включив и его в число «неразумных людей».

«Дряхлый, слепой, развратный неспособный Кутузов, как нам любят изображать его, в этот день, 26 августа, был в высшей степени одержим этим неразумным сознанием того, что мы победили, несмотря на то, что бы ни говорили ему». Кутузов изображен на поле боя. Создана сцена, *по содержанию* весьма близкая к печатной редакции. Главный эпизод ее — Вольцоген по поручению Барклая-де-Толли сообщает, что войска в полном расстройстве. Кутузов в гневе. Он «ни как главнокомандующий, ни как русский человек, не мог согласиться с определительным мнением Барклая-де-Толли о том, что сражение проиграно.

Как русский человек, Кутузов чувствовал, что потеря этого сражения есть потеря России, что проиграть его нельзя и что говорить о проигрыше сражения теперь, после всех понесенных трудов и потерь, есть то же самое, что бегство после выигранного сражения. Как главнокомандующий он, напротив, видел ясно, что сражение выиграно, выиграно превыше его ожиданий... Не только Кутузов, но ни один военный человек того времени не мог ожидать такого блестящего результата. Русская армия загораживала дорогу в Москву. Цель сражения со стороны Наполеона была снять, обойти, истребить эту армию, и он атаковал эту армию. Цель русских состояла в том, чтобы защищать дорогу в Москву. Несмотря на несчастное дело при Шевардине, в котором русские потеряли позицию левого фланга и без позиции должны были отбивать всю французскую армию, направленную на левый фланг, после 26-го русская армия стояла в том же месте, точно так же загораживая дорогу в Москву. Так что же говорили Кутузову о потере сражения, против которого одинаково возмущалось и чувство русского и знание дела главнокомандующего?» Так в черновом варианте.

Несколько раз Толстой перерабатывал повествование о Бородине и, начиная с первой редакции романа, неизменно повторял, что в Бородине произошло «явление, не имеющее примера в истории». Русское войско «стало в Бородине в положении, загораживающем дорогу к Москве». В ходе сражения русские «потеряли свою позицию, несколько раз отбивали ее, потеряли ее опять, потеряли ПОЛОВИНУ своего войска», и точно так же русская армия, вся оставшаяся половина загораживала дорогу к Москве.

Тема Бородинской битвы решена, но в окончании тома нарушена стройность композиции: авторские рассуждения несколько раз прерывали художественные сцены. Кроме того, в историко-философских отступлениях автор заранее сообщал исход сражения, и это ослабляло восприятие самой панорамы боя. Художник переносит общие рассуждения в конец части, заключая ими картину Бородина. Теперь не автор, а Кутузов первый говорит о том, что сражение выиграно. Теперь Толстой сначала показывает в художественных сценах, а потом подтверждает своими выводами, что во время боя Наполеон и все генералы и солдаты французской армии испытывали одинаковое чувство ужаса перед тем врагом, который «потеряв ПОЛОВИНУ войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения».

Нравственное превосходство русских давало Толстому право говорить о полной победе. Он видел ее «не в фактах сражения»— факты были в пользу французов, потому-то многие военные историки и не могли признать Бородино победой. Толстой видел победу «в сознании сражающихся». Как определить такую победу? Первоначально это прозвучало так: «сознание того, что мы победили, хотя разбиты, усвоилось всей армией, и Бородинское сражение осталось навеки лучшим военным подвигом и лучшей победой из всех побед, которые когда-либо одерживали одни войска над другими». Тотчас же Толстой отказывается определить Бородино как победу в обычном понимании: «Бородинское сражение осталось навеки беспримерным военным подвигом, и не победой, потому что в понятие победы включается бегство неприятеля, а французы не бежали, и это от нас не зависело, а лучшим военным беспримерным в истории подвигом».

Снова и снова художник возвращался к этой мысли, пока нашел, наконец, те слова, которые отразили глубокий смысл и значение Бородинского сражения: «Победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими под Бородиным». Как ни страшна и ни тяжела была действительность, она была «величественная» и сложнее и глубже того приглаживания, какое получило это событие в официальных реляциях. Толстой без прикрас показал тяжелую, но «величественную» правду о Бородине. Прямым следствием Бородинской победы Толстой считал исход всей кампании 1812 года, «беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, погибель пятисоттысячного нашествия, и погибель Наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородиным была наложена рука сильнейшего духом противника».

Эта мысль и развивается в романе.

«Пробыв месяц в Москве, Наполеон и каждый человек его войска смутно чувствовали, что они погибли... За месяц тому назад под Бородиным они были сильны, а теперь, после месяца спокойных и удобных квартир и продовольствия в Москве и ее окрестностях, они испуганные побежали назад». Когда Кутузову сказали, что французы выступили из Москвы, «он захлипал от радостных слез и, перекрестясь, сказал: — Уж заставлю же я этих французов есть лошадиное мясо, как турок».

Так были сформулированы, но мало развиты еще в ранней редакции военные события после Бородина. Почти с сарказмом упомянуто там и о «гордом» Лористоне, привезшем письмо от Наполеона, который «особенно рад случаю засвидетельствовать свое глубокое уважение фельдмаршалу»; и о генералах, которые «боялись, как бы не изменил Кутузов», и «толпились», когда он принимал Лористона. Но Кутузов, «как всегда, отложил все, отложил и Лористона, и Наполеон остался без ответа».

Таковы были исходные позиции для развития дальнейшего действия.

Во вступлении, которым открывается новая часть, развивается та же мысль: хотя Москва сдана, Бородино — победа. Толстой ищет

средств «заострить» мысль. Найдено образное сравнение: русское войско, «как стрелок, выждавший минуту, нанесло смертельный удар врагу; но, выпустив заряд и не зная еще, поражен ли враг, и продолжая видеть его неудержимое стремление, русское войско должно было отступить, как стрелок должен отбежать, ожидая действия нанесенного удара». Удар был «смертелен» потому, утверждает Толстой, что была перебита «главная артерия успеха войны», т. е. «нравственное сознание превосходства». Однако «под влиянием силы импита, разъяренный бык, не чувствуя еще смертельности удара, докатился до Москвы и там, истекая кровью, почувствовал свою погибель». По этому варианту «охотник» не знает еще, «поражен ли враг». В следующем: «охотник знает, что он нанес смертельный удар врагу, он знает, что он победил его; но разъяренный зверь, хотя и смертельно пораженный, в своем разбеге еще раздавит обессилевшего охотника, и инстинкт охотника велит ему отбежать назад, ожидая действия своего удара». Так первоначально определил Толстой соотношение сил русских и французов. Образ стрелка и смертельно раненого зверя, так точно передающий мысль Толстого, еще не раз возникнет перед читателем.

В том же вступлении Толстой говорит о роли Кутузова в последующем этапе войны. Он доказывает, что «великая» заслуга Кутузова — «и едва ли был в России другой человек, имевший эту заслугу,— состояла в том, что он своим старческим созерцательным умом умел видеть необходимость покорности неизбежному ходу дел, умел и любил прислушиваться к отголоску этого общего события и жертвовать своими личными чувствами для общего дела». В этом Толстой признавал главную силу Кутузова как полководца. Не пассивность характеризует толстовского Кутузова, а его глубокое умение понимать общий ход дел. Именно поэтому на совете в Филях Кутузов дал приказ отступать без боя. Толстой уверен, что это было то, что должно было быть.

Военный совет в Филях закончился короткой сценой: Кутузов долго думал о «страшном вопросе» оставления Москвы. Но он уверен, что свершившееся неизбежно, и уверен в том, что враг будет побежден. «Ударяя пухлым кулаком по столу», он кричит: «Будут же они лошадиное мясо жрать, как турки». Почти без изменений эта сцена, намеченная еще в ранней редакции романа, дошла до печати.

* * *

По первоначальной композиции совет в Филях сменялся рассказом о жизни «вымышленных» героев: о Пьере после Бородина и Элен, жившей в ту пору в Петербурге. Вскоре композиция меняется. Рассказ

о Кутузове, который выражал желания всей армии, Толстой поставил рядом с главами о московском градоначальнике Растопчине, деятельность которого, вытекавшая «из самых мелких, личных тщеславных и других целей», противоречила общему ходу действий. Не обращая внимания на его афиши, жители Москвы уезжали, потому что «под управлением французов нельзя было быть». Теперь резко выступил контраст между двумя различными типами исторических деятелей. Так установился порядок глав законченного романа.

С первого же варианта глава о Растопчине создалась близкой к законченной редакции, но личное отношение автора к обоим историческим деятелям выражено в рукописи резче; оно проскальзывает в мелких деталях и особенно в не дошедшем до печати заключении главы: «Понятно было,— говорит от себя автор,— как Кутузову, рыдавшему ночью над неизбежным оставлением Москвы, было неприятно слушать разговоры Растопчина, догнавшего его у Яузского моста и говорившего что-то о погибели столицы и своем горе. Кутузов, сидевший на своей лавке, посмотрел на него и отвернулся».

Толстой согласен с Кутузовым. «Все, что совершилось, вытекало из сущности самого дела, сознание которого лежит в массах». Таков лейтмотив толстовских рассуждений о войне 1812 года.

Создав картины Москвы после Бородинского сражения, сцены на улицах опустевшего города, Толстой подробно рассказал о жалком в своей роли Растопчине, который отдал на растерзание толпы ни в чем не повинного купеческого сына Верещагина, а вслед за тем выехал из своего дома, преследуемый толпой сумасшедших, которые кричали ему что-то «о смерти, убийстве и воскресении». Толстой вновь столкнул Кутузова с Растопчиным у Яузского моста. Это была заключительная сцена в романе перед занятием Москвы французами.

В первом варианте этой сцены отражено нравственное превосходство нахмуренного, унылого Кутузова над «гордым» Растопчиным «в генеральском мундире и в шляпе с плюмажем». «Кутузов взглянул на него и в лице этого беспокойного человека прочел сознание совершенного преступления; он с отвращением еще раз взглянул на него, как бы отыскивая еще признаки и отвернулся молча». В окончательном тексте нет такой точной формулировки «сознания совершенного преступления». По новому варианту, Кутузов испытующим взглядом смотрел на Растопчина и «старательно усиливался прочесть что-то особенное, написанное в эту минуту». Авторская мысль улавливается между строк.

В первом наброске показано, как в этот миг Растопчин невольно подчиняется Кутузову, который «спокойно и строго» приказал московскому генерал-губернатору «распорядиться очищением дороги для войск». И «гордый» Растопчин «беспомощно» выполнил его приказание.

В этом пафос всей сцены в первом варианте; им пронизана и законченная редакция.

Следующая часть — действия русских войск после выхода из Москвы. Открывает ее полемика Толстого с историками о фланговом марше как единственной причине бегства французов и анализ положения обеих армий после занятия Москвы французами.

Вывод Толстого: полчища Наполеона были погублены и Россия была спасена не вследствие флангового марша, а потому, что «совершилось то, что должно совершиться». В той же рукописи Толстой разъяснил, какой смысл он вкладывал в это понятие. «Причина всякого события одна, и эта причина всех причин недоступна нам, но есть законы отчасти известные, отчасти неизвестные нам, по которым совершается историческое событие, и признание этих законов исключает признание одной какой-либо причины».

Важны были не планы, составленные в Петербурге, не преобразования в штабе армии, а качественные изменения в армиях, происшедшие вследствие естественных причин. «В Тарутино каждый день подвозили провиант и подходили войска. У Наполеона же с каждым днем убывали войска и уменьшался провиант. И соответственно увеличению и уменьшению поднимался дух одной и падал дух другой армии, т. е. люди армии смутно сознавали то, что по неизвестным им, но существующим законам войны перевес должен быть отныне на стороне русских».

Таков был первый вариант начала новой части. В дальнейшем проходила обычная шлифовка текста.

«Стон раненного зверя, французской армии, обличивший ее погибель», (так, пользуясь ранее найденным сравнением, Толстой определил переданную через Лористона просьбу Наполеона о мире) подтвердил изменившееся соотношение сил обоих войск — «духа и численности». Уверенность Кутузова в своей правоте сказалась в его ответе Лористону: «Я был бы проклят потомством, если бы на меня смотрели как на первого зачинщика какой бы то ни было сделки. *Такова воля нашего народа*». В рукописи Толстой давал свою оценку этого документа: Кутузов «отвечал простыми, определявшими все положение, словами, истина которых стоит выше всяких соображений, и словами, которые до тех пор, пока будет Россия, с радостным и гордым чувством прочтет всякий русский». Авторское пояснение отпало, ответ Кутузова говорит сам за себя.

Без отрыва пера написана первая половина всей части: анализ деятельности Кутузова и Наполеона вплоть до Тарутинского сражения и самое сражение.

Следует вспомнить, что хотя в ранней редакции романа нет картины Тарутинского сражения, но значение его определено: «Французы после Тарутинского сражения, как растерянный заяц, пошли вперед

на выстрел, а Кутузов, как промышленный стрелок, жалея заряда, не стал стрелять и отступил назад». С этой именно позиции Толстой осветил теперь последний период войны. Сначала события, происшедшие после Тарутина, были изложены короче, но основные моменты были уже отражены. Прежде всего, Кутузов, «разделавшись с Бенигсеном, уехавшим из армии, чувствовал себя обеспеченнее от необходимости наступления, которого вред понимал он один во всей русской армии, и, как опытный охотник, подстрелив зверя, спокойно ждал действия раны». Партизанский отряд Долохова выступает в Фоминском против дивизии Брусье. Высоко оценил Толстой «тихое, незаметное, мужественное исполнение своего дела» Д. С. Дохтуровым и П. П. Коновницыным. В противовес официальным историкам он сравнил этих скромных генералов с «шестерней машины, гораздо более существенной, чем та шумиха, которая выскакивает вперед с знаменем или крестом и пишет проекты и диспозиции».

Важное место занял приезд Болховитинова в Леташевку с донесением Дохтурова: французы выходят из Москвы. Одна лишь, но весьма существенная деталь отличает первый вариант сцены от законченного. В первом читаем: «Теперь Кутузов знал, что Наполеон погиб, и он ждал очевидных доказательств этой погибели». Заранее данная уверенность Кутузова ослабляет впечатление полученного известия. Законченный текст создает другое настроение: «Неразрешенный вопрос о том, смертельна или не смертельна была рана, нанесенная в Бородине, уже целый месяц висел над головой Кутузова». Тем сильнее зазвучала взволнованная радость главнокомандующего, когда он узнал, что свершилась «предвиденная и постигнутая» им «вперед» погибель врага.

Сцена в Леташевке сменилась контрастной ей по настроению картиной гибельного движения Наполеона и его армии по Смоленской дороге. В отличие от завершенного текста в рукописи более остро охарактеризован «вождь» французской армии, который «достал шубу и, сев в сани, поскакал один, оставив умирать товарищей». Толстой назвал этот поступок «последней степенью подлости» и с гневом упрекал историков, которые даже это бегство «великого императора от героической армии» умудрялись оправдать.

Позднее полемика с историками была перенесена в последний том, в общий обзор завершающего периода войны.

* * *

Роман подходил к концу. За время переработки и печатания пяти томов сюжет настолько расширился и во многом изменился, что ранняя редакция не могла служить даже основой для окончания всей эпопеи.

Пригодилась из ранней рукописи только та часть, в которой достаточно подробно говорится о партизанской войне: показаны в действии отряды Денисова и Долохова. Теперь Толстой создал вступление, в котором теоретически обосновал не предусмотренный европейской военной наукой особый характер народной войны и определил ее значение. Стержнем авторских рассуждений остается та же уверенность, что решают участь войны не стратегия и тактика, а дух войска, и партизанская война всегда приносила огромные результаты потому, что она начиналась тогда, когда дух войска «находился на высшей степени напряжения». В законченной редакции мысль выражена более обобщенно: «Чем выше дух войска, тем более войска могут быть раздроблены». Это «раздробленное действие русских войск было одним из самых страшных ударов дубины, отвечавших на эволюции шпаги французов». Родился впечатляющий образ «дубины народной войны». Эти меткие сильные слова дошли до окончательного текста.

Два отряда — Денисова и Долохова,— как и в ранней редакции, воссоздают картины партизанской войны. Толстой выбрал не первый период ее, когда «партизаны, сами удивляясь своей дерзости, боялись всякую минуту быть пойманными и окруженными французами», а последние числа октября, когда «уже война эта определилась — вошла в известные формы». То был самый разгар партизанской войны, и партизаны, как Денисов, «давно уже начавшие свое дело и близко высматривающие французов, считали возможным то, о чем не смели и думать начальники больших отрядов. Казаки же и мужики, лазившие между французами, считали, что все уже было возможно».

Денисов был ясен автору с момента его появления в романе. Прообразом его в какой-то мере послужил первый создатель партизанских отрядов Денис Давыдов, чьи сочинения дали Толстому основной материал для изображения партизанской войны.

Для образа будущего Тихона Щербатого (пока еще не Щербатого, а Шестипалого, как было в ранней редакции), его характера и роли не понадобилось дополнительных сколько-нибудь серьезных поисков. Только внешний портрет Тихона вырисовывался довольно долго.

Пристальное внимание автора направлено сейчас на Петю Ростова. Рассказывая в ранней редакции о генералах, которые «весело жили под Тарутиным с хорошими поварами и винами, и песенниками, и музыкой, и даже женщинами», Толстой не только с иронией, но с болью писал: «Все были хорошие генералы и люди, и рука бы не поднялась рассказывать их пляски и интриги, но досадно, что сами они все писали державинским слогом о любви к отечеству и царю и т. п. вздор, а в сущности думали преимущественно о обеде и ленточке синенькой, красненькой. Стремление это человеческое, и его осуждать нельзя, но так и говорить надо, а то это вводит в заблуждение юные поколения, с недоумением и отчаянием глядящие на слабости, которые они находят в своей душе, тогда как в Плутархе и отечественной истории видят только героев». Подойдя вновь к описанию Тарутина, Толстой в одной из конспективных записей так сформулировал ту же мысль: «Герои — пускай, да молодежь *не вводи во искушение*». Толстого еще со времен Севастопольской войны тревожили — и он отразил это в своих севастопольских рассказах — те сомнения и страдания, которые испытывают молодые люди, сталкиваясь на войне с противоречием между действительностью и тем романтическим представлением о войне, главное, о герое на войне, какое у них составилось по книгам и дополнялось собственным горячим воображением. Частично эта тема была затронута при изображении Николая Ростова в войне 1805 года, особенно в Шенграбенском сражении. Наконец, полного художественного выражения она достигает в эпизоде с Петей Ростовым.

По ходу событий Петя занимал пока в романе второстепенное место. Постепенно подготавливалось его выдвижение на передний план. Теперь он один из центральных героев действия.

В предшествующем томе рассказ о Пете прервался в тот момент, когда Петя, шестнадцатилетний офицер, будучи переведен в полк Безухова, который формировался под Москвой, приехал 28 августа из Белой Церкви в Москву. 1-го сентября со всей семьей Ростовых он выехал из Москвы к своему полку. В ранней редакции уже было сказано, что в партизанский отряд под командованием Денисова вступает Петруша Ростов, непременно желавший служить с Денисовым, «страстное обожание» которого Петя сохранил еще со времени приезда его в 1806 году в Москву. Никакой предыстории вступления Пети в отряд Денисова не было. Действие начинается сразу: изба Денисова, в ней находятся Петруша Ростов и Денисов (Денисов пишет ответ командирам двух других отрядов, приглашавшим его совместно с ними атаковать депо Бланкара).

В исправленном варианте рассказ расширен. Петя с Денисовым «только что воротились из розыска, который они делали всей партией по Смоленской дороге». Показано, как Петя возвращается с отрядом из похода: «розыск был удачен», захвачены две фуры и приведены 16 пленных французских солдат, среди которых был 15-летний мальчик барабанщик. Подробнее, нежели в окончательном тексте, описана внешность молоденького пленного. Сообщено, что казаки быстро переделали его имя Vincent в Висеню, «подходившее по напоминанию о весне к их представлению о молоденьком хорошеньком мальчике, которого все полюбили и жалели». И, главное, к нему ласково относится Денисов. Этот штрих Толстому нужен прежде всего для раскрытия характера

Пети Ростова. «Петя знал, что его герой, Денисов, был храбрее и благороднее всех людей, но эта новая замеченная в нем черта чувствительности в высшей степени тронула Петю». Отношение Денисова к пленному мальчику усилило в его глазах героизм Денисова и привело к размышлениям о том, что Денисову, «а не этому старому Кутузову» быть главнокомандующим. Детские рассуждения Толстой освещает добродушной иронией: «Петя имел очень низкое мнение о Кутузове». Ласка и мягкость самого Денисова к Vincent'у позволили Пете, не стесняясь своей чувствительности, заботиться о пленном французском мальчике. Эпизод с пленным барабанщиком будет позднее еще более развит.

Рукопись перебелена, и автор вновь работает над ней. В центре его внимания опять Петя Ростов. Создается предыстория его появления в партизанском отряде. «Петя Ростов, покинув при выезде из Москвы своих родных и присоединившись к своему полку, скоро после этого из полка перешел в ординарцы к генералу, командовавшему важной частью». Автор подробно анализирует душевное состояние юноши, впервые попавшего в обстановку войны. Поступив в действующую армию, Петя «испытывал то тяжелое чувство не столько разочарования, сколько недовольства собой, которое испытывают все искренние и пылкие молодые люди, испытывая на деле войну, о которой, благодаря ложному ходячему мнению, у них составилось совершенно противуположное понятие».

Главная задача этого наброска — показать, в чем заключалось разочарование Пети, и рассказать, каким образом он попал в партизанский отряд Денисова. «Вместо торжественных с знаменами, музыкой сражений, Петя видел какую-то кутерьму. Вместо героя полководца он видел дряхлого старика, про которого рассказывали неприличные анекдоты, [так Толстой напомнил об отношении в верхах армии к Кутузову в этот период войны]. Вместо сынов отечества, жертвующих собой, были генералы, игравшие в бостон и ссорившиеся между собой, вместо общего мужества, большая часть людей боялась смерти и ран. Петя не знал тогда, что все эти генералы и даже его начальник, который почти всякий день был пьян и очень не любил быть под огнем, что все эти генералы будут описаны в шлемах и бронях, летающими перед полками. Петя не отдавал себе отчета о том, как все это было, и не позволял себе судить о том, что он видел, но он испытывал недовольство собой, считал, что он виноват в том, что с ним не случается ничего геройского. Он все время был как в тумане. Ему все казалось, что там, где его теперь нет, там-то совершается самое хорошее, героическое, и он все торопился поспеть туда, где его не было».

Стремление найти настоящее «геройское» привело Петю в партизанский отряд. «Когда в 20-х числах октября,— продолжает Толстой рассказ о Пете,— его генерал, командовавший отдельным отрядом, пожелал послать кого-нибудь к Денисову, бывшему одним из партизанов в то время, Петя просил, чтобы послали его. Может быть, партизаны, в особенности Денисов — он помнил его с 1806 года — был самым героем. И боясь пропустить что-нибудь геройское в то время, как он будет в отлучке, и надеясь, что там-то, у Денисова, он найдет случай отличиться вполне, он поехал к партизанскому отряду Денисова».

Толстой наметил, как будут развиваться партизанские сцены. Определены эпизоды, в которых будет участвовать «неоцененный человек для партии» Тихон Щербатый: «Тихон с кавалеристами бегает, соперничает с казаками». «Его учат, а он притворяется». «Учит мужиков, как бить». И наконец, заметка, относящаяся ко всей партии: «Устали вечером, возвращаясь, а нечего делать, опять надо идти».

Не в рассуждениях, а в действии показывает Толстой, как постепенно в новой обстановке, среди партизан изменялась психология Пети, его восприятие войны. «Петя, с первых же дней своего поступления в партизаны боявшийся и опасности и жестокости, теперь уже вполне усвоил себе тот охотничий дух, который чувствовался во всех этих людях». Как при описании чувств Николая Ростова во время первого в жизни боя, так и теперь Толстой передает ощущения Пети, сравнивая войну с охотой, причем не с охотой вообще, а с той знакомой сценой охоты в Отрадном, где было передано в мельчайших подробностях напряженное состояние всех участников. С первого же дня, когда Петя «с казачьим офицером и 50 человеками засел в лес и выжидал французов, он, увидав их, почувствовал то же чувство, которое он испытывал в Отрадном, выжидая из острова лисицу».

Толстой продолжает углублять найденное сравнение: «Убивать людей и подставлять свою жизнь было бы невозможно, ежели бы не было этого бессмысленного чувства охоты — охоты на людей». Петя, как показывает Толстой, «испытал то же, как в охоте, поглощение всех других чувств и мыслей одним желанием взять его — зверя, а теперь человека. И желание это было так сильно, что нельзя было думать о себе и о нем,— надо его взять во что бы то ни стало».

Толстой стремится как бы проникнуться настроением Пети, пережить вместе с ним все необычные для него впечатления. Только так можно было психологически верно представить поступки юного героя. Пройдя вместе с Петей его короткий путь, Толстой отбросил много раз исправлявшийся пространный текст и создал заново рассказ о первых днях пребывания Пети в партизанском отряде. С некоторыми частными изменениями новый вариант дошел до печати. В нем отражены стремления и поступки растревоженного юного офицера, внутренняя же мотивировка их читается не в авторских сообщениях, а в подтексте.

В подготовленной к набору рукописи, история Пети заканчивалась так же, как в предыдущих вариантах: Петя вместе с Долоховым участвует в нападении на депо французов и в освобождении русских пленных, среди которых был Пьер. И эти минуты «были одними из самых радостных в его жизни». Глав, посвященных нападению отряда Денисова на транспорт и гибели Пети Ростова, еще не было. Для решения задачи, которую выполнял в романе юный офицер, не нужна была его смерть. Неизбежность трагического конца была вызвана другими художественными требованиями, возникшими позднее.

* * *

Проследить, как работал писатель над последующими главами «войны» мы не можем, так как сохранились только разрозненные отрывки черновых рукописей. Они содержат некоторые авторские оценки последнего периода войны, совпадающие с окончательными. Основная мысль романа — о характере войны — сформулирована в одном из сохранившихся отрывков пространно и невыразительно: «Единственная цель, которую мог иметь народ и которую понимал один Кутузов и которой вполне достигли русские, состояла в том, чтобы выгнать французов». В печатном тексте она та же, но выражена ярко, афористично: «Цель народа была одна: очистить свою землю от нашествия».

По корректурам видно, что вслед за анализом действий русских и французских войск в последний период войны шли восемь глав, полностью посвященных Кутузову вплоть до его смерти. В них Толстой оценивал его историческую роль в войне 1812 года. Таким образом, вся первая часть последнего тома была посвящена только военно-исторической теме. Правя корректуры, Толстой перестроил композицию, восстановив чередование тем: главы о Кутузове перешли в следующую часть, вслед за рассказом о Наташе и княжне Марье после смерти князя Андрея.

Смертью Кутузова закончилась военная тема романа «Война и мир». «Славную для России эпоху» Толстой отразил в художественных образах и картинах и высказал свое отношение к изображаемым событиям в историко-философских рассуждениях, ставших неотъемлемой частью художественного произведения. «Если бы не было этих рассуждений, не было бы и описаний»,— заявил Толстой, окончив роман[9].

ЭПИЛОГ создавался трудно [10]. Ранняя редакция романа закончилась конспективным наброском эпилога жизни действующих лиц. В разное время в конспектах стали появляться заметки к эпилогу, такие, например, записи: «У Наташи в брюхе ребенок, и она грязна»; «Nicolas говорит, что не может жить без княжны Марьи, хотя никогда не любил ее». Подготавливались и общественные вопросы, наполнявшие жизнь героев. Тема наступившей политической реакции и будущего России появилась в набросках ранее других заметок, только спор об этом затевал с Николаем Ростовым не Пьер, а князь Андрей, который по первоначальным замыслам выздоравливал после ранения в Бородине. Когда изменилась судьба князя Андрея, ведущая роль в эпилоге была передана Пьеру. Он «рассказывает о деспотизме Аракчеева», отметил Толстой.

В разное время появлялись конспективные заметки к историко-философской части эпилога. При всей лаконичности и фрагментарности они четко раскрывают замыслы автора. «Эпилог: в 15 году история конгрессов. Улеглось движение народов, и они пишут и сердятся»,— наметил Толстой тему начала эпилога. Промелькнуло упоминание: «Семеновцы». Спустя почти тридцать лет оценкой «семеновцев» начал Толстой статью «Стыдно» (против телесных наказаний). «В 1820-х годах семеновские офицеры, цвет тогдашней молодежи, большей частью масоны и впоследствии декабристы, решили не употреблять в своем полку телесного наказания...» Тем более важно было в эпилоге, действие которого происходит в 1820 году, хотя бы коротко сказать об этих «лучших людях» своего времени. Пьер и Денисов говорят о волнениях в лейб-гвардии Семеновском полку в октябре 1820 года, ставших предвестием декабрьских событий 1825 года. Во время работы над завершением романа возникла такая запись: «К эпилогу: Франция

еще раз, старая, должна была содрогнуться, и явился Наполеон самым необычайным образом».

Эти наброски подтверждают, что к началу работы над эпилогом были определены автором его две основные темы. Они подводили итоги судьбам героев и всем рассуждениям о законах исторического процесса, «уловить и определить» которые составляет задачу истории.

* * *

Не сразу был задуман эпилог в двух частях, каким он известен по завершенной книге. Первая редакция его была написана тогда, когда последние части романа были далеко еще не закончены. Во всяком случае окончание первой части шестого тома еще не было завершено, а вторая часть не была написана. Бесспорное доказательство тому имеется в тексте первого варианта эпилога: Петя Ростов жив и по-прежнему на военной службе; ему Николай Ростов передал все, что осталось от наследства отца. Следовательно, ранний эпилог был написан до того, как возникла мысль о смерти Пети.

Эпилог в его первой редакции состоял из небольшого историко-философского вступления и подробного рассказа о судьбе уцелевших после войны персонажей, которым поручено довести роман до конца.

«Прошло семь лет». Такой фразой открылся эпилог. Толстой начал с общего вывода, к которому его привели размышления над законами истории. Не раз писатель подыскивал для своих формулировок сравнения из области физики. Образное сопоставление он нашел и теперь. «Как каждое солнце и каждый атом, эфир есть шар, законченный в самом себе и вместе с тем только атом недоступного человеку по огромности целого, так и каждая личность носит несомненно в самой себе свои цели и между тем носит их только для того, чтобы служить целям общим». И чем «выше поднимается ум человеческий в открытии этих целей, тем очевиднее для него недоступность конечной цели. То же и с целями личностей и народов». Эта первая формулировка общего вывода почти дословно повторена в окончательном тексте.

Развивая эту точку зрения на роль личности в истории, Толстой рассматривает деятельность Александра I после войны с Францией. Он полемизирует с историками, которые приписывают Александру «заслугу спасения России и вину последующего направления». Доказывая неразумность подобных толкований, Толстой сделал еще один вывод о «силах, действующих в истории». Писатель утверждал, что личности царей «суть фокус наибольшего числа лучей человеческой деятельности», и только потому «значение их в общем ходе событий видней для нашего слабого умственного глаза». Задача историка — доказывал

Толстой — не в том, чтобы обвинять или оправдывать исторических деятелей, т. е. личности, «стоящие в фокусе света» и потому видные; цель истории в том, чтобы «из фокуса света изучать лучи, соединяющиеся в нем».

Как шесть лет тому назад в одном из набросков вступления к роману Толстой в подобной же иносказательной форме требовал от историков изучения «вечно изменяющихся и возникающих капель воды, составляющих русло», так и теперь он настаивал на изучении «лучей», т. е. истории народа, а не отдельных личностей, выдвигающихся в разные моменты исторического процесса. «Поднимается новая, неведомая никому сила — народ, и нашествие гибнет»,— так в одном из черновых вариантов к эпилогу Толстой определил роль народа в войне 1812 года.

Эти мысли дороги Толстому, и он будет над ними страстно работать. Пока же кратким вступлением и анализом роли государственного деятеля на примере Александра I ограничилась историческая часть эпилога. Она содержит краткий обзор событий в России между 1812—1820 годами. Предстояло рассказать о жизни героев за это же время. Так построен и весь роман.

Если вспомнить конец ранней редакции, станет ясно, что и тогда Толстой не намеревался говорить в эпилоге о тех людях, которые заполняли придворные салоны; их роль в романе уже сыграна. Не нужны больше автору Друбецкие, Берги, Долохов. Об их судьбе после войны даже не упомянуто. В наброске эпилога по ранней редакции участвуют только Болконские, Ростовы и Пьер Безухов. В эпилоге завершенного романа к ним добавлен Денисов.

При окончании ранней редакции у Толстого промелькнуло намерение поселить Наташу с Пьером в Москве, а графиню Марью с тестем, тещей, племянником и Соней в Отрадном. Лысые Горы как место действия не упоминались. Быть может, это вызывалось тем, что по прежнему плану оставался жив князь Андрей. Замысел изменился. Автор сообщает теперь: «Наташа жила с мужем в Москве, в Петербурге и в подмосковной деревне и у матери, т. е. у Николая». Николай Ростов с графиней Марьей, матерью, Соней, Николенькой Болконским и Десалем, его воспитателем, поселился в Лысых Горах, «ревностно занимаясь хозяйством».

Последнее действие романа происходит в Лысых Горах в 1820 году. Так определилось в первой редакции эпилога и так дошло до печати. «Зимою 1820 года Наташа, жена Пьера Безухова, гостила со всем семейством в имении своего брата»,— этим начался рассказ о судьбе персонажей.

Толстой настолько сроднился с героями (с ними он прожил семь лет), что жизнь каждого из них в новых условиях, через семь лет после

10 Заказ № 1368

войны, ясно представилась ему. Изображение этой жизни создалось — так рассказывают рукописи — без колебаний.

Вскоре после окончания войны умер совершенно разоренный граф Ростов, доживала в своем «мире старушек» графиня Ростова, в семье Николая осталась Соня, «прижившаяся, как кошка к дому, и баловавшая детей». Упомянут в эпилоге архитектор Михаил Иванович, по-прежнему живущий в Лысых Горах.

В последний раз читатель встречается с героями романа 5 декабря 1820 года, в канун именин Николая Ростова. В Лысые Горы приехал старый друг Николая отставной генерал Денисов. Таков круг участников эпилога как в первом варианте, так и в законченном. Центральное место занимают две молодые семьи — Ростовы, Николай и княжна Марья, и Безуховы, Пьер и Наташа. С их помощью Толстой решает в «Войне и мире» проблему брака и семьи, на всем протяжении творчества волновавшую его и занявшую свое место в историческом романе. «Если цель брака есть семья», то весь вопрос решается только тем, чтобы «не иметь больше жен и мужей, чем столько, сколько нужно для семьи, т. е. одной и одного». Такой преамбулой Толстой начал описание жизни этих семейств. Роман «Анна Каренина» открывается афоризмом: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». В «Войне и мире» создались две счастливые семьи, но не похожие друг на друга, каждая счастлива по-своему.

Графиня (теперь уже не княжна) Марья, женщина высокой нравственной чистоты, вся поглощена интересами семьи, главным образом детьми. Николай Ростов увлечен хозяйством. Толстой хотел было отметить, что «время его проходило в занятиях по хозяйству и семейной жизни», но немедленно отказался от этого, оставив главным занятием Николая хозяйство. Усвоенный Николаем прием хозяйства был «общий тогда большинству хороших русских помещиков». Он «не увлекался теми нововведениями, в особенности английскими, которые входили тогда в моду, смеялся над всеми теоретическими сочинениями о хозяйстве, но имел в высшей степени тот такт хозяйства, который нужен всегда и в особенности был нужен в то время». Его теория хозяйства, принесшая столь блестящие результаты, заключалась в том, что он знал, что «вся сила в мужике», и он любил этих мужиков той «сильной непоколебимой любовью, которой любят только свое». Графиня Марья ревновала мужа к этой его любви. Так было в первой рукописи. В следующей — рассказ о хозяйственной деятельности Николая был сильно расширен. По новой редакции, графиня Марья не только ревновала, но жалела, что не могла понять радостей и огорчений, доставляемых ему этим отдельным, «чуждым для нее миром». Она чувствовала, что у него был «особый мир, страстно любимый им, с какими-то законами,

которых она не понимала». Толстой привел несколько эпизодов из семейной жизни Николая и Марьи, подтверждавших то, что они по существу своему были разные люди, что у каждого из них был свой особый мир. Тем не менее связывающие их нити были крепки.

Подробно изложен случай, когда разгневанный Николай бил старосту. Графиня Марья страдала из-за такой резкости мужа. Толстому важно показать, как под влиянием жены вдруг изменилось отношение Николая к таким расправам, и он впредь воздерживался от них. И с другой стороны освещены отношения молодых Ростовых. Как-то за обедом по тону Николая Марья (и не в первый раз) почувствовала какое-то недоброжелательство к себе. Это было то «чувство отчужденности и враждебности», которое иногда «на них находило», в особенности на Николая. Создана большая сцена: Николая раздражает малютка дочь, по недосмотру жены вбежавшая в его комнату и разбудившая его; затем следует объяснение супругов. В нем отражено именно то, чем крепка семья Ростовых. Графиня Марья сомневается в любви мужа, Николай отвечает: «— Ах, какая ты смешная! Не по хорошу мил, а по милу хорош. Это только Malvine и других любят за то, что они красивы; а жену разве я люблю? Я не люблю, а так, не знаю, как тебе сказать. Без тебя и когда вот так у нас какая-то кошка пробежит, я как будто пропал и ничего не могу. Ну что, я люблю палец свой? Я не люблю, а попробуй отрежь его...» После примирения каждый из них стал «думать вслух свои мысли». Так было естественно, что «мысль пришла ему, стало быть и ей».

Еще случай из жизни этой семьи: Николай застал вечером жену что-то пишущей. Узнав, что это дневник, Николай сначала отнесся к нему с оттенком насмешливости. Он в первый раз прочел дневник, в котором записывалось все то из детской жизни, что для матери казалось замечательным, «выражая характеры детей или наводя на общие мысли о приемах воспитания». Оставив книжку, он посмотрел на жену. «Лучистые глаза вопросительно (одобрял или не одобрял он дневник) смотрели на него. Не могло быть сомнения не только в одобрении, но в восхищении Николая перед своей женою». В этом — пафос всей сцены. Она введена, чтобы показать, как, несмотря на разность душевного строя, Николай гордился, что жена его «так умна и хороша, сознавал свое ничтожество перед нею в мире духовном и тем более радовался тому, что она с своею душой не только принадлежала ему, но составляла часть его самого». Толстой еще глубже старается проникнуть в суть отношений Николая и Марьи, одновременно подчеркивая разницу их характеров. «Ежели бы Николай мог сознавать свое чувство»,— пишет Толстой,— то он нашел бы, что главным основанием его «твердой, нежной и гордой любви к жене» было всегда «это чувство удивления

перед ее душевностью, перед тем почти недоступным для Николая возвышенным нравственным миром, в котором всегда жила его жена».

Марье казалось, что муж ее слишком много важности придает своим хозяйственным делам, ей хотелось сказать ему, «что не о едином хлебе сыт будет человек», но она знала, что этого говорить не нужно и бесполезно. Слушая рассказы мужа о хозяйстве, она «понимала все, что он говорил». Однако она «делала для этого большие усилия, потому что ее нисколько не интересовало то, что он говорил». Тем не менее она «чувствовала покорную нежную любовь к этому человеку, который никогда не поймет всего того, что она понимает, и как бы от этого она еще сильнее, с оттенком страстной нежности, любила его». Таково семейное счастье Ростовых.

По-иному были счастливы Безуховы. Наташа, как и Марья, поглощена семьей. Рассказывая о том, насколько «опустилась» Наташа после замужества, Толстой полемизировал с движением за женскую эмансипацию, обострившимся в России в конце шестидесятых годов. Он предварил новый портрет Наташи ядовитой фразой: «Наташа жила в таком отсталом веке и была так *недоразвита*, что ей простится то, что чем больше она вникала не умом, а всей душой, всем существом в занимавший ее предмет», тем больше она сосредотачивала на нем свои силы. Не «самку» в грубом смысле изобразил Толстой в Наташе, как это в большинстве работ отмечено. Хотя он сам говорил, что в ней чаще «видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка», но на самом деле в образе Наташи создан тот идеал женщины, который соответствовал мировоззрению Толстого.

Наташа погрузилась в семью, но несколько иначе, чем Марья. «Нося, рожая, кормя детей», она в то же время принимала «участие в каждой минуте жизни мужа». В этом была ее сила.

Пьер «со времени женитьбы, после необычайных открытий, сделанных им о том, что настоящее супружество есть подвластность, с удовольствием покорился своей участи и в этой подвластности нашел новые силы и опору».

Рассказ о Безуховых пронизан мыслью о том, что они во всем всегда внутренне между собой согласны. Интересы Пьера, его участие в общественной жизни, его мировоззрение близко и дорого Наташе. «Всему, что было умственным, отвлеченным делом мужа, она приписывала, не понимая его, огромную важность и постоянно находилась в страхе быть помехой в этой деятельности мужа». Ради того, чтобы подчеркнуть душевное единство супругов, создана короткая сцена в детской после возвращения Пьера из Петербурга. «Несмотря на многое интересное, что нужно было переговорить, ребенок в колпачке с качающейся головой поглощал все внимание Пьера». Тут же отмечено отличие

Пьера от Николая Ростова, для которого грудной ребенок был «кусок мяса»; по выражению графини Марьи, он нежный отец, «но только тогда, когда уже год или этак...»

Заключительная сцена этой части эпилога закрепляет стержневую идею рассказа о молодых Безуховых. Пьер и Наташа остаются вдвоем. Они разговаривают о совершенно различных предметах, «с необыкновенной ясностью и быстротой понимая и сообщая мысли друг другу». Такое «одновременное обсуждение многого не только не мешало ясности понимания, но, напротив, было вернейшим признаком того, что они вполне понимают друг друга».

Хотя «предмет, в который погрузилась вполне» Наташа, так же, как и Марья, был семья, они — обе прекрасные в изображении Толстого женщины — различны по своему духовному складу. Судьба графини Марьи закончена семьей. Кроме того, в ней по-прежнему сильно религиозное чувство.

Роль Наташи, этой «самки», выходила за пределы семьи. Если бы осуществился замысел романа «Декабристы», судьба Наташи стала бы судьбой жены декабриста.

Идея декабризма связала эпилог «Войны и мира» с задуманным, но неосуществленным романом. Уже в первой редакции эпилога возникли «интересные рассказы» Пьера, приехавшего из Петербурга. Пьер говорил не о том Петербурге с его аристократическими салонами, который прошел через роман. В эпилоге нет тех персонажей романа, которые несли с собой придворную атмосферу. Он рассказывал об общественных настроениях, царящих в Петербурге, о волнениях в лейб-гвардии Семеновском полку, о возмущении реакцией, аракчеевщиной, о мистических кружках и «духовных союзах» баронессы Крюднер, об Александре I, который «ни во что не входит» и «весь предан этому мистицизму». Пьер — с ним согласен и Денисов — говорит о том, что «все слишком натянуто и непременно лопнет».

Ожиданием «неминуемого переворота» завершилась в эпилоге сюжетная линия «В Петербурге». Оно же связало идейно и композиционно «Войну и мир» с неосуществленной повестью о декабристе.

От повести о декабристе Толстой пришел к «Войне и миру». Приближающимся восстанием декабристов, в котором должны были бы участвовать Пьер и Денисов и, главное, сын князя Андрея Николенька Болконский, закончена «Война и мир». Только помещик Николай Ростов не согласен с теми, кто ждал переворота и радовался ему. Он заявляет Пьеру, что его долг — повиноваться правительству и что он готов, если ему прикажут, идти с эскадроном и рубить тех, кто противодействует правительству. Однако это не в полной мере убеждения Николая. В тот же вечер он признавался жене, что в споре с Пьером он

«погорячился». На следующем этапе работы над этой частью эпилога Толстой добавил суждение Наташи об ее брате: «У Николеньки есть эта слабость, что если что не принято всеми, он ни за что не согласится». Наташа тут же сопоставила Николая с Пьером: «А я понимаю, ты именно дорожишь тем, чтоб ouvrir une carrière *,— сказала она, повторяя слова, раз сказанные Пьером».

Завершает эпилог (как в первой редакции его, так и в окончательной) пятнадцатилетний Николенька Болконский. Своего дядю Николая он любил, но «с чуть заметным оттенком презрения». Предметом его «восхищения и страстной любви» был Пьер. Николенька «не хотел быть ни гусаром, ни георгиевским кавалером, как дядя Николай, он хотел быть ученым, умным и добрым, как Пьер».

Он слушал спор Пьера с Николаем, и «всякое слово Пьера жгло его сердце». Ему важно было узнать, согласился ли бы с Пьером его отец. Пьер подтвердил это.

Взволновавший мальчика спор претворился в страшный сон, увиденный им в ту же ночь. Он видел себя и Пьера в касках впереди огромного войска, «легко и радостно несущимся к цели». Пьер вдруг заменился отцом, который «ласкал и жалел» сына. Проснувшись от рыданий, Николенька думал о том, какой «чудный человек» дядя Пьер, и мечтал о том, что он сделает то, чем бы отец его был доволен. В эпилоге нет князя Андрея; его роль продолжит сын, будущий декабрист.

Когда, много лет спустя, Толстого спросили, должен ли был бы Николенька Болконский выступить в романе из эпохи декабристов, Толстой «с улыбкой, осветившей его лицо, сказал: — О, да! Непременно!» [11]

Повествование о судьбе «полувымышленных» героев романа закончено. Оно вылилось из-под пера автора стройно и не подвергалось переделкам ни в плане идейном, ни композиционном.

* * *

Много сложнее проходила работа над историческим разделом эпилога. Признание Толстого, что все, что написано, особенно в эпилоге, «не выдумано» им, а «выворочено с болью» из его «утробы» [12], относится к исторической части.

Рукописи дают основание утверждать, что, приступив к переработке первой редакции эпилога, Толстой отложил пока ту часть рукописного материала, которая содержала рассказ о героях. Он удалился. Теперь творческие усилия Толстого направлены на то, чтобы изложить свои исторические воззрения и доказать их справедливость.

---

* открыть поприще.

Надолго задержало автора то небольшое историческое вступление, которым открывался эпилог. На анализе войн России с Францией первой четверти XIX века Толстой стремится теоретически обосновать и решить общие вопросы, касающиеся предмета истории, задачи истории, связи масс с историческими деятелями, взаимосвязи жизни народа с деятельностью государственных лиц. Эти вопросы стояли перед Толстым, когда он только что начал писать «историю из 12-го года». Завершив роман (пока еще без эпилога), он в художественной форме ответил на них. На очереди — подвести итог историко-философским размышлениям.

В эту пору Толстой конспективно сформулировал свое мнение о современных ему исторических теориях: «Как в астрономии, так и в истории ошибка в том, чтобы большее заставить вертеться вокруг меньшего». Доказательству обратного посвящена историческая часть эпилога. Своего рода героем ее выступает главный герой романа — народ.

После длительных поисков создался текст, составивший впоследствии первые четыре главы первой части эпилога. Новая рукопись как самостоятельная часть была послана в набор, но Толстой продолжал работать над обоснованием своей теории о силах, движущих народы, т. е. над тем текстом, который составил впоследствии вторую часть.

Рукописи и многочисленные корректуры говорят об огромном труде, который Толстой положил на доказательство своих убеждений. Для Толстого бесспорно, что «история монархов и полководцев всегда будет историей монархов и полководцев, а не историей народов, жизнь которых не может вместиться в жизнь монархов», что «интерес лежит в массах, во всей массе, и предмет изучения суть законы, общие всем массам», что вся деятельность Наполеонов не объясняет и не может объяснить законов движения масс».

Толстой говорил, что его мысли и взгляд на историю «не случайный парадокс», а «плод всей умственной работы» его жизни и составляют «нераздельную часть того миросозерцания, которое бог один знает, какими трудами и страданиями выработалось» в нем и дало ему «совершенное спокойствие и счастье» [13].

ЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ

Я бы хотел, чтобы вы полюбили моих этих детей. Там есть славные люди. Я их очень люблю.

Л. Толстой

Начиная с первых набросков, постепенно рождались «полувымышленные» герои романа. Некоторые персонажи романа восходят отдельными чертами и фактами их биографии к действительным лицам [1]. Через много лет после окончания «Войны и мира» Толстой сказал однажды: «Я часто пишу с натуры. Прежде даже и фамилии героев писал в черновых работах настоящие, чтобы яснее представлять себе то лицо, с которого я писал». Так было и при работе над «Войной и миром».

Разумеется, Толстой не ставил задачи в образах романа описывать определенных лиц; живые люди, которых Толстой знал лично или по семейным преданиям, а иногда по другим материалам, служили подчас основой для создания образов. Заимствуя нужные черты характера или внешности, писатель создавал силою творческого преображения художественный образ, имевший свою судьбу, не связанную с жизнью и судьбой прототипа. Работая над «Войной и миром», Толстой не раз говорил, что старается наблюдать людей. Он воспользовался своим приездом в Москву для того, чтобы оживить в себе воспоминания о свете и о людях, которое становилось в нем «слишком отвлеченным». «А мне нужно,— писал он,— уметь более или менее верно судить людей, потому что я их стараюсь описывать». Ему интересно было побывать в театре, где он видел много «различных господ и дам», которые для него «все типы».

«Я думаю,— говорил Толстой,— что если писать прямо с натуры одного какого-нибудь человека, то это выйдет совсем не типично, получится нечто единичное, исключительное и не интересное. А нужно именно взять у кого-нибудь его главные характерные черты и дополнить характерными чертами других людей, которых наблюдал. Тогда это будет типично. Нужно наблюдать много однородных людей, чтобы создать один определенный тип» [2].

Ближайшие предки Толстого, жившие в эпоху 1805—1812 годов, подсказали образы Болконских и стариков Ростовых. Характерные черты деда Толстого по матери, Николая Сергеевича Волконского (1753—1820), «умного, гордого и даровитого человека», и многие детали его жизни перенесены на старого князя Болконского. Мать Толстого, Марья Николаевна Волконская (1790—1830), оставшаяся двух лет после смерти своей матери и жившая частью в Москве, частью в деревне с отцом, воспитывавшим ее, дала жизненный материал для образа княжны Марьи. В наброске начала «Три поры» Толстой указал даже точный ее возраст в 1811 году — 21 год. Взаимоотношения с отцом, уклад их жизни отразились в «Войне и мире». Частично в облик княжны Марьи внесены отдельные черты характера, главным образом религиозность, тетки Толстого Александры Ильиничны Остен-Сакен (1797—1841), портрет которой нарисован в тех же «Воспоминаниях» Толстого. В образе компаньонки княжны Марьи m-lle Bourienne выведена компаньонка матери Толстого француженка Hennitienne, с которой М. Н. Волконская была дружна. Для описания быта Болконских Толстой воспользовался, как свидетельствует старший сын его, С. Л. Толстой, рассказами В. А. Волконской, двоюродной сестры его матери, племянницы князя Н. С. Волконского [3].

Дед Толстого по отцу, граф Илья Андреевич Толстой (1757—1820), «человек ограниченный, очень мягкий, веселый и не только щедрый, но бестолково-мотоватый, а главное, доверчивый» — это точный прототип старого графа Ростова. Жену его, бабку писателя, Пелагею Николаевну Толстую (1762—1838), «недалекую, малообразованную, очень избалованную», легко узнать в образе графини Ростовой. По свидетельству Т. А. Кузминской, некоторыми чертами графиня Ростова напоминала Л. А. Берс, мать Софьи Андреевны Толстой. Отдельные черты отца Толстого, Николая Ильича Толстого (1795—1837), участника Отечественной войны 1812 года, внесены в образ Николая Ростова.

Так Толстой художественно воскрешал жизнь своих предков.

В отличие от предыдущих персонажей, прототипами дочерей графа Ростова, Наташи и Веры, послужили люди, не жившие в эпоху войны 1812 года, а современники Толстого, его помощники в переписке «Войны и мира», сестры Софьи Андреевны, да и она сама. 11 ноября 1862 года С. А. Толстая писала сестрам: «Девы, скажу вам по секрету, прошу не говорить, Левочка, может быть, нас опишет, когда ему будет 50 лет». Вряд ли это сообщение можно в какой-нибудь мере связать непосредственно с замыслом «Войны и мира», но оно свидетельствует о том, что в сестрах Берс Толстой чувствовал хороший материал для художественного претворения, и, начав вскоре большое произведение, он воспользовался им.

Об образе Наташи Ростовой Толстой говорил: «Я взял Таню, перетолок ее с Соней, и получилась Наташа» [4]. Однако черты характера Наташи значительно больше сближают ее с Т. А. Берс, нежели с С. А. Толстой.

В своем дневнике Лев Николаевич отметил 15 января 1863 года: «Таня — прелесть наивности, эгоизма и чутья». Позднее он писал о ней же, как о «милой беснующейся энергической» натуре. Эти определения совпадают с намеченной в первоначальном конспекте характеристикой Наташи.

Внешность Наташи-девочки в представлении Толстого также совпадала с внешностью Т. А. Берс. Об этом он писал М. С. Башилову в связи с рисунком к первой части романа. «В поцелуе — нельзя ли Наташе придать тип Танички Берс? Ее есть 13-летний портрет... Я чувствую, что бессовестно говорить вам теперь о типе Наташи, когда у вас уже сделан прелестный рисунок; но само собой разумеется, что вы можете оставить мои слова без внимания. Но я уверен, что вы, как художник, посмотрев Танин дагерротип 12-ти лет, потом ее карточку в белой рубашке 16-ти лет и потом ее большой портрет прошлого года, не упустите воспользоваться этим типом и его переходами, особенно близко подходящими к моему типу» [5]. Для «типа» Наташи в эпилоге романа послужила Толстому моделью его молодая жена, которая именно в период писания «Войны и мира» была поглощена материнством.

В образе Веры Ростовой выступают сходные черты с Елизаветой Андреевной Берс, сестрой жены Толстого, причем в конспекте Вера даже названа Лизой. Некоторые внешние черты (но не духовный облик) и отчасти судьба воспитательницы Толстого Татьяны Александровны Ергольской (1792—1874) использованы в образе Сони; отношения Т. А. Ергольской с отцом Толстого частично отражены в истории Сони и Николая Ростова. Для образа Бориса Друбецкого использованы некоторые черты родственников жены Толстого А. А. Берса и А. М. Кузминского. Эпизод Наташи с Анатолем построен на действительном случае из жизни Т. А. Берс и Анатолия Львовича Шостак; об этом подробно рассказывает Т. А. Кузминская в своих воспоминаниях [6].

Для образа маленькой княгини Лизы Болконской Толстой воспользовался чертами княгини Луизы Ивановны Волконской, жены троюродного брата Толстого.

Двум лицам — Марье Дмитриевне Ахросимовой и Василию Денисову Толстой, как он признавался, «невольно и необдуманно» дал имена, «близко подходящие к двум особенно характерным и милым действительным лицам тогдашнего общества» [7]. Ахросимова, как по внешнему облику, так и по манерам и многим фактам жизни сильно сближается

с Анастасией Дмитриевной Офросимовой (1753—1825), описанной в «Дневнике студента» С. П. Жихарева, служившем Толстому одним из источников романа. Следует учесть также письмо Т. А. Берс к М. А. Поливанову, написанное в 1865 году непосредственно после чтения у Перфильевых начала романа. Она рассказала, что М. Д. Ахросимова напомнила слушателям Анастасию Сергеевну Перфильеву и Марию Аполлоновну Волкову, женщин той эпохи.

Денис Васильевич Давыдов входит в историческое действие как историческое лицо, как известный партизан, первым понявший значение дубины народной войны. Кроме того, и в историческом и в романическом действии участвует Василий Денисов, в образе которого отражены некоторые черты Дениса Давыдова. Толстой сделал его тоже партизаном, наделив характером и некоторыми биографическими данными исторического лица, Дениса Давыдова.

Для образа Долохова использованы черты партизана Отечественной войны 1812 года А. С. Фигнера, а также двоюродного брата Толстого графа Федора Ивановича Толстого, характеристика которого содержится в упомянутых «Воспоминаниях» Толстого. Связывают этот образ и с Р. И. Дороховым, храбрецом и кутилой, которого Толстой знал в молодости на Кавказе.

В салоне Анны Павловны Шерер (в первых главах романа) присутствует итальянский аббат Морио, проповедник всеобщего мира. Образ Морио привлек внимание итальянского историка литературы д'Анкона. Он узнал в нем историческое лицо аббата Пьятоли (Piatoli), изучением жизни которого д'Анкона занимался. Аббат Пьятоли, воспитанник, а затем советник Адама Чарторижского, действительно в начале XIX века вращался в петербургских аристократических салонах. Д'Анкона, а затем по его просьбе А. Н. Веселовский запросили Толстого, не изобразил ли он под именем Морио аббата Пьятоли. Толстой не вспомнил тогда (это было спустя более чем тридцать лет после окончания «Войны и мира») ни источника, из какого он узнал об аббате, ни его подлинного имени: «...помню только,— писал он,— что я где-то вычитал о посещении Петербурга таким аббатом». Вернее всего, Толстой узнал о Пьятоли из «Истории консульства и империи» А. Тьера. В черновиках романа аббат выведен под своим именем. В исследовании современного прогрессивного итальянского историка Джузеппе Берти отмечено: «С необыкновенной исторической прозорливостью описывает Толстой на первых страницах «Войны и мира» обсуждение в русских салонах результатов миссии Новосильцева в Лондоне; там, по мнению Толстого, началась целая историческая эпоха, которая должна была завершиться столкновением в 1812 году. В образе итальянского аббата Морио («глубокий ум») — первый толстовский образ на этом

широком литературном полотне,— которого Толстой представляет как раз в связи с миссией Новосильцева поборником системы постоянного мира, Толстой изобразил флорентийца Шипионе Пьятоли, как это верно отметил д'Анкона» [8].

Несколько эпизодических лиц вошли в роман под своими подлинными фамилиями. Прежде всего назовем доктора Мудрова, в жизни — Матвей Яковлевич Мудров, крупнейший московский профессор той поры, клиницист. В воспоминаниях М. А. Дмитриева, опубликованных в «Русском архиве», где Толстой мог их прочитать, несколько раз упоминается доктор Мудров, как «славный медик, известный своим благочестием». В романе Толстого Мудров лечит Наташу Ростову, он лучше других докторов распознал болезнь Наташи. Слова Толстого о докторе Мудрове взяты эпиграфом к очерку о М. Я. Мудрове, вышедшему в наше время [9].

Выведены под действительными именами танцмейстер Иогель, пианист Димлер, владелица модного магазина Обер-Шальме, хозяин цыганского хора Соколов и цыганка Стеша. Точно названы несколько знаменитых в то время артистов: Дюпор, Дюшенуа, Жорж, Тальма. Тем самым даже эпизодические или только упоминаемые персонажи усиливают достоверность всей картины.

Итак, многие из «полувымышленных» действующих лиц романа имеют реальную основу. Одни больше, другие меньше напоминают свой прообраз, в некоторых объединены черты нескольких людей. Исходя из прототипа, Толстой был совершенно свободен как в комбинации основных черт, так и в описании жизни, действий и поступков своих героев.

Отвечая на вопрос княгини Л. И. Волконской, кто послужил прототипом князя Андрея, Толстой писал: «...спешу сделать для вас невозможное, т. е. ответить на ваш вопрос. Андрей Болконский никто, как и всякое лицо романиста, а не писателя личностей или мемуаров. Я бы стыдился печататься, ежели бы весь мой труд состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить». То же он повторил в статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир»: «Я не умел придумать для всех лиц имен, которые мне показались бы не фальшивыми для уха, как Безухов и Ростов, и не умел обойти эту трудность иначе, как взяв наудачу самые знакомые русскому уху фамилии и переменив в них некоторые буквы. Я бы очень сожалел, ежели бы сходство вымышленных имен с действительными могло бы кому-нибудь дать мысль, что я хотел описать то или другое действительное лицо, в особенности потому, что та литературная деятельность, которая состоит в описании действительно существующих или существовавших лиц, не имеет ничего общего с тою, которою я занимался» [10].

О том, как развивались, жили и действовали «полувымышленные» герои, рассказано в предыдущих частях этой работы. Самый сложный путь развития прошли два героя, князь Андрей Болконский и Пьер Безухов. На них возложено ответственное дело решения многих сложных проблем, поставленных в «Войне и мире». С первых набросков ясно выражен замысел автора выделить обоих из того круга, к которому они принадлежат, и, показывая своеобразие каждого, связать их между собой как общностью убеждений, так и сцеплением событий личной жизни. «Эти две натуры были столь противуположны, что дополняли друг друга»,— сказал о них Толстой в одном из черновых набросков. Жизнь каждого пойдет своим путем, но в серьезные периоды их жизни они (таков авторский замысел) после долгих перерывов встречались и всякий раз им «приятно было чувствовать, что они, хотя и живя врозь, так равномерно шли вперед в своих мыслях, что после долгого промежутка времени далеко впереди по дороге жизни они находили себя опять вместе».

Третий центральный персонаж — Наташа Ростова. Она своим характером, своей «философией», как сказал однажды Толстой о ней, по-своему выделялась из окружающей среды. Ее судьба будет связана и с Болконским и с Безуховым в отдельности и в то же время крепче свяжет их между собой. Наташа, князь Андрей и Пьер — это центральная сюжетная «выдумка» романа.

Толстой сказал однажды, что «романы учат знать людей и любить их с недостатками, показывая их во всех» [11]. Людей, действовавших в его романе, Толстой знал и любил.

Из всех изображенных им «славных» людей Толстой более всех любил этих трех и над созданием их образов трудился с неутомимой страстностью.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ — это тот самый молодой блестящий человек, который по первоначальному замыслу должен был погибнуть под Аустерлицем. Светский молодой человек на войне, очутившись в новых условиях жизни и столкнувшись с новыми для него простыми людьми, солдатами, пересматривает свои убеждения, внутренне преображается, совершает героический подвиг и гибнет. Об этом Толстой говорил тогда, когда начало действия в романе было перенесено к 1805 году. Разумеется, это не просто сюжет, а идейное решение задачи.

Первые наброски, относящиеся к замыслу писать «историю из 12-го года», позволяют предположить, что и тогда автору был нужен блестящий молодой человек, совершающий подвиг в Бородине. Эта роль, по-видимому, предназначалась молодому Зубцову, с которого началось писание романа. Он же отчасти Борис в списке персонажей, он же Борис Зубцов на придворном бале. Ряд черт, определившихся для графа Зубцова, потом перейдут к князю Волконскому (будущему Болконскому), на которого и будет возложена роль блестящего молодого человека.

На бале 1811 года впервые появляется в действии ротмистр граф Зубцов, «приехавший из турецкой армии и нынче произведенный в флигель-адъютанты». Он назван среди лиц, «особенно обративших внимание всех». В двух планах рисовался портрет Зубцова. Изысканно утонченная внешность красивого флигель-адъютанта «в с иголочки новеньких аксельбантах», около которого, «заискивая, увивались многие». В то же время в его внешности автор стремится отразить высокие внутренние достоинства, выделяющие его из собравшегося общества. Он «невольно обращал внимание не столько красотой, не столько характером особенного, свойственного ему достоинства молодого grand seigneur'а, сколько скромностью, чистотой и девственностью очертаний, которые можно было только сохранить в походах и которыми он резко отличался от молодых людей Петербурга». Отличие Зубцова от петербургской молодежи, представленной на бале Иваном и Петром Куракиными и Бергом, явилось лучшей характеристикой графа Зубцова. «В лице, в стане, в движеньях его и в особенности в детской способности краснеть до ушей видна была свежесть еще неистраченной молодости. Кроме того, видно было, что ему, как приезжему из армии, бал и женщины были в диковинку, и он серьезно веселился и своим успехом, и видом красивых женщин, и светом, и музыкой, и предстоящими танцами, к которым он готовился, заготовив в кармане две пары свежих перчаток». Не говоря уж об общих чертах внешности и характера, даже детали, вроде танцев, сближают Зубцова с князем Андреем и более всего в сцене петербургского бала в 1810 году, где он также назван «лучшим танцором».

На бале Зубцов встретился с князем Кушневым и «был рад встрече с товарищем». На лице Зубцова «было выражение радости и вместе добродушной и ласковой насмешливости при виде чудака, который в большинстве людей возбуждал это самое чувство». Друзья говорили о Наполеоне. Затем разговор коснулся женитьбы Кушнева. По характеру эта сцена весьма сильно напоминает первую встречу князя Андрея с Пьером в салоне Анны Павловны Шерер.

Граф Борис Зубцов, появившийся в цитированном четвертом наброске начала, навсегда исчезает, а блестящий молодой человек вновь встречается среди героев произведения в то время, когда начало действия в романе отодвинулось к 1805 году. Так как «неловко описывать ничем не связанное с романом лицо», Толстой решил сделать его сыном старого Болконского. Так появился князь Андрей.

В новом наброске князь Андрей впервые выступает перед читателем не на бале по возвращении из армии, а в военной обстановке в Ольмюце, в дни перед Аустерлицким сражением. Первая сцена с участием Андрея разыгрывается в квартире его двоюродного брата Бориса Горчакова (будущего Бориса Друбецкого); тут же находится гусар Федор Простой (будущий Николай Ростов). Чтобы познакомить с новым персонажем, автор сообщает, что гусар Простой «слышал про него как про гордого, чопорного французского юношу рыцаря, как его звали, и человека с характером, посмевшего против воли отца жениться на бедной, ничтожной дочери помещицы. Он был адъютантом главнокомандующего и теперь ездил в главную квартиру и получил оттуда письмо, извещавшее о рождении сына».

Рисуется портрет героя. Каждая черта говорит об его аристократическом происхождении: «красивый, тонкий, сухой с маленькими белыми, как у женщины, ручками и раздушенный и элегантный до малей-

ших подробностей своего военного платья». Из дальнейшего текста известно, что Волконский говорил по-французски с особенным изяществом. Из его бесед с Борисом выясняются некоторые семейные подробности: «жена родила сына и благополучно. Сестра пишет, что надеется скоро свести отца с женою». В беседе с гусаром Простым князь Андрей говорил о Бонапарте как о лучшем полководце мира, чем возмутил молодого гусара, которого к тому же насмешливо назвал «героем Браунауского бегства», и Простой решил вызвать этого «адъютантика» на дуэль. Волконский спокойно ответил: «На дуэли я с вами драться не стану, потому что это теперь не хорошо. Хоть и разобьют нас, все надо, чтобы было нас побольше». В конце разговора Волконский «вдруг так добродушно, приятно улыбнулся, так осветилось его красивое лицо честной тонкой милой улыбкой», что Простой молча смотрел на него, а после ухода признался, что он ему «очень, очень нравится».

Затем князь Андрей показан в служебной обстановке, в приемной генерала; в этот день он был дежурным адъютантом. «Честолюбивого юношу Бориса», приехавшего к Волконскому в Ольмюц, «поразила уверенность и важность своего cousin», но когда Волконский подошел к Борису, «лицо его из официального приняло то дружеское и детски кроткое [выражение], которое обвораживало всякого». Так же преображается лицо князя Андрея и в предшествующем наброске его портрета, и эта характерная черта дойдет до завершенного текста.

В создаваемой сцене раскрываются идейные позиции Волконского и глубина его чистого патриотического чувства, отчасти уже отразившегося в разговоре с гусаром Простым. В беседе с Борисом Волконский, «видимо, был усталый», так как «он не спал эту ночь, ездивши с приказаниями на аванпосты»,— сообщает автор. Тем не менее он был «так же бел, нежен и, как всегда, маленькие усики его и волоса были так же прибраны волосок к волоску». (Портрет напоминает портрет графа Зубцова на бале). Здесь появляется важная подробность, раскрывающая внутреннее состояние Волконского: за тот день, что не видал его Борис, он «как будто похудел от сильной болезни, и глаза его блестели лихорадочным блеском, хотя движенья были так же вялы и женственны». Эти две линии в облике Волконского — внешняя аристократическая изысканность и глубокое внутреннее чувство — ведутся параллельно.

Причины тревог Волконского выясняются из его рассказа Борису. Накануне Аустерлицкого сражения в штабе «все заняты и растеряны, как никогда». Князь Волконский сочувствует Кутузову, который не может прогнать всех тех «шпионов и лазутчиков», которых присылают из главной квартиры. «Вся сила там около государей. Адам, Долгорукий — вот это всё... Это сильнее Кутузова. Там делается и зачинается

Князь Андрей Болконский. Акварель К. И. Рудакова.

все, а мы чернорабочие». Насмешливо «передразнивая немцев», сообщает Волконский свое впечатление о военном совете накануне Аустерлицкого сражения. Неоднократно подчеркивается возбужденность Волконского во время разговора — он был «в особенно оживленно говорливом состоянии духа», он говорил «так живо и одушевленно, как не видал еще его Борис».

В третий раз в том же наброске Волконский появляется в разгар Аустерлицкого сражения. «Кутузов был уже давно на лошади и в сопровождении своих адъютантов и женоподобного Волконского сам вел колонну на Праценские высоты». Кутузов «любил Волконского», именно его он посылает выяснить обстановку. При дифференциации разных людей, находившихся в главной квартире, особо выделен Волконский: «1) кто старался все делать медленно и обдумать все, до чулок; 2) кто торопился, искал шевеленья [?]; 3) кто был глупее и тупее обыкновенного; 4) кто готовился на подвиг всеми силами души; 5) кто ничего не видал, не слышал, все было в тумане; 6) кто был, как всегда, болтал по-французски и ничего не понимал; 7) кто уже перестрадал и был спокоен, как Волконский». Одного этого отрывка было бы достаточно, чтобы уяснить отношение автора к герою. Как намечено в конспекте, Волконский в начале боя наблюдает за двумя императорами и их свитой, видит испуг и страх на лицах. «Волконский к Кутузову. Кутузов говорит: Посмотрите, они бегут. Волконский все понял... Волконский испугался, как никогда в жизни, и ему стало стыдно и гадко. Он бросился вперед собирать солдат». Гусар Толстой «видел, как Волконский исчез на лошади и упал с знаменем. Он взглянул на Толстого. Этот взгляд был и мир, и любовь и значение». «Волконский исходит кровью». Так закончен набросок.

Осуществлен замысел автора: блестящий молодой аристократ князь Волконский в минуту серьезной опасности оказывается не в толпе бегущих, а остается с Кутузовым, собирает солдат, бросается вперед и погибает. В седьмом варианте начала произведения решена роль князя Андрея на войне.

Работая над следующим вариантом, т. е. перерабатывая набросок «Три поры», Толстой снова рисует князя Андрея, но совсем в иной обстановке в доме отца в Лысых Горах, куда он привез беременную жену перед своим отъездом в армию. В образ князя Андрея вносится много новых черт, проявляющихся и в отношениях с отцом и в обращении с служащими в имении; акцентируется сухость, холодность и гордость князя Андрея. Совсем иные черты выступают, когда он остается вдвоем с сестрой. Она была единственное существо, с которым «гордый, холодный на вид» князь Андрей «не стыдился показывать все то, что было у него в сердце».

Создана семья, в которой живет князь Андрей, нарисован портрет, раскрыты основные черты характера, определились, хотя и схематично, отношения с женой, отцом и сестрой, промелькнула дружба с Пьером и решена благородная роль князя Андрея на войне. К этому времени относится новый замысел Толстого: не ограничивать роль князя Андрея Аустерлицким сражением. Для него, как говорил Толстой, нашлась роль в дальнейшем ходе романа, и Толстой решил, что в Аустерлице он будет не убит, а только тяжело ранен.

Появляются одна за другой новые зарисовки портрета молодого князя Болконского. Действие открывается теперь в его доме в Петербурге. Автор старательно выписывает внешность и манеры человека аристократической среды, но необходимо помнить: автору уже ясно, к чему он ведет своего героя.

В новых набросках прежде всего освещена нравственная чистота князя Андрея, который «как холостым, так еще более женатым человеком» вел жизнь «безупречной нравственной чистоты в противность обычаям тогдашней молодежи. Он держал себя всегда далеко от всех товарищей, особенно удалялся кутил, и за всю его жизнь никто не мог сказать, чтобы знал за ним хоть ничтожный долг, или вечер, проведенный за вином или картами, или волокитство за замужней женщиной или девушкой, на которой бы он не имел намерения жениться». Отделывая мельчайшие детали, художник вновь создает портрет все того же выхоленного блестящего молодого аристократа: «Молодой человек был невелик ростом, худощав, но он был очень красив и имел крошечные ноги и руки необыкновенной нежности и белизны, которые, казалось, ничего не умели и не хотели делать, как только поправлять обручальное кольцо на безымянном пальце и приглаживать волосок к волоску причесанные волосы и потирать одна другую. Молодой человек и в том обществе, в котором он жил, поражал необыкновенной отчетливостью и педантической чистотой своей особы».

В следующей рукописи князь Андрей представлен сначала как «маленький аристократический человечек с сухими красивыми чертами и выражением лени и изнеженности во всех движениях и позе». Еще раз портрет изменен: «свежий, красивый молодой человек с сухими чертами лица и глазами, в которых свет казался потушенным. Эти глаза, смотревшие и ничего не хотевшие видеть, поражали невольно». Глаза, в которых «свет казался потушенным», но в которых загорался огонь, когда князь Андрей был чем-либо заинтересован, будут в дальнейшем характерной выразительной чертой его облика.

Вторая повторяющаяся во всех эскизах деталь портрета Болконского — его улыбка. «Князь Андрей улыбался редко, но когда улыбался, то красивое лицо его делалось неожиданно милым, и невольно

приходило в голову, что этот молодой человек был бы гораздо приятнее, ежели бы он не говорил так отлично и вяло, всегда по-французски, не был бы так хорошо надушен и приглажен и не напускал бы на себя такого неприятного вида равнодушия и лени и женственности, за которые враги его прозывали его Шюшкой». Из всех людей, с которыми встречался князь Андрей, никогда, никто, даже жена, не выводили так молодого князя из его состояния «усталости и апатии, никто не мог вызывать на его лице той милой, доброй и обаятельной улыбки», как Пьер. Дружба князя Андрея с Пьером закрепилась с самых первых набросков.

Уже в первоначальных набросках сказано, что князь Андрей не удовлетворен семейной жизнью. Без труда был найден образ жены Болконского, «первой по красоте и богатству невесты Петербурга». Она была хорошенькая брюнетка, «оживленная и веселенькая», «одна из тех всегда улыбающихся свежих брюнеток, у которых блеск зубов и глаз затмевает все остальные подробности лица и производит одно общее впечатление веселья и привлекательности». Все черты напоминают «маленькую княгиню» окончательного текста. Сохранится и характер отношений мужа и жены: в них «заметна была не только холодность, но и недоброжелательность, которая только при посторонних отвлекалась заботами хозяина дома».

В анализируемые наброски включен важный для характера князя Андрея штрих — интерес его к «любимому» военному делу, которое он «знал очень хорошо», и к Наполеону, которого он, «как-то странно соединяя эти два понятия, ненавидел, как врага законной монархии, и обожал, как величайшего полководца мира». В разговоре о неизбежности войны при создавшейся политической обстановке князь Андрей высказывает мысль, что «кроме науки войны, которая учит нас тому, что победа остается за тем, у кого больше пешек и кто их лучше расставит», есть еще «бог войны и есть гений, которым одарен этот необыкновенный человек». Подробно, «видимо, по основательному изучению», князь описал «все преимущества всего состава французской армии», говорил об «огромном полете», который составляет силу Наполеона. В заключение разговора князь высказал откровенный взгляд на Наполеона: «Нет на свете человека, которого я так бы ненавидел и которым бы так восхищался, как им». При этих словах, которые князь Андрей произнес по-французски, «взгляд его загорелся таким ярким блеском, что видно было, что он говорил не только то, что думал, но что чувствовал всем существом».

В одном из исторических вступлений к роману Толстой писал, что к началу первой войны России с Францией «великая революция, воплотившись в военную диктатуру, перестала быть идеей, с которой можно

спорить, рассуждать, соглашаться или не соглашаться, а стала силой, с которой надо было не спорить, а бороться или подчиняться ей». Но было тогда «еще много людей, которые не могли понять, что червячок идеи революции давно уже превратился в бабочку военной силы и что поэтому прошло время рассуждать, а надо драться».

Мнения этих «многих» людей выражают князь Андрей и Пьер. В их суждениях о Наполеоне в начале его деятельности звучит вера либерального дворянства в то, что Наполеон рожден революцией, и в их глазах его окружал ореол республиканизма.

Тексты первых набросков доказывают, что еще в ранней стадии работы Толстого определились основные черты характера и политические убеждения князя Андрея, те самые, которые отражены в начале романа.

Когда установилось, что действие романа начнется в придворном салоне, Толстой заново пишет портрет князя Андрея, используя определившиеся в ранних набросках черты внешности и характера. Первое, что сообщил автор, вводя его в гостиную: «новое лицо» отличается от остальных гостей. Князь Андрей вошел «с приемами человека, которому, несмотря на его молодость и неважный чин (он был в мундире гвардейского адъютанта), скорее будет скучно, чем весело, и который надеется встретить в этом обществе скорее низших, чем высших». Он поражал «своей изящной, изнеженной и неприступно-гордой осанкой», видно было, что «ничто в мире не могло этого невысокого, с маленькими ручками и ножками человека заставить смутиться, заторопиться или иначе, как высоко, нести голову, иначе, как сверху, смотреть на всех в мире». И внешние черты и манеры князя Андрея обнаруживают аристократизм всей его фигуры. Он шел, волоча по светлому паркету свою саблю, которую, как вновь напоминает автор, этот «изнеженный человек, казалось, не мог и поднять», он шел, «позванивая маленькими серебряными шпорами на маленьких женских ножках».

В следующей рукописи вырисовывается тот же портрет, настойчиво подчеркнуто отличие героя от других гостей салона. Они «надоели», ему было скучно смотреть на них и слушать их, «потому что он вперед знал все, что будет». Он поцеловал руку Анны Павловны «с таким видом, как будто готов был бог знает что дать, чтобы избавиться от этой тяжелой обязанности»; он щурясь и морщась оглядывал все общество. Из «прискучивших ему лиц, лицо его хорошенькой жены, казалось, больше всех ему надоело». Он отвернулся от нее «с кислой слабой гримасой, портившей его красивое лицо». Только при встрече с Пьером «лицо Андрея вдруг преобразилось. Такая милая, умная и ласковая улыбка явилась на нем, что жалко становилось, для чего это лицо, которое могло быть столь привлекательным, так искажалось, видимо, напущенным на себя неестественным ломанием». И в дальнейшем всякий

раз при встрече с Пьером лицо князя Андрея светлеет, выдавая его подлинный характер.

Толстой колебался, как изобразить князя Андрея в общей светской беседе. Первоначально был замысел показать, что герой только слушал «с своим всегдашним видом превосходства. Как будто он знал вперед все, что они скажут, и знал, что во всем этом было мало интересного», и «не находил нужным высказывать свое мнение». Не дописав фразы, Толстой, напротив, заставил князя Андрея вступить в беседу о войне и заявить свое, противоположное общему, мнение о Наполеоне первых лет его деятельности. Он называет его «величайшим полководцем», тогда как общее мнение о нем было как об «изверге рода человеческого». Тут же Толстой вернулся к первоначальному плану, и князь Андрей в гостиной не высказывает своих суждений; эта миссия перешла к Пьеру.

Князь Андрей, любуясь своим другом во время его спора с гостями, «зажег огонь» в своих глазах.

Таким и выведен князь Андрей в первой публикации первой части. Правя через три года журнальный текст, Толстой сохранил только общее определение: «весьма красивый», отметил небольшой рост и определенные сухие черты. Штрихами, рассеянными по тексту, обрисована утонченно аристократическая внешность, а из реплик князя Андрея становится ясным, что убеждения его совершенно отличны от взглядов, царящих в придворном салоне.

Болконский согласен только с одним Пьером и сочувствует его необычным для гостиной речам, тревожившим Анну Павловну. Во время горячего спора между Пьером и виконтом о Наполеоне князь Андрей «с улыбкой посматривал то на Пьера, то на виконта, то на хозяйку» и, «видимо, утешался этим неожиданным и неприличным разговором».

Таким после длительных поисков представлен читателю князь Андрей.

Облик жены молодого князя, найденный в предыдущих набросках, был без авторских колебаний повторен в сцене у Анны Павловны Шерер. «Маленькая княгиня» вызывала у всех, кто ее видел, чувство «обаяния и веселости». На князя Андрея вид ее «производил совершенно противоположное действие», что отражалось на его лице: «губы его вдруг принимали строгий склад, и брови чуть изменяли положение, и появлялась презрительная морщинка на чистом высоком лбе». Он чувствовал, что за внешним блеском и оживлением в жене его «ничего, ничего не было». И в карих глазах его при взгляде на жену «как будто потушен был кем-то давно свет и нужно было много его, чтобы зажечь его».

Долго Толстому не удавалось показать взаимоотношения князя Андрея с женой. Поиски диктовались сложностью характера героя. Так впервые возникает в «Войне и мире» семейная тема.

Чтобы противопоставить нравственную чистоту Болконского порокам света, Толстой выводит представителя светских молодых людей, Ипполита Курагина, посвятив ему в черновых набросках даже специальную главу. «Князь Ипполит, как настоящий светский человек, очень элегантный, не мог не знать, что человеку его сорта прилично иметь любовную связь в свете». Это ключ всей главы об Ипполите. Именно Ипполит ухаживает за маленькой княгиней. В отличие от завершенного текста, где показано высокомерие и презрение Болконского к Ипполиту Курагину, в черновых вариантах намечалась «страшная сцена» гнева и возмущения Болконского, вызванных ухаживанием «этого идиота» за княгиней. Князь Андрей должен был вызвать Ипполита на дуэль. Однако трафаретный семейный конфликт не вяжется с образом гордого князя Андрея. Толстой трижды перерабатывал эпизод и все же отбросил его. Взаимоотношения князя Андрея с женой будут развиваться в дальнейшем так, как в окончательном тексте.

Как в законченном произведении, так и в рукописях князь Андрей после светской гостиной показан в тот же вечер у себя дома в откровенной беседе с Пьером. Тут раскрывается душевная красота и возвышенное мировоззрение главных действующих лиц. Толстой много думал над этой беседой. Темы ее в первом варианте: искусство (это не дошло до печати), семья, военное дело. Взгляды друзей на искусство оказались различными. Князь Андрей признает поэзию Расина, любит Вольтера, любит Руссо, но только не «Новую Элоизу», а «Общественный договор». Их он считает великими. «Эту поэзию я понимаю»,— заявляет князь Андрей. «Я понимаю и твое одушевление к революции,— говорит он Пьеру.— Я аристократ, да, но я люблю великое во всем. Я не разделяю этих мыслей, но тут есть поэзия, я понимаю. Я понимаю, как можно обожать такого человека, как le petit caporal *, хотя и не обожаю его, и с удовольствием пойду драться против него. Эту поэзию я очень понимаю». А баллады Гете Болконскому скучны, «все это неправдиво, утрировано»; «Илиады и Шекспиры» —«для дамских альбомов», все это «неясно», а «признак величия — ясность».

Пьер «с ужасом слушал святотатственные для него речи своего приятеля», жалел, что друг его «лишен большого счастья». Он возражал: «Я понимаю и Гете и Вольтера, и «Nouvelle Héloise» ** и «Contrat Social» ***. Отчего же ты только одно?» Спокойной улыбкой князь Андрей давал чувствовать собеседнику, что он угадывал и ждал этого возражения, он понимал, что Пьер при таком отношении к жизни

* маленький капрал.
** «Новая Элоиза» [Руссо].
*** «Общественный договор» [Руссо].

«счастливее» его. «Я тебе и завидую. Ты все любишь, и тебя все и все любят. Ты слаб характером, ты каждый день изменяешь мнения, ты бестолков, но я бы желал быть таким, как ты, да видно каждому свое».

Другая часть беседы — о взглядах князя Андрея на войну, на женитьбу, о Курагиных, с которыми князь Андрей просил Пьера не встречаться («Охота тебе с этой дрянью возиться?») — с первого варианта довольно близка к окончательному тексту, только в черновике тема войны больше развита, и рассуждения князя Андрея местами принимали форму авторских отступлений на исторические темы. Кроме того, князь Андрей не только заявил, что решил ехать в армию («Война. И я знаю, где мое место»), но говорил о Кутузове, называя его «правой рукой Суворова» и «лучшим русским генералом». Он говорил, что думает просить Кутузова дать ему отряд, так как роль адъютанта не привлекала его.

Высказывания князя Андрея преждевременно раскрывали его поведение в будущем. Очевидно, поэтому Толстой исключил их, и в законченном романе князь Андрей обменялся с Пьером лишь краткими репликами о предстоящей войне.

Приезд князя Андрея с беременной женой в Лысые Горы, беседы его с отцом, с княжной Марьей, прощанье с родными и, главное, волнующая последняя сцена расставания с отцом — все это не пришлось по существу переделывать. Исключены только входившие в первый вариант размышления князя Андрея перед отъездом, вызвавшие на его лице «безнадежную печаль». Он вспомнил Бонапарте, начало его карьеры и его брак с Жозефиной. Мысли эти привели его к решению «перейти во фрунт, взять отряд и тогда...» Ему представлялся уже отряд, с которым он решает участь сраженья. Ему рисовалась его дальнейшая карьера. «Я и Бонапарт» — итог его честолюбивых размышлений.

* * *

По одному из ранних вариантов начала известно, как преобразится на войне аристократ Болконский. Для этого Толстому нужно рассказать о мечтах князя Андрея, которым суждено, столкнувшись с действительностью, потерпеть крах, и автор как будто торопится скорее ввести их в произведение. Сначала они промелькнули в беседе с Пьером, теперь расширены во внутреннем монологе князя Андрея перед отъездом в армию. Наконец Толстой нашел момент, когда мечты князя Андрея об его «Тулоне, которого так долго ждал он», зазвучали своевременно.

Когда, по первоначальному замыслу, военная тема открывалась подготовкой генерального Аустерлицкого сражения, князь Андрей, утонченный аристократ, прямо из великосветских гостиных появлялся

на войне в решающий момент ее. Пользуясь как схемой ранним вариантом начала, посвященным этому периоду, Толстой показывает князя Андрея в Ольмюце у Бориса Друбецкого, где он встречается с армейцем Николаем Ростовым. Внешность и манеры Болконского те же, что в гостиной. Неизбежно прикрашенные рассказы молодого гусара о Шенграбенском деле вызвали насмешки Болконского, разозлившие Ростова. И все же Ростов «не мог не следить за всеми движениями и выражениями глаз этого маленького человечка, усталого, слабого и ленивого, который сквозь зубы пропускал, как будто делая милость тому, с кем он говорил. Этот человек интересовал, волновал его и внушал ему невольное уважение».

Свою оценку положения дел перед генеральной битвой Болконский высказал в беседе с князем Долгоруковым. Взгляды князя Андрея не совпали с точкой зрения «высших кругов армии». Андрей, «слышавший доводы Кутузова и вообще доверяя его знанию и опытности и, кроме того, невольно, как и все непридворные, фрондируя против придворных намерений, держался мнения кунктаторов; к их числу относился и Кутузов». В окончательном тексте князь Андрей решительно возражает Долгорукову, в ранней же редакции доводы Долгорукова поколебали Болконского. Он уехал «с убеждением, что чем быстрее будет наступление, тем вернее успех», и недоверие Кутузова к успеху сражения приписал «только упрямству защищения своего мнения».

По окончательному тексту, военный совет перед Аустерлицким сражением произвел на князя Андрея «неясное и тревожное» впечатление. В черновом варианте: его «невольно поразило оскорбительно неловкое положение» старых генералов, которые, «как урок географии, должны были слушать положения Вейротера и по его указанию вглядываться в карту». Князь Андрей не мог сам разобраться, но своим «верным, не обманывающим чутьем» понимал, что разногласия при обсуждении диспозиции вызывались не «желанием общей пользы», а чем-то другим. Поведение Кутузова на совете тревожило его мысль. Он не мог себе представить, чтобы Кутузов оставался «равнодушным к делу, решающему не только судьбу восьмидесяти тысяч человек, но и судьбу русского оружия».

Тревоги князя Андрея продолжались в памятную ночь накануне боя. Вот сюда Толстой и перенес внутренний монолог князя Андрея об его Тулоне. Он не спал от «внутреннего непреодолимого волнения». Князь Андрей вспоминал военный совет, «враждебность» русских военачальников и особенно Кутузова к плану предполагаемого сражения. (Эта часть близка к окончательной редакции.) Его тревожили приготовления к бою, которые он наблюдал. Ему не верилось, и какой-то внутренний голос говорил, что не при тех условиях «готовятся

и одерживают великие победы; не с такой мозаичной работой и приготовлениями возможно единство мыслей и действий, энергии и воодушевления, единство силы, которые одни решают сражение». Здесь ясно звучит переданная князю Андрею мысль автора о силе духа войска, которой он впоследствии посвятит свои страстные рассуждения.

В князе Андрее борются два голоса. Честолюбивые мечты перебиваются мыслями о семье, о смерти, о страданиях. Он «не отвечает этому голосу и продолжает свои успехи». В ранней редакции обнажена сложная душевная борьба князя Андрея, и думы о смерти пронизывают все. Он признается сам себе, что в этот раз боится смерти, и в то же время сознает бессмысленность ее теперь, когда он чувствует в себе так много сил и мыслей. Он старается «отвернуться от этих мыслей», думает о Наполеоне, который не так «мозаично», как в главной квартире союзной армии, обдумывает и приготавливает «свои великие сражения». От Наполеона Болконский возвращается к завтрашнему сражению, старается убедить себя, что Долгоруков прав, что «все говорит в нашу пользу», но опять размышления прерваны «страшной» мыслью о смерти, и князь Андрей делает попытку объяснить себе это «низкое чувство», противопоставляет себя Наполеону. Он рассуждает так: Наполеон «счастлив, уже раз достигнув той высоты, чтобы решать судьбы народов, ему не может придти то низкое чувство страха, которое, что я ни делаю, овладевает мною; у него есть другие заботы и мысли общего дела, которые не дают места этому низкому чувству; но мне, ничтожному адъютанту, как не бояться смерти?» Он пытается убедить себя, что боится не смерти, а «ничтожества и неизвестности; погибнуть теперь, не оставив ничего после себя». И вновь борьба с одолевавшим его страхом смерти. «Но нет, это невозможно, я не могу быть так низок, чтобы бояться.— Он усмехнулся и стал думать о другом. Он думал, что преодолел свое чувство, но то, о чем он думал, доказывало, что он боялся еще больше, чем прежде». Его раздумья и воспоминания о семье вновь привели к неизбежному концу, к смерти. Андрей «с досадой убедился, что он все еще боится и еще больше, чем прежде, боится смерти в предстоящем сражении». Кроме страха смерти, так настойчиво звучавшего по черновому варианту, у князя Андрея возникли размышления о боге. «Он вспомнил детскую молитву, которую он, поклонник Руссо и Вольтера, давно не читал. Ему приятно было молиться, он знал, чего он просил и желал».

Одолевшие князя Андрея накануне Аустерлица тревожные думы не только не ослабили, но, напротив, внутренне утвердили князя Андрея, и, «несмотря на то, что ни в религии, ни в философии князь Андрей не нашел ни успокоения, ни ответа на свои вопросы, к утру он вернулся домой спокойный, ясный, твердый и готовый к делу.

Он перемучался, перестрадал и перебоялся. Когда в восьмом часу утра он, вместе со всеми штабными, выехал с Кутузовым в деревню Працен, где собирались наши колонны, он был совершенно спокоен, ясен, ко всему внимателен и готов ко всякому делу и тем более, чем более оно было опасно». Заставив князя Андрея пройти через мучительные раздумья, Толстой в конце концов поднял его на высоту готовности к подвигу. Таким он выведен и в печатной редакции, но там еще добавлена его уверенность, «что ныне был день его Тулона или его Аркольского моста».

Роль князя Андрея и его место на Аустерлицком поле рядом с Кутузовым решены в начальный период работы над романом и не пересматривались. Как в завершенном романе, так и в черновой редакции упомянут при Кутузове в Аустерлице Болконский: увидев его, Кутузов «смягчил злое и едкое выражение взгляда, как бы сознавая, что этот адъютант не был виноват в том, что делалось». Перед началом сражения «князь Андрей стоял молча в свите Кутузова, в странном раздраженном, сосредоточенном состоянии»; он чувствовал себя «в высочайшей степени» готовым «на всякое, какое бы то ни было трудное дело».

Начало сражения и немедленно возникшая паника в армии показаны через восприятие князя Андрея. Он следит не за происходящим на поле битвы, а за испуганными лицами свиты императоров и за полным решимости лицом Кутузова. Такой художественный прием дал возможность одновременно представлять поведение, настроение участников события и отчасти самый ход боя. Русские и австрийские генералы (за их лицами наблюдал князь Андрей) «все, очевидно, не имели ни малейшего понятия о том, что делалось перед ними», и все одинаково старались принимать проницательный и воинственный вид. Когда генералы и адъютанты в зрительную трубу увидели приближавшихся французов, князь Андрей заметил испуг на их лицах. Он «по странной гордой прихоти» не оглянулся вперед, туда, куда смотрели все, «а как по отражению в зеркале следил по их лицам за тем, что происходило впереди». Ему «так противны были испуганные лица господ кутузовской свиты, что, продолжая быть уверенным в несомненности победы русских, он с злобным презрением продолжал по ним наблюдать то, что делалось впереди его. Испуг и волнение на лицах дошло до последней степени».

В самый критический момент, когда войско бежит с поля боя и бежит охваченная паническим страхом свита императоров и сами императоры, «вымышленный» князь Андрей изображен рядом с историческим Кутузовым — оба в состоянии высокого подъема и напряжения. «Когда князь Андрей, выбравшись из толпы сбивавших его бегущих солдат, подъехал к Кутузову и увидал лицо главнокомандующего, он мгно-

венно понял, глядя на это лицо, что сражение еще не было проиграно. Он понял и то, что во всех этих приготовлениях и переговорах о предстоящем сражении прав был Кутузов, а не приближенные государя, понял и то, что Кутузов, несмотря на свою придворность и уступчивость, был замечательный главнокомандующий и что он счастлив быть его адъютантом».

Одухотворенная решимость преобразила внешний облик полководца. «В эту минуту не было старого, сонного, одутловатого Кутузова, а красивый, величественный и твердый муж прямо сидел на лошади, полными мысли и великодушной решимости глазами ясно смотревший вперед и очевидно решившийся умереть или сделать все возможное для спасения славы армии». Таким увидел Кутузова князь Андрей в самый опасный момент Аустерлицкой битвы.

Патриотический подъем и напряженное состояние Кутузова немедленно передались его адъютанту. И, «как это бывает в решительные минуты жизни, бесчисленное количество мыслей с необычайной быстротой пробежало в его воображении. Он вспомнил, сообразил, обдумал и предвидел многое в эти короткие минуты». И далее, как бы в противовес настойчивым думам о смерти, которые одолевали князя Андрея в ночь накануне сражения, Толстой подчеркивает, что в самый напряженный миг «одна только мысль не пришла ему в голову»— возможность смерти. «А между тем,— напоминает автор,— эта-то мысль естественнее всего должна была придти ему в то время, как он взглянул в лицо Кутузова».

Высокое душевное напряжение преобразило внешний облик князя Андрея. Толстой не описывает его внешности в этот момент, а дает впечатление Кутузова. «В коротком взгляде, который Кутузов бросил на Болконского, сказалось очень многое: он был рад видеть любимого и предпочитаемого адъютанта таким, каким он ожидал его видеть в эту решительную минуту».

Так Кутузов и князь Андрей в один и тот же миг показаны каждый через впечатление другого; это словно связывало их каким-то внутренним единством. На фоне возникшей паники выдвинуты на передний план Кутузов и Болконский; им надлежало выполнить одну и ту же роль в Аустерлице.

По окончательному тексту, Кутузов стремится удержать бегущие войска, его ранят в щеку, после чего немедленно вступает в действие Болконский. В первом варианте развитие этой сцены замедленно, в ней больше эпизодов, Кутузов более активен. Как только началась паника, он «поскакал» к нерасстроенной еще пехоте, сам «повел ее против неприятеля», и в этот момент его ранили. После ранения Кутузов остается ненадолго в центре действия. Увидев замешательство

батальона, он бросается вперед с криком: ура! Но голос «по слабости и старческой хриплости своей не отвечал всей энергии его настроения». В эту минуту, «услыхав свой голос и почувствовав свое физическое бессилие», он оглянулся на адъютантов, и взгляд его остановился на Болконском. Вслед за тем дана сцена, весьма близкая к окончательному тексту. В ней на первый план выступает князь Андрей. Он как бы продолжил начатое Кутузовым дело.

Чувствуя «слезы стыда, злобы и восторга», наполнявшие его грудь, князь Андрей «бросился вперед, чтобы исполнить то, чего от него желал Кутузов и к чему он так давно готовился». Он «схватил древко знамени и, чувствуя в себе удесятеренные силы, выбежал вперед и закричал: ура! таким резким и звучным голосом, что никто из знавших князя Андрея не поверил бы, что это был тот самый князь Болконский, который с такою усталостью волочил свои ноги и речи по петербургским гостиным, а это был именно он, настоящий он, испытавший в эту минуту высочайшее наслаждение в жизни». В момент наивысшего духовного подъема его ранят.

По первому варианту, в то короткое время, когда князь Андрей со знаменем бежал впереди батальона, он все еще был в том состоянии «невольного и подробного наблюдения всего окружающего», как и в начале сражения. Он «видел солдат, помнил их лица и все выражения, видел офицера Тимохина с красным носом, веселого и беззаботного, шедшего подле него, помнил звук голоса и даже запах водки, которым пахнуло изо рта Тимохина в то время, как он, подольщаясь к адъютанту, сказал ему: «С такими молодцами, как вы, итти весело», помнил неровности поля жневья, по которому он шел, канавку, в которой он чуть было не спотыкнулся, помнил все, исключая того, что он бесцельно и беспричинно шел на верную смерть».

В следующей рукописи к этой сцене добавлены новые штрихи: «бодрый решительный бег» и «счастливое лицо» князя Андрея; сказано, что он «побежал вперед с несомненной уверенностью, что весь батальон побежит за ним». И действительно, весь батальон с криком: ура! — двинулся вперед, а князь Андрей «бежал вперед, не давая перегонять себя солдатам».

В таком напряжении, конечно, невозможно сохранять сознательную способность «подробного» наблюдения. В новом варианте говорится не о наблюдениях, а о тех впечатлениях, которые «невольно яркими красками отпечатывались только в его воображении». И такой рассказ не долго удерживался в тексте. В законченном романе князь Андрей «вглядывался только в то, что происходило впереди его — на батарее». Теперь уже ничто не ослабляет того напряжения, каким пронизана вся сцена.

Самый момент, когда Болконского ранят, дан с первого варианта несколькими короткими фразами, благодаря чему создается впечатление стремительности. «Вдруг, как бы со всего размаха крепкой палкой, кто-то из ближайших солдат ударил его в левый бок»— и все. Нет ни слова о физических ощущениях, сказано только, что «немного это больно было, а главное, неприятно, потому что боль эта развлекала его от столь интересных в это время наблюдений. Но вот странное дело: ноги его попадают в какую-то яму, подкашиваются, и он падает. И вдруг ничего нет, кроме ограниченного клочка жневья с измятой соломой, и того даже нету, ничего нет, кроме тишины, молчания и успокоения».

На том же месте, где он упал, князь Андрей показан еще раз в конце боя, когда Наполеон, проезжая по полю битвы и «с безучастным выражением» разглядывая «неподвижные и движущиеся тела», наехал на «лежавшего с брошенным подле него древком знамени» князя Андрея. «— Вот молодой человек, который хорошо умер,— сказал Наполеон». И далее рассказ идет о князе Андрее: «Болконский не был убит, он даже слышал все, что говорил Наполеон, стоя над ним. Он слышал похвалу, отданную ему Наполеоном, но он был так же мало взволнован ею, как ежели бы муха прожужжала над ним. Ему жгло грудь, и он чувствовал, что он исходит кровью».

Здесь впервые упомянуто о физических страданиях князя Андрея, но не в них смысл возвышенной сцены. Теперь, когда князь Андрей «не мог говорить и двигаться», он «мог чувствовать, слышать и думать». Он думал в эту минуту «с такою ясностью и правдой о всей своей жизни, с которою он не думал со времени своей женитьбы». Тогда же глубоко изменилось его восприятие жизни и вместе с тем — отношение к его герою, к Наполеону. Контраст был поразителен.

Замысел автора показать перемену в оценке Наполеона четко выражен в первом варианте этой сцены. В конце того же дня, когда князя Андрея среди других раненых переносили в госпиталь, он услышал разговор князя Репнина и поручика Сухтелена с Наполеоном и вторично увидел Наполеона. На вопрос Наполеона: «Как вы себя чувствуете, mon brave?»— князь Андрей, «прямо устремив свои глаза на Наполеона, молчал, слегка презрительно улыбаясь. Ему так ничтожно казалось все в эту минуту, так глупы казались все эти напыщенные неестественные разговоры Репнина и Сухтелена, так мелок и ничтожен казался ему сам герой его, теперь видимый вблизи и потерявший эту ореолу таинственности и неизвестности, так ничтожен казался он ему с этим мелким тщеславием». Князю Андрею «все казалось так бесполезно и ничтожно в сравнении с тем строгим и величественным строем мысли, который вызвали в нем ослабление сил от истекшей крови, страдание и близкое ожидание смерти... Глядя в глаза Наполеону,

князь Андрей думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о еще большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих».

Если в начале заключительной сцены в Аустерлице некоторые подробности отличали черновой текст от законченного романа, то последние из приведенных размышлений князя Андрея почти полностью совпадают в черновой и окончательной редакциях.

Так завершена судьба князя Андрея в войне 1805 года: под влиянием пережитого произошел перелом в его мировоззрении, изменился его душевный строй.

* * *

Когда Толстой решил начинать военную тему романа не с генерального Аустерлицкого сражения, а с первых дней войны 1805 года, создавалась своего рода предыстория Аустерлицкого сражения. По новой композиции изменились и планы автора относительно князя Андрея. Прежде — стремительный переход из атмосферы светских гостиных на Аустерлицкое поле. Теперь — герой показан в армии в начальный период войны: почти два месяца перед Аустерлицем он наблюдает военную жизнь и новых людей.

Первый набросок новой части: князь Андрей в штабе Кутузова в Браунау перед началом военных действий. Болконскому «странно было видеть в этом маленьком городке установившуюся светскую, праздную и роскошную жизнь с дамами, экипажами, музыкой и праздниками, как будто война уже кончилась или никогда не должна была начаться». Не только в городе шла светская жизнь, но и «в главной квартире князь Андрей чувствовал себя все в том же, столь надоевшем ему петербургском мире интриг, женщин, французских фраз и пустоты». Штабные офицеры «возбуждали в нем чувство не только презрения, но отвращения и гадливости своей грубостью, грязностью и пошлостью занимавших их интересов». Наоборот, в командировках или с Кутузовым во время смотров Болконский испытывал «сильно одушевлявшее его, поднимавшее на высокую степень энергии чувство при виде этих огромных симметричных, двигающихся масс».

Ясно выражены новые впечатления князя Андрея, хотя ничем еще не подготовлено ни чувство «гадливости» к штабным, ни одушевление при виде массы войска. Этот просчет исправлен в следующем наброске, где открывает действие подготовка пришедшего в Браунау полка к смотру. Князь Андрей привозит приказ главнокомандующего, чтобы полк был на смотре в том виде, в каком он «шел походом». Таким образом, Болконский впервые показан на войне не в штабе, как в предыдущем наброске, а среди войска.

Внешне князь Андрей здесь такой же, каким казался в гостиных. Он старается не допустить «попытки фамильярности полкового командира», «лениво» слезает с лошади, «сердитым тонким голосом» приказывает казаку взять лошадь (первоначально было «своим резким и звучным голосом»), на батальонных командиров поглядел «таким взглядом, каким он смотрел на засохшую траву под ногами».

Случайная встреча с давним знакомым, майором Ахросимовым, позволила автору показать героя не только внешне, но и в откровенном разговоре. Хотя Болконский считал этого майора «не больше как безобидной chair à canon» *, он был рад случаю о многом расспросить майора. Они говорят о трудном положении русского войска, о том, что Кутузов недоволен политикой австрийского командования; оба, и Ахросимов и князь Андрей, на стороне Кутузова.

Князь Андрей расспрашивает о состоянии полка, Ахросимов «с нежностью» и «одушевляясь» говорит о своих солдатах. «Не знаю, как в других полках, а наши мушкатеры, это такие молодцы солдатики, это братья, а не солдаты. Все нипочем». Рассказы Ахросимова князь Андрей слушал «внимательно, не спуская глаз», и «с тем видом, с которым слушают не человека, с которым разговаривают, а человека, который читает стихи или поет».

Исправляя набросок, Толстой вводит чрезвычайно важный штрих: князь Андрей говорит Ахросимову, что хотел бы «перейти в простой пехотный полк. Взять батальон и служить просто». Его интересует, какие люди в полку, какие отношения с командиром и можно ли «служить порядочному человеку, чтоб не загрязниться?» Он говорит Ахросимову: «только покажите мне полк, где бы я нашел порядочных людей, и я завтра батальонный командир, как и вы».

Автор будет постепенно, по ходу действия сталкивать князя Андрея с различными военными кругами, отдельными людьми, и каждая из встреч будет отталкивать князя Андрея от высших сфер армии, приближать к солдатам.

Своеобразие характера князя Болконского проявляется во всем и везде. Где бы он ни появился, личные качества всегда возвышают его над окружающими. В штабе Кутузова князь Андрей «своей особенной гордой и учтивой манерой» умел себя так поставить к обществу богатых веселых гвардейцев, что на него смотрели как на «человека особенного, только временно занимающего должность адъютанта, и неприятного товарища», но, несмотря на то, что «многие с ним были на ты, его невольно уважали».

* пушечное мясо.

В походных условиях князь Андрей был «так же как и в России, щепетилен, точно женщина занят собой и аккуратен». Уехав из Петербурга, он «вступил в новую эпоху деятельности и как будто вновь переживал молодость. Он много читал и учился», книги, приобретенные за границей, «раскрыли для него новые интересы». На первом месте была философия; она, «кроме своего внутреннего интереса, была для него одним из тех пьедесталов гордости, на которые он любил становиться перед другими людьми». Это был «такой пьедестал, с которого он мог чувствовать себя выше и таких людей, как сам Кутузов, а чувствовать это было необходимо для душевного спокойствия князя Андрея».

Резко выделен князь Болконский из среды штабных офицеров в сцене, где появляется разбитый австрийский генерал Мак. Много раз перерабатывалась эта глава, пока Толстой нашел правильный фокус, чтобы показать борьбу в душе князя Андрея между его преклонением перед Наполеоном, с одной стороны, и его глубоким патриотизмом, с другой. Первоначально, узнав о том, что под Ульмом разбита австрийская армия, он «с досадой против самого себя чувствовал радость за торжество своего египетского героя».

Исправляя, Толстой ослабил восхищение князя Андрея перед гением Наполеона, разъяснив, что это была «радость за посрамление самонадеянных педантов австрийцев, которое он предсказывал, и, главное, он чувствовал радость от того, что теперь скоро придется и русским войскам вступить в дело с столь страшными для всех французами». Исправленный текст зачеркнут, и ощущения князя Андрея выражены по-иному: в центре их не столько ироническое отношение к тому, что «полусумасшедший старый фанатик Мак хотел бороться с величайшим гением после Кесаря», хотя мысль эта оставалась,— сколько «волнующее радостное чувство при мысли о посрамлении самонадеянных австрийцев», а главное, надежда принять участие в столкновении русских с французами и «положить на одну сторону весов и свою долю любви к славе и равнодушия к жизни».

Размышления князя Андрея продолжает автор, рассказывая, что «воспитанный в воспоминаниях века Екатерины и сам участвовавший в легких победах русских в Турции, князь Андрей никогда ни на мгновение не сомневался в том, что русские войска — лучшие войска в мире. И представляя себе — это была его любимая мечта — как он с знаменем впереди ведет полк на обсыпаемый картечью мост или вал укрепления, он чувствовал, что этим войскам ничто противостоять не может, и потому был счастлив теперь надеждой на скорое осуществление своих мечтаний».

Оставалось однако чувство, смущавшее князя Андрея,— он боялся, что «гений Бонапарта» окажется «сильнее всей храбрости русских

12 Заказ № 1368

войск. Он боялся за русские войска и вместе с тем не мог допустить позора для своего героя». Единственно возможное разрешение «этого противоречия» князь Андрей находил в том, чтобы он «сам командовал русской армией против Бонапарта». Он не мог только представить себе, когда бы это могло быть.

Не дошли до окончательного текста эти размышления. Ведь честолюбивые мечты князя Андрея в ночь накануне Аустерлица оказались бы повторением ранее сказанного. Поэтому раздумья князя Андрея о своей карьере заменены в этой же рукописи кратким сообщением автора о том, что князь Андрей был «один из тех редких офицеров в штабе, который полагал свой главный интерес в общем ходе военного дела», и что, узнав о разгроме армии под Ульмом, Болконский понял, что половина кампании проиграна, понял всю трудность положения русских войск и живо вообразил себе, что ожидает армию, и ту роль, которую он должен будет играть в ней».

Узнав о поражении Мака, князь Андрей невольно испытал «волнующее радостное чувство», вызванное «посрамлением самонадеянной Австрии». Уже нет речи о Наполеоне как о «величайшем гении после Кесаря», а только отражен страх князя Андрея перед гением Бонапарта, который «мог оказаться сильнее всей храбрости русских войск». Так в рукописях и в окончательном тексте.

Следующее событие войны 1805 года, которое существенно повлияло на взгляды князя Андрея, было, как иронически замечает Толстой, «знаменитое сражение» под Кремсом, за которое воздавались похвалы «со стороны русских и австрийцев русским войскам», а «со стороны французов французским войскам». Князь Болконский, участвовавший в сражении, «с великой похвалой был представлен Кутузову» и от Кутузова с донесением «об этой победе» послан в Брюнн к австрийскому двору.

В Брюнне князь Андрей встречается с дипломатом Билибиным и его кружком, присутствует на приеме во дворце австрийского императора.

Толстому важно показать, как князь Андрей, очутившись в атмосфере высших кругов, был вновь охвачен мыслями о славе. «Тот сырой и холодный вечер» после Кремского сражения, когда он верхом объезжал «серые шинели солдат и в первый раз услыхал свист пуль, был далек от него, как будто это было десять лет назад». Князя Андрея везде «встречали и льстили»; он был приятно взволнован успехом. И опять «в его воображении восстал знакомый образ: маленький человечек с орлиным носом и твердым ртом. Он вспомнил свое лицо и сравнил одно с другим. Потом он вспомнил все, что знал из истории Наполеона: Тулонская осада, успех в салоне Богарне, назначение главно-

командующим. И он искал в своей жизни соответствующие этим обстоятельства». Мечтая о том, как много он сможет сделать, он вспомнил Кутузова, который стар и осторожен, «но у него нет смелости соображений Бонапарта. Угадать Бонапарта и опрокинуть его замысел — вот приз, который поставлен мне,— подумал он, но это ему самому показалось слишком смелым». Последние слова были немедленно зачеркнуты. Князь Андрей должен быть уверен в себе; обстоятельства этому способствовали. Неожиданно он узнает от Билибина о том, что Венский мост перейден и армия Кутузова оказалась в трудных условиях.

«Первая мысль, пришедшая ему, была та, что это была его осада Тулона, т. е. что он, как Бонапарте под Тулоном, здесь в первый раз будет иметь случай показать себя и сделает первый шаг на той дороге, на которой ждала его слава». На вопрос Билибина, зачем он едет, князь Андрей отвечает, что это его долг, и при этом высказывается крайне резко о Кутузове и об армии: «Кутузов — придворный старик, неспособный на геройскую защиту и на смелый шаг. Войско, которому раздаются такие награды, войско — офицеры c'est la lie de la société *, генералы — бесполезные старики, солдаты — дикие и глупые звери, да, la chair à canon, bonne à l'employer dans les mains d'un grand capitaine **, но не в руках царедворца Кутузова. Союзники — des traitres ***. И против величайшего полководца, против нового цезаря».

Резкие суждения князя Андрея о Кутузове и об армии неожиданны. Они противоречат его прежним высказываниям и в беседе с Пьером перед отъездом в армию, и в разговоре с майором Ахросимовым. Тем не менее они некоторое время удерживались в рукописных текстах.

Надо помнить, что ко времени создания этих рукописей уже была написана картина Аустерлицкой битвы и создаваемый теперь текст служит прологом к ней. Быть может, Толстому хотелось, чтобы пережитый Болконским в Аустерлице переворот был более резким. Однако приведенные слова князя Андрея о Кутузове и о войске чрезмерно противоречили его настроению и его исканиям, отраженным в предшествующем тексте. Толстой смягчает резкость. В одном из следующих вариантов беседы с Билибиным перед отъездом из Брюнна князь Андрей, говоря о Наполеоне как о «величайшем гении войны», Кутузова уже называет «un brave homme» ****, хотя, впрочем, он «человек с старыми понятиями и об войне и об администрации военной, человек, не способный ни на быстрое соображенье, ни на геройство».

* подонки общества.
** пушечное мясо, на что-нибудь пригодное в руках великого полководца.
*** изменники.
**** порядочным человеком.

Отношение князя Андрея к войску звучит в новом варианте совсем по-иному, оно уважительное. Он возражает на ироническую реплику Билибина о «победоносном православном воинстве», говорит, что это «воинство» в сущности не так плохо, что он узнал это в последнем сражении. «Солдат очень хорош. Офицеры дрянь. Но все вместе — это еще хорошее орудие в руках искусного человека». Князь Андрей с удовольствием говорит о том, что завтра после вечера у княгини Эстергази он будет «в палатке, в избе, с солдатами». Разговор он закончил признанием: «Я это люблю, право, люблю». Хотя с тою же настойчивостью повторяются его честолюбивые мечты о славе, карьере, однако отношение его к Кутузову и особенно к войску, к солдатам качественно совершенно отлично от того, какое было в предыдущем варианте.

Толстой продолжал переделывать эпизод в Брюнне. Он был очень важен для предстоящего перелома в мировоззрении князя Андрея. Сначала дана предпосылка, объясняющая, что «успех при Кремсе» привел Болконского «в неудержимый восторг и в состояние счастья» потому, что он «сильно чувствовал» стыд за «положение постоянного бегства» отступающей русской армии. Это позволило автору отметить, как в душе князя Андрея «странно и нелогично, не мешая одно другому, соединялись два совершенно противоположные чувства — сильной гордости патриотической и сочувствия к общему делу войны и, с другой стороны, затаенного, но не менее сильного энтузиазма к герою того времени, к petit caporal, который на пирамидах начертал свое имя».

Вид раненых солдат, которых князь Андрей встречал по дороге в Брюнн, еще более возбуждал в нем «радостное и гордое чувство». В то же время у князя еще сохраняется высокомерное отношение к простому солдату. Он думал о том, что и он может быть так же ранен или убит, как «последний из этих несчастных». Но «этих, сколько бы ни побили, можно найти еще и еще столько же». Пространное авторское отступление, посвященное Болконскому, закрепляет за героем его высокомерие. Писатель разъясняет позиции героя, но не сочувствует ему. Он говорит: «Несмотря на свое философское воспитание конца 18-го века и несмотря на свою любовь к военному делу, князь Андрей никогда не думал, что в военном деле что-нибудь значат люди, как солдаты и мелкие офицеры, никогда не думал, что от них зависит что-нибудь в военном деле». Он считал, что «они нужны, как все презренное, но необходимое». Ему казалось, что «война есть дело мысли, гения, исполняемое малыми избранными, к числу которых он причислял и себя».

Это заявлено автором уже после того, как князь Андрей не раз высказывал противоположные взгляды, и новая попытка углубить его

надменность не могла закрепиться, автор тотчас же расстался с новым текстом. Он внес другой оттенок: князь Андрей теперь уверен, что эти «несчастные» не понимали ни его отчаяния после Амштетена, ни его теперешнего счастья. Чувство «сильной гордости патриотической» и «состояние счастья», переживаемые князем Андреем, подвергнутся испытанию при его встрече с русскими дипломатами и с австрийским двором. Таков новый замысел Толстого.

Возбужденный Кремской победой, князь Андрей приезжает в Брюнн, где общее настроение австрийского двора показывало, что «войною собственно» там мало занимались. «Жизнь с придворной обстановкой, щегольством, праздниками и женщинами шла так же, как будто не было никогда в государстве ни гошпиталей с тяжелым запахом, наполненных стонущими, бледными ранеными, ни выжженных и покинутых деревень, ни Вены, в которой уже командовал Мюрат».

Придворная атмосфера Брюнна не захватила князя Андрея, как пытался было раньше показать Толстой, не увела его от только что пережитых впечатлений войны. Неожиданные для него, приехавшего из армии, настроения, царившие в Брюнне, ослабили то радостное чувство, с которым он вез донесение о победе. «невольно он почувствовал себя в том душевном состоянии, в котором он постоянно находился в Петербурге, состоянии притворной лени и равнодушия ко всему и ни на чем не основанного презрения». Некоторый упадок душевной напряженности тотчас же отразился на внешности князя Андрея. «Глаза его сощурились, выдвинулась нижняя губа и ноги стали слабо волочиться».

Находясь в приемной военного министра, князь Андрей почувствовал, что он — один из сотни приезжавших из армии курьеров. «Он почувствовал, что, как бы ни было радостно привезенное известие, оно должно было пройти, как и другие, через известный путь и на этом пути потерять всю свою оригинальность и неожиданность». Он понял, что для этого придворного мира он был «такое же ничтожное бессмысленное орудие», каким он считал «темных офицеров и солдат». Он понял, что он не мог быть «прямо допущен до императора» потому, что «он был еще слишком близок к сущности дела, слишком пах порохом и всей нечистотой сражения».

Каждое новое соприкосновение с придворным военным кругом усиливало протест князя Андрея против «высших сфер армии» и вызывало в нем голос армейца, негодующего на штабных. Князь Андрей думал, что «ничего не может выйти, кроме сраму и погибели» для русских войск при условиях, в которых велась борьба с этим «роковым гением». Услыхав «страшное известие» о переходе неприятельских войск через Венский мост, Болконский на уговоры Билибина не ехать

в армию кратко ответил по-французски: «Я простой офицер, исполняющий свой долг». В окончательном тексте князь Андрей ничего не ответил, а подумал: «Еду для того, чтобы спасти армию».

Князь Андрей возвращался из Брюнна «в твердом решении просить Кутузова дать ему батальон и с батальоном стоять против французов до последней возможности и, вероятно, умереть». А объезжая перед Шенграбенским сражением позиции передовой цепи, князь Андрей под впечатлением «бодрого оживленного лагеря» вспомнил иронические презрительные слова Билибина о русском войске и сам себе сказал: «Le православное воинство n'est pas déjà tellement mauvais. Il n'a pas trop mauvais mine. Mais du tout, du tout» *.

Итак, роль Брюнна для развития образа князя Андрея найдена. Блестящая атмосфера двора не увлекла его, не послужила благоприятной средой для усиления его честолюбия, а вызвала внутренний протест и закрепила его план, взяв батальон, сражаться в рядах войск.

Встреча накануне Шенграбена с армейским капитаном Тушиным окончательно закрепила изменившиеся взгляды князя Андрея. Так определилось с первоначальных набросков центрального эпизода. Однако главы, посвященные Болконскому и Тушину, стоили Толстому большого труда. В черновых вариантах подробно прослеживается, как князь Андрей во время беседы с Тушиным накануне Шенграбена начинает чувствовать, что «офицер этот, несмотря на свою смешную фигуру, говорил необыкновенно просто, умно, дельно». Особенно поразили князя Андрея его мысли о войне, которая, по мнению Тушина, «есть крайняя степень неразумности человеческой, есть проявление самой бессмысленной стороны человеческой природы; люди, не имея на то никакой причины, убивают друг друга». Заинтересовало князя Андрея мнение Тушина о диспозиции. При слове «диспозиция» Тушин улыбнулся, сказав, что еще двадцать раз переменят положение орудий и что все может случиться, только не то, что написано в диспозиции. Тушин говорил о том, что «высшие начальники» никогда не видят, «как дело делается на месте, а потом по слухам опять подведут все под диспозицию». И на вопрос князя Андрея, отрицает ли он «всякую предусмотрительность, предвидение в войне», Тушин ответил: «Так как же может быть расчет, предвидение, деятельность рассудка в войне, которая сама по себе бессмысленна».

Те именно вопросы, которые тревожили самого Толстого, затронуты в беседе Болконского с Тушиным. Устами скромного офицера выражено авторское решение их. К такому же пониманию войны и военного дела

* «Православное воинство вовсе не так плохо. Оно выглядит совсем не дурно. Совсем, совсем».

ведет автор своего героя Болконского. Пока же Болконский «все более и более с удивлением и интересом» слушал разговор Тушина, «признавал в нем неожиданные им ум, образование и своеобразность» и подумал о том, как было бы хорошо, если бы многие из его товарищей так же думали и так же излагали свои мысли, как этот человек.

По воле автора, князь Андрей стремится обнять разумом философию Тушина. Она ему многое уясняет, заставляет чувствовать, что «мыслящий тонкий человек» Тушин прав.

Когда Толстой подошел к Шенграбену, у него возникла идея связать с «философией» Тушина неотвязно тревожившую князя Андрея мысль о смерти. Тушина (в ранней рукописи он назван Ананьевым) накануне боя волновала мысль «о смерти, о страхе смерти, о вечности будущего. Все время эта мысль, как свернувшийся винт, мучительно возвращалась назад, к вопросу о том, что такое смерть и что может быть после нее».

О смерти князь Андрей не говорил с Тушиным. Ради того, чтобы князь Андрей узнал об этой области «философии» Тушина, создается следующий эпизод: у офицеров оказался том «Вестника Европы» за 1804 год, в котором напечатана статья Гердера «Человек сотворен для ожидания бессмертия» [12]. Один из офицеров не понял статьи; Тушин, много думавший о смерти, стал разъяснять офицеру смысл статьи и читать отрывки из нее «и чем дальше читал, тем более дрожал его голос». Хотя и «не смысл слов, но волнение» Тушина сообщилось офицеру. Князь Андрей, случайно находясь в шалаше офицеров (так было в одном из вариантов), слушал их разговор о смерти и почувствовал, что они «милы и дороги ему». Чем ближе узнавал князь Андрей этих простых людей, которых раньше не замечал, тем сильнее проникался уважением к ним. «В его душе вдруг распустился цветок любви и сожаления к этим людям, открылось новое чувство участия к людям братьям».

В окончательном тексте нет этого эпизода. Сохранилось только краткое упоминание разговора Тушина с офицером о бессмертии. Князь Андрей, находившийся на батарее у орудия, слышал их беседу. В печатном тексте впечатления князя Андрея не раскрыты так, как в рукописи; известно только, что его поразил «задушевный тон», он прислушивался, «с удовольствием признавая приятный философствовавший голос» капитана Тушина.

Эпизод, когда князь Андрей и капитан Тушин под страшным огнем французов вместе занялись уборкой орудий, создался с первого варианта настолько выразительно, что не понадобились переделки по существу. Точно так же и сцена их прощания вошла в роман почти в том виде, в каком она появилась в первой редакции.

После Шенграбенского сражения князь Андрей почувствовал, что он может «найти смысл в этих толпах и мысль».

Первый месяц на войне, встречи с высшим кругом армии и приближение к рядовому войску были важным этапом в жизни князя Андрея. *Подвиг Болконского* на Аустерлицком поле стал теперь логическим завершением предшествовавших ему впечатлений и раздумий. За этот период переменились многие взгляды его на военное дело и, главное, на роль народа в войне.

Исправляя теперь ранее созданную часть об Аустерлице, Толстой много занимался Болконским, особенно в последнем эпизоде: раненый князь Андрей на Аустерлицком поле. Появились конспективные заметки, как всегда многое объясняющие: «Князь Андрей слышит, *сражение проиграно везде*. Он думает: *я все сделал, что от меня зависело, и все-таки ничего*». Другая: «Князь Андрей лежит на Аустерлицком поле, страдает, видит страдания других и тут вдруг видит спокойное торжествующее лицо Наполеона, удерживает боль, чтоб *презирать*». *В следующих показано новое отношение Болконского* к Наполеону: «Бонапарт герой, но он ненавидит его». Князь Андрей увидел, что «Бонапарт с своим подбородком не человек», что в нем «нет жизни», а он «машина». И наконец, главная мысль, пронизавшая *последнюю сцену*: «*Он видел высокое безучастное небо, и строй мысли* был сообразен небу. Наполеон казался маленьким».

Запечатленные в конспекте мысли развиты в последней главе, посвященной князю Андрею на войне 1805 года. По первому варианту *сцены на Аустерлицком поле, единственное*, что запечатлелось в сознании князя Андрея, когда он, раненый, упал,— это «ограниченный клочок жневья с измятой соломой». Такой образ, создающий впечатление безысходности и ограничивающий событие темой физической смерти, Толстой заменил небом. В исправленном тексте читаем: «И вдруг ничего нет, кроме неба — высокого неба с ползущими по нем серыми облаками — ничего, кроме высокого неба».

Впечатление неба настроило на возвышенный лад мысли князя Андрея. «*Как же я не видал прежде этого высокого неба?* — подумал князь Андрей.— Я бы иначе думал тогда. Ничего нет, кроме высокого неба, но и того даже нету, ничего нет, кроме тишины, молчания и успокоения».

Теперь, когда на Праценской горе раненый князь Болконский увидел возле себя «человека в треугольной шляпе и сером сертуке с счастливым, но вместе с тем безучастным лицом», он не только был так же мало взволнован, как «ежели бы муха прожужжала над ним», но он еще «видел, над собой далекое высокое и вечное небо». Сохранившиеся из первого варианта мысли князя Андрея о всей его жизни теперь

возникают как бы под впечатлением неба. И Наполеон отныне не просто безразличен князю Андрею, он казался ему «столь маленьким в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким и бесконечным небом с бегущими по нем облаками».

В конце того же дня, когда Наполеон остановился перед ним, князь Андрей, глядя на него, молчал и «думал опять о том высоком небе», которое он видел, когда упал. И Наполеон представлялся ему теперь не просто ничтожным, как ранее, а ничтожным «в сравнении с тем высоким *небом*».

Высокое небо не только останется для князя Андрея незабываемым впечатлением, но станет символом перемен на его жизненном пути. В самые решающие минуты жизни взору князя Андрея будет всякий раз вдруг открываться вечное небо, впервые увиденное им под Аустерлицем.

* * *

В подробном конспекте, содержащем схему романа после войны 1805 года *, намечена основная линия жизни князя Андрея в период между 1806 и 1812 годами. После выздоровления князь Андрей поехал в деревню «с одной мыслью не служить, жить с отцом, женой и ребенком» и, «*как всегда после раны, ждал новой жизни*». Приезжает он в Лысые Горы в тот самый час, когда начались роды маленькой княгини (так было задумано с самого начала). «Она умерла»,— отмечено далее. После ее смерти князь Андрей встречается с Пьером. *В откровенной беседе должна сказаться* угнетенность и разочарованность князя Андрея. «Все пустяки, все вздор, кроме дружбы. Любви мне не дал бог. Я был горд»,— так записано в конспекте. Возникает чувство князя Андрея к Наташе, он не мог видеть ее и слышать ее голос «*без умиления и улыбки*». «Князь Андрей ожил». «Первый бал». «Князь Андрей краснеет при Наташе, и это решает ее судьбу, она не боится его и любит». Предопределена в конспекте болезнь маленького сына князя Андрея; когда кризис благополучно разрешился, «князь Андрей с Марьей улыбаются над кроваткой»,— так и вошло в законченный роман. Намечено, наконец, потрясение из-за измены Наташи: князь Андрей «убит» этим и «едет в Турцию».

По намеченной канве создавался рассказ о князе Андрее после Аустерлица. Промелькнуло у автора желание хотя бы упомянуть о том, что князь Андрей не погиб под Аустерлицем. Старый князь Болконский разыскивает сына, но безуспешно, потому что «князь Андрей не сказал своего имени и под фамилией Иванова был оставлен

* См. выше, стр. 44.

на излечение в австрийской больнице». Объяснено было даже, почему *князь* Андрей скрыл имя. Он «после раны избегал всех, стыдясь поражения, и убран был семьей Гернгут, у которых он лечился».

Любое, даже самое беглое упоминание подготовило бы читателя к возвращению князя Андрея и уменьшило бы напряженность действия. Толстой отказался от прежнего намерения. Болконский «в числе других безнадежных раненых был сдан на попечение жителей»— вот все, что стало известно о князе Андрее. Это не только не ослабляет, а, напротив, усиливает впечатление той минуты, когда князь Андрей, которого считали погибшим и которому отец заказал памятник, вдруг приезжает в Лысые Горы в метель, во время родов маленькой княгини. Самый приезд князя Андрея, его душевные переживания, связанные с родами жены, ее смерть и, наконец, крестины Николушки Болконского легко удались Толстому. Без существенных изменений эти сцены вошли в опубликованный текст.

О дальнейшей жизни князя Андрея до его встречи с Наташей в Отрадном первоначально рассказывалось совсем мало. «В 1807 году жизнь в Лысых Горах много изменилась. Молодой князь безвыездно жил при отце. На половине покойной княгини была детская, и маленький князек жил там». Так в ранней рукописи начался последующий рассказ о Болконских. Царившее в семье настроение определено в двух планах. В теме личной оно сосредоточено вокруг могилы маленькой княгини, над которой возвышался памятник-часовня с мраморной статуей плачущего ангела. Старый князь, зайдя в часовню, «сердито засморкавшись, вышел оттуда». Князь Андрей «тоже не любил смотреть на этот памятник, ему казалось, вероятно, так же, как и отцу, что лицо плачущего ангела было похоже на лицо княгини, и лицо это говорило тоже: «Ах! что вы со мной сделали! Я все отдала вам, что могла, а вы что же со мной сделали?» Княжна Марья, напротив, «охотно и часто» ходила в часовню, водила с собой маленького племянника и «пугала его своими слезами».

В плане общественном настроение Болконских пронизано атмосферой второй войны с Наполеоном. «Как ни тяжело было князю Андрею слышать торжества N-ской победы и о первых успехах русских войск, в которых он не участвовал, он оставался верен своему слову не служить более в русской армии. Но зато с жадностью они оба с отцом, как ни различны и ни спорны были их взгляды, следили за ходом политических и военных событий». Рассказано затем о болезни Николушки, у постели которого дежурили князь Андрей и княжна Марья, «измученные бессонницей и тревожные».

В дни самой сильной тревоги за жизнь сына князь Андрей получает письмо отца, который в 1806 году был определен одним из восьми

главнокомандующих по ополчению, назначенных тогда по всей России. Старый князь сообщал сыну о том, что «Бенигсен под Пултуском над Буонапартом якобы полную викторию одержал». Кроме того, он писал и о практическом деле по своей округе: «Корчевский предводитель некий Ростов граф» до сих пор не доставил добавочных людей и провиант. Старик Болконский просил сына немедленно ехать к Ростову с приказанием, «чтоб через неделю все было». Толстой воспользовался письмом, чтобы упомянуть о переменах в сознании героя. Для князя Андрея сущность письма состояла в том, что «судьба продолжала подшучивать над ним, устроив так, что Наполеон побежден тогда, когда он сидит дома, напрасно стыдясь Аустерлицкого позора». В другое время это письмо было бы «из самых тяжелых ударов» для князя Андрея, а теперь он «оставался совершенно равнодушен» и к этому сообщению и к требованию немедленного отъезда в Корчеву «к какому-то Ростову».

Сцены у постели сына во время кризиса, минуты страшной тревоги и затем счастья, охватившего князя Андрея и княжну Марью, местами дословно повторены в окончательном тексте. Переход к дальнейшему намечен так: «На другой день мальчик был совершенно здоров, и князь Андрей поехал в Корчеву исполнять поручения своего отца».

Вот все, что было по раннему варианту известно о князе Андрее после его возвращения в Лысые Горы и до поездки в Отрадное. Неизвестно, как и чем жил князь Андрей в этот период, нет полного представления об его душевном состоянии. Можно только понять, что он стремился отгородиться от политики, хотя это не всегда удавалось.

Судя по создавшимся конспектам, угнетенному после пережитых потрясений князю Андрею предстояло возродиться к жизни. Одним из первых импульсов должна быть встреча с Наташей. Чтобы показать, насколько разительна была в нем перемена, необходимо было глубже выявить его настроение до этой встречи. Правя созданную рукопись, Толстой сделал большую вставку: Пьер едет в свои орловские имения и на обратном пути навещает князя Андрея в Богучарове.

После лета 1805 года в канун войны друзья не виделись. За прошедшие два года жизнь каждого шла по-своему. Встреча князя Андрея с Пьером дала полную возможность показать перемены, происшедшие во взглядах столь же близких, сколь и далеких людей.

Пьер возбужден и радостен. Его окрыляет искренняя вера в масонство, которое, как он считал, его «переродило», и те добрые дела, которые улучшили, как ему казалось, жизнь крестьян в его имениях. Князь Андрей мрачен, во всем разочарован.

Толстой надолго задержался на обстановке жизни Болконского, на описании его нового имения. «Усадьба, дом, сад, двор, надворные

строения,— все было такое же новенькое, как и первая трава и первые березовые листья весны». Пьера встретила «не дворня в казакинах средних бар, не в пудре и чулках, как у него было по старине, а лакей во фраке и на новой английский манер». Толстой ввел Пьера «в чистый с иголочки новый дом», «изящно и необыкновенно отделанный». Противоположность «изящества всего окружающего (которое надо было обдумать) с представлением об убитости и горе своего друга» поразила Пьера.

Контрастность внешней обстановки с внутренним состоянием князя Андрея не удержалась. В следующей рукописи нет утонченности дома князя Андрея — на всем лежал отпечаток «аккуратности и хозяйственности». Хотя на барском дворе находился и большой каменный дом с полукруглым фронтоном, но князя Андрея Пьер застал в небольшом новом флигельке. Пьера встретил теперь не лакей во фраке, а старый дядька князя Андрея. Пьера поразило (по новому варианту) не изящество, внимательно обдуманное, а напротив, «скромность маленького, хотя и чистенького домика после тех блестящих условий, в которых в последний раз он видел своего друга в Петербурге».

Необычно новая обстановка естественно подготавливала Пьера к каким-то внутренним переменам, происшедшим в его друге. Он их сразу заметил. «Слова были ласковы, улыбка была на губах, лице князя Андрея, но взгляд был потухший, мертвый, которому, несмотря на видимое желание, князь Андрей не мог придать радостного и веселого блеска». Даже при встрече с Пьером «мертвый» взгляд князя Андрея не изменился — это сильнее всего говорит об его угнетенном состоянии. Ведь с первых набросков неизменно повторялась характерная черта князя Андрея — при виде Пьера всегда загорался блеск в его глазах. Взгляд и морщина на лбу выражали теперь «сосредоточение на чем-то одном». Эти «сосредоточенность и убитость», замеченные Пьером во внешнем виде друга, еще сильнее сказывались в их беседе «про жизнь, про назначение человека». К суждениям князя Андрея «часто примешивалась грустная [первоначально было: «едкая»] насмешка над всем, что прежде составляло его жизнь,— желания, надежды счастья и славы».

Затем Толстой пометил для себя, что после встречи Пьер «уехал оживленный к своим добрым делам. Для князя Андрея это был первый толчок к жизни. Князь Андрей не соглашается с ним, спорит, но, возвратившись домой, начинает действовать». И далее: «Pierre уехал, Андрей стал делать в имении то же».

В конспективных записях ясно, чему должна служить встреча Пьера с князем Андреем. Тем самым обозначен характер беседы. Князь Андрей признался, что решил никогда не служить, что теперь в нем уже нет гордости, так как он «смирился», не перед людьми, но «перед жизнью смирился». Однако из рассуждений Андрея Пьер почувствовал, что если у его друга не было теперь «гордости честолюбия», то у него осталась «та же гордость ума». Князь Андрей возразил на это: «Какая же гордость, мой друг, чувствовать себя виноватым и бесполезным, а это я чувствую и не только не ропщу, но доволен». Пьер в недоумении: какая вина, в чем. Князь Андрей, «размягченный присутствием милого ему человека», показал на «чудесный портрет маленькой княгини, которая, как живая, смотрела на него». При этом «губа его задрожала, он отвернулся». Пьер понял, что Андрей раскаивался в том, что он мало любил свою жену, и понял, как в его душе «это чувство могло дорасти до страшной силы». В следующей рукописи разговор о покойной княгине был исключен. Толстой знал, что вскоре князь Андрей встретится с Наташей и чувство к ней захватит его. Вряд ли было бы естественным для князя Андрея такое быстрое переключение. Однако портрет маленькой княгини, хотя и по-иному, но будет включен в рассказ о новой душевной настроенности князя Андрея.

Остальные темы беседы сохранились по первому варианту. Отпало только резкое суждение князя Андрея о семье Курагиных: Пьер рассказывал о разрыве с женой, и князь Андрей назвал князя Василия «старым лакеем», «ничтожеством», который, как всякое ничтожество, «успевает», но «не оттого, что ничтожество нужно», а оттого, что «все ничтожны и все ничтожно».

Полное разочарование князя Андрея во всем сказалось и в его мнении о дуэли Пьера с Долоховым. Пьер раскаивался в дуэли, радовался, что не убил Долохова. Князь Андрей возражал ему: на войне убивают людей и считают это справедливым, а «убить злую собаку даже очень хорошо». По убеждению князя Андрея, люди более всего заблуждаются в том, что они считают справедливым и несправедливым. Он вспомнил изречение Жозефа де-Местра о том, что в жизни есть только два несчастья: угрызения совести и болезнь. На этом и основан его девиз, высказанный Пьеру: «Жить для себя, избегая только для себя этих двух зол, вот вся моя мудрость теперь». Дословно девиз князя Андрея перешел из первого варианта в окончательный текст.

Хотя дальнейшая часть беседы была вначале дана конспективно, в ней отчетлив замысел автора: встреча с Пьером явится для князя Андрея «первым толчком к жизни».

Только близкому другу князь Андрей мог высказывать откровенно пронизанные безнадежностью мысли. Пьер говорит о том, что нового он сделал в своих имениях. Князь Андрей заявляет, что «народ — животное», и что «едва ли не одно счастье — животное», и не надо его

разрушать. «Знание к чему? Труд им необходим, как нам праздность», «они лошади».

Слушая мрачные суждения своего друга, Пьер «чувствовал, как ослабились его крылья». Князь же Андрей «высказывал все свое горькое и злое с особенным увлечением, как человек, долго не говоривший Но ему становилось легче, чем больше он говорил».

Толстой подводит героя к перелому. Князю Андрею при всем его крайне мрачном раздражении «часто хотелось», чтобы Пьер «дал ему аргумент неопровержимый». В нем пробудился интерес к вопросам, которые в последнее время для него не существовали. Когда он и Пьер «прекрасным весенним вечером» сели в коляску и отправились в Лысые Горы, Андрей сам стал расспрашивать Пьера о его судьбе и, главное, просил друга объяснить смысл слов о том, что «масонство переродило его». А после того , как Пьер на пароме, «удивляя перевозчиков», стал излагать «с жаром» значение масонства, «с жаром» говорил о том, что «в своей душе» он чувствует себя частью целого, что он — ступень, князь Андрей, «облокотившись на коляску, смотрел вдоль разлива, и в глазах его светилась жизнь.— Да, ежели бы это было так,— сказал он. Но видно было, что он знает, что это было так».

Такова беседа друзей в первом варианте. Однако все еще мало отражены взгляды обоих «на жизнь и назначение человека». В той же рукописи первоначальный набросок заменен развернутой беседой, совсем близкой к законченному тексту. Ведущая роль отведена Пьеру. В начале князь Андрей, слушая Пьера, «молча глядел» на него «своими потухшими глазами» и «кротко насмешливо улыбался». К вечеру, когда они поехали в Лысые Горы, князь Андрей «казался более оживленным»; изредка он прерывал молчание речами, «доказывавшими, что он находился в очень хорошем расположении духа». Сходя с парома, князь Андрей «взглянул на высокое чистое небо и в первый раз после Аустерлица увидал то высокое, вечное небо, которое он видел, лежа на Аустерлицком поле, исходя кровью и умирая. Увидав это небо, он вспомнил и весь тогдашний склад мыслей и удивился, как мог он потом, 'войдя в старую колею мелких забот жизни, забыть все это».

Для князя Андрея встреча с Пьером имела по существу такое же значение, как разговор с Тушиным накануне Шенграбенского сражения.

В ранней редакции Толстой не ограничился тем, что показал начавшийся в душе князя Андрея переворот. Он завершил встречу своих героев авторским выводом о том, что этот перелом произвели не «разумные доводы» Пьера (напротив, они поражали князя Андрея своей холодностью), а «любовное оживление» Пьера, «державшегося за свои убеждения, как за спасительную доску, его видимое желание передать свое испытываемое им счастье от этих убеждений своему

другу и более всего эта застенчивость Pierr'a, в первый раз принявшего тон поучения с человеком, с которым он прежде всегда и во всем соглашался,— все это в соединении с чудным апрельским вечером и тишиною воды сделали то, что князь Андрей почувствовал опять высокое вечное небо и себя размягченным и с теми силами молодой жизни, бившимися в нем, которые он считал уже прожитыми».

По ранней редакции, силы жизни полностью пробуждаются в князе Андрее после встречи с другом. Это показалось автору преждевременным. Нужны условия более романические — встреча с прекрасной чистой девушкой. Беседе с Пьером надлежало быть хотя и сильным, но лишь первым толчком. Автор исправил это в окончательном тексте. После беседы князь Андрей увидел «высокое вечное небо», которое только пробудило в нем «что-то давно заснувшее, что-то лучшее, что было в нем».

Это чувство «исчезло, как скоро князь Андрей вступил опять в привычные условия жизни», но он знал, что оно «жило в нем». Свидание с Пьером «было для князя Андрея эпохой, с которой началась хотя по внешности и та же самая, но во внутреннем мире его новая жизнь».

Другое следствие встречи с Пьером — возродился интерес князя Андрея к общественной жизни. В одной из последних рукописей конспективно намечено признание князя Андрея в том, что ему «только гражданское интересно» и что он бы поехал в Петербург.

Дальше работа над образом шла в двух взаимосвязанных планах: личная тема (Андрей — Наташа) и общественная деятельность. Отношения князя Андрея с Наташей были предопределены автором на самом раннем этапе работы, но не сразу удалось найти завязку. До того, как была решена встреча князя Андрея с Пьером в Богучарове и их беседа на пароме, первым «толчком», поколебавшим состояние безнадежности, оставалась почти мимолетная встреча с девочкой Наташей в Отрадном, куда князь Андрей приехал вместе с графом Ростовым из Корчевы.

Граф Ростов «так был непохож на всех тех гордых, беспокойных и честолюбивых людей», к которым принадлежал, как пишет Толстой, сам князь Андрей и которых «он так не любил», что «старик ему особенно понравился». Понравилась и вся семья Ростовых. «Князь Андрей нашел в семействе Ростова то самое, что он и ожидал найти... Ничего не было неожиданного, но почему все это, со всею своею ничтожностью и пошлостью до глубины души трогало князя Андрея? Было ли причиной тому его настроение, окрашивающее в эту минуту все поэтическим и нежным светом, или все, что окружало его, произвело в нем это настроение, он не знал, но все его трогало и все, что он видел, слышал, ярко отпечатывалось в его памяти, как бывает в торжественные и важные минуты в жизни».

Торжественность и важность минуты усилена особым приемом — самые серьезные моменты в жизни князя Андрея сопровождает упоминание о небе. В Отрадном князь Андрей взглянул на небо, которое он «в первый раз после Аустерлицкого сражения опять увидал». На этот раз над ним было «высокое, высокое, бесконечное небо, и оно было не с ползущими по нем облаками, а голубое, ясное и уходящее». Как на Аустерлицком поле вид неба связан с новым строем мыслей князя Андрея, так и в Отрадном он увидел небо тогда, когда «новое место, новые лица, тишина летнего вечера, спокойное воспоминание и какое-то новое, благодушное воззрение на мир, отразившееся с старого графа на него во время поездки, давали ему сознание возможности новой, счастливой жизни».

Князь Андрей одновременно увидал высокое бесконечное небо, услыхал «отчаянный и веселый голос» и заметил «прелестного мальчика». Это была пятнадцатилетняя Наташа «в мужском костюме своей пьесы», которую дети готовили ко дню именин графа Ростова. С этой минуты все, что слышал князь Андрей, был «только аккомпанемент звука голоса мальчика-девочки, которая говорила, что ей стыдно».

Вечером князь Андрей, услыхав от старого графа, что Наташа — «певица», обратился к ней со словами: «А вы поете?», сказав эти «простые слова, прямо глядя в прекрасные глаза этой пятнадцатилетней девочки. Она тоже смотрела на него, и вдруг без всякой причины князь Андрей, не веря сам себе, почувствовал, что кровь приливает к его лицу, что его губам и глазам неловко, что он просто покраснел и сконфузился, как мальчик. Ему показалось, что Наташа заметила его состояние, и другие также». На следующий день князь Андрей уезжает, обещая бывать у Ростовых.

Этой встрече с Наташей предстояло всколыхнуть жизненные силы Болконского. Замысел не осуществился. Автор не мог не почувствовать, что минутное впечатление от девочки вряд ли могло глубоко растревожить князя Андрея. Пока создался лишь намек на то, что Наташа задела чувство князя Андрея так, что теперь «звонче всех звуков» ему слышался голос этой девочки.

Позднее Толстой вернулся к этой рукописи и несколько больше рассказал о душевном состоянии князя Андрея после мимолетной встречи с совсем юной Наташей. Промелькнувшая перед ним девочка связалась в сознании князя Андрея с образом его покойной жены. «Он видел, как живое, перед собой ее лицо.— Что вы со мной сделали все? — говорило это лицо, и ему тяжело и грустно было на душе».

Воспоминание о покойной жене (при возвращении из Отрадного) вызвало у князя Андрея безнадежные мысли о том, что «есть надежда и молодость», но он сам «отжил», «кончил», он «старик». Во время

таких раздумий князь Андрей увидел, въехав в лысогорскую березовую рощу, дуб. Автор говорит, что еще по дороге в Корчеву князь Андрей заметил в уже распустившейся роще голый дуб и тогда задумался над ним. Так рисует Толстой первую картину с дубом: «Была весна, ручьи уже сошли, все было в зелени, береза уже была облита клейкой, сочной и пушистой зеленью, в лесу пахло теплой свежестью. Около самой дороги, вытянув одну корявую нескладную руку над дорогой, стоял старый двойчатка дуб с обломленной корой на одной стороне двойчатки. Весь старый дуб с своими нескладными голыми руками и пальцами, с своей столетней корой, обросшей мохом, с своими болячками и голо торчащими ветвями, казалось, говорил про старость и смерть. «И опять вы те же глупости,— казалось, говорил он соловьям и березам,— опять вы притворяетесь в какой-то радости весны, лепечете свои старые, прискучившие, все одни и те же басни про весну, про надежды, про любовь. Все вздор, все глупости. Вот смотрите на меня: я угловатый и корявый, таким меня сделали, таким я и стою, но я силен, я не притворяюсь, не пускаю из себя сока и молодые листья (они спадут), не играю с ветерками, а стою и буду стоять таким голым и корявым, покуда стоится».

Теперь, возвращаясь, князь Андрей вспомнил о дубе, который думал то же, что и он о самом себе, и взглянул вперед по дороге, «отыскивая старика с его голой, избитой рукой, укоризненно протянутой над смеющейся и влюбленной весной. Старика уже не было: пригрело тепло, пригрело весеннее солнце, размягчилась земля и не выдержал старик, забыл свои укоризны, свою гордость, все прежде голые, страшные руки уж были одеты молодой сочной листвой, трепетавшей на легком ветре, из ствола, из бугров жесткой коры вылезли молодые листки, и упорный старик полнее и величественнее и размягченнее всех праздновал и весну, и любовь, и надежды.— Молодец,— подумал князь Андрей».

Образ символического дуба найден. Но внутренней связи его с душевным состоянием князя Андрея еще не было. Слово «молодец» звучит пока только глухим намеком. Нет в этом наброске главного, нет вывода, который сделал для себя князь Андрей, неизвестно, совпадают ли теперь мысли князя Андрея о самом себе с распустившимся дубом.

После того, как была введена встреча князя Андрея с Пьером в Богучарове — первый толчок к новой жизни,— потребовалось перестроить дальнейшее. Толстому надо показать, как под впечатлением откровенной беседы с лучшим другом постепенно возрождался интерес князя Андрея к общественной деятельности.

В новой рукописи рассказано о жизни князя Андрея, который, «за исключением короткой поездки в Петербург, где он был принят

13 Заказ № 1368

в масонство, два года после Тильзита безвыездно прожил в деревне». У Толстого было намерение связать в эти годы князя Андрея с Ростовыми, у которых он, после первого приезда в Отрадное, бывал «в торжественные именинные дни», изредка ночевал, но держал себя гостем, а не «домашним человеком», так что даже «самые проницательные барыни не могли вывести никакого заключения из его частых посещений».

Так не могло остаться в романе. Ставшие обычными визиты к Ростовым лишили бы предстоящую встречу Болконского с Наташей в Петербурге той силы, которая была бы способна произвести переворот в душе князя Андрея. Попытка ввести Ростовых в последовательный рассказ о жизни Болконского немедленно отпала. Поездка князя Андрея в Отрадное пока оставалась в ее первом варианте. Толстой обратился теперь к жизни князя Андрея в Богучарове после его свидания с Пьером. Это годы 1807—1809. Князь Андрей за это время «без заметного труда» осуществил те «предприятия», которые в свое время Пьер «затеял было у себя и бросил». Одно имение князя Андрея «в 1000 душ крестьян было отпущено на волю, в других барщина заменена оброком. В Богучарове были оспоприviватель и ученая акушерка. Это было главное для князя Андрея». В те же годы князь Андрей «много читал, много учился, много переписывался с б[ратьями] м[асонами], следил за преобразованиями Сперанского, хотя и не приписывал им никакой важности, и начинал все более и более тяготиться своей тихой, ровной и плодотворной деятельностью, которая казалась ему бездействием в сравнении с борьбой и ломкой всего старого, которая, по его понятиям, должна была происходить теперь в Петербурге, центре правительственной власти».

Композиционно необходимо было наряду с возрождавшимся интересом к общественной деятельности показать начинавшееся пока еще неясное брожение в душе героя. Толстой вернулся к «дубу». По новому варианту, не по дороге в Корчеву князь обратил внимание на дуб, а живя в Богучарове, «два года каждую весну он наблюдал корявый дуб в березовой роще, всякую весну распускавшийся и подавлявший своей красотой и счастьем березовые деревья, над весенним счастьем которых он прежде так мрачно смеялся. Мысли неясные, неопределенные, невыразимые словами даже для самого себя и тайные, как преступления тайные (князь Андрей один на один краснел как дитя, когда он только думал о том, что кто-нибудь может узнать эти мысли), эти-то неясные мысли о дубе составляли сущность вопроса, вырабатывающегося в душе князя Андрея, и весь интерес его жизни. Все его практические и умственные работы были только наполнение пустого от жизни времени, а вопрос о дубе и связанных с ним мыслях была — жизнь. «Да, крепился, — улыбаясь, думал князь Андрей про дуб, — долго крепился, не выдержал, как пригрело,—пригрело тепло любви, не выдержал, размяк и послужил, чему смеялся, и сам дрожит и млеет в темной, сочной зелени. Да, да, — говорил он, улыбаясь и слыша, как бы он тут пел, грудной шаловливый и страстный голос Наташи, и видя ее свет перед своими глазами. Он вставал, подходил к зеркалу и долго смотрел на свое красивое сухое и задумчиво умное лицо. Потом он отворачивался и смотрел на портрет покойницы Лизы, которая с à la Grecque взбитыми буклями нежно и весело смотрела на него из золотой рамки. Она смотрела весело, а все-таки она говорила: «Что я вам сделала? Я всех так любила». И князь Андрей, заложив назад руки, долго ходил по комнате... передумывая мысли о дубе в связи с Сперанским, с славой, с масонством, с будущей жизнью».

Весною 1809 года князь Андрей стал кашлять, и врач посоветовал «быть осторожнее и не запускать болезни». Убежденный, что ему остается недолго жить, князь Андрей поехал к отцу и, проезжая мимо распустившегося дуба, окончательно и несомненно решил тот тайный вопрос, который давно занимал его. «Да, он не был прав. И счастье, и любовь, и надежда — все это есть, все это должно быть, и мне надо употребить на это остаток моей жизни».

Толстой развил мысли князя Андрея. «Как это часто бывает с людьми около 30 лет, князь Андрей чувствовал, что кончается его юность, подумал, что кончается его жизнь, и твердо верил в близость смерти. Само собой разумеется, князь Андрей никому не сказал о своем предчувствии смерти, служившем продолжением его тайных мыслей, но он стал еще озабоченнее, деятельнее, добрее, нежнее со всеми и вскоре уехал в Петербург».

Жизнь в Богучарове, первая встреча в Отрадном с Наташей, дуб и поездка в Петербург, в центр общественной деятельности, были связаны между собой. В предшествовавших вариантах не чувствовалось такой крепкой связи этих тем. Не удавалось Толстому органически слить два сильных решающих впечатления: встреча с Наташей и дуб. А поездка князя Андрея в Петербург еще не была естественным следствием внутренней потребности князя Андрея изменить свою жизнь. Теперь Толстой преодолевает этот разрыв.

В следующих рукописях значительно пространнее, чем в предыдущих, рассказано о деятельности князя Андрея в деревне. Добавлено, что он перечислил 300 душ крестьян в вольные хлебопашцы — это «был первый пример в России». Добавлено и то, что князь Андрей пригласил священника, который «за жалованье обучал детей крестьян и дворовых грамоте». Расширены темы теоретических работ Болконского. Хоть он и говорил Пьеру о своем равнодушии «к внешним событи-

ям мира», он усердно следил за ними. Несмотря на кажущееся безразличие к военным делам, он, «соображая условия происшедших кампаний», невольно был вовлечен в составление записки, «принявшей под конец размер трактата и проекта о недостатках наших военных уставов и постановлений».

Если в предыдущих вариантах не было серьезных внутренних побуждений для поездки князя Андрея в Петербург, то теперь естественно такое решение, тем более, что, как говорит автор, князь Андрей «знал все», что делалось там в это время. Толстой вновь раскрывает душевные глубины героя. «Князь Андрей сказал отцу, что он решил ехать в Петербург потому, что тяготится своим бездействием, и потому, что он хочет и надеется быть полезным. Он и сам так думал. Но это было не совсем справедливо. Не вследствие таких разумных и логических причин было принято им это решение, а вследствие других, более неясных, сложных и совершенно неразумных». Раскрытию «неясных, сложных и совершенно неразумных» причин послужил теперь дуб.

В третий раз Толстой пишет две картины: дуб, «старый сердитый и презрительный урод», каким его увидел князь Андрей по пути в рязанские имения, и тот же дуб, «сквозь жесткую, столетнюю кору» которого «пробились без сучков сочные молодые листья», поразивший князя Андрея при его возвращении. Создана сильная впечатляющая картина поздней весны в лесу и изображение «презрительного сурового дуба», который был весь покрыт теперь «сочной темной зеленью» и «млел, чуть колыхаясь, в лучах вечернего солнца» и «слышнее и светлее всех говорил о любви, о надежде и счастии». Возрожденный дуб «вдруг» воскресил в душе князя Андрея «целый рой мечтаний и надежд, давно забытых».

Наконец-то достигнуто внутреннее единство между ликованием жизни в старом дубе и неистребимыми силами жизни в князе Андрее. «Нет, жизнь не кончена в 31 год»,— подумал князь Андрей. И «неясные мысли, связанные с дубом и Pierr'ом, составили сущность всей его жизни».

Мысль о Наташе пока лишь промелькнула в переживаниях князя Андрея: ему слышался «грудной шаловливый и страстный голос Наташи»— и только.

Возвратившись из рязанских имений, князь Андрей решил весною ехать в Петербург и поступить на службу и придумал «разумные причины этого решения».

В эпизоде с дубом как символом перемены в мироощущении князя Андрея все как будто уяснилось. Но не решена еще проблема личного счастья. Есть пока только внешний повод: возрожденный весною дуб вызвал «неясные», «невыразимые словом» мысли князя Андрея, никакими событиями в его личной жизни не подготовленные. Мотив дуба все еще не переплетался с темой Наташи — независимо от Наташи князь Андрей решил ехать в Петербург. Толстой продолжал добиваться сцепления этих сюжетных линий.

Опять Толстой вернулся к обзору деятельности князя Андрея в Богучарове. За единичными разночтениями создался текст, совпадающий с печатным. Но все еще сохраняется обостренный интерес князя Андрея к освобождению крестьян. Кроме критического разбора «двух последних несчастных кампаний» и составления «проекта изменения и исправления всех наших военных уставов и постановлений», князь Андрей, подчеркивает автор, «устраивая своих вольных хлебопашцев... обдумывал общее дело освобождения рабов. Он составил записку и об этом предмете». Вскоре в этой же рукописи было уточнено, что Болконский был занят «составлением проекта освобождения крестьян». Сообщая отцу о своем намерении поехать в Петербург, он сказал, «что у него есть проект нового устройства армии, который он желает представить государю. (О записке об освобождении крестьян он ничего не сказал отцу)».

«К весне 1809 года обе работы его приближались к концу»,— так начался новый рассказ о намерении князя Андрея отправиться в Петербург.—«И чем ближе они приходили к окончанию, тем чаще ему приходила мысль, что он засиделся в деревне, что ему необходимо поехать в Петербург и видеть людей. Он не отдавал себе отчета, для чего это было ему нужно, но чувствовал эту потребность. Он был доволен собой за это время. Иногда ему приходила гордая мысль, что теперь он совершенно хорош и готов». Тут же появлялись сомнения: «Но для чего? для кого? — спрашивал он себя. — И в самом деле, хорош ли я? — спрашивал он себя. Только другие люди могут сказать мне это. Только примерившись к другим людям и испытав на них свое влияние, я могу испытать свою силу и убедиться, насколько я действительно вырос». Но как только он «живо представлял себя опять в этом водовороте жизни наравне со всеми, одним из толпы, как только он воображал себя лишенным того гордого спокойствия, которым он пользовался в деревне, он ужасался и откладывал свое намерение».

Князь Андрей сообщил отцу о своем намерении ехать в Петербург, но «ни за что» не служить. «Вот поезжай и станешь служить. Служить надо»,— возразил ему отец. После того князь Андрей «окончательно решил не ездить в Петербург», он «обдумал, как и кому он пошлет свой проект и как и чем он будет в деревне заниматься следующие лето и зиму».

Так практическая деятельность князя Андрея в Богучарове, его работа над двумя важными проектами не облегчили его душевного угне-

тения. Они не только не пробудили в нем желания принять активное участие в общественной жизни в Петербурге, а напротив, привели его к «окончательному» решению оставаться в деревне.

В таком состоянии князь Андрей едет в рязанские имения сына. Толстой воспользовался готовой рукописью с описанием поездки князя Андрея и картиной нераспустившегося дуба. Он только усилил мрак в настроении князя Андрея, согласного с «презрительным, злым и недоверчивым к весне и счастью» дубом. Вид дуба вызвал мрачные безнадежные мысли: «Наша жизнь кончена. Некуда мне ездить и нечего искать. Буду доживать в деревне, стараясь не делать зла, и, чем умею, наполняя свой досуг».

К этому моменту Толстой приурочил теперь встречу князя Андрея с Наташей, уже шестнадцатилетней девушкой. По делам имения сына князь Андрей должен был повидать предводителя графа Ростова. Подъезжая к отрадненскому дому, он увидал бегущую толпу девушек, и впереди, ближе других была «черноволосая, очень тоненькая, странно-тоненькая черноглазая девушка в желтом ситцевом платье».

Толстой уже близок к осуществлению своего замысла: Наташа всколыхнет в князе Андрее потребность личной жизни так же, как Пьер — интерес к общественной деятельности. При виде Наташи князю Андрею «вдруг стало от чего-то больно. День был так хорош, солнце так ярко, кругом все так весело,— а эта тоненькая и хорошенькая девушка не знала и не хотела знать про его существование и была довольна и счастлива какою-то своей отдельной,— верно глупою,— но веселою и счастливою жизнью. «Чему она так рада? о чем она думает? Не об уставе военном, не об устройстве рязанских оброчных. О чем она думает? И чем она счастлива?»— невольно с любопытством спрашивал себя князь Андрей».

Пробудившийся интерес неожиданно оборвался. «За обедом князь Андрей видел ее, но не обращал на нее ни малейшего внимания.— Уездная барышня!* — подумал князь Андрей и, кончив дела, в тот же вечер уехал». На обратном пути он увидел преображенный зазеленевший дуб.

Впечатление, которое произвел на князя Андрея оживший дуб, пока еще внешне, но уже связывалось с Наташей. Толстой продолжал искать более поэтическую форму и более тесное слияние этих впечатлений. На полях рукописи появляются записи, вводящие в ход мыслей писателя: «Уложили спать в доме. Наверху в окне в лунную ночь — девочка не может спать.—Так бы полетела туда. Что за прелесть. Нет,

* Первоначально было: «За обедом князь Андрей видел ее, но не говорил с нею. Она даже не смотрела на него. Глупая уездная барышня!»

посмотри. Спят! — Тихо запела. Князь Андрей зашумел, они зашептали, она захлопнула окно. Князь Андрей долго смотрел на луну, но утром — все вздор». Поэтическая сцена ясно сложилась. Появляется картина лунной ночи, беззвездного весеннего неба, на котором остановились глаза князя Андрея, услышанный им разговор Наташи с Соней, сидевших на окне, и неожиданная путаница молодых мыслей и надежд, поднявшихся в душе князя Андрея,— все это почти без изменения дошло до печати. Только сценой лунной ночи глава не заканчивалась, действие было продолжено. Первой мыслью князя Андрея, когда он проснулся, «была эта девочка в желтом ситцевом платье, которая хотела, натужившись и подхватив себя под колена, улететь куда-то с окна. Ему захотелось в первую минуту остаться обедать у Ростовых, чтобы ближе рассмотреть эту девочку». Князь Андрей борется с непосредственно возникшей мыслью. «Хорошо бы это было,— подумал он, презрительно улыбаясь над своей мыслью,— чтобы я, который решил сам с собой, что я ни для кого, ни для чего, ни даже для общего полезного дела не покину своей одинокой жизни, чтобы я находил удовольствие вести эту глупую деревенскую жизнь и рассматривать девочек в желтом платье».

Толстой нашел то, чего так долго добивался. Наташа первая растревожила князя Андрея, и готовый эпизод с возрожденным дубом, продолжая новую сцену в Отрадном, зазвучал так, как надо было автору: дуб и молодой князь опять «согласны». На князя Андрея, когда он въехал в березовую рощу, «вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления». Он «стал вспоминать: Pierre, масонство, небо высокое, моя записка освобождения рабов, девочка в желтом платье». И он решил: «Я не могу оставаться в деревне. Мало того, что я знаю себе цену и люблю себя, надо, чтобы и все знали это».

В сознании князя Андрея слились потребность личной жизни и общественной деятельности — отсюда логически вытекало решение ехать в Петербург. Неосознанной причиной поездки была потребность любви, осознанной же — глубокий интерес к преобразованиям Сперанского. «Князь Андрей знал до малейших подробностей о том, что делалось Сперанским, и имел об этом свое особенное понятие. Он считал все существующее устройство таким безобразным, так презирал и ненавидел все правительственные лица, что революционная, ломающая все деятельность Сперанского была ему по сердцу. Сперанский, которого он никогда не видал, представлялся ему чем-то вроде гражданского Наполеона. Он радовался его возвышению, унижению прежних государственных лиц и из-за тех преобразований, которые делались, видел всю общую основную мысль этих преобразований. Он видел освобождение крестьян, палаты депутатов, гласность судов и ограничение монархи-

ческой власти. Сперанский интересен ему был, как выражение новых идей и протест против старых».

Найдена, наконец, сложная мотивировка происшедшего в душе князя Андрея перелома. Она не только объяснила происходившее, но подготовила читателя к дальнейшим событиям в жизни героя.

* * *

Пребывание князя Андрея в Петербурге оказалось важной вехой *в его жизни*.

Толстому предстояло показать участие Болконского в государственной деятельности Сперанского и развитие его любви к Наташе. Два плана жизни князя Андрея решаются опять в единстве, причем об общественной деятельности рассказать было значительно легче, чем о личной жизни.

По окончательному тексту романа, жизнь Болконского в Петербурге началась с приема у Аракчеева и знакомства со Сперанским. В первоначальном варианте действие открывается встречей Андрея с Пьером. Прошло два года после их свидания в Богучарове. По звуку голоса, улыбке и в особенности по лучистому свету глаз Пьер «в мгновенье, с чутьем любящей женщины понял, что друг его — другой человек и ожил». Они говорят то о государственных преобразованиях, то о личном. Пьер упомянул кстати, что Ростовы в Петербурге и что Наташа *рассказывала ему о приезде князя Андрея в Отрадное*. «Андрей смутился и не мог скрыть смущения. Pierre сгорел как маков цвет». Для того и другого Наташа была тогда «лучшая надежда в жизни», и они избегали говорить о ней.

Толстой на предыдущем этапе работы определил, что в Петербурге князь Андрей вновь встретится с Наташей, но при каких обстоятельствах, уяснилось не сразу. Сначала появился такой эскиз: князь Андрей с Пьером приезжают к Ростовым в день свадьбы их старшей дочери с Бергом.

До этого в романе развивались параллельно три сюжетные линии: Пьер — князь Андрей, Пьер — Наташа, князь Андрей — Наташа. Теперь эти линии скрестились. В конспекте отражена встреча трех главных персонажей: увидав Пьера, Наташа «весело улыбнулась», увидав Андрея, «она задрожала от радости», но «как будто испугалась». Князь Андрей, говоря с ней «самые пустые ничтожные вещи», «сиял лучистыми глазами». Пьер, видя это, «грыз пальцы» и «бессмысленно ревновал».

Эскиз не получил развития. Отпало намерение автора встречу князя Андрея с Наташей приурочить к первым дням его приезда в Петер-

бург. *В новом варианте* сначала рассказано о столичном образе жизни князя Андрея в Петербурге, где он был «новинкою». «Заслуга его на известность теперь была в том, что он, интересный вдовец, бросил все и посвятил себя сыну и исправился [?], обратился на путь истинный, делает много добра в деревне и, главное, отпускает крестьян».

Толстой вводит ожившего князя Андрея в светский круг, где он не бывал почти пять лет. (Действие происходит в конце 1809 года.) Изображен раут у Элен. В центре неизменных светских бесед на политические темы было на этот раз эрфуртское свидание императоров и «величие» Наполеона. *Князь Андрей, для которого, как для Пьера*, Наполеон был теперь «ничтожество, пустота, близкая к своей погибели», вступал в спор, «весело и колко противореча». Промелькнула попытка автора заставить князя Андрея заинтересоваться самой Элен. Он «после своего воскресения так оживленно чувствовал себя расположенным», он испытывал такое удовольствие быть «в изящно обставленном светском кругу», что ему «захотелось занять место в турнире» вокруг Элен и «попытаться победить всех». Но князь Андрей быстро опомнился. Столкнувшись в Петербурге с различными людьми, князь Андрей не мог разобраться в множестве новых впечатлений. «От сознаваемой им умственной неясности» он ощущал потребность «спастись в чувстве».

Так подготовлена теперь встреча с Наташей в Петербурге. Вместе с Пьером князь Андрей приехал к Ростовым в день свадьбы Веры. *Он увидал Наташу, и для него вполне стали ясны* «все эти вопросы, в которых он со времени своего приезда в Петербург чувствовал, что начинал запутываться. И вопрос об успехе в свете, и о Наполеоне, и о семейном горе Pierr'a, и о преобразованиях Сперанского, и о масонстве, и о назначении человека — все эти вопросы стали ясны и решены». Для князя Андрея стало ясно, что «есть один только вопрос *о* дубе, который все ближе и ближе приходит к своему разрешению». «Дуб» получил значение устойчивого символа.

Замысел свадебного вечера у Ростовых отпал раньше, чем Толстой дописал первую фразу о встрече князя Андрея с Наташей. Не решая пока, где они встретятся, Толстой перешел к общественной деятельности князя Андрея. Он был «озабочен и занят с утра и до вечера, занимая важное место в комиссии составления законов». У Ростовых в Петербурге князь Андрей не бывал, боясь, сам того не сознавая, «их мовежанреного добродушного тона, боялся энканальироваться и вместе с тем боялся своих дубовых мыслей».

Все повествование о князе Андрее в Петербурге по содержанию и форме стало близко к известному печатному тексту. Только характеристики некоторых государственных лиц более резки.

Главное направление общественной деятельности Болконского определилось без колебаний, тем более, что оно было подготовлено его работами в Богучарове. «Все предполагавшееся тогда переустройство России, готовившееся к началу 10 года, казалось ему существенным благом для народа и первым на очереди вопросом». Князь Андрей трудился «с охотой, упорством и успехом». *Он составил записку, в которой,* на основании того же Монтескье, которого цитировал Карамзин, он опровергал ходившую тогда по рукам записку Карамзина о старой и новой России. Министр двора и князь Кочубей, «как говорится, обласкали» *князя Андрея, так как* было известно, что князь Болконский «выпустил на волю своих крестьян. Это был тогда третий таковой случай. Случай этот обращал тогда особенное внимание, так как ходили неясные слухи о том, что в числе преобразований находилось и освобождение».

Хотя вскоре князь Андрей стал разочаровываться в Сперанском и в других представителях его круга, однако «еще больше, ежели это было возможно, увлекся своим делом, участием в общем преобразовании. Окончив свою работу по гражданскому своду, он писал теперь проект освобождения крестьян и с волнением ждал открытия нового государственного совета, в котором должны были быть положены первые основания конституции».

Познакомив читателя с убеждениями князя Андрея той поры и с его активной деятельностью, Толстой свел Андрея с Пьером. Тема их беседы — масонство и реформа Сперанского. Потом, как всякий раз бывало при их дружеских встречах, речь зашла о личном. Пьер в конце беседы неожиданно стал советовать князю Андрею жениться. «И в эту же минуту *ему пришла мысль,* на ком надо жениться князю Андрею. Одна девушка, лучше которой он не знал, была достойна его лучшего друга. Это была Ростова».

Теперь-то и появилась у автора мысль о новогоднем бале, на котором князь Андрей встретится с Наташей. *Быть может, это подсказано* тем, что в обстановке семейного вечера Наташа не смогла бы произвести на князя Андрея того разительного впечатления, как на блестящем придворном бале, на котором она так выделялась своей непосредственностью и девичьей чистотой. Но одновременно у Толстого возникло желание предварить встречу на бале вечером у баронессы Зальберг, пригласившей Наташу, голос которой был «замечен в Петербурге». Баронесса Зальберг «приглашала ее к себе, лелеяла и ухаживала за ней. На одном из музыкальных вечеров баронессы Зальберг был и Андрей, на другой день после своего разочарования в Сперанском. Наташа пела и пела чрезвычайно хорошо. Князь Андрей стоял в толпе и не видал, кто поет, но, услыхав голос Наташи, он вспомнил что-то весеннее, радостное, иное от всего того, что он испытывал в это свое пребывание в Петербурге».

Подойдя к клавикордам, он увидал девочку, «судорожно» перебиравшую рукой в перчатке по крышке клавикорд. Это была «та самая девочка в белом платке, которая с грибами бежала ему навстречу в Отрадном. Она была такая же румяная, с теми же блестящими глазами, с тем же выражением полной сосредоточенности в то, чем она была занята, и довольства собою, болезненно-завистливо действовавшего на душу князя Андрея. «Нет ей до меня дела. А я хочу ей быть нужен». И вся весна прошлого года с своими ощущениями надежд, чего-то лучшего, чем жизнь, мгновенно воскресла в его душе. «А было же это хорошее время!»— подумал он.

После пения Наташу окружили, и князь Андрей заметил, что как *с дворовыми девушками она была самая бойкая и веселая,* так здесь она была самая грациозная и милая светская барышня. Вся эта светская ненатуральность была в ней, но даже и эта ненатуральность была в ней мила и естественна». На предложение хозяйки познакомить его с «маленькой Ростовой» князь Андрей «сам не зная почему... отклонился от этой чести». Эпизод в доме баронессы был исключен, видимо, потому, что он ослабил бы силу того впечатления, которое произвела на князя Андрея Наташа на бале.

Закрепилось место встречи в Петербурге — придворный блестящий бал. Толстой без усилий создал картину бала, на котором князя Андрея обдало «поэзией блестящего изящного веселья», где он встретился с «замирающей от радостного волнения» Наташей. Танец с нею и даже «странная совершенно неожиданная» мысль о том, что Наташа будет его женою, если она «подойдет *сначала к своей кузине,* а потом к матери»,— все это запечатлено в первой же рукописи.

Интересно промелькнувшее было намерение Толстого встречу с Наташей опять связать с дубом. Наметилось такое решение: как только во время вальса Наташа «улыбнулась и покраснела», в душе князя Андрея все вдруг воскресло: «Pierre на пароме, дуб, поэзия, весна, счастье». Но Толстой тотчас же отказался от этого. Именно новая встреча с Наташей должна произвести переворот в душе князя Андрея, и поэтому ее надо связать с его деятельностью настоящего времени, в которой, Толстой знает, он должен разочароваться. Первое, что *писатель задумал* показать: на утро после бала князю Андрею «в совершенно новом свете» представились четыре месяца, проведенные в Петербурге. Он вспомнил свою деятельность, «историю своего проекта военного устава», о котором «старались *умолчать единственно потому,* что другая работа, хотя и не выдерживающая критики, была уже сделана и представлена государю; вспомнил историю своей записки об освобождении крестьян,

от обсуждения которой Сперанский *постоянно* уклонялся не потому, чтобы не разумно была составлена записка или не нужно это дело, но потому, что не время было этим занимать теперь внимание государя». Вспомнил о своей *законодательной* работе, об обиде своей на то, что работа его была отдана другому члену комиссии, и «ему стало смешно и совестно чего-то. Он живо представил себе Богучарово, знакомых *своих мужиков*, Дрона-старосту и дворовых, и, приложив к ним статьи о правах лиц, которых он распределял по параграфам, ему смешно стало, как мог он заниматься такой праздной работой».

Трудно допустить, что достаточно было короткой, хотя и взволновавшей героя встречи с Наташей для того, чтобы увлеченный работой князь Андрей стал вдруг пересматривать и решительно осудил так долго интересовавшую его деятельность. Впоследствии Толстой продлил и усложнил путь князя Андрея к отказу от участия в государственных преобразованиях. Встреча с Наташей сыграла большую роль, но не могла явиться единственной к тому причиной. По новому замыслу отмечена *только некоторая взбудораженность* и *раздраженность* князя Андрея на утро после бала. Он «ничего не мог делать. Он все критиковал, как это часто с ним бывало». Созданная к этому времени сцена обеда у Сперанского по ранней редакции предшествовала балу, теперь она перенесена на следующий день после бала.

Во время обеда Сперанский, с его «зеркальными, непропускающими к себе глазами», и все общество деятелей, собравшихся у него, темы их беседы и тон искусственного веселья уничтожили интерес князя Андрея к Сперанскому и его преобразованиям. Встреча с Наташей, пробудившаяся любовь к ней заставляют князя Андрея острее ощутить фальшивость круга Сперанского. Он невольно стал пересматривать свою деятельность в государственной комиссии и пришел к тем отрицательным выводам, которые выше приведены. Теперь они явились органическим следствием всей жизни князя Андрея в Петербурге.

Далее рассказ о петербургской жизни князя Андрея посвящен его отношениям с Наташей.

Первый, кому признался князь Андрей в своей любви к Наташе, был Пьер. Над этим эпизодом Толстой много работал. Перед ним стояла трудная задача. Надо было показать душевный подъем князя Андрея, глубину дружбы Пьера, который сам был влюблен в Наташу и боялся проявить свою любовь.

Долго Толстой подбирал выразительные черты для нового портрета Болконского. То он имел «молодой, полный жизни вид», то «казался помолодевшим», и наконец он изображен «с сияющим восторженным и обновленным к жизни лицом». Оживленная речь князя Андрея дополняла такие определения. «Я влюблен, влюблен, как мальчик, как безумный»,— говорил князь Андрей другу.

Дальнейшая повесть о князе Андрее и Наташе развивалась так, как она была первоначально намечена и как известна по завершенному роману.

Наташа вывела князя Андрея из душевного угнетения, в котором *он* находился после Аустерлицкой катастрофы и смерти жены. Наташе суждено было и довести его до полной безнадежности.

По первой редакции, князь Андрей узнал об измене Наташи, находясь в Турции. Одновременно с письмом Пьера о надвигающейся войне князь Андрей получил письмо от Наташи с отказом. «Всю ночь он ходил по двору, глядя на комету, которая как будто разметалась и уперлась на одном месте, подняв кверху хвост». Вновь появляется мотив неба. Князь Андрей опять увидел то «далекое небо», на которое он выучился смотреть с Аустерлицкого поля, «понимать его и находить в нем успокоение». «Да, и это было заблуждение,— думал он,— как и прежние. *Но что же правда, где же то*, что нужно моей душе, то, про что говорят мне эти звезды и эта остановившаяся и влепившаяся комета?»

План изменился. Письмо с отказом Наташа послала княжне Марье, и князь Андрей получил его, вернувшись из турецкой армии в Москву, где в то время жили Болконские. Через Пьера князь Андрей возвратил Наташе ее письмо. По первому варианту сцены встречи друзей, князь Андрей не мог скрыть свое волнение. Когда он передавал письма Пьеру, «губа его задрожала». На попытки Пьера примирить его с Наташей он «усмехнулся зло». При упоминании об Анатоле князь Андрей закричал: «Я не могу жить, пока он не задушен моими руками». Упав в кресло, князь Андрей «зарыдал, как женщина в истерике». Такая реакция, не свойственная гордому князю Андрею, тотчас же была заменена другой: «Страшный свет блеснул в глазах князя Андрея», когда он упомянул *Анатоля. Разговор с князем Андреем даже о* других вопросах, не связанных с Наташей, убедил Пьера, что слова и мысли его друга «могли выработаться только в пропитанной ядом отчаяния душе». Чтобы сильнее выказать гнев оскорбленного князя Андрея, Толстой написал было, что он, недовольный лакеем, ударил его, «чего с ним никогда не бывало». Но эта чуждая образу нота была немедленно исключена.

В завершенном романе сцена с Пьером лаконична. Князь Андрей сдержан. По словам княжны Марьи, «гордость его не позволяет ему выразить своего чувства». Когда он передавал Пьеру письма Наташи, «лицо его было нахмурено и губы поджаты». *Он* «*холодно*, зло, неприятно, как его отец, усмехнулся», когда Пьер говорил ему о болезни Наташи. Он «резко закричал» и перебил Пьера, когда тот уговаривал друга

простить ее. Во время разговора за обедом о войне, приближение которой становилось очевидно, князь Андрей «казался оживленнее обыкновенного тем оживлением, которого нравственную причину так хорошо знал Пьер».

* * *

К началу войны 1812 года князь Андрей, выросший духовно за истекшие семь лет, приходит с изменившимися взглядами на войну и военное дело. Душевное состояние князя Андрея было к этому времени до крайности угнетенным; он был не только разочарован, как накануне войны 1805 года, но (что отмечено в одном из конспектов) «убит». Толстому хотелось больше рассказать о князе Андрее после разрыва с Наташей. По первому варианту, князь Андрей «не жил, ничто его не интересовало, не радовало, не огорчало: ни наступление неприятеля в Россию, ни свидание с отцом, с сыном. Он и не думал о госпоже Ростовой, ее не существовало для него. Он чувствовал только рану, такую больную, что он ни о чем, кроме о боли, не мог думать. Одно только ему хотелось—это увидать *его* и убить его, этого ему хотелось, как хочется раненому расчесать свою рану». В этом и двух следующих вариантах данного отрывка центром интересов князя Андрея оставалась месть Анатолю Курагину и только мельком упоминалось, что Болконский уехал в армию, куда был назначен Кутузовым состоять при штабе Барклая-де-Толли. Наконец в четвертом варианте наряду с «необходимостью» встретить Курагина, рассказано о пребывании князя Андрея в Турции в армии Кутузова. Когда появились слухи о близкой войне с французами, он попросился в Россию, чтобы принять участие в новой войне, но ничто не могло изменить его «общее настроение». Он «не мог видеть в жизни ничего другого, как искусство, чем-нибудь наполняя досуг, доживать до смерти».

При таком упадочном состоянии духа мог ли бы князь Андрей выполнить назначенную ему автором роль в Бородинском сражении? Необходимо было изменить душевный строй князя Андрея. Безнадежность заменилась глубокой апатией. «Не измена невесты разочаровала его в жизни, но измена невесты была последним из разочарований». Его физическая рана зажила, но «нравственная была все так же раскрыта». В таком состоянии князь Андрей приезжает в главную квартиру армии.

Несмотря на «равнодушие к жизни», князь Андрей невольно заинтересовался «центром производящейся огромной войны». Из разговора с штабными он узнал, что «в управлении армиями происходила такая путаница, которой даже князь Андрей, в настоящем настроении своего духа находящий все безобразное таким, каким оно должно было быть, не мог себе представить».

Опыт убедил Болконского, что в военном деле «ничего не значат самые глубокомысленно-обдуманные планы, как он видел это в Аустерлице». Теперь он вновь «старался вникнуть в характер управления армией, лиц и партий».

Впечатления Дрисского лагеря (эти главы были написаны с одного раза и почти дословно вошли в печатный текст) привели князя Андрея к решению не оставаться при штабе, а служить в полку. Приехав в Царево-Займище, Болконский подтвердил Кутузову свое решение служить не в штабе, а в полку, к которому он привык и который полюбил. После свидания с Кутузовым он, не зная, «как и почему это случилось», вернулся в полк «успокоенный насчет общего хода дел и насчет того, кому оно вверено было». Твердость князя Андрея в оценке благородной роли солдата и уверенность в том, что Кутузов именно тот, кто нужен, постепенно обеспечивали внутреннюю готовность князя Андрея к Бородину.

Промелькнула попытка автора показать хотя и мимолетные, но все же колебания князя Андрея: как быть с семьей? Все бросить и поехать на помощь сестре и сыну, оставшимся после смерти отца без покровительства? Это был первый порыв, «но потом ему живо представился общий характер мрачного величия, в котором он находился, и он решил, подчиняясь этому характеру, остаться» и «в темных рядах войска искать смерти, исполняя долг и защищая отечество».

Князь Андрей перед Шенграбенским и перед Аустерлицким сражениями напряженно думает, рассуждает — то с Тушиным (перед Шенграбеном), то сам с собой (перед Аустерлицем), причем характер его размышлений и выводы, к которым он приходит, находятся в единстве с основной идеей историко-философских рассуждений автора. В этом один из существенных элементов того, по выражению Толстого, цемента, который скрепляет роман. То же происходит с князем Андреем перед Бородинской битвой. Он был «раздражен», ему «хотелось думать» так же, «как он думал накануне Аустерлица». Он испытывал необходимость так же, как и тогда «сделать счеты с самим собою и спросить себя, что и зачем я». Он чувствовал, что «находится в одной из тех минут, когда ум так проницателен, что, откидывая все ненужное, запутывающее, проникает в самую сущность вещи».

В отличие от завершенного текста, князь Андрей обдумывает перемены, происшедшие в нем, и убеждается, что «ничего похожего не было в нем, каким он был в 1805 году». Для него не существовало «очарования войны», а напротив, он дошел до того, что война ему представлялась «самым простым и ясным и ужасным делом».

Он вспомнил Тушина, Тимохина, представителей рядового войска, которых «так глубоко презирал прежде, к уважению которых он не

пришел и теперь, но которых все-таки предпочитал Несвицкому, Чарторижскому и т. п.» Неожиданно повторилась та мысль, которая была естественна для суждений князя Андрея до Шенграбенского сражения, т. е. до того момента, когда он понял, что решающая роль в сражении принадлежит солдату. Вопреки тем убеждениям, к которым он пришел после первой войны, князь Андрей называет Тушиных и Тимохиных «почти животными», но животными «честными, не лживыми», в отличие от «обманщиков, лгунов» штабных, «над смертью и страданиями людей вырабатывающих себе крестики и ленточки». Быть может, такое суждение о низших частях армии должно было лишний раз подчеркнуть общее угнетение героя, но все же оно не удержалось, потому что слишком сильно противоречило достаточно утвердившимся уже взглядам героя.

Из Москвы приезжает Пьер. Ни перед кем князь Андрей не мог так откровенно высказывать волновавшие его думы. Беседами двух друзей Толстой очень дорожил, в них выражались задушевные мысли самого автора. И теперь встреча с Пьером дала князю Андрею возможность выразить свои изменившиеся после 1805 года взгляды на войну, военную историю, славу. Он говорил также о «неизменных» законах, по которым «все делается», и о ничтожности высших сфер армии, где думают, что «решают судьбы России». Как ни перерабатывался текст беседы Андрея с Пьером и в первой редакции романа и позднее — сущность рассуждений не менялась, неизменно совпадая с теоретическими положениями Толстого. Вывод, сделанный героем романа, оставался незыблемым. Князь Андрей сказал себе, что «война понятна и достойна только в рядах солдат без ожидания наград и славы». То же он повторил Пьеру: «Ежели бы что-нибудь зависело от распоряжений штабов, то я бы был там и делал бы распоряжения, а вместо того я имею честь служить здесь в полку вот с этими господами и считаю, что от нас действительно будет зависеть завтрашний день, а не от них». Высокое мнение князь Андрей высказывает и о «Тимохиных», которых не пытается больше называть «животными».

Под конец князь Андрей, устремив на Пьера «странно блестящие восторженные глаза», говорил об отличии нынешней войны от прежних войн. «Да, теперь война — это другое дело»,—сказал князь Андрей, убежденный в том, что все оскорбленные за свою родину люди готовы встать на ее защиту. «Нас не нужно посылать. Мы готовы резать. Мы оскорблены.— И он остановился, потому что губа его задрожала». Таким в первой редакции романа показан князь Андрей накануне Бородина и таким выведен в завершенном романе.

Не только война занимала Болконского накануне боя. Опять мелькали мысли о смерти, как перед сражениями в 1805 году. «Нет, я этого не хочу, я боюсь еще чего-то»,— так думал князь Андрей, и ему ясно

было, что он боялся смерти. Он вспоминал об отце, который «строил в Лысых Горах и думал, что это — его место, его земля, его воздух, его мужики, а пришел Наполеон и, не зная об его существовании, как щепку с дороги, толкнул и развалил его Лысые Горы и всю его жизнь». Князь Андрей думал о сестре и сыне. Более всего его мозг сверлила мысль о Наташе и ее измене. По первой редакции, князь Андрей злобно высмеивал свою веру «в какую-то идеальную любовь», которая, как он думал тогда, должна была сохранить верность Наташи на весь год. Теперь он понимал, что «все это гораздо проще. Она — самка, ей нужен муж, первый самец, который встретился и стал хорош для нее».

Раздраженные мысли о Наташе сменялись радостными. Он представлял себя «счастливым мужем» Наташи. И вновь поднимался в нем гнев против Анатоля, и возникало одно желание —«убить этого человека и видеть ее».

В завершенном романе Толстой четко определил направление мыслей, нахлынувших на князя Андрея накануне боя. «Три главные горя его жизни в особенности останавливали его внимание. Его любовь к женщине, смерть его отца и французское нашествие, захватившее половину России».

Почти дословно по предыдущему наброску повторились мысли об отце; в иной форме, но столь же определенно звучит страх смерти. Думы о Наташе освещены другим чувством. Нет больше злых мыслей, не называет князь Андрей столь любимую им раньше невесту самкой. Он вспоминает только лучшее в ней. «Я понимал ее,— думал князь Андрей.— Не только понимал, но эту-то душевную силу, эту искренность, эту открытость душевную, эту-то душу ее, которую как будто связывало тело, эту-то душу я и любил в ней... так сильно, так счастливо любил». Трогательные воспоминания прервались мыслью об Анатоле, который «ничего этого не видел» в ней и «не понимал», а «видел в ней хорошенькую и свеженькую девочку». Как только он подумал об этом, «как будто кто-нибудь обжег его».

Нет в новом варианте страстного желания убить соперника, и Наташа пробуждает в Андрее не злость, как было в первой редакции, а только грустные воспоминания, не порочащие, а украшающие образ погубившей свое счастье девушки.

Наутро произошло Бородинское сражение. В состоянии наивысшего духовного подъема, отразившегося и в беседе князя Андрея с Пьером, и в его блестящих восторженных глазах, показан князь Андрей в день боя. Пьер увидел своего друга в тот момент, когда выступил его полк. Болконский смотрел вперед «своими блестящими из бледножелтого лица и лучистыми глазами». Скача впереди своих солдат, он пронзительно крикнул: «Не отставать!» Он «задыхался от волнения и радо-

14 Заказ № 1368

сти, двигаясь вперед», он чувствовал себя «ожившим, счастливым, гордым и довольным теперь, когда чаще и чаще слышались свисты пуль и ядер, когда оглядывался на своих солдат, видел их веселые глаза, устремленные на него, и слышал удары снарядов, вырывавших его людей, и чувствовал, что эти звуки, эти крики только больше выпрямляют ему спину и выше поднимают голову и придают непонятную радость его движению».

Князь Андрей — в состоянии наивысшего душевного подъема, и в этот миг его тяжело ранят. Все последующее вплоть до сцены на перевязочном пункте без существенных переработок дошло от ранней редакции до завершенного текста.

Роль князя Андрея в плане общественном решена в первой редакции романа, которую мы только что рассмотрели. Далее Толстой работает над темой личной жизни героя. Как намечено в предварительных конспектах, раненый князь Андрей случайно вместе с другими ранеными попадает в дом Ростовых и вместе с ними выезжает из Москвы. На первой остановке на постоялом дворе происходит встреча с Наташей.

Долго не удавалось найти правдивое завершение личной жизни трех центральных героев, связанных между собой почти с первых строк романа. По конспектам и ранней редакции — князь Андрей случайно узнает, что Пьер любит Наташу. Он «уступает» ее другу и, излечившись после ранения в Бородине, возвращается в армию. Вновь он появляется в эпилоге: именно он выступает будущим декабристом в споре с Николаем Ростовым, а не Пьер.

Так оставалось в рукописях надолго, пока Толстой, готовя к печати том за томом, вновь не подошел к развязке. Автор вторично прожил вместе со своими героями их жизнь с 1805 года до 1812 года. Логика развития характеров разрушила задуманную вначале развязку.

Из всего романа с первых почти строк ясно, как нежно Пьер любил Наташу, скрывая от всех и прежде всего от себя свою любовь. Он был предан своему другу князю Андрею и преклонялся перед ним. Как ни тяжело это было ему, Пьер бережно охранял любовь князя Андрея и Наташи, с каждым перестрадал их разрыв. Как же мог бы Пьер после примирения Андрея с невестой в столь необычных условиях принять такую жертву? Отвечает ли такой финал образу князя Андрея? Тем не менее жизнь Пьера и Наташи должна соединиться. (Таков был замысел автора с первых дней работы над романом, и за семь лет он ни разу не поколебался.) Неизбежно было искать такую развязку, при которой их соединит не искусственное решение вопроса, а естественный ход событий. Князь Андрей должен умереть.

Трудно представить какую-то иную развязку, чем та, какую подсказали Толстому его герои. Когда уяснилось новое завершение судеб героев, пришлось заново писать о последнем этапе жизни князя Андрея после Бородина.

Свидание его с Наташей в Мытищах входило в первую редакцию, где подробно рассказано о переживаниях Наташи и очень скупо о князе Андрее. Когда Наташа «неслышными босыми шагами подошла к нему», он услыхал, «тяжело открыл глаза и вдруг радостно детски улыбнулся». Когда Наташа «нежно прильнула» к его руке, он «делал движения пальцами», и Наташа поняла, что он хотел видеть ее лицо. Когда она «подняла свое изуродованное всхлипываниями мокрое лицо», князь Андрей «все так же радостно улыбался». На вопрос Наташи, может ли он простить ее, он тихо сказал: «Все, все». Таков первый вариант сцены. Он долго оставался без перемен. Более полутора лет прошло после окончания первой редакции романа. Только теперь появился второй и последний вариант волнующей сцены свидания в Мытищах. Она вписана в наборную рукопись пятого тома перед самой отправкой его в типографию и набиралась непосредственно с автографа. Лишь единичные поправки внесены в корректуру.

В новом варианте подробно рассказано о физических страданиях князя Андрея, но более всего о состоянии его души, которой овладели мысли о том «новом счастье» вечной любви, которое «имело что-то такое общее с евангелием». В ту именно минуту, когда он думал об этом «счастье любви», он услыхал «какой-то тихий шепчущий голос, неумолкаемо в такт твердивший: И пити-пити-пити», и увидал белую статую сфинкса у двери. Бред и действительность слились. Князь Андрей потерял сознание. Когда он очнулся, «Наташа, та самая живая Наташа, которую из всех людей в мире ему более всего хотелось любить тою новою, чистою, божескою любовью, которая была теперь открыта ему, стояла перед ним на коленях». По новому варианту, князь Андрей не только «радостно улыбался», как было в первом наброске. На слова Наташи о прощении князь Андрей, «поднимая рукой ее лицо так, чтобы он мог глядеть в ее глаза», сказал: «Я люблю тебя больше, лучше, чем прежде». Князь Андрей не видел худого и бледного лица Наташи, которое было «более чем некрасиво, оно было страшно». Он видел только «сияющие глаза, которые были прекрасны».

Как свидание князя Андрея с Наташей в Мытищах, так и последние дни его жизни Толстой, видимо, настолько глубоко прочувствовал, пережил вместе с героем, смог так воссоздать их в художественной форме, что почти без поправок первый вариант дошел до печати.

Всей жизнью и, главное, складом ума князь Андрей подготовлен к философскому восприятию смерти. Тема смерти — одна из самых волнующих в творчестве Толстого, и с глубочайшим проникновением изобразил он смерть князя Андрея. Умиранию князя Андрея посвя-

щены две главы. Первая — встреча с сестрой и семилетним сыном Николушкой, приехавшими к нему в *Ярославль*. Скупо даны внешние черты князя Андрея. «Он лежал на диване, обложенный подушками, в меховом беличьем халате. Он был худ и бледен. Одна худая, прозрачно белая рука его держала платок, другою он тихими движениями пальцев трогал тонкие отросшие усы. Глаза его смотрели на входивших». Вот все, что сказано об его внешности. На протяжении всего романа при каждой зарисовке князя Андрея на первое место выступали глаза, улыбка, звук голоса. Эти же черты вошли в последний рассказ о нем.

Войдя в комнату, княжна Марья оробела, встретив его холодный взгляд. В этом «глубоком, не из себя, но в себя смотревшем взгляде, была почти враждебность, когда он медленно оглянул сестру и Наташу».

В первом варианте ничего не сказано о голосе князя Андрея. «Здравствуй, Мари, как это ты добралась? — сказал он». Так было первоначально. В следующей рукописи добавлено, что эти слова он сказал «голосом таким же ровным и чуждым, *каким был его взгляд*». Наконец, в корректуре добавлено сравнение, усиливающее отрешенность князя Андрея: «Ежели бы он завизжал отчаянным криком, то этот крик менее бы ужаснул княжну Марью, чем звук его голоса». Так вошло в печатный текст. О сыне он спросил «с усилием воспоминания»; в корректуре добавлено: спросил «так же ровно и медленно и с усилием воспоминания». Разговор князя Андрея с сестрой был «холодный, несвязный и прерывался беспрестанно». Короткие, отрывистые фразы, которыми написана вся сцена встречи, усиливали впечатление холодности. Князь Андрей «чуть заметно улыбнулся в первый раз», когда княжна Марья спросила, хочет ли он видеть Николушку. Княжна Марья, так знавшая его лицо, «с ужасом поняла», что это была «улыбка не радости, не нежности к сыну, но тихой кроткой насмешки» над тем, что его пытались этим средством привести в чувства. Князь Андрей поцеловал сына, но не знал, что говорить с ним. Когда княжна Марья заплакала, князь Андрей, глядя «тем же холодным взглядом», сказал ей: «Не надо плакать здесь».

В каждой черте, вносимой в образ умирающего князя Андрея,— в его словах, тоне, *холодном, почти враждебном взгляде* —«чувствовалась страшная для живого человека отчужденность от всего мирского». Автор разъясняет, что Андрей «с трудом понимал теперь все живое» не потому, что он был «лишен силы понимания, но потому, что он понимал что-то другое», чего «не могли понять живые и что поглощало его всего».

Анализ душевного состояния князя Андрея составил вторую главу. В ней нет ни одной внешней черты, отвлекающей от внутренней сосредоточенности больного, о чем говорил его «в себя смотревший взгляд».

Среди сильных чувств, которые выказывались в жизни князя Андрея, были страх смерти и любовь к Наташе. Эти два чувства вошли в повествование о конце жизни героя. Перед его сознанием проходили все важные этапы его духовного бытия. Он вспоминал «страшное мучительное *чувство страха смерти, конца*», которое испытывал после аустерлицкого и бородинского ранения. Он вспоминал, как, очнувшись после раны в Бородине, он «вдумывался» в новое открывшееся ему «начало вечной *любви» и как, сам не сознавая того*, «отрекался от земной жизни».

Любовь к Наташе возродила его после тяжелых потрясений Аустерлица и смерти жены. Чувство отрешения от всего земного после бородинского ранения нарушила опять Наташа ночью в *Мытищах*. Когда в полубреду он увидел Наташу и, «прижав к своим губам ее руку, заплакал тихими, радостными слезами», вместо «чувства вечной любви» в его сердце «незаметно закралась» любовь к одной женщине и «опять привязала его к жизни».

В *памяти князя Андрея проходили последние дни*, которые Наташа неотлучно проводила возле него. Мысли о Наташе, о любви к ней вызвали в нем неожиданное сознание того, что он еще дорожил жизнью, которая представлялась ему в любви к Наташе. В последнем коротком разговоре с ней он признался, что слишком любит ее, «больше всего на свете», и поцеловал ей руку. Когда Наташа взглянула на князя Андрея, она увидела, что «глаза его светились ей навстречу». Это было последним «земным» переживанием князя Андрея. Затем произошло то, что Наташа называла «это случилось с ним». Рассказан сон, который он видел, и его мысли «о жизни и смерти, и больше о смерти». Это была, пишет Толстой, «та последняя нравственная борьба между жизнью и смертью, в которой смерть одержала победу. С этого дня началось для князя Андрея «вместе с пробуждением от сна — пробуждение от жизни», пишет Толстой. «Последние дни и часы его прошли обыкновенно и просто».

Толстой придал смерти князя Андрея тот характер, который, по его убеждению, подобает «этому высочайшему моменту в жизни»— религиозно-философское проникновение в таинство смерти.

Проникнутую гражданской страстностью жизнь князя *Андрея продолжит его сын*. Стремлением Николушки Болконского сделать в своей жизни «то, чем бы даже он», отец, «был доволен», заканчивается роман.

НАТАША была любимицей Толстого. Это самый поэтичный образ романа. *Наташа прошла через всю жизнь князя* Андрея и Пьера. Так было задумано и так осуществлено. Когда еще не было князя Андрея, а его роль частично должен был выполнять молодой граф Борис Зубцов, тогда уже наметилась линия «Борис — Наталья». Место будущего Пьера занимали в первых набросках неясные еще персонажи Петр или Аркадий, лишь некоторыми чертами схожие с Пьером, но уже появились у автора мысли о дружбе Петра и Бориса, т. е. Пьера и князя Андрея, и о любви Петра к той же Наташе. Еще не было озаглавлено произведение, не было имен действующих лиц, только имя Наташи закрепилось сразу, но определилась центральная сюжетная линия романического действия: князь Андрей — Наташа — Пьер. Эти герои решают в романе семейную проблему, которая поставлена в «Войне и мире» в сцеплении с большими общественными историческими проблемами.

Основные черты характера Наташи и ее роль как центральной фигуры с самого начала уяснились автору вполне. «Наталья грациозный поэтический бесенок»— это первое, что было записано о ней. Создан тогда же эскиз будущей Наташи и канва ее жизни: она «верит в себя», «капризна», «честолюбива», ей «все удается», «всех тормошит и всеми любима».

Предусмотрены в раннем наброске такие черты Наташи, как быстрая смена настроения («вдруг грустна, вдруг безумно радостна»), ее влюбчивость и ясно выраженная потребность семьи: «Просит мужа, а то двух, ей нужно детей и любовь и постель».

Наташа — натура музыкально одаренная, она «понимает и до безумия чувствует музыку». В этой же рукописи предусмотрены характерные эпизоды жизни девочки Наташи: сцена с куклой, детская влюбленность в Бориса, дружба с Соней. Есть намек на замысел показать

Наташа Ростова. Рисунок из альбома К. И. Рудакова. Публикуется впервые.

Наташу на бале. История с Анатолием Курагиным задумана более прямолинейной: «Деревня, ⟨Анатоль⟩ Михаил, влюбление, падение». Канва жизни Наташи заканчивается свадьбой.

Как ни ясен был Толстому характер Наташи и роль ее в романе, работа над образом была большая.

Дважды промелькнула Наташа в ранних набросках начала, и всякий раз Толстой заботился об ее портрете. Она «некрасивая (брюнетка), но красная с пупурщиками здоровая девочка лет двенадцати, с голыми руками и шеей». Такой впервые изображена Наташа, младшая дочь графа Простого, за именинным обедом. Она «принесла с собой куклу, но без носа, называемую Мими, и тайно от всех под столом кормила ее», вызывая этим оживление и смех детей, сидевших вместе с нею. (Это находим в пятом варианте начала романа.) В следующем, шестом наброске Наташа впервые появляется в гостиной, куда она вбегает вместе с другими детьми. (Так сохранилось в завершенном романе.) При зарисовке всех пятерых детей внимание автора задерживается на тринадцатилетней девочке в белом кисейном платьице. У нее длинные черные локоны, падающие на голые полудетские плечи; она «вовсе не была хороша», предупреждает автор и затем подробно вырисовывает неправильные черты ее лица: «глаза узки, лоб мал, нос хорош, но нижняя часть лица, подбородок и рот так велики, и губы так несоразмерно толсты, что, рассмотрев ее, нельзя было понять, почему она так нравится». Толстой любовно описывает эту «легкую, тоненькую, грациозную, как козочка», девочку, старается передать необычность ее голоса, который «столько же, сколько и вся ее наружность», поражал «своей прелестью, гибкостью, богатством, разнообразием выражения и в особенности силою».

Голос Наташи и ее музыкальность были определены с первых же набросков, но слишком преждевременна такая разносторонняя характеристика голоса маленькой девочки. Толстой заменил ее одним лишь упоминанием о том, что «голос девочки был поразительно гибок и изменчив, как и вся ее наружность». Все, что делала эта девочка, «казалось, так и должно было быть и было кстати». В короткой пока сцене успела проявиться и свойственная Наташе искренняя непосредственность. Она почувствовала притворство гостьи, заговорившей с ней о кукле. Это не понравилось Наташе, и она ответила «резко, смело и таким тоном, который не позволял возражений». Осудила она и то, что Борис Друбецкой в гостиной «говорит, как большой», ей «стало скучно в этом обществе», и она придумала предлог, чтобы убежать. Словом, это уже знакомая по роману девочка Наташа. И так же, как в законченном романе, в черновых набросках с первых строк Наташа выделена из группы детей в доме Ростовых, или, точнее, находится в центре этой группы.

В тот же день именин Наташа показана еще несколько раз, благодаря чему с разных сторон освещен образ этой «черноглазой, с большим ртом, некрасивой, но живой» девочки, «не привыкшей к гостиной». В сцене первого поцелуя с Борисом Друбецким сказалась наташина эмоциональность. Сцена служит завязкой отношений Наташи с Борисом. Затем Наташа появляется за именинным обеденным столом; шаловливая девочка заражала своей веселостью детей и привлекала внимание взрослых. Любуется ею и Пьер. Здесь возникает завязка романической канвы Наташи и Пьера. По первому наброску, Наташа «заметила тотчас впечатление, произведенное ею на Пьера, и весело улыбнулась ему и даже кивнула ему слегка головой, или тряхнула кудрями, глядя на него». Немая сцена между ними заключена авторским выводом: «Пьер слова еще не сказал с Наташей, но одною этою взаимной улыбкой они уже сказали себе, что нравятся друг другу». После обеда во время танцев Наташа «помирала со смеху каждый раз, как она взглядывала на Пьера, танцевавшего экосез и путавшего фигуры.— Какой он смешной и какой славный! — сказала она сначала Борису, а потом прямо в глаза заговорила самому Пьеру, наивно снизу глядя на него».

Так дошло до журнальной публикации. Позднее, готовя журнальный текст первой части для отдельного издания романа, автор ослабил то впечатление, которое сразу произвели друг на друга оба персонажа. Если для юноши Пьера оно могло быть естественным, то для девочки такое с первой минуты осознанное чувство неоправданно. По новому варианту, Наташа, сидевшая за обедом против Пьера, «глядела на Бориса, как глядят девочки тринадцати лет на мальчика, с которым они только что поцеловались. Этот самый взгляд иногда обращался на Пьера, и ему под взглядом этой смешной оживленной девочки хотелось смеяться самому, не зная почему».

Нет пока и намека на то впечатление, какое Пьер произвел на Наташу. Только после обеда Наташа в детской сказала Соне: «А знаешь, этот толстый Пьер, что против меня сидел, такой смешной!» По-детски выраженное впечатление звучит правдиво для Наташи, по-своему приметившей Пьера. Изменилась и сцена между Пьером и Наташей во время танцев. Наташа не говорит больше Пьеру о том, что он «смешной» и «славный»; она, «смеясь глазами и краснея», приглашает его танцевать; она «совершенно счастлива» оттого, что «танцовала с большим, с приехавшим из-за границы».

Так создавалась в работе над первой частью предпосылка для будущих отношений Наташи и Пьера.

При каждом новом появлении Наташи в романе показывается, как постепенно эта непосредственная эмоциональная девочка выросла во взрослую девушку. Сохраняются свойственные ей черты,

особенно детская, а затем девичья склонность Наташи быстро влюбляться.

Показывая ту же девочку Наташу два месяца спустя после ее именин, когда получено известие о ранении Николая Ростова, Толстой отметил важную для нее способность «чувствовать оттенки интонаций, взглядов и выражений лиц», которою она изо всего семейства более всех была одарена. Письмо брата вызвало в детской разговор об отношениях Сони с Николаем и Наташи с Борисом. Слушая признания Сони, Наташа чувствовала, что действительно «была такая любовь, про которую говорила Соня; но Наташа ничего похожего еще не испытывала. Она верила, что это могло быть, но не понимала».

Эти слова оттеняют ее чисто детскую влюбчивость. Наташа рассказывает Соне, что учитель пения «мил», «такая прелесть», что она влюблена «теперь в Фецони, а прежде в Pierr'a, а еще прежде в Бориса», и добавила: «А теперь Фецони, и люблю его, и люблю и выйду за него замуж и сама буду певицей». Так в первой редакции. В окончательной — Петя заявляет, что Наташе стыдно писать Борису, потому что она влюблена в Пьера и в учителя пения. И в сумбурном детском лепете (в первой редакции и в законченном романе), хотя глухо, но звучит тема Пьера.

Любовь неосознанно тревожит маленькую Наташу. Когда приезжает в отпуск из армии Николай, она ведет с ним «важный разговор»: как Соня верна в любви, вот она, Наташа, «не такая», она «гадкая на этот счет», она совсем не Бориса любила, «то было детское», а любит Безухова. «Он женат и все, но это так, он у меня запасный. Я и в другого влюблюсь и все, а он все у меня запасный».

Такое признание Наташи в сущности неоправданно, даже если принять его как ничего не значащие слова эмоциональной девочки. Ведь с того дня, как Наташа видела Пьера, прошло около года, остается неизвестно, бывал ли Пьер у Ростовых. Да и выражение «он у меня запасный» звучит искусственно в устах девочки. Видно, тема Пьера и Наташи настолько занимала автора, что напоминания о ней прорывались на раннем этапе работы в тех даже случаях, когда логически не вытекали из хода действия.

В том же наброске затронуты отношения Наташи с Денисовым, гостившим у Ростовых. Своей «простой и задушевной манерой обращения» Денисов «обворожил» всех в доме Ростовых и особенно Наташу, «которой он восхищался». Наташа «прыгала, задирала его и пела ему чувствительные романсы, до которых он был большой охотник». Так было первоначально. Тотчас же набросок был заменен другим, возбуждение Наташи показано иначе. Она «сияла от радости, всячески вызывала его на похвалы себе и забавляла отца и пугала мать своей страшною

способностью и склонностью к кокетству». Наконец, появился еще набросок; в нем выразительнее зазвучала осознанная влюбленность Наташи в Денисова, который «с первого дня поставил себя к ней в шуточные отношения влюбленного». Наташа «тотчас же разобрала под этими шуточными отношениями и то, что Денисов счастлив бы был, ежели бы они были нешуточные». Наташа, глядя на него, «сияла одушевлением и радостью». Мать, наблюдавшая за дочерью, «со страхом видела, как эта четырнадцатилетняя девочка была совсем женщина, как действовали на нее, возбуждая, лесть и похвалы и как в присутствии Денисова она делалась нешуточно возбужденною и привлекательною».

На следующем этапе работы над этой главой были исключены упоминание о влюбленности Наташи в Пьера и много раз исправлявшийся набросок о Денисове. Наташа сообщает брату, что никогда ни за кого не пойдет замуж, а станет танцовщицей. Так в печатном тексте.

Откинутый эпизод с Денисовым войдет в дальнейшие главы, когда будет создаваться пространный рассказ о «какой-то особенной атмосфере любовности» в доме Ростовых в зиму 1806 года. Николай привлек в дом родителей много молодых людей, в том числе Долохова. У Ростовых остановился приехавший в Москву Денисов. В это же время Долохов делает предложение Соне и получает отказ. Представилась возможность показать повышенное чутье Наташи к людям: Долохов нравился в доме всем, кроме Наташи. «За Долохова она чуть не поссорилась с братом. Она настаивала на том, что он злой человек, что в дуэли с Безуховым Pierre прав, а Долохов виноват»; она кричала, что Долохов «злой и без чувств». Дальнейшее поведение Долохова с Соней и затем его карточная игра с Николаем подтвердили интуицию Наташи. Тогда же по поводу Долохова Наташа говорила: «Вот ведь я же люблю твоего Денисова, он и кутила и все, а я все-таки его люблю, стало быть я понимаю».

Менялась обстановка, и прозвучало совсем иначе отношение Наташи к Денисову. Сначала Наташа изображена на детском танцевальном вечере у Иогеля. С той минуты, как она вошла на бал, она «сделалась» влюблена, но влюблена «во всех, в того, на кого она смотрела в ту минуту, она в того и была влюблена». Затем идет с первого же наброска удавшаяся Толстому сцена мазурки Денисова с Наташей. Когда Денисов, «бойко закружив даму перед ее местом, щелкнул шпорой, кланяясь перед ней, Наташа даже не присела ему. Она, с недоумением уставив на него глаза, улыбалась, как будто не узнавая его.— Что же это такое? — проговорила она».

Так же возбужденно весела Наташа в этот вечер дома. Николай, вернувшийся после проигрыша Долохову сорока двух тысяч, застал оживленную сцену: Денисов пел сочиненную для Наташи «Волшебницу».

Пел он «страстным голосом, блестя на испуганную и счастливую Наташу своими агатовыми черными глазами». Затем пела Наташа. Ее голос и занятия пением раньше неоднократно упоминались, теперь же впервые показана впечатляющая сила ее пения. Когда Наташа «взяла первую ноту, горло ее расширилось, грудь выпрямилась, глаза приняли серьезное выражение». Уж она не думала ни о ком, ни о чем в эту минуту, и раздавшиеся из ее уст звуки были те, которые «выворачивали все неземное, что есть в душе» и заставляли «содрогаться и плакать»; ее пение потрясло угнетенного Николая. Толстой добавил в конце, что Наташа «в эту зиму в первый раз начала серьезно петь и в особенности оттого, что Денисов восторгался ее пением».

Отдельными, разбросанными по тексту штрихами показаны складывавшиеся отношения Наташи и Денисова. Затем — заключительная сцена: взволнованная Наташа прибежала к матери. Денисов сделал ей предложение. Что ей делать? Графиня возмущена тем, что «осмелились смотреть, как на большую, на ее маленькую Наташу». И эта сцена, и отказ Наташи, а затем графини Денисову были написаны без больших поисков и переработок.

Постепенно нанизывая отдельные, иногда вскользь брошенные черты, показывая, как Наташа воспринимает людей, Толстой рисует образ формировавшейся девушки. Наметив, как может пойти ее внутреннее развитие, Толстой подвел, наконец, к завязке романической линии, к первой встрече Наташи с князем Андреем.

Начались поиски тех условий, при которых жизнь могла бы столкнуть героев. По первому варианту, князь Андрей приезжает по поручению отца к графу Ростову в Отрадное. Там он вдруг, стоя на балконе, увидал впервые после Аустерлица «высокое бесконечное небо» и одновременно услыхал какой-то шум, «похожий на звук влетевшей в комнату и бившейся в окно птицы». В этой фразе скрыт символ будущего, и в то же время она совершенно проста и естественна в обычной жизни. До князя Андрея долетел «отчаянный и веселый» голос: «Отворите, я защепилася! Мама! Я защепилася,— кричал, смеясь и плача, как показалось князю Андрею, какой-то мальчик, стоявший на окне». Увидав чужого, этот мальчик, «встряхнув черными кудрями, покраснел, закрыл лицо руками и соскочил с окна». Таково первое впечатление князя Андрея. Затем автор, так же как и князь Андрей, любуясь своей героиней, объяснил, что Наташа пришла показаться в мужском костюме перед репетицией домашнего спектакля, но зацепилась за задвижку, выдумала слово «защепилась» и, «как птичка, затрепыхалась в окне».

Обратив на Наташу внимание князя Андрея, Толстой начал рисовать портрет уже пятнадцатилетней девушки, которая, «к удивлению

всех, необычайно похорошела в это лето». На Наташе были «лосиные панталоны, гусарские сапожки и открытая на груди серебром шитая бархатная курточка. Тонкая, грациозная, с длинными до плеч завитыми локонами, румяная, испуганная и самодовольная»— такой показывает автор Наташу Ростову в первых набросках этих глав. Увидав гостя, она вдруг «застыдилась, закрыла лицо руками и убежала». Вечером она не сразу вышла к ужину, говоря, что ей стыдно, и даже «вдруг заплакала», когда мать пришла за ней. Таков отклик Наташи на первую встречу с князем Андреем.

Второй раз появляется Наташа за ужином. Облик ее иной. Она «в женском платье, которое на ней было уже длинное, как у больших, но в той же прическе... Она была стройна, выше среднего роста. Как из ее некрасивых черт лица могла сделаться эта прелестная физиономия, невозможно было понять, но лицо ее было прекрасно. Можно было сказать, что слишком толсты губы и слишком длинен, неправилен подбородок, но, как она говорила, слушала и вообще оживлялась, все лицо ее собиралось в комочек, в одну блестящую и все освещающую точку». (Образный штрих для лица Наташи представился художнику еще до того, как он стал рисовать ее портрет. Среди конспективных записей есть такая: «В комочек собранное выражение Наташи».)

Толстой все же остался недоволен только что созданным прелестным портретом и начал рисовать другой. Наташа «стройна и уже роста взрослой невысокой женщины»,— отметил он. Заявив, что она была «и хороша и не хороша», Толстой начал вырисовывать черты лица. Сохранились от первого наброска «слишком толстые» губы, «слишком длинный» подбородок, добавлено, что он почти сливался «с мощной и слишком сильной по нежности плеч и груди шеей». Верхняя часть лица: «лоб, брови, глаза — были тонки, сухи и необыкновенно красивы». Прежнее определение лица Наташи как «комочка», «блестящей и все освещающей точки» раскрыто теперь: «Недостатки ее лица можно бы было разобрать только на ее портрете или бюсте, в живой же Наташе нельзя было разобрать этого, потому что, как скоро лицо ее оживлялось, строгая красота верхней части сливалась в одно с несколько чувственным и животным выражением нижней части в одну блестящую, вечно изменяющуюся прелесть». Толстой добавил, что Наташа «всегда была оживлена, даже когда она молчала и слушала или думала», и от этого постоянного оживления ее лицо было всегда прелестным.

После первой мимолетной встречи днем на балконе князь Андрей не понравился Наташе, «даже больше, чем не понравился»,— с отвращением сказала она Соне, пришедши совещаться с нею об новом лице: «желтый, сухой, гадость». Итак, завязка началась как будто с внутреннего отпора. В тот же день за ужином Наташа уже «внимательными

любопытно строгими глазами вглядывалась в новое лицо». Толстой колебался, каким же должен теперь показаться князь Андрей чуткой к людям Наташе, закрепить ли первое отрицательное впечатление. Сначала он дал противоположное: вечером Наташа, «к удивлению своей подруги, объявила ей, что этот князь Болконский такая прелесть, что она не только не видала подобного, но и вообразить не могла». Восторженный отзыв немедленно заменился опять отрицательным. «— Нет, не нравится, не нравится мне,— говорила вечером Наташа про князя Андрея.— Что-то гордое, сухое». И, наконец, в третий раз в той же рукописи Толстой возвращается к прежней, хотя не восторженной, но положительной оценке, и не Соне, а матери Наташа признается: «Да, этот в моем вкусе,— говорила Наташа.— У тебя губа не дура,— говорила графиня».

Позднее встреча в Отрадном произойдет совсем по-иному. Пока же Толстой считал ее законченной. После Отрадного Наташа вступает в действие зимою следующего года в Петербурге. Там она должна, по замыслу автора, так же неожиданно встретиться с князем Андреем. Как дать эту встречу, писатель опять не может сразу решить. По первому наброску, князь Андрей вместе с Пьером приходит к Ростовым в день свадьбы их старшей дочери. Многое лишь конспективно изложено, и несколько неожиданно прозвучало начало новой сцены: «В этот вечер, когда приехал Андрей с Pierr'ом, все обожатели Наташи были налицо: Борис, Андрей, Pierre, Денисов, и Наташа была на себя не похожа от радостного волнения; она вся дрожала и радостно светилась. Она была теперь вполне прелестная собой девушка, в полной силе красоты и молодости».

Толстой не задерживался на описании свадебного вечера Бергов и лишь схематично наметил его. Главное было найти, как развиваются отношения Наташи с князем Андреем, и определить роль Пьера, друга обоих. Выбрана такая канва: Пьер и Болконский приехали в то время, когда Наташа «одна в бальном платье ходила, постукивая каблучками, по зале с веером в руках (она была рада, что она как большая) и напевала». Намечено состояние девушки: при встрече с Пьером Наташа «весело улыбнулась», но, увидав князя Андрея, она «задрожала ясно от радости, но как будто она испугалась. Она справилась». На свадебном бале Бергов «фокус всего света» был в Наташе. «Она была счастлива, кокетничала со всеми, но не выпускала из виду Андрея и перед одним им робела».

В приведенном конспективном наброске слишком активна Наташа, взбудораженная чем-то для нее непонятным. Она даже «потребовала» от Болконского вальса, и он, «пощелкивая шпорами», пошел. На вечере был Анатоль Курагин, Наташа и с ним кокетничала, но не обращая

на него внимания. Бориса она «заставила пожалеть», что они разошлись. Бергу она «велела подать себе опахало».

Конспект раскрывает авторский замысел: показать во всей силе возбужденность и оживление Наташи, придавшие ей особую прелесть. Однако не все в конспекте логически закончено. Главное, ничем не подготовлены отношения с князем Андреем. Ведь мимолетной встречи в Отрадном явно не достаточно. Это автор исправит позднее. Дальнейшие же отношения Наташи с князем Андреем приближаются к завершенному тексту.

Зная окончательный текст, можно понять из намеченного плана, насколько ясно еще на раннем этапе работы представлял писатель все будущее романа Наташи с Болконским. В плане отражена отсрочка предложения, просьба князя Андрея к Наташе считать себя свободной, если она полюбит кого-нибудь другого. Вошел в схему выкрик Наташи: «Дайте мне мужа», так памятный всем по законченному произведению.

Тем не менее, несмотря на полную определенность замысла, не было возможности развить его, ничем еще не были подготовлены определившиеся отношения. Да и Наташа при второй встрече с князем Андреем изображена слишком светски свободной, чем снижено ее обаяние. Таковы два главных просчета этого варианта. Толстой не мог не почувствовать их и стал заново создавать сцену встречи в Петербурге, по-прежнему приурочив ее ко дню свадьбы Веры Ростовой и Берга.

В новом наброске Наташа не развязна, но, как свойственно ей, оживлена и возбуждена. Услыхав о приезде Пьера и Болконского, она «счастливая, испуганная и гордая», едва удерживаясь от бега, вошла в гостиную, села и тотчас же вскочила, чтобы убежать в свою комнату и «защекотать и перецеловать от радости всех домашних, т. е. как-нибудь наружу излить свою радость». Другим членам семьи Ростовых льстил визит Болконского как «представителя высшего петербургского круга», но старый граф и Наташа «просто рады были ему, отрадненскому знакомому».

Толстой опять хочет объединить Пьера и Андрея возле Наташи. По тону, каким Наташа обратилась к Пьеру, князь Андрей увидал, что это был «только друг». Увидав князя Андрея, Наташа не «задрожала ясно от радости», будто испугавшись, как было в предыдущем наброске, а «испуганно покраснела».

На этом оборвался новый вариант. Не удавалась сцена встречи, которая должна стать решающей в жизни Наташи и князя Андрея. Может быть, так выходило отчасти по той причине, что недостаточно еще обрисована Наташа, к тому времени выросшая девушка. Толстой вернулся назад, к предшествующим событиям, чтобы глубже раскрыть

образ Наташи до ее появления в Петербурге, показать ее духовную жизнь. Рассказ о Ростовых в Отрадном создается заново.

Живя в деревне, Наташа «составила себе обо всем свое очень определенное и часто противное мнениям своих родных понятие»,— читаем в новой рукописи. Она утверждала, что в деревне гораздо веселее, чем в Москве. Летом она «устроила себе такую жизнь» с собиранием грибов, ягод, купаньем, прогулками верхом в любимые места, что «не притворяясь, говорила, что она чрезвычайно счастлива». Когда Наташа слышала толки «о скуке в деревне и о бедности, она еще более чувствовала себя счастливой в поле, в лесу, верхом, в воде или в лунную ночь *на своем окне*». У Наташи *сложилась «своя философия, как она называла ее»*: в деревне жить лучше, чем в Москве; они вовсе не бедные; не нужно им «столько учителей и музыкантов и два шута»; хорошо бы продать все лишнее и жить с двумя девушками в одном флигеле — «и как будет весело!» Чтобы не было долгов, она советовала отцу «жить так, чтобы проживать вдвое меньше».

Однажды Наташа, вернувшись с купанья, «повязанная платком, загорелая, веселая», увидела приехавшего чужого,— это был князь Андрей, и он помешал ей тотчас рассказать отцу «свою философию». Она не обратила на него никакого внимания. Вечером, когда князь Андрей уехал, Наташа пришла к отцу и «серьезно и внушительно» поведала ему свои думы. Несмотря на улыбки отца и шутки матери, несмотря на то, что отец — старик, а она девочка, Наташа «знала, что она говорит правду, и с этих пор стала думать, верить своим мыслям и обо всем иметь свои суждения».

Вскользь упомянутая мимолетная встреча Наташи с князем Андреем, никак не затронувшая ни ее, ни его, не могла, разумеется, удержаться в таком виде. Неудавшийся набросок определил, однако, ту обстановку, в которой встреча произойдет: князь Андрей увидит в первый раз Наташу именно такой — загорелой, веселой, бегущей в толпе деревенских девушек. Замысел осуществился в следующей рукописи: князь Андрей, подъезжая к отрадненскому дому Ростовых, «услыхал женский веселый крик и увидал бегущую наперерез его коляски толпу девушек в светлых платьях. Впереди других ближе подбегала к коляске, рассыпая грибы из подола, черноволосая и черноглазая, грациозная молодая девушка в желтом ситцевом платье, повязанная белым носовым платком.— Папа! — закричала эта девушка и тотчас же, узнав чужого и даже не приглядевшись к его лицу, с смехом побежала назад».

Нет ни слова о том впечатлении, какое произвела на Наташу встреча с «чужим», но сказано, что князя Андрея она сильно растревожила. В этой же рукописи впервые появилась поэтическая картина лунной ночи; она волнует своей прелестью юную Наташу, мечтавшую подхватить себя под коленки и полететь «туда». Князь Андрей, оставшись ночевать в Отрадном, тоже не мог заснуть в такую ночь. Распахнув окно, он невольно услышал разговор сидевших на окне второго этажа Сони и Наташи, тихое пение взволнованной девушки. Впечатление лунной отрадненской ночи повернуло на новый путь жизнь Болконского.

Наконец найдена долго не удававшаяся завязка. Поэтический образ девушки Наташи начерчен, и можно вернуться к тому, что было отложено,— к развитию событий в Петербурге. В том душевном строе, какой создался в деревне, Наташа приезжает в Петербург, где она рада была повеселиться. Толстой продолжает показывать Наташу и в Петербурге не похожей на остальных Ростовых. Она смотрела «на все дела семейные» своим «особенным манером». Да и не только в домашних делах, во всем она выделяется. Необычное впечатление она произведет и на придворном бале, где, по новому замыслу, она должна появиться. Толстой заботится о том, чтобы светские манеры Наташи были не пустым внешним лоском хорошо воспитанной барышни, а чем-то своим, ей одной свойственным. Традиционность должна сочетаться в Наташе с характерностью. Этого добивался Толстой, и не сразу удалось найти нужное решение.

По первоначальному наброску, в шестнадцатилетней Наташе с ее «философией», утверждающей радость деревенской жизни, сочеталось бывшее в ней «в высшей степени чутье на то, что называется comme il faut, и она, как муху в молоке, видела всякую мелочь, оскорблявшую ее чувства тщеславия и изящества». По понятию Наташи, все в доме родителей в Петербурге «было не так», и они не умели «сводить знакомства в высшем кругу». Сама же Наташа — так было *первоначально* — «с двух слов, с первого вида» отличала людей «по свету, к которому они принадлежали, и предпочитала высших». Ее отношение к людям зависело от этой принадлежности к «высшим». Пьера, который в Петербурге стал бывать у них, она «любила и как будто покровительствовала (такие у них установились отношения) за то, что он принадлежал к высшему кругу; по той же причине она презирала Берга, не совсем довольна была своим братом за его гусарские манеры». Она «давно отреклась» от Денисова, а к Борису была «ласкова, *хотя и холодна*». В список достойных людей включен князь Андрей, которого Наташа при первой же встрече «узнала за человека высшего света» и решила, что он «в ее вкусе», что она «влюблена в него по гроб, как это обыкновенно делают барышни»,— добавил Толстой.

Здесь впервые появился отклик Наташи на встречу с князем Андреем в Отрадном. «Любовь», которую, как сообщает автор, Наташа «выбрала», так как шестнадцатилетней девочке надо быть влюбленной, при-

15 Заказ № 1368

вела к тому, что «все лучшие девические мечты ее о любви» были всегда соединены у нее с князем Андреем.

Трудно связать две совершенно различные характеристики Наташи: в деревне с ее «философией» и в Петербурге с ее претензиями на comme il faut и стремлением к «высшему кругу». Невозможно угадать, почему создался разрыв. Может быть, предстоящая роль Наташи в высшем свете вызвала такие черты, но ясно, что подобного рода противоречие не могло удержаться. Изображение, упрощавшее внутренний облик Наташи, немедленно было заменено иным. Наташа, как и в предыдущем наброске, так же сразу «угадала» в Петербурге все те «мелкие приемы манер и туалета, которые составляют оттенок высшего общества» и «поражала своей безупречностью манер самого высшего и элегантного общества», но совсем другое отношение ее к людям. Нет и намека на стремление к высшему кругу. Напротив, «она казалась не от мира сего». И в то же время она «так смеялась, так весело кокетничала, что людям наблюдательным никогда бы и в голову не пришло сделать ей самой предложение».

Выступает чуткость этой девушки. Ею «сразу был оценен» Пьер, потому что он «умнее и проще всех других людей»; ее заинтересовало масонство, цель которого ей в общих чертах рассказал Пьер. Настойчиво повторяет Толстой особый оттенок в отношениях Пьера и Наташи. Позже замечание о том, что Пьер был ею «оценен», заменится другим, более теплым: Пьер был ей «особенно приятен».

Внешность Наташи в дни приезда в Петербург изображена теперь в сцене визита Бориса Друбецкого к Ростовым. Это дало возможность не просто нарисовать портрет сформировавшейся девушки, а показать глазами Бориса разительную перемену. Борис ждал встретить Наташу изменившейся, но, пока он не увидал ее, в его воображении был все тот «милый ему образ чернушки с блестящими из-под локон глазами, с красными губками и детски отчаянным смехом». Когда же вошла Наташа, «сияя больше чем ласковой улыбкой, во всей прелести своей только что развившейся шестнадцатилетней красоты», Борис, несмотря на весь свой такт, покраснел и замялся. Восприимчивая Наташа не могла, однако, не заметить «снисходительную учтивость» Бориса, к тому времени светского молодого человека, принятого в высшем свете. Она молча «исподлобья разгоревшимися оскорбленными глазами» наблюдала за ним.

По-разному решались в рукописях отношения Наташи с Борисом в это время, но во всех вариантах они заканчивались разрывом. И возле Наташи появлялся Пьер, который, по приглашению старого графа Ростова, стал бывать в петербургском доме Ростовых и сделался у них «домашним человеком».

В рукописях, начиная с самых ранних, отражена борьба писателя с самим собой, когда он искал правильный тон отношения Пьера к Наташе. Ясен замысел: рассказывая о жизни Наташи, все время вплетать нить, постепенно связывающую Наташу с Пьером. Так было в начале романа на именинах, затем в детской, когда было получено письмо от Николая Ростова после Шенграбенского сражения, потом в разговоре Наташи с приехавшим в 1806 году в отпуск братом и, наконец, в Петербурге, где дружеские отношения Наташи с Пьером закрепились. В рукописных вариантах этих глав тема Пьера и Наташи сильнее звучит, нежели в законченном произведении. Она как будто преследовала Толстого, и всякий раз, исправляя написанное, он исключал слишком явные напоминания о Пьере рядом с Наташей.

По одной из последних рукописей с сценами из жизни Ростовых в Петербурге, Наташа «смеялась над своим прежним чувством» к Пьеру. «Он был женат, стало быть для нее не мужчина, но он ей был особенно приятен», и в ее «горе об измене Бориса» он стал даже ее поверенным. В окончательном тексте нет таких упоминаний, а отношение Наташи к Пьеру промелькнуло только в одном из ночных разговоров Наташи с матерью. Когда речь шла о Борисе Друбецком, у Наташи возникло только ей одной понятное сравнение: Борис,— «он узкий такой, как часы столовые», он «узкий», «серый, светлый», а Пьер «синий, темно-синий с красным, и он четвероугольный.— Ты и с ним кокетничаешь,— смеясь, сказала графиня.— Нет, он франмасон, я узнала. Он славный, темно-синий с красным».

Даже в этом необычном сравнении звучит какое-то особое отношение Наташи к Пьеру, не связанное ни с ее влюбчивостью, ни с ее кокетством.

Предыстория решающей встречи Наташи с князем Андреем в Петербурге закончена. Прежде всего, сформировался характер девушки, при всей своей видимой ординарности отличавшейся от окружающих. Промелькнули детское увлечение Борисом Друбецким и едва уловимые пока отношения с Пьером. Предстояло первое серьезное событие в ее жизни — встреча с князем Андреем.

После долгих поисков автор остановился на такой завязке их романа: Наташа видела князя Андрея один раз, в Отрадном, и даже неизвестно, какое впечатление он произвел на нее. Местом второй, решающей встречи определился теперь придворный бал вместо свадебного вечера в доме Ростовых.

Наташа настолько близка Толстому, настолько живо он представлял ее себе, что без труда создал сцену «торопливых приготовлений одевания» у Ростовых, изобразил «лихорадочную тревогу и деятельность» Наташи, готовившейся к первому в ее жизни большому балу.

А вот показать Наташу в первые минуты на бале — это не сразу удалось. По первому наброску, она вполне владела собой, своими чувствами. Заметив произведенное ею впечатление («несколько голосов спросило про нее и смотрели на нее»), Наташа не показала вида, хотя так была взволнована, что «ничего не видела, не помнила»; «внутри ее все волновалось», но «на лице ее не видно было ни малейшего замешательства». Она «непоспешно оглядывалась вокруг, не выказывая любопытства». До начала танцев Наташа все наблюдала. Она «восторженно любовалась» Элен и «с грустью думала о своем ничтожестве в сравнении с этой красотой». Князь Андрей Болконский в полковничьем мундире поразил Наташу своей уверенностью и элегантностью.

Наташа очутилась в центре великосветской жизни. Предстоит ее роман с блестящим молодым князем, и у Толстого вновь возникла мысль выявить интерес героини к высшему кругу общества. «По отношениям, взглядам она определяла для себя, кто принадлежал к самому высшему, высшему и среднему обществу», и ее занимала мысль, какое место займут на бале они, Ростовы. Наташа причислила к высшему обществу четверых из стоявших близко к ней мужчин: Пьера, князя Андрея, секретаря французского посольства и еще кавалергарда необыкновенной красоты, вошедшего после других и с презрительным видом, заложивши руку за пуговицу мундира, ставшего почти в середине зала.

Промелькнуло намерение автора создать на бале одновременно с сюжетной линией князя Андрея предпосылку для трагического исхода. Для этого он заставил Наташу обратить внимание на Анатоля, а Анатоля — заметить Наташу. Она решила, что он был тоже «известность в своем роде», она «чувствовала, что он говорил про нее и смотрел на нее, и это тревожило ее». На какое-то время сохранялась эта подробность, Толстой даже начал уточнять ощущения Наташи: она чувствовала, что он «неуважительно говорил про нее». В конце концов отпал замысел начать одновременно две противоположные линии в жизни Наташи, и по окончательному тексту известно, что красавец Анатоль только взглянул на лицо Наташи «тем взглядом, каким глядят на стены».

Центральным эпизодом на бале должна быть встреча Наташи с князем Андреем, и ничто не должно отвлекать от нее. Поведение Наташи в первые минуты на бале тоже изменено. Исчезла неестественная для неискушенной в светском блеске девушки выдержка. Наташа теперь совершенно непосредственна. При входе в зал «гул голосов, шагов, приветствий оглушил Наташу; свет и блеск еще более ослепил ее». Только два человека бросились ей в глаза. Первый — Пьер. На его знакомое лицо она смотрела с радостью, она знала, что он отыскивал ее, он обещал «представить ей кавалеров». Вторым был Болконский.

Она узнала его, вспомнила об его приезде в Отрадное, и он показался ей «помолодевшим, повеселевшим, похорошевшим».

Действие подведено к кульминации: Наташа своей внешностью, на которой не было обычного светского отпечатка, должна привлечь внимание князя Андрея. Этот психологический штрих был очевиден Толстому. Уяснилось также то, что знакомство начнется с танцев. Из сцены танцевального вечера у Иогеля известно, что Наташа танцевала лучше всех, князь Андрей считался одним из «лучших танцоров в свое время, до войны». Поэтому так естественно столкнуть их во время танцев.

Яркий свет направлен автором на героиню в тот миг, когда она чувствовала, что остается «не взятой в танец и что положение это было оскорбительно и что, ежели так она останется весь бал, только занимая место, и даром пропадет ее туалет, которым так восхищалась няня, то она будет несчастлива». Эти почти детские тревоги Наташи отразились на всей ее фигурке. Она стояла, «опустив свои тоненькие руки с веером и с мерно поднимающеюся, чуть определенной грудью, сдерживая дыхание и блестящими, испуганными, агатовыми глазками глядя перед собой, как подстреленная птичка, с выражением готовности на величайшую радость и на величайшее горе». Такою нарисовал Толстой Наташу с первой же редакции и такою сохранил, освободив только от сравнения с подстреленной птичкой. Быть может, потому убрал Толстой этот образ, что он придавал виду Наташи больше безнадежности, нежели это было естественно для нее сейчас.

Не сразу определились подробности самой встречи. По первому варианту, Пьер указал князю Андрею на Наташу, но его друг еще раньше обратил внимание на незнакомую девушку. Он не узнал ее. Он понял только, что она на первом бале. Болконский подошел к ней вместе с Пьером и предложил тур вальса. Нет в этом наброске того непосредственного впечатления, которое Наташа должна произвести на Болконского, и так не могло остаться.

Появляется новый вариант: не Пьер подводит Болконского к Наташе, а Болконский сам подходит к Ростовым, «отыскивая даму для вальса. Отчаянное замирающее и милое лицо Наташи первое бросилось ему в глаза. Он тотчас узнал ее и подошел к графине, напоминая о себе». Казалось бы, найдено удачное решение — Наташа сразу задержала на себе внимание князя Андрея, но в наброске таился один недостаток: отпало участие Пьера, а его роль важна для дальнейшего; по замыслу автора Пьер, то выступая на передний план, то отходя в тень, все время будет сопутствовать отношениям князя Андрея и Наташи.

Толстой вслед создал иную композицию этой сцены, используя детали откинутого наброска. Теперь Пьер указал князю Андрею

Наташу и, когда тот вышел вперед «по направлению, которое ему указывал Пьер», ему бросилось в глаза «отчаянное замирающее» лицо Наташи; он не только узнал ее, как было в предыдущем варианте, но угадал ее чувство, понял, что она была начинающая, вспомнил ее разговор на окне и с веселым выражением лица подошел к графине Ростовой.

Толстой продолжал создавать галерею портретов Наташи. Он рисует ее теперь преображенной. После приглашения Болконского «замирающее выражение, готовое на отчаяние и на восторг, вдруг осветилось счастливой благодарной детской улыбкой». Эта девочка «с оголенными тоненькими плечиками, испуганная, счастливая и сдержанная», своей «просиявшей из слез улыбкой» как будто сказала: «Давно я ждала тебя». Из ее глаз лилось «восторженное сияние», в оголенных руках и шее была «детская невинная грация». Чтоб больше выделить Наташу на фоне бала, автор сравнивает ее с Элен, и не в пользу признанной красавицы. На Элен был уже «как будто лак всех тысяч взглядов, скользивших по ее телу, а Наташа казалась девочкой, которую в первый раз оголили и которой бы очень стыдно это было, ежели бы она не знала, что это всегда так надо». Эта главная черта (девственная чистота), которая должна захватить князя Андрея, найдена Толстым в первом же варианте. И до последней редакции этой сцены Наташа на бале являет собой девичью непосредственность. Она не размышляет, не вспоминает, она только сильно все чувствует и по-детски не скрывает переживаний. Поэтому-то и не могло удержаться даже упоминание о развратном Анатоле, взгляд которого как-то тревожил Наташу. Сейчас главное — не усложнение сюжета, а торжество чистоты Наташи и благородная роль князя Андрея.

До конца бала Наташа и князь Андрей остаются на переднем плане. Наташа была «счастлива, как никогда еще в жизни», и ей хотелось, чтобы «все были веселы и счастливы», все танцовавшие, и Пьер, и князь Андрей, и государь—«все были ей равны, все были прелесть».

Продолжая работать над этим отрывком, Толстой колебался, сделать ли явным закравшееся в девичью душу предпочтение князю Андрею перед всеми другими. Сначала он решил показать, что внимание Болконского к Наташе не осталось бесследным. Толстой вписал: «Как небрежен и даже иногда лениво дерзок был князь Андрей с дамами, особенно светскими, как Hélène, так осторожно нежно-деликатен и даже до робости почтителен он был с Наташей. Наташа ценила это и чувствовала себя влюбленной, как никогда, в князя Андрея».

Однако Толстого беспокоила мысль, что осознанная Наташей влюбленность слишком преждевременна, и он решил ослабить ее, дав более сдержанную формулировку чувствам Наташи: «На ее глаза.

бывшие на бале все, все были одинаково добрые, милые, прекрасные люди. Все были прелесть, но несравненно со всеми, превыше всех был один этот князь Андрей, который так неприступно горд был со всеми другими и так детски нежен и даже робок был с нею».

Не удержался и этот вариант, на что были свои причины. Не могла шестнадцатилетняя Наташа, взволнованная и возбужденная веселым балом, так быстро и так четко разобраться в своих чувствах. Зарождающиеся отношения князя Андрея и Наташи будут пока отражены только в переживаниях князя Андрея, а Наташа «ничего не заметила и не видала из того, что занимало всех на этом бале, ей было только весело». Пройдя через трехкратную правку, вернулось первоначальное определение: «все были ей равны и все были прелесть». И только потом, постепенно, по мере того как Болконский начинает бывать у Ростовых, развивается интерес Наташи к нему. В день первого визита Болконского Наташа была «необыкновенно хороша не только для князя Андрея, но и для всех», успех на бале и посещение князя Андрея делало ее счастливой, «все ей было ловко, все ясно, все просто» и так же, как на бале, «все добры и прекрасны».

В один из следующих визитов князя Андрея Наташа пела, «как и всегда, забывая себя и всех для своего пения». Опять штрих, показывающий ее отношение к князю Андрею: «Только что она кончила петь, она подбежала к нему мимо всех и спросила, как ему нравится». В ответ он улыбнулся, и «она улыбнулась тоже». Вот и все, что пока известно об отношении Наташи к Болконскому. В той же рукописи была создана сцена, в которой князь Андрей взволнованно рассказывает Пьеру о своей любви к Наташе. Толстой хотел усилить роль Пьера, нежно любившего Наташу, и заставил его передать Наташе признание князя Андрея: «Я знаю и желаю быть первым поздравить вас. Это мой лучший друг и лучший человек из всех, кого я знаю». Пьер говорил о том, что он рад, что его «лучший друг женщина» будет женою его «лучшего друга». Наташа, «вся красная, задыхаясь», хотела спросить «кто — он?», но не могла выговорить. Она, не дослушав рассказа Пьера об его разговоре с князем Андреем, «побежала к себе, села на кресло и закрыла лицо руками».

Оказалась ли неоправданной столь сильная реакция Наташи, поскольку до сих пор упоминались какие-то ей самой неясные ощущения; или слишком активна роль Пьера, ведь он тяжело переживал возникшие отношения его друга к Наташе,— трудно решить. Во всяком случае эпизод был немедленно исключен и в той же рукописи заменен известной по печатному тексту сценой в спальне матери, где Наташа впервые заговорила о князе Андрее. Ей казалось, что она влюбилась уже тогда, когда в первый раз увидела его в Отрадном.

Дальнейшее повествование о Наташе и Болконском первоначально развивалось так. После признания Пьеру в любви к Наташе князь Андрей «четыре дня не ездил к Ростовым и никуда, где бы он мог встретить их. Но на четвертый день он не выдержал, и, обманывая самого себя, в смутной надежде увидать Наташу, он вечером поехал к молодым Бергам». У Бергов Болконский не встретил Наташу, а Вера, как и все бывавшие у Ростовых, «заметила чувство князя Андрея к Наташе» и в разговоре с ним «остановилась на рассуждениях о свойствах сестры», рассказывала о «детской любви» Наташи к Борису. Вслед за тем князь Андрей приезжает к Ростовым и делает предложение Наташе.

Возник замысел несколько замедлить действие и до предложения ввести еще одну встречу Наташи с Андреем. Она произойдет в театре — так первоначально решил автор. Непосредственно после сцены в спальне матери вставлен был короткий рассказ о том, что после бала Наташа «оживлялась» только тогда, когда говорили о Болконском и «особенно когда по ночам она говорила об нем с матерью. Все это время Наташа была тиха, скучна и даже немиловидна. Она ходила по комнатам, праздная и унылая, тщетно ожидая его посещения». В театре, куда Ростовы поехали в следующее после бала воскресение, Наташа, «не слушая, не глядя, с потухшим взглядом сидела в ложе»; увидев в партере Болконского, она «встрепенулась». «Вдруг как бы фонарь вставили в нее, она вся насквозь осветилась радостным, счастливым блеском, покраснела и долго, тяжело переводила дыханье. Графиня задумчиво качала головой, глядя на нее». При разъезде Болконский подошел к ним и сказал, что Берг, «его товарищ по комитету, звал его к себе в середу вечером», и он надеется увидеть их там. «И середа вечером сделалась целью жизни для Наташи».

Законченный эпизод был незамедлительно исключен. Встреча в театре не вносила ничего нового в развитие отношений Наташи и князя Андрея. Кроме того, в театре, как было уже решено автором, должна разыграться история Наташи с Анатолем и, таким образом, дважды центральное действие происходило бы в театре. Неестественным было также и то, что князь Андрей бывал независимо от Наташи у Бергов, причем даже называл Берга своим «товарищем по комитету». Это не вязалось с образом князя Андрея. Тем не менее еще одну встречу Наташи с князем Андреем Толстому надо было устроить. С этой целью изменено описание вечера у Бергов: у них встречаются князь Андрей и Наташа. Пьер издали наблюдает за ними. Автор передает впечатление Пьера, одновременно рисуя портреты своих героев такими, какими воспринимал их Пьер.

В начале вечера у Бергов Наташа была «молчалива, печальна» и «не только не была так хороша, как она была на бале, но она была

бы дурна, ежели бы она не имела такой кроткий равнодушный ко всему и жалкий вид». Пьеру, глядевшему на нее, невольно пришло сравнение лица Наташи с «расписным красивым фонарем, в котором внутри был потушен огонь». Когда, немного спустя, Пьер опять взглянул на нее, он был удивлен происшедшей в ней переменой. Он увидел теперь Наташу, которая «подняв голову, разрумянившись и, видимо, стараясь удержать порывистое дыханье», смотрела на стоявшего перед нею князя Андрея. «И яркий свет какого-то внутреннего огня опять горел в ней. Она вся преобразилась. Она, очевидно, была счастлива, и еще более прекрасна, чем на бале».

Не в авторском рассказе, а в живом действии показаны закреплявшиеся отношения Наташи и Болконского. Перемена в лице Наташи, когда к ней подошел князь Андрей, подтверждала это. И теперь естественно говорить о том, как тревожно Наташа ожидает предложения.

Изменялся рассказ о развитии отношений князя Андрея и Наташи, и неизбежно перерабатывалась несколько раз сцена предложения. Первоначально, когда еще не было их встречи у Бергов, а Наташа от Пьера узнала о чувствах Болконского, совсем при иных условиях делает предложение князь Андрей. В первый день после ночного разговора с матерью, когда они решили, что Болконский должен сделать предложение, Наташа «ждала его со страхом». Последовательно раскрывает Толстой мысли Наташи: сначала ей «страшно было, что приедет этот князь Андрей, который один из всех мужчин более всех нравился ей, и сделает предложение». Он не приехал.

На следующий день Наташа «уже нетерпеливо и страстно ждала его и боялась, что он не приедет». Автор объясняет нетерпенье юной девушки: «Ежели бы она умела сознавать свои чувства,— пишет Толстой,— то она увидала бы, что нетерпение это проистекало не из любви, но из страха оказаться смешною и обманутою в глазах себя и матери и, ей казалось, всего света». Вечером, придя к матери, она расплакалась в ее постели слезами «обиженного, оскорбленного ребенка», говорила, что не хочет слушать того, что ей Безухов «наговорил», и она ему скажет, «чтобы он вперед не говорил» ей «таких глупостей». Потом она «рассердилась и объявила матери, что она вовсе не любит и никогда не любила князя Андрея и не пойдет за него теперь, пускай он как хочет будет просить ее». Однако ее ни на минуту не оставлял «мучительный неразрешимый» вопрос, будет ли еще просить ее «такой странный, такой непохожий на всех остальных» Болконский.

Стремясь перебороть себя, Наташа заявила матери, что она не хочет выходить замуж и что она теперь успокоилась. В тот день, когда она, решив вернуться к прежнему образу жизни, ходила по зале и пела,

любуясь собою и своим голосом (эта сцена с первой рукописи близка к завершенному тексту), приехал князь Андрей.

По первоначальному варианту, князь Андрей не намеревался делать в этот день предложение. В разговоре с Наташей он сказал, что ему необходимо уехать, и это обидело девушку. Когда он взглянул на нее, «серьезная страстность ее выражения испугала его как неожиданность». Он хотел не смотреть на нее, но «такое новое счастье любви обхватило его, что он не мог этого сделать».

Ведет сцену Наташа — она своей пробудившейся страстностью и непосредственностью подчиняет князя Андрея. Она стояла «так близко от него, так робко и преданно, с опущенными прямо руками и нежным взглядом, устремленным на него, как будто она говорила: «Что ж, возьми меня. Вот она, я». Но она не только не сказала этого. Она опять не дала ему выговорить того, что он хотел» и, простившись с ним, пошла из комнаты. Князь Андрей побежал за ней. Она повернулась и, не дав ему говорить, стала спрашивать, правда ли то, что ей рассказал Безухов. «Правда ли это? Мне надо это знать».— Наташа не смотрела на князя Андрея и чем больнее оскорблена была ее гордость, что она говорила это, тем более вид ее был гордый и презрительный». В эту минуту князь Андрей «не думал ничего о своих прежних решениях, не знал, что он говорит. Он чувствовал себя новым и счастливым.— «Да. Хотите вы быть моей женой?»— сказал он, подходя к ней еще ближе и взяв ее руку». Наташа ничего не могла отвечать на это. «Внутренняя работа, происшедшая в ней, измучила ее. Она громко вздохнула, другой раз, чаще и чаще и зарыдала».

После того, как князь Андрей, улыбаясь, спросил ее: «Да?», она сквозь слезы улыбнулась, «нагнулась над его головой, подумала секунду, как будто спрашивая себя, можно ли это, и поцеловала его».

Такова в первом наброске сцена предложения. Затем князь Андрей старался убедить Наташу, что отъезд его неизбежен, говорил, что хочет получить согласие отца, что поспешным решением не хочет связывать Наташу — она «молода», «страстна», он «стар», «вдовец», у него сын. Надо отсрочить свадьбу на полтора года, и за это время Наташа проверит свое чувство к нему; если она полюбит другого, она должна считать себя свободной. Было условлено, что разговор их останется тайной, и Наташа решила только матери рассказать обо всем.

И реакция Наташи, и переживания князя Андрея, и причины отсрочки свадьбы определились, и все-таки в той же рукописи сцена переделана. По-видимому, не в характере князя Андрея сделать такой серьезный шаг, заранее не обдумав его. Ведь только потому, что Пьер без

ведома князя Андрея сообщил Наташе о любви Болконского к ней, она с трепетным волнением ожидала его и, главное, прямо спросила его об его чувстве к ней, ссылаясь на Безухова.

В новом варианте исключено участие Пьера. Наташа хотя и взволнована, но ни о чем не спрашивает Болконского и не выражает обиды. По новому наброску, ведет сцену не Наташа, а князь Андрей; он приезжает уже с твердым намерением сделать предложение.

Реакция Наташи передана почти так же, как и в первом наброске. Князя Андрея так же, как и в первом, испугала «серьезная страстность ее выражения». Он сразу начал разговор:

«— Я приехал узнать о своей участи, которая зависит от вас.

Лицо Наташи просияло, но она ничего не сказала.

— Я приехал сказать вам, что я вас люблю и что мое счастье зависит от вас. Захотите ли вы соединить свою судьбу с моею?

— Да,— тихо, тихо сказала Наташа.

— Но знаете ли вы, что я вдовец, что у меня сын, что у меня отец, которого бы я желал получить согласие?»

Волнение и растерянность Наташи росли. Она сбивчиво говорила о том, что она «ничего не знает», «не понимает», кроме того, что «очень счастлива». На вопрос князя Андрея, даст ли она ему год отсрочки, не разлюбит ли его, Наташа не могла отвечать. И далее полностью повторен текст первого наброска о том, что она, измученная внутренней, происходившей в ней работой, не могла ничего выговорить и зарыдала. После того, как князь Андрей поцеловал ее руку, она, улыбнувшись сквозь слезы, нагнулась над его головой и поцеловала его.

В следующей рукописи внесены существенные перемены. Князь Андрей до предложения Наташе едет к отцу, чтобы получить его согласие. Теперь не сам князь Андрей, а отец требует отсрочки свадьбы, и, вернувшись в Петербург, князь Андрей, делая предложение, сообщает при этом волю отца, которую он считал необходимым выполнить. Кроме того, внесена поправка в нарушенный князем Андреем этикет. По новому варианту, Болконский объявляет о своем намерении сначала матери, передает ей волю своего отца, а потом уже говорит с самой Наташей.

Когда мать пришла за дочерью и послала ее к князю Андрею, Наташа «побежала в гостиную, быстро отворила дверь и вдруг, увидав его, остановилась. Неужели этот чужой человек сделался теперь все для нее?» В следующей рукописи первая реакция Наташи изменена. Когда графиня пришла за ней, Наташа посмотрела на мать «большими блестящими глазами и, сама не помня как, вошла в гостиную». В окончательном тексте: графиня застала Наташу в спальне. Она сидела на своей кровати «бледная, с сухими глазами, смотрела на образ и, быстро

крестясь, шептала что-то». Услыхав от графини о предложении, она, не помня как, вошла в гостиную.

Самый разговор Болконского с Наташей был расширен, но характер его сохранился прежний. Было дописано окончание: Наташа увидела по лицу князя Андрея невозможность изменить его решение об отсрочке и в то же время «сострадание и недоумение», вызванное ее слезами. Она «остановила» свои слезы, сказав, что «все сделает» и что она «счастлива».

В краткий рассказ о тех днях, которые Ростовы после предложения еще провели в Петербурге «для Наташи и князя Андрея», между которыми установились особые отношения жениха и невесты, включена была в последней уже рукописи тема сына князя Андрея. На полях появилась запись: «Наташа просит оставить сына.— Я буду любить.— Андрей решил не отнимать его у деда и не дать предлога обвинять». Создана беседа между женихом и невестой об их будущей жизни и о сыне. Князь Андрей говорил, что его сын не будет жить с ними, и Наташа, тотчас угадав его мысль, сказала: «Я знаю, вы хотите, чтобы не было предлогов обвинять вас и меня».

Перед отъездом князь Андрей просил Наташу и Соню, что бы ни случилось, обращаться за помощью и советом к Пьеру. «Это самый рассеянный и смешной человек, но самое золотое сердце». Эта просьба князя Андрея появилась в первой рукописи и неизменно сохранялась в тексте независимо от переделок всего остального.

Наташа и князь Андрей расстались. Ростовы уезжают в деревню. Толстому предстоит раскрыть душевное состояние Наташи — невесты в разлуке с женихом. Наташу мы видим то спокойной, то раздраженной, то уверенной, то сомневающейся. Впервые о ее чувствах после помолвки мы узнаем из ее разговора с Николаем. Он приехал в отпуск и удивлен, как переменилась Наташа. «Совсем не та»— его впечатление. На вопрос брата, очень ли она влюблена, Наташа ответила: «Мне покойно, твердо. Я знаю, что лучше его не бывает людей, и мне так спокойно и хорошо теперь». Почти дословно это признание Наташи перешло из раннего варианта в завершенный роман, но только в черновой редакции оно усиливалось авторской репликой: Наташа, «не тяготясь своим одиночеством, потому что она была уверена в будущем браке с князем Андреем, и не слишком нетерпеливо ожидая этого времени», чувствовала себя «вполне, как никогда, свободной и с страстью, с которой она все делала, отдалась охоте и дружбе с братом».

На следующем этапе работы автор полнее раскрывает, в чем источник ее уверенности. Вопреки тревогам матери и брата, которые недоверчиво смотрели на предстоящий брак, Наташа знала и понимала, «какая сила и верность была в слове и чувстве того человека, которого она

любила. В дурные минуты грусти, которые находили на нее, она пыталась вызвать в себе сомнение в верности князя Андрея и не могла. Она знала, что он весь принадлежал ей, что ежели была отсрочка, то это было необходимо. Она знала, что лучше его, умнее, добрее, благороднее никого не было на свете и он любил ее. Чего же ей было волноваться, чего желать? Одно: ей надо было ждать, и это было мучительно, так мучительно, что, ежели бы она позволила себе думать о предстоящем, она бы ничего не могла думать и делать, она плакала бы с утра до вечера. Первое время приезда в деревню это с ней так и было. Но потом какой-то инстинкт научил ее не думать, верить, любить и не думать о нем и не ждать, а жить и наслаждаться той свободной от девичьей тревоги кокетства жизнью, которую она в первый и, вероятно, в последний раз испытывала в этот годовой срок ожидания».

Счастливое внутреннее спокойствие Наташи высказывалось в ее оживлении во время охоты и в доме у дядюшки, где она была в том «раздраженно счастливом состоянии», когда «зеркало души особенно чисто и блестяще принимает все впечатления». Тот же избыток душевных сил сказался и тогда, когда она восхищается игрой дядюшки на гитаре, и когда танцует под звуки песни «По улице мостовой...».

На слова дядюшки, что надо бы Наташе выбрать «муженька», «молодца», Николай ответил: «Уж выбран», а Наташа добавила: «Еще какой!» А возвращаясь домой, счастливая возбужденная Наташа вдруг сказала: «Я знаю, что никогда уже я не буду так счастлива, спокойна, как теперь». Это тревожное предчувствие Наташи никак не связывалось ни с преисполненным радостью вечером у дядюшки, ни с возбужденно-счастливым состоянием Наташи. Словом, не было никакого внешнего повода, вызвавшего грустную мысль. Так не могло остаться.

На следующем этапе работы перемена настроения Наташи уже подготовлена. После короткого разговора у дядюшки о женихе «другой», новый строй мыслей и чувств поднялся в Наташе. Она тотчас же стала думать: «Что значила улыбка Николая, когда он сказал: «уж выбран»; рад он этому или не рад? Он как будто думает, что мой Болконский не одобрил бы, не понял бы этой нашей радости. Нет, он бы все понял». Эти мысли, как будто нарушившие ее безмятежность, подсказывают, что глубокая внутренняя работа не прекращалась в Наташе. Как только она подумала о князе Андрее, лицо ее вдруг стало серьезно, «но это продолжалось только секунду.— Не думать, не сметь думать об этом,— сказала она себе и, улыбаясь, подсела опять к дядюшке, прося его сыграть еще что-нибудь». По дороге домой Наташа тоже думала о князе Андрее, о том, как бы ему понравился дядюшка.

Теперь, после того, как уже промелькнула у Наташи тень тревоги, естественнее прозвучала высказанная вслух беспокойная мысль. О на-

пряженном состоянии Наташи говорит также то, как воспринимала она письма князя Андрея, в которых он заверял ее в своей «навеки преданности и любви» и подтверждал, что невозможно вернуться ранее назначенного срока. По первому варианту, Наташа, читая письма, сквозь слезы кричала, что нечего испытывать целый год, что это «дурацкие опыты», что «на зло» влюбится в кого-нибудь, «вот он и будет знать». Только воспоминание о бале, о Болконском, каким он был на другой день после бала, успокоило Наташу, и «проплакав ночь над своим горем, Наташа перестала думать о нем. Она не то чтобы помирилась с мыслью ждать его целый год. Этого она не могла. Ежели бы она старалась это сделать, она бы только все больше и больше раздражалась, — она забыла, нарочно забыла и не думала об этом».

Повышенная раздраженность, ясно выраженная в первом наброске, мало говорила о глубине чувства Наташи к князю Андрею. В новом варианте это исправлено. Наташа, получив письмо, также раздраженно «со слезами на глазах» закричала: «Какой дурак!», но зато, успокоившись, несколько дней ходила «с восторженными глазами, говорила только про него» и считала дни до его приезда. «Но это было слишком тяжело. Чем сильнее она любила его, тем страстнее отдалась она мелким радостям жизни».

Не капризным ребенком отныне представлена Наташа. Она полна душевных сил, она чувствовала себя проще, добрее и умнее. «Никогда не чувствовались ею ни красоты природы, ни музыки, ни поэзии, ни прелесть семейной любви, дружбы с такой ясностью и простотой». Ей казалось, что любовь к князю Андрею «так сильно вкоренилась в ее душе», что она «не боялась забыть его».

Создался прелестный образ девушки, освещенный высокой нравственной чистотой. Тем не менее автор отказался и от этого текста. В одном из последних вариантов он заменил его кратким напоминанием о том, что от князя Андрея «каждый месяц получались длинные письма из Италии. Он писал, что он так же счастлив своей любовью и так же несчастлив разлукой». В напечатанном тексте еще лаконичнее; нет ни слова о любви, сообщено лишь об отсрочке приезда из-за того, что открылась старая рана. Не отмечено, как приняла Наташа это письмо; сказано только, что в ту пору она была «так же влюблена в своего жениха, так же успокоена этою любовью и так же восприимчива ко всем радостям жизни». Толстому пришлось долго вживаться в душевный мир Наташи, чтобы в конце концов так коротко и просто сказать о ее любви и успокоении этой любовью.

Так же кратко автор сообщил о резкой перемене ее настроения в конце четвертого месяца разлуки. На нее «начинали находить минуты грусти, против которой она не могла бороться. Ей жалко было самое

себя, жалко было, что она так даром ни для кого пропадала все это время, в продолжение которого она чувствовала себя столь способною любить и быть любимою».

Растущее беспокойство было причиной резких переходов от веселья к слезам и неизбежно должно было прорваться. Это также потребовало авторских поисков. Толстой показал, как Наташа в «полугрустном состоянии воспоминаний» остановилась на мысли о князе Андрее: «Ах, поскорее бы он приехал. Я так боюсь, что этого не будет!» И тоска, ни разу до того внешне не выказывавшаяся, вдруг прорвалась. «Своим грудным голосом, сквозь чуть заметную улыбку, точно таким голосом, каким она за обедом ребенком требовала пирожного», она закричала: «Мужа надо. Дайте мне мужа, мама, дайте мне мужа».

На фоне шалостей Наташи, перед тем описанных, ее шуток со слугами, которых она тормошила, вырвавшийся из глубины души крик был воспринят окружающими как очередная шутка, и им показалось смешно. Так было в первоначальном варианте. Этот коротенький эпизод, важный для раскрытия душевного состояния Наташи и для ее дальнейшей судьбы, недостаточно связан был с предыдущим рассказом о ней. Необходимо было внутренне обосновать вспышку, чтобы она не казалась неожиданной.

В новом тексте внешний повод вызвал наружу душевную тоску Наташи. На вопрос матери: «Что ты ходишь как бесприютная?» Наташа, «блестя глазами и не улыбаясь» (в предыдущем варианте было: «сквозь улыбку»), сказала: «*Его* мне надо... сейчас, сию минуту мне *его* надо». При этом «голос ее оборвался, слезы брызнули из глаз». По новому варианту, наташины думы о желанном приезде жениха расширены. Ей начинает казаться: «Может быть, он нынче приедет, сейчас приедет. Может быть, он приехал и сидит там в гостиной. Может быть, он вчера еще приехал и я забыла». Появилась недостававшая в первоначальном варианте напряженность. Войдя в таком состоянии в гостиную, где все сидели за чайным столом, «а князя Андрея не было», Наташа оглядывалась кругом, как будто искала чего-то. «— Мама!— проговорила она.— Дайте мне *его*, дайте, мама, скорее, скорее,— и опять она с трудом удержала рыдания». Теперь всем ясно было, что это не шутка и не каприз подростка, а прорвавшаяся тоска девушки, созревшей для любви.

Святочное веселье, ряженые, гадания внесли только внешнюю успокоенность. «С каждым днем Наташа становилась взволнованнее и нетерпеливее». В таком сильном внутреннем напряжении Наташа едет с отцом и Соней из Отрадного в Москву.

Созерцательная жизнь в деревне в предыдущем году подготовила встречу в Петербурге с князем Андреем; взвинченность, вызван-

ная ожиданием князя Андрея, подготовила встречу с Анатолем Курагиным в Москве. Эпизод с Анатолем Толстой считал «узлом» романа.

* * *

Такой «узел» был задуман еще в первых набросках планов, но обстоятельства, при которых он завяжется, долго не определялись. Несомненным оставалось одно: «история» Наташи с Курагиным будет резко контрастна истории зарождения и развития любви Наташи и князя Андрея. Порочная чувственная любовь Анатоля и освещенная благородством чистая одухотворенная любовь князя Андрея — вот те два ключа, в которых создавались две «истории».

В ранней редакции встречу Наташи с Анатолем предварял рассказ об Анатоле и его друге Долохове, представителях «общества кутил», «холостого, мужского света», которые завели «какое-то масонство донжуанства, презрения, грубости к женщине». Словом, совершенно четко определено направление, в котором будет завязываться «узел».

Задумано было вначале, что знакомство Наташи с Анатолем произойдет у Жюли Курагиной (по ранней редакции — Ахросимовой), но прежде они издали увидят друг друга в театре. Сцена в доме Жюли не получила развития; эпизод в театре был создан, но это не та встреча, которая известна по роману. По первому наброску, в театре Долохов указал Анатолю на Наташу, сидевшую в ложе с отцом, и предложил ему поехать к Ахросимовым, где будут и Ростовы. Наташа видела, что Анатоль и Долохов смотрели на нее, и «она смеялась, говоря что-то отцу, и не смотрела на них, но лицо ее светилось уже тем блеском и прелестью, которое придавало ей восхищение других. Восхищение усиливалось, и прелесть усиливалась. (Она знала, что Анатоль и Долохов были львы Москвы; ей обещала обоих показать нынче вечером Жюли, и Наташе досадно было, что они не обращали на нее внимания.) Теперь cercle vicieux * установился между ей и Анатолем, через весь театр». Кратко отмечено, какое впечатление она произвела на Курагина: «Délicieuse cette petite» **,— сказал Анатоль, и во время пьесы, повернувшись назад, смотрел на Наташу. «Она, разумеется, только смотрела пьесу, ни разу не взглянула на него, но все хорошела, и Анатоль влюбился по-своему».

На этом прервался стройный рассказ. Дальше в конспекте намечена встреча Наташи с Анатолем, не указано только, где она произойдет. «Анатоль с Наташей встретились, как старые знакомые, не вследствие

* порочный круг.
** Прелестное дитя.

знакомства в Петербурге, а вследствие театра». Даже из отрывочных записей конспекта вполне уясняется характер встречи. «Победитель Анатоль». «Они сейчас же уселись за стол». «Анатоль, как милость делает, признает, что у нее для него достаточно хороша нога». Образ действия Анатоля ясен, а на поведение Наташи нет ни намека.

В следующей, также конспективно изложенной сцене определилась стремительность развязки. Старый граф приглашает Анатоля в деревню. Соня «караулит». Она «проснулась рано. Наташи не было. Бежит искать. В саду встречается Наташа, счастливая бросается ей в объятия». За ней идет Анатоль. Следует краткий диалог, Соня увещевает и предостерегает Наташу. Текст письма Наташи с отказом князю Андрею намечался очень резким: «Я люблю другого. Я отдалась ему. Это Анатоль Курагин». Заканчивается конспект отъездом Анатоля по требованию Сони из Отрадного. Наташа «рыдала, не ела, приняла яд и обожала Анатоля».

Точно определилось направление всей истории, найдены даже некоторые подробности. Однако многие из намеченных ситуаций оказались неестественными и, разумеется, не могли удержаться. Не было, например, никакого повода у графа Ростова приглашать к себе в деревню Анатоля, дурная репутация которого была широко известна. Совершенно невозможно допустить, чтобы Наташа провела ночь с Анатолем в саду (ведь Соня, проснувшись рано утром, обнаружила, что ее нет). А письмо к Болконскому со словами: «Я отдалась ему» никак не вяжется с образом Наташи. Неестественно, чтобы Соня, молодая девушка, решилась объясняться с Анатолем. Все было обречено на исключение из романа.

Толстой долго бился, ища правдивого воплощения задуманного конфликта. Как нередко бывало, писатель отошел немного назад от кульминации эпизода с Анатолем и начал рисовать Наташу в первые дни приезда ее в Москву.

Ростовы приехали в Москву в феврале. «Никогда Наташа не была так взволнована, так готова, зрела для любви и потому так женственно хороша, как в этот свой приезд в Москву». Все ее мысли связаны с князем Андреем, которого она надеялась застать уже в Москве. Она «страстно желала этого, так сильна была в ней потребность любить мужчину не в одном воображении», и так тяжело становилось ей ожидание своего жениха.

В Москве усиливалось смятение в душе Наташи. Она узнала о женитьбе Бориса, и это ей было «больно и досадно», хотя она убеждала себя, что ей не было дела до Бориса, когда она сама невеста «самого лучшего человека в мире». От Пьера она узнала, что князь Андрей уже в дороге, и Пьер показал ей «деловое и сухое» письмо князя Андрея,

16 Заказ № 1368

которое, «он чувствовал, разочарует ее». Опять, в который раз, на втором плане, как бы случайно вблизи Наташи проходит Пьер.

Окончательно решено, что трагический эпизод жизни Наташи начнется в театре. «Наташа была свежая из деревни» и приехала в театр душевно спокойная. «В ее воспоминании и воображении были только Nicolas с Соней, дядюшка, Карай, Анисья Федоровна, баня, морозная месячная ночь, лиловеющий снег на закате, ямщики, дорога». Толстой ввел было в этот ряд ее «спокойные радостные мысли об Андрее», но тотчас, не уточняя, отметил лишь: «сознание того, что она спокойна, что ее девичья карьера кончена, что она счастлива и спокойна». Шаг за шагом показывается, как непривычная блестящая обстановка театра меняла настроение Наташи. Едва только она «скинула с голых плеч соболью шубку» и почувствовала, что она «очень хороша», как исчезло все ее «деревенское спокойствие» и в «глазах засветились веселые, вызывающие звездочки».

Особенно подробно рисуется внешность Наташи в этот вечер. Она села, «облокотив тонкую обнаженную руку на бархат балюстрады». «Прическа à la Grecque, открытое спереди платье на тонкой, еще костлявой шее с жемчугами очень шло к ней». Они разговаривали с отцом «как-то особенно торжественно, не так, как они говорили между собой дома». «Сознание обнаженности плеч и груди, ощущение свежести, чистоты рук, обтянутых перчатками, запах духов и ощущение чего-то стройно воздвигнутого на напомаженной голове и не имеющего быть нарушенным — все эти ощущения соединялись в ней с особенным душевным состоянием восторга и самодовольства и легкости всего».

Вот это состояние внутренне подготовило увлечение Анатолем. Последующий рассказ о том, как воспринимала Наташа спектакль, рассказ об Анатоле, Долохове, об Элен, неблаговидная роль которой в истории Наташи с Анатолем с этого варианта закрепилась,— все будет показываться в тесной связи с колебаниями душевного равновесия Наташи.

Поиски композиции не остановились. Неестественно было полностью отделить рассказ об увлечении Наташи от ее отношений с князем Андреем. Толстой решил ввести в сюжетную линию до встречи Наташи с Анатолем ее визит к старому князю Болконскому. И сюда Толстой попытался включить Пьера. Не по совету Марьи Дмитриевны (как в окончательном тексте) Наташа с отцом поехали к Болконским, а Пьер «сообщил ей о желании княжны Марьи видеться с ней» и с своей стороны посоветовал «познакомиться с стариком, будущим beau pèr'ом». Композиционно сложилось, наконец, так, как существует в романе: приезд Ростовых из Отрадного в Москву, визит к Болконским и затем театр.

Рисуя Наташу в Москве, Толстой не раз напоминает, что Наташа была «очень молчалива и сосредоточена». На другой день она поехала

с отцом к князю Болконскому, который «не мог принять, но княжна Марья просила войти к себе». Все время визита Наташа была «молчалива и строга». Ее поражала и отталкивала атмосфера страха, царившая в этом доме. И после того, как старый князь, «пробурчав что-то», прошел через комнату и затем Тихон доложил княжне Марье, что князь приказал ей ехать к тетушке, Наташа не выдержала, встала, сказав княжне: «Я ни за что не войду в дом, где отец моего мужа будет презирать меня. Я хотела вам сказать, лучше все оставить... лучше.— Она заплакала, и княжна Марья заплакала, и они стали целоваться. И в этом положении их застал старый граф».

Визит к Болконским оказался некоторой разрядкой. Наташа «после своего сосредоточенного, молчаливого состояния, в котором она была со времени приезда», собираясь в тот же вечер в театр, «вдруг сделалась так безумно весела и обворожительна, как она бывала в свои лучшие минуты». Когда несколько обеспокоенная графиня, которая «всегда своим материнским чутьем боялась чего-то от дочери», заговорила о предстоящем завтра приезде к ним княжны Болконской, Наташа прервала разговор. «Не говорите мне, мама, про Болконского,—сказала Наташа.— Тогда все видно будет. Теперь пока надо веселиться, едем...»

Веселость Наташи мешала действию развиваться в том смысле, что не создавалась контрастность между настроением Наташи до театра и в театральной обстановке. Вероятно, поэтому, не закончив наброска, Толстой изменяет сцену визита Ростовых к Болконским. По новому варианту, Наташа замечала, что отец ее неохотно поехал к старому князю и робел, входя в дом; она почувствовала, что княжна Марья была взволнована. Наташа была «оскорблена и огорчена и, сама того не зная, своим спокойствием и достоинством внушала к себе уважение и страх в княжне Марье».

После оскорбившей Наташу выходки старого князя (этот эпизод сохранился по предыдущему наброску) Наташа заплакала, сказав: «Лучше все оставить». Так было и в первом варианте, но теперь исчезли решительные слова Наташи, что она не войдет в дом, где ее не принимают.

Весь день после визита Наташа была «молчалива и сосредоточена», в театр одевалась «без всякого удовольствия» и поехала «неохотно». Когда же она в зеркале увидела, как она хороша, ей «еще более стало грустно, но грустно сладостно и любовно».

Ничто как будто не подготовляло конфликта в судьбе Наташи, но он назревал, причем в новой редакции более правдоподобно, чем было в раннем наброске. Мысли о князе Андрее, любовь к нему, ожидание встречи так взволновали Наташу, что она старалась только не думать об этом, чтобы не зарыдать. Она старалась уверить себя, что ей дела

нет до его отца и сестры, потому что она любит его одного. В таком состоянии «грустная, но влюбленная» Наташа вошла в театр. При ярком свете и звуках любимой увертюры «она стала еще грустнее и влюбленнее». Опять промелькнул в ее мыслях князь Андрей: она не думала о нем, «но она чувствовала так, как когда она бывала в его присутствии. Она чувствовала себя размягченной и разнеженной». Ей хотелось «припасть к кому-нибудь, ласкаться и любить». Благодаря своему «грустному поэтическому настроению» Наташа была «особенно хороша» и «поражала особенно своей полнотой жизни и красоты в соединении с равнодушием ко всему окружающему». В этом наброске не описан туалет Наташи, а душевное состояние ее почти противоположно тому, какое намечено в предыдущем варианте.

Была попытка опять как-то подготовить предстоящее событие в жизни Наташи. Упомянуто, что она была «в эту пору вполне созревшей для любви красавицей», глаза ее «светились особенным восторженным любовным блеском», и все, что она видела и слышала в театре, «заставляло ее вспоминать о любви и желать ее. Но она желала не той наскучившей уже ожиданием любви, которую она испытывала в деревне к князю Андрею, а какой-то другой, светлой, веселой, блестящей, и не будущей, а той любви, о которой говорил и яркий свет, наполнявший театр, и музыка, которую она слышала». Однако Толстой тут же отказался заранее раскрывать от лица автора ощущения Наташи и оставил героиню пока что равнодушной ко всему окружающему. (Так дошло до печати.) Благодаря этому представилась возможность показать, как душевный переворот созревал постепенно под влиянием непривычной для нее обстановки театра.

Стержень «истории» с Анатолем, ее кульминация и развязка определились после длительных поисков в первой редакции романа, но Толстой и позже продолжал работать над этим «узлом», стремясь усилить контраст между естественной жизнью в деревне и насквозь искусственной жизнью города. Это надо было для того, чтобы показать, к каким неожиданным моральным падениям может привести город с его фальшивым блеском.

В самом начале автор сообщает, что «после деревни и в том серьезном настроении», в котором была Наташа, все, что ей представилось в театре, «было только дико и удивительно». О самом спектакле сказано, что, как ни редко бывала Наташа в театре, она «знала, что все это так и будет, и не интересовалась тем, что было на сцене, и не слышала музыки, так как, как будто нарочно,— разъясняет автор,— здесь было собрано все для того, чтобы развлекать внимание от музыки». Главная цель этой сцены — создать возбуждающую театральную атмосферу, в которой постепенно исчезало серьезное настроение Наташи.

Неразрывно с таким замыслом связан и самый спектакль и появление Анатоля, овладевавшего мыслями Наташи по мере того, как окружающая атмосфера затягивала ее.

Во время первого акта в зал вошел Анатоль. Наташа узнала его, вспомнив, что заметила его на петербургском бале. Она поняла, что Анатоль с Элен и Долоховым говорят сейчас о ней.

После первого акта Толстой уже не упоминает серьезного настроения Наташи, напротив, подчеркивает, что «в том состоянии опьянения, в котором она находилась, все казалось просто и естественно», и она улыбнулась Борису «точно так же», как «голая Элен» улыбалась всем. Наташе льстило, что Анатоль говорил о ней. После второго акта Наташа пересела в ложу Элен. После третьего акта, еще более яркого, с бурей, с шумной немелодической музыкой, настроение Наташи еще дальше отошло от «серьезного». Она, как вписал Толстой уже в наборной рукописи, «с удивлением и недоумением смотрела на все это бессмысленное, бестолковое движение, на богатство одежд, блестящий свет и, главное, огромное количество людей пожилых, почтенных, с восторгом слушавших, смотревших и кричавших браво, заставляло ее искать ту точку зрения, с которой все это и было прекрасно. Она нравственно съуживала (...) * и могла уже находить (...) * очень, очень хорошо». Вставка не дошла до печати, но смысл сохранился в заменившей ее короткой фразе о том, что Наташа «уже не находила этого странным. Она с удовольствием, радостно улыбаясь, смотрела вокруг себя».

Нравственное отношение к окружающему все слабеет в Наташе. После третьего акта она знакомится с Анатолем. Теперь автору нужно показать поведение Анатоля, из-за которого Наташа «со страхом чувствовала, что между им и ею совсем нет той преграды стыдливости, которую она всегда чувствовала между собой и другими мужчинами». Нарастающее волнение Наташи противопоставляется самодовольному спокойствию ее соблазнителя. И когда Анатоль, «спокойный и веселый», вышел из ложи Элен, Наташа вернулась к отцу в ложу, совершенно подчиненная тому миру, в котором она находилась. Для того, чтобы разительнее стала происшедшая в ней перемена, вследствие которой «все, что происходило перед ней, уже казалось ей вполне естественным», добавлено: «... но зато все прежние мысли ее о женихе, о княжне Марье, о деревенской жизни ни разу не пришли ей в голову, как будто все то было давно, давно прошедшее». К этому Толстой вел свою Наташу.

Волнение Наташи в тот вечер и молчаливая атака Анатоля все усиливаются. Из всего четвертого акта Наташа видела только какого-то

* На листе чернильное пятно, и слова не поддаются прочтению.

черта, который пел на сцене. Когда они выходили из театра, Анатоль, подсаживая Наташу в карету, «пожал ей руку выше локтя».

Стройно создался эпизод встречи Наташи с Анатолем. Композиционно он построен так, что три самостоятельные линии: внешняя обстановка в зале театра, содержание и исполнение спектакля, наконец, поведение Элен и особенно Анатоля сливаются в единую сюжетную канву. В следующей рукописи главы, посвященные театру, завершились выводом: вернувшись домой, Наташа почувствовала какое-то душевное раздвоение. Все то, что было «ясно и просто» там, «под тенью Элен», стало для нее дома «темно, неясно и страшно». И у нее сложилось «два мира: один деревенский с воспоминаниями деревни и князя Андрея, в этом мире было ужасно то, что случилось, и другой мир с ложами, ярким светом, графиней Безуховой, с Дюпором. В этом мире было возможно то, что случилось, и ее тянуло в другой мир». В несколько измененном виде это заключение дошло до печати.

С первых набросков в сцене театра участвует Пьер, но не в центре действия, а в тени. В первых рукописях было так: Наташу развлек во время спектакля «пришептывающий голос». То был Пьер, который, «узнав и перегнувшись к ней, улыбаясь, начал говорить, глядя ласково, радостно через очки». Пьер вызвал в Наташе мысли о князе Андрее. Она спросила о нем и узнала, что нет ни писем, ни известий. Когда Наташа была растревожена новым для нее ощущением близости к Анатолю, когда ей показалось странным, что Анатоль «не робел перед ней, как робел сам князь Андрей», а напротив, «ласкал и подсмеивался над ней», она, как будто ища помощи, оглядывалась на отца и Пьера, «как оглядывается ребенок, когда его чужие хотят увезти».

В следующем наброске: Наташа, сидя в ложе, заметила в середине рядов Пьера, который, встретившись с ней глазами, улыбаясь, кивнул головой; одновременно она увидела Анатоля. И далее: в ложу вошел Пьер, которому Наташа была рада, и следом за ним появился Анатоль.

В окончательном тексте сохранилось только первое из этих упоминаний: Пьер подошел к ложе Ростовых и, «улыбаясь, долго говорил с Наташей». Толстой продолжал бороться с настойчивым желанием все время возле Наташи показывать Пьера, который, как верный страж, следит, не понадобится ли его помощь.

На следующий день после театра к Ростовым приезжает Элен и приглашает их к себе на вечер. Этот эпизод подчеркивает все то же пагубное влияние «света» на Наташу. То, что представлялось ей «страшным», опять показалось «простым и естественным».

В рукописях явственнее выступала тревога Наташи. Внутренний голос ей говорил, что она не должна ехать на вечер Элен, и она решила: «Я не поеду, ни за что не поеду», и только Марья Дмитриевна,

желавшая развлечь Наташу, настояла на том, что надо принять приглашение.

Вечер в доме Элен создан в том же тоне, что спектакль в театре. Углубляется влияние внешне блестящей, но глубоко порочной среды, сделавшее возможным отклик юной чистой Наташи на ухаживания распутного Анатоля. «Освещенная гостиная дома Безуховых была полна. Анатоль тут был и, видно, у двери ожидал входа Наташи и тотчас же подошел к ним и не отходил от нее в продолжение всего вечера. Как только его увидела Наташа, опять то же чувство страха и отсутствие преград неприятно охватило ее».

На вечере у Элен декламация m-lle Georges выполняет ту же роль, что и оперный спектакль. Интересны авторские исправления. В рукописях было отмечено, что актриса, надев «красную шаль на одно плечо», вышла на середину гостиной; в корректуре добавлены «оголенные с ямочками толстые руки» и «ненатуральная поза». По раннему варианту, она «строго и мрачно» оглянула публику и начала читать монолог из «Федры», «где возвышая голос, где шепча и торжественно поднимая голову». В следующей рукописи вместо монолога из «Федры» она начала по-французски говорить «какие-то стихи, где речь шла о ее преступной любви к своему сыну»; читая их, артистка «местами останавливалась, хрипела, выкатывая глаза». Бесспорно, что каждая поправка преследует одну и ту же цель — создать атмосферу, перестраивающую душевное состояние Наташи. Этому служит и впечатление, которое произвела декламация на гостей Элен. «Adorable, divine, délicieux! *»— слышалось со всех сторон. Но Наташа — так было в ранней рукописи —«ничего не слышала и не понимала, и ничего не видела хорошего, кроме прекрасных bras ** m-lle Georges». Она сидела позади всех, сзади нее был Анатоль, и она «испуганно ждала чего-то». Как в театре, так и в доме Элен в затруднительный момент выступает Пьер. «Изредка встречала» она глаза Пьера, которые «всегда были строго устремлены на нее, которые всякий раз опускались, когда встречались с ее взглядом».

Вдумываясь в эту сцену, нельзя не заметить, что в ней мало рассказано о впечатлениях Наташи. А ведь для этого-то прежде всего создавалась вся сцена. В исправленном тексте: Наташа «ничего не слышала, не видела и не понимала из того, что делалось перед ней, она только чувствовала себя опять в том странном безумном мире, в котором она была три дня тому назад в театре, в том мире, где нельзя было знать, что хорошо, что дурно, что разумно, что безумно. Она сидела

---

* Восхитительно, божественно, чудесно!
** рук.

почти позади всех, сзади ее сидел Анатоль, и она, чувствуя его близость, испуганно ждала конца странных речей Жорж для того, чтобы отойти от него». Исключено теперь упоминание о молчаливом участии Пьера, потому что оно звучало неправдиво. Вряд ли Пьер, зная Анатоля и заметив его поведение, не уберег бы нежно любимую им девушку от неизбежного несчастья.

Поцелуй и, главное, реакция Наташи были найдены с первой рукописи и в сущности своей не изменялись. Несколько подробнее было первоначально рассказано о состоянии Наташи, которую все время в присутствии Анатоля волновали страх и ожидание чего-то. После поцелуя она «готова была плакать и, красная и дрожащая, поспешно вышла из комнаты». Она не могла в первый момент понять, что случилось, и только потом «внутренняя психологическая работа, подделывающая разумные причины под совершившиеся факты», привела ее к выводу, что она «никогда не любила» князя Андрея и «всегда с первой минуты» любила Анатоля. Последовавшие затем события, мучительное сомнение, страх, отказ Болконскому, любовное письмо Анатоля и позднее внесенное в текст неудавшееся похищение довели Наташу «до исступленного состояния отчаяния». В этот катастрофический момент опять появляется Пьер. Конец «истории» Наташи с Анатолем не претерпевал глубоких изменений.

В ранней редакции романа, в отличие от завершенной, печальная повесть о Наташе, не прерываясь другими темами, была продолжена. Намечен религиозный подъем Наташи, наступивший после перенесенного горя; религия должна принести ей успокоение. Определено время действия: «уже все говорило о войне», и «все военные, Борис, Анатоль, Долохов были при армии, но в Москве не было пусто и много веселились». А Наташа в те дни отказалась ездить на балы, потому что ей это «скучно», и «целые дни проводила одна в своей комнате, ничего не делая, не читая, не поя, не играя. Она очень побледнела и похудела». Единственный из посторонних людей, с кем ей приятно было встречаться, был Пьер. Подробно рассказано о том, как Наташа вместе с няней ездила к заутрене, как перед иконой божьей матери молилась «за себя, за свои грехи, за свои злодейства, за свою будущую жизнь, за врагов своих и за весь род человеческий и особенно за человека, которому она сделала жестокое зло».

Перед причастием она написала письмо князю Андрею с просьбой простить и забыть ее, «недостойную» его. Письмо передала через Пьера. После исповеди и причастия Наташа «стала оживать. Она принимала участие в делах жизни, пела иногда, много читала из книг, которые ей привозил Пьер, сделавшийся домашним человеком в доме Ростовых, но уже никогда к ней не возвращалась прежняя живость и веселость. Она постоянно перед всеми имела вид и тон виноватой, для которой все было слишком хорошо по ее преступлениям».

Впоследствии, работая над следующей частью романа, в которой изображалось начало Отечественной войны, Толстой композиционно перестроил повесть о Наташе, разделив ее на две части. Вторую, где речь идет о постепенном успокоении Наташи, он перенес к более позднему времени действия, к первому месяцу уже начавшейся войны. В Москве уже распространялись тревожные слухи о ходе событий, говорили о воззвании государя к народу. Ростовых взволновало письмо от Николая, который писал, что «отечество дороже всего», Петя заявил, что хочет итти на войну, Наташа решила просить Пьера помочь Пете. Все эти известия застали Наташу в состоянии «смирения и отрешения от земных радостей», в котором она находилась «со времени своего говения».

Мотив религиозного смирения Наташи занимает в новом варианте все то же большое место; добавлено только, что она после обедни и причащения «в первый раз после трех месяцев почувствовала себя спокойной», хотя ее отчаяние после отказа князю Андрею «смягчила, но не рассеяла религия».

Раскрывая душевное состояние Наташи в новых условиях общего возбуждения в стране, Толстому естественно говорить о том, что не только религиозная страстность поможет ей «приподняться». После потрясения из-за Анатоля Курагина и разрыва с князем Андреем «жизнь ее наполнили два чувства: религия и возмущение против Наполеона, осмелившегося презирать Россию и дерзавшего завоевать ее». Эти два чувства вернули Наташе силы жизни. Толстой показывает, как проявлялись у Наташи эти новые чувства. Религия «редко человеку открывается всеми своими сторонами... Для Наташи она открылась стороной смирения, от которого так далека она была в прежней жизни. Обедня и церковная служба была одним из лучших ее наслаждений».

По предыдущему варианту, молитва, «слова которой не выходили из души Наташи», была: «Господи владыко живота моего». Когда священник произносил ее, она «с радостным ужасом сознавала все людские пороки, вспоминала все свои злодеяния и со слезами молилась о прощении, не смея на него надеяться». По новому: она любила слушать другую молитву: «Миром господу помолимся», думая, как и она соединяет себя в одно «с миром кучеров и прачек». Это совсем иное восприятие: слова молитвы связывались в ее сознании с глубоко волнующими ее событиями в стране и общенациональным подъемом. Так подготовлялась роль Наташи в дни испытаний отечества.

11-го июля 1812 года, в тот день, когда «получено было известие о приезде государя в Москву, о занятии неприятелем Вильны, о вбун-

товании Польши и разные самые несправедливые слухи о громадных силах, об угрозах Наполеона», Наташа была «особенно набожно раздражена». В это воскресенье она «в белом платье слушала, как всегда, службу с нежной набожностью, но, кроме того, она уж чувствовала чувство жизни, которого прежде не испытывала. Каждое слово службы имело для нее живое, сильное значение». Когда прочли только что полученную из Синода молитву о спасении России от вражеского нашествия, Наташа, встав с колен, «в первый раз сознала в себе новое чувство ненависти к врагу, оскорбленной гордости к французам за своих, за русских, за дядюшку, за папеньку, чувство, которым,— подчеркивает Толстой,— она давно уже жила, сама не зная этого».

Композиционная перестройка обусловлена была именно тем, чтобы коренным образом изменить пафос рассказа о Наташе. По новому варианту, вернувшиеся ей под напором не только религии, но патриотического подъема силы влились в общее русло жизни народа.

После того, как дружеские отношения Наташи с Пьером закрепились, Толстой решительнее создает такое стечение обстоятельств, при котором Пьеру естественно было принимать участие в ее судьбе. Столкнув Пьера с Наташей в серьезный момент жизни обоих героев и всей страны, Толстой смог внести новые черты и в образ Наташи и в ее взаимоотношения с Пьером.

Возвратившись из церкви, Наташа готовилась встретить приехавшего к обеду Пьера упреками «за его равнодушие к судьбе Пети, к его французскому письму, но, к удивлению своему, она нашла его уже в том расположении духа, в каком она желала найти его». Пьер взволнованно рассказывал полученные им от Растопчина последние сведения.

После обеда они остались вдвоем. Шуткам Пьера о том, «как модные дамы учатся по-русски и князь Борис Владимирович Голицын взял себе учителя», Наташа улыбалась, но «оживлялась только тогда, когда он рассказывал ей о положении дел».

Патриотизм, пробужденный Отечественной войной, сильно сблизил Наташу и Пьера. Наташа расспрашивала его, «как он думает, выиграем ли мы сражение». Пьер рассказывал о предсказании апокалипсиса и делал при ней вычисления. Наташа «долго с горячечно устремленными глазами смотрела на эти цифры и поверяла их значение». Она была так взволнована, что Пьер раскаивался даже, что сказал ей это.

Открыв в своей Наташе новые черты характера — любовь к родине, тревогу не только за близких, но за всех людей,— Толстой рисует сцену прибытия во двор к Ростовым раненных в Бородинском сражении. Рассказывая об оставлении Москвы, Толстой стремился раскрыть в образах ранее высказанное убеждение в том, что ход дел после Бородинского сражения «совершенно верно отразился в сознании

народа Москвы». Этой же мысли подчинена сцена участия Наташи в судьбе раненых. «Как только Наташа с охотником взялась переносить раненых в дом, кормить, поить их», так из всех домов и от толпы «высыпались люди и последовали ее примеру». Поступок Наташи так взволновал родителей, что граф Ростов закричал громко, весело: «Швыряй, к черту, с подвод, накладывай раненых». На следующий день к Ростовым привезли еще раненых, и среди них были князь Андрей и Тимохин. Князь Андрей лежал без памяти, а Наташа «не знала, кто лежит, умирая, около нее». Так в первом варианте почти мимоходом упомянуто, что в доме Ростовых среди раненых был умирающий князь Андрей.

Автор не удовлетворен таким решением. Набросок зачеркнут. Наташа должна узнать о князе Андрее, но при каких обстоятельствах, Толстой не сразу решил. По новому варианту: Наташа, делая перед отъездом «последний обзор раненых», увидала камердинера князя Андрея, «который приносил ей записки от жениха.— Князь?— спросила она».— Камердинер «вздохнул и указал на дверь. Наташа остановилась, вскрикнула и побежала вон из комнаты». Она прежде всех села в карету и, «закрывши бледное лицо платком, сидела, не шевелясь, в углу до самого отъезда». Едва закончив эту короткую сцену, Толстой немедленно приступил к ее переработке.

Судя по следующему варианту, переделка была вызвана тем, что для Наташи, всегда стремительной, а сейчас особенно возбужденной, подобное поведение вряд ли было естественным. Она узнает о князе Андрее и не только не делает попытки вбежать к нему, но никому ничего о нем не говорит. Кроме того, если Наташа к моменту отъезда уже узнала, что с ними едет умирающий князь Андрей,— ослаблялась напряженность дальнейшего действия.

По новому варианту, Наташа знает, что в комнате лежит тяжело раненный офицер, но не подозревает, кто он. «Она вбежала туда, чтобы узнать, едет ли он. Первое лицо, которое она увидела, был камердинер князя Андрея, который приносил ей записки от жениха. Какое-то давнишнее, счастливое и вместе грустное воспоминание мелькнуло в ее голове, но она не узнала Петра.

— А вы едете?— спросила она.

— Как же-с, надо будет.

Петр вздохнул. Наташа побежала дальше. Через час весь поезд Ростовых и раненые тронулись из Москвы по дороге в Троицу». В суматохе сборов Наташа была как в тумане, она не задержалась на промелькнувшем в ее мыслях отдаленном воспоминании; но это воспоминание подготавливает к предстоящей развязке. Так дошло до наборной рукописи.

Рукописи позволяют допустить, что этот эпизод решался в связи с другим, столь же существенным для образа Наташи,— встречей ее и Пьера в день выезда из Москвы. По первоначальному замыслу, Пьер встречает Ростовых неожиданно на улицах Москвы, а приходит к ним, только что вернувшись из Бородина. Пока сохранялся первый набросок, по которому Наташа не знала, что у них находится Болконский, Пьер пришел к Ростовым и говорил Наташе о своей любви к ней. Позже первый эпизод изменился — Наташа от камердинера узнала о князе Андрее; Пьер явился к ней в тот именно момент, когда она была одна в комнате, потрясенная известием о князе Андрее. Затем снова изменяется первый эпизод: уезжая, Наташа не знает о князе Андрее и встречает Пьера случайно у Сухаревой башни. Наташа оживлена, она рада видеть Пьера. Такая сцена, видимо, нужна была ради Пьера, ради его растущей любви к Наташе. Создать встречу в таком тоне было бы невозможно, если бы Наташа знала о раненом князе Андрее.

Все еще не удавалось найти, при каких обстоятельствах Наташа узнает о Болконском, ясно только, что это должно случиться уже после свидания с Пьером. Появился такой вариант: выехав из Москвы, поезд Ростовых вдруг остановился. Наташа увидала, что «возятся около передней брички с офицерами», услыхала слово «кончается» и с «обычной быстротой отперла дверцу, откинула подножку, сбежала и побежала вперед. В передней повозке на ситцевой подушке лежал лицом кверху князь Андрей с закрытыми глазами и, как рыба, открывал и закрывал рот, ловя воздух. Доктор стоял уже на подножке и щупал пульс». Первое впечатление Наташи передано двумя только фразами: «Наташа ухватилась за колесо повозки, почувствовала, как бьются одна о другую ее колени. Но она не упала». После того, как доктор сердито велел ей уйти, она «пошла покорно» к своей коляске.

Ростовы остановились на постоялом дворе на первой станции (Мытищи не названы), и вечером доктор «объявил, что Болконскому лучше, что он может поправиться и доехать. Главное, доехать». Когда расположились на ночлег, Наташа легла к матери, прижалась к ней и зарыдала. Ее не успокоили заверения матери, что он будет жив. Она повторяла: «Нет, я знаю, что он умрет». Наташа «не могла ни спать, ни лежать», и, когда все заснули, она встала, «не обуваясь, надела материну кацавейку и, перешагнув через храпевшую девушку, вышла в сени».

Длительные творческие поиски подходили к концу. Наконец определились те условия, при которых судьба должна в последний раз свести Наташу с князем Андреем. При выезде из Москвы Соня увидала князя Андрея, когда его полумертвого вносили в коляску. Она сообщила об этом графине, а в пути «непонятно для чего» рассказала Наташе. И Наташа с этой минуты находилась в «состоянии столбняка». По этому

варианту, Наташа ни разу не видела князя Андрея ни дома, как намечалось в первом наброске, ни в пути, как было в предыдущем. Тем сильнее окажется впечатление от их первого после разлуки свидания в Мытищах.

В сцене свидания, в первой же редакции ее, был найден правильный фокус. Ранний набросок создан с большим подъемом, и при всей его краткости в высшей степени драматичен. Наташа босая неслышными шагами подошла к князю Андрею, но он услыхал, «тяжело открыл глаза и вдруг радостно, детски улыбнулся. Наташа ничего не сказала, она упала неслышно на колени, взяла его руку, прижала к вдруг вспухнувшим от слез губам и нежно прильнула к ней. Он делал движения пальцами, он чего-то хотел. Она поняла, что он хотел видеть ее лицо. Она подняла свое детски изуродованное всхлипываниями мокрое лицо и посмотрела на него. Он все так же радостно улыбался». Наташа и Андрей не замечали, что доктор и Тимохин испуганно смотрели на них.

«— Можете ли вы простить?

— Все, все,— тихо сказал Андрей».

После коротенького диалога Наташа «вздохнула тяжело и легко вышла из комнаты». Толстой, видимо, хотел продолжить сцену свидания, добавив было к последней фразе: «и вернулась», но на мгновение возникший замысел отпал; дописанные слова вычеркнуты.

Не описан еще бред князя Андрея и не дан анализ его душевного состояния, но найдено самое главное — общее настроение всей сцены. Определились внешние подробности картины: скоба двери, нагоревшая сальная свеча, спящие в сенях какие-то люди; упоминается и раненый Тимохин, лежавший в той же комнате и «стыдливо» закрывавшийся плащом. Сцена будет переработана и развита, стержень и контуры ее сохранятся. Следующий вариант совсем близок к завершенному тексту.

Линия Наташи — князя Андрея подходит к концу. Первоначально, как уже упоминалось раньше, был совсем не тот конец, схема его сводилась к следующему. Оставив Москву, Ростовы обосновались в Тамбове; Наташа и Соня ухаживают за выздоравливающим Андреем. Ростовы и князь Андрей уже знали из письма княжны Марьи, что она едет с Коко (сыном Андрея) в Тамбов, «благодаря Nicolas Ростову, который спас ее и был для нее самым нежным другом и братом». Княжна Марья была именно та невеста, которая требовалась для поправления дел, и графиня «лелеяла тайно эту мысль». Всем казалось, что Наташа и князь Андрей «были попрежнему влюблены друг в друга, но на конференции Наташа объявила матери на вопрос ее о том, что из этого будет, что отношения их только дружеские, что Наташа отказала ему и не изменяла своего отказа и не имеет причины изменять его».

В первой же беседе с братом княжна Марья рассказала о последних днях отца и о Николае Ростове. Когда князь Андрей «с хитрой звездочкой во взгляде» назвал Ростова «пустым малым», княжна Марья «испуганно вскрикнула, как будто ей физически больно сделали», и сказала в ответ, что «только человек с золотым сердцем мог вести себя так, как он», в те страшные минуты. Тут князю Андрею уяснилось, что «это надо, надо сделать». Он вспомнил свои мысли после ранения. «Да. Вот оно то, что еще оставалось в жизни, о которой я жалел, когда меня несли. Да, вот что. Не свое, а чужое счастье». И тогда он говорит сестре о своих отношениях с Наташей. «Прежнее все забыто. Я искатель, которому отказано, и я не тужу. Мы дружны и навсегда останемся дружны, но никогда она не будет для меня ничем, кроме младшей сестрой».

Далее почти конспективно изложен разговор князя Андрея с Соней: она говорит ему, что Наташа, сама не сознавая этого, любит Безухова. Вечером князь Андрей при Наташе стал рассказывать о Безухове, о полученном от него известии через пленного Пончини. Наташа покраснела, слушая Болконского, «оттого ли, что она думала о Безухом больше, чем о другом, или оттого, что с своим чутьем она чувствовала, что на нее смотрели, говоря это». В следующий вечер князь Андрей опять говорил о Пьере и о том, что сообщил о нем Пончини, и «рассказывал о чертах великодушия и доброты Пьера из своих воспоминаний». Разговор о Пьере поддержали и Соня и княжна Марья. Наташа растревожилась. «Что они со мной делают?— думала Наташа.— А что-то они делают со мной!— И она беспокойно оглядывалась, вопросительно. Она верила в то, что они, Андрей и Соня, лучшие друзья и делают с ней все для ее добра».

Вечером по просьбе князя Андрея Наташа пела, «и два года почти не троганный голос, как будто сдерживая за все это время свою обаятельность, вылился с такой силой и прелестью, что княжна Марья расплакалась, и долго все ходили, как сумасшедшие, неожиданно сблизившись, бестолково переговариваясь».

Так первоначально подготовил Толстой героев к финалу, пока еще не разработанному; была только схема. Ростовы получили письмо Пьера о том, «что он жив и вышел с пленными из Москвы». Наташа «опять была счастлива». Князь Андрей «поехал в армию». Пьер приехал в Тамбов.

Логика развития образов отвергла намеченный финал личной жизни героев. Для автора стало несомненным, что конец должен быть иным. Это произошло на довольно позднем этапе работы, когда печатался четвертый том, посвященный Бородинской битве. Бесспорным стало то, что только при условии смерти князя Андрея может без искусственных психологических натяжек сбыться родившийся в первых набросках

и за многие годы работы ни разу не поколебленный замысел — брак Наташи и Пьера.

Для нового замысла необходимо было иначе показать жизнь Ростовых в Троицкой Лавре (теперь уже не в Тамбове, как было первоначально). Нет больше речи о дружеских отношениях между Андреем и Наташей. Напротив, между ними «было объяснение, вследствие которого Наташа объявила отцу и матери, что она невеста князя Андрея, и просила, чтобы их образовали, т. е. благословили. Монах прочел им молитву и сказал короткое слово над постелью, на которой лежал князь Андрей, заставил их поцеловаться». После молебна, который они с Соней отслужили «угоднику», Наташа шла «робкая и умиленно счастливая».

Вернувшись из церкви и войдя вместе с Наташей в комнату князя Андрея, Соня вскрикнула. Вид больного напомнил ей святочное гадание перед зеркалами в Отрадном два года тому назад. Ей казалось, что она тогда видела в зеркалах князя Андрея именно таким, каким он был сейчас. Они рассказали ему, как все тогда было, сомневаясь, поверит ли он и самому гаданию и удивительному совпадению. Наташа «знала по выражению лица своего хозяина, что он скажет, что он верит, но что в этих словах будет другое значение, значение, которое она чувствует, но не понимает. Действительно, князь Андрей так и отвечал, как она предполагала.— Отчего же вы думаете, что я не поверю? Нет, я теперь во все верю, после того, что она (он взглянул на Наташу) сделала со мной, захотела связать себя с у... Я во все верю».

В окончательном тексте нет благословения умирающего Болконского с Наташей. Из только что созданной рукописи дошли до печати всего два эпизода. Первый — объяснение Наташи с князем Андреем, после чего Наташа с взволнованным лицом вышла из комнаты князя и сообщила Соне, что «все по-старому». Второй — воспоминание Сони о гаданье, с той лишь разницей, что Наташа чувствовала в этом «таинственность предсказания», но князю Андрею ничего не сказала.

Без большого труда смог Толстой изобразить теперь Наташу при встрече с княжной Марьей, приехавшей к умирающему брату. Вид Наташи сказал княжне Марье, что она была ее «искренний товарищ по горю». На взволнованном лице Наташи было только «выражение любви, беспредельной любви к нему, к ней, ко всему тому, что было близко любимому человеку». В эту минуту в ее душе не было «ни одной мысли о себе, о своих отношениях к нему». Княжна Марья чувствовала, что о происходящем нельзя словами ни спросить, ни ответить, что лицо и глаза Наташи «должны были сказать все яснее и глубже». Когда Наташа, «зарыдав, закрыла лицо руками», княжна Марья поняла все. В молчаливой сцене только выражение лица Наташи раскрыло глубину возродившихся отношений, предсказало предстоящую катастрофу

и зарождение дружбы Наташи и княжны Марьи. Только они вдвоем, Наташа и Марья, были при умирающем, и они плакали «от благоговейного умиления, охватившего их души перед сознанием простого и торжественного таинства смерти, совершившегося перед ними». Так в завершенном романе.

Важная для произведения перемена (смерть князя Андрея) потребовала перестройки дальнейшего. Появился конспект действия после смерти князя Андрея: «Как это утихло горе — неизвестно, но оно утихло. Наташа и княжна Марья, напротив, никогда не говорят про князя Андрея». С развития этой мысли начались главы о Ростовых. С первого варианта на переднем плане Наташа и княжна Марья после смерти Андрея. Задача автора — найти наиболее правдивые для каждого из характеров стимулы постепенного возрождения к жизни.

В создаваемом наброске действие происходит спустя две недели после смерти князя Андрея. У Ростовых живет княжна Марья, которая «теперь не могла себе представить жизни без Наташи. Насколько прежде ей не нравилась Наташа, настолько сильнее теперь, после того времени, которое они одни пережили с ней вместе у умирающего Андрея, княжна Марья испытывала к Наташе робкое, осторожное и подобострастное обожание, которое ее спасало от ее горя».

Смерть князя Андрея тесно связывает княжну Марью с Наташей. Авторский рассказ о них построен на переплетении душевного состояния обеих девушек. Только с Наташей княжна Марья «чувствовала, что она продолжала жить в мысли о брате». Хотя со времени кончины князя Андрея они ни разу не говорили о нем, «но бесчисленные воздержания от речи о том-то и о том-то, их взгляды, их присутствие говорило им, что, о чем бы они ни говорили, они говорили о нем». Наташа была больна, и по совету докторов Ростовы переехали на другую квартиру, «чтобы избавиться от воспоминаний. Но княжна Марья и Наташа так же не могли избавиться от этих воспоминаний, как они не могли избавиться от жизни», для них «одно только в жизни было — эти воспоминания».

Они никогда не говорили о нем, потому что им казалось, что то, что они «видели, перечувствовали и пережили, не могло быть выражено словами», что всякое упоминание о чем-нибудь из его жизни «нарушало величие прошедшего и было недостойно его». Толстой подчеркивает, что в воспоминании о кончине князя Андрея ни для Наташи, ни для княжны Марьи «не было ничего страшного и жалкого, горестного», а было, напротив, «что-то могущественное и подавляюще прекрасное».

Рассказав о глубине душевных переживаний обеих героинь, Толстой ищет поводы, которые могли бы возродить их к жизни. Особенно

сложно было найти их для Наташи. «Княжна Марья имела занятие, свойственное ее любовной натуре, ухода за больной Наташей, но Наташа не имела никакого занятия».

Рассказ подведен к основной теме создаваемых глав — к раскрытию душевного состояния Наташи, вся болезнь которой заключалась в том, что в ней был «надорван нерв жизни. Она не чувствовала вызывающего действия впечатлений, воспоминаний, потому что одно воспоминание и впечатление, поглотившее все и ни к чему не вызывающее, продолжало действовать на нее. Она созерцала величие смерти и бесконечного».

Но, показывает Толстой, неосознанно идет в Наташе естественная борьба с упадком духа. Ухудшало положение Наташи то, «что она не высказывала того, что было на ее душе, что они никогда не говорили с княжной Марьей, и то, что физические силы ее ослабели». Но эти «причины упадка ее духа носили в себе причины возрождения»,— отмечает автор и разъясняет: «То, что они не говорили между собой, как им казалось, потому, что слова были низки и недостаточны для выражения того, что они чувствовали, делало то, что они понемногу, сами не отдавая себе в том отчета и не веря этому,—забывали. То, что физические силы слабели, казалось, еще больше должно было усилить ее упадок, а вместе с тем тут только, когда она заметила упадок сил, она неожиданно почувствовала, как испугалась, встрепенулась жизнь, сидевшая в ней, стала пробовать свои силы и как неожиданно, подобно молодой траве, пробивающейся по заплевшему лугу, стали выбивать самые неожиданные жизненные впечатления, как бы пробуя свои силы. Она, думавшая, что она хочет смерти, не боится ее, любит ее,— вдруг, почувствовав близость ее, испугалась и стала спрашивать себя, жива ли она. Но Наташа сама не замечала этих невольных проблесков жизни».

Вслед за таким вступлением идет рассказ о неожиданном случае, который показал самой Наташе «присутствие этих, пробивающихся сквозь ил горя игл травы жизни».

Этим «случаем» был приход Рамбаля. Его пригласила княжна Марья, узнав, что Рамбаль в Москве знал Пьера, «про которого ничего не слышно было и которого знакомые его, находя это особенно поразительным, считали умершим в один месяц с его женой». Рамбаль рассказал княжне Марье и Наташе о своем знакомстве с Пьером и, главное, об их задушевной беседе, когда Пьер (Рамбаль также считал его погибшим) говорил французу «о девушке, которую любил, не признаваясь ей в своей любви. Прелестная молодая девушка, она совершила ошибку, но он любил ее еще нежнее за радость прощения. Наталья — так он называл ее». Рассказ Рамбаля послужил толчком к тому, что «в этот вечер в первый раз Наташа заговорила с княжной Марьей о князе Андрее» и, начав говорить, заплакала.

17 Заказ № 1368

Закончен первый набросок рассказа о возрождении Наташи к жизни. Толстой остался им недоволен, вероятно, потому, что создалась психологически не оправданная ситуация: напоминание о любви к ней тоже погибшего, как они считали, Пьера не только не усилило ее душевного угнетения, но, напротив, вдруг вызвало у Наташи проблески жизни, «сквозь ил горя» она ощутила «иглы травы жизни».

На последнем листе откинутой рукописи запечатлена новая идея: «Приезд Веры и известие о Пете».

Чтобы вернуть Наташу к жизни, автору надо было провести ее через новое сильное потрясение. Его искал Толстой. Возможно, что этим и вызван замысел гибели Пети. Теперь возродит Наташу к жизни преданная любовь к матери, сраженной смертью Пети.

По-иному пришлось показать состояние Наташи. Как и прежде, описана дружба Наташи и княжны Марьи, которые после смерти князя Андрея были неразлучны. Толстой, со свойственной ему смелостью проникая в душу человека, раскрывал муки обеих девушек в дни, когда над ними «остановилось и нависло грозное облако смерти», когда они, «сжавшись и согнувшись от жизни, избегали ее, ходили в ней так, чтобы грозная нависшая туча не задевала их». Всякое участие «в вольной жизни» казалось им «кощунством испытанного чувства. В этой вольной жизни на каждом шагу встречались оскорбительные недостойные воспоминания, как пьяный смех в середине таинственного хора, к пению которого они с напряжением продолжали прислушиваться». Общее горе «породило в них взаимное чувство, сильнейшее, чем дружба».

Предстояло показать, как обе героини, пройдя через страдание, каждая по-своему вернутся к жизни. После смерти князя Андрея обе они жили «только в своем мире, где, они знали, ни та, ни другая не нарушит той благоговейной тишины, которая нужна была им». Они постоянно подолгу беседовали, но ни разу не говорили об умершем, потому что «им казалось, что всякое упоминание словами о нем нарушало величье происшедшего». Они не говорили о будущем, «как будто будущего не существовало для них», они говорили большей частью о дальнем прошедшем, и в этих беседах они раскрывались друг перед другом и поняли друг друга.

«Княжна Марья рассказывала про свое детство, про свою мать, про своего отца, про свои мечтания, и Наташа, прежде с спокойным презрением отворачивавшаяся от этой жизни преданности, покорности, от поэзии христианского самоотвержения, теперь... полюбила и прошедшее княжны Марьи и поняла непонятное ей прежде— прелесть и высоту покорности и самоотвержения. Она не думала прилагать эту добродетель в своей жизни, потому что она не верила в возможность жизни, но она поняла и полюбила в другой эту прежде непонятную ей сторону

жизни». Такая же внутренняя перемена произошла и в княжне Марье, для которой в рассказах Наташи «тоже открывалась прежде непонятная сторона жизни, вера в жизнь, в наслаждение жизни».

Рассказ о благотворном влиянии девушек друг на друга почти дословно вошел в окончательный текст, но в рукописи была еще отражена религиозная настроенность княжны Марьи, не заражавшая Наташу. Княжна Марья нашла успокоение и силу в евангелии, которое она читала каждый день, а Наташа, взяв эту книгу, «возбуждавшую ее удивление тем, что в ней находят что-то необыкновенное», и начав «тайно, прячась от княжны Марьи», читать, не смогла ее понять. В ответ на удивление княжны Марьи Наташа вскрикнула: «Нет, я не могу... Я все понимаю, что ты взяла из этой книги. Я тебя понимаю. Я понимаю радость страдания. Но я не пойму, не могу...»

Быть может, этим эпизодом Толстой хотел показать, как княжна Марья, имевшая «более сильную, чем Наташа, опору в твердой и высокопонимаемой вере», была прежде Наташи «вызвана жизнью из того мира печали, в котором они жили». Этому послужил в новом варианте уже не уход за больной Наташей, а житейские заботы и постоянный уход за племянником, сыном князя Андрея. Для Наташи же, не имевшей опоры в вере, необходимо было новое сильное потрясение. «В начале ноября получено было в Ярославле известие о смерти Пети, и это известие вывело первое Наташу из ее положения».

Так закончился второй набросок. Главное уяснилось автору. Он раскрыл душевную жизнь своих героинь и знает теперь, каким путем они вернутся к жизни. Но в новом варианте действие слабо развито, оно заменено авторским рассказом. Вернее всего, именно этим был недоволен Толстой. Он заново работает над этой главой, делает попытку исправлять написанное, затем решает все перестроить.

Создается третий вариант, совсем близкий к окончательной редакции. Открывается он несколькими словами от автора — о том, что вызывает в душе смерть любимого человека, когда «кроме ужаса перед уничтожением жизни, мы чувствуем разрыв, лишение и духовную рану, которая так же, как и рана физическая, иногда убивает, иногда залечивается, но всегда болит и боится внешнего раздражающего прикосновения». Так «одинаково чувствовали» Наташа и княжна Марья после смерти князя Андрея.

В прежнем тоне показано сближение Наташи с княжной Марьей. Все еще сохраняется религиозность княжны Марьи. «Жизнь не останавливалась, связи жизни не были разрушены, и надо было жить. И для того, чтобы жить, надо было иметь ключ к этой жизни. И ключ этот был у княжны Марьи в ее вере. Ей странно было вспомнить, как первое время своей печали она не обратилась к этому источнику утешения, но,

когда она теперь обратилась к нему, все ей стало ясно и заботы жизни уже не казались более оскорблением чувства». По-иному относится теперь Наташа к вере княжны Марьи. Не сама Наташа обращается к евангелию, а княжна Марья старается навести ее на свой путь. «Она говорила ей про утешения религии, она клала к ней на столик открытое Евангелие, но Наташа не притрагивалась к нему и враждебно отталкивала от себя княжну Марью с тех пор, как княжна Марья стала заниматься житейскими заботами».

Отрывок о Наташе был немедленно зачеркнут в той же рукописи, а рассказ о вере княжны Марьи дошел до наборной рукописи, и там уже исключен.

В последнем варианте появились уединенные размышления Наташи; перед внутренним взором ее все время проходили последние дни с князем Андреем. Писатель нашел, наконец, художественную форму, которая помогла ему рассказать о возвращении Наташи к жизни. Трагическое для всей семьи событие ворвалось в уединенную замкнутую жизнь Наташи в самый напряженный момент ее дум об умершем. В ту минуту, как «уже ей открывалось, казалось, непонятное», ее слух «болезненно поразил» громкий стук ручки двери. Вошла горничная Дуняша с известием о гибели Пети.

Без больших смысловых отличий от последней редакции создана сцена, когда Ростовы получают известие о гибели Пети, и рассказ о Наташе, которая безраздельно отдалась заботам о матери. Главное же, в новом варианте естественно и правдиво показано, что возродило Наташу. «Душевная рана матери не могла залечиться. Смерть Пети оторвала половину жизни графини. Она жила наполовину только, и через месяц после известия о смерти Пети, заставшего ее свежей и бодрой 50-летней женщиной, она вышла из своей комнаты полумертвой, не принимающей участия в жизни старухой. Но та же рана, которая наполовину убила графиню, эта рана — потеря любимого брата для Наташи — вызвала ее к жизни». Почти дословно так дошло до печати. В дальнейшей работе эта мысль будет развита.

Как бы углубляя мысль о том, что только любовь смогла залечить рану Наташи, Толстой в том же варианте говорит и о любви Наташи к княжне Марье: «Любовь эта, любовь эта исключительная, как казалось Наташе, основанная на воспоминании о нем, служащая только продолжением любви к нему, все дальше и дальше вызывала ее к жизни и заставляла забывать его».

Рассказ о двух девушках доведен до их отъезда в Москву.

К Наташе Толстой вернулся в последних главах романа: княжна Марья и Наташа встречают Пьера, приехавшего в Москву после окончания войны. Появляется новый портрет Наташи, долго не удававшийся Толстому. «На ней было какое-то черное с мягкими складками платье и, как безжизненно мягко лежали складки, так же безжизненно мягко, казалось, лежали ее черты и члены». Как всегда у Толстого, подлинным зеркалом души его героев служат глаза. Именно глаза Наташи сделали ее неузнаваемой. В первую минуту появления Пьера глаза были «внимательные, добрые, но мертвые». Впечатление от Пьера выказалось только в глазах. «Смущение Пьера не отразилось в ней смущением, но изредка в глазах ее стала светиться улыбка».

Толстого, видимо, беспокоила столь резкая перемена: вначале глаза «мертвые», и тут же в них «стала светиться улыбка». В следующей рукописи переход мягче. Не улыбка, в глазах видна лишь «возможность улыбки». Теперь «смущение Пьера не отразилось в ней смущением, но чуть заметным удовольствием, засветившимся в ее глазах, выражавших теперь возможность улыбки». И этот вариант немедленно был изменен, вычеркнута даже «возможность улыбки»; смущение Пьера отразилось, «только удовольствием, засветившимся теперь в ее глазах». В ответ на задушевные слова Пьера о Пете, которого он видел убитым, «только больше открылись и засветились» глаза Наташи.

Последняя отделка портрета Наташи проходила в корректуре. Пьер видит не «мертвые» глаза Наташи, а «печально-вопросительные»; отпали слова о «безжизненных» ее «чертах и членах», а смущение Пьера отразилось теперь на ней удовольствием, не только «засветившимся в ее глазах», но «чуть заметно осветившим все ее лицо». Так сохранилось в романе.

Тема князь Андрей — Наташа — Пьер завершилась при первой встрече Пьера с Наташей, когда после всего пережитого они заговорили о последних днях князя Андрея. Эта волнующая беседа была решена автором сразу. Вслушиваясь с глубоким вниманием «во все страшные подробности» смерти своего друга, о которых ему рассказала княжна Марья, Пьер обратился к Наташе: «Как я рад за него, что он свиделся с вами». Дальше о князе Андрее говорит Наташа. Она «вдруг побледнела, как свои воротнички, глаза ее с усиленным блеском остановились на глазах Пьера, и она стала рассказывать отрывистым с остановками, но не дрожащим голосом то, что она никогда еще никому не рассказывала, все то, что он говорил в те три недели их путешествия и жизни в Ярославле».

По рукописи видно, что в этом рассказе полнее раскрывались «последние дни любви» князя Андрея и Наташи. Она рассказывала Пьеру, как хорош был Андрей «в Троице»: «Он подозвал меня и стал говорить о происшедшем. Я просила его пожалеть меня. Он сказал, чтобы я жалела его, что прощать никто ничего не может». Она начинала говорить о том, что князь Андрей, как ей казалось, «знал сначала, что

его жизнь кончена, но ему было не страшно». Она вспоминала один случай, когда она, перед приездом в Ярославль, рассердилась на слугу за то, что князя Андрея «дурно положили», а «он смеясь...». Не дописав фразы, Толстой зачеркнул все подробности, после чего воспоминания Наташи о князе Андрее стали близки к печатному тексту. «Мучительный и радостный рассказ, видимо, был необходим для Наташи»,— отметил автор.

Создавая эти главы, Толстой долго искал такие условия, в которых Наташа психологически естественно могла бы заговорить о князе Андрее в первый раз после его смерти. Долго подготавливал автор свою героиню к перелому.

Внутренне преображенная после встречи с Пьером, Наташа призналась в задушевной беседе с княжной Марьей, что «один человек, которого она могла бы любить как мужа», был Пьер. Первоначально этим завершалось в романе повествование о Наташе, и она вновь появлялась уже в эпилоге. В корректуре Толстой дополнил рассказ о встрече Наташи с Пьером еще одной, последней главой. В ней раскрывается новый душевный строй Наташи, в которой «все вдруг изменилось», и она «с такой полнотой и искренностью отдалась новому чувству, что и не пыталась скрывать, что ей было теперь не горестно, а радостно и весело».

Весною 1813 года Наташа вышла замуж за Пьера. В последний раз она появляется в романе в новой роли — жены и матери. Образ Наташи в эпилоге не изменялся. Свое отношение к Наташе в новой для нее жизни Толстой выразил мыслями старой графини, которая «материнским чутьем» понимала, что «все порывы Наташи имели началом только потребность иметь семью, иметь мужа, как она, не столько шутя, сколько взаправду, кричала в Отрадном». Графиня Ростова «удивлялась удивлению людей, не понимавших Наташи, и повторяла, что она всегда знала, что Наташа будет примерною женою и матерью». Знал это и автор, создавший Наташу и наделивший ее лучшими в его глазах качествами женщины.

Портрет Наташи — жены и матери — завершил галерею портретов Наташи от 13-летней девочки до 28-летней женщины, матери четырех детей. Рисовал ли Толстой портрет Наташи девочки или юной девушки, Наташи в радости или в отчаянии, в горе—он всегда освещал ее образ своей любовью. Такою же теплотой и проникновенностью согрет последний портрет Наташи. «Она пополнела и поширела, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую подвижную Наташу». Черты ее лица «имели выражение спокойной мягкости и ясности». Непрестанно горевший прежде «огонь оживления» зажигался в ней теперь только тогда, когда «возвращался муж, когда выздоравливал

ребенок, или когда она с графиней Марьей вспоминала о князе Андрее», и «очень редко, когда что-нибудь случайно вовлекало ее в пение». И когда в ее «развившемся красивом теле» зажигался прежний огонь, она «бывала еще более привлекательна, чем прежде».

Душевный строй Наташи и вся ее жизнь в этот период воплощают заветный идеал Толстого: «цель супружества — семья». Наташе «нужен был муж. Муж был дан ей. И муж дал ей семью». Всем существом своим Наташа погрузилась в семью, и силы ее были устремлены на то, чтобы служить мужу и семье. Она чувствовала, что связь ее с мужем держалась не теми поэтическими чувствами, которые привлекли его к ней, а «чем-то другим, неопределенным, но твердым, как связь ее собственной души с ее телом». Связь эта выражалась в том, что Наташа знала «всю душу Пьера», а Пьер видел себя «отраженным в своей жене». Разговаривая, они «с необыкновенной ясностью и быстротой» понимали мысли друг друга. Наташа показана в ее заботах и привязанности к детям и, главное, в полном духовном единстве с мужем. В первой редакции эпилога Наташа сама говорит Пьеру о том, какое место он занял в ее жизни. «Ты знаешь, я думала, какая разница между мной и Мари... Для нее дети — все..., а для меня — муж. Я всех их брошу для тебя, а она нет». В окончательном тексте эпилога нет такого признания, но этой мыслью пронизана сюжетная линия Наташи — Пьера.

Эпилог как бы перебрасывает мост к первому замыслу исторического произведения, к «повести о декабристе». Эпилог «Войны и мира» сомкнулся с сюжетом «Декабристов». Наташа Ростова — не примитивная «самка», как пишут о ней нередко исследователи романа, Наташа — женщина возвышенной души на всех этапах своей жизни. Она не колеблясь пошла бы в ссылку за своим любимым мужем. Так бы случилось, если бы Толстой написал задуманный роман о декабристах.

В Наташе Ростовой-Безуховой Толстой воспел благородную женщину той эпохи.

ПЬЕР БЕЗУХОВ — это тот самый герой повести о декабристе, который заставил Толстого «перенестись к его молодости, и молодость его совпала с славной для России эпохой 1812 года». Толстой начал писать «историю из 12-года», и одним из центральных героев ее стал молодой Пьер Безухов. Портретом этого героя Толстой пытался в одном из набросков открыть новое произведение. «Тем, кто знали князя Петра Кирилловича Б. в начале царствования Александра II, в 1850-тых годах, когда Петр Кириллыч был возвращен из Сибири белым, как лунь, стариком, трудно бы было вообразить себе его беззаботным, бестолковым и сумасбродным юношей, каким он был в начале царствования Александра I, вскоре после приезда своего из-за границы, где он по желанию отца оканчивал свое воспитание».

В одной этой фразе уяснялось, каким появится молодой Пьер в новом произведении и как завершится его жизнь. Впоследствии Толстой по-иному начал свой роман, но намеченная линия жизни Пьера сохранилась. Однако, несмотря на четкость этой линии, Пьер оказался в числе тех персонажей, создание которых потребовало наибольших трудов и поисков.

Мы не раз упоминали перечень действующих лиц с их характеристиками, составленный в начале работы над романом. Среди них нет ни одного, кого бы можно было в достаточной мере связать с будущим Пьером. Только некоторые черты, приписанные лицам, названным Петр и Аркадий, будут впоследствии присвоены Пьеру: «Дружба со всеми, честолюбия и тщеславия никакого, всегда со всеми кроток. Не признает наших [?] законов. Крайний либерал в мысли и в жизни. Не знает любви к женщине. Любит забыться, выпить, поздно сидеть и болтать. Философ такой, что себя пугается. О бессмертии говорит часто и мучим вопросом». Эти определения близки к характеру Пьера.

Дольше, чем для других персонажей, подбиралось имя. В ранних набросках это князь Кушнев, затем юноша Léon Безухий, Аркадий Безухий, Петр Иванович Медынский и, наконец, Пьер Безухов.

Под именем князя Кушнева будущий Пьер появляется на бале екатерининского вельможи Льва Кирилловича Вереева на маслянице 1811 года. Он один из «самых богатых людей России, числившийся при дворе и нигде не служивший». Он назван среди гостей, «особенно обративших внимание всех» на этом бале. Молодой Кушнев был «высокий, толстый, близорукий, большеголовый мужчина лет 25-ти, без усов и бак, в очках и коротко обстриженный. Он шел, переваливаясь и с повислыми руками, неловко и небрежно, валясь вперед всем телом, точно он очень усталый шел в далекий и скучный путь. Он кланялся отрывисто, по нескольку раз кивая головой, и пожимал руки все, какие ни попадались ему». Он шел, «не обходя никого и с полной уверенностью, что его пропустят». Когда он сталкивался с кем-нибудь, он также жал руку, «улыбаясь притворной, напущенной улыбкой, притворность которой он и не пытался скрывать». Он говорил «немного косноязычно, как будто рот у него был полон кашей».

Таким представился первоначально воображению писателя тот самый герой в молодости, портрет которого в старости был, как мы видели, уже давно знаком ему. От старого Петра Ивановича Лабазова, героя повести о декабристе, перешло к князю Кушневу «выражение несказанной доброты и впечатлительности», которое не всякий мог разобрать сквозь его внешность. Такая черта выступает в первом эскизе портрета будущего Пьера в ту минуту, когда он «наткнулся вплоть на Зубцова» и лицо его «вдруг просияло неожиданно совсем другой, доброй, детской улыбкой». Еще одна характерная черта вводится в портрет: когда он близко посмотрел на Зубцова через очки, его «зеленые глаза были еще добрее и лучше улыбки». Глаза и улыбка, преображающие лицо, останутся навсегда главными чертами портрета Пьера. Радостная встреча Кушнева с графом Зубцовым свидетельствует о дружбе героев, которая также навсегда сохранится в романе.

Князь Кушнев, как и будущий Пьер, с первых же строк показан в оппозиции к общепринятым в свете мнениям.

Первое, что произносит Кушнев, это — осуждение Наполеона, которого в то время и в том кругу еще называли «императором Наполеоном». А Кушнев его «не признает», для него он — Бонапарт, он «все еще un mauvais drôle *, от которого долго не будет людям покоя». Свое мнение он высказывал всем и даже французскому посланнику

* злой шутник.

Коленкуру. Самостоятельность и независимость суждений Кушнева закрепились за будущим Пьером.

Важный для Пьера штрих — случайная женитьба — также определился в раннем наброске, где нарисован только портрет его жены. Но даже внешние черты и, главное, характер рисунка говорят о резком (не только внешнем) отличии красавицы жены от неуклюжего Кушнева.

Пока она еще не дочь князя Василия. Сначала Толстой попытался сделать ее бедной дворянкой, но тогда неоправданно было бы то «торжество», каким оказалось ее появление на бале. Женой Кушнева стала «известная своей красотой» фрейлина Княжнина. Подробно вырисован внешний облик этой «признанной первой красавицы того времени». Бросается в глаза стремление автора резко противопоставить неуклюжему Кушневу его красавицу жену. В описании ее внешности настойчиво звучит эпитет «яркий». Она была «в ярко желтом цвете», который могла себе позволить только она. «Невольно поражали» в ней «яркий блеск черных глаз из-под длинных загнутых ресниц, яркая белизна сильных плеч, рук и груди, яркий отлив черных огромных кос, высота роста, яркость величавой поступи и легкий оттенок презрительности ярких зубов и губ, и свет двигавшихся с ней брильянтов». Ею все восхищались, государь говорил с ней. В то время как лицо Кушнева преображалось от улыбки, выражение ее лица «было неизменно одно и то же, прекрасное, улыбающееся и слегка презрительное». Это точный портрет будущей Элен, не имеющей пока имени. И когда Толстой начнет позднее рисовать Элен в салоне Annette D., он воспользуется этим самым первым возникшим в его воображении образом, сохранит также ее неизменную улыбку.

В следующем наброске Кушнева заменил спорящий юноша Léon, «единственный сын князя Безухого». По характеру он все такой же. «Да никто вам не говорил, что я считаю Бонапарта хорошим христианином, я этого не сказал, я совсем этого не говорил, я говорю, что он великий человек»,— этими словами открывался новый набросок начала, в котором действие происходит в 1808 году на именинах у графа Простого. Произносит эти слова «запыхавшись и почти с пеной у рта, но с добродушнейшим озлобленным лицом высокий толстый юноша» Безухий, споря о Наполеоне с князем Василием. Опять его мнение о Наполеоне противоположно тому, которое принято было в гостиных считать в то время правильным.

О внешности Безухого на этот раз сказано мало. Примечательны его дурные манеры: он говорит «слишком громко», положивши оба локтя на стол, «а один даже в соус». Необычное поведение вызывает смех детей, сидевших за столом. Детский смех заставил юношу прекратить спор, и он вместе с детьми «засмеялся самым добродушным

смехом». Старый граф Простой отзывается о нем хорошо: «умный», «славный». Вот все, что пока известно о юноше. Как в первом, и в новом наброске симпатия автора к молодому Безухому очевидна.

В следующем наброске не Léon, а Аркадий Безухий впервые показан в доме умирающего отца, куда приезжают княгиня Анна Алексеевна Щетинина с сыном Борисом и князь Василий Позоровский. Совсем в иной, чем прежде, обстановке появляется Аркадий Безухий, и здесь он опять четко выделен из окружающей среды. За ним сохранена все та же неуклюжая внешность: он толстый, у него «толстые губы», говорит он так, «как будто рот у него был полон каши». Одновременно с такой не светской внешностью Толстой показывает душевное благородство своего героя. «Хотя он с добродушием молодости и веселости, заменявшим такт в его медвежьей натуре», поцеловал руку княгини и обнял Бориса, ему, «видимо, было совестно за княгиню и ее сына, посещение которых он не мог объяснить себе». Толстой разъясняет, что «между людьми всегда чувствуется неловкость, когда у одного из них есть замысел, в котором неудобно признаться. И неловкость эта чувствуется преимущественно теми, которые не имеют замысла и которым совестно за другого». А молодому Безухому было особенно трудно сносить неловкое положение, потому что он «слишком тонко чувствовал и слишком был для того добр и мягок».

Аркадию неприятна «вся эта комедия» у постели умирающего отца. «Ну, умирает человек, оставить бы его в покое. Нет, скачут из Петербурга, из Москвы, чтобы его мучить. И все за то, что он богат». Такими мыслями он делится с Борисом Щетининым (будущим Друбецким). Но едва он увидел, что Бориса обидели его слова, «в глазах и на всех чертах испуганного, растерянного» Аркадия выразились «жалость, нежность и любовь», и этот «толстый человек», покрасневший больше Бориса, «со слезами на глазах» стал успокаивать его.

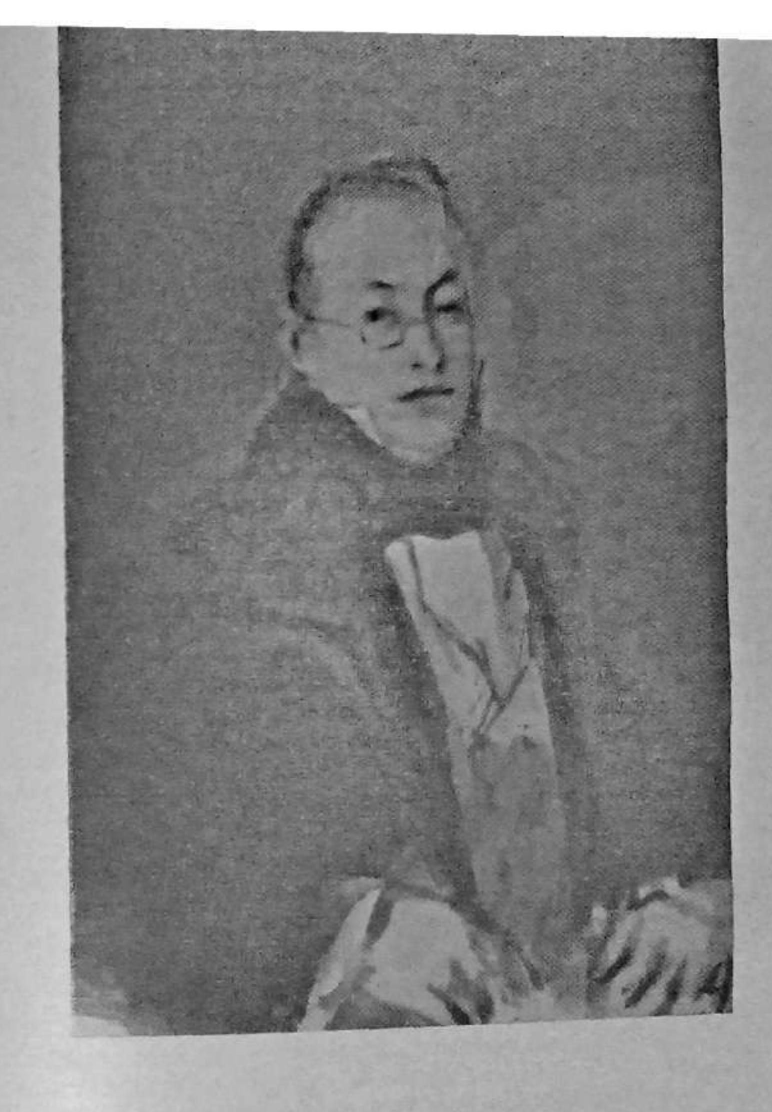
Аркадий «с добродушным оживлением, доходящим до красноречия», высказывает Борису свои взгляды на дружбу, которую он понимает не как «любовь с чувственностью», а как «чистое, честное сближение без другой цели, как счастье того и другого». Безухий много говорит о своих убеждениях. «Он был пропитан новыми идеями того времени, он был и мистик, и либерал, крайний либерал 1794 года и поклонник Бонапарта». О взглядах сына говорит княгине Щетининой старый граф Безухий, которому приехавший из-за границы Аркадий рассказывал «про Бонапарта и его распоряжения, про дух французов». Отец сожалел, что у сына нет «ни малейшей любви к славе», что «ему бы надо родиться мещанином, а не князем Безухим». Вернувшись домой, Борис Щетинин рассказывал «про чудака Безухого».

Так подготовил Толстой появление за именинным столом спорящего со всеми юноши. В это время в Москве еще неизвестно было о «возгоревшемся» в Петербурге энтузиазме к Наполеону после Тильзита. Все еще были «против», и только юноша Léon был «за» Наполеона, подобно тому, как в предыдущих вариантах юноша Безухий разоблачает Наполеона, перед которым в ту пору преклонялись в аристократических кругах.

У Толстого не было никаких колебаний, каковы будут внешность, душевные качества, убеждения Пьера. То автор более подробно рассказывает о Пьере от себя, то показывает, какое впечатление Пьер производит на окружающих, то проявляет его свойства в действии,— но при любых обстоятельствах это все тот же Пьер.

Когда Толстой решил начать роман рассказом о Пьере, он дополнил определившуюся биографию его упоминанием о том, что отец его был «чудак и масон» (эти черты по «наследству» перейдут к Пьеру). Кроме того, автор отметил, что всех интересовало, усыновит ли князь Безухов, владелец сорока тысяч душ, своего незаконного сына, и что меньше всех наследство интересовало самого Пьера, «постоянно увлеченного либо каким-нибудь пристрастием, либо какой-нибудь отвлеченной мыслью». Впервые становится известным, что, приехав из-за границы, Пьер остановился в Петербурге у «знаменитого вельможи и родственника отца», князя Василия Курагина, и «бессумрачные ночи» проводил с его сыном Анатолем «за вином, картами и женщинами», причем сам «не зная для чего, потому что не любил ни вина, ни карт, ни женщин».

В двенадцатом варианте начала Пьер появляется в доме своего друга, молодого князя Андрея Волконского (еще не Болконского) на званом обеде. Рисуя гостей, Толстой опять задержался на портрете Пьера. Он ищет определения: «толст», «пухл», «курчав», «с крупными и вялыми чертами лица». Наконец, нашел: «В сравнении с тонкими, твердыми и определенными чертами князя Андрея, черты Пьера казались особенно пухлы, крупны и неопределенны». Упор сделан на его «особенно оживленные и умные глаза», которые «составляли главную черту его физиогномии». Выражение лица и улыбка освещали этот портрет. «Взглянув на его лицо, всякий невольно говорил: какая умная рожа. А увидав его улыбку, всякий говорил: и славный малый должен быть. Лицо его, вследствие серьезности выражения его умных глаз, казалось скорее угрюмо, чем ласково, особенно, когда он говорил, но стоило ему улыбнуться и открыть порченные зубы, чтобы вдруг лицо его приняло неожиданно такое наивно, даже глупо доброе выражение... И улыбался он не так, как другие улыбаются, так что улыбка сливается с неулыбкой почти незаметно. У M-r Pierr'а улыбка вдруг, как будто по мановению волшебника, уносила обыкновенное, умное, несколько

Пьер Безухов. Акварель К. И. Рудакова. Публикуется впервые.

угрюмое лицо и приносила другое, детски наивно доброе, просящее прощения как будто, и все отдающееся вам лицо и выражение». Настойчиво, почти *повторяясь*, Толстой рассказывает о привлекательной, полной обаяния внешности Пьера. Ни об одном из своих только что рождающихся героев Толстой не говорил с такой любовью, как о Пьере. Одновременно *он стремится полнее* познакомить читателя с его взглядами. Лучше всего они могут выявиться в споре, и Пьер «любил спорить». Где бы он ни появлялся (в ранних набросках начала): на придворном *ли бале в Петербурге*, в доме ли графа Простого в Москве, или в доме умирающего отца, на званом обеде у своего друга Волконского,— он немедленно начинает политические споры, и всегда его суждения *противоречат общему мнению*.

Так случилось и за обедом у князя Андрея, когда он вступил в разговор о преобразованиях, предполагаемых в России, о конституции. *«Несмотря на свою распущенность и слабость в жизни*, в деле мысли и спора он был необыкновенно силен и обладал непоколебимой логикой». По убеждениям Пьер «считался либералом того времени, в своем *путешествии нахватавшимся* идей революции, но неспособным ни на какое дело». Пьер «и не думал спорить о том, хорошо ли, дурно ли работает Михаил Михайлович или Иван Иванович, что было лучше — коллегии или министерства, даже вопрос об ответственности министров был для него ничтожен. Он говорил, что конституция и вообще права и большая степень свободы не может быть дана народу, но должна быть взята, завоевана им, как она была завоевана в Англии и Франции. Он говорил, что конституция, данная по прихоти монарха, может быть и отнята по той же прихоти, и что поэтому учреждение Совета и министерств не принесет пользы».

Так постепенно в ранний период работы над романом определились имя героя и его внешность, наметилась связь с некоторыми действующими лицами и постепенно *выявлялись его политические* взгляды, а также его отношение к Наполеону, восторженное до первой войны России с Францией в 1805 году и крайне отрицательное потом.

К тому времени, когда установилось *после длительных поисков* место и время начала действия (салон придворной фрейлины летом 1805 года, где присутствует Пьер), Толстой успел сжиться со своим героем, полюбить и характерность его и в *какой-то мере уже представить* себе его жизненный путь. Тем не менее в новой обстановке надо было по-новому показать героя. Пьер опять не похож на других гостей салона. Первоначально сказано кратко, что *это был* «очень молодой *человек* с большой, вытянутой взад, головой», весьма «скромной и застенчивой наружности», «рассеянный». Когда все слушали с вниманием и уважением рассказ виконта о Наполеоне, Пьер «вертелся на своем *стуле*», не обра-

щая никакого внимания на рассказ и *рассказчика*. Затеяв спор с виконтом, Пьер, несмотря на свою застенчивость, стал высказывать смелые суждения, *настолько необычные* для светского салона, что хозяйка, Annette D., не могла себе простить, что *пригласила* его. «Коли бы я знала, что он такой mal élevé * и бонапартист»,—сетовала она. Но молодой *человек был хуже*, чем «mal élevé и бонапартист. Он был якобинец»,— добавил автор.

Не удовлетворившись столь выразительным портретом Пьера, *Толстой продолжает искать* черты, выделяющие героя из среды гостей фрейлины. Тут же нарисован новый портрет. Пьер выступает как «высокий толстый сутуловатый молодой человек». Он наделяется *то «стриженной» головой, то «курчавой», то вновь «стриженной»*. Он в очках и коричневом фраке (так дошло до окончательного текста). «Молодой человек этот, видимо, не имел привычки к свету», он «растерянно» остановился в середине гостиной. *Неуклюжая фигура Пьера не только* упомянута, но для нее найдено образное определение: «несмотря на модный покрой платья», этот толстый человек был «неповоротлив, неуклюж, как бывают неловки и неуклюжи здоровые мужицкие парни». В отличие от предыдущего портрета, Пьер «не застенчив и решителен в движениях», лицо его «умно». Такой сохранилась внешность Пьера в журнальной публикации первой части.

Только на последнем этапе работы отпало сравнение с здоровым мужицким парнем, *исключены мелкие подробности портрета. В последнем* варианте Пьера отличает от остальных гостей не столько внешность и манеры, сколько то, что Анна Павловна «приветствовала его поклоном, *относящимся к людям самой низшей иерархии* в ее салоне». Однако на ее лице выразились беспокойство и страх, которые, как сообщает автор, могли относиться «только к тому умному и вместе робкому, *наблюдательному и естественному* взгляду, отличавшему его от всех в этой гостиной». Тревоги Анны Павловны оправдаются, едва Пьер присоединится к общей беседе.

Участие Пьера в салонном разговоре Толстой тоже многократно исправлял, но характер его не изменялся. Как в ранних набросках, так и в последнем варианте Пьер *начинает спор о* Наполеоне, перебивая своей репликой виконта, рассказывавшего модный тогда анекдот о герцоге Энгиенском и, главное, о Наполеоне, которого никто из присутствующих не только не признавал *императором*, «никто не признавал его даже человеком. В глазах vicomt'а и его слушателей это был какой-то изверг рода человеческого, Cartouche, Пугачев, Кромвель, до сих пор ускользавший от заслуженной петли».

* дурно воспитанный.

Недоуменный вопрос Пьера, почему же они называют Наполеона лакеем, нарушил единодушное мнение всех и вызвал удивление. В этот разговор вмешался автор, дружелюбной иронией проявляя свою симпатию к толстому молодому человеку. «Для чего было высказывать мнение, противное всем», добавил автор, и зачем «не уметь жить до такой степени, чтобы перебивать изящный рассказ, всем доставляющий удовольствие, выражением своих мнений».

И тут при первом знакомстве с Пьером читатель видит в нем человека, убеждения которого идут вразрез с общепринятыми. Он заявил, что считает Наполеона великим человеком, что «вся нация умрет за величайшего человека мира». На посыпавшиеся со всех сторон возражения он отвечал: «Да, я был в Париже год тому назад... и не в Faubourg St. Germain, который весь теперь перешел на сторону императора и которому нужны только придворные титулы, а в народе, в армии». Далее он говорил о том, что «революция была великое дело» и что Наполеон — «представитель великих идей». Он много и долго говорил, «но никто не одушевился, один князь Андрей зажег огонь в глазах, любуясь на него».

С этого момента два совершенно различных по внешности человека, светски утонченный Болконский и неуклюжий Пьер, каждый по-своему, выделены из аристократического круга и тесно связаны между собой своими убеждениями.

Толстой долго работал над сценой, где впервые появляется Пьер в романе. В ней нужно показать позиции Пьера в начале действия. Автору ясны убеждения героя, для него несомненно также и то, что Пьер будет их смело высказывать. Но в рукописных вариантах речи Пьера слишком пространны. Кроме того, писатель не мог удержаться от желания рассказывать о том, как горячо защищал Пьер свои взгляды, и, главное, высказывать в авторских репликах свое к нему отношение.

Толстой разъяснял, что испуг хозяйки салона происходил «не столько от слов, произнесенных молодым человеком, сколько от того одушевления негостиного и совершенно неприличного, которое выражалось в сангвинических чертах курчавого юноши. Он не делал жестов, не кричал, напротив, робел и сидел хмурый, но по всей фигуре видно было, что его прорвало и что ничто не остановит его теперь рассказать всю свою мысль».

Толстому мало этих подробностей; он продолжает говорить о своем Пьере, и в его как будто бесстрастном тоне выступает самое глубокое сочувствие герою. Сколько иронии по адресу гостей и солидарности с Пьером звучит в словах автора о том, что молодой человек действительно был «вполне неприличен и резко отличался от всех бывших

в гостиной. Он был одет, кланялся и входил и сидел как другие, но как только его затронули и он начал говорить, так высказалось все его отличие от других. Он, видимо, не умел удерживать себя, примеривать и соразмерять по другим, отделываться молчанием, шуточкой. Как только с ним заговаривали, он вдруг начинал говорить все, что думал. Он был как дикая не выезженная лошадь». При взгляде на Пьера казалось «еще удивительнее», что человек, «не умеющий совершенно держать себя в гостиной, тоже позволял себе иметь свое мнение и говорить неприличные речи». Авторские реплики подсказывают читателю, что Пьер в этом обществе представлял круг передовых людей своего времени. То, о чем так «много и долго» говорил Пьер «в таком обыкновенном и пошлом» роде, было именно то, «как думали тогда многие образованные молодые люди».

Ни одна из авторских реплик не дошла до печати. Поведение Пьера, его рассуждения и реакция салонных гостей сами по себе приведут читателя к нужному выводу.

«Речи» Пьера в салоне фрейлины пришлось сократить. Быть может, оказалось неестественным, что хозяйка, следившая за тем, чтобы правильно заводить «равномерную, приличную разговорную машину», не прервала «неприличную» речь. Кроме того, сама речь слишком затягивала действие. Она была сокращена, но суть ее не изменилась. Пьер говорил о Наполеоне, как о «величайшем человеке мира», за которого «вся нация умрет», которому «народная воля» передала власть, а «законна только народная воля». Он удивлялся, «как же не видать ничего в революции, ни в Наполеоне, ничего кроме личных интересов Бурбонов». «Мы сами не чувствуем,— говорил Пьер,— как много мы обязаны именно революции». Так сохранилось в печатном тексте.

После салона Анны Павловны читатель встречается с Пьером в доме его друга Болконского; затем в совершенно иной обстановке — на кутеже у Анатоля Курагина. Пьер зашел к нему в тот момент, когда составлялось пари: кто выпьет бутылку рома, сидя на окне пятого этажа. В пьяной компании золотой молодежи Пьер выглядит таким же чужаком, как и в гостиной фрейлины. Уже в первом наброске появилась сцена кутежа у Курагина, в которой Пьер только внешне участвует, и не потребовалось впоследствии сколько-нибудь серьезно исправлять этот эпизод.

Особая роль отведена Пьеру в доме умирающего отца, где собрались родственники, жаждущие наследства. Автор настолько хорошо чувствует характер героя, что ему с самого начала ясно, как тот поведет себя.

Хотя в одном из ранних вариантов начала эта тема была во многом решена, Толстой, вернувшись вновь к ней, стал заново писать сцену

18 Заказ № 1368

в доме старого графа Безухова, по-прежнему отделяя Пьера от участников борьбы за «мозаиковый портфель». В новом варианте этих глав Толстой опять рассказал о Пьере гораздо больше, чем в законченном тексте.

Он рассказал о том, что Пьер не понимал и не желал понимать «все, что делалось в этом большом роскошном доме»; его «молодое чутье» говорило ему, что «все действующие здесь люди неестественны и чем-то таинственно заняты»; ему приятно было, что его не звали и он не должен был ни в чем участвовать. Не дошел также до печати подробный анализ переживаний Пьера: он чувствовал, что ожидает чего-то «с страхом, с тоской, но ждет и с нетерпением, с досадой нетерпения». Пьер ловил себя на мысли, что как будто ждет смерти отца, чтобы кончилось это неестественное состояние, и от этой мысли он приходил в ужас.

Исключена впоследствии молчаливая сцена, когда Пьер увидел прижатую к пуховому изголовью «седую голову отца, всегда такую гордую и насмешливую, теперь жалкую и беспомощную». Автор хотел передать то «многое, многое», что «накопилось недосказанное между двумя людьми», и то, что переживали оба в минуту последнего свидания. «Сколько нужно было сказать друг другу этому умирающему отцу и испуганному сыну!» Оба почти ничего не говорят, автор сам раскрыл мысли и чувства этих двух людей, которые любили друг друга, но никогда не выражали нежности и теперь молчаливо, по взглядам, понимали друг друга. Когда отец «с трудом» положил руку на волосы сына, в лице его «выразилась улыбка мольбы и стыда перед собой». Пьер «положил голову к его лицу и рыдал». В эту минуту они бы все сказали друг другу, но «на лице умирающего показалась улыбка, выражавшая сознание того, что говорить некогда, что все теперь видится и чувствуется иначе, что тяжело, больно, страшно и все уже кончено».

Нельзя, разумеется, объяснить, что именно заставило Толстого исключить эту внутренне законченную сцену, дополняющую и биографию и характер Пьера. В окончательном тексте в сцене смерти графа Безухова Пьер совершенно пассивен. Он не понимал, что делается вокруг него, и покорно следовал за руководившей им Анной Михайловной Друбецкой. Он решил «про себя», что «для того, чтобы не потеряться и не наделать глупостей, не следует действовать по своим соображениям, а надобно предоставить себя вполне на волю тех, которые руководили им». Роль Пьера в интриге вокруг завещания определена настойчиво повторяемой фразой о том, что Пьер не понимал происходящего и думал, что все это так должно быть.

Прощание отца с сыном дано в завершенном романе совсем коротко. Войдя в комнату отца, Пьер «смотрел на графа. Граф смотрел на то место, где находилось лицо Пьера». Когда Пьер увидел безжизненную

руку отца, в его взгляде отразился ужас. При виде страдальческой улыбки отца Пьер неожиданно почувствовал «содрогание в груди, щипанье в носу, и слезы затуманили его зрение». Что думали и чувствовали отец и сын, автор не сказал, а предоставил читателю понять самому. По черновикам же мы знаем, как рисовались самому Толстому переживания отца и сына Безуховых.

Для становления образа Пьера были важны еще две темы, завязка которых должна произойти в первой части романа. Это его дружба, глубокая, искренняя, с князем Андреем и его интерес к Наташе Ростовой. Обе темы отражены еще в первых рукописях. Взаимоотношения с князем Андреем уже выказались в светском салоне, где один князь Андрей не только «не нападал» на Пьера, но, напротив, поддерживал его и любовался им. Еще выразительнее их дружеские отношения сказались в интимной беседе в доме Болконского после вечера у Шерер. Как в завершенной редакции, так и в черновой, встречи Пьера с князем Андреем в разные периоды их жизни будут служить для раскрытия убеждений каждого из них.

Сложней вырабатывалась завязка второй темы, связанной с Наташей.

В ранних набросках первой части романа затронуты отношения Пьера к женщине. Автор решил, что женой Пьера станет Элен, и заранее подбирал детали, которые должны показать случайность этого несчастного для героя брака. Прежде всего в интимной беседе с князем Андреем Пьер резко осуждает семью Курагиных. «Вся эта семья такая comme il faut и grand seigneur *, вся эта семья грязнее грязи». Пьер называет Анатоля «куском мяса с физическими похотями», Ипполита — идиотом, отца — «ни то ни се» и подробнее всего говорит об Элен. «Это удивительно... Я никогда не видал, чтобы она чему-нибудь была рада или чем-нибудь огорчена. Я никогда не видал, чтоб она взяла книгу. Я ей дал раз потихоньку от отца «La Nouvelle Héloïse». Она говорит: скучно. Radcliff скучно. Adèle de Sénange**—скучно. Вот не знаю, на ком бы я не мог жениться, только не на ней. Это тот же Анатоль, красивый кусок мяса в юбке». Так Пьер оценивал Элен в ранних рукописях. Однако эта оценка не могла сохраниться, потому что она безнадежно тормозила сюжет: как же в таком случае довести Пьера до женитьбы на Элен? Поэтому осуждение семьи отпало, и Толстой, заканчивая работу над первыми главами, отметил лишь то впечатление, которое Элен произвела на Пьера в салоне Шерер. Пьер «смотрел почти испуганными, восторженными глазами на эту красавицу, когда она

---

* аристократическая и барская.

** [роман Аделаиды Суза].

проходила мимо него». Такая реакция вполне естественно подготовляла предстоящую женитьбу Пьера.

Автор знал и то, что у Пьера очень скоро после женитьбы произойдет разрыв с Элен и что счастье семейное ему принесет Наташа Ростова. Так ведь определилась сюжетная схема в самых первых конспектах. Начало темы Пьер — Наташа намечалось в первой части формировавшегося романа. В завершенной редакции промелькнуло только упоминание о том, что за именинным обедом у Ростовых взгляд Наташи «иногда обращался на Пьера, и ему под взглядом этой смешной оживленной девочки хотелось смеяться самому, не зная чему»; а во время танцев Наташа пригласила его танцевать. Такова едва уловимая завязка линии Наташа — Пьер, которой предстоит исключительная роль в будущем. Даже ни слова не сказано о том, какое впечатление произвела Наташа на Пьера.

Совсем не так было в черновых вариантах, где тема в первых главах звучала явственнее. За столом Пьер «беспрестанно» взглядывал на Наташу и «подпадал под взгляд и улыбку, назначенные Борису». Пьер обратил внимание на эту девочку и высказал Борису свое впечатление: «Странно,— говорил он шопотом Борису,— она не хороша, меньшая Ростова, вот эта маленькая, черненькая, а какое милое лицо!» И далее: «Нет, можете себе вообразить? Все черты неправильные, а чудо как мила». Пьер все смотрел на нее. Когда Наташа начала что-то говорить Борису, Пьер «тоже прислушивался, ожидая, что скажет эта маленькая черненькая, которая, несмотря на свои неправильные черты, как ему казалось, по странной, ему одному свойственной фантазии нравилась ему больше всех, кого он видел за этим столом...

— Нет, очень мила, — улыбаясь прошептал Пьер, как будто кто с ним об этом упорно спорил». А когда Наташа «весело улыбнулась» ему, они, не обменявшись ни одним словом, «этой взаимной улыбкой сказали себе, что нравятся друг другу». Когда встали из-за стола, Пьер «отяжелевший от обеда, плюхнулся на первый попавшийся ему стул, не спускал глаз с некрасивой, но милой девушки-ребенка, прелесть которого, ему казалось, он один открыл». Ему даже представлялось, что он влюблен в Наташу. Вернувшись от Ростовых и лежа в своей комнате, до того, как он был позван к умирающему отцу, Пьер читал роман Сталь «Коринну», и раздумья его об умиравшем отце прерывались то мыслями о героине романа, то воспоминаниями «о неправильном милом лице Наташи, которую он один умел оценить». И когда Коринна в романе «начинала импровизировать», в его воображении Наташа «начинала петь».

Все это уяснял себе автор, но маловероятно, чтобы впервые увиденная Пьером 13-летняя девочка могла так глубоко затронуть его чувство.

В законченном романе этого нет, но наброски важны для анализа творческой мысли писателя.

Итак, в первой части романа, начиная с первых набросков ее, выявились основные сюжетные линии, которые определят дальнейшую жизнь Пьера. По убеждениям он, наравне с князем Андреем, представляет передовых молодых людей и находится в противоречии с аристократической средой. Он связан с князем Андреем истинной дружбой, основанной и на общности взглядов и на высоте нравственного чувства обоих. Он презирает семью Курагиных, но по бесхарактерности не порывает личных отношений с ней; он немного растревожен красотой Элен. Где-то подсознательно затронула его чувство девочка Наташа Ростова. Эти линии будут развиваться каждая в отдельности, всегда связываясь и переплетаясь одна с другой.

* * *

Пьер вновь появляется в романе в совсем иной обстановке. Он богатый наследник, и князь Василий решил во что бы то ни стало женить его на своей дочери. По первому варианту новой части, действие начинается на семейном вечере в доме Курагиных, где состоялось обручение Пьера с Элен.

Целью Толстого с самого начала было показать, что Пьер никогда не испытывал к Элен истинной высокой любви; ее красота вызывала в нем только чувственность. Цель эта достигается изображением самой Элен, которая вся во внешнем,— такою показывает ее Толстой. Обрисованы «мраморные» плечи, «блестящее» платье; даже улыбка, не сходившая с ее лица, ничем изнутри не освещена. Ни о каких чувствах Элен Толстой и не упоминает.

Не то у Пьера. Хотя, как явствует из дальнейшего, у него возникли какие-то тревоги чего-то неестественного, тем не менее он искренен в новом захватившем его чувстве. На его лице «была тоже улыбка, счастливая, стыдливая». За ужином, в тот вечер, когда решалась его судьба, Пьер чувствовал, что он был «центром всего». Это «стесняло его и веселило в те минуты, когда он мог думать о чем-нибудь другом, кроме как о лице, плечах и груди своей соседки». В редкие мгновения в его голове «проблескивали» мысли о неловкости, он не мог дать себе отчета, «как это сделалось, что зашло так далеко». И так же, как тогда, когда он наблюдал суету вокруг умирающего отца, так и теперь он решал, что «это всегда так бывает в подобных случаях». Большую же часть времени «он видит, чувствует, слышит и думает только: блестящие прелестные глаза под бровями, эта шея, эти волосы».

Первый набросок доведен до сцены обручения; состоялось оно, как и в завершенном тексте произведения, независимо от воли Пьера. После обручения Пьер «боялся одиночества», и, хотя он верил, что она его любила, и чувствовал, что он ее любил, «в самой глубине души у него было чувство раскаяния в совершении чего-то как бы неестественного. Но довольно было приближения этой женщины, чтобы не только эти, но все мысли в нем уничтожались и оставалась одна невероятная надежда на страсть обладания».

Казалось бы, в первом наброске показано ясно, что отношение Элен к Пьеру лишено малейшей глубины, а у Пьера было сильное чувственное увлечение, которое казалось ему любовью. Отражены в первом наброске также тревоги и сомнения Пьера, возникшие тотчас после обручения. Дальнейшая авторская работа позволяет понять, что̀ не удовлетворило Толстого в ранней рукописи. Обручение и затем женитьба Пьера оказались ничем не подготовлены; непонятно, почему за ужином у Курагиных «все знали», что «героями ужина» были Пьер и Элен. Недоставало предварительного действия.

Толстой отошел к завязке отношений, предварительно составив конспект того, о чем необходимо рассказать. Конспект намечал следующие темы: «Как он [Пьер] проводил время и был окружен после смерти отца. Как ему естественно показалось, что все его полюбили». Необходимо осветить «общие отношения» Пьера с Элен, показать, что «его прельщает ее достоинство и такт. Он без задней мысли волочится за нею». В том же конспекте определился мотив, который станет стержневым в их отношениях: Пьер «страстно, чувственно влюблен в Hélène; произошло от нагнутого над ее шеей лица, запаха; ее улыбка сказала: может быть твое».

По этой канве стал создаваться рассказ. С большими подробностями обрисована создавшаяся вокруг Пьера атмосфера лести и искательности, которые Пьер воспринимал как искреннюю доброту. Однако «все, все без исключения лица эти были несимпатичны» Пьеру, и он иногда «с наивностью спрашивал себя: отчего это в числе стольких людей, которых я теперь вижу и которые действительно так добры ко мне (в этом надо отдать им справедливость), отчего, как нарочно, нет между ними ни одного мне приятного». Автор сам отвечает на вопрос Пьера, подтверждая, что его герой «искал в огромном числе приблизившихся к нему лиц тех, которых он сам любил, и не только не находил их, но находил их к себе более холодными, чем прежде, он не понимал того, что те, кого он любил, были люди с нежным нравственным чувством, такие же, как он сам, а эти люди отстранялись от него. Он часто вспоминал о лучшем своем друге, князе Андрее и писал к нему». В запутывавшей его интриге с женитьбой Пьер выказывает такую же чистоту, честность и доверчивость, как и в интриге с завещанием.

Жизнь Пьера в доме князя Василия подготовила его увлечение Элен, которая — так казалось Пьеру —«составляла исключение из лиц, окружавших его». Пьера пленяло в Элен все. «Образ ее лица, ее глаз, ее губ, шеи все больше и больше врезывался в воображение. Засыпая, он видел ее, слышал звук ее голоса, произносящего незначащие слова, чувствовал сияние ее улыбки; когда он видел других женщин, он сравнивал их с нею, и все при этом сравнении теряли свою привлекательность; когда он чертил карандашом, он невольно рисовал гордый профиль с изогнутой кверху верхней губой».

Все это как будто говорит о настоящей влюбленности молодого человека, но автор тут же ослабляет силу его чувства, напоминая, что в переживаниях Пьера не могло быть глубины,— ведь чем чаще он видел Элен, тем менее знал, «что такое была эта женщина». Толстой хотел было сразу раскрыть пропасть между Элен и тем, какою воспринимал ее чувственно влюбленный Пьер. Элен, так отметил Толстой, «одинаково могла быть зла, как дьявол, и добра, как ангел, очень умна и совсем глупа, чувственна и холодна». Однако Толстой немедленно отказался пока от какого-либо авторского комментария. Он ограничился тем, что показал Элен только такою, какою воспринимал ее Пьер. «Все было в ней красота и неизвестность». Эта оценка сочеталась с любовным ослеплением Пьера.

Отказался Толстой и от этого варианта. В новом нет и тени прежнего увлечения Пьера дочерью князя Василия. Живя в доме Курагиных, он проводил время с Элен не потому, что влюблен в нее, а потому, что он «невольно был поставлен в свете в обязанность исполнять столь непривычную ему роль cousin или брата». Под конец и от этого Толстой освободил Пьера; тем сильнее выказалось вдруг возникшее чувственное влечение Пьера к Элен в один из очередных вечеров в салоне Шерер, когда он, стараниями Анны Павловны, все время находился возле Элен.

Теперь, когда Толстому уяснилось, как возникнет чувство Пьера и произойдет сближение его с Элен, он написал без дальнейших перестроек и сцену в салоне Шерер, и затем вечер у Курагиных, закончившийся обручением. В последнем рукописном варианте главы, посвященные Пьеру и Элен, заканчивались коротким сообщением автора (как в первом наброске) о тех тревогах и сомнениях, которые переживал Пьер после женитьбы, о таившемся в глубине души чувстве «раскаяния в совершении чего-то как бы неестественного» и о той «страсти обладания», которую он испытывал при виде Элен. В окончательном тексте нет последней фразы, содержащей какой-то отзвук душевного состоя-

ния Пьера в первое время *после женитьбы. Сообщено лишь*, что Пьер обвенчан, и на этом прервался рассказ о нем без единого пока слова об его новой жизни.

* * *

Дальнейшее повествование о Пьере развивалось так, как известно по завершенному роману.

Пьер появляется вновь на обеде в честь Багратиона, устроенном в Английском клубе. Вновь он показан в большом светском обществе и опять совершенно не похож на всех. Николай Ростов, сидевший за *обедом против Пьера, «не мог в душе не смеяться на ту странную* фигуру, которую представлял этот молодой богач». Пьер «сидел, щурясь и морщась», и с видом рассеянности «ковырял себе в носу». Таким показан читателю Пьер через несколько месяцев после его женитьбы. Автор напоминает, что Пьер и раньше «не имел вид ловкого молодого чело*века», но тогда он был «добродушен и весел»*. Теперь же «лицо его выражало апатию и усталость», больше того, по впечатлению Николая Ростова, «он был похож на идиота». Теперь представился естественный повод сказать о семейной жизни Безуховых. Толстой глухо упоминает, что перемена в Пьере вызвана семейным разладом.

*Одновременно Толстой хотел рассказать об общественных интере*сах Пьера в ту пору. «Предмет, занимавший его теперь, так же как прежде политика, была стратегия. Он целые дни проводил в кабинете над картами, делая военные соображения». Автор добавляет, что прежде Пьер любил свои «чтения и мечтания», как «умственное упражнение, *разнообразившее его жизнь», а теперь он в этом «стратегическом запое»* спасался от своей жизни, в которой, он чувствовал, было «что-то нехорошо, нечестно, не то».

Так же пока без уточнений сказано, что на обеде в клубе именно Долохов напоминал ему более всех, что в жизни его «что-то не то», *и он по привычке* обращаться «к своему умственному *запою»*, сидя за столом, «находился в сердце [?] своих стратегических соображений».

В исправленном варианте уясняется, каковы же были «стратегические соображения» Пьера. В ту минуту, как Николай Ростов смотрел на Пьера, удивляясь на его «глупую фигуру», Пьер думал о том, что «Аустерлицкое сражение было ведено неправильно и что надо было атаковать с правым флангом». Услышав в это время слова Ростова о том, что он хорошо знаком с ходом Аустерлицкого сражения, Пьер спросил его: «Отчего же, когда центр наш был прорван, мы не могли поставить его между двух огней». Ответом была насмешливая реплика Долохова: «Ты бы хорош был на войне». Пьер поспешно отвернулся,

потом опять взглянул на Долохова и покраснел. Подготавливался конфликт между ними, закончившийся дуэлью. Так Толстой связал общественные интересы Пьера с его личной жизнью.

Затронутая личная тема требовала детализации и развития. В следующем варианте вставлен подробный *рассказ о близости* Долохова с Элен; ничего не подозревавший Пьер узнал об этом из анонимного письма накануне обеда в честь Багратиона. Как ни хотелось Толстому *рассказать об общественных* интересах Пьера, ему пришлось исключить из предыдущего варианта упоминание о них. Он решил посвятить создаваемые главы только личной жизни Пьера. Вернувшись к сцене в Английском клубе, Толстой добавил, что лицо Пьера во время обеда было «уныло и мрачно»; он думал «о чем-то одном и неразрешенном». *Мучила его измена жены. Глядя на Долохова, он думал*, что ему надо «предпринять что-то», но он не знал, что именно. Такие размышления были естественной причиной того, что Пьер не смог сдержать своего гнева на Долохова, вырвавшего у него из рук лист с кантатой поэта Кутузова, и в бешенстве вызвал его на дуэль.

Думы Пьера перед дуэлью связаны с его состоянием в сцене обеда. По первому варианту, в утро перед дуэлью Пьер только изредка вспоминал, что ему предстоит встреча с известным стрелком и бретером, тогда как сам он даже не умеет держать пистолета. Он «по привычке увлекался умственной работой, стараясь забывать про настоящее». Такой умственной работой и была увлекавшая его стратегия. «С утра еще он раскрыл свои карты и сделал распоряжения нового Аустерлицкого сражения, по которому Наполеон был разбит».

Стратегические выкладки Пьера, включенные в его думы перед дуэлью, не выполняли своего назначения. Они не столько говорили о глубоком интересе Пьера к происходящей войне, сколько служили искусственным предлогом, чтобы отвлечься от тревожных мыслей. В исправленном тексте, Пьер как в Английском клубе, так и перед *дуэлью поглощен только* мыслями о своей семейной жизни.

В Сокольниках, куда съехались дуэлянты (так во втором варианте), Пьер, «такой же рассеянный, недовольный, морщась» смотрел вокруг на тающий снег. Он «имел вид человека, все занятого *какими-то соображениями*, вовсе не касающимися до предстоящего дела». Пьер думал теперь не об Аустерлицком сражении, как в первом варианте, он «думал о пустяках, не касающихся дела, потому что слишком серьезно страдал в эту ночь». Причины его страданий пока не были раскрыты. Только в дальнейших рукописях (и так дошло до *печати*) становятся известными те «соображения», которые «исключительно занимали» его: «виновность» жены, в чем он не сомневался больше, и «невинность Долохова, не имевшего никакой причины беречь честь чужого для него *человека»*.

Перед ним вставал естественный для него вопрос: «К чему же эта дуэль, это убийство?»

Почти без исправлений дошла до печати сцена дуэли, поведение Пьера, неожиданный финал дуэли, растерянность Пьера по дороге домой, когда он, «морщась и ковыряя в носу» (этот жест Пьера Толстой постоянно включает, а затем вычеркивает), твердил: «Как глупо? как глупо? — и что-то бурчал».

И вновь продолжается напряженная работа автора — анализ размышлений Пьера в ночь после дуэли. Целую ночь Пьер не спал. Из его воображения не выходило «страдающее, умирающее, злое и все с притворностью какого-то молодечества» лицо Долохова. Оно требовало, «чтобы он остановился и обдумал значение этого лица и значение участия этого лица» в его жизни и «всю эту прошедшую жизнь». Надо напомнить, что до сих пор о семейной жизни Пьера ничего почти не известно, кроме каких-то отдаленных намеков. О ней читатель впервые узнает только теперь, когда в ночь после дуэли перед Пьером пройдет все «памятное прошедшее», начиная со дня женитьбы и кончая дуэлью. Такая композиция, найденная в первых же рукописях этой части, утверждалась в законченном романе. Следует отметить только одно существенное отличие: в рукописях более конкретно представлена прошедшая жизнь Пьера. С первого же дня наступило у Пьера разочарование, и теперь воспоминание о каждой подробности вызывало у него чувство стыда и раскаяния. Пьер заново переживал «теперь весь ход умышленного заблуждения и разочарования». Он вспоминал, *как отсутствие в его жене «всего человеческого в соединении с красотой* самодовольной» и, главное, «в соединении с сознанием необходимости близости с нею» делали для Пьера «часто ее ненавистною». Он вспоминал, как незаметно, независимо от его воли «видоизменялись все условия его жизни, как он втягивался в ту жизнь барича, праздного аристократа, которую он, напитанный идеями французской революции, так строго судил прежде».

Сцена объяснения с Элен на следующий день после дуэли создана в первом варианте и почти не изменялась. Объяснение супругов закончилось гневным припадком Пьера, в котором в этот миг сказалась порода отца; бросив в жену мраморную доску, Пьер почувствовал «увлечение и наслаждение бешенства». Он принял решение «навсегда разлучиться» с женой и уехать в Петербург.

* * *

Повествование о Пьере подошло к встрече с масоном. Масонство очень распространилось в России среди дворянства в начале XIX века и захватило многих из тех передовых молодых людей, которые вскоре

стали декабристами. Увлечение Пьера масонством изменило всю его жизнь.

Приход Пьера к масонству должен быть не случайным эпизодом, а важным событием, поскольку оно поможет найти выход внутренним метаниям. Сначала рассказано подробно о том, что чувствовал и чем был занят Пьер, приехав в Петербург. Он «думал, думал, думал и думал»,— сообщает автор. Но чем больше он думал, тем *«темнее, запутаннее и безнадежнее представлялись ему прошедшее, будущее и, главное, настоящее».*

Чувство «тоски и бессилия», когда перед ним особенно мучительно и неотвязчиво возникали вопросы «о значении всей жизни», послужило лучшей предпосылкой для увлечения масонством. В нем Пьер будет искать ответа на мучившие его вопросы. «Что я, для чего я живу, что творится вокруг меня, что надобно любить и что надобно презирать, что я люблю и что я презираю, что дурно, что хорошо, были вопросы, которые, не получая ответа, представлялись ему. И, отыскивая ответы, он лично одиноко в своей просторной голове со своей способностью к спекулятивным соображениям, *несмотря на свое малое изучение философии,* проходил по тем путям мыслей и приходил к тем же сомнениям, по которым проходила история философии всего человечества». Единственный «нелогический», но удовлетворявший Пьера ответ на вопрос «что есть я, что жизнь, что смерть, какая сила управляет всем» был: «Только в смерти возможно спокойствие». Толстой образно определил состояние Пьера: «как будто свернулся тот винт, на котором стояла вся его жизнь».

Во время таких размышлений, когда Пьер был погружен «в высший
склад мыслей, до которых может достигнуть человек», когда он чув-
ствовал, что «отыскивая истину, он дошел до той высшей степени чело-
веческого знания, на которой нам дано только видеть возможность
истины, но прегражден путь проникновения в ее святилища»,— в этот
момент в комнату вошел незнакомый человек. Это был старик масон,
который пришел к Пьеру, чтобы обратить его. Он сразу начал разговор
о масонстве, предложил ввести Пьера в «братство вольных каменщи-
ков», где он обретет успокоение. В проницательном взгляде масона
Пьер «почувствовал надежду и успокоение». Он «чувствовал, что для
этого старика мир не был безобразною толпою, *не освещенной светом*
истины, но, напротив, стройным и величественным целым».

Масон в мрачных тонах изложил прошедшее Пьера и сообщил, что
масоны *давно следят* за ним. Затем он «перешел к описанию той жизни,
которую должен бы был вести и устроить Пьер, ежели бы *он хотел*
следовать правилам масонов». «Старичок» указал Пьеру на то, что огром-
ные имения Пьера должны были быть «объезжены, во всех должны

были быть сделаны материальные благодеяния крестьянам, везде должны были [быть] учреждены богадельни, больницы, школы».

Выслушав «старичка», Пьер сказал, что все, что ему было сказано, было его «хоть и смутными мечтаниями». Через неделю был назначен прием Безухова «в Петербургскую ложу Северного сияния». Автор добавил, что все это время Пьер никого не видел, кроме новых друзей своих масонов, и «целые дни проводил за чтением их книг, перейдя от состояния апатии к страстному любопытству узнать, что же такое было масонство». Новая жизнь вселила в Пьера новые силы, и после посвящения в масоны он был «весел и сдержан, как бы подтрунивая над всем миром, зная истину».

Главы, посвященные масонству Пьера, многократно переделывались. Нарочитый приезд масона к Пьеру был заменен случайной встречей Пьера в Торжке по пути в Петербург с «одним из известнейших масонов того времени Нарымовым». (Позднее Нарымов заменится «одним из известнейших масонов и мартинистов еще Новиковского времени» Баздеевым.) Авторское изложение эпизода заменилось живой беседой.

В новой рукописи во всех подробностях масонского ритуала нарисована сцена приема Пьера в масонскую ложу [13]. Толстой тщательно изучал материалы о масонстве, читал масонские рукописи, «очень интересные», как он писал жене, но чтение их «нагнало» на него тоску, от которой он не мог избавиться весь день. «Грустно то,— писал он,— что все эти масоны были дураки». Толстой делал много выписок из документов, с которыми знакомился, и одновременно отметил, что Пьер «увлекается нравственной стороной, идет дальше и расходится». Пьер «увлечен идеей совершенствования себя и единством, но, идя дальше, нигде не находит содействия и поддержки». Так же конспективно Толстой характеризует самих масонов, какими они начали представляться Пьеру: «Один, как благодетель [т. е. Баздеев], мистик, другой, как Л., серьезный хлопотливый идиот». У Пьера был еще «знакомый масон, понимающий в таинствах натуры, другой — в блеске обрядности, четвертый — интриган». Так Толстой намечал для себя те наблюдения героя, которые впоследствии оттолкнут его от масонства.

Некоторые намеки на весьма неясные еще сомнения Пьера Толстой пытался вводить, переделывая сцену посвящения. В ранних рукописях такие сомнения звучат явственнее, чем в печатном тексте. Когда граф Вилларский приехал за Пьером, чтобы везти его для посвящения, Пьера поразил «холодный и строгий тон» этого человека, которого он почти всегда на балах встречал в обществе «самых блестящих женщин». По дороге он видел на лице графа Вилларского «торжественность, вызывавшую в нем попеременно то такое же чувство торжественности, то необходимости протеста над этой торжественностью и желание посмеяться над самим собой». Когда Вилларский повел куда-то Пьера с открытой рубашкой на левой груди, обнаженной левой ногой и завязанными глазами, Пьеру «было больно от притянутых узлом волос и ему было совестно: он боялся, что все то, что он делает, ни к чему не нужно; он морщился от боли и улыбался от стыда». Когда Пьер развязал себе глаза и увидел обитую черной материей комнату и находившиеся в ней вещи(мертвая голова,гроб, кости), они не произвели на него впечатления.

Весь обряд Пьер не воспринимал как цельный торжественный акт. Он видел раздробленно каждый предмет и каждое действие. При этом все предметы Толстой называет обыденными словами, сознательно разрушая тем самым подобающие всему действию таинственность и возвышенный смысл. Пьер увидел «череп с крест-накрест положенными перед ним костями», «большой ящик, полный костями». Раскрыв пальцами складки черной материи, которой были обиты стены, Пьер «пощупал штукатуреную стену»; потом он «присел на гроб с костями». (По манере описания эта сцена напоминает показанное через тридцать лет в романе «Воскресение» богослужение в тюремной церкви.)

Не успел Пьер пройти ритуал посвящения, а ему уже «скучно было и более всего страшно было, что его надежда — найти объяснение жизни в масонстве окажется тщетной». А когда он узнал в риторе знакомого ему неприятного человека, он «мгновенно» потерял надежду. Пьер вдруг понял, «что все, что он думал и что ему говорили, было вздор. Ему стало стыдно». Только после окончания обряда, после того как «сам великий мастер» прочел устав, «весь основанный на стремлении к совершенствованию и на чувстве любви и самоотвержения для ближнего», у Пьера исчезли «все сомнения в законности» обрядов, которым он подвергся. Он чувствовал себя «вполне обновленным и счастливым».

Толстой хотел, чтобы масонство, нравственной стороной которого должен увлечься Пьер, вернуло ему силы жизни. Сомнения, возникшие при первом же соприкосновении с обрядами, делали этот замысел невозможным. Вряд ли чуткий Пьер, сразу уловив фальшь, мог бы после того искренне отдаться этому учению. Вот почему пришлось расстаться с почти сатирическим описанием ритуала. Были впоследствии исключены сомнения Пьера; на минуту промелькнуло такое чувство, но он ужаснулся ему. Сама жизнь должна постепенно поколебать веру Безухова и привести его к разочарованию, а пока он чувствует себя обновленным. Так дошло до печати. Несколько смягчено описание ритуала посвящения и восприятие обряда Пьером.

Со дня приема в «братство масонов» для Пьера началась «новая жизнь — деятельности и довольства собою». Вскоре Пьер, поддержанный братьями масонами в своих давних намерениях, поехал по имениям «с целью весьма ясно определенной: облагодетельствовать своих двад-

цать тысяч душ крестьян». Он приехал с «готовым и одобренным в ложе и благодетелем» проектом «освобождения крестьян и улучшения их физического и нравственного мира». В одной из рукописей Толстой конкретизировал «главные цели» Пьера. Они состояли в следующем: «1) физическое улучшение быта своих крестьян — менее отяготительная барщина, разведение лучших пород скота и более выгодных растений, устройство богаделен и больниц, 2) нравственное улучшение быта крестьян — школы, улучшение образования духовенства и 3) освобождение всех крестьян от рабства».

С первого варианта определилось намерение Толстого рассказать (как он отметил на полях одной рукописи) «историю с плутом главноуправляющим, которого Пьер боится». Решена была в первом варианте и неудача задуманных предприятий. Препятствием оказалась не только слабость Пьера, но и противодействие всех, признававших дурным то, что Пьер считал хорошим. «Управляющий, считавший все затеи молодого графа почти безумством, невыгодными для себя, для него, для крестьян», сумел в таком дурном свете представить все дела, что Пьер «терялся» и, к удивлению своему, чувствовал, что «занятия» его с управляющим «происходят независимо от дела, что они не цепляют за дело и не заставляют его двигаться». Пьер «бился, хлопотал, но смутно чувствовал, что он не имеет той практической цепкости, которая бы дала ему возможность непосредственно взяться за дело и вертеть колеса».

Точно так же, как Пьер верил по своей душевной чистоте в искренность людей, полюбивших его за богатство, он поверил «плуту» управляющему. Управляющий сумел повести дело так, что Пьер «был очень счастлив, когда ему говорили мужики, как они век за него будут бога молить за его больницы и школы». Пьер не подозревал, что барщинные работы, уменьшенные «на бумаге», т. е. в отчетах управляющего, были в сущности увеличены из-за постройки этих больниц и школ. Он возвращался «счастливый и довольный» в Петербург и по дороге заехал к князю Андрею, с которым не виделся два года.

«Самое счастливое состояние духа», в котором находился Пьер, было важно для Толстого в двух планах. Оно показывало искренность веры Безухова в силу и чистоту масонства, «спасшего» его. Кроме того, «счастливое состояние» и убежденность Пьера должны поколебать мрачность и угнетенность князя Андрея.

Встреча с князем Андреем в Богучарове позволила автору выявить перемены, происшедшие за два года в этих «столь же близких, сколь и далеких людях». В начале беседы Пьер, подавленный безнадежной мрачностью друга, чувствовал, как «ослабились его крылья». Но едва он увидел, что князь Андрей начал смягчаться, оживился, сам начал расспрашивать о масонстве и заинтересовался тем, как оно «переродило» его друга, Пьер «стал излагать с жаром значение масонства». В первом варианте беседы Пьер совсем кратко излагает свои убеждения. Он говорит только о том, что теперь чувствует себя частью целого, что он — «ступень». Пьер «удивился и себе не поверил», увидев к концу разговора, что в прежде потухших глазах князя Андрея «светилась жизнь».

Поворот в душе князя Андрея достигнут, но о Пьере еще рассказано мало. В той же рукописи это исправлено. Важно было объяснить, что Пьера увлекала «нравственная сторона» масонства, и показать, как искренне он принял новое учение и верил в него. Для этой цели не было лучшего повода, чем беседа с близким другом. Пьеру хотелось открыть князю Андрею идею масонства, но он колебался. «Как только он придумывал, как и что он станет говорить, он предчувствовал, что князь Андрей одним словом, одним аргументом уронит все его учение, и он боялся начать, выставить на возможность осмеяния свою любимую святыню». Преодолев тревогу, Пьер вдруг, «опуская голову и принимая вид бодающегося быка», начал излагать Андрею масонство, как он понимал его, «в чем едва ли согласились бы с ним его братья каменщики». Разъясняющая реплика автора не дошла до печати. Пьер сам своим поведением среди масонов выкажет свое особое понимание масонства. Сущность же масонства Пьер излагает в этой рукописи почти точно так, как в законченном романе. Пьер воспринимал масонство не как религиозную секту с ее внешней обрядностью, а как «лучшее единственное выражение лучших, вечных сторон человечества». Пьер, «входя в состояние речистого восторга», в котором он забывал все, увлеченно говорил о своих убеждениях.

Не то, что говорил Пьер, убедило князя Андрея, напротив, «разумные» доводы Пьера «поражали его только своей холодностью, но любовное оживление Pierr'а, державшегося за свои убеждения, как за спасительную доску, его видимое желание передать свое испытываемое им счастье от этих убеждений своему другу и более всего эта застенчивость Pierr'а, в первый раз принявшего тон поучения с человеком, с которым он прежде всегда и во всем соглашался».

Масонство выполнило свою роль в романе. Оно возродило Пьера, а Пьер своей искренней убежденностью пробудил заглохшие жизненные силы в князе Андрее. Кроме того, проведя Пьера (а по ранним редакциям и князя Андрея) через масонство, Толстой отразил характерное явление общественной жизни того времени.

* * *

После встречи с князем Андреем в 1807 году надолго прерывается рассказ о Пьере. Так установилось с первой редакции романа. Он возобновится только в 1809 году, когда Болконский приедет в Петер-

бург, чтобы принять участие в реформах Сперанского. О жизни Пьера за прошедшие два года ничего не известно. По первоначальным наброскам этой части, князь Андрей, приехав в Петербург, остановился у Пьера. Только из беседы друзей становится известно, что Пьер опять соединился с женой. В ответ на удивление князя Андрея, как это могло случиться, Пьер «слабо улыбнулся и одной этой улыбкой сказал все. Сказал, что его окрутили и свели с женой против его воли». Разговор о государственных преобразованиях перебивался интересами личной жизни и лишь коснулся Наташи Ростовой, о которой упомянул Пьер.

В этом первом варианте не сказано, как выглядит Пьер. В следующем варианте внешние перемены в облике Пьера отражены в восприятии князя Андрея: его поразили «признаки постарелости» друга. И хотя Пьер возражал на слова Болконского о том, что они уже постарели, однако тон его подтверждал как будто слова князя Андрея.

О деятельности Пьера за прошедшие годы напоминает только та работа, за которой застает его князь Андрей. По первому наброску, Пьер, изучая написанный аббатом Морио «проект мира вечного», стал делать отметки, увлекся и начал писать «целый traité» *. Потом автор задумал вовлечь и Пьера в реформы Сперанского. На полях рукописи появились заметки: «Pierre о Сперанском. Он [Пьер] верит в людей. Пишет государю: сделайте это и это. Государь передал его записку Сперанскому, и он работает над сводом, когда его застает Андрей».

Во втором варианте сцены встречи Толстой так было начал от имени Пьера: «Я пишу возражение на записку Карамзина о старой и новой России. Он говорит, что учреждения вырабатываются веками, но я спрашиваю его во времени...» Не дописав, Толстой изменил: «Я пишу возражение на проект Сперанского об уничтожении коллегий. Он хочет переделать учреждения России на образец конституционных государств...» Наконец, тема выбрана: князь Андрей застает Пьера за сочинением проекта о преобразовании судов.

В беседе с Андреем Пьер не возражал против преобразований Сперанского, но считал, что «одних конституционных форм, ответственности министров и т. п. мало. Необходима полнота преобразований». (Первоначально Пьер указывал на «произвольность и случайность этих преобразований».)

Толстой намечал показать различное отношение каждого из друзей к государственным реформам. Князь Андрей понимал мысль Пьера, что «конституция не может быть даваема сверху, что такая конституция

* трактат.

будет только внешняя и не привьется народу, но не соглашался с этой мыслью, доказывая, что управляющие народом люди могут предчувствовать потребности народа и, угадывая их, удовлетворять им».

Замысел этот немедленно отпал, и, зачеркнув приведенный набросок, Толстой подробно развил отношение Болконского к деятельности Сперанского, добавив в конце, что князь Андрей «вполне был согласен с мыслью Pierr'a, но в эту минуту это мало занимало его».

В новом варианте о своей личной жизни друзья сказали друг другу без слов. На молчаливую улыбку князя Андрея во время рассказа о масонах Пьер отвечал «так же определенно, как бы князь Андрей словами выразил ту мысль, которую означала эта улыбка». Точно так же и улыбка Пьера сказала князю Андрею больше, нежели слова. На вопрос, давно ли возвратилась к нему Элен, Пьер «слабо улыбнулся и этой улыбкой сказал князю Андрею все, что хотел узнать Болконский». Князю Андрею было совершенно очевидно, «от каких преимущественно мыслей спасался Pierre своей работой над запиской о старой и новой России, и ясно стало, отчего так одутловато стало лицо Pierr'a и так скоро показались на нем складки не столько старости, сколько опущенности». Только душевно сроднившиеся люди могли так понимать друг друга. Попытка ввести разговор о Наташе опять не осуществилась.

Намерение Толстого отразить интерес Пьера к государственной деятельности Сперанского удержалось на какое-то время. В не дошедшей до печати сцене раута у Элен, на который был приглашен и князь Андрей, Пьер вступил в общий разговор о Сперанском. Он «бестактно и неприятно для всех» начал «умно, горячо, но длинно излагать причины своего несогласия со всеми намерениями Сперанского». Мы видим здесь все того же Пьера, нарушающего своим поведением и, главное, свободными мыслями тон общества.

На рауте, естественно, речь шла и о Наполеоне. Это дало возможность Толстому сообщить о том, как изменилось после Тильзитского мира отношение к французскому императору светского общества — с одной стороны, Пьера и князя Андрея — с другой. В салонах воцарились «страстный восторг» и «почтительность» к Наполеону. Пьер же в разговоре с князем Андреем после раута высказывает противоположное мнение. Наполеон — «это ничтожество, пустота, близкая к своей погибели; это человек, не выдержавший своего положения и измельчавшийся». Того же мнения был князь Андрей, которому казались слова Пьера «избитой истиной», хотя, как добавляет автор, «едва ли в Петербурге не одни двое были этих мыслей». Так было в ранних набросках. Исключительность суждений этих «передовых умов» осо-

бенно важно отмечать Толстому. И в завершенном романе точка зрения персонажей так же четко отражена.

Как будто многое Толстой уже рассказал о Пьере, об его убеждениях, об его месте в общественной жизни, о переменах в семейной жизни. Однако не удавалось развить дальше историю Пьера. И на следующем этапе работы автор коренным образом изменил композицию всей части. Прежде чем соединить Пьера с князем Андреем и заставить их в интимной беседе высказать свои убеждения и взгляды, Толстой решил отдельно рассказать о жизни каждого из них. Нет больше попыток ввести Пьера в круг государственной деятельности. Пьер увлечен только масонством, с особой силой развившимся в России после Тильзитского мира. В откинутых набросках наметились те основные события жизни Пьера, о которых предстояло сообщить: возвращение жены, растущий интерес к Наташе и масонская деятельность. Каждое событие решалось особо, и в то же время они неизбежно связывались между собой.

Известно уже, что вступление Пьера в масонскую ложу совпало с безуспешными попытками князя Василия примирить его с Элен. О том же, по ранним вариантам, старалась Анна Павловна Шерер. Несмотря на «трогательные увещевания и доводы» Анны Павловны, Пьер отвечал одно, что он «не в силах и не может переменить своего решения».

Но Пьер должен соединиться с Элен. Автор стремится создать такую обстановку, при которой Элен добьется возвращения Пьера. По раннему варианту, среди «всевозможных хитрых и упорных средств» Элен и князя Василия было «действие через великого мастера ложи, который имел большое влияние на Пьера». Сойдясь опять с Элен, Пьер вскоре понял, что «искренно» он соединиться с ней не может.

Неестественным в этом варианте оказалось то, что участие «великого мастера» в интригах Элен не поколебало в Безухове веры в масонство. Напротив, он продолжал углубляться в изучение масонства, в котором «многое еще представлялось ему тайным». По ранней редакции, Пьер уже после соединения с Элен выступает в торжественном заседании ложи с речью «о средствах распространения чистой истины и торжества добродетели». Нет в ранней редакции самого текста речи, но гораздо больше, чем в завершенном романе, рассказано о том, как Пьер читал ее. Он «находился в таком волнении», он «с таким чувством и жаром говорил почти с слезами на глазах, что чувство его сообщилось многим из искренних братьев и испугало многих, которые видели в этой речи опасные замыслы». Здесь Пьер показан в характерной для него роли спорщика, каким он рисовался с первого появления в романе. Братья в первый раз увидели в нем «страстность и энергию», которых не ожидали. «Он забывал условные обряды, перебивая всех, раскрасневшись, кричал и находился в состоянии энтузиазма, которое самому ему доставляло огромное наслаждение». Только после того, как Пьер прочел свою речь и встретил несогласие с ней, он понял, с какой «силой был убежден в том, что он говорил». А «великий мастер» сказал с укором, «что не одна любовь к добродетели, но и увлечение борьбы руководило им в споре».

Несколько раз Толстой исправлял этот важный для мировоззрения Пьера эпизод. Прежде всего изменена связь между неудовлетворенностью Пьера масонством и его соединением с женой. Пьер чувствовал, что, не подвигаясь вперед, «вертится, как в колесе, в обрядности ордена». В это именно время он получил письмо от Элен: «прощая его за все, что он сделал против нее», она обещала, «ежели он будет вести себя хорошо, опять быть ему верною подругой жизни». Пьер ощущал «прежнее сознание своего бессилия — отказать людям в том, чего хотят от него, и вместе с тем поднялась его прежняя злоба к жене». Это событие совпало с тем периодом, когда у Пьера зародилось уже сомнение в масонстве. Он чувствовал, что оно «основано все на внешности и самообольщении», а между тем он верил, что «ни одно учение не проповедует таких высоких и успокоительных истин». Пьер решил, для того чтобы избегнуть возвращения Элен и «для посвящения себя в тайны высших градусов», уехать за границу. Соединение с женой и разочарование в масонстве отныне будут сопутствовать одно другому.

До примирения с женой Пьер произносит речь на торжественном заседании ложи, после чего происходит разрыв его с петербургскими масонами. И как раз в то время, когда на Пьера нашла тоска, которой он боялся, он получил письмо жены. И далее, как известно по завершенному роману, Пьер едет к «благодетелю» Баздееву, в дневнике излагает события, приведшие его к соединению с женой, но жизнь их идет раздельно: внешняя светская суета Элен и «трудная работа внутреннего развития» в душе Пьера.

Одновременно решалась в романе третья линия жизни Пьера — его отношения с Наташей Ростовой. После знакомства Пьера с девочкой Наташей на именинах она в его жизни совершенно не участвует и ни разу не упоминается. По замыслу автора, Безухов встретится с Наташей, шестнадцатилетней девушкой, в Петербурге, куда в 1809 году приедут Ростовы. В завершенном романе, среди тех, кто посещал Ростовых в Петербурге, назван Пьер Безухов. О том, что он виделся с Наташей, известно только из ночного разговора Наташи с матерью. На вопрос матери, неужто Наташа и с Пьером кокетничает, Наташа

отвечает: «Нет, он франмасон, я узнала. Он славный, именно — синий с красным». Вот все, что пока сказано об отношениях Пьера с Наташей в Петербурге.

В первых рукописях этот период жизни героя отражен по-иному. Мельком упомянуто, что в Петербурге Пьер бывал у Ростовых. Однако в ранних вариантах беседы с князем Андреем он то и дело возвращался к Наташе. Он сообщил другу, что Наташа рассказывала ему о приезде князя Андрея в Отрадное. «Что за прелесть, что за девушка», — говорил о ней Пьер. «Очень милая», — подтвердил князь Андрей.

В первую редакцию романа вошел конспективный набросок: Пьер вместе с князем Андреем едет к Ростовым (это было до бала). Видя оживление Наташи и Андрея, Пьер «грыз пальцы» и «бессмысленно ревновал». Ночью, вернувшись от Ростовых, Пьер «отмалчивался от речей князя Андрея, потом он вдруг повалился на подушку и заплакал». Он признается князю Андрею, что «до безумия влюблен», что без нее жить не может и в то же время знает, что она любит князя Андрея. «И слава богу, но я несчастлив», — говорит Пьер. «Я знаю, что я сделаю, я сопьюсь с круга. — И, несмотря на увещания князя Андрея, он потребовал вина».

Никак не подготовлена такая влюбленность Пьера, ведь не было ничего сказано об их встречах. Толстой опередил события. Кроме того, возбуждение Пьера не совпадало с тем чувством тоски и угнетения, в котором застал его князь Андрей. Это с одной стороны. А с другой — свойственно ли Пьеру, жившему опять вместе с женой, не бороться с чувством к Наташе? Все казалось искусственным. Тем не менее в следующем варианте отчетливо выражены отношения Пьера к Наташе. Пьер говорит Андрею, что в семье Ростовых он оживает и что он никогда не был влюблен, но Наташа именно та женщина, к которой он «мог бы испытать это чувство».

И предшествующие и последующие рукописи позволяют предположить, что Толстой все время боролся с тем, чтобы не раскрыть преждевременно и, главное, слишком явно чувство Пьера к Наташе. Неоднократно Толстой пытался поскорее рассказать о любви Пьера к Наташе, а затем отбрасывал развитый эпизод. Конспективные записи на полях рукописи говорят о перемене замысла: Пьер «не думает, что любит, но уважает ее больше всего в мире. Не понимает, как решаются обнять ее, танцуя». Когда созрело решение о том, что первая встреча князя Андрея с Наташей произойдет на бале, Пьер встречается с князем Андреем накануне бала и советует князю Андрею жениться. И в эту же минуту ему представилось, что только Наташа достойна его друга. Пьеру «показалось, что он и прежде об этом думал, и только для этого так полюбил ее».

В следующих рукописях Толстой добавил, что в Петербурге старый граф Ростов «затащил» к себе Пьера, который «с тех пор полюбил дом Ростовых» и стал часто бывать у них. В это-то время в дневнике Пьера было записано то сновидение о летающей по книге женщине в белой одежде, которое заставило его задуматься над своими посещениями Ростовых. Такая борьба с своим чувством естественна для Пьера. С небольшими изменениями текст этой рукописи вошел в законченный роман.

В рукописях (вплоть до наборной) в картине бала много внимания уделено Пьеру. По первому варианту: Пьер «ничего не видел, не слышал, он жадно следил за каждым движением этой пары, за быстрым мерным движением ног Андрея и за башмачками Наташи и ее преданным, благодарным, счастливым лицом, так близко наклоненным к лицу князя Андрея. Ему было больно и радостно». К этой растревоженности Пьера примешивается тяжелое чувство — он увидел в другой стороне зала жену свою «во всем величии ее красоты, встающую перед высокой особой, удостоившей ее своего разговора».

Противоположные, хотя и слитые в одно впечатления гнетут Пьера. «Боже мой! помоги мне, — проговорил он, и лицо его сделалось мрачно. Он ходил по зале как потерявший что-то и в этот вечер особенно удивлял своих знакомых своей бестолковой рассеянностью». Толстой не ограничился этим и заставил своего героя тут же, на бале, подойти к Наташе и «говорить ей про князя Андрея, про которого он так часто говорил ей».

В следующей рукописи добавлено, что, глядя на танцующих князя Андрея и Наташу, Пьер «вспоминал смешную черную девочку, с которой он четыре года тому назад танцовал в Москве в день смерти своего отца, и удивлялся тому, что эта прелестная девушка, танцовавшая с князем Андреем, была та же самая». Пьер не знал, «на каком основании, с какой стати, по какому праву, но ему вдруг стало завидно, досадно на князя Андрея и грустно».

Наутро Пьер, редко бывавший у князя Андрея, приехал к нему, и по какому-то «неестественному, притворно небрежному тону» в первых словах Пьера князь Андрей почувствовал, что Пьеру «что-то нужно от него, что он собирается сказать что-то и не может решиться». Так показано смятение Пьера после бала, его борьба со своим ясно ощущаемым чувством к Наташе. Но князю Андрею «вовсе не понятно» смятение друга. «Положение Пьера было бы смешно для князя Андрея, ежели бы оно не было так жалко. Мрачная складка на лбу Пьера не разглаживалась. Он говорил и о государственном совете, и о последнем бале, и о своих работах, бестолково перескакивая с одного предмета разговора на другой». Вывели Пьера «из его запутанного состояния»

слова князя Андрея о его планах выйти в отставку и ехать за границу. Вдруг Пьер заговорил, настойчиво убеждая князя Андрея жениться, «непременно жениться». «Надо, надо и надо»,— повторял Пьер и предложил поехать вместе к Ростовым, где его, Болконского, ждут. «Князю Андрею странно показалось это вмешательство и замешательство Пьера, но он не остановился на нем и охотно принял его приглашение ехать вместе к Ростовым, тем более, что этого требовала учтивость».

Такая ситуация, созданная в третьей редакции анализируемой части, сохранялась до наборной рукописи. Только в ней Толстой изменил всю роль Пьера, начиная со сцены бала. Неизменным осталось лишь то, что на бале Пьер указал князю Андрею на Наташу, жаждавшую танцевать. Рассказ о самом Пьере на бале, каким он был вначале создан, отпал. Причины ясны. Естественно, что невольная зависть Пьера к возможному счастью друга должна была бы как-то отразиться в дальнейшем повествовании,— честность всех трех персонажей требовала этого. Толстой уже знал, как разовьются дальше их отношения, и явно ощущаемая зависть Пьера была неуместна. Поэтому Толстой продолжал показывать растущее чувство Пьера к Наташе, но как неясное, не вполне осознанное самим Пьером. По новой структуре, после того, как князь Андрей пригласил Наташу на танец, Пьер как будто исчезает и появляется вновь только в самом конце бала. Сообщено при этом, что Пьер «на этом бале в первый раз почувствовал себя оскорбленным тем положением, которое занимала его жена в высших сферах. Он был угрюм и рассеян. Поперек лба его была глубокая складка, и он, стоя у окна, смотрел через очки, никого не видя». Нет ни слова о том, что мрачность Пьера вызвана пробуждающимся чувством к Наташе и «завистью» к князю Андрею. Быть может, намеком на чувство к Наташе можно считать лишь то, что именно Наташа, как показано в последней редакции, заметила угрюмость Пьера. «Мрачное несчастное лицо Пьера поразило ее». Она не понимала, как мог «такой хороший, как этот Безухов», быть недоволен чем-то после такого веселого бала. «Ей хотелось помочь ему, передать излишек своего счастья».

Решив скрывать пока переживания Пьера, Толстой исключил и поездку его к князю Андрею, и совместный визит к Ростовым. Отдельными намеками будут постепенно раскрываться душевные тревоги Пьера, зародившиеся на бале.

По рукописям дальнейшего текста легко прослеживается, как преодолевал Толстой постоянно прорывавшееся у него стремление поскорее выказать растущее чувство Пьера к Наташе и борьбу Пьера со своим чувством.

Из окончательного текста мы знаем, что после бала Пьер увидел князя Андрея и Наташу только на вечере у Бергов. Иначе все проходит

в рукописных вариантах. Князь Андрей, для которого присутствие Наташи «изменяло весь мир божий», несколько раз посещал Ростовых после бала и однажды от них пришел к Пьеру. Несколько раз переделывалась сцена их встречи. Главное, трудно было решить, как должен вести себя Пьер. Первоначально, не застав его дома, князь Андрей лег у него на диван и задремал. Поздно вечером вернулся из масонской ложи сам хозяин, привезя с собой «фартук великого мастера и молот». Он не заметил гостя. Толстой не говорит от себя о состоянии Пьера, но старается, чтобы оно проявилось в действиях персонажа. Пьер «бросил книги и вещи на стол и повалился в кресло». Его волнует мысль: «Где искать масонства? в костях? — проговорил он, ковыряя упорно в носу и морщась.— Кем вынута эта соль и сера? Как встать в центре квадрата?».

Не дописав наброска, Толстой исключил зародившиеся сомнения Пьера в масонстве. По новому варианту, Пьер, напротив, вернувшись из ложи, стал что-то писать, а затем, подойдя к зеркалу и придав себе «торжественный вид», начал говорить речь, обращенную к братьям масонам. Проснувшийся в это время князь Андрей восторженно говорит ему о своей любви к Наташе, о том, что он теперь «влюблен», «счастлив», «ожил» и «другой человек». И не «вследствие слов» князя Андрея, а «вследствие непосредственного влияния духа Андрея» Пьер был счастлив. «Но в ту же минуту, как он понял то, что говорил ему Андрей, болезненно-злое чувство зависти и сожаления к себе сжало доброе сердце» Пьера. Ему «убийственно грустны представились» в эти минуты и те масонские обряды, которыми он был только что занят в ложе, и тот чуждый ему «грязный мир жены, с которым он был неразрывно связан». Хотя он «шумно и громко» поздравлял своего друга, расспрашивал, «в словах его не было душевности. Злое чувство зависти мучало его». После ухода князя Андрея Пьер почувствовал, что «вот был в этой комнате один живой, вполне живущий человек, а теперь остался он один, труп, беспокойный, обязанный двигаться, безжизненный труп». Наутро Пьер, испытывая «сознание совершенного преступления», знал в то же время, что «с другом его и с милой ему девушкой Ростовой совершилось большое счастье», что он рад и должен «как можно скорее выказать свою радость». Пьер поехал к Ростовым и, «нежно, действительно нежно» глядя на Наташу (в эту минуту он «больше любил ее, чем завидовал»), передал ей свой разговор с Болконским. Высказав радость, Пьер тем самым, как пояснил Толстой, «добродушно исполнял перед своей совестью долг, облегчающий от греха зависти».

Так сложилась картина тогда, когда в сцене бала открыто выказалось волнение Пьера. После того, как Толстой исключил переживания Пьера на бале, он изменил и встречу его с князем Андреем.

Влюбленный князь Андрей приезжает к Пьеру. От лица автора рассказано о том, что в это время у Пьера было свое горе: «На том же бале Н[арышкиных] высокое лицо обратило внимание на Hélène. Hélène не считала нужным уже скрывать своей связи с этим лицом и сама объявила Pierr'у, что он жалуется званием камергера. Pierre вспылил и окончательно разорвал связь с женой» и решил ехать в Москву. Ни слова нет о его чувствах к Наташе. Когда князь Андрей «рассказал ему всю свою любовь» к юной Ростовой, свои сомнения в том, любит ли она его, и тревоги, даст ли отец согласие,— Пьер «нашел утешение в заботах своего друга от горя своего собственного».

Такое почти равнодушие Пьера к Наташе неестественно. Ведь давно было намечено в схеме романа, что любовь князя Андрея должна растревожить Пьера. Немедленно этот короткий набросок был заменен совершенно противоположным: услыхав признание друга, Пьер «с особенным жаром», удивившим князя Андрея, заговорил: «И прекрасно, женитесь!» «Это редкая девушка». В ответ на сомнения Болконского Пьер «кричал»: «Женитесь, женитесь, женитесь. В Петербурге нет подобной девушки!» Слова Пьера «сильно подействовали» на князя Андрея. Однако в этом варианте Пьер оказался слишком экзальтированным, что не свойственно его характеру.

Толстой еще раз переделывает беседу. Новая схема: предварительно сообщается, что со времени бала Пьер «чувствовал на себе приближение припадков ипохондрии» и заставлял себя работать дни и ночи, надеясь трудом «отогнать приближение злого духа». Болконский застает его за переписыванием Шотландских актов. Князь Андрей ничего не рассказывает Пьеру о своей любви; напротив, Пьер говорит ему о своем неудачном соединении с женой и об окончательном решении уехать от нее. Пьер настоятельно советует князю Андрею влюбиться, жениться и сам называет Наташу. В ответ на сомнения князя Андрея Пьер «сердито» кричит. Они проговорили до поздней ночи, и «последние слова Пьера были: «Женитесь, женитесь, женитесь».

Толстой опять недоволен. В новом варианте, как и ранее, Пьер заинтересованно наблюдает за Наташей и князем Андреем, но не на бале, а на вечере у Бергов, где он впервые после бала встречается с Болконским и Наташей. Со дня бала, еще больше убедившись «в своих порочных чувствованиях» к Наташе, Пьер «прекратил свои посещения к Ростовым». (Только в корректурах это исключено.) У Бергов Пьер наблюдает за князем Андреем и Наташей, испытывая «радостное и вместе горькое чувство». Теперь только после вечера князь Андрей приезжает к Пьеру. Между ними происходит знакомая нам по ранним рукописям беседа, Пьер настаивает на женитьбе друга. Но тут же автор напоминает, что замеченное Пьером «чувство между покровительствуемою им Наташей и князем Андреем, своей противоположностью между его положением и положением его друга» еще более усиливало его мрачность, вызванную поведением Элен. Итак, любовь Наташи и князя Андрея изменила жизнь Пьера. Все это надо теперь показать в действии.

Автор попытался выставить первой причиной, приведшей к переменам, поведение Элен. Она, как упоминалось в прежних набросках, была в связи с «высоким лицом», благодаря чему Пьера пожаловали в камергеры. Подробнее, чем раньше, показана реакция Пьера, услыхавшего об этой «милости». Несмотря «на все искусство самопознания и совершенствования, в котором так долго и усердно упражнялся муж Hélène, вся кровь прихлынула ему к горлу, он вскочил и, выговорив страшно тривиальное бранное слово, объявил жене, что скорее он умрет, чем нога его будет при дворе, и объявил, что он едет в Москву». Попутно было упомянуто и о другом, о том, что оказалось «страннее всего»: любовь Наташи к князю Андрею «вдруг заставила усумниться» Пьера в «разумности, правде, чистоте и нужности для него масонства».

Немедленно (все в той же рукописи) вариант заменился другим: без всяких уже оговорок сообщено, что «любовь князя Андрея и Наташи и их счастье было одной из главных причин происшедшего переворота в жизни Pierr'a. Ему не было завидно, он не ревновал. Он радовался счастью Наташи и своего друга. Но после этого вся жизнь его расстроилась. Весь интерес масонства вдруг исчез для него. Весь труд самопознания и самосовершенствования пропали даром». Далее шел рассказ о жизни Пьера в Москве, где он «почувствовал себя дома в тихом пристанище» и «отдался опять своим главным страстям». Только в самой глубине души Пьер говорил себе, «объясняя свою распущенную жизнь, что сделался таким не оттого, что природа его влекла к этому, а оттого, что он влюблен несчастливо в Наташу и подавил в себе эту любовь». Так установилось, наконец, в ранней редакции романа.

Самый образ жизни Пьера больше не подвергался серьезным переделкам, но о причине происшедшего в нем переворота сказано глухо: «вскоре после отъезда из Петербурга Андрея и Ростовых Пьер почувствовал невозможность продолжать прежнюю жизнь». Если в предыдущем варианте слишком прямолинейно «переворот» в жизни Пьера связан с Наташей, то в новом он оказался не обоснованным.

В следующем варианте главным толчком, «сделавшим переворот», выдвинута смерть «главного мастера» Баздеева. Лишь отдаленно это событие связано с Наташей: известие о смерти Баздеева Пьер получил скоро после отъезда из Петербурга Ростовых и Болконского. По «разным, в одно время совпавшим причинам» Пьер «вдруг почувствовал

невозможность продолжать прежнюю жизнь», он «с ужасом увидал, что не может *продолжать жить* без прежнего внутреннего интереса в прежних внешних условиях жизни. Ему нужно было, по крайней мере, рассеяние». *После такого* вступления логически оправдан новый образ жизни Пьера: поездки в клуб, сближение с холостыми компаниями.

Перед сдачей рукописи в набор Толстой в последний раз исправил, переменив местами две причины, изменившие жизнь Пьера. Первое *место заняла* не смерть Баздеева, а сватовство князя Андрея к Наташе. Так осталось в печатном тексте.

Естественно, что отношение Пьера к Наташе должно быть уже в какой-то мере выказано, так как, по неизменному замыслу автора, Пьеру надлежало стать самым близким другом Наташи после «истории» ее с Анатолем.

По первоначальным наметкам, с первого дня приезда Ростовых в Москву Пьер несколько раз виделся с Наташей. Он приехал на обед к Марье Дмитриевне Ахросимовой, у которой остановились Ростовы. Наташа ждала, что Пьер привезет ей письма от князя Андрея. Услыхав о приходе Пьера, Наташа «бегом побежала к нему». Увидав Наташу, Пьер «покраснел, как ребенок, чувствуя, что он глупо краснеет». Наташа встретила Пьера словами: «Милый граф. Все мне так противны, кроме вас». В театре, где Наташа знакомится с Анатолем, тоже, как будто мимолетно, но все время присутствует возле Наташи Пьер. Сначала в ложу Ростовых вошли вместе Пьер и Анатоль. Наташа «была рада» Пьеру и «с той же радостной улыбкой обратилась к Курагину. Потом Пьер сидел в ложе вместе с Элен, не спуская с Наташи глаз, и Наташа «почувствовала с радостью, что он всей душой восхищается ею».

То же происходило на вечере у Элен, где, по первоначальному замыслу, Пьер следил за Наташей и Анатолем.

В дальнейшем отпали многократные упоминания, осталось только одно: в театре Пьер «оживился», увидав Наташу, и долго говорил с ней. По-иному отражено в законченном романе развивающееся чувство Пьера. «Вскоре после приезда Ростовых в Москву впечатление, которое производила на него Наташа, заставило его поторопиться» уехать из Москвы. Этот поступок Пьера убедительнее, чем его неоднократные встречи с Наташей, рассказывает о том, что происходило в его душе.

Пьер появится теперь только после катастрофы в жизни Наташи. Его вмешательство определилось с первых набросков, хотя форма участия не сразу была найдена. «Старый граф приехал к Pierr'у, прося его быть секундантом. Pierre бьет Анатоля и гонит его. Ростовы уезжают в деревню». Таков план. Узнав от графа Ростова о случившемся,

Пьер обещал «разделаться» с Анатолем. Начав говорить с ним, Пьер *не мог владеть собой*, «схватил его за плечи, перевернул и ударил в шею таким страшным ударом, что Анатоль упал и до крови разбил *себе лоб. Вид этой крови совсем одурманил* Pierr'a. Он еще, еще наносил ему удары, выталкивая за дверь, и, захлопнув дверь, бледный схватился *за голову*». *Приехав к* Ростовым, Пьер успокоил графа, что Анатоль уезжает.

Этот первый *набросок немедленно* был заменен другим: Пьера вызвала к Ростовым Соня и рассказала обо всем. Слушая ее, Пьер не мог понять, о чем *она говорила, и* улыбался. Ему казалось, что «все, касавшееся Наташи, должно было быть приятно и весело». Мало-помалу улыбка его перешла в «плаксивую *гримасу*». *Соня*, «не веря своим глазам, увидала, что он плачет». Пьер «не ставил себе вопроса, прощает он или не прощает Наташу. Она была все та же для него. Только новый грустный, матовый круг этой ореолы прибавился — это было сожаление».

Опять автор недоволен. Он пытается ввести противоположную предыдущей реакцию героя. Пьер обещал Соне сделать все нужное, но «весь обед молчал и упорно и злобно смотрел на Наташу. Ему казалось, что он ненавидел ее». Не докончив этого варианта, Толстой создал другой: Пьер получает письмо от Сони. «Как ни стыдно ему бы было признаться в том, первое чувство Pierr'a было чувство радости. Радости, что князь Андрей не счастливее его. Чувство это было мгновенное, потом ему стало жалко Наташу, которая могла полюбить человека, столь презираемого Pierr'ом, как Анатоль, потом ему стало непонятно это, потом страшно за Андрея и потом больше всего страшно за ответственность, которая на него самого *ложилась в этом деле. Мгновенно*, как утешение, ему пришла его мрачная мысль о ничтожестве, *кратковременности всего, и он старался презирать всех*». Пьера мучила измена Наташи Андрею, и он «ненавидел» Наташу.

Как ни менялись чувства Пьера к Наташе, его поведение с Анатолем оставалось тем же. Во всех вариантах Анатоль по требованию Пьера в тот же день уезжает из Москвы. В рукописных текстах Пьер при объяснении с Анатолем резче разоблачает «подлую, мерзкую, бессердечную породу» Курагиных и полнее высказывает свой чистый взгляд на любовь к женщине. Он сравнивает Анатоля с вором, разбойником, который избил беспомощного старика или ребенка. Во время разговора «физическое волнение» Пьера начинало переходить «в умственное».

Только в наборной рукописи оформился, наконец, характер участия Пьера в беде Наташи. Когда Наташа просила Пьера передать князю Андрею, чтобы он простил ее, и при этом «по-детски зарыдала»,

душу Пьера переполнило не только «чувство жалости» (как в окончательной редакции), но «чувство жалости, нежности и любви к ней». Он «слышал, что слезы текли у него под очками и надеялся, что их не заметят». Попытка Пьера примирить князя Андрея с Наташей оказалась безуспешной.

Роль Пьера в этом страшном событии в жизни Наташи и князя Андрея много раз пересматривалась. (Это происходило в процессе работы над первой редакцией романа.) Завершились поиски так: «узел» заканчивался тем, что Пьер, как и Ростовы, остался весною в Москве и каждый день бывал у них. Он был «друг дома Ростовых», он любил всех «как семью, которая бы — он желал — была его. Он иногда думал о том, как бы он был счастлив, ежели бы его, шутника и кутилу, старая графиня приласкала своей большой рукой по голове и сказала бы: милый мой Петя». Спустя много времени, когда Толстой правил корректуры этого тома, он дописал главу о дружбе Пьера с Наташей после катастрофы с Анатолем и о комете 1812 года, которую Пьер увидел, возвращаясь от Ростовых. Ему «казалось, что эта звезда вполне отвечала тому, что было в его расцветшей к новой жизни, размягченной и ободренной душе».

Воспоминанием о комете возобновился рассказ о Пьере в начале войны 1812 года. С того дня, как Пьер под впечатлением откровенного разговора с Наташей «смотрел на комету, стоявшую на небе», он почувствовал, что для него открылось что-то новое: «вечно мучивший его вопрос о тщете и безумности всего земного перестал представляться ему». Такое вступление к главам о Пьере выполняет в композиции произведения двойную функцию: сохранена непрерывность действия в повествовании о Пьере и создана естественная связка между только что законченным рассказом о Наташе и начавшимся рассказом о Пьере. Роль Наташи в его жизни была теперь такова, что «страшный вопрос: «зачем? к чему?», который прежде представлялся ему в середине всякого занятия, теперь заменился для него не другим вопросом, и не ответом на прежний вопрос, а представлением *ее*».

* * *

Наступил 1812 год. По ранней редакции романа, Пьер вновь вступает в действие вслед за рассказом о религиозном и патриотическом подъеме Наташи, возродившем ее. Во многом первый вариант приезда Пьера к Ростовым совпадает с законченной редакцией, хотя некоторые интересные подробности не дошли до печати. Пьер появился у Ростовых «растерянный и взволнованный»— таким Наташа и «желала найти его». Пьер рассказывал «о приезде государя в Москву, о занятии неприятелем Вильны, о взбунтовании Польши и разные самые несправедливые слухи о громадных силах и угрозах Наполеона». Наташа взволнованно слушала Пьера. Разговор их местами конспективен, однако замысел автора вполне ясен: возбужденное войной чувство патриотизма теснее сближает Наташу с Пьером.

Задачей Толстого было вести дальше повесть Пьера так, чтобы Наташа продолжала тревожить его сердце, а коренной переворот в его *жизни произвела война.* Надо уравновесить эти две силы.

Была у Толстого попытка заставить Пьера сознательно бороться *со своей привязанностью к Наташе.* После взволновавшего обоих разговора о войне, когда Пьер особенно сильно ощутил свое чувство *к Наташе, он все-таки не поддался ему.* «Ее влияние сильно, но сильнее еще его внутренняя жизнь, которая велит ждать». Такое обдуманное решение не свойственно Пьеру, и оно отпало (это *произошло в корректурах*). По новому: уходя от Ростовых, Пьер, взволнованный силой любви к Наташе, решает не бывать у них — это естественно для Пьера. Затем, по мере того, как «с театра войны приходили более и более тревожные слухи и когда здоровье Наташи стало поправляться и она перестала возбуждать в нем прежнее чувство бережливой жалости», Пьером стало «овладевать более и более непонятное для него беспокойство», предчувствие наступающей катастрофы, которая должна была изменить всю его жизнь. В отличие от законченного текста, в рукописях подробно перечислено, что именно Пьер считал признаками «этой приближающейся катастрофы». Он видел их «и в комете, и в приближающемся к Москве нашествии, и в более и в более тревожном чувстве, которое овладевало им в присутствии Наташи, и в том странном предсказании апокалипсиса, открытом ему одним из масонов, по которому Наполеон был именно тот зверь, которого число есть 666 и которому предел дан творити 42 года (года Наполеона)». Заканчивалась глава авторским замечанием о возраставшем беспокойстве Пьера по мере приближения Наполеона: чем «необычайнее *были* совершающиеся события, тем они более соответствовали его душевной потребности».

Толстой нашел решение, *естественное* для Пьера: чистая любовь к Наташе и душевные волнения, вызванные войной, не противостоят, а гармонически сочетаются, как *одинаково* важные для него события. Для Пьера, пишет автор, «последний его разговор с Наташей, после которого он решил *не бывать более* у Ростовых, приезд государя в Москву, собрание в Слободском дворце и вся путаница пошлости, патриотизма, страха, пожертвований, скупости и суеты, кипевшей в обществе вокруг него,— все это представлялось Пьеру желанными предвестниками разрушения». Текст не дошел до печати, но смысл его остался главным стержнем рассказа о Пьере в Москве, об его настроении во вре-

мя собрания дворян в Слободском дворце и после других московских впечатлений, накануне Бородинского сражения.

Пьер резко выделяется из среды московского дворянства (так было решено еще в первой редакции романа). Широкая картина жизни Москвы в эти дни представляется читателю сквозь восприятие Пьера. Впечатление от всего увиденного и перечувствованного вызвало у Пьера «*радостное беспокойное* чувство, *что изменяется наконец, этот ложный*, но всемогущий быт, который заковал его». Он давно волновался «мыслью о том, чтобы поехать к армии и самому своими глазами увидать, что такое война». Увиденная им экзекуция над французским поваром ускорила решение ехать в армию. К утру 25-го августа Пьер выехал, и, «чем дальше он отъезжал от Москвы и чем глубже погружался в это море войск, тем больше им овладевало беспокойство. Он боялся и сражения, которое должно было быть, и еще более боялся того, что опоздает к этому *сражению*». Так в ранних вариантах.

Дважды в первой редакции романа писал Толстой о поездке Пьера в Бородино. Сначала подробно было рассказано о том, что главным образом интересовало Пьера. Как размышления князя Андрея накануне Шенграбена и Аустерлица, так и размышления Пьера накануне Бородина отражают основные вопросы историко-философских рассуждений автора. «Pierr'y многое было интересно в этом предстоящем сражении, как всегда и вечно было одним из самых интересных явлений жизни для мыслящего человека — явление войны: люди чужие убивают друг друга. Во-первых, как управляются все эти массы, и подчиняются одной воле? Pierre был когда-то охотник до стратегических соображений, и тактическая сторона дела интересовала его; 2) каким духом руководятся все эти массы? 3) и самый главный вопрос для невоенного, *что, был бы я трус или нет?*»

После такого своеобразного введения описана поездка Пьера в деревню Татариново, где стоял Кутузов с главной квартирой. «Как только Pierre выехал один верхом между войск с мыслью о том, что теперь ему уже нельзя отказаться от опасности, и о том, что каждую минуту может ожидать его, ему стало страшно за свое толстое белое, нежное тело, и, чтобы поддержать в себе мужество, он живо вспомнил то чувство патриотического воодушевления, в котором он находился в дворянском собрании, и под влиянием этого чувства *почувствовал* удовольствие в мысли показать, что все — не только богатство, но и самая жизнь — вздор в сравнении с чем-то. С чем — он не знал».

Из дальнейших впечатлений Пьера становится очевидно, где он найдет отклик на свои чувства. «Ни в войсках, которые проезжал Pierre, ни еще менее в Татариновой, *где сосредоточивалось все высшее* и блестящее сословие армии», он не нашел того настроения, которое испытывал сам. По дороге, не доезжая Татариновой, в Бородине, которое «*было все загромождено* вонявшими и работавшими ополченцами», он был остановлен толпой народа, «впереди которой шли с пением попы». Описав кратко шествие с иконой, ополченцев, *которые* «весело бросили лопаты и побежали, крестясь, к шествию», и солдат, которые «также подходили навстречу толпами и, сняв кивера, набожно крестились», автор разъясняет: Пьеру, наблюдавшему *сцену* с иконой, было очевидно, что «набожность солдат, с которой они встречали икону Смоленской божьей матери, которую носили перед сражением по полкам, *не имела ничего общего* с предстоящим сражением и патриотическим духом. Солдаты отходили, и ополченцы брались опять за лопаты совершенно в том же расположении духа, в котором они оставляли их».

Первый вариант зачеркнут. В новом не так четко сформулированы вопросы, интересовавшие Пьера, они вытекают из самого повествования. Пьер под влиянием радостного чувства *«жертвования» приехал* из Москвы в Бородино с тем, чтобы принять участие в предстоящем сражении. *Участвовать* в сражении казалось ему в Москве «делом *совершенно простым* и *ясным*, но теперь, увидав эти массы людей, расчисленных по разрядам, подчиненных, связанных, озабоченных каждый своим делом, он понял, что нельзя так просто приехать и участвовать в сражении, а надо для этой цели к кому-нибудь присоединиться, кому-нибудь подчиниться, получить какой-нибудь интерес, более частный, чем вообще участвовать в сражении». Здесь в какой-то мере намечается ответ на первый вопрос предыдущего варианта.

Приезд Пьера к Кутузову, пребывание его в Бородине и осмотр позиции накануне боя совпадают в основном с окончательной редакцией.

По замыслу Толстого, первые впечатления Пьера не только не ответили на его вопросы, но запутали его представление о войне. Распоряжения Бенигсена вызвали у Пьера недоуменные вопросы: «почему лучше было стоять впереди без подкреплений?», «почему Бенигсен сказал полковнику, который с ним был, что об этом распоряжении его не нужно докладывать Кутузову, и почему сам не сказал Кутузову? Потом Pierre слышал, как он, встретив Кутузова, прямо сказал, что *он все нашел в исправности и не нашел нужным* ничего изменять». На эти и на все другие возникавшие вопросы Пьеру ответят не генералы, а народ своим поведением на войне.

В следующей рукописи действие эпизода *замедлено*, подробнее изложены размышления Пьера, созданы новые картины, которые Пьер наблюдал по пути из Москвы.

Мы знаем, что с самых ранних вариантов романа война занимала Пьера. Подойдя вплотную к непосредственным переживаниям Пьера на войне, Толстой колеблется, *как представить* его познания в военном

деле: «Пьер про все много читал, но в особенности про войну и имел не только определенное понятие о стратегии и тактике, но считал себя даже знатоком в этих делах. Ему мечталось, как мечтается дорогой, что он сделает что-нибудь необыкновенное в этом сражении». По дороге до Бородина Пьер внимательно оглядывался, боясь «пропустить место, где начинается позиция. Он ждал, что позиция будет чем-нибудь особенным ознаменована». Толстому надо, чтобы представления Пьера о войне были весьма отдаленными от действительности. «До сих пор он видел,— продолжает автор передавать ощущения Пьера,— все одно и то же: войска, войска, солдаты в мундирах, в рубашках, пушки, ружья, лошади, офицеры и дорога, и разоренные деревни, но позиция все не начиналась».

Не развивая далее этого текста, Толстой дает иной вариант: Пьер не только не считает себя знатоком стратегии и тактики, но даже «не понимает войны». При виде лиц, «толпившихся по дороге с разнообразно личными выражениями физиономий и однообразным, общим всем выражением серьезности, к прежнему чувству примешивалось в душе Пьера страстное любопытство узнать, понять что-то и не пропустить какой-нибудь подробности, которая могла ему разъяснить занимавший его вопрос. В чем состоял этот вопрос, Пьер не знал хорошенько. Он знал только, что этот вопрос относился к войне, которую он не понимал. Был ли это вопрос о том, что дает успех в военном деле, или о том, выгодно ли наше стратегическое положение, или о том, много ли и каковы наши войска, или о том, как настроены эти войска, или в чем состоят распоряжения главнокомандующего — он не знал, но знал, что что-то в этой области военных вопросов страстно интересует его, и приглядывался, прислушивался ко всему, стараясь не пропустить ни одной подробности».

В этой рукописи расширены наблюдения Пьера за военной обстановкой, обострены его впечатления. От каждого соприкосновения с действительностью должны разрушаться отвлеченные представления Пьера о войне. Введены его встречи по дороге в Бородино с солдатами больными и ранеными, возвращавшимися из армии, и с здоровыми, веселыми, с песнями идущими в Бородино. Пьер не мог объяснить себе веселость людей, идущих на смерть. Ему «смутно представлялось, что вопрос, занимавший его, очевиднее представлялся ему там, на горе», т. е. в Можайске до встречи с солдатами. Любопытство Пьера и его стремление понять и решить вопрос о войне усиливались. «Он торопился поскорее и поскорее приехать вперед на передовую линию и осмотреть позицию, позицию, которую он воображал себе почти с такою же определенностью и ясностью, какие он видал на плане сражения».

В исправленном варианте подробнее вскрыто смятение Пьера при объезде позиций. Слушая замечания Бенигсена, он напрягал свой ум, чтобы понять «сущность предстоящего сражения», «выгоды и невыгоды нашей позиции», но не мог разобраться в том, что видел и слышал. «Он не мог понять оттого, что в расположении войск перед сражением он привык отыскивать что-то утонченно-глубокомысленное и гениальное, здесь же он ничего этого не видел. Он видел, что просто здесь стояли такие-то, здесь такие-то, а здесь такие-то войска, которые точно с такою же пользою можно было поставить правее и левее, ближе и дальше. И оттого-то, что это ему казалось так просто, он подозревал, что он не понимает сущности дела, и старательно вслушивался в речи Бенигсена и окружавших его».

Расширены наблюдения Пьера во время молебна, когда на серьезных лицах солдат и ополченцев «проявлялась одна мольба о спасении от своей беды и общей беды, которую все понимали одинаково». При виде этого «опять для Пьера вопрос, занимавший его, из стратегии перенесся в другую, неясную, но более значительную область».

Каждое новое впечатление еще более должно запутывать Пьера. Автор продолжает вести своего героя к тому, чтобы решающую силу сражения он увидел не в противоречащих одно другому распоряжениях командующих, а в войске: «Вид войск, которые проезжал Пьер, был очень серьезен и сосредоточен. Не было слышно ни криков, ни ругательств, ни песен. Но особенно ополченцы занимали Пьера. На их лицах он в особенности отыскивал разрешение того вопроса, который занимал его».

Действие подошло к встрече Пьера с князем Андреем в Бородине. Опять в один из серьезнейших моментов жизни судьба соединяет этих идейно и душевно близких людей. В беседе с другом Пьеру должны уясниться многие из волновавших его вопросов. Пьер вызывает князя Андрея на суждения о глубоко занимавшей его войне. Болконский убежденно высказывает сокровенные мысли автора, и они-то помогают Пьеру разрешить те сомнения, которые привели его в Бородино.

Как и в предыдущих встречах в Богучарове, в Петербурге, Пьер и князь Андрей благотворно повлияли друг на друга не только словами, но искренностью убеждений, выражением их лиц, тоном, всем поведением. Беседа с князем Андреем многое уяснила Пьеру. На другой день, следя за началом сражения, Пьер ожидал «чего-то страшного» и, подвигаясь по дороге, вспоминал «странно блестящие, восторженные глаза и безнадежные, сдержанно разумные речи» своего друга. Из разговора с князем Андреем живее всего звучали в его памяти слова о том, что «теперь, когда дело дошло до Москвы», все готовы, и он помнил его дрогнувшую при этих словах губу и глаза, «лучистые,

блестящие, далеко смотрящие куда-то». Так было в ранней редакции романа.

В следующей рукописи, где дополнены впечатления Пьера по пути в Бородино и расширены рассуждения князя Андрея, по-иному представлены ощущения и размышления Пьера после беседы с другом. Теперь Пьеру не только запомнились лучистые глаза и одна фраза князя Андрея, *но открылся новый взгляд на войну вообще и на настоящую* войну в особенности. «Смутно представлявшиеся ему весь этот день вопросы теперь вполне определились. Но самый вопрос оставался столь же неразрешимым. Русские, все русские,— настоящие русские,— не эти господа, которые по-французски лопотали около него теперь *,— а русские, князь Андрей, ополченец, приговаривающий: «чистое дело — марш», старый солдат, крестившийся на икону, *все русские были готовы* убивать, быть убитыми, *потому что они оскорблены* тем самым оскорблением, от которого дрожала губа князя Андрея и которое Пьер чувствовал и в своей душе. Это было понятно».

Но оставался еще один «неразрешимый» вопрос — о роли личности в истории. Для Пьера этот вопрос звучал так: «Что привело русских в это противучеловеческое состояние? Что? Воля одного человека, воля Бонапарта, этого героя, которым когда-то в юности своей так восторгался Безухов, читая его подвиги и приказы в Италии и Египте? Как же мог бог, великий Архитектон, допустить, чтобы один человек *был причиною такого огромного зла? Или он есть орудие бога, испытующее* человечество,— он антихрист, зверь глаголящий велика и хульна, и тогда я могу быть такое же орудие бога, и мне предназначено положить предел ему? Или он человек (это предположение более очевидно казалось Пьеру после его разговора с князем Андреем), но тогда я, как человек, всей силой души ненавижу его и сделаю все от меня зависящее, чтобы уничтожить его».

В *таком* виде главы *о* встрече Пьера *с князем* Андреем дошли до наборной рукописи. В ней к аргументам князя Андрея добавлена его уверенность, что в завтрашнем сражении «все будет зависеть от неопределимого чего-то, что называется духом войска». Пьер (по новой рукописи) слушал князя Андрея, «испытывая чувство, подобное тому, которое испытал бы человек, перед которым подняли бы красивый занавес и открыли глубокие, неопределенные и мрачные перспективы. Вопрос, занимавший его со времени его выезда из Москвы, представлялся ему теперь совершенно ясным». Еще раз, уже в корректуре, работал Толстой, *определяя состояние* Пьера, *пока не была найдена*

* Действие происходило в Горках в избе у Бориса Друбецкого, где в ночь накануне сражения собрались «самые блестящие штабные молодые люди», но Пьер «не принял участия ни в игре, ни в ужине, ни в остроумных разговорах».

сильная, впечатляющая формулировка скрытой теплоты патриотизма, которая была в тех людях, которых Пьер видел и *которая* «объясняла ему то, зачем все эти люди спокойно и как будто легкомысленно готовились к смерти».

Показать Бородинское сражение в восприятии Пьера — таков был первоначальный замысел. Он *прошел длинный* путь. По первому наброску, «гул орудий, торопливые движенья лошади, теснота полка, в который он *заехал, и, главное, все эти лица*, строгие, задумчивые,— все слилось для него в одно общее впечатление поспешности и страха». *И дальше, рисуя* картину *боя*, Толстой отмечал овладевшее всякий раз Пьером беспокойство и сбивчивость впечатлений.

Такое восприятие сражения не могло бы решить творческой задачи. На полях появилась конспективная запись: «Pierre удивляет всех своей храбростью. «Куда же вы едете»,— говорит ему адъютант. А он едет под страшным огнем на пер[едовые] поз[ицип]. В нем кровь отца». Намеченные фразы отражают изменившийся замысел, и, действительно, Толстой в той же первой рукописи стал перерабатывать только что написанное.

В исправленном варианте: у Пьера **не создалось впечатления**, что «все слилось в дым, звуки, движение войск, страх и поспешность», *наоборот, теперь* Пьер, *так же как и войска, вглядывался* в дымок, вслушивался в звук выстрела, выстрелы «раздались близко и торжественно», и слышались не отдельные выстрелы, а как будто «с грохотом и громом катились со всех сторон громадные колесницы». Хотя и в этом варианте сохранился естественный для штатского страх и ужас, когда вокруг него свищут пули, однако Пьер «поскакал к тому месту, где была самая сильная канонада». Вместо страха на лицах он видел теперь «отпечаток озабоченности», видел «строгие задумчивые лица». Люди были заняты «каким-то невидимым, но важным делом».

И Пьер показан иначе; по раннему наброску толстый человек в белой пуховой шляпе вызывал удивление озабоченных людей, казалось, он «заехал сюда без дела» и «суется тут, когда дело не до шуток». Теперь Безухов уже принимает какое-то участие в общем деле. Когда Багратион искал, *кого бы послать к* Кутузову *в Горки*, Пьер предложил себя. (Не сказано, какое именно поручение он должен был выполнить.) Выполнив поручение, он увидел штабных *офицеров, которые* «закусывали», и ему «стало совестно, и он поскакал назад, туда, где бы могли убить его». Встречая на своем пути раненых и убитых и *вспоминая*, «как задрожала губа князя Андрея», Пьер думал: «Надо, надо ехать». И в это время он увидел шедший мимо него полк, сбоку которого *ехал* князь Андрей, «бледный с блестящими глазами». Но тут разбитая, бежавшая назад кавалерия увлекла с собой Пьера.

Этот эпизод с участием Пьера тотчас же был изменен. Все еще сохранялся какой-то страх, испытываемый Пьером. Он был так встревожен, что не замечал *летавших* над ним ядер и (так думал он) не видел раненых и убитых, «хотя проехал мимо сотни таковых». Он «торопился скорее и скорее поспеть куда-то и найти себе дело». И только после сердитого окрика: «*И чего вертится тут под пулями*», Пьер услыхал звуки пуль, свист и визжание вокруг себя, и «на него нашел ужас». После того как он, увлеченный назад бежавшей кавалерией, остановился, он увидел вокруг себя много раненых в крови, и «лица всех этих людей были страшные». Опять поиски автора. Сначала Пьер, почувствовав, что не может этого вынести, «тихим шагом, не оглядываясь, поехал назад к Татариновой», встретил князя Андрея, скакавшего впереди полка. Тотчас Толстой создал новую ситуацию: Пьер не убегает от страшного зрелища раненых и убитых, а остается, пытаясь помочь им, и по поручению полковника едет отыскивать перевязочный пункт. Возвращаясь оттуда по «короткому пространству, которое отделяло в Бородинском сражении первую линию от резервов, он услыхал, как «стрельба и канонада усилились до отчаянности, как человек, который надрываясь кричит из последних сил», и увидел, что «резервы тронулись вперед». Это был полк князя Андрея. Впечатляет глубокий внутренний смысл этого сравнения с кричащим из последних сил человеком.

Взбудораженность и душевный подъем Пьера в начале боя сменились к концу упадком. Пьер «устал, устал физически и нравственно», он не мог «*ни двигаться, ни думать, ни соображать*». *По окончании сражения* он сидел на брошенной оси, «скулы его прыгали, и он смотрел на людей, не узнавая их. Он слышал, что Кутайсов убит, Багратион убит, Болконский убит. Он хотел заговорить с знакомым адъютантом, проехавшим мимо, и слезы помешали ему говорить. Берейтор нашел его ввечеру прислоненного к дереву с устремленными вперед глазами».

Так было решено в ранней редакции романа. Приездом Пьера в Можайск, где находился раненый князь Андрей, заканчивалось описание Бородинской битвы.

После своей поездки в Бородино Толстой изменил первоначальный план, переработал увиденную Пьером картину битвы. Найденные в предшествующей редакции ощущения и настроение Пьера использованы автором в новой рукописи. Пьер «с бессознательно-радостною улыбкой смотрел на то, что делалось вокруг него». Солдаты, убедившись, что этот барин в белой шляпе спокойно прохаживается под выстрелами, учтиво сторонясь перед солдатами, «мысленно приняли Пьера в свою семью». Пьер слышал удары снарядов, видел ополченцев, уходивших с ношами, догадывался, что это были раненые и убитые,

«*но он не видел* их, а видел только оживленные усиленной теперь деятельностью лица». Пьеру казалось, что там, где он видел «дымы, блестящие штыки и пушки», движение,— там была «настоящая жизнь и красота». Его «странно тянуло туда».

По мере «разгорания» битвы Пьер замечал, как «все более и более разгоралось общее оживление», и он весь был поглощен «в созерцание этого, все более и более разгорающегося огня, который точно также (он чувствовал) разгорался и в его душе».

В новой редакции введена напряженная сцена: на глазах Пьера взята *французами батарея Раевского* и вновь отбита; затем появилось столкновение Пьера с французским офицером. Пьер схватил врага за горло, а француз его за шиворот; в этот миг над ними просвистело ядро, и они, отпустив друг друга, *разбежались, не понимая*, кто же кого взял в плен.

К концу сражения Пьер «нравственно» устал. «Виною всех совершенных ужасов», свидетелем которых он был, Пьер считал Наполеона. «Нет, теперь они оставят это, теперь они ужаснутся того, что они сделали»,— думал Пьер. Так для Пьера, в новом варианте, закончилось сражение.

Переработанная картина Бородинской битвы после небольших доделок вошла в окончательный текст. Но все еще не было и в этой рукописи той величественной панорамы, которая с первой минуты должна захватить Пьера и определить характер и тон всей картины. *Она появилась на последнем этапе работы.*

Бородинские впечатления послужили началом решительного переворота в душе Пьера. Художественно воплотить этот замысел удалось Толстому с большим трудом. Первоначальная схема была такая: Пьер остановился под Можайском в деревне, из которой уходили взволнованные и озабоченные жители. В опустевшей деревне Пьер увидел спокойно сидевшего на завалинке старика «с клинообразной редкой полуседой бородой и такими же большими бровями».

Мысль столкнуть Пьера после Бородина с таким *человеком из простого народа*, который бы сыграл важную роль в перемене его мировоззрения, промелькнула еще в первой редакции: там это старый солдат, оказавшийся вместе с Пьером в *плену*. Намеревался ли Толстой роль солдата в плену перенести на этого старика, в доме которого Пьер остался ночевать, или создал промежуточный эпизод, трудно предположить. Бесспорно *лишь то*, что старик должен произвести глубокое впечатление на взволнованного Пьера. По замыслу автора, мудрое спокойствие старика, остающегося в деревне, и спокойно умиравшие солдаты в Бородине сольются в представлении Пьера воедино.

Роль, возложенная на старика, так важна, что Толстой надолго задержался на этом образе. Пьер «никогда не видал еще таких людей,— замечает автор.— Это был один из тех стариков, которые бывают только в мужицком ра́бочем быту». Он был старик не потому, что «у него были правнуки или потому, что он был сед, плешив и беззуб (у *этого*, напротив, были все, хотя и доеденные, как у лошади, зубы и было больше русых, чем седых, волос), но он был старик потому, что у него не было больше желаний и сил. Он пережил себя. Всю жизнь он работал». (Толстой настойчиво повторяет, что старик был человек физического труда.) А теперь «лет 30 он все меньше и меньше имел сил работать и, наконец, невольно пришел к полному физическому бездействию и вместе с тем к полному нравственному сознанию значения жизни». К такому сознанию Толстой ведет и Пьера. Вот почему он так много рассказывает о старике, которому «значение его жизни и жизни других было вполне открыто». Это «чувствовалось при первом взгляде на него», что и привлекло Пьера. «Это был не старик, искусственный старик, каких мы видаем в сословиях, не работающих физически,— поясняет Толстой,— а это было олицетворение старости — спокойствия, отрешения от земной жизни, равнодушия. Взгляд его, звук и смысл его речей, все говорило это, и Пьер в восторженном созерцании стоял перед ним».

Из короткого разговора со стариком Пьер узнает, что старик не уезжает вместе со всеми жителями потому, что от бога никуда не уедешь, «он всегда найдет».

Случайная встреча не только поразила Пьера, но коренным образом изменила его отношение к жизни. В дальнейшем пути от Можайска до Москвы он узнал о новых смертях и ранах, узнал, что князь Андрей смертельно ранен, узнал, что «потери ужасны, что будет еще сражение перед Москвой, что в Филях собран огромный совет для решения участи Москвы». Но теперь «ничто из этого мира общих вопросов и в особенности войны не интересовало его. Его занимал один личный вопрос о себе, о том, как ничтожна и несчастлива была его жизнь и как он теперь изменит ее». Пьер был спокоен, молчалив, не переставая думал. «Основанием его мысли были покойно умиравшие солдаты на батарее и старик, оставшийся в деревне».

Эпизод встречи со стариком дважды перерабатывался и дошел до гранок. Однако не мог он удержаться в романе. Возможно, Толстой потому отказался от него, что искусственным и малооправданным было столь сильное влияние почти мимолетной встречи. Оно почти сравнялось по силе с впечатлениями Пьера от солдат во время Бородинского сражения. Встреча со стариком в деревне под Можайском оказалась лишней, но только после того, как вошел в роман (это уже на последнем этапе работы) Платон Каратаев. А пока старик сыграл свою роль, как-то подготовив настроение Пьера, который вернулся в Москву, полный желания изменить свою жизнь.

* * *

В ранней редакции романа был создан развернутый конспект конца произведения: когда французы вступают в Москву, Пьер «в мужицкой свитке» идет по пустынным улицам, «ощупывая пистолет под полою» и намереваясь тотчас же «выстрелить в Наполеона». Известно также душевное состояние Пьера в эти минуты. Он «сжег свои корабли» и испытывал новое для него «счастливое чувство независимости, похожее на то, которое испытывает богатый человек, оставляя все прихоти роскоши и отправляясь с сумкой путешествовать в горы Швейцарии». Убить Наполеона Пьеру не удалось, войска оттеснили его, когда проехал император.

Доведя развернутый конспект до встречи Наташи с тяжело раненым князем Андреем (пока не в Мытищах, а на постоялом дворе), То́лстой не стал продолжать роман, а вернулся к Пьеру. Была вновь изложена конспективно судьба Пьера в Москве, включая допрос пленного Пьера у Даву и расстрел мнимых поджигателей. Не только повторено без колебаний, что Пьер остается в Москве, но мотивировано его решение. Он не хотел уезжать «преимущественно оттого, что ему совестно было подражать всем слабым уезжающим людям и женщинам». Кроме того, он должен показать, что ему «действительно море по колено, как он это почувствовал и сказал на дворянском собрании». Несомненным оставалось намерение Пьера убить Наполеона: «смутно представлялось ему 666 и Pierre de Besuhoff». Главное же, что владело Пьером,— это «русское чувство», выражающее «высший суд над всеми условиями жизни на основании какой-то другой, неясно осознанной истины».

Точно наметилось в том же конспекте настроение Пьера в день вступления французов в Москву. При всей конспективности текста, замысел автора совершенно очевиден. Для Пьера был «решенный вопрос», что в Москве он останется «не под своим именем и званием графа Безухова и зятя одного из главных вельмож, а в качестве своего дворника». Он переселился во флигель, где жила семья дворецкого с его свояченицей Маврой Кондратьевной, вдовой, «когда-то бывшей перстью Пьера, был весьма детально развит и долго удерживался. В последующих рукописях Мавра Кондратьевна заменилась горничной княжны, Аксиньей Ларивоновной; Мавра Кондратьевна (а затем Аксинья Ларивоновна) помогла Пьеру достать крестьянскую одежду.

Нарядившись в нее, Пьер вышел на улицу, когда французы входили в Москву.

Самое главное для автора было показать душевное состояние Пьера в эти минуты. «И страшно и весело было Pierr'у подумать, что он уже обхвачен и корабли сожжены. Он все ходил, смотрел разные войска и вблизи видел живые, добрые, усталые, страдальческие, человеческие лица, которые жалко ему симпатичны были. Они кричали «Vive l'Empereur» и были минуты, что Pierr'у казалось (уже под конец), что так и должно быть и что они правы. Ему даже захотелось закричать».

Настолько важно было Толстому найденное им определение, что он подчеркнул весь отрывок.

Намеченные далее сцены (Пьер посещает старую москвичку княжну Чиргазову, встречается с Долоховым) не дошли до печати. Вслед за ними в конспекте упомянуты начавшиеся пожары, мародерство французского войска. Все это видит Пьер; он спасает ребенка, оставленного на улице; беседует с французским офицером, которому «рассказал свое положение и свою любовь» (это зерно будущего откровенного разговора Пьера с капитаном Рамбалем о любви к Наташе).

Упоминанием о расстреле поджигателей заканчивается эта часть конспекта. Нетрудно убедиться, как стройно сформировалась в сознании писателя жизнь Пьера в оставленной жителями Москве. Тем не менее каждый почти эпизод перерабатывался множество раз. Говоря об этом, необходимо помнить, что между приведенным конспективным наброском, входящим в раннюю редакцию романа, и началом пристальной работы над этой частью прошло более двух лет (в эти годы Толстой был занят первыми четырьмя томами «Войны и мира»).

Подойдя после перерыва к главам о Пьере, Толстой, судя по тексту, во многом опирался на ранний конспект. Показано душевное состояние Пьера после Бородина. Он чувствовал, что наступила «так давно ожидаемая им желанная минута всеобщего крушения», что «наступило то время, в которое ему можно и должно показать, что он ничем не дорожит, что он готов всем пожертвовать и совершить что-нибудь великое и необыкновенное». Так возникло решение Пьера уйти из своего дома. Он боялся, что окружающие втянут его «в обычные условия жизни, которые устанавливались даже и при настоящей необычайности общего хода дел».

То, что видел и чувствовал Пьер в то время, когда жители покидали Москву, естественно связывалось с потрясшими его впечатлениями Бородинской битвы. «До Бородинского сражения, не видав всех ужасов и страданий, и мужества войны, Пьер не счел бы унизительным ехать с другими в Орел, продолжая снаряжать свой полк, но теперь такое бегство, самосохранение и бездеятельность казались ему постыдными». И Пьер решает, «ежели он не мог принимать деятельного участия в войне, он должен был по крайней мере здесь, в Москве, как ее житель, пострадать или совершить что-нибудь необыкновенное».

В начальных набросках этой части у Пьера нет еще конкретного решения, что делать. Он вышел из своего дома только с тем, чтобы «уйти от всех знакомых» и «замешаться в неизвестную толпу народа, как мальчик, который бежит из школы».

И тут Толстой начал развивать упомянутый в конспекте рассказ о встрече с горничной Аксюшей, в доме которой Пьер, по ранним вариантам, будет скрываться. Встретившись с Аксиньей, Пьер вдруг понял, что́ ему нужно было совершить. Ему надо было, переодевшись в мужицкое платье, выбрать время, когда Наполеон будет проезжать по улицам Москвы, и убить его. Встреча Пьера с Аксиньей Ларивоновной была в наборной рукописи еще раз исправлена, а в конце концов вовсе исключена. Можно предположить, что эпизод оказался лишним потому, что ничего нового не раскрывал ни в образе и действиях Пьера, ни в картине Москвы тех дней.

Возник иной план — связать Пьера с его прежними исканиями, с масонством. Вдова масона Баздеева, уезжая, просит Пьера взять книги; разборка книг и бумаг Баздеева показалась Пьеру самым нужным из всех дел, предстоящих в то утро, когда созревало его решение уйти из дома. Пьер переселяется в опустевший дом Баздеева, где оставался известный Пьеру слуга Герасим, просматривает в знакомом кабинете масонские рукописи, которые когда-то прежде волновали его. Все это стройно, естественно вошло в повествование, и вставной эпизод с новыми персонажами (Аксинья Ларивоновна, ее муж) не понадобился. Кроме того, неожиданный случай, столкнувший Пьера с масонством, помог Толстому сделать явным уже свершившийся внутренний отход Пьера от чуждого ему теперь учения. Пьер, придя в кабинет Баздеева, достал «подлинные Шотландские акты с примечаниями и объяснениями благодетеля», и эти когда-то «святыни» ордена не захватили Пьера. Он «положил перед собой рукописи, раскрывал, закрывал их и, наконец, отодвинув их от себя, облокотившись головой на руки, задумался».

Решение Пьера остаться в Москве все время как-то связывалось с встречей с Наташей. Было несколько совершенно отличных друг от друга вариантов этой сцены. Первый: Пьер, проезжая мимо дома Ростовых, зашел к ним. Теперь, когда «все на краю гроба», Пьер решил признаться Наташе в своей сильной любви к ней, и «не успела еще Наташа ответить ему, как он уже убежал».

В следующей рукописи, уже приняв решение («Или я произведу великое дело, или я погибну»), Пьер, проезжая по Поварской, увидал

у дома Ростовых выдвинутые экипажи и узнал от дворецкого, что они сейчас уезжают. Пьер решил увидать Наташу: теперь, когда «ничего нет прежнего», когда он уверен, что никогда не увидит Наташу, ему «нужно было закрепить чем-нибудь для себя самого свое решение, нужно было излить [кому]-нибудь ту торжественность, которая была в его душе, нужно было уверить себя, что необходимо ему увидаться с ними». Ему тотчас представились доводы, почему для Ростовых это нужно. «Надо было предупредить их об опасности и торопить их отъезд, надо было предложить им свои услуги в наблюдении за оставляемым домом, надо было переговорить о Пете, надо было хотя родителям сказать о ране князя Андрея, ежели они еще не знали этого, и надо было — нужнее всего — что-то перед предстоящим концом сказать Наташе».

Как бы ни перерабатывался текст, основные линии жизни главных героев шли и сплетались между собой так, как определено в ранней редакции. В самые серьезные минуты жизни Пьера его мысли обращаются к Наташе. Так и сейчас, готовясь к свершению «великого дела», Пьер чувствовал потребность «показать Наташе, что он не такой слабый и ничтожный человек, как она это думает, может быть». Затем Пьер решил, что «нехорошо» открывать Наташе свой план, который «еще бог знает в какой степени» он сможет выполнить. «Нет, я увижу ее и ничего не скажу ей. И именно для этого только я должен увидать ее».

В следующей рукописи эпизод коренным образом перестроен. Не упоминается желание Пьера повидать Наташу. Пьер, решив остаться в Москве «не в своем виде графа Безухова, а в виде дворника или дворового человека», надел картуз и старую шинель и вышел из дома. На одной из улиц, среди множества карет, бричек и телег московских жителей, «тронувшихся в этот день во все заставы», он узнал кареты и коляски Ростовых.

Встреча дана не в авторском повествовании, а в кратком отрывистом разговоре Пьера с Ростовыми.

«— Петр Кирилыч! Граф! ⟨Петруша⟩ Тезка! — кричали ему, странно сказать, веселые голоса.

Одна графиня казалась грустна.

Пьер подбежал к окну кареты.

— Мы слышали, вы были в сраженьи.

— Вы куда?

— Мы в Ярославль. А вы едете?

— Это что ж с вами, раненые?

— Да. Все вот она набрала,— сказал Илья Андреич, указывая на Наташу. Пьер тоже посмотрел на нее, и веселое лицо ее неприятно

поразило Пьера. Неужели она знает, что князь Андрей ранен, и может быть так весела.

— А вы что, граф? — спрашивали Пьера.

— Я? Я здесь остаюсь.

— Что вы?

— Так надо, графиня. Ну, да это мы увидим.

— Каково время. Боже мой, боже мой.

— Ну, прощайте.

— Прощайте, милый.— Граф прощался.

— Прощайте».

Первоначально Толстой хотел закончить встречу сценой суеты, возникшей из-за задержки кареты Ростовых («наехали еще подводы с казенным имуществом, квартальный кричал, чтобы проезжали, одну бричку зацепили, из кабака выскочил с криком пьяный»), но, не дописав даже фразы, вернулся к прежнему замыслу — объяснения Пьера с Наташей. Неуместным стало неприятное впечатление Пьера от веселого лица Наташи. Толстой зачеркнул упоминание об этом и иначе закончил сцену встречи: Пьер обошел карету с другой стороны, «чтобы поцеловать руку Наташи.

— Прощайте,— она нагнулась над ним.

Пьер взглянул на нее, на ее толстую [1 *нрзб.*], ее худую шею с напряженной жилой и вдруг почувствовал точно так же, как он это когда-то чувствовал с Элен, что она будет его, что что бы ни было, она моя. И вместе с тем душевным восторгом, с которым он всегда смотрел на нее, он почувствовал к ней другое — чувство мужа к жене. Он прижал ее руку к губам, потом, не выпуская ее, поглядел ей в глаза.

— Наташа! — сказал он, — вы знаете, что я люблю вас... ⟨как дочь, как...⟩ Я люблю вас... Наташа милая моя,— и он ⟨заплакал⟩ с слезами на глазах отошел от дверец, и ⟨пошел⟩ карета тронулась».

Слишком неожиданно прозвучал такой разговор в разоренной, бегущей Москве, и еще более неожиданна сейчас сосредоточенность Пьера на личном чувстве. Окончание сцены немедленно зачеркивается, а затем и вся сцена встречи заменена иной, резко противоположной. Местом встречи выбрана площадь у Сухаревой башни.

Объезжая Сухареву башню, Наташа увидела Пьера в кучерском кафтане; он рядом с женщиной (это была Аксинья Ларивоновна) подошел под арку Сухаревой башни. Вслед за Наташей «все Ростовы увидали Пьера или человека, необыкновенно похожего на Пьера, в кучерском кафтане и шапке, шедшего по улице с нагнутой головой и серьезным лицом». Женщина, шедшая с ним, заметила высунувшееся из кареты лицо и, улыбнувшись, «толкнула под локоть Пьера и что-то сказала ему. Пьер долго не мог понять того, что она говорила, так он,

видимо, погружен был в свои мысли. Наконец, когда он понял ее и посмотрел по ее указанию, Ростовы были уже далеко, он не узнал их и не ответил на поклоны и крики Наташи из кареты.

— Да нет, это не он. Можно ли такие глупости.

— Мама,— кричала Наташа,— я вам голову дам на отсечение, что это он. Я вас уверяю. Постой, постой,— кричала она кучеру, но кучер не мог остановиться, потому что из Мещанской выехали еще подводы и экипажи и на Ростовых кричали, чтобы они трогались и не задерживали других».

Сцена получилась живая, естественная, но в ней нет главного: Пьер не встречается с Наташей. Правка продолжалась. Аксинья Ларивоновна заменена старичком Герасимом. Ростовы увидели Пьера, когда он шел с ним. Изменено главное: Пьер узнал Наташу и, подойдя к медленно двигавшейся карете, взял протянутую руку и неловко поцеловал ее; «сияющий радостный» взгляд Наташи «обдавал его своей прелестью». Таким сложным и трудным путем достиг, наконец, Толстой того, чего добивался: встреча с Наташей происходит естественно и неожиданно, и Пьер невольно выдал столь долго скрываемое чувство.

Такой же длинный путь прошли встреча Пьера с французом и откровенный разговор между ними. Эпизод намечен был в раннем конспекте. Он развивал записанную на полях рукописи мысль: «Масонство менее действует, чем всемирное знакомство добрых людей». Менялось место встречи (то в квартире Аксиньи Ларивоновны, то в пустом доме Ростовых, то, наконец, в квартире Баздеева — так в оконченном романе). Менялось имя офицера (итальянец Эмиль Пончини, затем драгунский капитан француз граф де Мервиль и, наконец, известный по печатному тексту капитан Рамбаль). Неизменным оставалось то, что Пьер спас этого офицера, и тема их беседы.

В первом варианте Пончини недоумевающе спрашивал, сдана ли Москва, отдана ли с бою. Он не мог понять того, что Москва пуста, что не было депутации от жителей, что не дрались на улицах. «Это было против всех правил, против всех преданий истории». Пьер ничего не мог отвечать ему, так как сам еще не понимал, что такое значила эта Москва. Он, «не глядя на собеседника, сказал только, что Москва не сдана и никогда не будет сдана». Когда он говорил это, «лицо его поразило своей мрачностью итальянского офицера». Не открывая своего имени, Пьер только сказал новому знакомому, что он русский граф, один из богатейших людей России, остался в Москве для того, чтобы видеть гибель французской армии.

Постепенно они ближе познакомились и, «радостно улыбаясь, смотрели друг на друга». Разговор перешел на личные темы. Пончини рассказал Пьеру «всю свою судьбу» и «свою любовь». Глядя на «влюбленные глаза» Пончини, Пьер «вдруг в первый раз» вспомнил вместе «два обстоятельства и невольно сделал из них вывод». Он вспомнил смерть жены, свою свободу и последнее вчерашнее свидание с Натайшей со всей прелестью ее радости, ласки и оживления. «Да, это могло бы быть», думал он. И Пьер рассказал Пончини всю свою жизнь. Он рассказал «про свое воспитание в Швейцарии, про восторг, который он имел к Наполеону, про идеи, которые наполняли его душу, и про то, что он нашел в России, про свое фальшивое положение, про своего отца, про историю «Аксюши». Пьер рассказал «про случайную встречу как с ребенком, *с ней*, с Наташей, и про то чувство, которое сказало ему, что она должна иметь влияние на его жизнь». Говорил и о том, что «в тумане богатства» он «набрел» на Элен и «принял за любовь другое чувство и, не любя, женился на ней». Пьер вспоминал, что «все прекрасные вещи и мысли (как масонство)» были «затемняемы туманом богатства». Он рассказывал о своем друге («это была редкая, высокая и гордая душа»), о том, что друг его тоже встретился *с ней* и Пьер «сводил» их, упомянул о катастрофе, когда «она сделалась сумасшедшая» и друг «бросил ее», о своей роли в этой истории, о своем чувстве к ней, которое было «не дружба», о своей борьбе с этим чувством и, наконец, о вчерашней встрече. «Пьер разгорелся, говоря это. Глаза его блестели». Волнующий рассказ, в котором Пьер раскрывает себя, дошел до печати лишь в общих чертах.

Как в законченном романе, так и в рукописи, после разговора они вышли на улицу. Виднелось зарево пожара, и над всем было «звездное, бесконечное небо с молодым серпом месяца и с той же кометой, которую так помнил и любил Пьер».

* * *

Пьер в плену — это тема перерождения Пьера; предпосылкой было все прошедшее. Эта часть надолго задержала внимание Толстого при создании ранней редакции романа. Многое там рассказано о Пьере: как изменилась его внешность, как его допрашивал Даву (близко к завершенному тексту), какой ужас вызвала у Пьера казнь поджигателей. Но ничего почти не было известно о людях, окружавших его в плену. Упомянуты лишь старик-чиновник, пятилетний мальчик, которого Пьер спас, и солдат-сосед, научивший Пьера завязывать веревочкой на щиколотках серые чужие панталоны. Пленный солдат ничем еще особенно не выделяется и в жизни Пьера роли не играет. Много позднее он преобразится в Платона Каратаева, а в ранней редакции тема Каратаева едва намечена. Подробно описано, как пришел в балаган к Пьеру его «тайный друг» Пончини; изложена их беседа. После разговора с французом Пьер «еще долго думал о Наташе,

о том, как в будущем он посвятит всю жизнь свою ей, как он будет счастлив ее присутствием и как мало он умел ценить жизнь прежде».

Главная мысль в работе над этой частью (когда спустя два года Толстой начал подготовку тома к печати) — связать впечатления Бородина и впечатления плена, показать, как «в эти четыре недели плена, лишений, унижений, страданий и, главное, страха Пьер пережил больше, чем во всю свою жизнь», и как все испытания отразились на его отношении к жизни, дав то спокойствие и довольство собой, к которым он тщетно стремился прежде. «Он долго в своей жизни искал с разных сторон этого успокоения, согласия с самим собою, того, что так поразило его в солдатах в Бородинском сражении. Он искал этого в филантропии, в масонстве, в рассеянии светской жизни, в вине, в геройском подвиге самопожертвования [в наборной рукописи добавлено: «в романтической любви к Наташе»], он искал этого путем мысли, и все эти искания и попытки обманули его. И он, сам не думая о том, получил это успокоение и это согласие с самим собою только через страдания физические и нравственные, через ужасные полчаса, которые он провел с мнимыми поджигателями на Девичьем поле». Таким вступлением начался теперь рассказ о Пьере.

Сцена допроса и расстрела «поджигателей» не только по содержанию, но и текстуально была с самого начала близка к окончательному тексту. Предметом напряженнейшей работы оставался глубокий переворот в сознании Пьера, свершившийся после «преступного убийства», которое он видел. Рукописи говорят, как долго, и главное, взволнованно трудился над этим Толстой.

Казнь «поджигателей» стала самым сильным толчком к перемене мировоззрения Пьера. «Был казнен, казалось, тот старый человек, которого так тщетно пытался победить в себе Пьер посредством масонских упражнений». В нем теперь жил «новый, другой человек».

В тот же день Пьер познакомился и сблизился с товарищами по плену — солдатами, крепостными и колодниками, и в этом сближении нашел «еще не испытанные им интерес, спокойствие и наслаждение». Ему доставляли наслаждение «обед из соленых огурцов», «тепло, когда он укладывался рядом с старым солдатом», «ясный день и вид солнца и Воробьевых гор, видневшихся из двери балагана». Еще более детально анализируются «нравственные наслаждения» Пьера: на душе у него теперь «ясно и чисто», и те мысли и чувства, которые прежде ему казались важными, были как будто «смыты». Он понял, что «для счастия жизни нужно только жить без лишений, страданий, без участия в зле, которое делают люди, и без зрелищ этих страданий».

В этом (втором) варианте данной части рассказано и о лишениях, которые испытывал Пьер, и о духовном перерождении, но еще не пока-

заны те условия жизни в плену, которые привели Пьера в новое состояние. Второй вариант можно рассматривать как программу повествования о Пьере в плену. По ней будут создаваться картины жизни Пьера.

Создается третий вариант. Толстой хотел было, чтобы Пьер ощутил «новое, не испытанное им радостное умиление жизни» еще до знакомства с товарищами по плену — под влиянием природы: когда его, угнетенного впечатлением казни, вели в балаган, он увидал «блестящие в лучах заходящего солнца купола и кресты Новодевичьего монастыря, увидал лесистые холмы Воробьевых гор и извивающийся над рекою и скрывающийся в синей дали лесистый берег, почувствовал прикосновение свежего воздуха, увидал голубое небо с чешуйчатыми облаками и услыхал звуки летевших домой в Кремль галок».

При этом ослаблялась роль людей, с которыми Пьер встретится в плену. Автор опять не удовлетворен и пишет заново. Пьера привели в балаган пленных «в состоянии убитости и непонимания». Его окружили офицеры и солдаты, «все с радостными добрыми лицами, как казалось Пьеру», расспрашивали, рассказывали о себе, дали ему поесть. Пьеру предоставили койку, как всем офицерам, но он отказался, решив спать на земле на соломе, как спали солдаты, и пошел на солдатскую сторону балагана. Толстой не напоминает особо, но по контексту ясно, что Пьер увидел те же лица простых солдат, которые поразили его в Бородине. «Все эти лица, фигуры, позы, звуки голосов — все это было такое знакомое, родственное, любезное Пьеру». Здесь, среди солдат, он увидел Платона Каратаева. Только в этом третьем варианте безымянный пленный солдат преобразился в Платона Каратаева, который оставил в душе Пьера след навсегда.

Новые заметки на полях обнаруживают авторский замысел: «Как они могут смеяться. *Как в тумане все завалилось.* (Подчеркнуто Толстым.) В полумраке невольно наблюдает, и все знакомо и бессмысленно — вдруг что-то по запаху, слуху и зренью круглое и успокоительное привлекло внимание. Посадили. Платон спрашивает, утешает: погода х[орошая?], кормит картошкой — важнеющая. Житье не плохое, люди хорошие. На другой день раз[глядел?] — круглое — и все ясно».

В беглой записи не трудно увидеть конспект первой встречи Пьера с Платоном Каратаевым, известной всем по роману. Новый образ и его роль четко выкристаллизовались в сознании автора, ему ясно, к чему приведет Пьера общение с этим пленным солдатом-крестьянином. Вот почему и самый образ Каратаева и сцены с его участием не претерпевали ни идейных, ни каких-либо существенных смысловых перестроек, хотя работа и над ними, разумеется, была большая.

Имя и фамилия Каратаева определились сразу, но Толстой подыскивал его военное звание и обстоятельства, при которых он попал в плен:

то «раненый унтер-офицер», то «унтер-офицер Томского полка, взятый французами на пожаре Гостиного двора», то «унтер-офицер Томского полка, взятый французами в гошпитале». Легко, без следов большого напряжения, написан внешний облик Каратаева. Особенность его речи с обилием народных пословиц была тоже продумана Толстым с самого начала. Поля листов с конспектом первой встречи Пьера с Каратаевым и первые два варианта его характеристики сплошь заполнены пословицами. К этому же времени относится отдельный листок, вдоль и поперек исписанный пословицами. Это заготовки писателя для речи нового персонажа.

Толстой долго искал, как начать знакомство Пьера с Каратаевым, и, главное, как точно определить то впечатление, которое произвело на Пьера это знакомство. Вначале сцена в балагане была построена иначе, нежели в окончательной редакции: не в хронологической последовательности развивалось действие. Раньше, чем рассказать об обстановке и людях, среди которых очутился Пьер, автор сообщил о состоянии Пьера в «новом товариществе пленных»: он «почувствовал в первый раз, что все те условные преграды — рождения, воспитания, нравственных привычек, которые до тех пор отчуждали его от товарищей, были уничтожены». И самое основное, к чему автор вел Пьера, также было заранее известно: «Прежде* Пьер старался сблизиться с народом, теперь же вовсе не думал о нем; сближение это сделалось само собою и доставило Пьеру [1 *нрзб.*] новые неиспытанные им до сих пор наслаждения».

Раскрыв вступлением свою идею, Толстой сообщил, что «из числа 23 человек самых разнообразных характеров и званий: офицеров, солдат, чиновников, которые потом как в тумане представлялись Пьеру, в памяти его остался навсегда унтер-офицер Томского полка, взятый французами в гошпитале, с которым он особенно сблизился. Унтер-офицера этого звали Платон Каратаев». В воспоминании Пьера он «остался олицетворением всего русского, доброго, счастливого и круглого». Затем нарисован внешний портрет Каратаева и определен его духовный облик как идеал народной житейской мудрости. Он был, пишет Толстой, «как бы живой сосуд, наполненный чистейшей народной мудростью». Поговорки, которыми с первого варианта насыщена речь Каратаева, также были «большей частью изречения того свода глубокой житейской мудрости, которой живет народ». Пьер «никому с таким удовольствием и подробностями не рассказывал свою жизнь,

* Толстой пытался было раскрыть, что разумелось под понятием «прежде»: «во время сражения и после в Москве во время выхода народа за Трехгорную заставу», но тотчас отказался от толкования — и без того ясно, что означало это «прежде».

как этому солдату»,— заключил Толстой и перешел к действию: в балагане Пьера первым «приветствовал» Платон Каратаев, «сидевший в углу за тачанием сапогов». Таков первый набросок. Исправляя его, Толстой попытался изменить так, что не Каратаев первый встречает Пьера, а при входе в балаган внимание Пьера «сосредоточилось на чем-то круглом, успокоительном и сильном. Что-то радостное, счастливое, забытое вспомнилось ему, и он весь погрузился в созерцание того, что так поразило его, давало надежду на успокоение и спасение».

Набросок не удержался. Слишком неестественно для растерянного, угнетенного Пьера в первую же секунду в темном, тесном балагане особо выделить из 23-х людей одного и сразу почувствовать возможность успокоения. Не получив развития, вписанный на полях текст зачеркнут. Создан новый вариант, по композиции близкий к окончательной редакции. Нет больше авторского вступления, которое до начала развития действия уже сообщает о результатах его. Теперь рассказ идет последовательно: Пьер приходит в балаган пленных; он услыхал, как находившийся там старый поручик обратился к кому-то: «Платон! Соколик!» и просил устроить, где барину переночевать. Самое знакомство Пьера с Каратаевым описано примерно в той последовательности, которая известна по законченному роману.

В замкнутом обществе из 23-х человек, в котором оказался Пьер, сложились, рассказывает Толстой, «все те формы жизни, в которых всегда и везде выражается человечество». Только здесь «гораздо очевиднее совершалось то непостижимое сближение людей вследствие близости друг к другу». Через неделю Пьер «почувствовал, что это все свои, совершенно свои, а остальные, даже русские — совсем чужие, такие же чужие, как французы, и более чужие, чем французы, ходившие в караул».

Содержание и композиция рассказа о жизни Пьера в плену были найдены, но Толстой продолжал работать над эпизодом. Доведя Пьера до полного упадка духа к моменту прихода в балаган, Толстой заставляет его через близость с простым народом и, главное, с Платоном Каратаевым, возродиться.

Жизнь Пьера «как будто началась с того вечера, как он, вслушиваясь во мраке балагана в слова своего соседа, начал чувствовать значение того божьего суда, который руководил человеческим умом, как говорил Каратаев, и еще более почувствовал это Пьер, когда на другое утро со всеми другими пленными, поднимавшимися рано, проснулся еще в сумерках рассвета и вышел к двери балагана в то время, как ясно и торжественно всходило солнце за далеким горизонтом Воробьевых гор». Здесь выражена обычная для Толстого идейная функция пейзажа. Радостное чувство новой жизни у Пьера связывается с торжествен-

но восходящим солнцем. Не удержался, однако, и этот набросок, «встреча» с природой перенесена в дальнейшие главы (канун выхода из Москвы и первая ночь на переходе). Первое сильное впечатление, возродившее Пьера к жизни, оставлено безраздельно за Платоном Каратаевым.

При всей покорности судьбе, при всем своем смирении и непротивлении, Каратаев остается патриотом. Он скорбит, что на родную землю вторглись враги, ему ясно, что добровольно оставаться у французов нельзя, и он удивлен, что Пьер не уехал из Москвы. Когда Пьер спросил Каратаева, скучно ли ему, Каратаев понял «скучно» в смысле «грустно», «тоскливо», что свойственно народному языку. Он ответил: «Как не скучать на это смотреть». Как и все русские люди, он убежден, что Россия непобедима. В черновом варианте первого разговора с Каратаевым Пьер спрашивает: «Что ж, ты думаешь, что уж конец России?» Так же, как Пьер накануне уверенно заявил французскому офицеру, что Москва не может быть сдана, так теперь «спокойно и споро» ответил Каратаев: «Рассеи конца сделать не можно, потому что Рассеи да лету — союзу нету». В окончательном тексте нет этого диалога, там Пьер только вспоминал пословицу Каратаева, и она снова «странно успокаивала его». Каратаев уверен, что враг должен погибнуть подобно тому, как «червь капусту гложе, а сам прежде того пропадае»; но свершится это, по убеждению Каратаева, «не нашим умом, а божьим судом». Сейчас Пьер принимал все каратаевское, и оно успокаивало его. Впоследствии (в эпилоге), как мы увидим, Пьер изменит последнему утверждению Платона.

В наборной рукописи появился как бы итог первой встречи. Пьер, прислушиваясь к мерному храпению Платона, «чувствовал, что прежде разрушенный мир теперь с новой красотой и, главное, прочностью, на каких-то новых основах, воздвигался в его душе». К этому вел автор своего героя, здесь пафос рассказа о Пьере в плену. Пьер попал в балаган, когда в душе его рушился мир, а теперь воздвигался новый. Платон Каратаев вытеснил старика, с которым (по ранним рукописям) Пьер встретился в деревне под Можайском. Короткая встреча с ним играла ту же идейную роль, но не могла, конечно, оказать столь решающего влияния на духовное перерождение Пьера, как тесное общение с Каратаевым на протяжении четырех недель. Каратаев заменил и старого солдата, товарища Пьера по плену.

О последних днях Пьера в плену рассказано в ранней редакции коротко, но главное уже вошло в нее. Лишения и страдания привели Пьера к выводу, что он «столько насладился и узнал себя и людей, как не узнал во всю свою жизнь». Выход партии пленных из Москвы, трудные переходы принесли Пьеру новые физические страдания. Ноги растрескались, он «почувствовал страшную боль», и с этого времени

«почти все его силы души, вся его способность наблюдения сосредоточились на этих ногах и этой боли». Вместе с ним шел его «товарищ по плену», старый обессилевший солдат; несмотря на попытки Пьера спасти старика, его, как и всех отстававших, «пристрелили». Пьер видел повозки с награбленными вещами, слышал разговоры о безвыходном положении французов, и «общее впечатление деморализации войск отразилось, как во сне», на Пьере. После того, как партизанский отряд Долохова освободил эту партию пленных, Пьер подошел к Долохову и, «сам не зная отчего, зарыдал в первый раз за время своего плена».

Когда Толстой спустя много времени подошел к работе над этими главами, он воспользовался своим ранним описанием. Несколько новых конспективных записей к этим главам развивали, но не изменяли их направление. «Пьер не видит, смотрит, куда поставить ногу». «Пошел искать Каратаева». «Спасительный клапан страдания». «Отвернулся от Каратаева, когда убивали его». Дальше: «Понемногу приходил в бедственное положение», «растрескались ноги». «Каратаев: Прощавай, Петр Кирилыч, красное солнышко». Вот те опорные пункты, по которым писались главы о Пьере.

В ранней редакции нарисован был и новый портрет Пьера. «Он похудел значительно, особенно в лице, но несмотря на то, в плечах его и членах видна была та сила, которая наследственна была в их породе. Волосы, которые он постоянно из какой-то оригинальности и страха казаться занимающимся собой, он, портя себя, стриг в скобку, теперь обросли и курчавились так же, как курчавились все волосы его отца. Борода и усы обросли его нижнюю часть лица, а в глазах была свежесть, довольство и оживленность такие, каких никогда прежде не было». С небольшими изменениями этот портрет дошел до окончательного текста.

Внутренние перемены у толстовских героев всегда отражаются в лице и всего более в глазах. И Толстой несколько раз вносил новые оттенки во взгляд Пьера. Во втором варианте: «В глазах, хотя и ввалившихся, был блеск и ясность, которых никогда не было прежде». Наконец, в завершенном романе: «Выражение глаз было твердое, спокойное и оживленно-готовое, такое, какого никогда не имел прежде взгляд Пьера. Прежняя его распущенность, выражавшаяся и во взгляде, заменилась теперь энергической, готовой на деятельность и отпор подобранностью». Таким стал Пьер ко времени освобождения из плена.

* * *

Для дальнейшей жизни Пьера ранняя редакция романа не давала ничего. Там лишь упомянуто, что его направили в Тамбов, что по дороге он получил «одно из писем князя Андрея, везде искавшего его».

Когда Пьер приехал в Тамбов, князя Андрея не было там, он «опять поехал в армию». По-иному после ранней редакции решилась судьба князя Андрея — он умер от раны в Бородине — и о Пьере после плена Толстой начал писать заново. После освобождения из плена Пьер приехал в Орел, заболел и три месяца пролежал в желчной горячке. Рассказ о дальнейшей жизни Пьера исправлялся много раз, но главные события и его собственный анализ внутренних перемен в себе установлены с первого варианта. Точно определено состояние Пьера, когда он, очнувшись от болезни и узнав о гибели французов, понял все, что случилось в последнее время. «Он понимал все это понемногу, и все это во время его выздоровления спокойно и радостно укладывалось в его душе, каждое в своем месте. Он чувствовал себя теперь таким счастливым, каким он никогда не был. Главное основание его теперешнего счастья была свобода, та свобода, неотъемлемая присущая человеку, которой сознание он в первый раз испытал на первом привале при выходе из Москвы».

Многое из первого варианта дошло без изменений до печати. Можно отметить самое существенное отличие: в печатном тексте показано прежде всего, как расположены к Пьеру окружавшие его в Орле люди, и это одновременно освещало характер Пьера. В первом варианте, напротив, выявлено расположение Пьера к людям, они были предметом его «бесконечных радостных» наблюдений, и целью его было открыть «живую душу человека».

Не дошел до печати разговор Пьера с старшей княжной, его кузиной. Наблюдая за княжной, Пьер «старался добраться до того источника», из которого взялось убеждение княжны, что все люди были к ней неблагодарны. И когда она, отвечая на расспросы Пьера, рассказывала о своей молодости, о том, как она в первый раз почувствовала эту несправедливость, Пьер понял ее. Он расспрашивал княжну про свою мать, и, хотя княжна ненавидела ее, она пожалела Пьера и рассказала «в мягких чертах историю его матери, которую в первый раз понял Пьер».

Глубокие внутренние перемены обусловили новую жизнь Пьера. Толстой пережил вместе с Пьером все то, что произвело «переворот» в его душе, и заключительные главы, посвященные этому герою, сложились сразу. Не случайно Толстой вновь столкнул выздоравливающего Пьера с масоном Вилларским, тем самым, который был ритором при вступлении Пьера в масонскую ложу. С ним Пьер поехал теперь из Орла в Москву. Так определилось с первого варианта. Встреча с масоном дала возможность ярче осветить новое мироощущение Пьера. Он «испытывал во время своего выздоровления в Орле чувство радости жизни, но, когда он во время своего путешествия очутился на вольном

свете, увидал сотни новых лиц, удовольствие это еще более усилилось». Толстой подчеркивает, что «все лица — ямщик, смотритель, мужик на дороге или деревне — все имели для него новый смысл», а жалобы Вилларского «на бедность, застой, невежество России» только «возвышали радость Пьера. Там, где Вилларский видел мертвенность, Пьер видел необычайную могучую силу жизненности, ту силу, которая в снегу на этом пространстве поддерживала жизнь этого целого особенного и единого могучего народа».

С чувством возвышенной радости Пьер приехал в возрожденную Москву.

Рассказ о новом Пьере в новой Москве, о его встрече с княжной Марьей и Наташей, их сближении и глубокой любви к Наташе, охватившей его, создался без больших поисков и почти без переработок. Только первая встреча с Наташей надолго задержала Толстого.

Сразу установилось, что, войдя в комнату княжны Марьи, Пьер принял сидевшую там в черном платье Наташу за компаньонку. По окончательному тексту, Пьер с первой минуты «почему-то почувствовал, что эта компаньонка в черном платье — милое, доброе, славное существо» и не помешает его задушевному разговору с княжной Марьей; лишь потом он узнал Наташу. Такую естественную форму для первой встречи Толстой нашел не сразу. Первоначально Пьеру хотелось, чтобы ушла из комнаты эта компаньонка; ведь только с одной княжной Марьей он мог поговорить о своем друге князе Андрее. Но, войдя в комнату, он почувствовал замешательство княжны Марьи, произнесшей имя Наташи. Вот и все.

Начатый набросок тотчас заменен другим: Пьер обратил внимание на «компаньонку»; он увидел «внимательно, ласково любопытный взгляд, устремленный на себя», и тогда почувствовал, что компаньонка — милое доброе существо. «Что-то родное, давно забытое и больше чем милое, смотрело на него из этих внимательных глаз». Так в окончательном тексте, но автору хотелось, чтобы Пьер почувствовал во взгляде Наташи нечто большее, и он в рукописи подыскивал: «что-то о счастьи...»; не дописав, Толстой зачеркнул преждевременно прорвавшееся определение и стал, отбрасывая одно за другим, подыскивать более сдержанные, но в то же время ясно отражающие состояние и Пьера и Наташи: «что-то свое...», «что-то нечеловечески нежное...», «что-то нежное и вместе с тем строгое смотрело на него». Так осталось в первом автографе. В следующей, уже наборной рукописи новые поиски: «что-то сладкое, нежное и вместе строгое», «что-то самое дорогое свое душевное смотрело на него из этих внимательных глаз». В корректуре Толстой вернулся к раннему определению, найденному в первый же момент работы над этой сценой: «Что-то родное, давно забытое и больше чем милое...»

Взволнованная встречей и воспоминанием прошлого, Наташа рассказала Пьеру о последних днях князя Андрея так, как она «никогда еще никому не рассказывала». Пьер поведал княжне Марье и Наташе о себе тоже так, как еще никому никогда не рассказывал. Беседа их затянулась до ночи. Пьер вначале испытывал смущение, которое вскоре исчезло, и «вместе с тем он чувствовал, что исчезла вся его прежняя свобода. Он невольно чувствовал, что над каждым его словом, действием теперь есть судья, суд которого дороже ему суда всех людей в мире». (Этот текст дошел до печати.) На следующий день Пьер понял, что «та свобода, которой он так дорожил, которую он так лелеял, которой он так радовался в себе, не существовала более. Все раскиданные прежде в разных сторонах центры жизни, все вдруг слились к одному центру, и центр этот была Наташа». После таких необычайно экспрессивных слов Толстой шаг за шагом прослеживает поведение Пьера: письмо старому графу Ростову с просьбой «руки его дочери», визиты к княжне Марье, встречи с Наташей. Прощаясь с ней перед отъездом в Петербург, Пьер «с новым счастливым чувством взял и долго удерживал в своей эту худую тонкую руку. Она будет его, и рука, и лицо, и глаза, и все это сокровище женской прелести, которое так долго, мучительно и радостно, как что-то недоступное и чуждое томило его». Естественным завершением было охватившее Пьера «радостное, неожиданное сумасшествие, к которому Пьер полагал уже себя неспособным».

Толстому важно противопоставить это настоящее сильное чувство к Наташе тому искусственному, также неожиданно возникшему чувству к Элен, которое против воли Пьера завершилось несчастным браком. В появившемся конспекте читаем: «Сомнений не было, как прежде, никаких слов «je vous aime*» ложных не было, всякое слово радостно повторялось». Сила искреннего чувства естественно отражена в психологии влюбленного; Наташа ему представлялась выше всех. Одно сомнение тревожило Пьера: «Она скажет: он с ума сошел, он, Пьер — человек, а мне нужно такого же бога, как я». Не было у Пьера никаких планов. «Это (т. е. женитьба на Наташе) случится, и все кончено. После этого ничего не будет». Все люди представлялись ему добрыми. «Часто Пьер вспоминал потом это счастливое время. Может быть, он казался странен людям, но он был счастлив и счастлив не без причины. Все было прекрасно, все было для его счастия. Он ехал по пожарищам Москвы и видел красоту. На каждом лице он видел красоту и добро. Может быть, это было безумие, но оно было лучше небезумия. Все были добры, прекрасны. Жена покойная была жалка и несчастна. Княжна — ангел доброты, и все это было не выдумано, а правда».

---

* я вас люблю

Этот набросок служил канвой последних глав романа.

На очереди эпилог, в котором Пьер занимает одно из центральных мест. Об эпилоге можно говорить много, но это значит повторять законченный текст романа. Преданность Пьера семье и общественным интересам составляет единое целое; его делу сочувствует его жена Наташа. «Интересные разговоры» приехавшего из Петербурга Пьера о настроениях в Петербурге, о ходе дел в России, его возмущение реакцией, аракчеевщиной, общность взглядов с Денисовым и враждебность убеждениям Николая Ростова, наконец, волнение Николеньки Болконского, для которого дядя Пьер был идеалом,— все единым дыханием написано в первом варианте эпилога. Все это мы читаем в эпилоге романа «Война и мир».

Пьер Безухов — носитель задушевных идей автора. Много труда и любви вложил Толстой в этот самый близкий ему образ романа.

Круг замыкался. Юноша Пьер Безухов, в начале романа «бонапартист», «якобинец», в эпилоге выступает как член тайного общества. Последний этап его жизни — участие в декабристском восстании, ссылка в Сибирь, из которой он вернулся «с крупными, прямыми рабочими морщинами, особенного склада, какого не бывают морщины, приобретенные в аглицком клубе, с белыми, как снег, волосами и бородой, с добрым и гордым взглядом и энергическими движениями»,— эта эпоха осталась незавершенным замыслом Толстого.

Известно позднее свидетельство Толстого, что в начатом романе «Декабристы» он намеревался «выставить двух друзей, одного, пошедшего по дороге мирской жизни, испугавшегося того, чего нельзя бояться,— преследований, и изменившего своему богу, и другого, пошедшего на каторгу, и то, что сделалось с тем и с другим после тридцати лет». Для одного Толстой определил «разбитость и физическую и духовную»; для другого «ясность, бодрость, сердечную разумность и радостность»[14]. К этому вел Толстой Пьера Безухова.

ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА

Историки ... писали историю прекрасных чувств и слов разных генералов, а не историю событий.

Я старался писать историю народа.

Л. Толстой

Толстой писал не историю, тем более не военную историю. Он создавал художественное произведение о героической «славной для России эпохе», выступая одновременно и историком и художником. Везде, где в его романе «говорят и действуют исторические лица», он «не выдумывал», а пользовался многочисленными и разнообразными материалами [1]. Изучая с своей точки зрения работы официальных историков, официальные документы того времени, мемуары и письма участников и современников наполеоновских войн, Толстой вывел свое представление о событиях и исторических деятелях, о характере времени, о людях. Художественным выражением его явилась «Война и мир».

Перед Толстым стояла труднейшая задача — показать целую эпоху; выделив узловые моменты истории русского народа, вскрыть их смысл и значение; показать, как в умах людей менялось отношение к событиям и историческим лицам.

В романе более 500 действующих лиц, из них около 200 — исторические. Двадцать сражений представлено художественными сценами. Десятки подлинных документов приведены полностью, цитируются или упоминаются.

Чтобы обо всем этом рассказать, Толстому нужны были три рода источников. Прежде всего те труды, которые могли ознакомить Толстого с основными историческими событиями, с официальными документами (приказами, диспозициями боев, распоряжениями командования и пр.), с историческими лицами.

Для художественного произведения этого было недостаточно. Необходимы были и такие источники, которые помогли бы воображению писателя проникнуть в жизнь людей того времени. Такими источниками были мемуары и письма участников и свидетелей наполеоновских войн.

Нужны были Толстому и художественные произведения, отражающие эпоху. Такие романы, как «Рославлев» Загоскина и «Леонид» Зотова Толстой читал «с наслаждением, которого никто, кроме автора, понять не может» [2]. Интересовался и баснями Крылова времен Отечественной войны, и поэмой Жуковского «Певец во стане русских воинов», написанной перед Тарутинским сражением и опубликованной тогда же. Пользовался «Пословицами русского народа» В. Даля, которые в годы создания «Войны и мира» впервые печатались в «Чтениях в императорском обществе истории и древностей российских». Журналы той далекой эпохи также предоставляли историку-художнику драгоценные данные.

Собирать и изучать исторические материалы Толстой начал с первых дней работы. Книги, которые служили основными источниками в течение всех семи лет создания «Войны и мира», Толстой приобрел в книжном магазине в Москве 15 августа 1863 года [3]. Это шесть томов сочинений А. И. Михайловского-Данилевского о войнах 1805, 1812, 1813 и 1814 годов, «Записки о 1812 годе» Сергея Глинки (Спб., 1836), «Краткие записки адмирала А. Шишкова...» (Спб., 1832), четыре тома «Походных записок артиллерии подполковника И. Радожицкого (М., 1835), семь томов «Истории консульства и империи» Тьера, три тома «Словаря достопамятных людей русской земли» Д. Бантыш-Каменского (Спб., 1847). Почти все эти книги сохранились в Яснополянской библиотеке. Кроме того, в толстовской переписке первого года работы над романом упомянуты «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете»; в «Чтениях» за 1863 и 1864 годы уже было опубликовано много материалов об Отечественной войне. Читал Толстой тогда и «Походные записки русского офицера», изданные И. Лажечниковым (М., 1836) и книгу П. И. Шаликова «Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года» (М., 1813). Из дневника М. П. Погодина известно, что 15 декабря 1863 года Толстой приходил к нему «за материалами о 1812 годе».

Родственники Толстого разыскивали по его поручению другого рода источники, в равной мере необходимые для задуманного романа. В письме от 14—15 сентября 1863 года свояченица Толстого Е. А. Берс, посылая ему список книг, «в которых говорится что-нибудь о 12-м годе», писала: «Их на русском языке замечательно мало, а очерков из общественной жизни почти вовсе нет; все так много заботились о политических событиях, и их было так много, что никто и не думал описывать домашнюю и общественную жизнь того времени. Тебе надо получить особенное откровение свыше, чтобы угадать по самым неясным намекам и рассказам. Постарайся послушать очевидцев». Она сообщила далее, что слушала некоторые рассказы, но «все говорят о том, как мужики били фран-

пуза, как хотели Кремль взорвать. В какой день кто и куда выехал, и как жили во Владимире, да в Туле, в Калуге эти выехавшие, никто о том решительно ничего не скажет». Из ответа Е. А. Берс ясно, что именно такие детали «домашней и общественной» жизни людей разыскивал писатель. К своему письму Е. А. Берс приложила список книг и отметила звездочкой те, «где более говорится об общественной жизни». Многие из них Толстому пригодились.

Тогда же разыскиванием материалов был занят тесть писателя А. Е. Берс. Он искал их в печатных изданиях и в устных свидетельствах частных людей, современников войны 1812 года. Он прислал Толстому письма фрейлины императрицы Марии Федоровны М. А. Волковой к В. И. Ланской, в которых были «весьма интересные» свидетельства «об духе того времени». Известно, что этими документами Толстой широко воспользовался [4].

Первой задачей писателя было отобрать из источников те события, те факты и те красочные детали, которые помогут с наибольшей достоверностью представить историю России начала XIX века, воссоздать жизнь людей того времени, их мысли, настроения, их быт и нравы.

Многочисленные заметки в рукописях, ссылки на исторические сочинения, точные указания переписчику, с каких страниц источников надо списать выбранный текст, пометки на книгах, сохранившихся в Яснополянской библиотеке, конспективные наброски, сделанные бесспорно в момент чтения исторических материалов... Так и видишь, как над «Войной и миром» (как и позднее над романом из времен Петра) Толстой сидел, «обложенный кучею книг, портретов, картин и нахмуренный» читал, делал отметки, записывал, был погружен в жизнь прошлого [5].

Толстой пользовался работами историков различных направлений: так, Тьер, говорит Толстой, считает «все действия Наполеона мудрыми и добродетельными», а Lanfrey «считает те же действия глупыми и порочными»[6]. То же разноголосье Толстой встречал и в описаниях деятельности Александра I.

Толстой изучал архивные материалы, анализировал карты и планы сражений, местности, где происходили битвы, рассматривал портреты исторических лиц, знакомился по литературе с костюмами, манерами и привычками людей той поры. Писателю важно было не только подробнее узнать о событиях, но осмыслить их для себя, овладеть ключом к характеру каждого из участников события.

Из этих россыпей материала писатель не только вбирал запас фактов — в его творческом воображении нередко тут же возникали планы: где, как и для чего может понадобиться в романе данный факт, через кого из «полувымышленных» персонажей можно включить отобранный материал так, чтобы каждый эпизод неизменно сливался с сюжетом и служил основной идее романа. Отражены в конспектах картины, возникавшие в воображении художника, и «теории философии», рождавшиеся в уме писателя-историка,— все это при чтении первоисточников.

«Много у нас — писателей — есть тяжелых сторон труда, но зато есть эта, верно вам неизвестная, volupté * мысли — читать что-нибудь, понимать одной стороной ума, а другой — думать и в самых общих чертах представлять себе целые поэмы, романы, теории философии»,— писал Толстой в дни работы над «Войной и миром» [7].

* * *

Требования достоверности выдержаны решительно во всем — не только в отношении исторических событий и лиц, но во всех самых мелких деталях, воссоздающих характер времени.

Из мемуаров, писем, газет, журналов выбирал Толстой все, что могло помочь ему воссоздать «звук и запах» эпохи. Он заботился правдиво передать не только мысли и чувства людей, но их манеры, костюмы, их быт. Из реальной жизни Толстой подбирал выразительные детали, характерные и для отдельных персонажей и для целого общественного круга.

На первой же странице «Войны и мира» читаем: «Анна Павловна кашляла несколько дней, у нее был грипп (грипп был тогда новое слово, употреблявшееся только редкими)». Почти наверное можно сказать, что натолкнула Толстого на этот штрих заметка в «Вестнике Европы» за 1804 год. В отделе «Парижские моды» сообщено: «Запрещается впредь всякому щеголю и щеголихе жаловаться на нервные болезни, ваперы и мигрень; в хороших обществах жалоба на сии болезни вышла уже из употребления, а только позволено кашлять». Разумеется, Анна Павловна не отстала от моды! «Насморк также в моде,— сообщается далее,— но только недостает прекрасной женщины, которая захотела бы назвать оный своим именем, поелику всем наскучили уже слова: коклюш, грипп и проч.» Вот эту-то парижскую моду 1804 года Толстой позволил себе перенести в Россию в лето 1805 года. Журнал «Вестник Европы» за 1804 год сохранился в Яснополянской библиотеке.

Отдел «Парижские моды», помещаемый почти в каждом номере, помог Толстому одеть некоторых героев, что для писателя немаловажно. «Желтый жилет, желтое исподнее платье и желтые же отвороты у сапогов при синем фраке с желтыми пуговицами: вот в чем состоит

* наслаждение.

наряд щеголеватого парижского петиметра на гулянье, пешком или на лошади»,— сообщалось в одной из заметок. Этими сведениями Толстой воспользовался для костюма Ипполита Курагина, молодого дипломата, приехавшего из-за границы: он «одевался всегда в синий фрак, застегнутый на все бронзовые пуговицы, палевые панталоны и в жабо такой вышины, что оно, видимо, мешало ему дышать». Далее: «Многие из слабых людей» стали подражать ему, когда вдруг князь Ипполит «стал носить совсем другое жабо, с одним концом накрахмаленным и направленным кверху, а другим опущенным перпендикулярно книзу». Новую моду на жабо Толстой тоже не придумал ради карикатурности Ипполита, но вычитал в том же «Вестнике Европы». В гостиной Анны Павловны не подходил описанный выше костюм для гуляния; Толстой не мог не учесть этого и воспользовался сообщением, что самым модным был «фрак цвету темнозеленого», а модной прической была прическа «à la Titus». Таким и представил Толстой Ипполита в гостиной: он появляется в темнозеленом фраке и оправляет «свою прическу à la Titus кверху, придававшую еще более странное выражение его вытянутому лицу».

Костюм Ипполита особенно подробно вырисовывается в черновых вариантах, из которых многое впоследствии отпало. Только одна подробность прошла через все черновики и закрепилась в окончательном портрете — это акцентированные Толстым лорнет и манера смотреть через него. Этот штрих не придуман. Из тех же «Парижских мод» Толстой узнал, что очки вышли из употребления и заменены лорнетом и что, «сидя подле пригожей женщины, можно смотреть на нее в лорнет, или подойти к ней для разговаривания так близко, чтобы только едва не коснуться до лица ее концом своего носа; это принятый уже обычай, а для того-то и вышли из употребления подвязываемые на затылке очки»[8]. В журнальном тексте первых глав «Тысяча восемьсот пятого года» читаем: «Ипполит вошел, глядя в лорнет, и, не спуская лорнета, громко, но неясно пробурлил: «vicomte de Mortemart» и тотчас же ...подсел к маленькой княгине и, наклоняя к ней голову так близко, что между его и ее лицом оставалось расстояние меньше четверти, что-то часто и неясно стал говорить ей и смеяться». Отрывок этот был исключен при сокращении журнального текста, но неотъемлемый от Ипполита лорнет и манера говорить с дамой сохранились и как нельзя лучше освещают облик Ипполита.

Этот персонаж был с первых же строк ясен Толстому, и писатель мог бы сам придать ему внешность, соответствующую его внутренней пустоте. Однако мы видим, что даже в таких внешних подробностях Толстой опирался на документ. Пользуясь бытовавшим в ту пору костюмом и манерами парижского щеголя, Толстой придал карикатурность

внешности Ипполита, лицо которого, по замыслу автора, «было отуманено идиотизмом».

Пьера, поскольку он только что приехал из-за границы, тоже пришлось одеть по моде, но для него не надо было подыскивать манеры из парижских журналов. Модный костюм Пьера необходим для того только, чтобы сказать, что этот «толстый молодой человек, несмотря на модный покрой платья, был неповоротлив, неуклюж, как бывают неловки и неуклюжи здоровые мужицкие парни»[9]. На обеде в честь Багратиона Пьер выглядит по парижской моде: «отпустивший волоса, снявший очки, одетый по-модному», но все это было сделано «по приказанию жены». Сам же Пьер «с грустным и унылым видом ходил по залам». Манеры и костюм Ипполита подчеркивают его пустоту и тупость; у Пьера, напротив, они противопоставлены его внутренней сущности, одновременно служа дополнительным штрихом для характера Элен. Так Толстой отбирал из документов эпохи внешние детали для портретов своих вымышленных персонажей.

По литературе о «Войне и мире» известно, как много бытовых подробностей жизни тогдашнего общества Толстой перенес в свой роман из «Записок» С. П. Жихарева. Возможно, эпизод пари Долохова с англичанином, так органически влитый в действие, тоже подсказан Жихаревым. В его мемуарах упоминается сын купца Рожкова, удальство и смелость которого «доставили ему покровительство тогдашних знаменитых гуляк графа В. А. Зубова и Л. Д. Измайлова. Они держали за него известный огромный заклад в тысячу рублей, состоявший в том, что Рожков верхом на сибирском своем иноходце въедет на четвертый этаж одного дома на Мещанской; и Рожков не только въехал, но, выпив залпом бутылку шампанского, не слезая с лошади, той же лестницей съехал обратно на улицу»[10]. Нельзя, конечно, утверждать, что именно этот эпизод подсказал Толстому пари Долохова, но он подтверждает, что подобные затеи водились среди «знаменитых гуляк», какими выведены в романе Анатоль Курагин и его общество.

Из мемуаров и писем Толстой брал не только имена, детали, эпизоды. Они помогали писателю входить в душевный мир людей того времени, знакомили с тем, как частные люди воспринимали текущие события. Один пример. В «Русском архиве», которым пользовался Толстой при работе над романом, напечатаны воспоминания П. Кичеева, в которых выведен некий А. В. Марков. Он был причислен к виновникам петербургского наводнения 1777 года, отставлен от службы и к началу войны 1812 года жил в своем имении, в селе Скугорово. «Читая внимательно тогдашние газетные известия о военных делах наших с французами, Алексей Васильевич не предвидел, как и многие другие, той грозы, которая разразилась над любезным нашим отечеством. Ругая

на чем свет стоит Бонапарта, он жалел от всего сердца, что нет в живых любимого его героя Суворова. Когда же военные известия становились час от часу тревожнее и тревожнее, когда стали поговаривать, что в опасности Москва, старик выходил из себя, не хотел этому верить и не двигался с места, несмотря на то, что жил вблизи военного пути». После занятия французами Смоленска жена Маркова «стала поговаривать мужу, что надо убираться из с. Скугорова куда-нибудь подальше. Старик и слышать об этом не хотел». Невольно вспоминаются некоторые черты характера старого князя Болконского (Суворов — его герой; он не верит грозящей военной опасности, отказывается уезжать из своего имения)[11]. Нет нужды говорить о том, что прообраз князя Болконского известен, что и характер, и судьбы А. В. Маркова и Болконского не имеют между собой ничего общего. Приведенный отрывок интересен *постольку, поскольку доказывает, что, изобразив такие настроения* у старого князя (а в ранней редакции и у «старой москвички» княжны Чиргазовой), Толстой отразил правдивые черты тогдашней жизни. «Фигура старого князя Болконского по силе изображения превосходит все, что автор когда-нибудь создавал. Этот тип русского барина старых времен до того жив, что мы видим его перед собой»,— так был воспринят образ Болконского одним из современников войны 1812 года[12].

Полувымышленные персонажи, их быт и суждения — это была та «выдумка», которой Толстой связывал исторические события. Отыскивая в документах характерные черты и наделяя ими своих действующих лиц, Толстой стремился сохранить дух времени, но свободно домысливал и «выдумывал» то, что ему было нужно.

* * *

По-иному подходил писатель к историческим персонажам; здесь он старался не допускать выдумки, но, отбирая реальные факты, *подчинял их своему замыслу.*

Любопытный «анекдот» сообщил Тьеру переводчик Наполеона Lelorgne d'Ideville — разговор Наполеона с пленным казаком. Толстого он заинтересовал; художник увидел в нем не только интересный анекдот. Текстуально описания историка и романиста *совпадают, но* в «Войне и мире» сцена совершенно противоположна по мысли тому, что хотел сказать Тьер. Кавалерия взяла в плен казака, канонира корпуса Платова. Он оказался «очень развитым малым», и Наполеон пожелал сам допросить его. Толстой на этой основе создал следующий эпизод: на переходе из Вязьмы к Цареву-Займищу начальник штаба Бертье отстал от свиты Наполеона для того, чтобы «допросить взятого кавалерией русского пленного». Этого казака Толстой сделал денщиком Нико-

лая Ростова Лаврушкой. Затем у *Толстого* Бертье вместе с переводчиком, тем самым, которого назвал Тьер, подъехал к Наполеону и рассказал ему о пленном платовском казаке, который оказался «très intelligent et bavard»*. Наполеон пожелал сам поговорить с ним. Точно по источнику воспроизводится фактическая часть сцены. Но автор так раскрывает характер Лаврушки, выражение его лица в разговоре с Наполеоном, и, главное, смысл его слов, что весь эпизод приобрел совершенно иное звучание.

Прежде всего Толстому надо было создать подсказанный «анекдо*том» историка образ пленного казака.* Лаврушка подъехал к Наполеону «в денщицкой куртке на французском кавалерийском седле, с плутовским и пьяным веселым лицом». Так представил себе казака Толстой, а не Тьер. И внешний вид Лаврушки, и его плутовское лицо подготавливают к предстоящему разговору. Толстой наделил денщика типическими свойствами тех лакеев, которые, по выражению Толстого, «хитро угадывают барские дурные мысли, в особенности тщеславие и мелочность». Такие-то мысли Наполеона и «угадает» толстовский Лаврушка.

Для встречи Наполеона с Лаврушкой Толстой берет прямые цитаты из источника, в некоторых случаях точно излагает текст Тьера, но своими репликами дает рассказу нужное для общей идеи романа направление. «Казак, не знавший, в каком обществе он находился,— так как в простоте Наполеона не было ничего такого, что бы могло обличить для восточного воображения присутствие государя,— разговаривал с крайней фамильярностью об обстоятельствах настоящей войны». Так рассказывает Тьер. Толстой приводит точную цитату на французском же языке, но по-иному разъясняет развязность казака: «попав в общество Наполеона, которого личность он очень хорошо и легко признал», Лаврушка «нисколько не смутился». У Тьера далее сообщается, что казак «рассказывал все, что говорилось в русской армии». У Толстого: «Он врал все, что толковалось между денщиками. Многое из этого была правда».

Тьер говорит затем, что на вопрос Наполеона о предстоящем сражении казак ответил: «Если сражение будет дано раньше трех дней, французы выиграют его; если же позже, то бог знает, что может из этого выйти». Процитировав приведенный Тьером ответ казака, Толстой заметил, что так перевели Наполеону ответ Лаврушки, но что на самом деле ответ был иной. В «Войне и мире» читаем: «Когда Наполеон спросил его, как же думают русские, победят они Бонапарта или нет, Лаврушка прищурился и задумался. Он увидел тут тонкую хитрость,

* очень сметлив и болтлив.

как всегда во всем видят хитрость люди, подобные Лаврушке, насупился и помолчал: — Оно значит, коли быть страженью, — сказал он задумчиво, — и в скорости, так это так точно. Ну а коли пройдет три дня апосля того самого числа, тогда значит это самое сражение в оттяжку пойдет». Так по-своему Толстой раскрыл ответ пленного Лаврушки, сохранив при этом дословно и текст источника.

Тьер пишет далее: казак «закончил тем, что, как говорят, французами командует генерал по имени Бонапарт, который всегда разбивал своих врагов, но теперь будут получены огромные подкрепления и при помощи их ему дадут отпор и, возможно, на сей раз ему меньше повезет». У Толстого Лаврушка и это скажет по-иному и, главное, «притворяясь», что не знает, с кем говорит: «Знаем, у вас есть Бонапарт, он всех в мире побил, ну да об нас другая статья...— сказал он, сам не зная, как и отчего под конец проскочил в его словах хвастливый патриотизм». Когда ответ Лаврушки без последних слов (так отмечено и у Тьера) перевели Наполеону, он улыбнулся. «Молодой казак заставил улыбнуться своего могущественного собеседника», — пишет Тьер. Толстой дословно цитирует эту фразу, и созданном контексте она звучит злой иронией.

Так же преображен конец эпизода. По распоряжению Наполеона казаку открыли, с кем он говорит. Казак, рассказывает Тьер, «охваченный каким-то остолбенением, не произнес ни слова», он «не спускал глаз с завоевателя», и его разговорчивость сменилась «наивным и молчаливым чувством восторга». Толстой и в этом случае процитировал весь текст источника, но по-своему переосмыслил его, исходя из психологии русского мужика. Оказывается, Лаврушка понял, что ему сообщили о Наполеоне для того, чтобы «озадачить» и «испугать» его, и тотчас же «притворился изумленным, ошеломленным, выпучил глаза». В заключение Толстой высмеивает слова Тьера о том, что Наполеон, «наградив» казака, «дал ему свободу, как птице, которую возвращают родным полям». А эта «птица», говорит Толстой, этот казак не хотел даже рассказывать того, что с ним было, «именно потому, что это казалось ему недостойным рассказа».

Включив в роман почти дословно текст источника, задача которого показать, с одной стороны, простоту в обращении Наполеона с солдатами, с другой — трепет и восторг, который якобы вызывал у русских «великий» император, Толстой так сместил фокус, что героем сцены стал не Наполеон, а денщик Лаврушка, фактически одурачивший «могущественного собеседника» [13]. Таков один из приемов преображения материала в «Войне и мире».

Иногда совсем, казалось бы, незначительная подробность, промелькнувшая в историческом документе, помогала Толстому неожиданно осветить факт, раскрыть его изнутри. Тьер описывает приезд Балашова к Наполеону и встречу его с Даву, отметив мимоходом: «К концу дня Даву предложил Балашову разделить с ним обед и усадил его за стол, который состоял из сорванной с петель двери, лежащей на бочках». Этой маленькой детали Тьер, конечно, не придавал никакого значения, а Толстой воспользовался ею для острой характеристики Даву, этого, по определению Толстого, «Аракчеева императора Наполеона». В сцене приема обстановка, окружавшая Даву, служит раскрытию образа. Такой импровизированный стол, о котором сообщает Тьер, вряд ли мог находиться в доме; Толстой рисует крестьянский *сарай*, в нем «стол, состоящий из двери, на которой оторванные петли, положенной на два боченка», и боченок вместо стула. В этой обстановке маршал занимался, — рассказывает с нарочитой серьезностью Толстой, — «письменными работами», т. е. «он поверял счеты»; возле Даву стоял адъютант. В этот день, продолжает Толстой, основываясь на той же «Истории» Тьера, «Балашов обедал с маршалом в том же сарае на том же столе на бочках» [14].

Обрисовав обстановку, Толстой разъясняет, что «возможно было найти лучшее помещение, но маршал Даву был одним из тех людей, которые нарочно ставят себя в самые мрачные условия жизни для того, чтобы иметь право быть мрачным». Так осветить характер помог Толстому невзначай упомянутый историком «стол».

Основными источниками для изображения государственной деятельности М. М. Сперанского служили переписка Сперанского и книга М. А. Корфа о нем [15].

В обзоре государственной жизни в 1809—1810 годах Толстой писал: «В это время готовились не только два столь знаменитые и встревожившие общество указа об уничтожении придворных чинов и об экзаменах на чины коллежских асессоров и статских советников, но и целая государственная конституция, долженствовавшая изменить существующий судебный, административный и финансовый порядок управления России от государственного совета до волостного правления». Писатель выбрал именно те два указа, которые биограф Сперанского называет «знаменитыми» и которые, как сказано у Корфа, «по своему влиянию на умы составили в то время эпоху».

Толстому нужно осветить критически и самые реформы, и роль Сперанского, при этом не изменяя ни одного факта. Какими художественными средствами писатель добивается своего? Он достигает нужной окраски, преломляя реальные факты через восприятие «вымышленного» князя Андрея. Толстой не дает подробного разбора преобразований Сперанского, он берет лишь общие положения и показывает борьбу вокруг них. Предварительно рассказано о плодотворной деятельности князя

22 Заказ № 1368

Андрея в деревне, причем подчеркнуто, что, живя безвыездно в Богучарове, он знал «совершающееся во внешней и внутренней политике» больше тех, кто находился в «водовороте жизни». На контрасте с этой полезной деятельностью вдали от столицы построена жизнь Болконского в Петербурге. Толстой ввел его в гущу деятельности Сперанского, сделал «начальником отделения Комиссии составления законов». В Петербурге князь Андрей «был так занят целые дни, что не успевал подумать о том, что он ничего не делал».

В Сперанском князь Андрей сначала видел «разумного строго мыслящего огромного ума человека, энергией и упорством достигшего власти и употребляющего ее только для блага России». Именно таким рисует Сперанского его биограф Корф.

Знакомясь с реформами и с участниками преобразований, князь Андрей постепенно разочаровывался в Сперанском и его деле.

Чтобы раскрыть характер Сперанского, недостаточно было атмосферы его общественной и государственной деятельности, надо было показать его в «семейном дружеском» кругу и в этой домашней обстановке столкнуть с ним князя Андрея. Источником тут послужили главным образом воспоминания дочери Сперанского, приведенные в книге Корфа. Толстой не допустил в «Войне и мире» ни малейшего нарушения правды. Действие происходит 1 января 1810 года в собственном доме Сперанского у Таврического сада. Корф сообщает, что летом 1809 года Сперанский купил дом у Таврического сада и к осени переехал в него. Во внутреннем убранстве Толстому важно отметить упомянутую Корфом «паркетную столовую» именно потому, что паркет был тогда еще большой редкостью в Петербурге. Биограф говорит об «изящном вкусе и чрезвычайной опрятности», которыми отличалось убранство дома, и Толстой описывает в романе «небольшой домик, отличавшийся необыкновенной чистотой, напоминающей монашескую чистоту».

Корф сообщает, что Сперанский редко показывался в свете, а «любил общество нескольких коротких приятелей и часто принимал их у себя на маленькие обеды, главною приправою которых были умная беседа, искренняя веселость и отсутствие всякой принужденности». Это, видимо, натолкнуло Толстого на замысел создать сцену обеда, на который Сперанский пригласил князя Андрея. Из записок дочери Сперанского Толстой знал, что обедали всегда в четыре часа. Князь Андрей, «несколько опоздавший, уже нашел в пять часов все собравшееся общество этого petit comité, интимных знакомых Сперанского». Гостями Сперанского, как пишет его дочь, «обыкновенно были Столыпин, Магницкий и Жерве. Лишь очень изредка приглашался еще кто-нибудь посторонний». Этих именно гостей застал у Сперанского князь Андрей. По рассказам дочери, Столыпин «с своим громким хохотом был особенно

забавен, когда, разгорячась в разговоре, начинал заикаться», у него «зачастую бывали против разных лиц что называется пики, и они выражались уморительными вспышками, которые Магницкий, с своим тонким и колким умом тотчас обделывал, заостряя и расцвечивал по-своему». За столом менялись одно за другим «блестящие замечания», «эпиграммы», «передразнивания», и «все помирали со смеху». Сам Сперанский, «нисколько не враг веселости, хохотал от души и собственными шутками поддерживал общее веселое расположение» [16].

Все это находим в «Войне и мире». Источник дал ценные штрихи для внешней картины быта Сперанского. Но внешние данные послужили писателю только поводом к раскрытию сущности явления. Через восприятие князя Андрея Толстой выразил свое отношение к этим людям. Князь Андрей не чувствует ни искренней веселости, ни полной непринужденности, о которых говорит источник. Напротив, смех Сперанского, «звонкий, тонкий», «отчетливый», «похожий на тот, каким смеются на сцене», услышанный князем Андреем еще в передней, «странно поразил» его. Встреча со Сперанским в его домашнем быту вызвала у князя Андрея с первой минуты «удивление и грусть разочарования», все вдруг стало ему «ясно и непривлекательно».

У Толстого, точно как в источнике, «за столом разговор ни на мгновение не умолкал и состоял как будто бы из собрания анекдотов». Внес Толстой и упомянутые «пики» против разных лиц. «Анекдоты», разъясняет Толстой, большею частью касались «лиц служебных». Так же «заикаясь» горячился Столыпин, «трунил» Магницкий. Толстой использовал и упомянутые в воспоминаниях дочери послеобеденные вечерние беседы, создав большую сцену в гостиной с теми же анекдотами и декламацией Магницкого. Толстой подмечает, что «всем было, казалось, очень весело», но веселье это представлялось князю Андрею «тяжелым и невеселым», а «неумолкаемый смех» оскорблял его чувство «своей фальшивой нотой».

Князь Андрей, не выдерживая «нравственной боли, простился и вышел, обещая себе никогда не бывать у них и испытывая чувство виновности и стыда». «Зеркальные, непропускающие к себе» глаза Сперанского, которые смутили князя Андрея при первом знакомстве с ним, теперь решили для него вопрос о деятельности Сперанского. И ему стало «смешно», что он «мог ждать чего-нибудь от Сперанского и от всей своей деятельности, связанной с ним», что он мог «приписывать важность тому, что делал Сперанский». При воспоминании об его «законодательной работе» князю Андрею стало «совестно за себя». Когда он вспомнил «мужиков, Дрона-старосту» и приложил к ним «права лиц», ему стало «удивительно», как он мог заниматься такой праздной

работой». Ради этого вывода и понадобилась Толстому сцена обеда у Сперанского.

Построив на исторически верных фактах картину домашней жизни государственного деятеля, Толстой придал ей с помощью *разбросанных авторских реплик* настроение такой неестественности, неискренности, которое довершило критику либеральных начинаний Сперанского, окончательно разоблачило фальшь надуманных, нежизненных реформ «сверху».

* * *

В первые дни работы над романом Толстого тревожила мысль, что «необходимость описывать значительных лиц 12-го года» заставит его *«руководиться историческими документами, а не истиной»*. В одном из ранних набросков начала Толстой упрекал официальных историков, «les chroniqueurs des fastes de l'histoire» *, как он их называл, за то, что они «видят только выступающие уродства человеческой жизни *и думают, что это сама жизнь; они видят сор, который выбрасывает* река на берега и отмели, а вечно изменяющиеся, исчезающие и возникающие капли воды, составляющие русло, остаются им неизвестны». Историки, по убеждению Толстого, не видят следов, «не выразившихся *в мишурном величии, в книге, в важном звании, в памятнике*», а видят только то, что отразилось «в дипломатическом акте, в сражении, в написанном законе». Они вписывают в свою «летопись» только эти события, «воображая, что пишут «историю человеков». Толстой же намеревался *писать историю не государственных деятелей, а «людей, не имевших* тех недостатков, которые нужны для того, чтобы оставить следы на страницах летописей», т. е. он намерен писать «историю человеков», следовательно и не мог руководствоваться для своей «истории» только *официальными документами* [17].

Это важное заявление Толстого раскрывает, как по-разному подходили к историческим событиям Толстой и современные ему историки. Любопытно сопоставить слова Толстого с предисловием Тьера к двенадцатому тому его «Истории консульства и империи». Рассказав о методах работы, Тьер писал: «Я полагаю, что мне удалось открыть и выразить истину, не условную, какую часто создают сами себе современные поколения и передают следующим поколениям как истину подлинную, но истину самих событий, которая отыскивается только в государственных документах и особенно в переписке могущественных особ»[18].

В подходе к официальным документам — одно из существенных различий метода Толстого и официальных историков. Они тщательно

* летописцы выдающихся событий истории.

изучали эти документы, не подвергая сомнению ни истинность, *ни искренность* их; Толстой не менее тщательно собирал и изучал документы *и исторические работы*, построенные на официальных данных, но не принимал их на веру, а путем скрещивания материалов стремился установить истину. Еще до начала работы над «Войной и миром», совсем по иному поводу Толстой признавался, что он имеет «дерзость *обсуживать все явления и ничего* не принимать на слово» [19]. Так он и поступал, создавая «Войну и мир».

Однако различие задач, стоящих перед историком и художником, не освобождает художника от необходимости руководствоваться историческими материалами [20]. (*Толстой не только изучал официальные* документы, но многие из них вставлял в свой роман. Они подчинялись основной идее произведения, но текст документа никогда писателем не менялся.

В «Войну и мир» включены с соблюдением точных дат приказы, распоряжения, донесения, письма исторических деятелей, диспозиции боев. Одни приведены полностью, другие цитируются частично, третьи только упомянуты. Подлинные документы Толстой привлекал уже *на самых ранних подступах к работе. Один из первых вариантов начала* романа открывался Нотой, поданной от Российского поверенного в делах П. д'Убриля французскому министру иностранных дел 28 августа 1804 года. Полный текст ноты был, очевидно, переписан по указанию Толстого из «Вестника Европы» за 1804 год [21]. В дальнейшем набросок этот не получил развития и текст ноты не был использован. Из чернового же варианта, в который нота входила, ясна мысль Толстого показать, что *официальный документ, эта «смелая и решительная»* нота, в которой «выставлялись все причины неудовольствия нашего двора против французского и требовалось удовлетворения», не сыграл никакой роли в общем ходе исторических событий. *«Не обращая никакого внимания* на строгие замечания,— не без иронии замечает Толстой,— которые делал господин д'Убриль Наполеону», Наполеон продолжал свою захватническую политику, не интересуясь признанием и непризнанием *«законности его прав»*.

Такой прием — использовать официальный документ, чтобы противопоставить его содержание реальному ходу вещей,— многократно повторяется в «Войне и мире».

Выразительный пример — эпизод с письмом эрцгерцога Фердинанда к Кутузову от 28 сентября (8 октября) 1805 года [22]. Письмо «извещало о самом выгодном положении армии», в то время как уже доходили известия о «совершенном *поражении австрийских* войск». Сцена открывается беседой Кутузова с приехавшим в Браунау «австрийским генералом, членом Гофкригсрата и приближенным лицом императора Франца». Кутузов внешне учтив, но беспрестанно *иронизирует*. В конце бесе-

ды он передает члену Гофкригсрата различные бумаги и в том числе письмо Фердинанда. Из разговора ясно, что и Кутузову и австрийскому генералу уже известны слухи о поражении армии Мака под Ульмом. Поэтому особенно курьезно выглядит «рассмотрение» генералом «бумаг», в которых речь идет «о выгодном положении армии».

Чтение письма обставлено торжественно. «Разложив на двух составленных для этой цели столах две топографические карты, перебрав по числам переданные ему документы и сложив один на другой и рукой уровняв их стенки, генерал надел на свой плоский нос круглые очки, передал адъютанту первую по порядку бумагу — письмо 28 сентября от эрцгерцога Фердинанда к Кутузову, и, уровняв ноги под столом и симметрично положив руки на стол перед карандашом, он также симметрично и аккуратно, как и бумаги, с видом человека, который знает, что исполнил все свои обязанности и которого совесть перед своими ближними спокойна, сказал: «Читайте». Адъютант начал чтение». Текст письма, чтение которого подготовлено не лишенным карикатурности вступлением, прерывается насмешливыми репликами автора, и в заключение отмечено, что австрийский генерал «таким образом проверял прошедшие стратегические действия, нисколько не подозревая той участи, которая уже постигла Мака и его армию». Завершает сцену приезд самого Мака к Кутузову с известием о поражении. Так было в черновом варианте.

Подлинный текст письма вставлен Толстым в настолько противоречащее ему обрамление и снабжен таким авторским комментарием, что читатель не может не видеть его бессмысленности. Этого-то писатель и добивается. Позднее сцена была сокращена, но характер ее не изменился.

Порою документ вставляется в такой контекст, что нет нужды ни в каких авторских репликах. Художественная картина события, с которым документ связан, служит достаточно образным опровержением его. Так освещено в романе предписание Барклая-де-Толли смоленскому гражданскому губернатору барону Ашу от 20 августа 1812 года, в котором военный министр заверял, что «городу Смоленску не предстоит еще ни малейшей опасности» [23]. Эту «бумагу», как преднамеренно называет ее Толстой, смоленский губернатор дал Алпатычу для передачи князю Болконскому. Нет ни одной реплики автора о содержании «бумаги»; дальнейший ход событий комментирует ее. Во время беседы губернатора с Алпатычем «в дверь вбежал запыленный и запотелый офицер и начал что-то говорить по-французски. На лице губернатора изобразился ужас». Выйдя с «бумагой» от губернатора, Алпатыч, «прислушиваясь теперь к быстрым и все усиливавшимся выстрелам», поспешил на постоялый двор. Там он прочел «бумагу», в которой

заверено, что «городу Смоленску не предстоит еще ни малейшей опасности». Приведя полный текст успокаивающего сообщения, Толстой вслед за тем дает страшную картину бомбардировки Смоленска. Таким образом, художественный текст, в который вмонтирован официальный документ, без авторских пояснений делает явной несостоятельность его.

Анализ деятельности Наполеона в Москве целиком построен на подлинных документах. Толстой начал писать эти главы, имея перед глазами третью часть «Описания отечественной войны» Михайловского-Данилевского. В этом убеждает первый же набросок. Он выглядит так: «Положение, в котором находилась эта армия, можно видеть из следующих документов. В конце сентября написано было и распространено следующее воззвание (М. Д., 141 и 142). Никто не отозвался на этот призыв. Генерал-интендант пишет следующее: (М. Д., выноска, стр. 137). Император, решив, что надо потворствовать суеверию ⟨народа приказал⟩ велел ramener les popes *, но на это последовало только следующее донесение (М. Д., выноска 1, стр. 140). Император несколько раз приказывал остановить грабеж. На это отвечали донесения, говорившие о том, что невозможно остановить грабеж (М. Д., выноски 3, 2, стр. 140). Дисциплина в армии падала, по гвардии отдавались беспрестанно приказы то о том, что часовые не окликают, то о том, что не делают даже чести императору, то о том, что (М. Д., стр. 15, французское)». Снимая копию толстовского автографа, переписчик в соответствующие места вписал отмеченные Толстым в книге Михайловского-Данилевского документы: изданное муниципалитетом воззвание, убеждающее жителей возвратиться в Москву, а крестьян привозить в город хлеб для продажи; донесение пристава Арбатской части от 23 сентября — 5 октября о разгроме церкви и цитаты из донесений пристава Басманной части о том, что грабежи остановить не удается. Все они вошли в окончательный текст. Кроме того, включено полностью «Провозглашение жителям о торговле» от 24 сентября (6 октября) [24].

Документы подлинные, и Толстой не изменил в них ни одного слова. Краткие авторские реплики, которые вводят документы в текст произведения, а главное, картины Москвы, занятой французами, сами по себе иллюстрируют бесплодность публикуемых документов, которые не могли иметь ни малейшего влияния на жизнь разоренной, брошенной Москвы. Все распоряжения, утверждает Толстой, «не затрагивали сущности дела, а как стрелки циферблата в часах, отделенного от механизма, вертелись произвольно и бесцельно, не захватывая колес» [25].

В «Войну и мир» включены диспозиции Аустерлицкого и Бородинского сражений. Толстой использовал их, чтобы доказать, как бес-

* вернуть попов.

полезны предварительные планы и заранее разработанные диспозиции. Он был убежден в том, что отвлеченные диспозиции, да к тому же составленные кабинетными и часто самоуверенными теоретиками, какими выведены Вейротер и Пфуль, или даже «гениальным полководцем» Наполеоном, не решали участи сражения. Это стремится Толстой показать в романе.

«Немецкая» диспозиция Аустерлицкого сражения «была очень сложная и трудная», пишет Толстой. Вейротер читал на военном совете «громким однообразным голосом» эту «диспозицию к атаке неприятельской позиции позади Кобельница и Сокольница 20 ноября 1805 года». Таково было заглавие, которое Вейротер «тоже прочел». Едва уловимыми ироническими штрихами Толстой подводит к самому чтению. Рисует, кто и как слушал «трудную» диспозицию, передает замечания о том, что «трудно было исполнить такую диспозицию, где положение неприятеля предполагается известным, тогда как положение это может быть нам неизвестно, так как неприятель находится в движении», показывает полное безразличие Кутузова. Так, не тронув ни одного слова в диспозиции, художник ясно показал, какая ей цена [26]. Аустерлицкое поражение более всего подтвердило главную мысль автора, что участь сражения решается на поле боя, а не диспозициями.

С той же целью включена полностью в роман диспозиция Бородинского сражения, составленная Наполеоном. Сущность диспозиции раскрывается в специальной теоретической главе. Текст документа Толстой предваряет замечанием, что про эту диспозицию «с восторгом говорят французские историки и с глубоким уважением другие историки». А в заключение он дает свою оценку: «Диспозиция эта, весьма неясно и спутанно написанная,— ежели позволить себе без религиозного ужаса к гениальности Наполеона относиться к распоряжениям его,— заключала в себе четыре пункта, четыре распоряжения. Ни одно из этих распоряжений не могло быть и не было исполнено». Толстой с своей точки зрения разбивает каждый пункт сначала в своих рассуждениях о диспозиции, а затем в художественной картине самого сражения.

Совсем в ином свете представлены у автора документы, составленные Кутузовым. Толстой верит Кутузову и его официальным сообщениям. Упоминая письмо Кутузова к Александру I от 27 августа 1812 года о Бородинском сражении, Толстой, убежденный в правоте Кутузова, пишет: «В вечер 26 августа и Кутузов и вся русская армия были уверены, что Бородинское сражение выиграно. Кутузов так и писал государю. Кутузов приказал готовиться на новый бой, чтобы добить неприятеля не потому, чтоб он хотел кого-нибудь обманывать, но потому, что он знал, что враг побежден, так же как знал это каждый из участников сражения». Рассказывая об усилившихся в конце войны штабных

и придворных интригах против Кутузова, Толстой с неизменным сочувствием к своему герою говорит о том, что главнокомандующий Кутузов «видел это и, вздыхая, пожимал только плечами. Только один раз, после Березины, он рассердился и написал Бенигсену, доносившему отдельно государю, следующее письмо: «По причине болезненных ваших припадков, извольте, ваше высокопревосходительство, с получения сего отправиться в Калугу, где и ожидайте дальнейшего повеления и назначения от его императорского величества». И это официальное распоряжение Кутузова Толстой принимает, никак не переосмысляя его, а показывая, что в высших сферах армии не считались с Кутузовым «именно потому, что они не могли понимать его» [27].

Эти и многие другие случаи убеждают, что Толстой ни разу не позволил себе изменить текст документа, но находил такие формы для включения его, что документ иллюстрировал событие или характеризовал историческое лицо под углом зрения самого писателя. При этом документ всегда органически входит в канву повествования и, не нарушая художественной цельности произведения, способствует защите позиций Толстого.

* * *

Разногласия писателя с историками заключались в самом главном: как понимать «значение события», его сущность. Взгляды на историю Толстой высказал задолго до начала работы над романом. Они и определили его подход к историческим материалам. Предмет истории,— считал Толстой,— жизнь человечества и законы, которыми оно вечно движется [28]. Принципом исторического произведения должна быть правдивость, беспристрастие и человеческое объяснение каждого факта. Этого Толстой не мог найти в работах официальных историков.

«Я начал писать книгу о прошедшем,— вспоминал Толстой позднее,— описывая это прошедшее, я нашел, что не только оно неизвестно, но что оно известно и описано совершенно навыворот тому, что было. И невольно я почувствовал необходимость доказывать то, что я говорил, высказывать те взгляды, на основании которых я писал». За семь лет работы над романом Толстой несколько раз начинал писать предисловие к нему, стремясь высказать свою точку зрения на вопросы «об исторической верности», «о лганье истории и причинах его», а также разъяснить, «почему в романе может не быть лганья» и почему неизбежны «разноречия» художника с историками. Предисловия Толстой так и не написал.

С выходом каждого тома «Войны и мира» учащались в печати разноречивые суждения о том, соблюдена ли Толстым историческая достоверность. Заострились споры вокруг четвертого тома, в который входило

описание Бородинского сражения. Толстой понимал, что «за четвертую часть на него все поднимутся», хотя, как он говорил, у него «все правда». Быть может, именно потому, что Толстой более всего ожидал нападок на четвертый том, он одновременно с выходом этого тома напечатал в журнале статью «Несколько слов по поводу книги «Война и мир», в которой ответил своим критикам [29]. Здесь решены те вопросы, которые намечались для задуманного ранее предисловия.

Толстой подробно объясняет причины расхождений между его описаниями и рассказами историков, доказывая, что разногласие «не случайное, а неизбежное». Причины его Толстой видел в следующем: 1) историк и художник, воспроизводя историческую эпоху, имеют два совершенно различные предмета; 2) при описании исторических событий «историк имеет дело до результатов события, художник — до самого факта события».

Толстой утверждал вместе с тем, что «художник не должен забывать, что представление об исторических лицах и событиях, составившееся в народе, основано не на фантазии, а на исторических документах, насколько могли их сгруппировать историки; а потому, иначе понимая и представляя эти лица и события, художник должен руководствоваться, как и историк, историческими материалами». Толстой заявил: «Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг».

В одном из черновых набросков Толстой перечислил нескольких историков, чьими работами более всего пользовался, и дал им свои краткие оценки. «Источники три: Михайловский-Данилевский, Тьер и Bernhardi,— писал Толстой.—Михайловский-Данилевский сильнее всех — параллель с Богдановичем. О Богдановиче нельзя говорить — ничего самостоятельного. Давыдов первый дал тон правды. Липранди важен (хотя литература озлобилась)». Сочинение Богдановича Толстой называет «позорной книгой», в которой «нет ни одной собственной мысли». Не менее осудительно он отзывается об изданных Бернгарди мемуарах генерала Толя, в которых события и особенно роль Кутузова представлены ложно «для того, чтобы показать, что французское войско еще было в тех же кадрах, так же могущественно в 13, как и в 12 году, и что слава покорения Наполеона принадлежит немцам» [30].

Особенно остро разногласия с историками возникали при изображении боев. Причины их Толстой видел вот в чем.

«Художник, из своей ли опытности или по письмам, запискам и рассказам, выводит свое представление о совершившемся событии, и весьма часто (в примере сражения) вывод о деятельности таких-то и таких-то войск, который позволяет себе делать историк, оказывается

противуположным выводу художника. Различие добытых результатов объясняется и теми источниками, из которых и тот и другой черпают свои сведения. Для историка (продолжаем пример сражения) главный источник есть донесения частных начальников и главнокомандующего. Художник из таких источников ничего почерпнуть не может, они для него ничего не говорят, ничего не объясняют. Мало того, художник отворачивается от них, находя в них необходимую ложь» [31].

Задача Толстого — говорить не о том, что «левый фланг такого-то войска был двинут против деревни такой-то, сбил неприятеля, но принужден был отступить; тогда пущенная в атаку кавалерия опрокинула... и т. д.». Эти слова, утверждает Толстой, необходимые для историка, не имеют никакого смысла для «художника слова», они «не затрагивают самого события». По замыслу писателя, художественные картины сражений должны показать решающую роль главного фактора на войне — духа войска. Под этим углом зрения Толстой создает свои батальные картины.

Для каждой из них нетрудно найти первоисточник, т. е. указать книгу или несколько книг, предоставившие писателю фактические сведения. Опираясь на данные историков, но исходя из собственных убеждений, Толстой воссоздавал сцены сражений, которые по своему характеру не совпадали с описаниями историков.

У Толстого явилась потребность не только «между строками» в художественных картинах, но открыто в авторских рассуждениях высказать свои взгляды и положения, а также решительно заявить о разногласиях с историками. Кстати сказать, в черновых вариантах, написанных под непосредственным впечатлением работ историков, значительно больше резких оценок и острых полемических отступлений, чем в завершенном тексте. Нередки пометы: «лжет», «нагло лжет», «невежественно-легкомысленная книга». Кроме разбросанных оценок, Толстой дважды предварял картины сражений авторскими вступлениями, в которых подробно раскрывал причины своих расхождений с историками.

В первый раз такое вступление предшествовало раннему варианту Аустерлицкого сражения. В нем Толстой впервые высказал важную для него мысль о том, что «вопросы военных успехов решаются не величием военных гениев» и «не столько предусмотрительностью и силою всех возможных соображений, сколько умением обращаться с духом войска, искусством поднимать его в ту минуту, когда высота его более всего нужна». Толстой верил, что военные успехи решает дух войска. Он пришел к этому убеждению «по опыту», и оно ни разу ничем не поколебалось. Таков один из основных тезисов в «Войне и мире». А этого-то не находил Толстой у историков. Он с горькой

иронией выражал сожаление о том, что «в военном деле анализированы давно все роды орудий смертности, все условия продовольствия, выгод местности и сочетания масс, но вопрос о значении того, что называют духом войска, предоставляется болтунам, поэтам и не занимает серьезных людей». Аустерлицкое поражение подтверждало точку зрения автора.

В том же раннем вступлении художник воплотил возникший у него замысел: сравнить между собою три рода описаний сражения. Конспективно он записал его так: «Сражение с точки зрения военной истории, с точки зрения эпической поэзии и с нашей точки зрения».

Следуя плану, Толстой сначала дал описание Аустерлицкого сражения по официальным источникам, главным образом по книге Михайловского-Данилевского, используя принятую военную терминологию. Надобно заметить, что даже в такой форме изложение Толстого не бесстрастно; оно не только пронизано жаркой полемикой, но насквозь проникнуто гневом. Историки пытались представить одной из существенных причин поражения опоздание колонн войск, задержанных «непредвиденными обстоятельствами». В ответ Толстой восклицает: «Давно бы пора предвидеть и расстреливать эти непредвиденные обстоятельства, ибо такие непредвиденные обстоятельства стоят из-за лени, необдуманности, легкомыслия двух-трех жизни десяти тысяч и позора миллионам». Не «непредвиденным обстоятельствам» Толстой приписывал аустерлицкую трагедию. «Те, которые были причиной этого,— писал Толстой,— австрийские колонновожатые, на другой день чистили себе ногти и отпускали немецкие вицы и умерли в почестях и своей смертью, и никто не позаботился вытянуть из них кишки за то, что по их оплошности погибло двадцать тысяч русских людей и русская армия надолго не только потеряла свою прежнюю славу, но была опозорена». Боль и гнев Толстого достигли в этих словах наивысшего накала, но рассказ о битве «с военной точки зрения» писатель закончил внешне спокойной фразой: «Так неудовлетворительно рассуждает и объясняет военная история».

В подобном же обличительно-ироническом тоне и с такими же полемическими репликами представлено Толстым описание боя «с точки зрения эпической поэзии».

Наконец, Толстому предстоит показать Аустерлиц, каким он его себе представлял: «...и вот другое описание сражения, из которого все-таки вопрос, щемящий тогда, теперь и вопрос, который всегда щемит сердце, пока будут русские, вопрос, почему так постыдно разбито русское войско,— вопрос этот не получает ответа». Итак, вопрос поставлен. Художественной картиной Аустерлица Толстой будет стремиться ответить на него.

Подобным же вступлением открывалось в черновых вариантах Тарутинское сражение. Возможно, что оно появилось под впечатлением поэмы Жуковского «Певец во стане русских воинов». (Поэма написана в канун Тарутинского сражения и опубликована тогда же в «Вестнике Европы». По свидетельству П. И. Бартенева, поэма была тогда «у всех на устах» и разошлась в трех изданиях [32].) «О, какое счастье было бы описать Тарутинское сражение в духе Певца во стане русских воинов. Как легко было бы такое описание и как успокоительно действовало бы оно на душу». После столь патетических слов Толстой охлаждает читателя. «Но Тарутинское сражение и приготовления к нему, благодаря случайному обилию и скрещиванию материалов, я вижу, вижу перед глазами совсем в другом свете. Но для чего же описывать его в этом другом свете, для чего разрушать возвышающее душу впечатление Певца во стане русских воинов? Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман. Какое приложение той низкой истины, что все люди — люди, а не герои». Основная мысль последующих рассуждений: историки и поэты воспевают ложное геройство. А воспитанные на их сочинениях молодые люди, поступив на военную службу и не находя среди сослуживцев и начальников «героев Греции», перестают верить во всякую военную доблесть. Свои рассуждения Толстой подвел к тезису, который служил основой всей его работы,— к требованию правдиво описывать сражения: «...одна низкая истина дороже для нас тьмы возвышающих обманов» [33].

Принципы, которыми Толстой руководствовался при создании батальных картин, со всей ясностью обнаруживаются в только что приведенных набросках. Первый относится к первому году работы над романом (начало 1864 года), второй — к последнему периоду (конец 1868 года). Однако оба они связаны между собой и общностью постановки вопроса, который одинаково «щемит сердце» автора, и требованием «истины», как бы тяжела она ни была. Толстой возражает и против лживости исторических сочинений, и против «особенного склада выспренной речи», из-за которой часто «ложь и извращение переходят не только на события, но и на понимание значения события».

В «Войне и мире» все сражения даны на основе точных фактических данных, официальных документов. Самую же картину боя Толстой видел «совсем в другом свете». Сражение должно обосновать мысль автора: «Всякое сражение — Тарутинское, Бородинское, Аустерлицкое, всякое — совершается не так, как предполагали его распорядители».

Основными источниками для Аустерлица служили Толстому работы Михайловского-Данилевского и Тьера, использованы также записки А. П. Ермолова. На эти именно книги имеются ссылки еще в раннем

наброске Аустерлица, они повторяются и в последующих рукописях. Обстановка перед сражением, даты событий, самый ход сражения, имена колонновожатых и других участников сражения, названия полков, распределение колонн войск — все соответствует данным указанных источников, а общий характер толстовского Аустерлица находится в полном противоречии с ними. Каждый факт освещается отношением автора к событию.

Несколько примеров дают возможность показать, каким путем Толстой, не изменяя факта, подчинял его своему замыслу.

Михайловский-Данилевский сообщает, что из Ольмюца войска выступили в пяти колоннах, которые возглавляли генералы Вимпфен, Ланжерон, Пржебышевский, Лихтенштейн, Гогенлое. Это бесстрастное перечисление имен генералов превратилось у Толстого в принципиально важный факт. Он делает акцент: «Русские пять колонн вели: 1) немец Вимпфен, 2) француз Ланжерон, 3) поляк Пржебышевский, 4) немец Лихтенштейн, 4) немец Гогенлое». Этой фразой открывалось в раннем варианте описание последних битв 1805 года. Иностранное командование, убежден Толстой, было одной из решающих причин тяжелого исхода войны. Рассказывая о кануне Аустерлицкого боя, Толстой еще раз перечислил колонновожатых: «Русскими войсками распоряжались: император Франц, полковник Вейротер, Гогенлое, Лихтенштейн, Вимпфен и Буксгевден, изменник своей стране француз Ланжерон» и т. д. Повторением нерусских имен Толстой подводил к неизбежному выводу: не было внутренней связи между русским войском, которое дорожило честью армии, и иностранными начальниками, которым «потеря сражения и бесчестье армии не были страшны». В окончательном тексте перечисление имен колонновожатых дано не от автора, а вложено в уста Билибина, который насмешливо говорит о том, что кроме Кутузова в армии нет ни одного русского начальника колонн.

Сцена приезда двух императоров, Александра I и Франца, на поле сражения основана на рассказе Михайловского-Данилевского, причем разговор Александра с Кутузовым почти дословно совпадает у историка и у писателя. Только у Толстого центральной фигурой эпизода оказывается не император, а Кутузов. Выражение лица, с каким полководец выслушивает распоряжения Александра,— что, разумеется, не отражено в источнике,— создает нужную Толстому интонацию для всего эпизода.

Михайловский-Данилевский рассказывает так: «В десятом часу прибыли на поле сражения император Александр и Франц». (Далее перечисляются сопровождавшие их генералы.) «Подъехав к Кутузову и видя, что ружья стояли на козлах, император Александр спросил

его:— Михайло Ларионович, почему не идете вы вперед? — Я поджидаю,— отвечал Кутузов,— чтобы все войска колонны пособрались.— Император сказал: — Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки.— Государь,— отвечал Кутузов,— потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете.— Приказание было отдано. Войско начало становиться под ружье»[34].

Толстой направляет все внимание на психологические оттенки в поведении Кутузова. Из приведенного отрывка явствует, что Кутузов против воли принимал бой и что очень трудно было ему, вынужденному даже на поле боя подчиняться воле императора, а не военной логике. Для этого и понадобился Толстому весь эпизод. Толстой искал, как лучше отразить душевное состояние Кутузова. «Лицо, вечно насмешливое, оскорбило государя»,— такою репликой сопровождался ответ Кутузова в раннем варианте. В следующем Кутузов показан вначале очень утомленным, но при вопросе государя «по лицу Кутузова мгновенно пробежала как волною морщина, лицо его сгладилось, оживилось, в узких глазах засветился яркий блеск, губы сложились в желчную улыбку». Толстой чувствовал, что Кутузов именно с таким раздражением должен был воспринять требование Александра, но не мог он, конечно, так явно выразить свое недовольство императором. Толстой нашел более сдержанную, но не менее выразительную форму: Кутузов встретил императора «с аффектацией почтительности». Князь Андрей заметил, что во время разговора с Александром «у Кутузова неестественно дрогнула верхняя губа», затем «в лице его еще раз что-то дрогнуло». После ответа Кутузова на лицах императорской свиты «выразился ропот и упрек». Последние слова: «Впрочем, если прикажете, ваше величество»— Кутузов произносит, «снова изменяя тон на прежний тон тупого, нерассуждающего, но повинующегося генерала».

Историк сообщает факт — Толстой наполняет его живым действием. Каждый участник воспринимал сцену так, как, по представлению писателя, он должен был воспринять ее. Созданный Толстым эпизод, сохранивши фактическую точность, вошел преображенным в сюжет произведения, развивая ведущую мысль автора.

Вся картина Аустерлицкого сражения точно так же имеет в своей основе действительные факты, которые оживали по воле автора. Он изображает хаос Аустерлица, обвиняет иностранное командование не потому, что так нужно для доказательства авторской точки зрения [35], а потому, что так было в действительности,— об этом свидетельствовали участники сражения, и их неофициальные рассказы совпадали с толстовским пониманием сущности события.

Возможно, что в трактовке Аустерлица Толстому помогли в какой-то степени мемуары генерала А. П. Ермолова. Ермолов сообщает, что Аустерлицкое сражение, участником которого он был, «сопровождали обстоятельства столько странные», что он не сумел «дать ни малейшей связи происшествия» и потому не описал сражения «с большою подробностью» в своих записках. «Случалось мне, — пишет Ермолов, — слушать рассуждения о сем сражении многих достойных офицеров, но ни один из них не имел ясного о нем понятия, и только согласовались в том, что никогда не были свидетелями подобного события». Для Ермолова несомненно, что «впоследствии составятся описания, но трудно будет дать им полную доверенность и скорее могут быть с точностью определены частные действия, нежели соотношения их между собою и согласование действий со временем». Такое откровенное признание Ермолова совпадало с убеждением Толстого: то, что напишут потом официальные историки, редко отражает действительные обстоятельства. Эту мысль свою Толстой выразил в статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир».

Рассказ Ермолова об Аустерлице, можно думать, совпал с представлениями Толстого. Ермолов прямо заявляет об измене австрийских генералов, иронизирует над «премудро начертанной австрийской диспозицией», которая, по его мнению, «более похожа была на топографическое описание Брюнского округа, нежели на начертание порядка, приуготовляющего целую армию к бою». В окончательном тексте «Войны и мира», как в сцене чтения диспозиции, так и в оценке ее Кутузовым и Наполеоном, главное, в самом действии Толстой выказывает точно такое же отношение к диспозиции, как Ермолов. В черновом же варианте, где приведен полный текст диспозиции, Толстой определил ее как «образец точности в немецком и образец бестолковости в русском смысле».

Ермолов рассказывает, какой хаос царил во время сражения: все части войск были разрознены, казалось, что войскам предоставлено действовать отдельно и «забыть», что на том же самом поле были другие войска. Беспорядок, признает Ермолов, дошел до того, что «армии, казалось, полков не бывало», а видны были «разные толпы» Толстой также несколько раз словом «толпа» определяет бегущие войска: «Смешанные, все увеличивающиеся толпы бежали назад». «Не только трудно было остановить эту толпу, но невозможно было самим не податься назад вместе с толпой». «Войска бежали такой густой толпой, что, раз попавши в середину толпы, трудно было из нее выбраться». Кутузов и князь Андрей с трудом «выбираются» из «толпы бегущих» [36].

Общий хаос и беспорядок усилила туманная погода в день битвы. Михайловский-Данилевский неоднократно упоминает, что туман не

позволял русским видеть войск, собранных Наполеоном. Толстой подхватил исторически точный факт — и туман стал лейтмотивом художественной картины боя [37]. В раннем эскизе Аустерлица, где не было еще развернутого описания битвы, уже отмечена эта важная деталь: «...внизу стоял густой туман»; «мы должны были идти вперед, туман мешал нам». Позднее, когда Толстой пристально работал над картиной битвы, он провел все действие на фоне тумана, и туман усиливает гнетущее впечатление «беспорядка и бестолковщины».

В «Войне и мире» читаем: «Колонны двигались, не зная куда, и не видя от окружавших людей, от дыма и от усиливающегося тумана ни той местности, из которой они выходили, ни той, в которую они вступали». Дальше: «Туман стал так силен, что, несмотря на то, что рассветало, не видно было в десяти шагах перед собой». «Но, пройдя около часу все в густом тумане, большая часть войска должна была остановиться, и по рядам пронеслось неприятное сознание совершающегося беспорядка и бестолковщины». Событие развивается, и над всем царит туман. «Туман, расходившийся на горе, только гуще расстилался в низах, куда спустились войска. Впереди в тумане раздался один, другой выстрел». И, наконец: «Не рассчитывая встретить внизу над речкой неприятеля и нечаянно в тумане наткнувшись на него, не слыша слова одушевления от высших начальников, с распространившимся по войскам сознанием, что было опоздано, и, главное, в густом тумане не видя ничего впереди и кругом себя, русские лениво и медленно перестреливались с неприятелем, подвигались вперед и опять останавливались, не получая во-время приказаний от начальников и адъютантов, которые блудили по туману в незнакомой местности, не находя своих частей войск. Так началось дело». Густой туман повсюду подчеркивает «бестолковые» распоряжения, из-за них то «чувство энергии, с которым выступали войска в дело, начало обращаться в досаду и злобу на бестолковые распоряжения и на немцев».

Таким хаотическим представлялось Аустерлицкое сражение Толстому по документам истории. Поддержкой ему служили свидетельства участника боя. Факты подтверждали мысль художника: важная причина поражения — упадок духа войска.

* * *

Не раз, споря с официальными историографами, Толстой находил опору своим взглядам у рядовых участников события. Так было и с Бородинским сражением. Для Бородина Толстой использовал гораздо больше работ, чем для других событий, изображенных в «Войне и мире».

23 Заказ № 1368

Сочинения Богдановича, Михайловского-Данилевского, Липранди, Тьера, де-Сегюра, Бернгарди, мемуары генерала Ермолова, подполковника артиллерии Радожицкого, французского генерала де-Боссе, Раппа, де-Ласказа — все это понадобилось Толстому [38]. Каждая из работ давала фактические сведения и одновременно материал для опровержения взглядов их авторов на суть события. В раннем варианте глав, посвященных Бородинскому сражению, Толстой писал: «Понятно, что тот, кто сражается, думает, что вот я завоюю этого, получу чин, удивлю всех, покажу свое геройство и за тем сражаюсь. Это понятно. Но, когда дело кончено и мы его спокойно судим, непонятно, чтобы мы судили, как это всегда делают историки, стараясь натянуть истину с целью доказать, что мы больше побили людей, мы — русские. Нет, хоть тысяч на пять, но мы побили больше людей,— говорят французы. Вот единственные книги, написанные в этом тоне, все истории, которые я бы жег и казнил авторов» [39]. Ни один из источников не освещал правильно, на взгляд Толстого, самое сражение и значение его.

В романе Бородину посвящена 21 глава — пять печатных листов. Главы делятся на три раздела: рассуждения автора, размышления и впечатления Пьера и князя Андрея, картина боя; она, в свою очередь, содержит три темы: Наполеон в разгар боя, Кутузов в это же время, войска и ополченцы на поле сражения. Привлечены подлинные документы: диспозиция Бородинского сражения, составленная Наполеоном, приказ Наполеона войскам в день Бородина, письмо Кутузова императору Александру от 27 августа. Но все изображено автором под определенным углом зрения, и его картины производят совсем иное впечатление, чем исторические описания того же события.

Первая глава — рассуждения автора о том, «для чего и как были даны и приняты сражения при Шевардине и при Бородине». Кратко сформулировав свидетельства историков, Толстой объявил их «совершенно несправедливыми», создавшими «ложное представление» о Бородине. В этом, заявляет Толстой, «легко убедится всякий, кто захочет вникнуть в сущность дела». Благодаря поездке в Бородино Толстой ясно представлял себе местность, расположение войск, перемены позиций во время боя, начертил «в грубой форме» планы «предполагаемого сражения и происшедшего сражения». В итоге анализа материалов Толстой убедился, что «Бородинское сражение произошло совсем не так, как (стараясь скрыть ошибки наших военачальников и вследствие того умаляя славу русского войска и народа) описывают его». Читатель предупрежден, что, вопреки историкам, Толстой будет вскрывать «ошибки военачальников» и будет восстанавливать «славу русского войска и народа». Воля автора направлена на одно: силою художественных картин и образов доказать, что Бородинское сражение —

«это необыкновенное, неповторяющееся и не имевшее примеров явление» и что «причины этого явления лежали в той неопределяемой силе, которая называется духом войска, в том неразумном сознании, что мы хотим и должны победить, и это неразумное сознание лежало от главнокомандующего до солдата в душе каждого русского человека». Такова основная идея толстовского Бородина, которую не мог подсказать ему ни один из историков того времени.

Толстой художественно преобразил разрозненные факты, взятые у историков, сосредоточив их в впечатлениях Пьера Безухова.

Из «Истории» Богдановича и из книги Бернгарди Толстой знал, что накануне битвы Бенигсен, «не зная о распоряжениях Кутузова», «приказал Тучкову 1-му выдвинуть третий корпус» *на открытое* место. Своими распоряжениями Бенигсен ухудшил положение [40]. По замыслу Толстого, отвлеченные понятия Пьера о позиции, которую он «воображал себе почти с такою же определенностью и ясностью, какие он видел на плане сражения», будут разрушены действительностью. Для этого как нельзя лучше пригодились Толстому распоряжения Бенигсена. После осмотра позиций у Пьера ясность сменилась недоумением: «Почему лучше было стоять впереди без подкреплений, почему не подвинуты были другие войска, ежели левый фланг слаб?»

Толстой воспользовался еще одним важным для него свидетельством Богдановича. «Весьма примечательно,— пишет историк,— что Бенигсен не донес Кутузову о своем распоряжении насчет третьего корпуса». У Пьера неизбежно возник еще один недоуменный вопрос: «Почему Бенигсен сказал полковнику, который с ним был, что об этом распоряжении его не нужно докладывать Кутузову, и почему сам не сказал Кутузову? Потом Pierre слышал, как он, встретив Кутузова, прямо сказал, что он все нашел в исправности и не нашел нужным ничего изменять. Это не смог понять Pierre, и все это было ему еще более интересно». (В черновых вариантах эта сцена ближе к источнику; потом она сокращена.) Наблюдения Пьера за действиями командования все больше запутывали его понятия о войне.

Предстоит показать встречи Пьера с солдатами и ополченцами. В основу солдатских сцен могли лечь факты из «Записок» И. Радожицкого. «Московские ратники оканчивали насыпи на батареях, артиллерию развозили по местам и приготовляли патроны. Солдаты чистили, острили штыки, белили портупеи, перевязи. Словом, в обеих армиях 300 000 воинов готовились к великому страшному дню» [41]. По дороге в Бородино Пьер видел точно такие сцены и таких воинов с «разнообразно личными выражениями физиономий и однообразным общим всем выражением серьезности». Так Толстой дописал картину Радожицкого. На лицах этих людей Пьер «в особенности отыскивал

разрешение того вопроса, который *занимал его*». Вид ополченцев, этих «бородатых мужиков», работающих на поле сражения, солдат, идущих с песнями, слова солдата «всем народом навалиться хотят», смысл которых Пьер сразу не понял, но почувствовал,— все это подействовало сильнее всего, что он видел и слышал о «торжественности настоящей минуты». Кстати, слова «всем народом навалиться хотят» тоже не выдуманы Толстым. Их он мог найти в письме Багратиона к Растопчину после отступления из Смоленска: «Мне кажется, иного способу уже нет, как, не доходя два марша до Москвы всем народом собраться и что войска успеет, с холодным оружием, пиками, саблями и что попало соединиться с нами и навалиться на них».

Впечатления Пьера расширяются; он наблюдает молебен перед сражением. Молебен описывали Богданович, Михайловский-Данилевский и Ф. Н. Глинка [42]. Толстой же развил сцену и, главное, раскрыл душевное состояние участников. Мы видим, как «один плешивый генерал с Георгием на шее... не крестясь (очевидно немец) терпеливо дожидался конца молебна, который он считал нужным выслушать, вероятно, для возбуждения патриотизма русского народа. Другой генерал стоял в воинственной позе и потряхивал рукой перед грудью, оглядываясь вокруг себя». Эти образы подсказаны не историками. Такие генералы, вероятно, хорошо были знакомы Толстому по личным впечатлениям недавней Крымской войны, и он, должно быть, вспоминал их, изучая документы об Отечественной войне. «Между этим чиновным кружком Пьер, стоявший в толпе мужиков, узнал некоторых знакомых, но он не смотрел на них: все внимание его было поглощено серьезным выражением лиц в этой толпе солдат и ополченцев». Богданович сообщает, что «тысячи благочестивых воинов падали на колени, творя крестное знамение и молясь с усердием». А Толстому важно отметить, что Пьер видел, как на лицах воинов «вспыхивало опять то же выражение сознания торжественности наступающей минуты, которое он видел под горой в Можайске и урывками на многих и многих лицах, встреченных им в это утро». Вот для чего понадобилась Толстому подсказанная источником сцена молебна.

Суждения князя Андрея, высказанные в канун Бородина, отчасти перекликаются с мемуарами артиллериста Радожицкого; он с волнением рассказывает о назначении Кутузова: «После Смоленских битв наши солдаты очень приуныли. Пролитая на развалинах Смоленска кровь, при всех усилиях упорной защиты нашей, и отступление по Московской дороге в недра самой России ясно давали чувствовать каждому наше бессилие перед страшным завоевателем... Имея силы, мы казались бессильными; имея оружие, казались обезоруженными; несколько тысяч храбрых шли рассеянно».

Толстому было, конечно, известно из документов, что после отступления от Смоленска стали подозревать Барклая-де-Толли в измене. Например, Растопчин сообщал Балашову 13 августа: «Обыкновенным следствием неудачных дел — ненависть народа к военному министру произвела его в изменники, потому что он не русский. Многие не понимают, зачем он отступил от Смоленска, а никто — зачем прочие войска, тут же бывшие, не приняли участия в сражении».

Эти настроения отразились в беседе князя Андрея с Пьером. С глубоким волнением князь Андрей упрекает Барклая-де-Толли за отступление от Смоленска. «Он не мог понять того,— вдруг как бы вырвавшимся тонким голосом закричал князь Андрей,— но он не мог понять, что мы в первый раз дрались там за русскую землю, что в войсках был такой дух, какого никогда я не видал, что мы два дня сряду отбивали французов и что этот успех удесятерял наши силы. Он велел отступать, и все усилия и потери пропали даром». Князь Андрей не разделяет подозрения об измене Барклая-де-Толли; он иначе понимает причину его провала: его «прогнали», говорит князь Андрей, именно потому, что он «чужой» человек. «Пока Россия была здорова, ей мог служить чужой, и был прекрасный министр, но как только она в опасности, ей нужен свой, родной человек»,— говорит князь Андрей.

Именно так было воспринято тогда в армии назначение нового главнокомандующего, русского «именем, умом и сердцем», как сказано у Радожицкого. «Вдруг электрически пробежало по армии известие о прибытии нового главнокомандующего князя Кутузова. Минута радости была неизъяснима: имя этого полководца произвело всеобщее воскресение духа в войсках от солдата до генерала... С приездом в армию князя Кутузова во время самого критического положения России, когда провидение наводило на нее мрачный покров гибели, обнаружилось явно, сколь сильно было присутствие любимого полководца воскресить упадший дух русских, как в войске, так и в народе». Не столь важны текстуальные, сколь смысловые совпадения рассуждений князя Андрея с рассказами участника войны.

С мемуарами Радожицкого перекликается и запись, сделанная Толстым в Бородине: «С приходом Кутузова свет увидали». Этими словами капитан Тимохин дважды определяет чувства армии к Кутузову. Уверенность князя Андрея, Тимохина и всей армии в том, что завтра сражение будет выиграно, не выдумана художником, а действительно отражает настроение войска. «Наше неравенство сил заменялось любовию к отечеству и жаждою мщения... Все мы были в полном уверении на распорядительность мудрого, поседевшего в бранях полководца»,— пишет Радожицкий [43].

Высокий дух войска и глубокая внутренняя связь Кутузова с войсками обеспечили Бородинскую победу,— на этом фундаменте создавалось Бородино в «Войне и мире». Фундамент воздвигнут не только на почве исторических воззрений Толстого, но и на тех документах истории, в которых Толстой ощущал тон правды.

Авторские рассуждения, настроения князя Андрея и Тимохина, выражающие настроение всей армии, впечатления Пьера, который понял «весь смысл и все значение этой войны и предстоящего сражения»,— все это подготовило тон и характер толстовского Бородина. На очереди было создание самой картины боя. Предстояло показать, с одной стороны, Наполеона, с другой — Кутузова и народ.

Сопоставляя тексты Толстого и историков, убеждаешься, что в «Войне и мире» эпизоды переданы фактически точно, что источник цитируется иногда дословно, особенно речь исторических лиц. Но, как и в ранее приведенных примерах, факты исторические у Толстого приобретают противоположное источнику освещение. И, как всегда у Толстого, это достигалось отнюдь не искажением фактов, а путем авторских толкований, с одной стороны, и раскрытия смысла явления, раскрытия психологии действующих лиц, их внутренних побуждений — с другой.

Историки, и русские и иностранцы, описывают «кипучую» деятельность Наполеона накануне боя. Толстой его таким и показывает, используя свидетельства историков о различных поступках и распоряжениях Наполеона, но при этом подчеркивает бессмысленность всех его распоряжений. Наиболее резко это выражено в черновиках. «Одним словом,— заявляет Толстой,— он [Наполеон] не сделал никаких распоряжений, а велел войскам, как они стояли, итти на русских и стрелять в них». Кратко изложив «гениальные» диспозиции, Толстой дает резюме: «Против каждой части русских войск, стоявших на виду, была направлена соответствующая часть французских войск — вот все, что было в диспозиции». Далее Толстой сообщает: «Потом он написал гениальный, как говорят, приказ, в котором сказано, что Наполеон, наконец, исполняет страстное желание армии быть убитой и раненой на $^1/_3$ часть и, снисходя до их желания, дает сражение».

В завершенном романе Толстой заменил саркастические реплики детальным разбором диспозиции, текст которой привел дословно по книге Богдановича. В заключение писатель решительно сказал, что во время сражения Наполеон находился так далеко от него, что «ход сражения ему не мог быть известен, и ни одно распоряжение его во время сражения не могло быть исполнено». Так освещены в «Войне и мире» действительные факты, которые заимствованы главным образом из «Истории» Тьера, написанной в духе возвеличивания Наполеона.

Толстой заставлял их служить разоблачению мнимого, по его убеждению, величия французского императора.

В полном противоречии с историками изобразил Толстой и Кутузова на Бородине. Богданович, Тьер, Бернгарди и Ермолов почти никакого значения не придают роли Кутузова в Бородинском сражении и даже упрекают его в неуспехе. Богданович, опираясь главным образом на иностранные источники, говорит, что «Кутузов на рассвете отправился из Татариновой в Горки, где и находился вместе с генералом Бенигсеном, до самого конца битвы. Как успех боя решался на левом крыле и в центре, то наш главнокомандующий не мог иметь непосредственного влияния на ход сражения, тем более, что преклонность лет заставляла его постоянно оставаться на месте и ограничиваться распоряжениями, которые, по отдалению его от пунктов решительной неприятельской атаки, не всегда были своевременны. Это обстоятельство, лишив нашу армию необходимого единства в действиях, оказало невыгодное влияние на ход сражения». В таком же примерно свете выводит Кутузова в разгар битвы Ермолов, утверждая, что Кутузов, «не видя близко мест» сражения, «допускал надежду на благоприятный оборот» [44].

Как ни умаляли историки роль Кутузова, какие-то крупицы правды Толстой выискивал и у них. Богданович, например, противореча сам себе, вынужден был отметить, что хотя Кутузов «не мог иметь непосредственного влияния на ход дела», все его распоряжения «были весьма основательны, и, несмотря на невыгоды первоначального расположения русской армии, непоколебимость наших войск и самоотверженность их начальников способствовали нам удерживаться на каждом из атакованных пунктов до прибытия подкреплений».

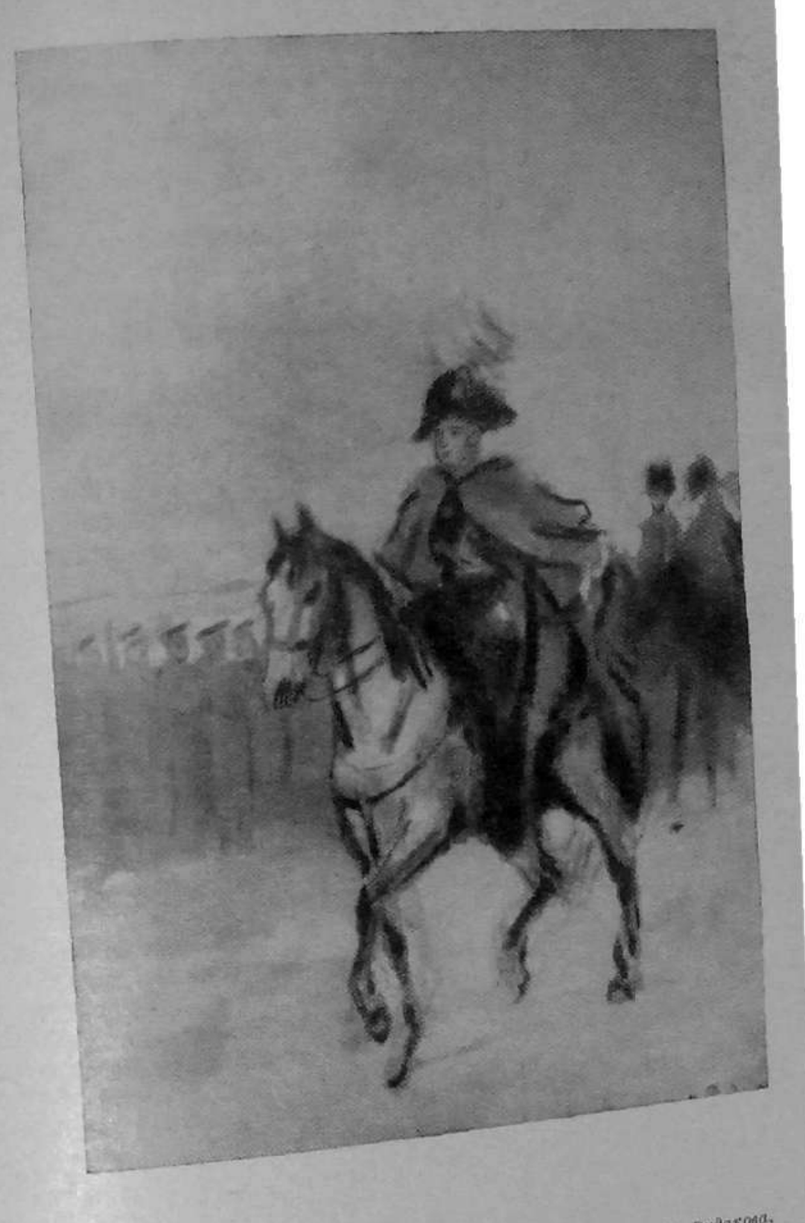
Больше, чем другим, верил Толстой Михайловскому-Данилевскому, хотя считал, что и он неверно описал Бородинское сражение. Михайловский-Данилевский, как и другие историки, приписывает Александру I лавры идейного вдохновителя в войне 1812 года, но он правильнее освещает роль Кутузова. Историк рассказывает, как во время Шевардинского сражения «князь Кутузов прибыл из Татариновой на поле сражения. Он сел на скамейку, которую всегда за ним возили, часто пересылался с князем Багратионом, находившимся в огне, внимательно обозревал местоположение и оставался на поле, доколе не утихла пальба». Рано утром в день Бородинского сражения Кутузов, по рассказу Михайловского-Данилевского, «уже давно бодрствовавший, не предупредив своей главной квартиры, только что пробуждавшейся от сна, поехал один на батарею, за деревню Горками. Остановясь на возвышении, он обозревал, при свете догоравших бивачных огней, бранное поле и армию, становившуюся в ружье».

О Кутузове во время боя этот историк и участник войны 1812 года рассказывает так: «Хладнокровие ни на минуту не изменяло князю Кутузову. Его великая заслуга под Бородиным состояла в решимости принять сражение и в искусстве, с каким он противодействовал усилиям неприятеля. Куда Наполеон ни замышлял обрушиться, где ни думал сломить русских, везде во-время, в урочную пору подоспевали подкрепления нашим войскам. Не довольствуясь одним отпором нападений, князь Кутузов атаковал левый фланг Наполеона, и это наступательное движение имело на все дело благотворнейшее влияние. Ни ужасные потери армии, ни остервенение неприятеля, ни исполинская слава Наполеона, исполнявшая ум и воображение каждого, ничто не поколебало Кутузова. В молчании следил он ход битвы, сохраняя совершенное спокойствие духа, внимательно выслушивая привозимые к нему донесения, без торопливости отдавая повеления» [45].

Таким представлялся и Толстому Кутузов, и таким именно он изобразил его. Кутузов, по словам автора «Войны и мира», находился «в Горках, в центре позиции русского войска». Толстой говорит, что Кутузов «не делал никаких распоряжений», но вместе с тем показывает, как в ходе битвы главнокомандующий выслушивал донесения и отдавал приказы. Не бездеятельность Кутузова показывал Толстой. Распоряжениям Наполеона, не имевшим, на взгляд Толстого, ни малейшего смысла, он противопоставлял спокойную сосредоточенность Кутузова, который следил за «духом войска» и «руководил» этой неуловимой силой.

Единственный эпизод в «Войне и мире», когда Кутузов потерял спокойствие,— это приезд флигель-адъютанта Вольцогена с донесением от Барклая-де-Толли. Богданович, опираясь на воспоминания Вольцогена и на свидетельства Бернгарди, рассказывает: «Вольцоген, явясь к Кутузову, донес ему, что все важнейшие пункты нашей позиции были в руках неприятеля и что наши войска находились в совершенном расстройстве. Такое несколько преувеличенное изложение дела в присутствии множества лиц, состоявших в штабе армии, не понравилось Кутузову, который, выразив весьма резкое неудовольствие свое Вольцогену, сказал ему: «Что касается до сражения, то ход его известен мне самому как нельзя лучше. Неприятель отражен на всех пунктах; завтра погоним его из священной земли русской» [46].

В словах Кутузова Толстой почувствовал крайнее напряжение его душевных сил; Толстой понял и мотивы поведения Вольцогена. Благодаря такому проникновению в сущность явления Толстой на основе фактов, представленных историком, создал глубоко насыщенную сцену. Предварительно Толстой напомнил, что это был тот самый

Кутузов. Акварель К. И. Рудакова. Публикуется впервые.

Вольцоген, которого «так ненавидел Багратион» и который был «любимцем» Барклая-де-Толли. Затем сообщил, что Вольцоген подошел к Кутузову «с полупрезрительной улыбкою на губах», что он обращался с Кутузовым «с некоторою аффектированною небрежностью, имеющею целью показать, что он, как высокообразованный военный, предоставляет русским делать кумира из этого старого бесполезного человека, а сам знает, с кем он имеет дело». Домыслив так поведение Вольцогена, Толстой заставляет его произнести почти дословно приведенные Богдановичем слова: «Все пункты нашей позиции в руках неприятеля... Войска в полном расстройстве». Сообщение Богдановича о том, что Кутузову «не понравилось» донесение адъютанта и что он выразил «весьма резкое неудовольствие», превратилось у Толстого в гневное возмущение Кутузова. Почти дословно Кутузов в «Войне и мире» повторяет приведенные историком слова, но говорит их с такой убежденностью и верой, что у читателя не останется сомнений: Кутузову действительно известен ход сражения, неприятель действительно «побежден», и Кутузов со своим «храбрым войском» действительно «завтра погонит его из священной земли русской».

Характер сцены подготовлен поведением Кутузова во время боя. В понятие «следить» и особенно «руководить духом войска» Толстой вовсе не вкладывает какой-то философски-отвлеченный смысл. Не пассивным изобразил Кутузова на Бородине Толстой. Как же Кутузов, не следя за ходом сражения, мог бы следить за духом войска, который проявляется именно в бою? Толстой подчеркивает, напротив, что Кутузов находился в центре сражения. «Но, выслушивая донесения, он, казалось, не интересовался смыслом того, что ему говорили, а что-то другое в выражении лиц, в тоне речи доносивших интересовало его». Вот это отражавшееся в лицах и понятное Кутузову «что-то другое», то, что Толстой называл скрытой «теплотой патриотизма», «духом войска», дало Кутузову право с гневом опровергнуть привезенное Вольцогеном донесение Барклая-де-Толли о том, что войска якобы в полном расстройстве, и с уверенностью заявить, что ход сражения известен ему, главнокомандующему. В черновых вариантах настойчивее повторялось, что Кутузов «и как главнокомандующий и как русский человек не мог согласиться с определительным мнением Барклая-де-Толли о том, что сражение проиграно». Против слов Барклая «одинаково возмущалось и чувство русского и знание дела главнокомандующим».

Пафос толстовского изображения Кутузова в Бородине заключается в той «неопределимой таинственной связи, поддерживающей во всей армии одно и то же настроение, называемое духом армии, и составляющей главный нерв войны». Кутузов, утверждает Толстой, «отдавал приказания тогда, когда это требовалось подчиненными», и приказания

его были действенны потому, что вытекали из «чувства, которое лежало в душе главнокомандующего так же, как и в душе каждого русского человека». Мудрым полководцем, а не бездеятельным созерцателем изобразил Толстой Кутузова в Бородине [47].

Третья часть картины Бородина — это войско, народ во время сражения. У Толстого не было замысла показать последовательно весь ход сражения. Ему надо дать полное представление о той высоте, которой достиг дух армии, обеспечивший победу. Все части художественной панорамы боя, душевное состояние его участников, в том числе Кутузова, подчинены главной мысли автора о том, что Бородино — победа. И здесь уверенность Толстого опиралась на документы истории. «Войска вашего императорского величества сражались с неимоверной храбростью: батареи переходили из рук в руки, и кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами»,— так доносил Кутузов Александру I [48]. И этому донесению Кутузова Толстой верил.

О том же свидетельствует Михайловский-Данилевский: «Нигде не показывали русские более равнодушия в опасностях, более терпения, твердости, презрения смерти, как при Бородине. Они горели личною ненавистью к врагам, сражались с полным убеждением, что дело идет о всей отечественной славе минувших веков, о всей настоящей народной чести, о будущей судьбе и предназначении России. Успех, долгое время сомнительный и всегда льстивший неприятелю, не ослабил духа войска и возвал к напряжениям, едва ли не превосходившим силы человеческие. В Бородине все было испытано, до чего может возвыситься воин... Европа очами сынов своих убедилась в Бородине, что русские могут скорее пасть с оружием в руках, чем остаться побежденными». «Нельзя не удивляться присутствием духа русских, с каким они защищались, удерживая стремление превосходных сил неприятеля»,— рассказывал другой участник битвы, И. Радожицкий. Мужество и стойкость русского войска должны были признать и те историки, которые не склонны были считать, что победа осталась за русскими. Даже по словам Тьера, Наполеон «объезжал линию вскачь и видел русских, стоявших неподвижно в плотных массах, не представляя возможности нигде легко взяться за них» [49]. Такие разбросанные в разных источниках свидетельства, совпадавшие с мыслями Толстого, служили основой для изображения войска.

Радожицкий в своих записках воссоздает также внешнюю картину битвы. «С восхождением солнца, по всей линии от левого фланга до середины, открылась ужасная канонада из пушек, гаубиц, единорогов. Выстрелы так были часты, что не оставалось промежутка в ударах: они продолжались беспрерывно, подобно раскату грома... Густые облака

дыма, клубясь от батарей, возносились к небу и затмевали солнце, которое покрывалось кровавой пеленою, будто изменяясь от ожесточения ярости человеческой». Несколько раз упоминает Радожицкий солнце, которое «светило ярко и золотыми лучами скользило по смертоносной стали штыков и ружей, оно играло на меди пушек ослепительным блеском». Во время сражения «блеск сабель, палашей, штыков, шлемов и лат от ярких лучей заходящего солнца, все вместе представляло ужасную и величественную картину».

Невольно хочется сопоставить описание Радожицкого с величественной панорамой Бородина в «Войне и мире», где картина природы составляет единое целое с характером битвы, главное, с внутренним подъемом ее участников. Как в Аустерлице у Толстого туман усиливает гнетущее впечатление путаницы, растерянности, так в Бородине солнце освещает всю картину, главная сила которой — в «скрытой теплоте чувства», светившейся на лицах. И туман в Аустерлице и солнце в Бородине — не домысел художника, а реальный факт, но в руках художника он становится образным средством раскрытия сущности событий. Примечательно, что Тьер начинает рассказ о Бородинской битве с упоминания о том, что вначале облака покрывали небо, а затем солнце поднялось в лицо французам и позади русских. Следует вспомнить, что, делая чертеж Бородинского поля, Толстой отметил движение солнца во время боя и записал: «Солнце встает влево назади. Французам в глаза солнце».

В романе солнце стало лейтмотивом победного сражения. «Солнце, только что вырвавшись из-за тучи, заслонявшей его, брызнуло до половины переломленными тучей лучами через крыши противоположной улицы на покрытую росой пыль дороги». Таково было первое впечатление Пьера, когда он утром выбежал на крыльцо. Потом уже на поле, когда он взошел на курган, он «замер от восхищения перед красотой зрелища»: вся местность «была покрыта войсками и дымами выстрелов, и косые лучи яркого солнца, поднимавшегося сзади левее Пьера, кидали на нее в чистом утреннем воздухе пронизывающий с золотым и розовым оттенком свет и темные длинные тени». «Молнии» утреннего света, блестевшие по штыкам войск, сливаются в картине Толстого с «молниями скрытого разгорающегося огня», которые вспыхивали на лицах людей. Освещенная лучами «яркого» солнца панорама Бородина и «ярко во всех лицах» горевший огонь, за разгоранием которого следил Пьер, отразили в описании битвы победоносный дух войска.

Картина Бородинского поля после сражения близка по настроению к рассказу Радожицкого: «Багровое светило дня, омочив в крови погибших последние лучи свои, уже скрылось за горизонтом, как будто содрогаясь от ужасного побоища; мрак ночи покрыл ристалище смерти, и пороховой дым и смрад ложились тяжелым туманом на необозримое поле битвы. Таким образом кончилась знаменитая битва 26-го августа» [50]. В «Войне и мире» читаем: «Над всем полем, прежде столь весело-красивым, с его блестками штыков и дымами в утреннем солнце, стояла мгла сырости и дыма, и пахло странною кислотой селитры и крови. Собрались тучки и стал накрапывать дождик на убитых, на раненых, на испуганных и на изнуренных и на сомневающихся людей».

Разумеется, речь идет не о заимствованиях Толстого в буквальном смысле. Для пейзажа и его внутренней связи с идеей произведения Толстому не нужен печатный источник. Но важно то, что все действительные явления, все непосредственные настроения, отраженные в документах истории, отпечатывались в творческом воображении писателя и вызывали художественные картины, в которые автор вкладывал свое понимание события.

Победа, одержанная русскими под Бородиным, была для Толстого несомненной. Разноречивые толкования историков ни в малейшей степени не колебали его. Богданович говорил, что Наполеон «одержал успех, который не довершен был только по причине нерешительности самого Наполеона». Ермолов считает, что «неприятель одержал победу, не соответствующую его ожиданиям». Винценгероде писал Александру I: «Что бы ни говорили, но последствия достаточно доказывают, что сражение 26-го (Бородинское) было проиграно» [51]. Иначе оценил сражение Кутузов. Он сообщал царю, что «французская армия под предводительством самого Наполеона, будучи в превосходнейших силах, не превозмогла твердость духа русского солдата, жертвовавшего с бодростию жизнию за свое отечество». Точка зрения Кутузова отражена в «Истории» Михайловского-Данилевского, считавшего, что «русские остались непобежденными», и в «Записках» Радожицкого, уверенного, что в Бородине «впервые сокрушились грозные силы завоевателя Европы». К такому же выводу пришел Толстой, изучая материалы того времени. С полным основанием он доказывал, что «прямым следствием» великой битвы была «погибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородиным была наложена рука сильнейшего духом противника».

* * *

Последний этап войны Толстой рисует, также опираясь на исторические документы. Не трудно установить много заимствований и даже текстуальных совпадений. (Многие из них отмечены в литературе о «Войне и мире».) По существу же этот этап дает гораздо больше материала не для сопоставлений, а для противопоставления двух

различных точек зрения. «Бородинское сражение,— утверждал Толстой,— с последовавшими за ним занятием Москвы и бегством французов без новых сражений, есть одно из самых поучительных явлений истории, само собою разумеется, не для тех историков, которые переписывают в одну книжку то, что написано в разных книжках, но для тех, которые изучают законы исторических событий». Так определил Толстой причину своих разногласий с теми историками, которые законов истории не изучают.

Толстой возмущается, что «русские военные историки», несмотря на «лирические воззвания о мужестве и преданности и т. д. должны невольно признаться, что отступление французов из Москвы есть ряд побед Наполеона и поражений Кутузова». Строго следуя за историками в фактах, Толстой восстанавливает ход войны после Бородина. Но художественными картинами и авторским анализом фактов Толстой стремится доказать, что «историками, изучающими события по письмам государей и генералов, по реляциям, рапортам, планам и т. п., предположена ложная, никогда не существовавшая цель последнего периода войны 1812 года, цель, будто бы состоявшая в том, чтобы отрезать и поймать Наполеона с маршалами и армией». Эту цель, по мнению Толстого, «имели 10 людей в Петербурге», но это не было целью войска и народа.

Нет данных утверждать, что Толстой знал документы, в которых высказывалась подобная точка зрения, но важно отметить, что такие суждения существовали. «Самого Бонапарта взять была пустая мысль, ибо это бы было совершенно случай,— так писал М. Н. Лонгинову его знакомый 16 января 1813 года. Что же касается до армии его, то бывшая в России не существует, а вышло из оной только довольно, чтобы рассказать, каково с нами воевать» [52].

Цель народа, убежден Толстой, была одна: «очистить свою землю от нашествия», и «русские, умиравшие наполовину, сделали все, что можно сделать и должно было сделать для достижения достойной народа цели». Ни сочинения русских, ни тем более иностранных историков не могли служить источником подобного вывода. Весьма вероятно, что такие суждения он находил в неофициальных документах. Главное же, что приводило Толстого к такой мысли, было, разумеется, его глубокое проникновение в суть события, его стремление, отвернувшись «от изучения рапортов и генеральных планов», вникнуть «в движение сотен тысяч людей, принимавших прямое непосредственное участие в событии». Именно поэтому одни и те же события получают противоположное освещение у Толстого и у историков. Толстой не искажал фактов в своих целях, но по-своему художническим чутьем определял место каждого в общем ходе событий.

Собрав в фокусе данные историков, Толстой сам как бы переживал все событие в целом. Только внутренне пережив его, художник мог на основе сухих, в большей части разноречивых исторических описаний создавать свои волнующие картины.

* * *

Те же разногласия с историками возникают у Толстого при оценке исторических деятелей. Разноречия он считал неизбежными потому, что для историков при изображении исторических лиц «есть герои», а для художника «не может и не должно быть героев, а должны быть люди»; историк обязан «подводить все действия исторического лица под одну идею, которую он вложил в это лицо», а художник «старается только понять и показать не известного деятеля, а человека».

Создавая образы исторических лиц, Толстой пользовался документами эпохи, биографиями, портретными изображениями. Строго сохраняя реальные черты внешнего облика и характера, писатель не мог, разумеется, не отразить в создаваемых образах свое отношение к ним. При этом главным критерием было соотношение исторического деятеля с народом. Это и порождало разногласия Толстого с историками в оценке почти всех ведущих деятелей эпохи наполеоновских войн.

Деятельность Растопчина изображена в «Войне и мире» на основе точных данных из сочинений самого Растопчина, сочинений Богдановича и Михайловского-Данилевского и из мемуаров, опубликованных в ряде журналов [53]. Хотя историки и мемуаристы не одинаково оценивали Растопчина, но какую-то положительную роль его действий большинство признавало. Сдержаннее других писал Богданович. Он осуждал Растопчина за расправу с Верещагиным, но все же называл его «верным стражем порядка и общественного спокойствия». Значительно выше оценивал его Михайловский-Данилевский, придавая серьезное значение афишкам Растопчина, «написанным простым, но сильным слогом». Очень повышенные оценки роли Растопчина даны в письмах А. Я. Булгакова.

Из каждого документа Толстой извлекал факты, но выводы его не совпадали ни с одним из источников. Растопчин, по Толстому, «не имел ни малейшего понятия о том народе, которым он думал управлять», он «в воображении своем составил для себя роль руководителя народного чувства — сердца России». Растопчину казалось, что он управлял не только внешними действиями жителей Москвы, но руководил их настроением посредством своих воззваний и афиш, «писанных тем ерническим языком, который в своей среде презирает народ и которого он не понимает, когда слышит его сверху». Всю «красивую роль руково-

дителя народного чувства», с которой «сжился» Растопчин, Толстой подвел к тому, что «необходимость оставления Москвы без всякого героического эффекта застала его врасплох, и он вдруг потерял из-под ног почву, на которой стоял, и решительно не знал, что ему делать».

В оценках Кутузова и Наполеона Толстой и историки резко контрастны. Можно проследить шаг за шагом, как Толстой, привлекая подлинные документы, свидетельства современников и толкования историков о деятельности Кутузова и Наполеона, по-своему раскрывает их характеры и освещает роль каждого в войне 1812 года. Примеры были приведены выше. Число их не трудно умножить. У историков Толстой не находил подкрепления своим взглядам. Нечего говорить об официальных историях: французские написаны в духе прославления Наполеона и унижения Кутузова; русские вменяли Кутузову в вину отдельные неуспехи в ходе войны, а Наполеона показывали как великого военного стратега и полководца. Даже в частных письмах и мемуарах многие признают за Наполеоном величие и гениальность. Денис Давыдов, например, неоднократно называет Наполеона гением, великим полководцем лучшей в Европе армии. Даже в мемуарах Радожицкого, у которого Толстой не раз находил опору для своих суждений, Наполеон представлен как «гений войны и политики». Толстой не раз гневно обрушивается на историков, главным образом на Тьера, Бернгарди и опирающегося на них Богдановича, а также на генерала Вильсона за принижение Кутузова, за искусственное возвеличивание Наполеона. Заключительный анализ действий Наполеона и Кутузова целиком построен на противопоставлении выводов Толстого и историков. Даже композиционно эти главы разделены на две расходящиеся линии.

Всякое действие Наполеона Толстой использовал для доказательства того, что все распоряжения, заботы и планы Наполеона были бесплодны и «не затрагивали сущности дела». Давая обзор деятельности Наполеона после занятия Москвы, Толстой по каждому пункту полемизирует с Тьером, цитирует его, едко высмеивает. По мнению Толстого, «изучать искусные маневры и цели Наполеона и его войска со времени вступления в Москву и до уничтожения этого войска все равно что изучать значение предсмертных прыжков и судорог смертельно раненного животного». Об этой «кампании бегства французов», замечает Толстой, историками написаны «горы книг», и «везде описаны распоряжения Наполеона и глубокомысленные его планы-маневры, руководившие войском, и гениальные распоряжения его маршалов». Историки щедро осыпают Наполеона эпитетами: «гениальный», «великий», «величественный», «геройский». В устах Толстого те же эпитеты насыщены жестокой иронией. Особенно зло звучат они, когда Толстой

представляет последний в «Войне и мире» акт Наполеона —«отъезд великого императора от геройской армии», который «представляется нам историками как что-то великое и гениальное», говорит Толстой. «Даже этот последний поступок бегства,— продолжает он,— на языке человеческом называемый последней степенью подлости... и этот поступок на языке историков получает оправдание». А сам Наполеон, «убираясь в теплой шубе домой от гибнущих не только товарищей, но (по его мнению) людей, им приведенных сюда, чувствует, que c'est grand *, и душа его покойна».

Для историков Наполеон, по выражению Толстого, есть «предмет восхищения и восторга»; Толстой на основе тех же фактов стремился доказать, что Наполеон —«это ничтожнейшее орудие истории, никогда и нигде, даже в изгнании не выказавший человеческого достоинства» [54].

Спустя более чем тридцать лет Толстой, по свидетельству М. С. Сухотина, стараясь припомнить, что дало ему первый толчок в его «антипатии к государственности», убедился, что это были «его занятия во время писания «Войны и мира», когда ему пришлось изучить эту отвратительную личность как военачальника, императора и частного человека» [55].

В обратном направлении шла работа Толстого над образом Кутузова. В борьбе с историками Толстому пришлось Наполеона вести от великого к ничтожному; Кутузову же, которого иностранцы признали «хитрым, развратным, слабым придворным стариком», а русские «чем-то неопределенным, какою-то куклою, полезною только по своему русскому имени» [56], Кутузову-главнокомандующему Толстой создает гимн.

С какими же оценками Кутузова встречался Толстой почти во всех исторических работах? Тьер выставляет Кутузова до крайности развращенным, лживым, хитрым, бездеятельным. Богданович в главе «Назначение Кутузова главнокомандующим» пишет о нем снисходительно, даже отмечает, что в Кутузове нельзя не чтить «полководца, освободившего Россию от чужеземного нашествия». Но и в этой главе, как во всем исследовании, подчеркивается хитрость, лживость Кутузова и отдается предпочтение Барклаю-де-Толли, Багратиону и другим генералам. Современник войны 1812 года Ермолов не раз в своих «Записках» называет Кутузова «царедворцем», «хитрым военачальником», «притворным» и отмечает его бездеятельность. Особенно грубо извращал роль Кутузова английский генерал Вильсон, отдавший предпочтение Бенигсену. (Ни в одном из опубликованных списков источников «Войны и мира» «Записки» Вильсона не названы, хотя имеется прямое указание на то, что они были известны Толстому [57].)

* что это величественно.

В связи с свиданием Кутузова и Лористона Вильсон даже высказывал подозрение об измене Кутузова.

Толстой допускал, что современники войны могли из-за страстей не видеть «настоящего» величия, «того величия, которое познает законы будущего и одиноко созерцает неизменные законы эти, подчиняет им свою волю». В этом Толстой видел величие Кутузова. Но он удивлялся, как позднейшие историки не понимали этого. С особенным раздражением он обрушивается на сочинение Богдановича, называет его «книгой, писанной по высочайшему повелению» (в этом звучит у Толстого самый тяжелый упрек и злая ирония, хотя сама по себе фраза повторяет подзаголовок издания); с возмущением говорит о том, что в книге Богдановича, «по которой будут учиться наши дети, сказано, что хитрый Кутузов виновен в чем-то перед потомством», что в ней «подробно описаны ошибки хитрого и слабого Кутузова». С неменьшим раздражением Толстой поминает «книжку» Бернгарди, из которой Богданович переписал текст о потере нравственного влияния русских войск на ход войны [58].

Излюбленные некоторыми историками определения Кутузова: «дряхлый», «лживый», «развратный»— Толстой не раз использует полемически и самим образом действий Кутузова выявляет бессмысленность таких эпитетов. Чаще этот прием встречается в черновых вариантах. Например, глава о Кутузове на Бородине начиналась (и так дошло до корректур) словами: «Дряхлый, слепой, развратный, неспособный Кутузов, как нам любят изображать его, в этот день 26 августа сидел, понурив седую голову...» и т. д. Эти же эпитеты звучат в волнующей сцене, когда Кутузов получает известие о выходе Наполеона из Москвы. Эпизод построен целиком по рассказу Михайловского-Данилевского (особенно первый вариант его близок к источнику) и заканчивается словами Кутузова, произнесенными «сквозь слезы»: «Господи! Создатель мой! *Внял ты молитве нашей... Спасена Россия. Благодарю* тебя, Господи!» В первом варианте сцены после этих слов следовала саркастически пародирующая историков реплика автора: «Так думал и говорил хитрый, развратный царедворец Кутузов».

Толстой пишет о великой заслуге Кутузова после оставления Москвы, в период Тарутина: «Он один — тот, который, казалось бы, по своему положению главнокомандующего, должен был быть рас*положен к наступлению — он один* все силы свои употреблял на то, чтобы удержать русскую армию от бесполезных сражений». Тактику Кутузова Толстой объяснял тем, что он один «понимал значение совершавшегося события», значение «бездействия» французской армии. Благодаря мудрости Кутузова русское войско за время спокойной стоянки в Тарутине укреплялось, каждый день подвозили провиант

и подходили войска, и соответственно поднимался дух войска. У французов же в Москве — за «месяц грабежа» с каждым днем убывали войска и уменьшался провиант, и соответственно падал дух французской армии. Когда изменилось «существенное отношение сил» и перевес оказался на стороне русских, наступление стало необходимым. Тарутинское сражение было, говорит Толстой, «то самое, что было нужно в тот период кампании»,— был дан «толчок, которого только и ожидало наполеоновское войско для начатия бегства».

У историков Толстой не находил подкрепления своим выводам о роли Кутузова в этот период войны. Он мог найти его в статье известного профессора А. П. Куницына, напечатанной в журнале «Сын отечества» через месяц после Тарутинского сражения. А. П. Куницын писал, что «победительное» бездействие Кутузова при Тарутине было «пагубно» для Наполеона. И Наполеон «в самой Москве соделался неопасным для русских». Куницын считает, что «трудолюбивым своим бездействием» при Тарутине Кутузов «поворотил» французские войска «к себе тылом, дабы удобнее наносить ему удары» [59]. Спокойствие Кутузова Куницын определял латинским изречением: «Nihil me stante timendum» *.

Историки подробно рассказывают, как обострился разлад Кутузова с окружающими в последний период войны, и осуждают Кутузова за то (так сформулировал их вывод Толстой), что он, «хитрый придвор-
ный лжец, боявшийся имени Наполеона», своими ошибками под Крас-
ным и под Березиной лишил русские войска «славы — полной победы
над французами». Толстой показывает в действии этот разлад, стано-
вясь безраздельно на сторону Кутузова, который «один, в противность
мнению всех, мог угадать так верно значение народного смысла события,
что ни разу во всю свою деятельность не изменил ему». Главная мысль
Толстого, которой пронизано все произведение, заключается в том, что
неизменная цель Кутузова совпадала с волею народа, а источник его
«необычайной силы прозрения в смысл совершающихся явлений»
лежал в том «народном» чувстве, которое Кутузов «носил в себе во всей
чистоте и силе его».

Анализ деятельности Кутузова Толстой задумал завершить крат-
ким обзором ее с того момента, когда против воли государя и по воле
народа Кутузов был избран главнокомандующим, и до того времени,
когда цель, к достижению которой были направлены усилия Кутузова,
была «так совершенно достигнута». Вот эти замечательные строки:
«Когда французы вошли в Россию, Кутузов, выбранный одним народом,
вместе с народом ужаснулся тому, что грозило России. Приняв коман-

* Ничто меня не испугает (*лат.*)

дование армиями в самую трудную минуту, он вместе с народом и по воле народа делал распоряжения для единственного сражения во все время войны, сражения при Бородине, где народ напряг все свои силы и где народ победил, и где один Кутузов, чувствовавший всегда вместе с народом, противно всем толкованиям своих генералов, противно преданию о признаке победы, определяющемся занятием места, знал го, что народ этот победил. Когда, несмотря на победу, надо было отдать Москву, для старого человека наступила тяжелая пора сомнения, но он жил душою народа и не усумнился в победе. Когда разбитый враг побежал, Кутузов вместе с народом добивал, жалел свой народ и жалел неприятеля. Когда неприятеля не стало в России, Кутузов вместе с народом был счастлив. Русскому человеку, как русскому, делать было больше нечего. Представителю народной войны ничего не оставалось, кроме смерти. И он умер». Таков был первый набросок поэтического прощания Толстого со своим героем.

В одном из черновых набросков к эпилогу Толстой раскрыл свой принцип изображения исторических деятелей: «Я должен повторить труизм, что я старался писать историю народа, и потому Растопчин, говорящий: «Я сожгу Москву», как Наполеон: «Я накажу свои народы»,— не может никак быть великим человеком, если народ есть не толпа баранов... Je défie *, как говорят французы, сделать художественную фигуру, и не смешную, из Растопчина или Милорадовича. На что много любителей Наполеона, а ни один поэт еще не сделал из него образа и никогда не сделает». «И если я художник, и если Кутузов изображен мною хорошим, то это не потому, что мне захотелось (я тут ни при чем), а потому, что фигура эта имеет условия художественные, а другие — нет».

* * *

Глубокое знание изображаемой эпохи позволило Толстому показать ее правдиво во всех проявлениях. Но эпоху наполеоновских войн он видел глазами своего времени. Все то, что было скрыто для людей 12-го года, должно стать видимым через 50 лет для современников Толстого. Полемизируя с историками, Толстой утверждал, что «для изучения законов истории» надо изменить «точку наблюдения» и «предмет наблюдения», т. е. «оставить в покое царей, министров и генералов, а изучать однородные, бесконечно малые элементы, которые руководят массами». Такой взгляд на историю Толстой считал весьма «плодотворным для исторических открытий», и ему удалось, как он заявлял, «только с помощью этого взгляда на историю осветить под новым и, как кажется, верным углом некоторые исторические события». Полемика Толстого, занявшая в романе с первых дней работы большое место,— это принципиальное отстаивание того, что Толстой считал «истиной». Ее он «шаг за шагом открывал» в своей семилетней работе над романом.

Художественное произведение составляет, как утверждал Толстой, одно целое не потому, что в нем действуют одни и те же лица, не потому, что все построено на одной завязке или описывается жизнь одного человека. «Это только так кажется поверхностному наблюдателю,— писал он.— Цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету»[60]. В самом высоком смысле нравственное отношение автора к предмету выразилось в «Войне и мире» в том, что Толстой первым, вникнув в сущность события, раскрыл величие Отечественной войны 1812 года с точки зрения народа. Им владела «мысль народная».

* Я вызываю.

„ВОЙНА И МИР“ ЗА СТО ЛЕТ

Завершился семилетний труд. «Имеют свои судьбы книги, и авторы чувствуют эти судьбы»,— писал Толстой. И хотя он, по его словам, знал, что «Война и мир» «исполнена недостатков», но не сомневался в том, что «она будет иметь тот самый успех, какой она имела» [1]. А успех был необычайный. Несмотря на противоречивые отзывы в печати, на резко отрицательные статьи, «Войну и мир» читали и о ней спорили «запоем» в частных кругах настолько широко, что это не могло не отразиться в печати.

«Это наиболее читаемая книга». «О новом произведении графа Л. Н. Толстого говорят повсюду; и даже в тех кружках, где редко появляется русская книга, роман этот читается с необыкновенной жадностью». Четвертый том, с которого начиналось описание войны 1812 года, «все ожидали не просто с нетерпением, а с каким-то болезненным волнением. Книга раскупается с невероятной быстротой». «Во всех уголках Петербурга, во всех сферах общества, даже там, где ничего не читалось, появились желтые книжки «Войны и мира» и читались положительно нарасхват». Роман составлял тогда «вопрос времени», им была занята «чуть ли не вся русская публика». Так писали газеты [2].

Спрос на вышедшие тома еще незаконченного романа был настолько велик, что потребовалось второе издание. Осенью 1868 года вышли вторым изданием четыре тома. Нет документальных свидетельств об участии автора в новом издании, тем не менее разночтения, хотя и немногочисленные и не столь существенные, дают право полагать, что это было не механической перепечаткой, что автор читал корректуры. Только он сам мог, например, в разговоре Николая Ростова с Борисом Друбецким реплику «Политикан, гвардейская штука!» заменить краткой: «О, гвардия!» Или дополнить портрет Наполеона таким штрихом: «Это дрожанье левой икры Наполеон знал за собой. «La vibration de mon mollet gauche est un grand signe chez moi»— говорил он впоследствии» [3].

Пятый и шестой тома обоих изданий печатались одновременно с одного набора, но часть тиража вышла с пометой на титульном листе: «Второе издание».

Спустя два года после выхода «Войны и мира» Толстой признавался, что похвалы действуют на него вредно, что он «слишком склонен верить справедливости их» и что «с великим трудом только недавно успел искоренить в себе ту дурь», которую произвел в нем успех книги. Исцеление от похвал дошло у Толстого до самоунижения. «Не думайте, чтоб я неискренно говорил,— писал он вскоре,— мне «Война и мир» теперь отвратительна вся! Мне на днях пришлось заглянуть в нее для решения вопроса о том, исправить ли для нового издания, и не могу вам выразить чувство раскаяния, стыда, которое я испытал, переглядывая многие места! Чувство вроде того, которое испытывает человек, видя следы оргии, в которой он участвовал. Одно утешает меня, что я увлекался этой оргией от всей души, и думал, что кроме этого нет ничего» [4].

В это время, в начале 1873 года, Толстой готовил к печати третье издание собрания сочинений, в которое должен был войти роман «Война и мир». В старости Толстой говорил, что он не перечитывает своих напечатанных произведений, а если попадается случайно какая-нибудь страница, ему всегда кажется: «это все надо переделать». Так случилось и теперь. «Я боюсь трогать,— говорил Толстой,— потому что столько нехорошего на мои глаза, что хочется как будто вновь писать по этой подмалевке» [5].

Подготовка «Войны и мира» к новому изданию была осложнена еще особыми обстоятельствами. Во многих критических статьях отмечалось среди «пороков» романа обилие французского языка и историко-философских рассуждений, якобы мешающих «романическому развитию». И. С. Тургенев, которому вначале роман Толстого показался «положительно плох, скучен и неудачен», постепенно, читая дальнейшие тома, стал называть его «поистине великим романом», но по-прежнему осуждал историко-философские воззрения Толстого. Когда закончилось печатание «Войны и мира», Тургенев задумал перевести роман на французский язык, «но с пропусками всех рассуждений, потому что,— говорил Тургенев,— я знаю французов, они за скучным и смешным не увидят хорошего. Несмотря на то, что мы с ним давно не видались, я через общих знакомых просил у него разрешения на перевод

* «Дрожание моей левой икры есть великий признак».

и на пропуски. Он отвечал, что пропустить ничего не позволит. Я хотел по крайней мере собрать все рассуждения, разбросанные в романе, и поместить в конце книги с умозрениями о войне и пр., чтобы таким образом роман был сам по себе. Он и на это не согласился, и я от перевода отказался. Перевел кто-то другой, и, вероятно, французы читать не станут» [6].

Тургенев ошибся, да и сам через несколько лет явно изменил свою оценку. «Это — великое произведение великого писателя, и это — подлинная Россия»,— писал он много позже, посылая французский перевод редактору газеты «Le XIX-e Siècle».

Тургенев рассказывал об этом летом 1873 года, именно тогда, когда сам Толстой перестраивал «Войну и мир» в том направлении, в каком не разрешил этого сделать Тургеневу. Можно с убежденностью говорить, что не внутренние творческие импульсы заставили Толстого переделывать «Войну и мир», что инициатива подобной перестройки принадлежала не Толстому, а всего вернее Н. Н. Страхову, чьи суждения о «Войне и мире» Толстой очень ценил. Не исключена возможность, что именно через Н. Н. Страхова или через А. А. Фета, с которыми он был в переписке, Тургенев просил у Толстого разрешения исключить казавшиеся ему лишними авторские рассуждения. В 1871-72 годах Н. Н. Страхов, много помогавший в печатании «Азбуки», постоянно общался с Толстым, и естественно, что Толстой не мог не беседовать с Н. Н. Страховым о задуманном издании. 13—16 февраля 1873 года Толстой был в Москве и вел переговоры о печатании собрания сочинений, а вернувшись в Ясную Поляну, застал там Н. Н. Страхова. Их беседа была как бы продолжена в переписке. Толстой просил Страхова напомнить ему, что нехорошо, и точно написать: «Это и это надо изменить, и рассуждения с страницы такой-то по страницу такую-то выкинуть». Страхов с радостью откликнулся, и, как явствует из дальнейших писем, ему принадлежит ведущая роль в правке романа. Сначала автор сам просмотрел роман и сообщил Страхову, что «сделал главное, т. е. выкинул некоторые рассуждения совсем, а некоторые, как например о Бородинском сражении, о пожаре Москвы, рассуждение эпилога и др. вынес отдельно». Кроме того «переводил все французское по-русски». Во многих случаях это не был точный перевод, а мысли, выраженные по-французски, теперь выражались русским языком. Немногочисленные стилистические поправки были сделаны по всему роману. Роман был тогда же распределен на четыре тома вместо шести.

Отправив в июне выправленный экземпляр Н. Н. Страхову [7], Толстой дал ему большие полномочия. «Делайте, что хотите, именно в смысле уничтожения всего, что вам покажется лишним, противуречивым,

неясным. Даю вам это полномочие и благодарю за предпринимаемый труд, но, признаюсь, жалею. Мне кажется (я наверно заблуждаюсь), что там нет ничего лишнего. Мне много стоило это труда, поэтому я и жалею. Но вы, пожалуйста, марайте и посмелее, Вам я верю вполне» [8].

И вот появился итог совместной работы, можно смело сказать, искалеченная «Война и мир». Историко-философские рассуждения составляют совершенное художественное и композиционное единство со всем текстом романа. И вдруг Толстой, так дороживший этими рассуждениями («Если бы не было рассуждений, не было бы и описаний»,— заявил он, заканчивая «Войну и мир»),— сам Толстой рассек свое произведение на собственно роман и на якобы не связанные с ним авторские отступления. Военно-исторические и историко-философские рассуждения, начиная с описания войны 1812 года, а также первые четыре главы первой части эпилога и вся вторая часть выделены в рассчитанное, очевидно, для специалистов «Приложение», где объединены общим заглавием «Статьи о кампании 1812 года». Таких «статей» девятнадцать, и каждая из них получила свое заглавие:

I. План кампании 1812 года. II. Как действительно произошло Бородинское сражение. III. Распоряжения Наполеона для Бородинского сражения. IV. Об участии воли Наполеона в Бородинском сражении. V. Об отступлении до Филей. VI. Оставление Москвы жителями. VII. О пожаре Москвы. VIII. Фланговый марш. IX. Тарутинское сражение. X. Деятельность Наполеона в Москве. XI. Отступление французов из Москвы. XII. Победы и их последствия. XIII. Дух войска и партизанская война. XIV. Бегство Наполеона. XV. Преследование французов русскими. XVI. Кутузов. XVII. Березинская переправа. XVIII. О значении Александра и Наполеона. XIX. Вопросы истории.

Для большинства, т. е. для тех, кто вряд ли читал выделенное особо историко-философское «Приложение», пропали такие, например, взволнованные строки Толстого: «Москва, занятая неприятелем, не осталась цела, как Берлин, Вена и другие города, только вследствие того, что жители ее не подносили хлеба-соли и ключей французам, а выехали из нее»; его утверждение, что жители выехали потому, что «для русских людей не могло быть вопроса, хорошо ли или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть: это было хуже всего». А ведь под этим углом зрения должны восприниматься сцены оставления Москвы.

Не могли прочесть в основном тексте ни анализа деятельности Наполеона в Москве; ни описания французского войска, которое «распадалось и гибло с каждым днем лишнего пребывания в Москве»; ни о том, что «мужики Карп и Влас» и «все бесчисленное количество

таких мужиков» не везли сена в Москву «за хорошие деньги», которые им предлагал Наполеон, а жгли его. Перешел также в «Приложение» волнующий афоризм Толстого о «дубине народной войны», которая в Отечественной войне «поднялась со всей своей грозной и величественной силой», а вместе с ним оказался в «Приложении» и гимн народу, который в минуту испытаний поднимает эту «дубину».

Не сохранился в основном тексте анализ деятельности Кутузова в 1812 году, без чего трудно представить себе «Войну и мир». Пропали для широкого читателя волнующие всех слова Толстого: «Цель народа была одна: очистить свою землю от нашествия». «Русские, умиравшие наполовину, сделали все, что можно сделать и должно было сделать для достижения достойной народа цели». Все это было упрятано в «Приложение».

Еще печальнее оказалась судьба кратких авторских вступлений к отдельным частям, а иногда к главам. Они были вовсе исключены. Исчезло вступление, открывающее повествование о 1812 годе, а вместе с ним так сильно звучащие и в наши дни слова: «12-го июня силы западной Европы перешли границы России, и началась война, т. е. совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие». Пропали завершающие Бородинскую битву размышления Толстого о нравственном ослеплении Наполеона, который «не мог отречься от своих поступков, восхваляемых половиной света, и потому должен был отречься от правды и добра и всего человеческого». Ведь известно, что Толстой не только не отказался от таких утверждений, но повторял их в последние годы жизни. Сколько таких важных мыслей Толстого исчезло из «Войны и мира» механически, только потому, что они входили не в те специальные главы, которые были полностью перенесены в «Приложение»!

Нет сомнения, что тяжелую операцию над своим романом произвел сам Толстой, но с уверенностью можно говорить, что это было вызвано не требованиями художника, а влиянием тех критиков, а быть может и друзей, которые в то время не смогли понять художественное новаторство величайшего творения Толстого. Оно не укладывалось в традиционные формы романа, а втиснуть его в них, видимо, и было задачей перестройки.

В первой половине ноября 1873 года вышло в свет третье издание собрания сочинений Толстого в восьми томах, где последние четыре тома содержали измененную «Войну и мир». «Война и мир» при жизни Толстого ни разу не выходила после 1869 года отдельным изданием, а печаталась только в собраниях его сочинений, т. е. всего десять раз. Отрывки же из романа многократно под разными заглавиями включались в сборники и хрестоматии. В 1880 году вышло четвертое издание

собрания сочинений в одиннадцати томах. «Войну и мир» механически перепечатали из предыдущего собрания.

А вот шесть лет спустя в судьбе «Войны и мира» произошло новое событие. В 1886 году вышло пятое издание собрания сочинений Толстого. В нем «Война и мир» напечатана по тексту первого издания 1868—1869 годов, т. е. возвращена к первоначальному виду.

Принято считать, что, начиная с восьмидесятых годов, Толстой не интересовался своими произведениями, созданными до так называемого перелома. Некоторые исследователи готовы возвращение «Войны и мира» к первому изданию приписать самовольному решению С. А. Толстой. Трудно было бы допустить, что С. А. Толстая сделала это без ведома Толстого. А не так давно опубликованные документы свидетельствуют, что Толстой даже сам читал если не все, то безусловно какую-то часть корректур «Войны и мира». Об этом упоминает учитель детей Толстого И. М. Ивакин. С. А. Толстая писала сестре о «неумолимых корректурах», которых «пропасть» и которые читает старшая дочь, а второй раз пересматривает сам Толстой [9]. Она писала об этом в сентябре 1885 года, а в октябре вышли тома «Войны и мира». Стало быть, Толстой знал о возвращении романа к тексту первых изданий. С этого времени историко-философские рассуждения навсегда водворены на свои места. Но не навсегда был восстановлен французский текст [10].

В конце того же 1886 года начало выходить шестое издание собрания сочинений. По желанию Толстого это было дешевое издание «для публики», как он говорил [11]. Возможно, для того, чтобы не затруднять «публику», французские тексты были заменены русскими по изданию 1873 года. Кроме того, в нескольких случаях внесены по тому же изданию стилистические поправки.

В последующих прижизненных собраниях сочинений «Война и мир» печаталась то по пятому изданию, т. е. с французским текстом: так было в девятом (1893), в одиннадцатом (1903) изданиях; то по шестому, т. е. без французского текста: в седьмом (1887), восьмом (1889) и десятом (1897) изданиях.

Чем же объяснить такую странную неустойчивость? Вряд ли здесь было какое-то сознательное решение. Вернее всего, каждое из названных изданий механически перепечатывалось с какого-либо из предыдущих, с того, какое в данный момент было в руках у С. А. Толстой. Опечатки, которые с точностью переходили из предшествующего издания в соответственные последующие, убеждают, что переиздания шли механически.

Итак, при жизни Толстого существовали четыре отличающиеся друг от друга текста «Войны и мира»: 1) полный, каким он вышел

непосредственно из-под пера автора; 2) с выделенными в конец книги историко-философскими рассуждениями, без французских текстов и и стилистически исправленный Толстым и Н. Н. Страховым; 3) снова полный, но с некоторыми исправлениями по изданию 1873 года; и, наконец, 4) тот же, что и третий, но без французских текстов. Единственной издательницей сочинений Толстого была его жена С. А. Толстая; «Война и мир» выходила в России только в издаваемых ею собраниях сочинений.

Иначе сложилась при жизни автора судьба его романа за рубежом. Тотчас после выхода первого издания, в 1870 году в «Moskauer Deutsche Zeitung» начала печататься «Война и мир» в переводе на немецкий язык. Перевод не был закончен (переведены только первые три тома). А в 1879 году в издательстве Hachette вышел первый французский перевод «Войны и мира», сделанный Ириной Паскевич. (На титульном листе издания помечено, что перевод авторизован, но никакими документальными свидетельствами мы не располагаем.) Он послужил началом мировой известности Толстого. Начиная с 1885 года, «Война и мир» в том же переводе выходила во Франции при жизни Толстого почти ежегодно. С тех пор роман Толстого стал быстро распространяться в зарубежных странах. Сначала переводы делались с французского издания, а затем начали появляться новые переводы с оригинала.

После Франции «Войну и мир» стали издавать в Германии, затем в Дании, Америке, Англии, Венгрии, Голландии, Чехии, Швеции, Болгарии, Сербии, Италии, Испании.

Выходили за рубежом отдельными книжками извлечения из «Войны и мира» под различными заглавиями: «Наполеон и Александр», «Физиология войны», «Смерть князя Андрея», «Философия истории», «Наполеон и кампания в России», «Бал у Нарышкиных». «Войну и мир» включали и во все собрания сочинений, которые при жизни Толстого выходили четыре раза в Америке, три раза в Англии, дважды в Германии и один раз во Франции.

Итак, при жизни Толстого «Война и мир» печаталась в России двенадцать раз на русском языке (два раза отдельными книгами и десять раз в собраниях сочинений), один раз на польском и дважды на финском языках; в эти же годы за рубежом она издавалась 76 раз в тринадцати странах.

* * *

После смерти Толстого вступило в силу завещание, по которому все его сочинения переданы во всеобщую собственность.

В 1911 году вышло последнее издание С. А. Толстой — двенадцатое издание собрания сочинений, в котором «Война и мир» печаталась

по тексту пятого издания, (с французским языком). Тот же текст перепечатан в собрании сочинений под редакцией П. И. Бирюкова, изданном И. Д. Сытиным в 1912—1913 годах. Последующие издания «Войны и мира» повторяли текст этого собрания сочинений.

При подготовке «Войны и мира» П. И. Бирюков просмотрел корректуры романа, чтобы внести в него интересные отрывки из черновиков. К счастью, оказалось невозможным «вставить» их в текст, «не нарушая общую художественную конструкцию»,— как он разъяснил. «Война и мир» осталась неприкосновенной. Наиболее интересные отрывки редактор опубликовал в приложении, снабдив публикацию таким примечанием: «При большем досуге можно было бы извлечь из этой бесформенной кучи еще более драгоценного материала». Как ни наивно отношение П. И. Бирюкова к черновикам, тем не менее он первый познакомил с ними читателя.

В 1912 году, к столетию Отечественной войны тем же И. Д. Сытиным была выпущена «Война и мир» в роскошном оформлении с рисунками Апсита. Это было первое после 46-летнего перерыва отдельное и первое иллюстрированное издание романа. С того времени он начал выходить не только в собраниях сочинений, но ежегодно (в 1913, 1914, 1915 годах) отдельными книгами.

В статье, написанной непосредственно после смерти Толстого, В. И. Ленин говорил о том, что даже в России Толстой известен ничтожному меньшинству. «Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*», нужен социалистический переворот. Такой переворот произошел через семь лет после смерти Толстого.

Среди первых же постановлений Советской власти в 1918 году было распоряжение издавать массовыми тиражами сочинения русских классиков и разослать их по всем библиотекам страны. В числе первых Литературно-издательский отдел народного комиссариата по просвещению выпустил художественные сочинения Толстого. В 1919 году вышла «Война и мир» тиражом в 10 000 экземпляров. Одновременно начался, можно сказать, поток изданий произведений Толстого, прежде всего тех, которые были запрещены царской цензурой, либо выходили ранее с большими цензурными изъятиями, например «Хаджи Мурат» и «Воскресение». Однако продолжала издаваться и «Война и мир». В 1923 году в Гослитиздате в серии «Классики русской литературы» вновь вышел роман 10-тысячным тиражом. Он печатался по изданию И. Д. Сытина, вышедшему под редакцией П. И. Бирюкова.

Приближалось столетие со дня рождения Толстого, оно широко отмечалось в нашей стране. По инициативе В. И. Ленина предпринято было первое полное собрание сочинений Толстого в 90 томах. Оно печаталось по постановлению Совнаркома. Это грандиозное по объему

и сложное по подготовке издание растянулось на много лет и, разумеется, не могло удовлетворить растущий спрос на сочинения Толстого. В том же юбилейном 1928 году в приложении к журналу «Огонек» вышло 12-томное собрание художественных произведений тиражом в 125 000 экземпляров, а в Ленинграде в 1928—1930 годах вышло 15-томное собрание художественных сочинений. По мере выхода томов тираж издания возрастал от 15 до 50 тысяч экземпляров. Издание немедленно разошлось, и в 1929 году оно вышло вторично, а некоторые тома даже по третьему разу тиражом в 30 000 экземпляров. Разумеется, в каждом собрании сочинений четыре тома занимала «Война и мир». За годы 1928—1931 она еще трижды печаталась отдельными книгами.

Наконец, в 1930—1933 годах появилась «Война и мир» в юбилейном 90-томном собрании сочинений тиражом в 5 000 экземпляров. При подготовке «Войны и мира» неизбежно встал вопрос, какой же текст следует признать окончательным [12].

Редакторы А. Е. Грузинский и М. А. Цявловский за основной приняли текст пятого издания 1886 года и внесли в него некоторые исправления из сделанных в 1873 году.

Спустя четыре года, в 1937—1940 годах тома юбилейного издания, содержащие «Войну и мир», вышли дополнительным тиражом в 5 000 экземпляров. Редакторы Г. А. Волков и М. А. Цявловский пересмотрели выбор текста. Они признали наиболее авторитетными второе издание 1868—1869 годов и издание 1873 года; они не сомневались в том, что в 1873 году, одновременно с композиционной перестройкой и заменой французской речи русской, Толстой сам подверг весь текст романа «большой стилистической переработке». В результате — дополнительный тираж томов 9—12 содержит, по заявлению редакторов, текст «Войны и мира», «в силу необходимости контаминированный» [13]. Формально решение вопроса было иное, но по существу текст романа мало чем отличался от издания 1930—1933 годов. Стилистических поправок по изданию 1873 года внесено теперь значительно больше, чем в первом тираже, но в обоих случаях по субъективному выбору редакторов.

Значительное отличие в дополнительном тираже — подстрочные переводы французской речи. В первом тираже переводы даны по изданию 1886 года, а во втором — для переводов использован русский текст издания 1873 года, причем это допускалось даже в тех случаях, когда переводы не были дословными.

В дальнейшем вопрос о так называемом «каноническом» тексте «Войны и мира» не обсуждался. «Война и мир» выходила почти ежегодно и всегда перепечатывалась со второго тиража юбилейного издания. Так продолжалось более двадцати лет.

В 1959 году был вновь поднят вопрос о тексте «Войны и мира». Редакторы юбилейного издания собрания сочинений изучали прижизненные издания романа, но обошли рукописные источники текста, тогда как они служат неоценимым документом при установлении авторского текста. Для некоторых произведений Толстого текстологический анализ рукописей был более или менее тщательно выполнен. «Война и мир» выверена по рукописям только в конце пятидесятых годов. Результат был неожиданно грандиозный: в печатном тексте оказалось 1855 ошибок! Тут и невольные ошибки переписчиков и наборщиков, и сознательные исправления языка и стиля Толстого его первыми редакторами. К 150-летней годовщине Отечественной войны 1812 года в двадцатитомном собрании сочинений «Война и мир» вышла (в 1962—1963 годах) освобожденной почти от всех наслоившихся ошибок. С тех пор дальнейшие издания печатаются по этому исправленному тексту, и за рубежом начинают появляться выправленные по новому изданию переводы [14].

Само собой разумеется, что обнаруженные ошибки, как ни серьезны были некоторые из них, не снижали силы творения Толстого. Независимо от того, как исследователи решали вопрос о каноническом тексте, роман неизменно захватывал и волновал читателей.

Постепенно «Войну и мир» начали переводить на языки народов нашего Союза. В 1935—1940 годах вышла «Война и мир» на армянском языке в переводе писателя Степана Зорьяна; в 1937 году — первые два тома на украинском языке.

* * *

По-новому всколыхнула людей «Война и мир» в годы Великой Отечественной войны. Книга, идущая дорогами войны,— так называли роман Толстого. В те годы он воспринимался не только как рассказ о прошлом — в нем видели надежду на будущее, на победу.

«Исторические события, происходящие с паузой более чем в столетие, не могут быть в точности похожи. Не той стала старая Россия, и не с прежним врагом ведет она свою войну, да и мы — другие люди, нежели те, что описаны в «Войне и мире» Толстого»,— писал тогда П. Павленко. И однако «чувство любви и верности родине, неотделимость наших судеб от общей судьбы отечества роднили с теми людьми, которые в 1812 году отстояли родину»,— заключал он. Тогда же К. Тренев писал, что «это гениальное произведение, написанное о времени, давно прошедшем, ставшем для нас историей, дивно живет в великую отечественную войну» и что роман этот «нам дорог не только как гениальное произведение литературы. Он — выражение духа народного, он — обобщение великого воинского опыта России».

Многочисленные корреспонденции с фронта рассказывали о непосредственном восприятии «Войны и мира» бойцами. Однажды после успешной операции корреспондент газеты спросил командира, как случилось, что небольшая группа русских одержала победу над превосходящими силами врага. Вместо ответа командир вынул из сумки маленькую книжечку и раскрыл ее на странице, где красным карандашом были подчеркнуты строки о роли духа войска в сражении. Эта книжечка — изданные отдельно главы из «Войны и мира» о Бородинском сражении.

Геройски погибший в бою писатель Юрий Крымов писал с фронта своим родным: «Самое близкое к тому, что я вижу, это «Война и мир». И у всех нас зреет такое настроение, как у князя Андрея перед Бородинским боем».

В канун 1944 года актриса А. А. Яблочкина получила письмо от одного из ее «самых верных корреспондентов» с фронта. Поздравив ее с Новым годом, он писал: «Здесь на фронте мы встречаем Новый год с твердым решением победить. А «сражение выигрывает тот, кто твердо решил его выиграть» (Толстой)». На обратной стороне листа — карандашный портрет Толстого и еще одна цитата из «Войны и мира» о победе русских в Бородинском сражении.

Толстовское определение партизанской войны 1812 года как «дубины народной войны» стало символом всенародной партизанской войны 1941—1945 годов. «Дубину народной войны» поднял весь советский народ. Этим грозным «оружием мы умеем хорошо владеть»,— писал белорусский поэт Янка Купала в статье «Народная война» [15].

Роман Толстого вдохновлял художников, композиторов, театральных деятелей. В эту именно пору С. С. Прокофьев создал оперу «Война и мир». Малый театр поставил по роману спектакль «Отечественная война 1812 года». Роль от автора исполнял А. А. Остужев; летом 1942 года он в прифронтовой полосе читал бойцам отрывки из «Войны и мира». Театр Ленинского комсомола в Ленинграде начал готовить спектакль «Война и мир» (инсценировка Чежегова и Юдкевича). Художник Д. А. Шмаринов в годы войны начал работать над серией иллюстраций к «Войне и миру».

«Роман вдохновлял советских людей на отпор врагу,— говорил К. А. Федин в беседе о романе «Костер».— Так «толстовская тема» возникала в самой жизни. У нас в то время были закрыты многие газеты из-за недостатка бумаги, листовки не на чем было печатать, а «Войну и мир» Льва Толстого издали стотысячным тиражом. В «Костре» у меня один персонаж из недалеких возмущается: «Цигарку не из чего свернуть, а тут такая роскошь!» Именно потому, что Лев Толстой в Отечественную войну воскрес к новой жизни повсеместно, эта тема должна была широко развернуться в романе» [16].

Естественно, что такое сильное звучание «Войны и мира» потребовало новых изданий. В трудные годы 1941—1945 роман Толстого был издан четыре раза полностью, и даже в блокированном Ленинграде он вышел в начале 1943 года стотысячным тиражом [17]. В 1942—1943 годах впервые «Война и мир» напечатана шрифтом для слепых. Отдельные главы романа выходили маленькими книжечками под заглавиями: «Бородинская битва», «Шенграбен», «Партизанская война». Общий тираж их превысил полмиллиона. Отрывки из «Войны и мира» включались в сборники: «Знамя предков», «Родина», «Писатели — патриоты великой родины». Главы, посвященные Бородинскому сражению, печатались в 1942—1945 годах в переводе на даргинский, казахский, кумыкский, лакский, лезгинский, туркменский, узбекский языки. Полностью «Война и мир» вышла за эти годы дважды на эстонском языке.

О новом звучании «Войны и мира» за рубежом в военные годы узнаем из высказываний иностранных писателей.

Толстовское описание войны издавна волновало зарубежных писателей. «Прочтите же роман Толстого все вы, легкомысленно разглагольствующие о войне и сражениях!.. От таких книг приливает кровь к голове!»— восклицал романист Альбер Дельпи в восьмидесятых годах прошлого века. Его впечатление перекликается с высказыванием французского писателя Жан Ришар Блока, участника первой мировой войны: «Перед всеми нами, только что познавшими свою судьбу, властно вставал один великий образ — князь Андрей на поле Аустерлица в «Войне и мире». Я считаю, что во всем наследии нашей культуры именно этот образ, и только он, был на уровне того испытания, через которое мы прошли, и мог подсказать нам моральный закон на будущее». Такое же волнующее впечатление производила «Война и мир» в годы второй мировой войны. «Этот роман, быть может, величайший из всех, какие когда-либо были написаны, стал предметом страсти французов в 1942—1943 годах,— писал Луи Арагон.— Ибо все происходило так, будто Толстой не дописал его до конца, и будто Красная Армия, дающая отпор носителям свастики, наконец вдохнула в этот роман его подлинный смысл, внесла в него тот великий вихрь, который потрясал наши души» [18].

За годы второй мировой войны роман Толстого был издан в девяти странах (в Англии, Америке, Венгрии, Голландии, Испании, Китае, Мексике, Франции, Швейцарии). В американском издании к книге были приложены карты и хронологические таблицы военно-исторических событий с 1805 по 1812 годы, а также отзывы видных писателей и критиков Запада. Форстер выступил по радио со статьей о современном значении «Войны и мира»; на следующий день роман был немедленно распродан, и книготорговцы заказывали новые партии тиража.

1/4 25 Заказ № 1368

«На Западе не понимали: чем держатся русские? Объяснения «чуда», между прочим, искали в «Войне и мире»,— говорил К. А. Федин.

В Англии в первые годы войны роман Толстого выполнил немалую политическую роль. Он вошел в число «важнейших мероприятий», используемых «для воспитания и укрепления веры англичан в нашу несокрушимую волю быть и остаться великим народом с великим будущим». Об этом рассказал в своих мемуарах наш тогдашний посол в Англии академик И. М. Майский. Он писал: «После известных раздумий я пришел к выводу, что было бы важно именно теперь дать в руки английского читателя «Войну и мир» Л. Н. Толстого и «Нашествие Наполеона на Россию» Е. В. Тарле. Великий роман Толстого, конечно, не раз издавался в Англии и раньше, но сейчас он получил специфический интерес. У меня были неплохие связи с издательским миром, и через короткое время одно из крупнейших лондонских издательств — издательство Макмиллана — взялось за это дело, которое вдобавок ко всему прочему еще обещало ему хорошую прибыль. В 1942 году в окнах книжных магазинов появился солидный том в красном переплете. Он содержал 1352 страницы, но, так как был напечатан на рисовой бумаге, то не выглядел тяжелым кирпичом. Это был весь роман Толстого целиком, с картами и приложениями. Он сразу стал тем, что англичане называют «best seller» (по-русски это можно передать: «покупается нарасхват»). Читали его везде. Роман Толстого, точно буря, пронесся по стране и произвел глубокое и сильное политическое воздействие. Конечно, не все после чтения его уверились в непобедимости СССР, но многие, очень многие поняли и почувствовали, что русские — это великий народ, который не может погибнуть.

Вскоре после выхода нового издания «Войны и мира» моя жена подарила экземпляр романа миссис Черчилль с такой надписью: «1812—1942. Мы уничтожили нашего врага тогда, мы уничтожим нашего врага и теперь». Значительно позднее, в феврале 1943 года, миссис Черчилль отдарила мою жену той же книгой. На ней было написано: «Вот книга для тех, кто хочет понять безграничность и таинственность России. Клементина Черчилль». В январе 1943 года из Лондона сообщалось по ТАСС, что новое издание «Войны и мира» в количестве 30 000 экземпляров было распродано менее чем за месяц. В нью-йоркском театре «Студио» и лондонском театре ставились с большим успехом инсценировки «Войны и мира»[19].

Начала выходить тогда «Война и мир» в Турции в новом переводе с русского языка Зеки Баштимара (первый турецкий перевод был сделан с французского). Половину романа перевел поэт Назым Хикмет. Он находился тогда в тюрьме, и его имя не могло быть упомянуто в турецком издании. «Величие Льва Николаевича Толстого, этого мастера

мастеров, этого бессмертного старца, оставшегося навеки юным, я полностью осознал только в бурской тюрьме. Там я перевел половину романа «Война и мир». Моя камера переполнилась жизнью и надеждой, пали стены тюрьмы, я еще больше поверил в созидательную мощь великого русского народа и еще больше его полюбил»,— так вспоминал о своей работе Назым Хикмет в письме в Музей Л. Н. Толстого[20]. Первые два тома вышли в 1943 и 1945 годах, а закончилось издание в 1949 году.

И русские и зарубежные писатели повторяли, что мысли о «Войне и мире»— эпосе первой русской народной войны — наполняют сердца горячей верой в исход второй народной войны. Надежды осуществились. Русский народ победил. И роман Толстого «Война и мир» продолжал победно шествовать дорогами мира.

* * *

После 1945 года, за последние 20 лет «Война и мир» издана в России на русском языке 26 раз отдельными книгами и четыре раза в собраниях сочинений. Тиражи — от 30 000 до 400 000 экземпляров. За эти же 20 лет роман полностью переведен на языки народов СССР.

В 1946 году, когда писатель Суентбек Бектурсунов закончил перевод первого тома «Войны и мира» на киргизский язык, газета «Советская Киргизия» сообщила об этом как о выдающемся явлении в культурной жизни Киргизии. «Это первый перевод гениального произведения гиганта мировой литературы на языке народов Средней Азии». В 1948 году вышли первые два тома «Войны и мира» на казахском языке в переводе казахских писателей Сабит Муканова и Темгали Кургавина. «Крупное событие в культурной жизни Азербайджана»— под таким заглавием сообщала газета «Бакинский рабочий» об издании «Войны и мира» на азербайджанском языке. В 1945—1946 годах в Эстонии появилось третье издание «Войны и мира» 10 000-ным тиражом. В 1960 году якутский писатель Николай Мординов начал переводить «Войну и мир» на якутский язык.

В переводах сочинений Толстого, в том числе и «Войны и мира», на языки народов СССР принимали участие писатели национальных республик. Они ставили перед собой серьезную творческую задачу — дать не просто дословный перевод, но сохранить особенности стиля, творческую манеру великого писателя.

Мамед Ариф рассказывал, что перевод «Войны и мира» на азербайджанский язык был для него «целой школой», обогатившей его большим опытом. Он «как бы вошел в изумительную богатую лексическую лабораторию великого художника, близко ознакомился с его своеобразным художественным стилем, с простотой и безыскусственностью изложения».

Киргизский писатель С. Бектурсунов писал 5 августа 1953 года

в Музей Л. Н. Толстого о своей работе над переводом «Войны и мира»: «Сложность исторических событий, о которых повествуется в романе, психологический анализ громадного количества персонажей, богатство языка — все это верно передать так, чтобы киргизский читатель мог понять перевод и представить себе все величие Л. Н. Толстого, было чрезвычайно трудно. Приходилось... работать над своим родным языком, что облегчало работу над переводом величайшей эпопеи русской и мировой литературы».

О стремлении «правильно передать все колоссальное словесное богатство Толстого» писала М. Силлоатс, переводчица «Войны и мира» на эстонский язык. «Величественное полотно раскрывалось передо мной, и моей главной заботой было — не растерять ни одного самоцвета, передать на эстонском языке всю самобытность, глубину и цельность этого высокохудожественного полотна» [21].

Продолжают издавать «Войну и мир» за рубежом, в странах Запада и Востока. В 1956 году она вышла во Франции в том первом переводе Ирины Паскевич, с которого началась мировая известность Толстого. В издании предисловие Андре Моруа и портрет Толстого работы Пикассо. В 1953—1957 годах роман вышел трижды на арабском языке (в Дамаске, Бейруте и Каире); в 1958 году — на албанском языке. В отчетном докладе о творческой деятельности корейских писателей за 1955 год Хан Сер Я среди лучших переводов классических произведений русской литературы назвал «Войну и мир» в переводе Се Ман Ира.

В 1958 году в Коттайяме издан роман в переводе на язык малаялам. Выход романа был отмечен во многих городах штата Керала (Южная Индия) торжественными собраниями. Трижды в разных переводах издан роман в Бразилии, причем в 1958 году в Рио-де-Жанейро и в Белу-Оризонте напечатан перевод известного литературоведа Оскара Мендеса с его же предисловием. «Война и мир» открыла в Бразилии новую своеобразную серию «Вечный роман». Столетие начала печатания «Войны и мира» торжественно отмечалось в Мексике: цикл лекций литературоведа Хайме Торрес Бодет, выставка, советские фильмы о Толстом, специальное приложение к журналу «Съемпре» [22].

Замечательный итог: за годы 1917—1964 «Война и мир» издана в СССР 161 раз на русском языке; полностью и в отрывках переведена на 30 языков народов Союза. За рубежом «Война и мир» начиная с 1879 года издана в 37 странах на 40 языках.

* * *

В 1878 году, незадолго до появления первого иностранного перевода «Войны и мира», исследователь русской литературы англичанин Уильям Ролстон задумал написать большую статью о «Войне и мире».

Он просил Толстого сообщить ему биографические сведения о себе. «Я очень сомневаюсь, чтобы я был таким значительным писателем, события жизни которого могли бы представлять интерес не только для русской, но и для европейской публики»,— отвечал Толстой адресату, отказываясь дать сведения. Он добавил: «Я совершенно искренно не знаю, будет ли кто-нибудь читать мои произведения через сто лет, или же они будут забыты через сто дней, и поэтому не хочу оказаться в смешном положении» [23].

Произведения Толстого, и «Война и мир» в том числе, не забыты и через сто лет.

Прошло сто лет со дня появления в печати первой части романа. Много поколений читателей сменилось за этот век. И неизменно «Войну и мир» читают люди всех возрастов от юношей до стариков. «Вечным спутником человечества» назвал «Войну и мир» наш современный писатель Юрий Нагибин и попытался представить, чего ищут в «Войне и мире» читатели разных возрастов. По мере того как взрослеет читатель, роман Толстого становится «все полнее, все объемнее, все щедрее своим неисчерпаемым содержанием». Вначале занимает лишь событийная канва; затем мы начинаем восхищаться образами; позже начинаем понимать поиски героев; еще позже «поддаемся очарованию глубокой мудрости, истинной народности образа Кутузова. А затем мы постигаем философскую суть романа, своеобразие исторических воззрений» великого русского писателя [24].

«Разве война и победа русского оружия в 1812 году означала бы столько для национального, патриотического самосознания русских людей, если бы они знали о ней только по учебникам истории и даже многотомным ученым трудам, если бы, допустим на минуту, не было гениального творения Толстого «Война и мир», отразившего этот исторический момент в жизни страны, показавшего в незабываемых по своей силе образах величие народного подвига тех лет?» Эти слова принадлежат поэту А. Т. Твардовскому. Они прозвучали в его речи с трибуны двадцать первого съезда партии.

Говоря о Великой Отечественной войне, «войне неимоверных страданий и неимоверного накала чувств», Константин Симонов обращается к «Войне и миру» Толстого: «Наша литература о войне по-прежнему не ищет себе другого образца не в смысле предмета прямого подражания, а в смысле высоты и благородства критерия, к которому где-то, в тайне своих дум, стремится почти каждый из нас, пишущих об этом» [25].

Не войну воспел Толстой, он прославил в «Войне и мире» величие народного подвига в освободительной войне 1812 года, когда «решался вопрос жизни и смерти отечества» и война приобретала, по словам Толстого, «дорогое русскому сердцу народное значение». Об этом

26 Заказ № 1368

говорит князь Андрей Пьеру накануне Бородинского сражения. Для него несомненно, что «война не любезность, а самое гадкое дело жизни». Но если уж произошла такая война, «надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость». Так думали все те люди, которые без *ложного героического* пафоса стали участниками этой «страшной необходимости» и спасли свое отечество.

Так думал и сам Толстой, оставаясь в то же время страстным противником войны. «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом?»— восклицал Толстой в одном из ранних военных рассказов. Эта же мысль волновала его, когда он воссоздавал в картинах и образах войну 1812 года. «Началась война, т. е. совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие». Так начал Толстой сцену перехода Наполеоном русской границы. И он не уставал повторять, что война — «страшное дело». Толстой любил жизнь, и все прошедшие через испытания войны *его герои любили жизнь*. «*Пока есть жизнь*, есть и счастье»,— говорит в эпилоге романа Пьер Безухов.

В годы работы над «Войной и миром» Толстой заявлял, что «цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных никогда неистощимых всех ее проявлениях». И он признавался тогда: «Ежели бы мне сказали, что то, что я напишу, будут читать теперешние дети лет через двадцать и будут над ним плакать и смеяться и полюблять жизнь, я бы посвятил ему всю свою жизнь и все свои силы» [26].

Немало таких произведений создал Толстой. Почетное место среди них занимает «Война и мир», посвященная одной из губительнейших войн XIX века, но утверждающая идею торжества жизни над смертью, мира над войной. Вот почему великая книга «Война и мир» победно прошла через целый век и останется жить в веках.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЗАМЫСЕЛ И ЛЕГЕНДА О НЕМ (стр. 5 – 11)

[1] *Л. Н. Толстой*. Полное собрание сочинений. (Юбилейное издание.) М., 1928—1958. Т. 15, стр. 241; т. 13, стр. 54.

[2] См. работы о «Войне и мире»: *А. Е. Грузинский*. Вступительная статья к черновым текстам «Войны и мира».— «Новый мир», 1925, № 6; *Б. М. Эйхенбаум*. Лев Толстой. Шестидесятые годы. Л.—М., 1931, ч. 4; *Л. Мышковская*. Герои «Войны и мира».—«Литературная учеба», 1940, № 12, стр. 120; *С. П. Бычков*. Народно-героическая эпопея Л. Н. Толстого. М., 1949, стр. 6—7; *Г. А. Волков*. Вступительная статья к черновым текстам «Войны и мира».—«Литературное наследство», № 35—36. М., 1939, стр. 286; *Он же*. Как писал Толстой «Войну и мир».—«Литературная газета», 1940, № 57 от 17 ноября; *А. М. Лапин*. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир». (Эволюция замысла и образы романа.)— «Русский язык в нерусской школе». Методический сборник. Вып. 6. Баку, 1952; *С. П. Бычков*. Роман «Война и мир»— народно-героическая эпопея.— В сб.: Творчество Л. Н. Толстого. М., АН СССР, 1954, стр. 130—131, 135; *Он же*. Л. Н. Толстой. Очерк творчества. М., 1954, стр. 131; *С. И. Леушева*. «Война и мир» Л. Н. Толстого. М., 1954; *Н. С. Родионов*. Работа Л. Н. Толстого над рукописями «Войны и мира».—«Яснополянский сборник. Год 1955-й». Тула, 1955, стр. 5—35; *И. Арденс*. К вопросам философии истории в «Войне и мире» Л. Н. Толстого.—«Ученые записки Арзамасского пед. ин-та». Арзамас, 1957, стр. 37.

Впервые эта ошибочная точка зрения на замысел «Войны и мира» опровергнута в нашем комментарии к роману в полном собрании сочинений Толстого, т. 16, стр. 19 и сл.

[3] Одним из поводов говорить о якобы происшедшем переломе в работе над романом послужила запись в дневнике 19 марта 1865 г. о замысле «написать психологическую историю романа Александра и Наполеона» (т. 48, стр. 60—61). Совершенно справедливо предположение М. А. Цявловского, что дневниковая запись не связана с «Войной и миром», а говорит о самостоятельном замысле произведения об этих деятелях (см. сб.: Толстой и о Толстом, 3, стр. 141).

[4] Т. 13, стр. 53 и 54.

[5] Нередко утверждения о якобы коренном переломе замысла после 1867 г. подкрепляют авторскими свидетельствами начального периода работы. Даже в сборнике «Л. Н. Толстой о литературе» (М., Гослитиздат, 1955) набросок вступления к одному из ранних вариантов начала романа, написанный в 1863 г., и набросок предисловия к первой части, написанный в конце декабря 1864 г., публикуются среди высказываний Толстого 1867 г.

[6] Т. 15, стр. 242.

[7] Дневник, 14 апреля 1852 г.— Т. 46, стр. 110; письмо к Т. А. Ергольской от 30 мая — 3 июня 1852 г.— т. 59, стр. 174 (перевод с франц.).

[8] *Д. Юм.* История Англии. (Толстой читал в французском переводе); *А. И. Михайловский-Данилевский.* Описание Отечественной войны 1812 года. Спб., 1839 (3-е изд. в трех томах — Спб., 1843); *Он же.* Описание войны 1813 года. В 2-х т. Спб., 1840 (2-е изд.— Спб.,1844). Быть может, впечатление от книги Михайловского-Данилевского, выраженное в дневнике словом «плоско» (т. 46, стр. 133), побудило Толстого упомянуть ее с оттенком иронии в рассказе «Набег» (т. 3, стр. 16).

[9] Т. 46, стр. 141—142.

[10] *Жозеф Мишо.* История крестовых походов. Перев. И. Бутовского, в 5 т. 1822—1836. (Изд. 2-е в 1841 г.) Рецензия: «Современник», 1852, № 12; 1853, № 6; *Я. И. Костенецкий.* Записки об Аварской экспедиции на Кавказе в 1837 г. Спб., 1851; *А. И. Михайловский-Данилевский.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. Спб., 1844. По какому изданию читал Толстой на Кавказе «Историю государства Российского», неизвестно. В Яснополянской библиотеке хранятся «Неизданные сочинения и переписка» Н. М. Карамзина (Ч. 1. Спб., 1862); Письма к И. И. Дмитриеву. Спб., 1866; Сочинения, т. III, без тит. л. Сочинения Карамзина Толстой приобрел в начале работы над «Войной и миром».

[11] Дневниковые записи этого времени, относящиеся к истории, см. т. 46, стр. 182—185, 200 и сл. до 221.

[12] «Педагогические заметки и материалы»— т. 8, стр. 377; «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы»— т. 8, стр. 109, 101—110. Целью рассказов было предварительное развитие в детях исторического интереса. В «Дневнике Яснополянской школы» есть ряд записей учителей об уроках истории; среди них запись Толстого 7 марта 1862 г., в которой отмечено чтение об Александре и Наполеоне (т. 8, стр. 470). В список исторических тем, намеченных Толстым для уроков истории, вошли: «Наполеон», «Александр» (список неопубликован). А через десять лет, создавая «Азбуку», Толстой включил в перечень задуманных рассказов на исторические темы: «1812 год» (см. т. 21, стр. 431). Воспоминания о спектакле ученика Яснополянской школы Д. Козлова (рукопись); *А. С. Панкратов.* Толстой — школьный учитель.—«Русское слово», 1912, 7 ноября.

[13] Т. 60, стр. 451; т. 48, стр. 47, 48, 50, 52; письмо С. А. Толстой к Т. А. Берс 25 февраля 1863 г. (Гос. Музей Л. Н. Толстого); письмо Толстого к М. Н. Толстой от 8 марта 1863 г.— т. 61, стр. 7; письмо к жене, август — сентябрь 1863 г.— т. 83, стр. 22; письмо А. Е. Берс к Толстому от 5 сентября 1863 г.; письмо Толстого к А. А. Толстой от 17—31 октября 1863 г.— т. 61, стр. 23—24; Дневники С. А. Толстой. Т. 1. М., 1928, стр. 80.

ТРУДНЫЕ ПОИСКИ (стр. 12 — 31)

Варианты начала «Войны и мира» представлены рукописями 40—51. См.: Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого. М., 1955, стр. 105—109 (В дальнейших ссылках: Описание.) Варианты опубликованы в т. 13, стр. 58—198 не вполне точно и в ошибочной последовательности. На основе данной работы они опубликованы в «Литературном наследстве», т. 69, кн. первая. М., 1961, стр. 291—396. Приведенные в этой главе отрывки ранних набросков цитируются по последней публикации, либо по рукописям.

[1] Т. 12, стр. 92.

[2] Имя француженки в этом варианте неустойчиво: то Enitienne, то Silienne. Компаньонку матери Толстого, отчасти послужившую прообразом этой француженки, звали Henitienne.

[3] О седьмом варианте начала А. Е. Грузинский высказал много правильных предположений. Однако ему не удалось подобрать полностью всю рукопись, и потому, очевидно, он сделал ошибочный вывод, будто при создании этого варианта интересы «мира» все еще заметно перевешивали элементы «войны» (см. «Новый мир», 1925, № 6, стр. 12—14). Трудно понять также, что имел в виду Н. С. Родионов, говоря, что «этот вариант начала был написан еще тогда, когда Толстой недолгое время идеологически стоял на аристократических позициях», и что в этом варианте «исторические события и сражения даются именно как фон, на котором действуют персонажи романа» (Яснополянский сборник. Год 1955-й. Тула, 1955, стр. 22).

[4] В процессе создания данной рукописи этот персонаж именуется то Простой, то Толстой.

[5] Дневники С. А. Толстой, т. 1, стр. 113.

[6] Т. 10, стр. 86.

[7] Записная книжка, 25 июня/7 июля 1857 г.— т. 47, стр. 213.

[8] Цитируются названные выше работы о «Войне и мире» С. П. Бычкова, А. М. Лапина, С. И. Леушевой, Н. С. Родионова.

[9] Опубликованы в т. 13, стр. 13—21.

[10] Письмо к М. С. Башилову от 4 апреля 1866 г.— т. 61, стр. 134.

„ВОЙНА И МИР" В ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ (стр. 32 — 70)

Ранняя полная редакция романа представлена следующими рукописями: № 51—65 — к первой части первого тома; № 69—102 — ко второй части первого тома; № 103—106 — содержат текст, соответствующий т. I, ч. 3 — т. II, ч. 2 (от Аустерлица до Тильзита включительно); № 107 — содержит текст, соответствующий т. II, ч. 3 — до конца романа в его ранней редакции. Все приведенные черновые тексты цитируются по этим рукописям.

[1] «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят».— т. 8, стр. 312.

[2] Письмо к А. А. Толстой, начало августа 1861 г.—т. 60, стр. 405.

[3] *М. Т. Яблочков.* Дворянское сословие Тульской губернии. Т. V. Ч. 1. Статья «Дело гр. Л. Н. Толстого». Тула, 1903.

[4] «Рассвет», 1859, т. IV, № 7, отд. II, стр. 23; *Толстой.* О значении народного образования.— т. 8, стр. 405; Записная книжка, 16/28 марта 1861 г.—т. 48, стр. 82; О методах обучения грамоте.— т. 8, стр. 127.

[5] Дневник, 2 августа 1855 г.— т. 47, стр. 58; Прогресс и определение образования.— т. 8, стр. 345.

[6] Декабристы.— т. 17, стр. 30.

[7] См. т. 7, стр. 181—294 и комментарий, стр. 390.

[8] Письмо к А. А. Толстой от 17—31 октября 1863 г.— т. 61, стр. 23—24.

[9] *П. И. Бирюков.* Лев Николаевич Толстой. Биография. Т. 1. М., 1906, стр. 397.

[10] Письмо С. А. Толстой к мужу от 25 ноября 1864 г.— В кн.: *С. А. Толстая.* Письма к Л. Н. Толстому. 1862—1910. М.— Л., «Academia», 1936, стр. 31. (В дальнейших ссылках сокращенно: Письма к Л. Н. Толстому.)

[11] Письмо к А. А. Фету от 23 января 1865 г.— т. 61, стр. 72; 28—29 октября 1864 г. Толстой сообщил М. Н. Каткову о том, что он заканчивает «первую часть романа из времен первых войн Александра с Наполеоном», и предложил ее к печа-

танию в «Русском вестнике» (т. 61, стр. 58). Через месяц была сдана в печать первая часть без последних глав, посвященных Болконским. Последние главы, опубликованные в «Русском вестнике» под заглавием «В деревне», Толстой еще исправлял и послал их в типографию 3 января 1865 г. (см. письмо к М. Н. Каткову от 3 января 1865 г.— т. 61, стр. 66).

[12] Сохранилась большая рукопись, состоявшая первоначально из 250 листов (см. Описание, стр. 122—123, № 103). Она содержит первую редакцию текста, начиная с рассказа о Пьере после смерти отца и кончая Тильзитским миром. Рукопись создавалась в конце 1864 г. Она начата в Ясной Поляне и продолжена в Москве, где Толстой пробыл с 21 ноября по 11 декабря. Внешний вид рукописи не оставляет сомнения, что это не копия с несохранившегося автографа, а именно та, создававшаяся под диктовку рукопись, о работе над которой Толстой сообщал в письмах к жене в ноябре — декабре 1864 г. (см. т. 83).

Отрывки из этой рукописи опубликованы в т. 13, стр. 472—540, № 64—78, но не первоначальный текст, а исправленный в конце 1865 г. (см. стр. 48—49). Первоначальный слой частично отражен в подстрочных примечаниях. Отрывки опубликованы не в той последовательности, в какой они входят в текст рукописи, а переставлены в соответствии с композицией окончательного текста.

[13] Описание, стр. 98, рук. 10; опубл. т. 13, стр. 25—26, № 9. Рукопись состоит из одного листа, исписанного с двух сторон; ошибочно опубликована сначала вторая страница, а затем первая, т. е. в т. 13 следует читать сначала стр. 26, затем 25.

[14] *Л. Пастернак.* Четыре отрывка из моей автобиографии.— В кн.: *Макс Осборн.* Леонид Пастернак. Варшава, 1932, стр. 72—78. Толстой вспомнил о годах создания «Войны и мира», просматривая иллюстрации Л. О. Пастернака к «Войне и миру». Три иллюстрации хранятся в Государственном Музее Л. Н. Толстого в Москве.

[15] См. также статью Е. В. Тарле в журнале «Вопросы истории», 1952, № 11.

[16] Работа над второй частью представлена рукописями 74—102 (см. Описание, стр. 115—122). В основном это отдельные отрывки большего или меньшего объема, цельной же рукописи, содержащей полный текст всей второй части, нет. Наборная рукопись не сохранилась. Почти все черновые тексты, относящиеся ко второй части первого тома, опубликованы: Юб., т. 13, стр. 293—472, № 16—63. Хронологическая последовательность появления рукописных текстов при публикации не соблюдена и в некоторых случаях спутаны слои авторской правки. В дневнике Толстого между 17 марта и 10 апреля и затем осенью 1865 г. содержатся записи о работе над второй частью (см. т. 48, стр. 61—66). О том же имеются свидетельства в письмах Толстого, в «Дневниках С. А. Толстой 1860—1891» и в ее письмах к мужу.

[17] См. Описание, стр. 97—98, № 7—9; опубл. т. 13, стр. 27—30, № 10—12.

[18] Письма к А. Е. Берсу от 3—4 ноября 1865 г., к А. А. Толстой от 14 ноября 1865 г.— т. 61, стр. 111, 114. Исследователи полагали, что в письме к А. Е. Берсу речь идет о второй части, которую Толстой в эту пору называл третьей, якобы разумея под «первой» частью то, что было напечатано в январской книжке «Русского вестника», а под «второй»— напечатанное в февральской книжке (см.: Толстой и о Толстом. 3. М., 1927, стр. 145; *Б. М. Эйхенбаум.* Лев Толстой. Кн. 2, стр. 271; Юб. т., 48, стр. 480—481; Юб. т., 61, стр. 112; Яснополянский сборник. Год 1955-й. Тула, Кн. изд., 1955, стр. 22—23). Возможность этих толкований возникла опять вследствие того, что историю писания романа пытались изучать, не обращаясь к рукописям самого романа, безошибочно отражающим ход работы писателя.

Нельзя не упомянуть, что накануне выхода январской книжки «Русского вестника» Толстой вполне ясно писал: «На днях выйдет *первая половина 1-й части*

1805 года» (см. т. 61, стр. 72). Важным документом, с абсолютной точностью доказывающим, что все напечатанное в январской и февральской книжках за 1865 г. Толстой считал *первой* частью, служит листок, на котором Толстой собственноручно наметил распределение текста романа по частям (см. стр. 49—50).

[19] Описание, стр. 123—124, рукопись 107. Большая часть рукописи опубликована разрозненными отрывками в т. 13, вар. № 98—112, 121—128, 131—152; т. 14, вар. № 160—184. (В Описании, стр. 124, при перечислении опубликованных отрывков в т. 13 ошибочно указано: 131, 152 вместо: 131—152 и не указан № 184, относящийся к той же рукописи.) При публикации в тт. 13 и 14 отбирались в основном отрывки, наиболее отличающиеся от окончательного текста, и располагались не в той последовательности, в какой они содержатся в ранней редакции романа, а в соответствии с ходом повествования законченного текста романа. Зачеркнутые автором большие отрывки даны не в контексте, а изолированно. Вследствие такого метода публикация не дает ясного представления ни о полном содержании ранней редакции романа, ни о ее композиции.

[20] Ср.: *Л. Н. Толстой.* Воспоминания.— т. 34, стр. 360—361.

[21] В обращение Кутузова к войскам включены слова из басни Крылова «Волк на псарне». Это исторически верный факт. Во втором номере «Сына отечества» за 1812 г. напечатана басня Крылова. По словам одного из современников, Крылов, «собственной рукой переписав басню, отдал ее жене Кутузова, которая и отправила ее в своем письме. После сражения под Красным Кутузов прочитал басню собравшимся вокруг него офицерам и при словах: «А я, приятель, сед»—снял свою фуражку и потряс наклоненной головой». См. заметку В. Прокопенко и А. Шнейдер «История басни»—«Вечерняя Москва», 1962, № 170, 21 июля.

[22] «Русский вестник», 1865, № 1, январь и № 2, февраль; 1866, № 2—4, февраль — апрель. В 1866 г. обе части вышли отдельным оттиском: «Тысяча восемьсот пятый год». Графа Л. Н. Толстого. В университетской типографии. Цензурное разрешение первой части 11 июня 1866 г., второй — 12 марта 1866 г.

[23] Письмо к А. А. Фету от 10—20? мая 1866 г.— т. 61, стр. 139.

[24] Проект договора опубликован в т. 61, стр. 163—164.

[25] См.: *Н. Н. Апостолов.* Материалы по истории литературной деятельности Л. Н. Толстого.—«Печать и революция», 1924, кн. 4, стр. 99; *Б. М. Эйхенбаум.* Лев Толстой. Шестидесятые годы. Л., 1931, часть четвертая; *Я. Билинкис.* О творчестве Толстого. Л., 1959, стр. 225, 226; *Н. Н. Арденс.* Творческий путь Л. Н. Толстого. М., 1962, стр. 152, 246—253; *В. В. Ермилов.* Толстой-художник и роман «Война и мир». М., 1961, стр. 15 и сл.

[26] Письмо к Н. Н. Страхову от 25 ноября 1870 г.— т. 61, стр. 242.

[27] Следует отметить также пословицу, выписанную Толстым из сборника В. Н. Даля: «Міръ жнет, а рать кормится» (рукопись 31). Вряд ли можно объяснить это только особенностями написания Толстым этого слова или случайностью. В рукописях «Войны и мира» множество раз встречающееся слово мир, как противопоставление войне, Толстой, как правило, писал через «и», а в тех случаях, когда в слово мир вкладывалось понятие: весь свет, вселенная, весь народ,— Толстой писал его, как требовалось по орфографии того времени, через «i».

[28] Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Изд. 4. М., 1860, т. 1; *И. Радожицкий.* Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. М., 1835, т. 1.

[29] *П.* «Шестой том романа «Война и мир», сочинение гр. Л. Н. Толстого» — «Петербургская газета», 1870, № 2.

[30] *Л. Н. Толстой.* «Война и мир». Т. 1. М., 1913.

[31] Письмо к Джону Кенворти от 27 июня 1896 г.— т. 63, стр. 424; Дневник, 21 января 1890 г.— т. 51, стр. 13.

ПУТЬ К ЗАВЕРШЕНИЮ РОМАНА (стр. 71—151)

[1] Письмо к М. С. Башилову от 31 мая 1867 г.— т. 61, стр. 170.

[2] Исправленный Толстым экземпляр оттиска «Русского вестника», служивший наборной рукописью первых двух частей первого тома, сохранился далеко не полностью (см.: Описание, стр. 124—125, № 108—111), корректуры вовсе не сохранились. Все разночтения между журнальным текстом и окончательным опубликованы в т. 9, стр. 359—493.

[3] «Произведение решительно меняет свой первоначальный облик: из семейно-исторического романа типа «Тысяча восемьсот пятого года» оно в результате идейного обогащения превращается на завершающих стадиях работы в эпопею огромного исторического масштаба» (*С. П. Бычков.* «Война и мир»— народно-героическая эпопея».— В сб.: Творчество Л. Н. Толстого. М., АН СССР, 1954, стр. 135). «Зараженное семейство» и «1805 год» являются вершиной выражения сословных интересов писателя» (*С. П. Бычков.* «Л. Н. Толстой. Очерк творчества». М., 1954, М., стр. 123).

[4] Письмо к П. И. Бартеневу от 10 августа 1867 г.— т. 61, стр. 175. Кроме сокращений текста, изменено было распределение первой части на главы: в журнальном тексте 38 глав, в отдельном издании 25. В статье «Война и мир»— народно-героическая эпопея» С. П. Бычков, видимо, механически сопоставляя количество глав «Русского вестника» (38) и окончательного издания (25), делает ошибочный вывод, будто при правке журнального текста первой части «выброшено двенадцать глав» (см. сб.: Творчество Л. Н. Толстого. М., АН СССР, 1954, стр. 135).

[5] Последовательное описание рукописей, относящихся к каждому тому, см.: Описание, стр. 125—161, № 113—262. Там же указана публикация отдельных отрывков в тт. 13—15. Тексты из черновых редакций цитируются непосредственно по рукописям; из окончательного текста — по изданию «Войны и мира» в 20-томном собрании сочинений Л. Н. Толстого (М., Гослитиздат, 1962—1963, тт. 4—7).

[6] Этому вопросу посвящена статья доктора-психиатра Г. О. Берштейн (не опубликована).

[7] Письмо А. А. Фета к Толстому от 16 июля 1866 г.— В кн.: *Л. Н. Толстой.* Переписка с русскими писателями. М., 1962, стр. 264.

[8] *С. А. Берс.* Воспоминания о графе Л. Н. Толстом. Смоленск, 1894, стр. 49—50. С. А. Берс ошибочно датирует поездку в Бородино 1866 годом; ошибочно также его указание, будто Толстой начертил план сражения. Толстой начертил тогда план Бородинского поля. Записи, сделанные на Бородинском поле, опубликованы в т. 13, стр. 39—40, № 24. Письмо к С. А. Толстой от 27 сентября 1867 г.— т. 83, стр. 152, 153.

[9] Т. 15, стр. 241.

[10] Сохранилось 425 листов рукописей и корректурных гранок эпилога (см.: Описание, стр. 153—161, № 224—262), причем из них только 113 листов относятся к повествованию о жизни действующих лиц романа после окончания войны 1812 г., а остальные 312 листов содержат рассуждения историко-философские, тогда как в законченном виде обе части эпилога по объему почти равны. Не удается установить точно хронологическую последовательность создания всех рукописей второй части эпилога; лишь для некоторых определяется их точное место в творческом процессе. Первый полный вариант эпилога опубликован в т. 15, стр. 193—204, № 307. Другие черновые варианты к отдельным главам эпилога опубликованы там же, стр. 185—332, № 305—362, не всегда в правильной последовательности их создания.

[11] *Г. А. Русанов.* Поездка в Ясную Поляну 24—25 августа 1883 г.— В кн.: Толстовский ежегодник 1912 года, стр. 63.

[12] Письмо к А. А. Фету от 10 мая 1869 г.— т. 61, стр. 216—217.

[13] Письмо к М. П. Погодину от 21—23 марта 1863 г.— т. 61, стр. 195.

ЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ (стр. 152—327)

[1] О прототипах героев «Войны и мира» см.: *П. И. Бирюков.* Лев Николаевич Толстой. Биография. Т. 2. М., 1908 (последнее издание: Биография Л. Н. Толстого. Т. 2. М.— П., ГИЗ, 1923); *К. В. Покровский.* Источники романа «Война и мир».— В кн.: «Война и мир». Сборник. Под ред. В. П. Обнинского и Т. И. Полнера. М., «Задруга», 1912, стр. 113—128; *Н. Н. Апостолов.* Материалы по истории литературной деятельности Л. Н. Толстого.—«Печать и революция», 1924, кн. 4, стр. 96—98; *Н. Н. Апостолов.* Лев Толстой над страницами истории. М., 1928; *Б. М. Эйхенбаум.* Лев Толстой. Книга вторая. Шестидесятые годы. Л.— М., 1931, стр. 262—266; *Н. Н. Гусев.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954, главы 1, 2 и др.; *Э. Е. Зайденшнур.* Комментарий к «Войне и миру»— т. 16, стр. 135—138; *Н. Н. Арденс.* Творческий путь Л. Н. Толстого. М., 1962, стр. 189 и сл.

[2] *А. Мошин.* Ясная Поляна и Васильевка. П., 1904, стр. 22 и 31; письмо к А. А. Толстой от 4 февраля 1866 г.— т. 61, стр. 128; письмо к С. А. Толстой от 29 ноября 1864 г.— т. 83, стр. 63.

[3] *Л. Н. Толстой.* Воспоминания — т. 34. стр. 349—354. См. также книгу С. Л. Толстого «Мать и дед Л. Н. Толстого» (М., «Федерация», 1928) и статью Р. Б. Заборовой «Архив М. Н. Толстой. Новые материалы»—«Яснополянский сборник». Тула, 1960, стр. 166—184.

[4] *П. И. Бирюков.* Лев Николаевич Толстой. Биография. т. 2. М., 1908, стр. 32.

[5] Т. 48, стр. 50; письмо к Т. А. Берс от 1—3 января 1864 г.— т. 61, стр. 31; письмо к М. С. Башилову от 8 декабря 1866 г.— т. 61, стр. 152, 153.

[6] *Т. А. Кузминская.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула, 1958.

[7] «Несколько слов по поводу книги «Война и мир»— т. 16, стр. 9.

[8] Письмо д'Анкона к Толстому от 3 ноября 1901 г.—«Литературное наследство», т. 75, кн. 1. М., 1965, стр. 347—348; письмо А. Н. Веселовского от 8 января 1902 г.— В кн.: Яснополянский сборник. 1910—1960. Тула, 1960, стр. 141; ответ Толстого — т. 73, стр. 201; *A. Thiers.* Histoire du Consulat et de l'Empire. Vol. V. Paris, 1845; *A. d'Ancona.* Sepione Piattoli e la Polonia. Firenze, 1915; *Джузеппе Берти.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959; *С. Д. Сказкин.* Некоторые новые данные об одном из персонажей «Войны и мира» Л. Н. Толстого.—«Вопросы истории», 1962, № 9, стр. 199—201. *Э. Г. Бабаев.* Пролог «Войны и мира».— В кн.: Л. Н. Толстой. Т. VI. Горький, 1966. По черновикам, Пьер увлекся изучением «проекта вечного мира», написанного аббатом Морпо.

[9] «Русский архив» 1866, столб. 838. В примечании указано, что «любопытная» биография Мудрова напечатана в «Биографическом словаре профессоров Московского университета» (М., 1855, ч. 2); «Русский архив» за 1866 год сохранился в Яснополянской библиотеке; *В. Н. Смотров.* Мудров (1776—1831). М., 1947. См. также *А. Г. Гукасян.* Мудров — основоположник отечественной внутренней медицины.— В кн.: *М. Я. Мудров.* Избранные произведения. М., 1949, стр. 63.

[10] Письмо к Л. И. Волконской от 3 мая 1865 г.— т. 61, стр. 80; Несколько слов по поводу книги «Война и мир» — т. 16, стр. 9.

[11] Записная книжка, июль 1856 г.— т. 47, стр. 193.

[12] В Яснополянской библиотеке сохранился «Вестник Европы» за 1804 год, где в июльском номере напечатана статья: «Гердер. Человек сотворен для ожидания бессмертия». Быть может это и подсказало Толстому мысль ввести в роман накануне Шенграбенского сражения беседу офицеров о бессмертии и именно в связи с прочитанной в прошлогоднем номере журнала статьей.

[13] В архиве Толстого сохранились писарские копии нескольких масонских рукописей. Среди них «Обряд принятия при ученической степени свободных камен-

щиков». По этой рукописи создан весь ритуал приема Пьера в масонскую ложу. В рукописи пометы Толстого; отчеркнутые им места почти дословно вошли в роман.

[14] Письмо к П. И. Бирюкову от 6 марта 1897 г.— т. 70, стр. 49.

ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА (стр. 328 — 373)

[1] Список книг, которыми Толстой пользовался при работе над «Войной и миром» см. в т. 16, стр. 141—145.

[2] Письмо Толстого к жене от 27 ноября 1864 г.— т. 83, стр. 59 и 60.

[3] Счет книжного магазина опубликован в т. 16, стр. 153—154.

[4] Письмо Е. А. Берс к Толстому от 14—15 сентября 1863 г. впервые опубликовано в указанной выше книге Б. М. Эйхенбаума, стр. 227—228; письмо А. Е. Берса к Толстому, октябрь 1863 г.; письма М. А. Волковой к В. И. Ланской частично напечатаны в «Русском архиве» 1872, декабрь, полностью — в «Вестнике Европы» (1874, № 8—12) под заглавием «Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской».

[5] См. письмо С. А. Толстой к С. А. Берсу от 19 ноября 1872 г.— В кн.: *С. А. Берс.* Воспоминания о Л. Н. Толстом. Смоленск, 1894, стр. 45.

[6] См. т. 15, стр. 211—212.

[7] Письмо к А. А. Толстой от 14 ноября 1865 г.— т. 61, стр. 116.

[8] «Вестник Европы», 1804, ч. XIV, № 6, стр. 146, 149, 150, 240; т. 13, стр. 212.

[9] Так было в журнальном тексте.

[10] *С. Жихарев.* Записки современника с 1805 по 1819 год. Часть 1. Дневник студента. Спб., 1859, запись 29 мая 1906 г.

[11] *П. Кичеев.* Из семейной памяти. Рассказ первый. А. В. Марков.— «Русский архив», 1866, стлб. 185—203.

[12] *Н. Ахшарумов.* «Война и мир», сочинение графа Л. Н. Толстого. Разбор. Спб., 1868, стр. 20, 21.

[13] *Thiers.* Histoire du Consulat et de l'Empire. Vol. XIV, p. 24—25. Здесь и далее цитаты из «Истории» Тьера даются в переводе с французского.

[14] *Там же*, стр. 288—290.

[15] *М. А. Корф.* Жизнь графа Сперанского. Спб., 1861; Дружеские письма графа М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 г., с историческими пояснениями, составленными К. Масальским. Спб., 1862; «Война и мир», т. 2, ч. 3, гл. IV.

[16] См. указанную книгу Корфа, т. 1, стр. 272—283 и «Войну и мир», т. 2, ч. 3, гл. XVIII.

[17] Вступление к тринадцатому варианту начала; см. стр. 14—15.

[18] Цитируется по русскому переводу, опубликованному в «Живописной библиотеке».

[19] *Л. Н. Толстой.* Прогресс и определение образования, черновая редакция.— т. 8, стр. 444.

[20] *Л. Н. Толстой.* Несколько слов по поводу книги «Война и мир»— т. 16, стр. 13.

[21] «Вестник Европы», 1804, ч. XVIII, № 23, стр. 239; т. 13, стр. 177—181.

[22] Письмо приведено в книге А. И. Михайловского-Данилевского «Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году» (Спб., 1844, стр. 41—43); т. 13, стр. 315—317, 426—433.

[23] Использованный Толстым отрывок приведен в книге М. И. Богдановича «История Отечественной войны 1812 года». Т. 1. Спб., 1859, стр. 530; «Война и мир», т. 3, ч. 2, гл. IV.

[24] Т. 15, стр. 54; «Война и мир», т. 4, ч. 2, гл. IX — X. Отмеченная Толстым
цитата из донесения генерал-интенданта, приведенная Михайловским-Дани-
левским на стр. 137, не вошла в окончательный текст романа из-за ошибки пере-
писчика. Вместо указанного Толстым документа переписчик скопировал приведен-
ное на той же странице свидетельство очевидца о том, что солдаты питались мясом
ворон и кошек (см. т. 15, стр. 172). Правя копию рукописи, Толстой вычеркнул
текст, не нужный ему. Отмеченная же Толстым «выноска, стр. 137» следующая:
«Ресурсы, полученные в результате разрушения Москвы были скоро исчерпаны;
фураж редко удается достать, а раздобывание его в районах более отдаленных,
чем за две мили, группы казаков затрудняют и делают опасным».

[25] «Война и мир», т. 4, ч. 2, гл. X.

[26] В черновом варианте приведен полный текст диспозиции (см. т. 13, стр. 520 и 540). Текст диспозиции выписан из книги А. И. Михайловского-Данилевского «Описание первой войны...» (стр. 173—174).

[27] «Война и мир», т. 3, ч. 3, гл. II; т. 4, ч. 4, гл. X.

[28] «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы» — т. 8, стр. 109.

[29] П. сьмо И. П. Борисова к А. А. Фету от 24 марта 1868 г.; «Русский архив», 1868, № 3 (т. 16, стр. 7—16). Четвертый том «Войны и мира» вышел, так же как и третий номер «Русского архива», в марте 1868 г.

[30] Т. 15, стр. 240, 88.

[31] Т. 16, стр. 10.

[32] «Вестник Европы», 1812, № 23 и 24. В Яснополянской библиотеке среди книг, которыми Толстой пользовался при работе над романом, находится отдельный оттиск с текстом поэмы; «Русский архив», 1866, стлб. 225.

[33] Т. 15, стр. 52—53. В окончательный текст это вступление не вошло. Быть может, виною была рассеянность переписчика. Копируя автограф, в который входил этот текст, С. А. Толстая пропустила всю страницу, вписав в копию только первые три слова. Получился такой бессмысленный текст: «...наступление было назначено на 5-е октября. О, какое счастье 4-го числа утром против воли Кутузов подписал диспозицию». Работая над копией, Толстой зачеркнул нелепо врывавшиеся слова «О, какое счастье», которыми ранее начиналось авторское отступление.

[34] *А. И. Михайловский-Данилевский.* Описание первой войны..., стр. 181—182.

[35] См.: *Л. М. Мышковская.* Преображение материала. — «Молодая гвардия», 1957, № 3, стр. 216. См. также ее книгу «Мастерство Л. Н. Толстого». М., 1958, стр. 133.

[36] Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. 1. М., 1865, стр. 34—41; «Война и мир», т. 1, ч. 3, гл. XVI.

[37] Этот факт впервые отметил К. Покровский в указанной статье, и затем он повторялся в других работах об источниках «Войны и мира»; «Война и мир», т. 1, ч. 3, гл. XIV — XV.

[38] В рукописях имеются точные ссылки на эти сочинения, а в сохранившихся
в Яснополянской библиотеке книгах много отметок на страницах, посвященных
Бородинскому сражению. В указанной статье Покровского, а также в работах
Н. Н. Апостолова (Арденса) и других перечислено множество фактов, заимствован-
ных Толстым из источников, и указаны сцены романа, построенные на материале
этих книг.

[39] Т. 14, стр. 90.

[40] *М. И. Богданович.* История Отечественной войны 1812 года. Т. 2. М., 1859, стр. 152—153.

[41] *И. Радожицкий.* Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. М., 1835, стр. 142.

[42] *М. И. Богданович.* История Отечественной войны 1812 года, т. 2, стр. 171; *А. И. Михайловский-Данилевский.* Описание Отечественной войны 1812 года..., т. 2, стр. 228; *Ф. Н. Глинка.* Очерки Бородинского сражения. Спб., стр. 38—39; «Война и мир», т. 3, ч. 2, гл. XXI.

[43] *И. Радожицкий.* Походные записки артиллериста..., ч. I, стр. 125—126, 131—133.

[44] *М. И. Богданович.* История Отечественной войны 1812 года, т. 2, стр. 177, 226; Записки Алексея Петровича Ермолова, М., 1865, ч. 1, стр. 201.

[45] *А. И. Михайловский-Данилевский.* Описание Отечественной войны 1812 года..., т. 2, стр. 222, 232, 269—270. Хотя Толстой не раз наравне с другими книгами осуждал сочинения Михайловского-Данилевского, однако отдавал им предпочтение, а по сравнению с сочинениями Богдановича оценил их даже как «даровитое произведение» (т. 15, стр. 88). Военные историки современники Толстого были противоположного мнения. Михайловского-Данилевского «никто и не считает за историка»,— писал Н. Лачинов в «Русском инвалиде» (1868, № 96). М. Богданович называл его «баснописцем в истории» («Голос», 1868, № 129). Нельзя не отметить, что советские военные историки, резко осуждая историков Богдановича, Тьера, Бернгарди, выделяют Михайловского-Данилевского. Отмечая в его работах принципиальные ошибки, они признают ценностью его работ, во-первых, то, что он опирается главным образом на подлинные документы, на свидетельства участников событий, т. е. в основном на русские отечественные источники, и, во-вторых, то, что он «объективнее своих русских предшественников и тем более иностранных фальсификаторов» освещает ход событий войны и особенно роль Кутузова (см.: *П. А. Жилин.* Контрнаступление Кутузова в 1812 году. М., 1950, стр. 16—17).

[46] *М. И. Богданович.* История Отечественной войны 1812 года, т. 2, стр. 219—220, 547—549.

[47] Об образе Кутузова в «Войне и мире «см. статьи: *Н. Н. Апостолов (Арденс).* К вопросам философии истории в «Войне и мире» Л. Н. Толстого.—Ученые записки Арзамасского гос. пед. ин-та. Вып. 1. Арзамас, 1957, стр. 88—95; *А. Скафтымов.* Образ Кутузова и философия истории в романе Л. Толстого «Война и мир».— «Русская литература», 1959, № 2, стр. 72—94.

[48] Рапорт Кутузова приведен в книгах Богдановича, т. 2, стр. 229—230 и Михайловского-Данилевского, т. 2, стр. 287—288.

[49] *А. И. Михайловский-Данилевский.* Описание Отечественной войны..., т. 2, стр. 268—269; *И. Радожицкий.* Походные записки..., ч. 1, стр. 144; *Thiers.* Histoire du Consulat et de l'Empire. Vol. 14, стр. 346.

[50] *И. Радожицкий.* Походные записки..., ч. 1, стр. 141—144, 148, 150.

[51] *М. И. Богданович.* История Отечественной войны 1812 года, т. 2, стр. 255; Записки А. П. Ермолова..., стр. 204.

[52] Письмо неизвестного корреспондента к Лонгинову от 16 января 1813 г. Опубликовано Н. Дубровиным в книге: Отечественная война в письмах современников. Спб., 1882, стр. 451.

[53] *М. И. Богданович.* История Отечественной войны 1812 года, т. 2, гл. XXV; *А. И. Михайловский-Данилевский.* Описание Отечественной войны 1812 года, т. 2, гл. XV. Много сведений о Растопчине и его деятельности в Москве Толстой почерпнул из рассказа «О графе Ф. В. Растопчине и событиях 1812 года в Москве» («Чтения в императорском обществе истории и древностей российских», 1861, кн. 4); из воспоминаний А. А. Кононова (там же, 1860); из рассказа Бестужева-Рюмина (там же); из «Записок о 1812 годе» С. Глинки (Спб., 1836); из писем А. Я. Булгакова («Русский архив», 1866).

[54] *И. Радожицкий.* Походные записки...», ч. 1, стр. 14; «Война и мир», т. 4, ч. 2, гл. X; ч. 3, гл. XVIII; ч. 4, гл. V.

[55] Письмо М. С. Сухотина к В. Г. Черткову от 6 июля 1901 г. Цитируется по копии, хранящейся в Музее Л. Н. Толстого.

[56] «Война и мир», т. 4, ч. 4, гл. IV.

[57] Толстой, очевидно, пользовался не подлинными работами Вильсона, изданными в 1860 и 1861 гг. в Лондоне, а изложением их в статье Ю. Толстого, опубликованной в «Русском вестнике» (1862, № 1), под заглавием «Записки сэр Роберта Вильсона о нашествии Наполеона на Россию и об отступлении его армии».

[58] Толстой имеет в виду то место из книги Богдановича (т. 3, стр. 145), где дословно переписан текст из книги Бернгарди (т. 2, стр. 319) о положении дел после Красненских сражений. В экземплярах обеих книг в Яснополянской библиотеке соответствующие страницы отмечены загнутыми уголками.

[59] *А. Куницын.* Замечания на нынешнюю войну.— «Сын отечества», 1812, № VIII стр. 49—53.

[60] *Л. Н. Толстой.* Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана— т. 30, стр. 18—19.

О работе Толстого над историческими сочинениями см.: *К. Покровский.* Источники романа «Война и мир».— В сб.: «Война и мир» М., «Задруга», 1912, стр. 113—128; *Н. Н. Апостолов.* Материалы по истории литературной деятельности Л. Н. Толстого.— «Печать и революция», 1924, кн. 4, стр. 96—98; *Он же.* Лев Толстой над страницами истории. М., 1928, стр. 28—205; *В. Шкловский.* Материал и стиль в романе Толстого «Война и мир». М., 1928. (Выводы, сделанные в этой книге, автор сам впоследствии признал ошибочными,— см. его книгу: Заметки о прозе русских классиков. Изд. 2-е. М., 1962.); *Л. М. Мышковская.* Мастерство Л. Н. Толстого. М., 1958, стр. 122—203; *Н. Н. Гусев.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957, гл. тринадцатая. Составление по возможности полного свода заимствованных Толстым из исторических сочинений фактов — работа нужная, и она стоит на очереди.

„ВОЙНА И МИР" ЗА СТО ЛЕТ (стр. 374 – 390)

[1] Письмо к Н. Н. Страхову от 1 октября 1872 г.— т. 61, стр. 324.

[2] Обзор первых откликов в печати и отзывов современников о «Войне и мире» см. в книге: *Н. Н. Гусев.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957, стр. 813—876.

[3] Список разночтений приведен в томах 9—11 полного собрания сочинений, в разделе «Печатные варианты».

[4] Письмо к Н. Н. Страхову от 13 сентября 1871 г.— т. 61, стр. 261; к А. А. Толстой, конец января — начало февраля 1873 г.— т. 62, стр. 8, 9.

[5] *А. Б. Гольденвейзер.* Вблизи Толстого, I, стр. 20; письмо к Н. Н. Страхову от 25 марта 1873 г.— т. 62, стр. 17.

[6] Письма И. С. Тургенева к И. П. Борисову от 16/28 марта 1865 г.; к А. А. Фету от 16/28 августа 1871 г.; к Эдмонду Абу от 20 января 1880 г.— Сочинения И. С. Тургенева. Л., 1933, т. 12, стр. 405—407. Воспоминания Н. А. Островской о Тургеневе.— «Тургеневский сборник», Петроград, 1915, стр. 99.

[7] Сохранились только два последних тома издания 1869 г., выправленных Толстым для издания 1873 г. Исправления Толстого см. в статье: *Н. Н. Гусев.* Авторские исправления в тексте «Войны и мира».— «Летописи Гос. Литературного музея», кн. 12. М., 1948, стр. 193—199.

[8] См. письма Толстого к Н. Н. Страхову 1873 г.— т. 62, стр. 25, 30, 34, 45, 46, 49; письма Н. Н. Страхова к Толстому 1873 г. в кн.: Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым 1870—1894. Спб., 1914, стр. 32—34.

[9] См.: Толстой в 1880-е годы. Записки И. М. Ивакина.—«Литературное наследство», т. 69, кн. 2. М., 1961, стр. 55 и 72; письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 23 сентября 1885 г. (ГМТ).

[10] В последние годы неожиданно был поднят вопрос о признании окончательным текстом «Войны и мира» издание 1873 г. В связи с этим возникла острая полемика. См.: *Н. К. Гудзий*. Что считать каноническим текстом «Войны и мира».—«Новый мир», 1963, № 4; Ответ Н. Н. Гусева.—«Вопросы литературы», 1964, № 2; *В. Жданов и Э. Е. Зайденшнур*. Еще раз об издании сочинений Л. Н. Толстого.—«Русская литература», 1964, № 2; Ответ Н. К. Гудзия.—«Русская литература», 1964, № 4; *Н. Н. Гусев*. Снова о каноническом тексте «Войны и мира».—«Русская литература», 1965, № 1.

[11] См. письмо Толстого к В. Г. Черткову от 28—29 июня 1886 г.— т. 85, стр. 362 и 363; письмо П. И. Бирюкова к В. Г. Черткову от 23 июня 1886 г. (ГМТ).

[12] Впервые этот вопрос был поставлен Н. Н. Гусевым в статье: Где искать канонический текст «Войны и мира».— В сб.: Толстой и о Толстом, вып. 2. М., 1926, стр. 132—135.

[13] См. т. 9, изд. 1937, стр. VIII — XIII.

[14] См. статью: *Э. Зайденшнур*. По поводу текста «Войны и мира».—«Новый мир», 1959, № 6, стр. 278—282; *Л. Н. Толстой*. Собрание сочинений. В 20-ти т. Т. 7. М., 1963 стр. 420—436.

[15] *П. Павленко*. Отечественная война 1812 года.—«Красная звезда», 1942, 13 октября; *К. Тренев*. Яркий патриотический спектакль.—«Известия», 1942, 11 октября; «Знамя», 1944, № 3, стр. 130; *А. А. Яблочкина*. 75 лет в театре. М., ВТО, 1960, стр. 277; «Известия», 1942, № 240, 11 октября.

[16] *Конст. Федин*. Распахнутые окна (из бесед о писательском труде).—«Знамя», 1965, № 8, стр. 201; см. также: «Вопросы литературы», 1965, № 8, стр. 161.

[17] См. «Вечерняя Москва», 1942, 17 июня, 20 января; «Смена», 1943, 3 февраля; «Вечерняя Москва», 1943, 8 февраля.

[18] См.: *Ф. Булгаков*. Л. Н. Толстой и критика его произведений русская и иностранная. Спб., 1899, стр. 112—113; *Жан Ришар Блок*. Толстой и добровольное служение.—«Europe», 1928, № 67, стр. 521—532; *L. Aragon*. Litteratures soviétiques. Paris, 1955, p. 16 (цит. по книге Т. Л. Мотылевой «О мировом значении Л. Н. Толстого». М., 1957, стр. 494).

[19] См.: «Вечерняя Москва», 1943, 19 марта; «Литература и искусство», 1943, 3 июля; *И. И. Майский*. Дни испытаний. Из воспоминаний посла.—«Новый мир», 1964, № 12, стр. 179.

[20] См.: *А. Шифман*. Лев Толстой и Восток. М., 1960, стр. 426—429.

[21] См. «Советская Киргизия», 1946, 25 октября, «Бакинский рабочий», 1948, 17 июля; «Советская Эстония», 1943, 9 сентября.

[22] См. «Советская культура», 1965, 29 апреля.

[23] Письмо Толстого Уильяму Ролстону от 27 октября 1878 г.— т. 62, стр. 448.

[24] *Юрий Нагибин*. Вечные спутники.—«Пионерская правда», 1962, 7 ноября.

[25] *К. Симонов*. Солнечная вершина русской литературы.—«Красная звезда», 1960, 20 ноября.

[26] Письмо к П. Д. Боборыкину, июль — август 1865 г.— т. 61, стр. 100.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Эвелина Ефимовна Зайденшнур

«ВОЙНА И МИР» Л. Н. ТОЛСТОГО

Утверждено к печати Ученым советом
Государственного Музея Л. Н. Толстого

Редактор Э. Б. Кузьмина

Художник М. Шевцов

Художественный редактор Б. Б. Александров

Технический редактор Н. И. Аврутис

Корректор И. И. Поршнева

Сдано в набор 26.XI.1965 г. Подписано к печати 25.III.1966 г.
Формат бум. $70 \times 90^{1}/_{16}$. Печ. л. 25,25(29,54). Уч.-изд. л. 26,78
Бум. л. 12,625 Кама машинномелован. А12952
Тираж 16 000. Темплан изд-ва Советск. Россия на 1965 г. № 231
Заказ 1368. Цена 1 р. 36 к.

Издательство «Книга»

Москва, К-9, ул. Неждановой, д. 8/10

Московская типография № 16

Главполиграфпрома Комитета по печати

при Совете Министров СССР.

Москва, Трехпрудный пер., д. 9

чальниковъ. Онъ

солд

Онъ направилъ

ва, у котораго ст

тузовъ намѣтилъ

ли по плечу Фр

стально послѣд

чиковъ, подъѣха

которой стояли

Онъ остановил

сказалъ: Фр

номъ. И этотъ яр

ныя лица, эти зна

шiе ихъ, все это

впечатлѣнiе. Онъ

ся. Улыбка остав

махнулъ, чтобы

тали ли ихъ др

— Вольно! ско

церовъ окружили

велъ кругомъ оф

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КНИГА»